

BOOKTRAN

**БРЕНДОН
САНДЕРСОН**

**ТАЙНЫ
КОСМЕРА**

ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ

Информация о переводчиках

Перевод и редакция: zhuzh, Anahitta, marmax и другие
Booktran, 2023 г.

Интересные новости о творчестве Брендона Сандерсона в нашей группе ВК:
www.vk.com/b.sanderson и Telegram-канале: <http://t.me/BooktranBrandonSanderson>.

Если вы хотите отблагодарить переводчиков и поддержать проект, добро пожаловать на www.booktran.ru.

*Посвящается Натану Хэтфилду,
который помог появиться Космеру*

Брендон Сандерсон
Тайны Космера

Информация о переводчиках	2
Предисловие	6
Система Села	9
Душа императора	12
Послесловие	75
Надежда Элантриса	78
Послесловие	91
Система Скадриала	93
Одиннадцатый металл	96
Послесловие	109
Алломант Джек и ямы Эльтании	111
Послесловие	124
Тайная история	126
Послесловие	216
Система Талдейна	218
Белый песок (комикс)	220
Белый песок (текст)	239
Послесловие	253
Система Тренодии	255
Тени за тишину в Адском лесу	258
Послесловие	292
Система Дроминад	294
Шестой на закате	296
Послесловие	331
Система Рошара	333
Гранетанцор	336
Послесловие	417
Система Налтиса (бонус)	419
Благодарности	420

Предисловие

Космер всегда был полон тайн.

Теперь я могу отметить несколько ключевых моментов в своем большом плане. Первый из них – Хойд. Еще в подростковые годы я выдумал человека, который соединяет миры, не имеющие представления друг о друге. Этот человек владеет тайной, о которой никто больше не догадывается. Читая книги других авторов, я помещал его куда-нибудь на задний план, воображая, что это случайный персонаж из толпы, и размышлял о закулисной истории, в которой он принимал участие.

Второй ключевой момент, который помог связать все в одно целое, – чтение последних книг цикла «Основание» Айзека Азимова. Я восхитился тем, как он объединил романы о роботах и романы цикла «Основание» в одну большую историю. Я понял, что хочу создать нечто подобное, эпик над эпиком, историю, охватывающую миры и эпохи.

И третий момент – первое появление Хойда в романе. Я вставил его в текст, переживая о том, чтобы все получилось. На том этапе моего большого плана по Космеру еще не существовало, лишь наметки того, что хочется сделать.

Тот роман – «Элантрис». Следующая книга «Драконья сталь» так и не была опубликована (она не слишком хороша). Однако в ней я проработал предысторию Хойда и предысторию целой вселенной, которую назвал Космером. «Элантрис» еще долгие годы лежал в столе, и когда издатели наконец обратили на него внимание, мой большой план был готов. Его ядром стали «Рожденный туманом», «Архив буресвета» и «Элантрис» (в этом сборнике вы найдете повести и рассказы, относящиеся ко всем трем циклам).

Наверное, большинство моих читателей не догадываются, что почти все мои работы связаны между собой тайной закулисной историей. Это меня радует. Я часто повторял, что не хочу, чтобы читатели думали, будто им необходимо перечитать полное собрание моих сочинений, чтобы насладиться очередной историей. На данный момент «Рожденный туманом» – это просто «Рожденный туманом», а «Архив буресвета» – просто «Архив буресвета». На первом плане истории самих миров¹.

Впрочем, нельзя сказать, что в книгах нет намеков. Их там предостаточно. Я собирался делать их менее заметными, особенно поначалу. Однако они полюбились многим читателям, и я понял, что не нужно скупиться на эпизоды закулисной истории.

Однако черту я пока не пересек. Все романы, повести и рассказы, которые вы читаете, создавались самодостаточными, по крайней мере, в контексте собственных миров. Но если вы копнете поглубже, можно узнать еще много интересного. Больше тайн, как сказал бы Кельсер.

Этот сборник помогает еще на шаг приблизиться к единой природе Космера. Каждая история снабжена примечаниями Крисс. Крисс – это женщина, которая пишет приложения Ars Arcanum ко всем романам. Также вы найдете в сборнике звездные карты для каждой солнечной системы. Так далеко в связывании миров я

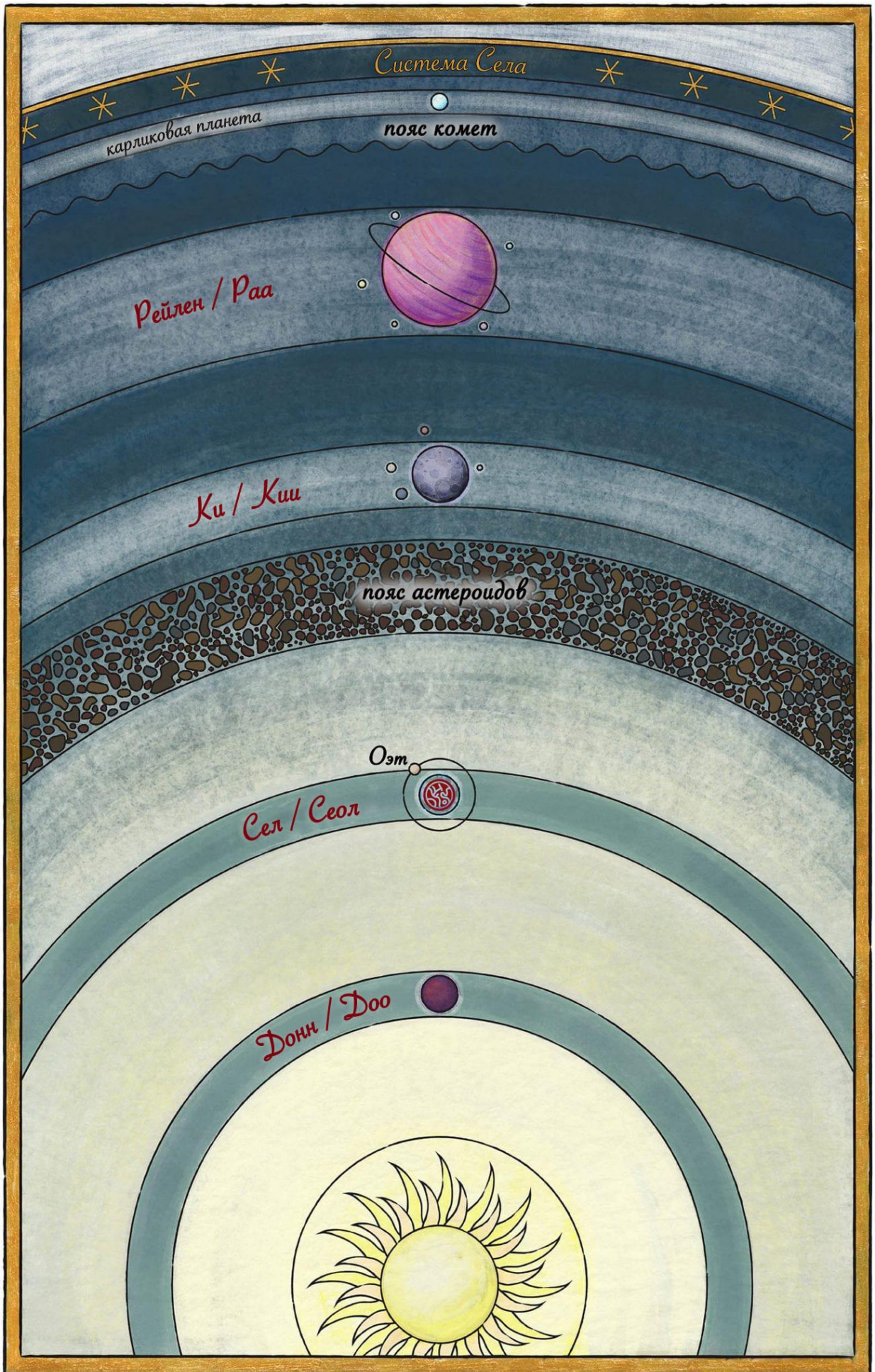
¹ К 2023 году это замечание не совсем справедливо (здесь и далее прим. пер., кроме примечаний в рассказе «Алломант Джек и ямы Эльтании»).

пока не заходил, и этот сборник прозрачно намекает на то, чего ждать в будущем – полноценных кроссоверов по Космеру.

Однако время для этого еще не пришло. Если у вас голова идет кругом, помните: большинство историй можно читать отдельно. События некоторых из них хронологически происходят после опубликованных романов, и об этом сказано в начале каждой такой истории, поэтому при желании вы легко избежите спойлеров.

Ни одна история сборника не требует целостного понимания Космера. Дело в том, что большая часть происходящего в Космере еще не раскрыта, так что никто не ждет, чтобы вы были в курсе всего.

Однако я обещаю, что в этом сборнике вы найдете не только вопросы, но и кое-какие ответы.

Система Села

Основная планета системы – Сел. На ней есть несколько империй, и что примечательно, они практически ничего не знают друг о друге. Эта неосведомленность осознанная. Каждая из трех больших областей планеты делает вид, что остальные не более чем просто отметки на карте, едва ли достойные внимания.

Такому положению дел способствует и сама планета, которая крупнее большинства других. Ее размер в 1,5 раза, а сила тяжести в 1,2 раза больше космерского стандарта². Благодаря огромным континентам и бескрайним океанам на этой планете исключительное разнообразие ландшафтов. Вы увидите и заснеженные равнины, и обширные пустыни. В свое первое посещение я сочла этот факт исключительным, поскольку тогда еще не знала, как обстоят дела на многих планетах в Космере.

Эта планета примечательна тем, что она двуосколочная. Одна из немногих в Космере, она привлекла два осколка Адональсиума – Господство и Преданность. Осколки очень сильно повлияли на развитие человеческого общества, что прослеживается в большинстве традиций и религий. Примечательно, что на все современные языки и алфавиты планеты эти два осколка повлияли напрямую.

Скорее всего, сначала осколки выбрали пассивную роль по отношению к человечеству, и общество формировалось под влиянием медленного процесса познания окружающих сил. На данный момент сложно утверждать наверняка, поскольку в далеком прошлом и Господство, и Преданность были уничтожены. Их инвестирующую – силу – расщепили, разумы растерзали, души отправили в Запределье.

Непонятно, была ли их сила обуздана сразу или, на время предоставленная сама себе, опустошала мир. Все это произошло еще до появления людей.

На данный момент значительная часть инвестирующей Господства и Преданности заключена в когнитивной сфере. Эти не имеющие ничего общего друг с другом силы называются Дор. Они пойманы в ловушку и стремятся на свободу, но вынуждены сосуществовать вместе и питают самые разнообразные формы магии на планете.

Из-за того что в когнитивной сфере существуют вполне определенные локации (в отличие от духовной, где пребывает большинство форм инвестирующей), магия на Селе очень сильно зависит от географии. Кроме того, на планете настолько усилены принципы восприятия и намерения, что язык и подобные функции напрямую формируют магию, которая вытягивается из когнитивной сферы.

² За космерский стандарт приняты параметры планеты Йолен, колыбели человечества и места, где произошел раскол Адональсиума.

Слияние языка, географии и магии настолько встроено в общую систему, что малейшие изменения в чем-то одном оказывают значительный эффект на доступ к Дор. Мне кажется, в ландшафте столько инвеституры, что в нем развилось самосознание, чего никогда не случалось на других планетах в Космере. Я не знаю, как это произошло и какие будут последствия.

Я начала задаваться вопросом, не происходит ли на Селе нечто более значительное, чем то, до чего мы додумались в наших университетах в Сребросвете. Нечто, уходящее корнями в далекое прошлое. Возможно, Айри знают больше, но они отказываются говорить на эту тему и упорно отклоняют мои просьбы о сотрудничестве.

Следует вкратце упомянуть сущностей, известных как сеоны и скейзы. Это щепки самосознающей инвеституры, у которых развилось человекоподобное поведение. Думаю, между ними и загадкой природы Села есть связь.

Остальная часть системы не имеет большого значения. Здесь есть другие планеты, но в обитаемой зоне располагается только одна, да и то с натяжкой. Она бесплодная, негостеприимная и подвержена ужасным пыльным бурям. Из-за близости к солнцу под названием Мэйш на ней чересчур жарко, даже если вы провели значительную часть жизни на Дневной стороне Талдейна.

Душа императора

Пролог

Гаотона пробежался пальцами по плотному холсту, изучая одно из величайших творений, которые он когда-либо видел. К сожалению, это была подделка.

– Девушка опасна, – бубнили голоса за спиной. – То, чем она занимается, – кощунство.

Гаотона слегка повернул полотно к оранжево-красному свету камина и прищурился. В его возрасте зрение уже не то, что раньше.

«Какая точность», – подумал он, рассматривая мазки и касаясь толстых слоев масла. Совсем как подлинник.

Сам бы он никогда не заметил огрехов: цветок слегка не там, где должен быть, луна в небе на самую малость ниже. Экспертам потребовался не один день, чтобы подробно изучить картину и обнаружить различия.

– Она одна из лучших поддельщиков среди ныне живущих. – Голоса принадлежали собратьям-арбитрам, самым могущественным чиновникам империи. – Ее слава разнеслась по всей стране. Нужно казнить ее другим в назидание.

– Нет. – У Фравы, главы арбитров, был резкий гнусавый голос. – Она ценный инструмент. Эта девушка может нас спасти. Нужно ее использовать.

«Зачем? – снова подумал Гаотона. – Зачем столь талантливому, столь великолепному мастеру заниматься подделками? Почему не создавать собственные полотна? Почему не стать истинным художником? Я должен понять».

– Да, эта девушка – воровка, – продолжила Фрава. – И занимается отвратительным искусством. Но я могу ею управлять, и ее таланты помогут нам справиться с неприятностями, в которые мы угодили.

Остальные неодобрительно заворчали. Девушка, которую они обсуждали, Ван Шай-Лу, была вовсе не простой мошенницей. Она умела изменять природу самой реальности. Отсюда следовал другой вопрос: зачем ей учиться рисовать? Разве обычная живопись не кажется заурядной в сравнении с ее загадочными талантами?

Сплошные вопросы. Гаотона обвел остальных взглядом со своего места у камина. Арбитры заговорщически сгрудились вокруг стола Фравы. Их длинные красочные одеяния переливались в свете пламени.

– Я согласен с Фравой, – сказал Гаотона.

Все посмотрели на него. Судя по хмурым взглядам, их мало интересовали его слова, но позы говорили об обратном. Авторитет Гаотона почти сошел на нет, но о нем все еще помнили.

– Приведите поддельщицу. – Гаотона поднялся. – Хочу послушать, что она скажет. Подозреваю, что управлять ею окажется гораздо сложнее, чем утверждает Фрава, но у нас нет выбора. Либо мы воспользуемся навыками этой девушки, либо утратим контроль над империей.

Ворчание стихло. Сколько лет минуло с тех пор, как Фрава и Гаотона последний раз сходились во мнениях, тем более по такому неоднозначному вопросу, как привлечь в их дела поддельщика?

Один за другим трое остальных арбитров кивнули.

– Да будет так, – тихо заключила Фрава.

День второй

Шай вдавила ноготь в один из каменных блоков темницы. Камень слегка поддался. Она растерла пыль меж пальцев. Известняк. Необычный материал для темницы, но стена не сложена из него целиком, через блок тянется лишь эта жилка.

Шай улыбнулась. Известняк. Эту маленькую жилку легко не заметить, но, если она права, ей наконец удалось определить все сорок четыре разновидности камня в стене круглой ямы-темницы. Шай опустила на колени у койки и вилкой, на которой отогнула все зубцы, кроме одного, принялась царапать заметки на деревянной ножке. Без очков приходилось щуриться.

Чтобы подделать предмет, нужно узнать его прошлое, его природу. Шай была почти готова. Впрочем, ее настроение мгновенно испортилось, когда дрожащее пламя свечи выхватило из мрака другие царапины. Эти отмечали дни в заключении.

«Время поджигает», – подумала она.

Если ее подсчеты верны, до публичной казни оставался всего один день.

Ее нервы были натянуты как струны. Один день. Оставался один день, чтобы создать духопечать и сбежать. Но у нее нет духокамня, только деревяшка, а единственный инструмент для резьбы – вилка.

Невероятно сложная задача. Но на то и расчет. Эта темница предназначалась для таких, как она: стены сложены из камней с множеством разнообразных прожилок, чтобы затруднить их подделку. Каменные блоки доставили из разных карьеров, и у каждого своя уникальная история. Шай почти ничего о них не знала, поэтому подделать их едва ли возможно. И даже если получится преобразовать камень, дальше, скорее всего, поджидают другие препятствия.

«Ночи!» Ну она и вляпалась.

Покончив с заметками, Шай поймала себя на том, что смотрит на гнутую вилку. Она отломала металлическую часть и принялась за резьбу на деревянной ручке, словно это была заготовка для духопечати.

«Шай, так не выбратся, – сказала она себе. – Нужно придумать что-то еще».

Шесть дней она искала выход: пыталась переманить на свою сторону стражников, кого-нибудь подкупить, что-нибудь разузнать о природе темницы. Пока ничего не...

Наверху открылась дверь в подземелье.

Шай вскочила на ноги, сунув ручку от вилки за пояс на спине. Неужели казнь перенесли?

По ступеням подземелья загрохотали сапоги. Шай прищурилась, разглядывая появившихся над ямой людей. Мужчина с вытянутыми чертами лица и длинными пальцами в сопровождении четверых стражников. Великий, представитель правящей в империи расы. Его сине-зеленое одеяние выдавало чиновника невысокого ранга, который выдержал экзамены на государственную службу, но не слишком высоко поднялся по карьерной лестнице.

Шай напряженно ждала.

Великий наклонился взглянуть на нее через решетку. Немного помедлив, жестом велел стражникам отпереть.

– Арбитры желают допросить тебя, поддельщица.

Шай отступила, пока они открывали потолок темницы и спускали лестницу. Потом настороженно взобралась к выходу. Приди ей в голову мысль казнить пленника пораньше, она бы заставила его думать, будто происходит нечто другое, чтобы тот не сопротивлялся. Однако, выведя из подземелья, в цепи ее не заковали.

Судя по всему, ее и правда вели в кабинет арбитров. Шай постаралась взять себя в руки. Стало быть, новый вызов. Смела ли она надеяться на благоприятную возможность? Ее не должны были поймать, но теперь уж ничего не поделаешь. Шут императора обвел ее вокруг пальца и предал, как раз когда она решила, что ему можно доверять. Он забрал поддельный Лунный скипетр, подменил им настоящий и был таков.

Дядюшка Вон учил, что всегда найдется тот, кто обведет тебя вокруг пальца. Неважно, насколько ты хорош, найдется кто-нибудь лучше. Пока помнишь об этом, уверенность никогда не перерастет в небрежность.

В прошлый раз она проиграла. А на этот раз одержит верх. Шай подавила досаду из-за того, что попалась, и настроилась воспользоваться новым шансом, в чем бы тот ни заключался. Она ухватится за него и добьется своего.

На этот раз на кону не сокровища, а ее собственная жизнь.

Стражники оказались из числа бойцов – так их нарекли великие. Раньше они называли себя мулла'дил, но их народ так давно влился в империю, что прежнее название почти забылось. Бойцы были высокими, сухопарыми, с бледной кожей и почти такими же темными волосами, как у Шай, но не прямыми и длинными, а курчавыми. Она старалась, и довольно успешно, не чувствовать себя коротышкой рядом с ними. Ее народ, май-пон, ростом никогда не отличался.

– Ты, – повернулась она к старшему бойцу, – я тебя помню.

Судя по прическе, молодой капитан нечасто надевал шлем. Великие ценили бойцов, и в их возвышении не было ничего удивительного. Этот всем своим видом выражал рвение: начищенная броня, бодрость в каждом движении. Он явно воображал себе самое блестящее будущее.

– И коня, – продолжила Шай. – Ты перекинул меня через спину своего коня, когда меня поймали. Статный белоснежный жеребец гурской породы. Красавец. Ты разбираешься в лошадях.

Продолжая смотреть прямо вперед, боец пробормотал себе под нос:

– С каким же удовольствием я прикончу тебя, девка.

«Мило», – подумала Шай.

Они добрались до императорского крыла. Каменная кладка здесь была изумительной, в античном ламиосском стиле. Высокие мраморные колонны украшали барельефы. Огромные вазы между колоннами подражали древней ламиосской керамике.

«В принципе, – напомнила себе Шай, – у власти по-прежнему фракция “Наследие”, так что...»

К этой фракции принадлежал император, а также совет из пяти арбитров, который во многом и управлял империей. Фракция превозносила величие и изучение культур прошлого до такой степени, что даже переделала свое крыло дворца на манер античных строений. Шай полагала, что на донышках этих

«античных» ваз найдутся духопечати, с помощью которых они и превратились в точные копии прославленных произведений искусства.

Да, великие называли таланты Шай кощунством, но с формальной точки зрения незаконным считалось лишь подделывание личности. Втихомолку подделывать предметы дозволялось и даже приветствовалось, покуда мастер находился под строгим контролем. Если перевернуть любую из этих ваз и избавиться от печати на донышке, она превратится в обычный горшок без орнамента.

Бойцы сопроводили Шай до инкрустированной золотом двери. Пока дверь открывалась, на нижней внутренней кромке Шай заметила красную духопечать, превратившую дверь в имитацию под старину. Стражники провели Шай в уютную комнату с потрескивающим камином, пушистыми коврами и мебелью из мореной древесины. «Охотничий домик пятого века», – предположила она.

Внутри ожидали все пятеро арбитров фракции «Наследие». Трое – мужчина и две женщины – сидели у камина в креслах с высокими спинками. Еще одна женщина занимала стол прямо возле двери – Фрава, старший арбитр фракции «Наследие», возможно, самая влиятельная фигура в империи после императора Ашравана. Ее седеющие волосы были заплетены в длинную косу с ало-золотыми лентами, одежда тоже сверкала золотом. Шай давно помышляла обворовать эту женщину, поскольку, помимо прочих обязанностей, Фрава заведовала императорской галереей и занимала смежные с ней кабинеты.

Фрава явно спорила с Гаотонной. Пожилой великий стоял рядом со столом, приосанившись и задумчиво сцепив руки за спиной. Гаотона был самым старым из правящих арбитров. Считалось, что он наименее влиятельный и пребывает в немилости у императора.

С появлением Шай оба замолчали и уставились на нее, как на кошку, только что опрокинувшую дорогую вазу. Шай была без очков, но заставила себя не щуриться. Перед этими людьми нужно казаться сильной, насколько это возможно.

– Ван Шай-Лу. – Фрава взяла со стола листок бумаги. – Тебе приписывают довольно внушительный список преступлений.

«Ты так это говоришь, будто... Какую игру ты затеяла? Ты что-то от меня хочешь, – решила Шай. – Меня могли привести сюда только по этой причине».

Впереди замаячила возможность.

– Ты выдавала себя за женщину благородного происхождения, – продолжила Фрава, – проникла в императорскую галерею, подделала свою душу и, конечно, пыталась похитить Лунный скипетр. Неужели ты думала, что мы не распознаем простенькую подделку, когда дело касается столь важного достояния императора?

«Однако именно так и случилось, – подумала Шай, – если, конечно, шут сбежал с настоящим скипетром».

Мысль о том, что почетное место Лунного скипетра в императорской галерее занимает ее подделка, немного согрела душу.

– А что насчет этого?

Фрава шевельнула длинными пальцами, и один из бойцов принес что-то с другого конца комнаты. На стол легла картина. Шедевр Хань Шу-Ксена «Лилия в весеннем пруду».

– Мы нашли ее в твоей комнате на постоялом дворе. – Фрава побарабанила пальцами по полотну. – Это копия картины из моего собрания, одной из самых известных в империи. Наши эксперты заключили, что твою подделку можно назвать в лучшем случае любительской.

Шай встретила с Фравой взглядом.

– Расскажи, зачем ты ее сотворила? – Фрава подалась вперед. – Ты явно собиралась подменить оригинал в моем кабинете рядом с императорской галереей. Но нацеливалась на сам Лунный скипетр. Зачем же красть еще и картину? Из жадности?

– Дядюшка Вон всегда учил, что нужно иметь запасной план, – ответила Шай. – Я не знала точно, будет ли выставлен скипетр.

– Вот оно что... – Фрава изобразила чуть ли не материнскую заботу, но в глазах читались плохо скрываемые брезгливость и снисходительность. – Как и большинство заключенных, ты подала прошение, чтобы твоим делом занимался арбитр. Из прихоти я решила откликнуться на твою просьбу. Мне было любопытно, зачем ты подделала эту картину. – Она покачала головой. – Но, дитя, ты же не думаешь, что мы и впрямь тебя отпустим? С такими-то прегрешениями? Положение у тебя весьма скверное, и наше милосердие не может простираться настолько...

Шай мельком глянула на остальных арбитров. Тем, что сидели у камина, словно не было до нее никакого дела, но друг с другом они не разговаривали – слушали.

«Что-то не так, – подумала Шай. – Что-то их беспокоит».

Гаотона по-прежнему стоял чуть в стороне и изучал Шай. Глаза его не выдавали никаких эмоций.

Фрава вела себя так, будто отчитывала несмышленного ребенка. Повисший в воздухе конец фразы был призван зародить в Шай надежду. От нее всячески добивались сговорчивости, готовности согласиться на что угодно, лишь бы ее отпустили.

«И правда возможность...»

Пришло время взять нить беседы в свои руки.

– Вам что-то от меня нужно, – сказала Шай. – Я готова обсудить вознаграждение.

– Вознаграждение? – переспросила Фрава. – Девчонка, завтра тебя должны казнить! Если нам что от тебя и нужно, наградой будет твоя жизнь.

– Моя жизнь принадлежит мне, – возразила Шай. – Причем уже не один день.

– Я тебя умоляю. Тебя заперли в темнице для поддельщиков, с тридцатью разновидностями камня в стене.

– Если точнее, их сорок четыре.

Гаотона одобрительно приподнял бровь.

«Ночи! Хоть в этом не ошиблась...»

Шай посмотрела на Гаотону.

– Думали, я не распознаю точильный камень? Я же поддельщица. И выучила классификацию камней еще на первом году обучения. Тот блок явно из лайосской каменоломни.

С легкой улыбкой Фрава открыла рот, чтобы что-то сказать.

– И да, я знаю, что за стеной спрятаны пластины из ралькалеста, а этот металл подделать невозможно, – наугад заявила Шай. – Стена была головоломкой, чтобы отвлечь меня. Никто не стал бы строить темницу из известняка: вдруг заключенный плюнет на подделывание и попытается его проковырять. Стену вы возвели, но укрепили ее ралькалестом, чтобы преградить путь к побегу.

Фрава захлопнула рот.

– Недостаток ралькалеста в том, – продолжила Шай, – что это не слишком прочный металл. Решетка на потолке вполне крепкая, через нее я бы выбраться не смогла. Но тонкая пластина? Серьезно? Вы слышали об антраците?

Фрава нахмурилась.

– Это камень, который горит, – ответил Гаотона.

– Вы снабдили меня свечой. – Шай сунула руку за спину и швырнула на стол самодельную деревянную духопечать. – Мне оставалось лишь подделать стену и убедить камни в том, что они антрацит. Не так уж трудно, если известны все сорок четыре разновидности. Я бы их подожгла, и они расплавили бы пластину за стеной.

Шай подвинула кресло и уселась за стол. Откинувшись на спинку. За спиной тихонько зарычал капитан бойцов, но Фрава лишь поджала губы и промолчала. Шай позволила мышцам расслабиться и вознесла беззвучную молитву Неведомому Богу.

Ночи! Похоже, они и правда купились. Шай опасалась, что их знаний о подделывании хватит, чтобы распознать ложь.

– Я собиралась сбежать сегодня ночью. Но чего бы вы от меня ни хотели, дело должно быть важным, раз уж вы решили привлечь к нему такую злодейку, как я. Итак, обсудим вознаграждение.

– Я все еще могу казнить тебя, – сказала Фрава. – Прямо здесь и сейчас.

– Но вы ведь этого не сделаете?

Фрава стиснула зубы.

– Я предупреждал, что ею будет трудно управлять, – напомнил Гаотона.

Шай видела, что произвела на него впечатление, но вместе с тем в его глазах словно... застыла печаль? Или нечто другое? Распознать, что у этого старика на уме, не легче, чем прочитать книгу на свордском.

Фрава воздела палец и дернула им в сторону. Появился слуга с маленькой, завернутой в ткань шкатулкой. При виде шкатулки сердце Шай забило чаще.

Слуга щелкнул задвижками и откинул крышку. В мягкой обивке виднелось пять углублений для духопечатей. Цилиндрические каменные печати были размером с большой палец крупного мужчины. Сверху лежала записная книжка в кожаном переплете, потрепанная от длительного использования. Шай вдохнула знакомый запах.

Такие духопечати, самые сильные из всех, назывались знаками сущности. Их подстраивали под конкретного человека и использовали, чтобы ненадолго переписать его прошлое, личность и душу. Эти пять печатей были подстроены под Шай.

– Пять печатей для переписывания души, – произнесла Фрава. – Кошунство, они вне закона. Их должны были уничтожить сегодня днем. Даже если бы ты сбежала, ты бы их потеряла. Сколько времени уходит сотворить одну такую?

– Годы... – прошептала Шай.

Других копий не существовало. Хранить записи и схемы слишком опасно, даже втайне, поскольку в них слишком много знаний о душе человека. Шай никогда не выпускала знаки сущности из виду, за исключением того редкого случая, когда их забрали.

– Примешь их в качестве вознаграждения? – Фрава скривила губы, словно перед ней поставили тарелку с тухлятиной.

– Да.

Фрава кивнула, и слуга захлопнул шкатулку.

– Тогда давай покажу, что ты должна сделать.

Шай никогда не встречала императора, не говоря уж о том, чтобы тыкать пальцем ему в лицо.

Ашраван, император Восьмидесяти Солнц, сорок девятый правитель Империи Роз, никак на это не отреагировал. Он безучастно смотрел перед собой. Несмотря на здоровый румянец на пухлых щеках, лицо у него было совершенно безжизненным.

– Что случилось? – спросила Шай, выпрямляясь.

Кровать императора была выполнена в античном ламиосском стиле, с изголовьем в виде возносящегося к небесам феникса. Шай встречала эскиз такого изголовья в какой-то книге. Скорее всего, с него и срисовали эту подделку.

– Наемные убийцы, – пояснил арбитр Гаотона.

Он стоял по другую сторону кровати, рядом с двумя целителями. Из бойцов разрешили войти только капитану Зу.

– Вломились две ночи назад, напали на императора и его супругу. Ее убили. Император получил арбалетный болт в голову.

– В таком случае выглядит он весьма неплохо, – заметила Шай.

– Ты знакома с перепечатыванием? – спросил Гаотона.

– Смутно.

Ее народ называл это подделыванием плоти. Искусный целитель может подделать тело, чтобы избавиться от ран и шрамов, но для этого требуется огромное мастерство. Для надлежащего исцеления поддельщик должен знать каждое сухожилие, каждую вену и мышцу.

Перепечатывание – один из немногих разделов подделывания, в которые Шай не углублялась во время учебы. Ошибешься с обычной подделкой – результат не будет иметь художественной ценности. Ошибешься с подделкой плоти – погибнут люди.

– Наши перепечатники лучшие в мире. – Фрава обогнула изножье кровати, сцепив руки за спиной. – Императором занялись сразу после покушения. Рану на голове исцелили, но...

– Но не рассудок? – Шай снова помахала рукой перед лицом императора. – Не слишком-то хорошо они справились.

Один из целителей прочистил горло. Это был маленький человечек, но уши у него торчали, словно ставни, широко распахнутые в погожий денек.

– Перепечатывание заживляет и обновляет тело. Но это все равно что заново переплести пострадавшую в огне книгу. Да, по виду ее не отличить от прежней, и

внутри она целехонькая, но вот слова... слов в ней уже не будет. У императора новый мозг. Но он пуст.

– Ага. Вы выяснили, кто подослал убийц?

Арбитры обменялись взглядами. Да, они знали.

– Мы не уверены, – сказал Гаотона.

– То есть вы знаете, но для обвинения у вас недостаточно доказательств. Значит, какая-то другая фракция при дворе?

Гаотона вздохнул.

– Фракция «Слава».

Шай тихонько присвистнула, но в этом и правда был смысл. Если император умрет, у фракции «Слава» есть все шансы посадить на трон своего преемника. По меркам великих в свои сорок император Ашраван все еще считался молодым и мог править еще лет пятьдесят.

Если император сменится, нынешние арбитры потеряют свои должности, что означает существенный удар по их положению в обществе. Самые могущественные люди мира превратятся в слабейшую из восьмидесяти фракций.

– Никто из наемных убийц не выжил, – сказала Фрава. – Фракция «Слава» пока не знает, увенчалась ли их затея успехом. От тебя требуется заменить душу императора... – она глубоко вздохнула, – ...с помощью подделывания.

«Они с ума посходили, – подумала Шай. – Подделать даже собственную душу – задача не из легких, причем ее не надо создавать с нуля».

Арбитры не понимали, о чем просят. Хотя откуда им? Они ненавидели подделывание или, по крайней мере, так заявляли. Они ходили по воссозданной напольной плитке мимо копий античных ваз, позволяли своим целителям заживлять тело, но ничего из этого не называлось на их языке «подделыванием».

Кошунством они считали подделывание души. А значит, кроме Шай, надеяться им не на кого. Никто в их обществе на такое не способен. Может, и у нее не получится.

– Ты сможешь это сделать? – спросил Гаотона.

«Понятия не имею», – подумала Шай.

– Да, – сказала она вслух.

– Подделка должна быть точной, – строго предупредила Фрава. – Если у фракции «Слава» появится хоть малейшее подозрение, они набросятся всем скопом. Император должен вести себя естественно.

– Я же сказала, что могу это сделать, – отозвалась Шай. – Но это трудно. Мне нужны сведения об Ашраване и его жизни. Все, что можно достать. Для начала официальные хроники, но от них толку мало. Придется хорошенько расспросить тех, кто хорошо его знал: слуг, друзей, членов семьи, и все записать. Он вел дневник?

– Вел, – ответил Гаотона.

– Прекрасно.

– Эти документы опечатаны, – возразил другой арбитр. – Он велел их уничтожить...

Все посмотрели на говорящего. Тот сглотнул и потупил взгляд.

– У тебя будет все, что попросишь, – пообещала Фрава.

– Еще понадобится человек для проверок, – добавила Шай. – Я буду проверять на нем мои подделки. Мужчина, великий, приближенный к императору и хорошо его знавший. Так я пойму, правильно ли выстраиваю личность.

Ночи! До выстраивания личности еще надо дожить. Первый шаг – изготовить печать, которая схватится. Неизвестно, справится ли она хотя бы с этим.

– И разумеется, понадобится духокамень.

Фрава смерила Шай взглядом, скрестив руки на груди.

– Вы же не думаете, что я обойдусь без духокамня? – сухо произнесла Шай. – Если придется, я вырежу печать из дерева, но вашей цели и так нелегко добиться. Духокамень. Много духокамня.

– Ладно, – сдалась Фрава. – Но все три месяца с тебя не спустят глаз.

– Три месяца? Это займет не меньше двух лет.

– У тебя сто дней, – отрезала Фрава. – Если точнее, уже девяносто восемь.

«Невозможно».

– Отсутствие императора на людях последние два дня официально объясняли тем, что он оплакивает смерть жены, – сказала одна из арбитров. – Фракция «Слава» заключит, что мы пытаемся выиграть время после кончины императора. Когда истекут сто дней уединения, они потребуют, чтобы Ашраван предстал перед двором. Если этого не случится, нам конец.

«И тебе тоже», – подразумевалось в ее тоне.

– Я хочу золото, – сказала Шай. – Представьте, сколько я запрошу, и удвойте сумму. Я покину эту страну богатой.

– Идет, – согласилась Фрава.

«Слишком легко согласилась», – подумала Шай.

Восхитительно. Ее собираются убить, как только она завершит работу.

Что ж, у нее девяносто восемь дней, чтобы выбраться на свободу.

– Несите записи, – сказала она. – Мне нужно место для работы, вдоволь расходных материалов, и верните мои вещи.

Она подняла палец прежде, чем послышались возражения.

– Я не прошу знаки сущности, но верните все остальное. Не ходить же мне три месяца в той же одежде, что и в темнице. И если уж на то пошло, пусть мне немедленно наполнят ванну.

День третий

На следующий день, когда Шай выкупалась, досыта поела и впервые со дня поимки отоспалась, послышался стук в дверь.

Ей выделили комнату – крошечную, едва ли не самую унылую во всем дворце, еле уловимо пахнущую плесенью. Разумеется, ночью к ней по-прежнему приставляли стражников. Насколько она помнила планировку огромного дворца, ее поселили в одном из наименее посещаемых крыльев, которое в основном использовали как хранилище.

И все же это лучше, чем темница. Самую малость.

Стук заставил Шай оторваться от изучения старого кедрового стола. Похоже, последний раз его полировали еще до ее рождения. Один из стражников открыл

дверь, впустив пожилого арбитра Гаотону. Тот принес шкатулку примерно в две ладони шириной и пару дюймов высотой.

Шай бросилась навстречу, заработав свирепый взгляд от капитана Зу.

– Держись подальше от его светлости, – прорычал он.

– Или что? – спросила Шай, принимая шкатулку. – Прирежешь меня?

– В один прекрасный день я с огромной...

– Да-да.

Шай вернулась к столу и откинула крышку шкатулки. Внутри лежали восемнадцать печатей с гладкими, негравированными клише. С замиранием сердца она вытащила одну и принялась внимательно разглядывать.

Ей вернули очки, и больше не приходилось щуриться. На смену поношенному платью пришла гораздо более подходящая одежда – простая красная юбка до середины икры и блузка на пуговицах. Великие сочли бы такой наряд немодным: последнее время они отдавали предпочтение одеяниям в античном стиле. Шай это казалось отчаянно скучным. Под блузку она надела тугую хлопковую сорочку, под юбку – обтягивающие брюки. Трудно угадать, когда ради маскировки понадобится избавиться от внешнего слоя одежды.

– Хороший камень, – оценила Шай.

Она достала один из своих резцов с наконечником толщиной с булавочную головку и опробовала его на камне. Тот оказался превосходным – откалывался легко и ровно. Духокамень почти такой же мягкий, как мел, но не крошится. По нему можно резать очень точно, а потом обжечь метку, и печать обретет твердость кварца. Единственный способ сделать печать еще лучше – вырезать ее из самого кварца, но это невероятно сложно.

Еще ей выдали ярко-красные чернила кальмара с добавлением небольшого количества воска. Годились любые свежие натуральные чернила, но животные подходили больше растительных.

– Ты что... стащила вазу из коридора? – Нахмурившись, Гаотона указал на вазу у стены.

Шай и правда прихватила ее на обратном пути из ванной. Один из стражников попытался ей воспрепятствовать, но она заговорила ему зубы. Теперь этот стражник покраснел.

– Мне было любопытно оценить уровень ваших поддельщиков.

Шай отложила инструменты, водрузила вазу на стол и перевернула набок. На глиняном доньшке виднелся красный оттиск.

Печать поддельщика трудно не заметить. От нее остается не простой оттиск на поверхности предмета, а вдавленный узор из красных бороздок. Круглый ободок тоже красный, но выпуклый.

По печати можно многое сказать о мастере-поддельщике. От этой, например, веяло безликостью. Ничего общего с настоящим искусством, что лишь больше подчеркивало филигранную проработку и утонченную красоту самой вазы. До Шай доходили слухи, что фракция «Наследие» заставляет полуобученных поддельщиков работать на поток, и они подобно вереницам рабочих, мастерящих на фабрике башмаки, создают подобные предметы.

– Наши рабочие не поддельщики, – заметил Гаотона. – Мы используем другое название – вспоминатели.

– Это одно и то же.

– Они не касаются душ, – сурово возразил Гаотона. – Кроме того, так мы отдаем дань прошлому, а не дурачим народ. Подобные памятки помогают лучше понять свое наследие.

Шай вскинула бровь. Взяла молоточек и резец, ударила под углом по выпуклому ободку. Печать поддалась не сразу, будто пытаясь удержаться на месте, но удар сделал свое дело. Остатки печати вывалились, бороздки исчезли, и сама она, потеряв силу, превратилась в обычный чернильный рисунок.

Ваза сразу утратила краски и посерела, форма ее исказилась. Духопечать не просто изменяет внешний вид предмета, но переписывает его историю. Без печати ваза являла собой жалкое зрелище. Ее создателей не заботил конечный результат. Возможно, они знали, что она станет подделкой. Покачав головой, Шай вернулась к работе над незаконченной духопечатью. Она не предназначалась императору, до этого еще далеко, но за резьбой легче думать.

Гаотона жестом приказал выйти всем стражникам, кроме Зу.

– Ты настоящая головоломка, поддельщица, – произнес он, когда стражники вышли, закрыв за собой дверь.

Гаотона опустил на шаткий деревянный стул. Два таких стула вместе с ветхой кроватью, древним столом и сундуком с вещами Шай составляли всю обстановку комнаты. Из единственного перекошенного окна сквозило, и даже в стенах было полно трещин.

– Головоломка? – Шай вытянула печать перед собой, внимательно рассматривая собственную работу. – Какая еще головоломка?

– Ты поддельщица. Значит, тебя нельзя оставлять без присмотра. Ты попытаешься сбежать, едва придумаешь, как это сделать.

– Так приставьте ко мне стражников. – Шай вернулась к резьбе.

– Вряд ли у тебя займет много времени запугать, подкупить их или добиться своего шантажом, – заметил Гаотона.

Зу словно окаменел.

– Без обид, капитан. Я полностью полагаюсь на ваших людей, но перед нами искусная лгунья, мошенница и воровка. Рано или поздно ваши лучшие стражники превратятся в податливую глину в ее руках.

– Спасибо, – произнесла Шай.

– Это не комплимент. Такие, как ты, губят все, к чему прикасаются. Тебя нельзя оставить даже на день под присмотром простых смертных. А судя по тому, что я о тебе знаю, ты способна околдовать едва ли не самих богов.

Шай продолжала работать.

– И кандалам тебя не доверишь, – негромко продолжил Гаотона, – ведь приходится снабжать тебя духокамнем, чтобы ты могла работать над... нашей проблемой. Ты просто превратишь цепи в мыло и сбежишь, потешаясь над нами.

Эти слова свидетельствовали о том, что Гаотона ничего не смыслит в подделывании. Подделка должна быть правдоподобной, иначе не схватится. Кому придет в голову делать цепи из мыла? Сущая нелепица.

Однако Шай под силу выяснить происхождение и состав цепей, а затем переписать одно либо другое. Она могла бы подделать прошлое цепей так, чтобы одно из звеньев выковали с изъяном, и воспользоваться этим. Скорее всего,

получится сбежать, даже если она не узнает точной истории цепей: несовершенная печать долго не продержится, но чтобы разбить испорченное звено молотком, хватит и пары мгновений.

Они могут изготовить цепь из ралькалеста, непригодного для подделывания металла, но это только отсрочит побег. Если есть достаточно времени и духокамня, решение найдется. Можно подделать стену так, чтобы появилась трещина, и просто вырвать цепь. Можно подделать потолок так, чтобы расшатался один из блоков: он упадет и разобьет хрупкие звенья из ралькалеста.

Однако Шай не хотелось прибегать к крайним мерам без необходимости.

– Не стоит беспокоиться на мой счет, – сказала она, не прекращая работы. – Ваша затея меня увлекла. К тому же, мне обещали богатство. Этого вполне достаточно, чтобы удержать меня. И не забывайте, из прежней темницы я могла сбежать в любой момент.

– Ах, да, – отозвался Гаотона. – Темница, из которой ты хотела выбраться, подделав стену. Утоли мое любопытство, ты изучала антрацит? Камень, в который ты собиралась превратить стену? Насколько помню, его не так-то легко поджечь.

«Этот умнее, чем многие думают».

Поджечь антрацит свечой довольно проблематично. В теории этот камень возгорается при определенной температуре, но как следует нагреть целый каменный блок очень трудно.

– Мне ничто не мешало создать подходящие условия: можно было разломать койку на дрова, а часть камней превратить в уголь.

– Без печи? – В голосе Гаотоны сквозила легкая насмешка. – Без мехов? Но дело даже не в этом. Скажи, как ты собиралась выжить в темнице с пылающими стенами при температуре свыше двух тысяч градусов? После того как огонь вытянул бы весь пригодный для дыхания воздух? Ах, да! Ты бы превратила простыни во что-нибудь, плохо проводящее тепло, например, в стекло, и спряталась бы в такой раковине?

Шай сосредоточилась на резьбе, но ей стало не по себе. Он сказал это так, будто... Да, он знал, что у нее ничего не вышло бы. Большинство великих мало смыслят в подделывании, в том числе и этот, но его знаний хватило понять, что таким способом она бы не сбежала. Как и не обратила бы простыни в стекло.

Не говоря уж о том, что трудно переделать целую стену. Слишком многое пришлось бы изменить: переписать прошлое камней так, чтобы карьеры оказались вблизи месторождений антрацита и чтобы в каждом случае по ошибке привезли горючий камень вместо обычного. Это задача чрезвычайной сложности, практически невыполнимая, особенно без подробностей об этих карьерах.

Правдоподобие – ключ к созданию любой подделки, как магической, так и обычной. Ходили слухи, что поддельщики обращают свинец в золото, но никому не приходило в голову, что обратный процесс гораздо проще. Легко придумать правдоподобную историю для золотого слитка, который подменили свинцом. Обратное столь невероятно, что печать для такой трансформации долго не продержится.

– Я под впечатлением, ваша светлость, – наконец произнесла Шай. – Вы рассуждаете как поддельщик.

Гаотона помрачнел.

– Это комплимент.

– Я ценю правду, девушка. Но не подделывание. – Гаотона посмотрел на нее, как разочарованный дедушка на внучку. – Я видел одну из твоих работ. Копия той картины... потрясающая. И все же она создана ради обмана. Ты могла бы творить великие произведения искусства, если бы сосредоточилась на трудолюбии и красоте, а не богатстве и лжи.

– То, что я делаю, – великое искусство.

– Нет. Ты копируешь великое искусство других. То, что делаешь ты, в техническом отношении великолепно, но полностью бездуховно.

Шай чуть не выпустила заготовку, пальцы напряглись. Как он посмел? Одно дело – угрожать казнью, но оскорблять ее искусство? Он поставил ее в один ряд с... с теми ремесленниками, что штампуют вазу за вазой!

Она с трудом успокоилась и нацепила на лицо улыбку. Тетушка Сол однажды наказала ей отвечать улыбкой на худшие оскорбления и грубостью – на незначительные. Тогда никто не догадается, что у тебя на сердце.

– Так как вы собираетесь держать меня в узде? Мы выяснили, что я подлая мерзавка и мне не пристало слоняться по коридорам дворца. Вы не можете ни связать меня, ни доверить мою охрану собственным стражникам.

– Ну, – начал Гаотона, – по возможности я буду лично следить за твоей работой.

Шай предпочла бы Фраву, ею вроде легче манипулировать, но и так сойдет.

– Как пожелаете. Но человеку, который ничего не смыслит в подделывании, будет скучно.

– Я сюда не развлекаться пришел. – Гаотона махнул на капитана Зу. – Пока я здесь, меня будет охранять капитан Зу. Он единственный из наших бойцов осведомлен, насколько серьезно ранен император, и только ему известно о наших планах на твой счет. Остальную часть дня за тобой будут присматривать другие стражники, и тебе запрещено говорить с ними о своей работе. Мы не допустим никаких слухов.

– Не волнуйтесь, я буду молчать, – пообещала Шай, на этот раз честно. – Чем больше людей знает о подделке, тем скорее она не удастся.

«К тому же, – подумала она, – стоит мне рассказать стражникам, вы их не задумываясь казните, чтобы сохранить тайну».

Бойцов она не любила, но еще больше не любила империю, а стражники – по сути те же рабы. Бессмысленные убийства были Шай не по душе.

– Вот и отлично, – произнес Гаотона. – А за дверью ожидает вторая гарантия того, что ты отнесешься к своему заданию с должным вниманием. Капитан, будьте добры.

Зу открыл дверь. Рядом со стражниками стоял человек в плаще. Он прошел в комнату упругой, но какой-то неестественной походкой. Как только Зу закрыл дверь, незнакомец скинул капюшон, явив лицо с молочно-белой кожей и красными глазами.

Шай тихонько зашипела сквозь зубы.

– И вы мое ремесло зовете кощунством?

Не ответив, Гаотона поднялся со стула и поприветствовал вошедшего:

– Расскажи ей.

Мужчина изучающе приложил к двери длинные белые пальцы.

– Я нанесу руну вот сюда, – произнес он с акцентом. – Если она попытается покинуть комнату или переделать руну или дверь, я об этом узнаю. И за ней отправятся мои питомцы.

Шай бросило в дрожь. Она свирепо глянула на Гаотону:

– Кровопечатник. Вы пригласили во дворец кровопечатника?

– Не так давно он доказал свою полезность, – ответил Гаотона. – Он преданный и благоразумный. А еще очень полезный. Порой приходится прибегать к помощи тьмы, чтобы сдерживать еще большую тьму.

Шай тихо зашипела, когда кровопечатник достал что-то из складок одежды – грубую костяную духопечать. Значит, его «питомцы» тоже костяные – подделки человеческой жизни, сработанные из скелетов усопших.

Кровопечатник перевел взгляд на нее.

Шай отпрянула.

– Вы же не думаете, что...

Зу схватил ее за руки. Ночи, какой он сильный! Шай запаниковала. Ее знаки сущности! Ей нужны ее знаки сущности! С ними она может бороться, бежать, скрываться...

Зу порезал ей тыльную сторону руки. Шай едва почувствовала неглубокую рану, но не оставляла попыток вырваться. Подошел кровопечатник, обмакнул свой ужасный инструмент в кровь Шай и приложил печать к центру двери.

Когда он убрал руку, на двери остался светящийся красный отпечаток в форме глаза. В тот миг, когда кровопечатник прижал печать, Шай ощутила резкую боль в месте пореза.

Она ахнула, распахнув глаза. Еще никто не осмеливался проделать с ней такое. Лучше бы ее казнили! Лучше бы ее...

«Возьми себя в руки, – приказала она себе. – Стань той, кто сможет это вынести».

Шай глубоко вздохнула и стала другим человеком. Той версией себя, что сохраняет спокойствие даже в подобной ситуации. Это была грубая подделка, просто мысленная уловка, но она сработала.

Вывавшись из хватки Зу, Шай приняла протянутый Гаотоной платок и бросила гневный взгляд на кровопечатника. Тот улыбнулся ей белыми, полупрозрачными как кожица личинки губами. Потом кивнул Гаотоне, натянул капюшон и вышел из комнаты, закрыв за собой дверь.

Боль в руке стихала. Шай заставила себя дышать ровнее, чтобы успокоиться. В ремесле кровопечатников нет места изяществу, они делают ставку на другое. Вместо мастерства и искусности – обман и кровь. Зато эффективно. Этот кровопечатник узнает, если Шай выйдет из комнаты. У него осталась ее свежая кровь на печати, и печать подстроена под нее, а значит, его неуспокоенные питомцы выследят ее, куда бы она ни сбежала.

Гаотона опустил обратно на стул.

– Понимаешь, что случится, если сбежишь?

Шай ответила злобным взглядом.

– Теперь ты видишь, в каком мы отчаянии, – тихо сказал Гаотона, сложив пальцы в замок. – Если и правда сбежишь, отдадим тебя кровопечатнику. Твои

кости станут его очередным питомцем. Это все, что он потребовал за свои услуги. Приступай к работе, поддельщица. Сделай все хорошо, и избежишь незавидной участи.

День пятый

Шай приступила к работе.

Она углубилась в записи о жизни императора. Мало кто понимает, какое место в подделывании занимают поиски и исследования. Это искусство может освоить любой; нужны лишь твердая рука и внимание к деталям.

А еще готовность тратить недели, месяцы, даже годы на создание идеальной духопечати.

Годами Шай не располагала. Она второпях читала одно жизнеописание за другим и часто засиживалась до глубокой ночи, делая пометки. Не верилось, что удастся справиться с возложенной на нее задачей. Создать правдоподобную подделку чужой души, особенно за столь короткое время, просто-напросто невозможно. К сожалению, придется изображать кипучую деятельность, пока она готовит побег.

Из комнаты ее не выпускали. Справлять естественную нужду приходилось в горшок, а для мытья приносили бадью с теплой водой и полотенца. За ней все время присматривали, даже когда она принимала ванну.

Каждое утро приходил кровопечатник, чтобы обновить метку на двери. Каждый раз от Шай требовалось немного крови. Вскоре ее руки покрылись мелкими порезами.

Все это время ее навещал Гаотона. Пожилой арбитр наблюдал, как она читает, и его глаза светились осуждением... но не ненавистью.

Обдумывая план, Шай кое-что поняла: чтобы выбраться на свободу, ей, скорее всего, придется манипулировать этим человеком.

День двенадцатый

Шай прижала печать к столешнице.

Как всегда, печать слегка вдавилась в древесину. Независимо от материала оттиск получался рельефным. Шай повернула печать на пол-оборота, и чернила не размазались, хотя она не знала почему. Один из наставников объяснял, что к этому моменту печать соприкасается не просто с физической формой предмета, а с его душой.

Когда Шай отняла печать, на древесине остался ярко-красный, словно вырезанный оттиск. От него волной разошлась трансформация. Тускло-серая растрескавшаяся столешница из кедра стала красивой и ухоженной, с теплого цвета патиной, в которой отражалось пламя свечей.

Шай прикоснулась к новому столу, теперь гладкому на ощупь. Края столешницы и ножки были покрыты искусной резьбой, инкрустированной серебром.

Гаотона оторвался от чтения книги и выпрямился. Зу при виде подделывания беспокойно переступил с ноги на ногу.

– Это еще что? – спросил Гаотона.

– Мне надоело вытаскивать занозы, – ответила Шай, усевшись на стул. Тот скрипнул.

«Ты следующий», – мысленно пообещала она стулу.

Гаотона встал и подошел к столу. Потрогал его, будто ожидая, что трансформация окажется иллюзией. Но нет. Правда, теперь изящный стол совсем не вписывался в унылую обстановку комнаты.

– Так вот чем ты занималась?

– Мне так лучше думается.

– Сосредоточься на своем задании! – воскликнул Гаотона. – А не занимайся пустяками, когда империя в опасности!

«Нет, – подумала Шай. – Не сама империя, а ваша власть над ней».

К сожалению, одиннадцать дней спустя она так и не нашла подхода к Гаотоне. Ничего, что можно обернуть себе на пользу.

– Гаотона, я работаю над вашей проблемой, – сказала Шай. – И она далеко не из легких.

– А изменить стол, значит, легко?

– Конечно. Нужно лишь переписать его прошлое так, будто за ним ухаживали, а не обрекли на обветшание. Особых усилий тут прикладывать не надо.

Помедлив, Гаотона опустился перед столом на колени.

– Эта резьба, эта инкрустация... изначально ничего такого не было.

– Может, я кое-что добавила.

Шай сомневалась, схватится ли подделка. Через пару минут печать могла развеяться, а стол – вернуться в прежнее состояние. Однако она считала, что довольно точно угадала прошлое стола. В хрониках ей попадались упоминания о дарах и местах, откуда их привозили. Этот стол, скорее всего, из далекого Свордена, и его преподнесли предшественнику Ашравана. Когда отношения со Сворденом обострились, император приказал убрать стол с глаз долой.

– Не узнаю его. – Гаотона продолжал рассматривать стол.

– А должны?

– Я подробно изучал античное искусство. Это период династии Виваре?

– Нет.

– Копия работы Чамрава?

– Нет.

– Тогда что?

– Ничего, – раздраженно бросила Шай. – Это не копия, а просто улучшенная версия того же стола.

В этом и заключается принцип хорошего подделывания: немного усовершенствуй оригинал, и фальшивку, скорее всего, примут благосклонно, потому что она лучше.

Гаотона с озадаченным видом поднялся на ноги.

«Опять размышляет, что я понапрасну растрачиваю свой талант», – с досадой подумала Шай, отложив пачку записей о жизни императора. Их собрали по ее просьбе у придворной челяди. Она не хотела ограничиваться официальными хрониками. Требовались достоверные сведения, а не подчищенные факты.

Гаотона вернулся на свой стул.

– Не понимаю, как можно изменить стол почти без усилий, хотя, наверное, это намного проще, чем то, о чем мы тебя попросили. И то, и другое представляется мне невысказанным.

– Человеческую душу изменить гораздо сложнее.

– В общих чертах я это понимаю, но не знаю деталей. В чем разница?

Шай бросила на него взгляд. «Хочет побольше узнать о том, чем я занимаюсь, – подумала она, – чтобы понять, каким образом я готовлюсь к побегу». Разумеется, он прекрасно понимал, что она попытается сбежать. Оба делали вид, что ни о чем не догадываются.

– Хорошо. – Она встала и подошла к стене. – Поговорим о подделывании. Стены темницы были сложены из сорока четырех разновидностей камня, и все ради того, чтобы меня отвлечь. Чтобы побег удался, мне пришлось бы разгадать состав и происхождение каждого блока. Зачем?

– Разумеется, чтобы подделать стену.

– Но зачем распознавать все? Почему не изменить только один или несколько блоков? Почему просто не проделать дыру, создать туннель?

– Я... – Гаотона нахмурился. – Понятия не имею.

Шай коснулась ладонью стены. В некоторых местах краска облупилась, и прощупывались отдельные камни.

– Все существует в трех реальностях: физической, когнитивной и духовной. Физическая реальность – то, что мы ощущаем, то, что перед нами. Когнитивная – то, как мы воспринимаем объект и как он воспринимает сам себя. А в духовной заключена его душа – его суть, а также все связи между ним и окружающими предметами и людьми.

– Ты должна понимать, – заметил Гаотона, – что я не разделяю твоих языческих суеверий.

– Да, вместо этого вы поклоняетесь солнцу. – Шай не сдержала насмешки в голосе. – Вернее, восьмидесяти солнцам. Вы считаете, что, хоть все они выглядят одинаково, каждый день восходит новое. Ну, вы ведь хотели узнать, как устроено подделывание и почему так трудно воссоздать душу императора. Без трех реальностей не разобраться.

– Ладно.

– Итак, чем дольше объект существует как единое целое и чем дольше он таковым воспринимается, тем сильнее его полная идентичность. Этот стол собран из нескольких деревянных деталей, но разве так мы его воспринимаем? Нет, в наших глазах он предстает единым целым. Чтобы подделать стол, мне нужно постичь его как единое целое. То же самое со стеной. Она просуществовала немало времени, а потому воспринимает себя единой сущностью. Наверное, я могла бы разрушить каждый блок по отдельности – возможно, они все еще довольно обособлены, – но это очень трудно, так как стена хочет выступать единым целым.

– Стена, – ровно проговорил Гаотона, – хочет, чтобы к ней относились как к единому целому.

– Именно.

– Ты подразумеваешь, что у стены есть душа.

– У всех есть душа, – подтвердила Шай. – Каждый предмет воспринимает себя определенным образом. Связь и намерение жизненно важны. Вот почему, господин

арбитр, я не могу просто расписать личность вашего императора и поставить на нем печать. В семи докладах сказано, что его любимый цвет – зеленый. Знаете почему?

– Нет, – ответил Гаотона. – А ты?

– Пока не уверена, но думаю, что зеленый цвет нравился брату Ашравана, умершему, когда тому было шесть. Император прикипел к зеленому, цвет напоминает ему о покойном брате. А может, дело в патриотизме, ведь он родился в Укурги, и на флаге этой провинции преобладает зеленый.

Гаотона, похоже, растерялся.

– Тебе нужно знать все вплоть до таких мелочей?

– Ночи, да! И еще тысячи подобных деталей. Я могу в чем-то ошибиться. Это неизбежно. Остается надеяться, что большинство ошибок окажутся несущественными и лишь самую малость повлияют на личность. Все равно любой человек день ото дня меняется. Но если я ошибусь во многом, не важно, что за личность получится, – печать просто не схватится. Или не продержится достаточно долго, чтобы был толк. Полагаю, если вашему императору придется обновлять печать каждые четверть часа, поддерживать подобный фарс невозможно.

– Правильно полагаешь.

Шай со вздохом уселась и принялась просматривать заметки.

– Ты сказала, что справишься.

– Да.

– Ты уже проделывала это раньше, с собственной душой.

– Свою душу я знаю. Знаю свое прошлое. Знаю, что можно изменить, чтобы добиться нужного эффекта. Но мне пришлось повозиться даже с собственными знаками сущности. А теперь приходится не просто делать это для другого человека, но сами изменения должны быть гораздо более глубокими. И у меня осталось всего девяносто дней.

Гаотона медленно кивнул.

– А теперь, – произнесла Шай, – расскажите, как вы поддерживаете впечатление, будто император находится в добром здравии.

– Мы делаем все необходимое.

– Что-то я в этом сомневаюсь. Согласитесь, в обмане я разбираюсь куда лучше многих.

– Думаю, ты удивишься. Мы же, в конце концов, политики.

– Ладно. Но ему же приносят еду?

– Разумеется. Блюда отсылают в императорские покои трижды в день. На кухню возвращаются полупустые тарелки, а императора тайно кормят бульоном. Он его пьет, с посторонней помощью, но смотрит в никуда, словно глухонемой.

– А ночной горшок?

– Он себя не контролирует, – поморщился Гаотона. – Мы держим его в пеленках.

– Ночи! И никто для виду не выносит горшок? Вам не кажется, что это подозрительно? Служанки начнут сплетничать, да и стражники у дверей. Такие вещи надо учитывать!

У Гаотоны хватило приличия покраснеть.

– Я прослежу, чтобы горшок выносили, хотя мне не по душе, что в покои императора будет заходить кто-то еще. Чем больше людей, тем вероятнее, что правда выплывет наружу.

– Значит, подберите того, кому доверяете, – посоветовала Шай. – И вообще, введите правило: к императору пускать только тех, у кого есть карточка с оттиском вашей личной печати. Вижу, вы открыли рот, чтобы возразить, но мне прекрасно известно, как охраняются императорские покои. Я все это изучила, чтобы проникнуть в галерею. В охране полно дыр, что и подтвердили наемные убийцы. Сделайте, как я предлагаю. Чем больше уровней охраны, тем лучше. Если случившееся с императором просочится наружу, мне точно придется вернуться в темницу и ждать казни.

Гаотона вздохнул, но кивнул.

– Какие еще будут предложения?

День семнадцатый

Прохладный ветерок принес сквозь щели в перекошенной оконной раме ароматы незнакомых специй. Снаружи доносился оживленный гул. В городе праздновали Дельбахад – праздник, о котором еще два года назад никто не слышал. Фракция «Наследие» не уставала возрождать из пучины забвения античные торжества, пытаясь перетянуть общественное мнение обратно на свою сторону.

Никакого толку от этого не будет. Империя – не республика, и право голоса при возведении на трон нового императора есть только у арбитров различных фракций. Шай переключила внимание обратно на дневник императора: «В конце концов я решил согласиться с требованиями своей фракции. Я предложу свою кандидатуру на пост императора, к чему так часто подталкивал меня Гаотона. Болезнь все больше подрывает силы императора Язада, и скоро мы встанем перед новым выбором».

Шай добавила заметку. Гаотона поощрял Ашравана добиваться трона. Однако позже Ашраван отзывался о Гаотоне с презрением. Что изменилось? Шай дописала заметку и перелистнула дневник на несколько лет вперед.

Личный дневник императора Ашравана заворачивал. Император делал записи собственноручно и оставил указания уничтожить дневник после своей смерти. Арбитры вручили его Шай с неохотой и многословными обоснованиями. Император не умер. Его тело еще живо. Следовательно, можно с чистой совестью не предавать записи огню.

Они говорили с убежденностью, но Шай видела в их глазах сомнения. Арбитров было легко прочитать – всех, кроме Гаотоны. Его сокровенные помыслы все так же от нее ускользали. Арбитры не понимали, для чего велся этот дневник. Зачем писать, недоумевали они, если не для потомков? Зачем доверять мысли бумаге, если не для того, чтобы их прочитали другие?

«Все равно что спрашивать поддельщика, почему тот испытывает удовлетворение, когда его работу выставляют на всеобщее обозрение и ни один человек не догадывается, что восхищение вызывает именно его фальшивка, а не оригинальный предмет искусства», – подумала Шай.

Дневник поведал об императоре намного больше, чем официальные хроники, и не только из-за содержания. Страницы были потрепанными и запятнанными от частого листания. Ашраван писал дневник, чтобы читать самому.

Какие воспоминания он так усиленно выискивал, снова, и снова, и снова перечитывая дневник? Предавался ли он тщеславию, переживая восторг прошлых побед? Или наоборот, сомневался в себе? Или часами искал нужные заметки, чтобы оправдать ошибки? Или была другая причина?

Дверь в комнату открылась. К ней больше не стучали. Да и с какой стати? Ее уже лишили даже намека на личное пространство. Шай по-прежнему пленница, просто более важная, чем прежде.

В сопровождении капитана Зу вошла Фрава, мрачная и элегантная, в одеянии приглушенного фиолетового цвета. Вплетенные в ее седую косу ленты на этот раз были фиолетово-золотыми. Мысленно вздохнув, Шай поправила очки. После того как Гаотона ушел на праздник, она рассчитывала, что никто не нарушит ее уединение и ночь пройдет в исследованиях и разработке плана.

– Мне сообщили, что ты не слишком торопишься, – сказала Фрава.

Шай отложила дневник.

– На самом деле это еще быстро. Я почти готова к изготовлению печатей. Сегодня я напомнила арбитру Гаотоне, что мне по-прежнему нужен человек для проверок, который знал императора. Благодаря связи между ними я смогу опробовать печати. Продержатся они недолго, но мне хватит времени, чтобы кое-что проверить.

– Мы найдем такого человека. – Фрава прошла вдоль стола, ведя по нему пальцем. Наткнулась на красный отпечаток, потрогала его. – Как бельмо на глазу. Столько усилий, чтобы сделать стол красивее, так почему не поставить печать с обратной стороны?

– Я горжусь своей работой, – ответила Шай. – Любой поддельщик, который это увидит, может изучить печать и оценить мое мастерство.

Фрава фыркнула.

– Нечем тут гордиться, воровка. К тому же, разве весь смысл не в том, чтобы скрыть факт подделки?

– Когда как. Если копируешь подпись или картину, приходится идти на уловки. Но если занимаешься подделыванием, истинным подделыванием, нельзя это скрывать. Печать останется навсегда, а с ней – подробное описание проделанной работы. И этим можно гордиться.

Странный парадокс ее жизни. Поддельщики не просто учились изготавливать духопечати, но овладевали искусством подражания во всей его полноте. Письмо, живопись, личные перстни-печатки... Ученики, которых в ее народе наставляли тайком, сначала осваивали обычное подделывание и только потом переходили к духопечатям.

Печати считались вершиной искусства, но прятать их труднее всего. Конечно, печать можно поставить не на виду, а потом прикрыть. Бывало, именно так Шай и поступала. Однако подделку нельзя считать идеальной, пока печать можно обнаружить.

– Оставьте нас, – приказала Фрава капитану Зу и остальным стражникам.

– Но... – Зу шагнул вперед.

– Я не люблю повторять, капитан, – отрезала Фрава.

Зу заворчал, но поклонился в знак повиновения и, одарив Шай угрожающим взглядом – в последние дни это стало едва ли не его второй работой, – удалился со своими людьми.

Дверь со щелчком закрылась. Ее все так же пятнала обновленная с утра печать кровопечатника. Кровопечатник приходил почти всегда в одно и то же время – Шай тщательно записывала. В те дни, когда он немного задерживался, перед самым его приходом печать начинала тускнеть. Он всегда успевал ее обновить, но, может быть, однажды...

Фрава оценивающе оглядела Шай.

Та ответила ей твердым взглядом.

– Зу думает, что, пока мы наедине, я сделаю с вами что-нибудь ужасное.

– Зу умом не блещет, – отмахнулась Фрава, – хоть и весьма полезен, когда нужно кого-то убить. Будем надеяться, тебе не доведется испытать на себе его умения.

– Вам совсем не страшно? – спросила Шай. – Вы ведь наедине с чудовищем.

– Не с чудовищем, а с авантюристкой. – Фрава подошла к двери и осмотрела печать. – Ты не причинишь мне вреда. Тебе слишком любопытно, почему я отослала стражников.

«На самом деле, – подумала Шай, – я прекрасно знаю, зачем ты их отослала. И зачем пришла сюда, пока твои собратья-арбитры совершенно точно заняты на празднествах». Шай ждала, что Фрава предложит сделку.

– Ты никогда не задумывалась, – начала Фрава, – как полезно было бы для империи, если бы император прислушивался к голосу мудрости?

– Наверняка император Ашраван так и делал.

– Иногда, – согласилась Фрава. – Но иногда он вел себя... откровенно глупо. Разве не было бы чудесно, если бы после перерождения император лишился этой склонности?

– Я думала, вы хотите, чтобы он поступал в точности как прежде. Как можно ближе к себе настоящему.

– Да, верно. Однако ты прославилась как одна из величайших поддельщиц в истории, и мне достоверно известно, что ты особенно преуспела с печатями для собственной души. Безусловно, тебе по силам в точности воссоздать душу нашего дорогого Ашравана, чтобы при этом он прислушивался к голосу разума... когда тот исходит от определенных лиц.

«О ночи в огне, – пронеслось в голове Шай. – Хочешь, чтобы я оставила лазейку в душу императора, и вот так просто об этом заявляешь? Как только стыда хватает?»

– Вероятно... я могу это сделать, – протянула Шай, как если бы подобная возможность впервые пришла ей в голову. – Это сложно. И мои усилия потребуют достойного вознаграждения.

– Тебя надлежащим образом вознаградят. – Фрава повернулась к Шай. – Скорее всего, ты собираешься покинуть столицу после освобождения, но зачем? С благосклонным правителем на троне перед тобой и в этом городе откроются большие перспективы.

– Говорите прямо, арбитр. Пока другие празднуют, меня ждет долгая ночь исследований. Я не в настроении играть словами.

– В городе процветает подпольная торговля контрабандой. Приглядывать за ней – мое увлечение. Мне бы не помешал подходящий человек, который возглавит дело. Я поручу это тебе, если ты выполнишь мое пожелание.

Все они совершали одну и ту же ошибку, считая, что знают, почему Шай занимается своим делом. Они считали, что она обязательно уцепится за подобную возможность, считали, что контрабандист и поддельщик – примерно одно и то же, раз уж оба нарушают чужие законы.

– Интересное предложение. – Шай пустила в ход свою самую искреннюю, откровенно обманчивую улыбку.

Фрава широко улыбнулась в ответ.

– Так подумай над ним. – Она толкнула дверь и хлопнула в ладоши, подзывая стражников.

Шай опустила на стул. Ее охватил ужас, но не из-за предложения Фравы. Чего-то подобного она ожидала уже давно. До нее наконец дошли все возможные последствия. Разумеется, предложение о торговле контрабандой – ложь. Может, Фраве и по силам проверить такое, но делать она этого не станет. Даже если раньше она не собиралась убивать Шай, теперь это неизбежно.

Конечно, это не все. Далеко не все. «Она думает, что просто внушила мне мысль о манипулировании императором. Но на мою подделку нельзя полагаться. Она ждет, что я сделаю лазейку для себя и полный контроль над Ашраваном будет у меня, а не у нее».

Что же это означает?

Это означает, что в запасе у Фравы есть другой поддельщик. Скорее всего, у него не хватает ни таланта, ни смелости, чтобы подделать чужую душу, но он способен изучить работу Шай и найти любые ее лазейки. Этому поддельщику доверяют больше, и он переписшет сделанное Шай так, чтобы передать контроль Фраве.

Возможно, у них даже получится закончить работу Шай, если та продвинется достаточно далеко. Она собиралась использовать все сто дней, чтобы спланировать побег, но теперь осознала, что ее могут устранить в любой момент.

И чем ближе она к завершению работы, тем больше опасность.

День тридцатый

– Что-то новенькое, – произнес Гаотона, осматривая витраж.

Это была особенно вдохновенная работа Шай. Попытки создать лучшую версию окна проваливались одна за другой: каждый раз, минут через пять, окно возвращалось к прежнему виду, с трещинами на стекле и щелями в раме.

Но потом Шай обнаружила кусочек цветного стекла, застрявший в раме, и поняла, что это окно было витражным, как и многие во дворце. Стекло разбилось, рама покорежилась, из-за чего и появились щели, из которых тянуло холодным сквозняком.

Вместо того чтобы починить окно как следует, в раму вставили обычное стекло. Со временем оно покрылось трещинами. Печать Шай, оттиснутая в нижнем

правом углу, восстановила окно, переписав его прошлое так, будто заботливый мастер обнаружил разбитое стекло и воссоздал витраж. Эта печать схватилась сразу. Даже спустя столько времени окно воспринимало себя как нечто прекрасное.

А может, Шай просто в который раз замечталась.

– Вы сказали, что сегодня приведете человека для проверки, – напомнила Шай.

Сдув пыль со свежей духопечати, она сделала несколько быстрых насечек с обратной стороны от клише с замысловатой резьбой. Работа над каждой духопечатью заканчивается особой меткой, указывающей на то, что резьба завершена. Шай всегда любила придавать этой метке очертания своей родины, Май-Пон.

Закончив с меткой, Шай поднесла печать к пламени. При обжигании духокамень затвердевает, и резать по нему больше нельзя. Этот шаг необязательный: достаточно закрепляющих меток сверху, а саму печать можно вырезать из чего угодно, лишь бы резьба получилась четкой. Тем не менее духокамень ценится за способность твердеть.

После того как печать закоптилась в пламени свечи, сначала с одной стороны, потом с другой, Шай сильно на нее подула. Хлопья сажи слетели, явив красивый красно-серый камень с мраморным узором.

– Верно, – сказал Гаотона. – Человек для проверки. Я его привел, как и обещал.

Он пересек маленькую комнату и подошел к двери, у которой стоял на страже Зу.

Шай в ожидании откинулась на спинку стула, который пару дней назад подделала в гораздо более удобный. Она побилась об заклад сама с собой по поводу того, кем окажется этот человек. Стражник императора? Или какой-нибудь придворный невысокого ранга, например, писец Ашравана? Кто же тот несчастный, которого арбитры заставят вытерпеть кощунство Шай ради якобы всеобщего блага?

Гаотона опустил на стул у двери.

– Ну? – окликнула Шай.

Он развел руками:

– Приступай.

Шай села прямо, коснувшись ногами пола.

– Вы?

– Я.

– Вы же арбитр! Один из самых влиятельных людей в империи!

– О, а я и не заметил. Я подхожу под твои условия: мужчина, родился там же, где и Ашраван, и очень хорошо его знал.

– Но... – замаялась Шай.

Гаотона подался вперед, сложив руки на коленях.

– Мы обсуждали это несколько недель. Рассматривали разные варианты. Но в конце концов решили, что не имеем морального права подвергать кощунству подданных. Единственный выход – пойти одному из нас.

Шай стряхнула удивление. «Фрава без проблем отправила бы кого-нибудь другого, – подумала она. – Как и любой из вас. Вы, Гаотона, сами на этом настояли».

Они считали Гаотону соперником и, наверное, с радостью отдали его на милость Шай и ее ужасных извращенных манипуляций. Ее проверки совершенно безвредны, но разве убедишь в этом великого? И все же, подвинув стул ближе к Гаотоне, Шай поймала себя на мысли, что ей хочется его успокоить. Она открыла шкатулку с печатями, вырезанными за последние три недели.

– Эти печати не схватятся, – сказала она, доставая первую. – Среди поддельщиков это значит, что изменение слишком неестественное, чтобы закрепиться. Вряд ли хоть раз эффект продержится больше минуты, и то при условии, что я все сделала правильно.

Гаотона, помедлив, кивнул.

– Человеческая душа отличается от души предмета, – продолжила Шай. – Человек постоянно растет, развивается, меняется. Поэтому духопечать на человеке изнашивается, чего не случается с предметами. В лучшем случае она продержится один день. Возьмем, к примеру, мои знаки сущности: они развеиваются примерно через двадцать шесть часов.

– А... как же император?

– Если я справлюсь, печать нужно будет ставить каждое утро, как это делает кровопечатник с моей дверью. Но я добавлю способность запоминать, развиваться и учиться, то есть император не будет начинать день с чистого листа, а сможет опираться на основу, которую я для него заложу. Однако точно так же, как человеческое тело устает и нуждается во сне, духопечать требует обновления. К счастью, если она правильно сработана, это под силу любому, даже самому Ашравану.

Шай вручила Гаотоне печать и позволила ее рассмотреть.

– Каждая из тех печатей, что мы сегодня проверим, изменит определенную мелочь в вашем прошлом или во врожденных чертах характера. Поскольку вы не Ашраван, изменения не схватятся. Но вы с ним достаточно схожи, и некоторое время печати продержатся, если я все сделала правильно.

– Хочешь сказать, это... образчик души императора? – спросил Гаотона, изучая печать.

– Нет. Лишь подделка малой ее части. Я даже не уверена, сработает ли итоговый вариант. Насколько известно, в точности такого никто раньше не делал. Есть сведения о мастерах, которые подделывали чужие души ради... гнусных целей. Я опираюсь на это знание. Если печати продержатся на вас хотя бы минуту, на императоре они будут держаться намного дольше, так как подстроены под его прошлое.

– Малая часть его души. – Гаотона вернул печать. – Значит, эти проверки... эти печати не для итогового варианта?

– Нет, но удачные узоры я встрою в основную модель. Представьте, что печати – отдельные буквы на большом свитке. В конце я сложу их воедино и расскажу историю. Историю о характере и прошлом человека. К сожалению, даже если подделка схватится, появятся мелкие отличия. Советую начать распространять слухи о ранении императора. Ничего серьезного, но намекните на сильный удар по голове. Это объяснит несоответствия.

– Уже ходят слухи о его смерти. Их распространяет фракция «Слава».

– Дайте понять, что он просто ранен.

– Но...

Шай подняла печать.

– Даже если я совершу невозможное, что, заметьте, удавалось мне только в редких случаях, у подделки императора будет недоставать воспоминаний. Останутся только те, о которых я прочитала или догадалась. Все частные беседы, а их было много, подделка не воссоздаст. Можно наделить его умением притворяться, в таких вещах я хорошо разбираюсь, но на одном притворстве далеко не уедешь. В конце концов кто-нибудь обнаружит провалы в памяти императора. Распространите слухи, Гаотона. Без этого не обойтись.

Он кивнул и, закатав рукав, подставил руку. Шай занесла печать, и Гаотона со вздохом зажмурился и кивнул еще раз.

Шай прижала печать. Как всегда, когда печать соприкасалась с кожей, казалось, что она вжимается в нечто твердое, будто рука арбитра обернулась камнем. Печать слегка вдавилась. Странное ощущение, когда работаешь с живым человеком. Шай провернула печать и отняла, оставив на руке Гаотона красный оттиск. Потом вытащила карманные часы и принялась наблюдать за стрелкой.

Оттиск испускал слабые струйки красного дыма. Это случалось, только когда печать ставили на живое существо. Душа сопротивлялась перезаписи. Впрочем, оттиск не исчез сразу, и Шай облегченно вздохнула. Хороший знак.

Интересно, если попробовать такое на императоре, воспротивится его душа вторжению? Или наоборот, примет печать, желая исправить все, что пошло не так, как то окно, желавшее вернуть былую красоту? Шай не знала.

Гаотона открыл глаза.

– Сработало?..

– Пока держится.

– Я не чувствую никакой разницы.

– В этом и смысл. Если император ощутит влияние печати, то поймет: что-то не так. А теперь отвечайте не задумываясь первое, что придет в голову. Какой у вас любимый цвет?

– Зеленый.

– Почему?

– Потому что... – Гаотона умолк, склонив голову набок. – Потому что вот так.

– А что ваш брат?

– Я его почти не помню, – пожал плечами Гаотона. – Он умер, когда я был совсем маленьким.

– Хорошо, что он умер, – обронила Шай. – Император из него получился бы никудышный, если бы его выбрали в...

Гаотона вскочил со стула.

– Не смей злословить о нем! Да я тебя... – Он застыл, бросив взгляд на Зу, когда тот встревоженно потянулся за мечом. – Я... Брат?..

Печать истаяла.

– Минута и пять секунд, – сказала Шай. – Неплохо.

Гаотона поднес руку ко лбу.

– Я помню брата. Но... у меня нет братьев, и никогда не было. Я помню, как боготворил его, помню, как было больно, когда он умер. Столько боли...

– Это пройдет, – успокоила Шай. – Все ощущения улетучатся, как отголоски дурного сна. Через час вы с трудом вспомните, что вас расстроило. – Она сделала пару пометок. – Думаю, вы отреагировали чересчур резко, когда я оскорбила память вашего брата. Ашраван его боготворил, но держал свои чувства глубоко внутри, и чувствовал вину, поскольку считал, что из брата мог выйти лучший император.

– Что? Ты уверена?

– В этом? Да. Печать придется немного подправить, но в целом она удалась.

Гаотона сел обратно. Его старческие глаза словно пытались пронзить Шай насквозь, докопаться до самых глубин.

– Ты очень хорошо разбираешься в людях.

– Это одна из первых ступеней обучения. До того, как нам позволяют хотя бы прикоснуться к духокамню.

– Какой потенциал... – прошептал Гаотона.

Шай подавила вспышку раздражения. Как он смеет смотреть на нее, будто она впустую растрчивает жизнь? Она любит подделывание. Это так захватывающе – жить, добиваясь успеха собственным умом. В этом ее призвание. Ведь так?

Шай подумала об одном особенном знаке сущности, запертом вместе с остальными. Она ни разу его не использовала, хотя он был самым ценным из пяти.

– Давайте проверим следующую.

Шай сделала вид, что не обратила внимания на взгляд Гаотона. Не до обид. Тетушка Сол всегда говорила, что для Шай самая большая опасность в жизни – гордыня.

– Ладно, – согласился Гаотона. – Но кое-что не дает мне покоя. Из того немногого, что ты поведала о самом процессе, я так и не понял, почему печати вообще на мне работают. Разве тебе не нужно знать точное прошлое объекта, чтобы на него подействовала печать?

– Чтобы они держались – да. Как я говорила, все дело в правдоподобии.

– Но это совершенно неправдоподобно! У меня нет брата.

– Что ж, попробую объяснить. – Шай уселась поудобнее. – Я переписываю вашу душу, чтобы она совпала с душой императора. Точно так же я переписала прошлое окна, чтобы вставить новый витраж. В обоих случаях это работает из-за эффекта узнавания. Оконная рама знает, как должен выглядеть витраж, он был там раньше. И хотя новое окно не точно такое же, что прежде, печать держится, потому что оно соответствует общей концепции витража. Вы провели с императором очень много времени. Ваши души привычны друг другу так же, как привычны друг другу оконная рама и витраж. Вот почему мне приходится проверять печати на ком-то вроде вас, а не на себе. Когда я ставлю печать, то будто... будто предлагаю вашей душе частицу чего-то знакомого. Печать схватится, только если частица очень маленькая, и продержится недолго – лишь то время, пока, как я и сказала, душа считает ее знакомой частью Ашравана.

Гаотона посмотрел на нее с недоумением.

– Наверное, вам все это кажется суеверной чепухой? – спросила Шай.

– Все это... довольно мистично. – Гаотона развел руками. – Оконной раме знакома «концепция» витража? Душе понятна концепция другой души?

– Эти процессы существуют за пределами нашего понимания. – Шай приготовила следующую печать. – Мы думаем об окнах, мы знаем об окнах; окно

обретает или не обретает... смысл в духовной реальности. В своем роде оно обретает жизнь. Хотите верить, хотите нет, это не важно. Главное, что я могу опробовать на вас эти печати, и если они продержатся хотя бы минуту, значит, я на верном пути. В идеале нужно испытывать их на самом императоре, но в таком состоянии он не способен ответить на мои вопросы. Необходимо, чтобы печати не просто схватились, но действовали все вместе, поэтому вам придется описывать свои ощущения, чтобы я могла подправить узор. Вашу руку, пожалуйста.

– Хорошо.

Гаотона подобрался. Шай прижала к его руке печать, провернула ее вполоборота, но как только отняла, оттиск развеялся облачком красного дыма.

– Проклятье, – вздохнула Шай.

– Что случилось? – Гаотона провел пальцами по руке, но только размазал обычные чернила. Печать развеялась так быстро, что чернила даже не успели слиться с кожей. – Что ты на этот раз со мной сделала?

– Похоже, что ничего. – Шай выискивала изъяны на клише. Их не было. – С этой я ошиблась, причем серьезно.

– А что за печать?

– Причина, по которой Ашраван согласился стать императором, – ответила Шай. – Ночи в огне! В этой я была уверена.

Покачав головой, Шай отложила печать. Видимо, Ашраван решил стать императором не из глубинного желания утвердиться в глазах семьи и наконец выйти из тени брата.

– Я могу объяснить, почему он это сделал, поддельщица, – сказал Гаотона.

Шай окинула его взглядом. «Этот человек поощрял Ашравана взойти на императорский трон, – подумала она. – И в итоге Ашраван его за это возненавидел. Наверное».

– Ну хорошо. И почему?

– Он хотел произвести изменения в империи.

– В дневнике он об этом не упоминает.

– Ашраван был скромным человеком.

Шай подняла бровь. Это противоречило докладам, которые ей принесли.

– О, он бывал вспыльчив, – пояснил Гаотона. – В спорах он едва ли не впивался в оппонента зубами и не отпускал, пока не убеждал в своей точке зрения. Но как человек он был... в глубине души он был скромным. Ты должна понять в нем эту черту.

– Ясно.

«Ты ведь и с ним вел себя так же? – подумала Шай. – Этот разочарованный взгляд, этот подтекст, что нам нужно стараться быть лучше». Не только Шай казалось, будто Гаотона относится к ней как дед, недовольный внучкой.

Ее так и подмывало отказаться от его помощи. Но... он сам предложил свою кандидатуру для проверок. Он считал ее занятие ужасным и настоял на том, чтобы взять наказание на себя, а не посылать другого.

«Ты ведь искренен, старик», – подумала Шай.

Гаотона откинулся на спинку стула и с отрешенным взглядом размышлял об императоре. В Шай проснулось недовольство.

Многие поддельщики насмеялись над честными людьми, считая их легкой добычей. Они заблуждались. Честный человек не значит наивный. Дурака что честного, что бесчестного обмануть одинаково легко, просто нужны разные подходы.

Зато умного и честного человека обмануть всегда сложнее, чем умного и бесчестного.

А искренность... Ее очень сложно подделать по определению.

– О чем ты думаешь? – спросил Гаотона, подавшись вперед.

– Я думала о том, что вы вели себя с императором так же, как со мной, надоедая бесконечным ворчанием по поводу того, чего ему нужно добиться.

Гаотона фыркнул.

– Возможно, именно так я и поступал, но это не значит, что я не прав или был не прав. Он мог... мог бы добиться большего. И ты могла бы стать прекрасным художником.

– Я и есть прекрасный художник.

– Настоящим.

– Так и есть.

Гаотона покачал головой.

– Картина Фравы... мы ведь что-то упускаем из виду? Она приказала проверить подделку, и эксперты обнаружили несколько незначительных ошибок. Без подсказки я бы их не разглядел, но они там есть. Поразмыслив, я счел их странными. Мазки выполнены безупречно, даже мастерски. Манера письма полностью совпадает. Если ты справилась с этим, зачем допустила ошибки, например, поместив луну слишком низко? Различие почти неуловимое, но мне кажется, что ты бы никогда так не ошиблась, разве что умышленно.

Шай потянулась за следующей печатью.

– Полотно, которое считают оригиналом, – продолжал Гаотона, – то, что висит сейчас в кабинете Фравы... тоже подделка?

– Да, – со вздохом признала Шай. – Я подменила картины за пару дней до того, как полезла за скипетром. Проверяла систему охраны дворца. Я проникла в галерею, добралась до кабинета Фравы и для пробы подменила картину.

– Значит, они считают подделкой оригинал, – с улыбкой заключил Гаотона. – Ты подрисовала эти неточности, чтобы оригинал казался копией!

– Вообще-то нет. Хотя раньше я применяла эту уловку. Обе картины поддельные. Просто одна – явная подделка, которую должны были обнаружить, если что-то пойдет не так.

– Получается, оригинал до сих пор где-то спрятан... – с любопытством произнес Гаотона. – Ты проникла во дворец, чтобы изучить систему охраны, потом заменила оригинал копией. Вторую копию, чуть похуже, ты оставила в своей комнате как ложный след. Если бы тебя поймали на месте преступления или тебя выдал подельник, мы бы обыскали твою комнату, нашли там плохую копию и решили, что ты не успела совершить подмену. Служащие приняли бы более совершенную копию за подлинник. И никто не стал бы искать оригинал.

– Примерно так.

– Очень умно. А если бы тебя поймали, когда ты полезла во дворец за скипетром, ты бы созналась, что хотела украсть только картину. При обыске твоей комнаты нашли бы подделку, тебя бы обвинили в попытке кражи у частного лица, то

есть Фравы, а это далеко не столь страшное преступление, как похищение имперской реликвии. Вместо смертной казни тебя бы приговорили к десяти годам каторги.

– К несчастью, в самый неподходящий момент меня предали, – сказала Шай.

– Шут подстроил так, что меня поймали, когда я выходила со скипетром из галереи.

– Но что насчет оригинала картины? Где ты его спрятала? – Гаотона помедлил. – Картина все еще во дворце?

– В некотором роде.

Гаотона посмотрел на нее, по-прежнему улыбаясь.

– Я ее сожгла.

Улыбка тут же исчезла.

– Ты лжешь.

– Не в этот раз, старик. Картина не стоила такого риска, чтобы пытаться вынести ее из галереи. Я подменила ее только для того, чтобы проверить систему охраны. Пронести подделку просто – на входе никого не проверяют, только на выходе. Моей настоящей целью был скипетр, кража картины – дело второстепенное. Подменив оригинал фальшивкой, я бросила его в камин в главной галерее.

– Ужасно! – воскликнул Гаотона. – Это была работа кисти Шу-Ксена, его величайший шедевр! Он ослеп и больше не может рисовать. Ты представляешь, сколько она стоит?.. – Он брызгал слюной. – Я не понимаю. Зачем, зачем ты так поступила?

– Не важно. Никто об этом не узнает. Все будут смотреть на подделку и радоваться. Никто не пострадал.

– Эта картина – бесценное произведение искусства! – Гаотона впился в Шай взглядом. – Ты подменила ее лишь из гордыни. Ты не собиралась продавать оригинал, просто хотела, чтобы в галерее висела твоя копия. Ты уничтожила шедевр, чтобы возвыситься.

Шай пожалала плечами. Это не вся история, но картину она и правда сожгла. У нее были на то причины.

– На сегодня хватит. – Гаотона встал и махнул рукой. Лицо у него покраснелось. – А я начал было думать... Ба!

И вышел за дверь.

День сорок второй

Каждый человек – головоломка.

Так учил Тао, ее первый наставник. Поддельщик не просто мошенник или шарлатан. Поддельщик – художник, рисующий человеческим восприятием.

Надуть может любой чумазый оборванец с улицы. Поддельщик метит выше. Обычные мошенники сначала пудрят мозги, а потом сбегают, пока жертва не опомнилась. Поддельщик же должен создать нечто столь совершенное, столь прекрасное, столь реальное, что жертва никогда не заподозрит обман.

Человек – как дремучая чаща, заросшая лианами, бурьяном, кустами, молодняком и цветами. В любом человеке переплетается множество эмоций и желаний, и обычно они борются друг с другом подобно тому, как розовые кусты сражаются за один клочок земли.

«Уважай людей, которых обманываешь, – учил ее Тао. – Если воровать у них достаточно долго, начинаешь их понимать».

По мере работы Шай создавала книгу – подлинную историю жизни императора Ашравана. В ее книге будет больше правды, чем в тех, что писали хронисты во славу императора, и больше правды, чем даже в дневнике, написанном его собственной рукой. Шай медленно собирала кусочки головоломки, пробираясь через дебри разума Ашравана.

Как и сказал Гаотона, император был идеалистом. Шай видела это по ранним записям, исполненным сдержанного беспокойства, по его отношению к слугам. Империя не такая уж ужасная. Но и не чудесная. Просто империя. Народ терпел ее, поскольку при умеренном произволе существовать удобно. Коррупция неизбежна, но жить с ней можно. Или так, или смириться с хаосом и неизвестностью.

Великие во всем пользовались покровительством. На государственную службу, которая считалась самым прибыльным и престижным занятием, чаще всего поступали благодаря связям и взяткам, а не умениям и способностям. Вдобавок тех, кто лучше всех служил империи, – торговцев и ремесленников – регулярно обирали до нитки сотни жадных рук.

Это ни для кого не было секретом. Ашраван хотел все изменить. Поначалу.

А вот потом... Никакого конкретного «потом» не было. Поэты объяснили бы провал Ашравана одним-единственным недостатком в его характере, но у человека всегда больше одного недостатка, равно как и страстей больше одной. Если бы Шай принимала за основу подделки одно качество, получился бы не человек, а жалкое подобие.

Но... можно ли рассчитывать на что-то лучшее? Не стоит ли удовольствоваться правдоподобием в чем-то одном? Например, создать императора, который будет правильно вести себя при дворе, но не одурачит ближайшее окружение. Возможно, это сработает подобно театральным декорациям, которые служат своей цели во время спектакля, но серьезной проверки не выдерживают.

Такая задача вполне осуществима. Наверное, стоит объяснить арбитрам, что именно возможно, и сотворить им подобие императора – марионетку, которая исполняет свои официальные обязанности, а потом удаляется под предлогом недомогания.

Такое Шай может сделать.

Но она поняла, что не хочет.

В этом нет вызова. Это методы уличного воришки, живущего сегодняшним днем. Поддельщику пристало создавать нечто долговременное.

В глубине души Шай радовалась вызову. Она поняла, что хочет вернуть Ашравана к жизни. По крайней мере, хочет попытаться.

Шай прилегла на кровать, уже переделанную в более удобную, с балдахином и пуховым одеялом. Шторы она всегда задергивала. Вечерние стражники играли за ее столом в карты.

«Почему ты так стремишься вернуть Ашравана к жизни? – спросила себя Шай. – Арбитры убьют тебя прежде, чем ты увидишь результат своей работы. Тебя должно заботить только бегство».

И все же... сам император. Она решила украсть Лунный скипетр, потому что это самая знаменитая реликвия империи. Она хотела, чтобы ее работа была выставлена в великой императорской галерее.

Однако ее нынешняя задача... гораздо сложнее. Кто из поддельщиков мог похвастаться чем-то подобным? Подделка на Троне Роз?

«Хватит, – сказала она себе, на этот раз решительнее. – Не увлекайся. Гордыня, Шай. Не поддавайся гордыне».

Шай открыла свою книгу на последних страницах, где под видом глоссария зашифровала план побега.

На днях кровопечатник прибежал, словно перепугался, что не успеет обновить печать. От него разило крепкой выпивкой. Он наслаждался дворцовым гостеприимством. Если устроить так, чтобы он пришел с утра пораньше и тем же вечером напился...

Горы, где обитают бойцы, граничат с болотами Джамара, где живут кровопечатники. Их взаимная ненависть уходит корнями глубоко в прошлое и, скорее всего, превосходит верность империи. Когда появился кровопечатник, несколько бойцов испытали явное отвращение. Шай начала завоевывать их расположение: мимоходом пошутить, вскользь упомянуть о сходстве их народов. Бойцам не полагалось с ней разговаривать, но проходили недели, а она только и делала, что рылась в книгах да беседовала со старыми арбитрами. Стражники заскучали, а скучающими людьми легко манипулировать.

В распоряжении Шай было много духокамня, и она бы им воспользовалась, но часто простейшие методы намного действеннее. От поддельщиков всегда ждут, что они по любому поводу применяют печати. Великие распространяли байки о темном колдовстве, о том, как поддельщики ставят печати на ступни спящим, изменяя личности, вторгаясь в них и насилуя разум.

На самом деле духопечать – едва ли не последняя надежда поддельщика. Слишком уж легко ее обнаружить. «Но я бы прямо сейчас отдала правую руку за свои знаки сущности...»

Она едва не поддавалась искушению вырезать новый знак для побега. Разумеется, от нее этого ожидают, и будет очень трудно выполнить сотни необходимых проверок. Если она будет испытывать его на своей руке, стражники сразу об этом доложат, а на Гаотоне он и вовсе не сработает.

Использовать же непроверенный знак сущности... это может очень плохо кончиться. Нет, она включит в план побега духопечать, но в его основу лягут более традиционные уловки.

День пятьдесят восьмой

Шай была готова к очередному визиту Фравы.

Женщина задержалась в дверях. Стражники без возражений покинули комнату, а их место занял капитан Зу.

– Ты хорошо потрудились, – заметила Фрава.

Шай оторвалась от исследования. Арбитр имела в виду не успехи с печатью Ашравана, а изменения в комнате. На днях Шай переделала пол. Это было нетрудно.

Все сведения нашлись в хрониках: какой камень использовали при постройке дворца, из каких каменоломен, сроки, имена каменщиков.

– Вам нравится? – спросила Шай. – По-моему, мрамор хорошо сочетается с камином.

Фрава повернулась и удивленно моргнула.

– Камин? Откуда... Мне кажется или комната стала больше?

– Смежной кладовкой никто не пользовался, – пробормотала Шай, уткнувшись обратно в книгу. – И комнаты разделили недавно, всего пару лет назад. Я переписала прошлое так, чтобы эта комната оказалась побольше и чтобы в ней установили камин.

Фрава казалась ошарашенной.

– Это немыслимо... – Повернувшись к Шай, она нацепила на лицо обычную строгую маску. – Не похоже, что ты серьезно относишься к своей задаче, поддельщица. Ты здесь, чтобы помочь императору, а не перестраивать дворец.

– Резьба по духокамяню меня успокаивает. Как и рабочее пространство, которое не напоминает чулан. Душу вашего императора вы получите в назначенный срок, Фрава.

Арбитр подошла к столу и внимательно его осмотрела.

– Так ты уже приступила к духопечати императора?

– Да, и не к одной. Это сложный процесс. Я проверила на Гаотоне уже больше сотни печатей...

– Арбитре Гаотоне.

– ...на старике. Каждая печать – лишь малая часть общей картины. Когда они заработают все по отдельности, я вырежу их в миниатюре и объединю с дюжину проверочных печатей в одну итоговую.

– Но ты же сказала, что испробовала больше сотни, – нахмурилась Фрава. – А в итоговую печать попадут только двенадцать?

Шай рассмеялась.

– Двенадцать? Чтобы подделать целую душу? Едва ли. Итоговая печать, которую придется ставить императору каждое утро, будет... ключевым элементом, краеугольным камнем в арке. Прикладывать к коже императора придется только ее, но она будет связывать в сеть сотни других печатей.

Шай потянулась за своей книгой с заметками и черновыми набросками итоговых печатей.

– Я поставлю их на металлическую пластину, а потом свяжу с той печатью, что вы будете ежедневно ставить Ашравану. Эту пластину ему придется все время держать при себе.

– Ему придется носить металлическую пластину и ежедневно ставить печать? – сухо произнесла Фрава. – Ты не думаешь, что так весьма затруднительно вести нормальную жизнь?

– Я полагаю, если ты император, вести нормальную жизнь и так весьма затруднительно. У вас все получится. Пластины обычно оформляют как украшение, например, большой медальон или квадратный наплечный браслет. Посмотрите на мои знаки сущности, они сделаны точно так же, в шкатулке для каждого есть пластина.

Шай замялась.

– Тем не менее ничего подобного мне делать не приходилось, да и никому другому. Есть шанс... и пожалуй, довольно большой... что со временем мозг императора впитает эту информацию. Если целый год день за днем вычерчивать один и тот же рисунок на стопке бумаги, то в конце рисунок проявится и на нижних листках. Возможно, через несколько лет ставить печать и вовсе не понадобится.

– Я все равно считаю это вопиющим.

– Хуже, чем быть мертвым?

Фрава положила руку на книгу Шай с заметками и неоконченными набросками. Потом забрала ее.

– Я прикажу писцам это скопировать.

Шай встала.

– Она мне нужна.

– Не сомневаюсь, – согласилась Фрава. – Именно поэтому ее нужно скопировать, на всякий случай.

– Это займет слишком много времени.

– Я верну ее через день.

Фрава направилась к выходу. Шай кинулась следом, но ей преградил путь капитан Зу, наполовину вытащив меч из ножен.

Фрава обернулась.

– Тихо, тихо, капитан. Не нужно. Поддельщица лишь защищает свою работу. Это хорошо. Значит, она старалась.

Взгляды Шай и Зу скрестились.

«Он хочет моей смерти, – подумала Шай. – И сильно».

Она уже поняла, что представляет из себя Зу. Своей кражей Шай посягнула на самое важное для него – долг, который заключался в охране дворца. Ее сдал императорский шут, а не поймал Зу. После такого провала капитан чувствовал себя неуверенно и хотел отыграться на Шай.

Наконец она отвела глаза. Неприятно, но нужно уступить.

– Аккуратнее, – предупредила она Фраву. – Не потеряйте ни единой страницы.

– Я буду защищать книгу... как если бы от этого зависела жизнь императора. – Фраве пришлось по душе ее собственная шутка, и она удостоила Шай редкой улыбки. – Ты подумала над другим вопросом, который мы обсуждали?

– Да.

– И?

– Да.

Улыбка Фравы стала шире.

– Скоро мы к этому вернемся.

Фрава ушла с книгой, в которой были результаты двух месяцев работы. Шай точно знала, что у нее на уме. Фрава не собирается копировать записи. Она покажет их другому поддельщику, чтобы узнать, достаточно ли ему этого для завершения работы.

Если он решит, что достаточно, Шай без лишнего шума казнят, прежде чем другие арбитры успеют возразить. Вероятно, Зу убьет ее сам, прямо здесь.

День пятьдесят девятый

Ночью Шай не спалось.

Она не сомневалась, что тщательно подготовилась. И все равно приходилось ждать, будто с петлей на шее. Тревога не стихала. Что, если она неправильно истолковала ситуацию?

Она умышленно напустила туману в свои записи. Неразборчивый почерк, многочисленные перекрестные ссылки, бесконечные списки с напоминаниями для себя о том, что нужно сделать... Получилась толстая книга, и все должно указывать на то, что работа умопомрачительно сложная.

Это была подделка, причем одной из сложнейших разновидностей – из тех, что имитируют не конкретного человека или предмет, а общее впечатление.

«Держись подальше, – намекала книга. – Даже не пытайся закончить эту душу. Пусть Шай доделает самое трудное, ибо от тебя потребуются невероятные усилия. А в случае провала... заплатишь головой».

Эта книга – одна из ее самых искусных подделок. Каждое слово в ней одновременно и истина, и ложь. Только настоящий мастер способен прочесть между строк и заметить, как сильно она старалась показать всю трудность и опасность задания.

Насколько хорош поддельщик Фравы?

Доживет ли Шай до утра?

Она не спала, хотя спать хотелось и нужно было отдохнуть. Часы, минуты, секунды ожидания тянулись мучительно долго. Но мысль о том, что за ней придут во сне, была еще ужаснее.

В конце концов она встала с постели и занялась докладами о жизни Ашравана. Игравшие в карты за столом стражники воззрились на нее. Один даже сочувственно кивнул, заметив ее усталый вид и покрасневшие глаза.

– Свет слишком яркий? – спросил он, указывая на лампу.

– Нет, – ответила Шай. – Просто одна мысль не дает покоя.

Она провела ночь в постели, мысленно погружившись в жизнь Ашравана. Досадуя, что нельзя заглянуть в свои записи, Шай взяла чистый лист и начала делать пометки. Она добавит их в книгу, когда ту вернут. Если вернут...

Похоже, она наконец поняла, почему Ашраван утратил юношеский оптимизм. По крайней мере, ясно, какие обстоятельства подтолкнули его к этому: отчасти продажность чиновников, отчасти неуверенность в себе, но все это было не главное.

Нет, провалом Ашравана стала сама его жизнь. Жизнь во дворце, жизнь на благо империи, тикающей подобно часам. Все работало. Конечно, не так хорошо, как хотелось бы. Но ведь работало.

Чтобы бросить вызов существующему порядку, нужна воля, а собрать волю в кулак не так просто. Ашраван вел праздную жизнь. Он не был ленив, но не обязательно быть ленивым, чтобы тебя перемолола имперская бюрократия, и можно сколько угодно говорить себе, что в следующем месяце потребуешь все изменить. Со временем плыть по течению великой реки под названием Империя Роз становилось все легче.

В итоге император делался все более мягким: большую часть внимания уделял красоте дворца, а не жизни подданных и позволял арбитрам брать на себя все больше государственных обязанностей.

Шай вздохнула. Даже это описание императора слишком упрощенное, в нем не учитывается, каким человеком он был и каким стал. Последовательность событий ничего не говорит о его характере, любви к спорам, чувстве прекрасного или привычке писать отвратительные стихи, а потом ждать, что придворные будут их превозносить.

Еще оно не говорит о его высокомерии и тайном желании стать кем-то другим. Вот почему он снова и снова перечитывал дневник. Видимо, выискивал ту развилку в жизни, когда ступил на неверный путь.

Он так и не понял. В жизни редко бывают явные развилки. Люди меняются медленно, со временем. Нельзя сделать один шаг и очутиться в совершенно другом месте. Сначала делаешь шагок в сторону, обходя камни, некоторое время идешь вдоль дороги. Потом еще немного отклоняешься, чтобы идти по мягкому. А потом перестаешь обращать внимание на то, что отходишь от дороги все дальше, и в итоге оказываешься в другом городе, гадая, почему дорожные указатели не привели тебя, куда нужно.

Дверь в комнату открылась.

Шай подскочила на кровати, едва не выронив записи. За ней пришли.

Но... нет, уже утро. Сквозь витражное окно пробивался свет, вставали и потягивались стражники. Дверь открыл кровопечатник, снова с похмелья и, как это часто бывало, со стопкой бумаг в руке.

«Сегодня он рано, – подумала Шай, сверившись с карманными часами. – С чего бы, он ведь вечно опаздывает?»

Не говоря ни слова, кровопечатник надрезал ей руку и обновил печать на двери. Шай обожгла боль. Кровопечатник выскочил из комнаты, будто опаздывал на важную встречу. Шай проводила его взглядом и покачала головой.

Миг спустя дверь снова открылась, и вошла Фрава.

– О, не спишь, – произнесла она.

Бойцы поприветствовали ее. Фрава с раздраженным видом хлопнула книгой Шай о стол.

– Писцы закончили. Возвращайся к работе.

Фрава поспешно удалилась. Шай с облегченным вздохом откинулась в постели. Хитрость сработала. У нее в запасе еще несколько недель.

День семидесятый

– То есть этот символ, – Гаотона указал на один из набросков будущих итоговых печатей, – обозначает время, а именно конкретный момент семь лет назад?

– Да. – Шай стерла пыль с только что вырезанной духопечати. – Вы быстро учитесь.

– Скажем так, меня ежедневно оперируют. Спокойнее, когда знаешь, какими именно скальпелями.

– Изменения не...

– Не постоянные. Да, ты все время это говоришь. – Гаотона протянул руку, чтобы она поставила печать. – Тем не менее у меня возникают сомнения. Если нанести человеку порез, он затянется и исчезнет, но если проделывать это снова и снова в том же месте, останется шрам. Наверняка примерно так же и с душой.

– Разумеется, за исключением того, что с душой все иначе. – Шай прижала печать к его руке.

Он так до конца и не простил ей то, что она сожгла шедевр Шу-Ксена. Это было видно. Она его не просто огорчила, а разозлила.

Со временем злость истаяла, и у них снова наладились рабочие отношения.

Гаотона склонил голову.

– Я... Сейчас как-то странно.

– В каком смысле странно? – Шай отсчитывала секунды по карманным часам.

– Я помню, как сам себя уговаривал стать императором. И... и я презирал себя.

Матерь света... неужели он так ко мне относился?

Печать продержалась пятьдесят семь секунд. Неплохо.

– Да, – ответила Шай, когда печать исчезла. – Думаю, он относился к вам именно так.

Ее охватило волнение. Наконец эта печать заработала!

Она все ближе подбиралась к пониманию императора, все ближе к решению головоломки. Каждый раз незадолго до конца проекта, будь то картина, скульптура или масштабная подделка души, наступал момент, когда Шай отчетливо видела результат: он представал перед ее мысленным взором, оставалось лишь формально закончить работу.

Этот момент не за горами. Душа императора раскрылась перед ней, лишь некоторые уголки все еще скрывались в тени. Шай жаждала довести дело до конца, узнать, получится ли вернуть императора к жизни. После того как она столько о нем прочла, столько узнала, ей необходимо закончить работу.

А до тех пор можно обождать с побегом.

– Это та самая? – спросил Гаотона. – Та самая печать, которую ты столько раз переделывала? Печать о том, почему он решил стать императором?

– Да, – ответила Шай.

– Наши с ним отношения. Ты испробовала вариант, когда его решение зависело от наших с ним отношений и... и от стыда после наших разговоров.

– Да.

– И печать взялась.

– Да.

Гаотона откинулся на спинку стула.

– Матерь света... – прошептал он снова.

Шай отложила печать к признанным годными.

За последние пару недель все остальные арбитры нанесли Шай такие же визиты, что и Фрава, обещая золотые горы за полный контроль над императором. Только Гаотона ни разу не пытался ее подкупить. Честнейший человек, к тому же стоящий на самой верхней ступени власти в империи. Поразительно. Использовать его гораздо сложнее, чем она рассчитывала.

– Повторю, вы меня впечатлили. – Шай повернулась к Гаотоне. – Мало кто из великих стал бы тратить время на изучение духопечатей. Великие сторонятся всего, что считают злом, даже не пытаясь понять. Вы изменили свое мнение?

– Нет. Я по-прежнему считаю то, чем ты занимаешься, если не злом, то, безусловно, богохульством. Но кто я такой, чтобы судить? Чтобы сохранить власть, мы положились на твое искусство, которое так запросто называем кощунством. Жажда власти заглушает нашу совесть.

– Для остальных это так, но у вас другие личные мотивы.

Гаотона вскинул бровь.

– Вы просто хотите вернуть Ашравана, – пояснила Шай. – Вы отказываетесь признать, что потеряли его. Вы любили его как сына: юношу, которого наставляли, императора, в которого всегда верили, даже когда он сам в себя не верил.

Гаотона отвел взгляд, ему явно стало неудобно.

– Но это будет не Ашраван. Даже если все получится, это будет не совсем он. Вы же понимаете.

Гаотона кивнул.

– Но... иногда хорошая подделка не хуже оригинала. Вы из фракции «Наследие». Вы окружаете себя поддельными древностями и копиями давно утраченных картин. Думаю, и с поддельным императором примерно так же. А вы... вы просто хотите убедиться, что сделали все, что могли. Ради него.

– Как у тебя это получается? – тихо спросил Гаотона. – Я видел, как ты разговариваешь со стражниками. Ты выучила по именам всех слуг. И похоже, знаешь все об их семьях, пристрастиях, чем они занимаются по вечерам... При том, что целыми днями сидишь взаперти в этой комнате. Ты не покидала ее несколько месяцев. Откуда ты все это знаешь?

– Люди по своей натуре всегда пытаются распространить власть на все, что их окружает. – Шай поднялась, чтобы принести следующую печать. – Мы строим стены, чтобы защититься от ветра, крыши – чтобы укрыться от дождя. Мы приручаем стихии, подчиняем природу нашей воле. И нам кажется, будто все у нас под контролем.

Вот только мы просто заменяем одно воздействие на другое. Вместо ветра на нас влияют стены. Возведенные нами стены. Человек всюду запустил свои пальцы. Вытканые ковры, выращенная пища. Все без исключения, что мы видим, к чему прикасаемся, что ощущаем в городе, результат воздействия человека.

Может казаться, что все у нас под контролем, но это не так, если мы не понимаем людей. Контроль над окружающим миром сводится не к защите от ветра, а к пониманию, почему служанка проплакала прошлую ночь или почему стражник все время проигрывает в карты. Или почему наниматель остановил свой выбор на вас.

Гаотона смотрел, как Шай садится обратно и подносит печать. Он нерешительно протянул руку.

– Такое ощущение, что как мы ни старались, но все равно недооценили тебя, девушка.

– Хорошо. Вы уловили суть.

Шай поставила печать.

– А теперь скажите, откуда у вас взялось отвращение к рыбе?

День семьдесят шестой

«Нужно это сделать, – думала Шай, пока кровопечатник резал ей руку. – Сегодня. Сегодня можно удрать».

В другом рукаве она прятала листок бумаги, похожий на те, что носил с собой кровопечатник, когда приходил раньше обычного.

Пару дней назад Шай заметила на одном таком следы воска. Это были письма. На нее снизошло понимание. Она с самого начала ошибалась в этом человеке.

– Добрые вести? – поинтересовалась Шай, пока кровопечатник обмазывал печать ее кровью.

Человек с белыми губами бросил на нее насмешливый взгляд.

– Из дома, – предположила Шай. – Тебе пишет женщина из Джамара. Ты сегодня получил от нее письмо? Почту во дворец доставляют по утрам. В твою дверь стучат и передают письмо...

«И будят тебя, – мысленно добавила она, – поэтому в такие дни ты приходишь вовремя».

– Должно быть, ты очень по ней скучаешь, раз не можешь расстаться с письмом.

Кровопечатник сгрел Шай за ворот блузки.

– Не смей говорить о ней, ведьма, – прошипел он. – Не смей! И никаких колдовских штук!

Кровопечатник оказался моложе, чем она думала. С джамарцами всегда так: из-за белых кожи и волос чужакам кажется, что они не имеют возраста. Шай следовало это учесть. Он еще совсем юнец.

Шай поджала губы.

– Ты говоришь о колдовских штучках, а сам держишь печать, измазанную моей кровью? Это ты, дружок, угрожал отправить за мной в погоню скелеты. А я умею разве что полировать столы.

– Да ты... да ты... Аргх!

Юноша всплеснул руками и приложил печать к двери.

Стражники равнодушно взирали на них с легким неодобрением. Шай нарочно подбирала слова так, чтобы подчеркнуть, насколько она безобидна, в то время как кровопечатник – настоящее чудовище. Стражники почти три месяца наблюдали за ее возней и воспринимали ее как дружелюбного ученого, а кровопечатник пускал ей кровь, которую использовал для ужасных таинственных дел.

«Пора обронить бумагу», – подумала Шай.

Она опустила рукав, чтобы из него, пока стражники отвернулись, выскользнула подделка. С этого начинался план побега... Однако настоящая подделка, душа императора, еще не закончена.

Шай засомневалась. Глупо, но она засомневалась.

Дверь захлопнулась.

Она упустила возможность.

В оцепенении Шай добралась до кровати и присела на край. Поддельное письмо так и осталось в рукаве. Почему она засомневалась? Неужели ее инстинкт самосохранения настолько слабый?

«Я могу подождать еще немного, – сказала она себе, – пока не будет готов знак сущности Ашравана».

Шай твердила это себе уже не первый день. И даже не первую неделю. Чем ближе к назначенному сроку, тем вероятнее Фрава нанесет удар. Она снова заявила и под другим предлогом забрала записи Шай для изучения. Неуклонно приближался момент, когда другому поддельщику не составит труда разобраться в работе Шай и доделать ее самому.

По крайней мере, так он решит. Чем дальше продвигалась Шай, тем лучше понимала, насколько невыполнимо задание. И тем больше жаждала добиться успеха.

Она открыла свою книгу о жизни императора и вскоре обнаружила, что просматривает заметки о его юношеских годах. Мысли о том, что он не вернется к жизни, что вся ее работа – просто прикрытие для побега, причиняли физическую боль.

«Ночи, – мысленно вздохнула Шай, – ты к нему привязалась. Ты начинаешь видеть его глазами Гаотона!»

Нельзя давать волю чувствам. Она с ним даже никогда не встречалась. Кроме того, он недостойный человек.

Но так было не всегда. Нет, на самом деле он никогда не становился недостойным. Все гораздо сложнее, как и с любым другим. Она могла его понять, могла увидеть...

– Ночи! – воскликнула Шай, вскочив и отбросив книгу. Нужно проветрить голову.

Когда шесть часов спустя пришел Гаотона, Шай как раз прикладывала печать к дальней стене. Старик открыл дверь, шагнул в комнату и замер, когда стену затопило цветом.

От печати Шай, как струи краски, зазмеились узоры: зеленые, алые, янтарные. Как живая, выростала картина: на ветвях распускались листья, наливались гроздьями фрукты. Деталей становилось все больше, из ниоткуда появилась золотая отделка и побежала по стене, обрамляя листья и отражая свет.

Фреска заполнялась, каждый ее дюйм был пропитан иллюзией движения. Вились побеги, из веток неожиданно пробивались шипы. Гаотона с благоговением выдохнул и шагнул к Шай. За ним вошел Зу, а двое других стражников удалились, закрыв за собой дверь.

Гаотона прикоснулся к стене, но, разумеется, краска была сухой. Стена считала, что ее разрисовали много лет назад. Гаотона опустился на колени, рассматривая две печати, которые Шай поместила в основании картины. Трансформацию запускала третья печать, поставленная сверху, а в двух первых было описано, как создать рисунок: основные принципы, изменения в прошлом и инструкции.

– Как? – спросил Гаотона.

– Один из бойцов сопровождал Ацуко из Джиндо во время его визита во Дворец Роз, – ответила Шай. – Ацуко заболел, и ему пришлось три недели провести в постели. В комнате всего лишь этажом выше.

– Твоя подделка помещает его в эту комнату?

– Да. Это случилось до того, как в прошлом году просочилась вода и испортила потолок. Поэтому его вполне могли разместить в этой комнате. Стена помнит, что Ацуко провел здесь много дней, слишком слабый, чтобы выходить. Но

сил рисовать ему хватало – понемногу, чтобы скоротать время. Каждый день он добавлял к узору то лозу, то листики, то ягоды.

– Печать не должна схватиться, – заметил Гаотона. – Подделка неустойчивая. Ты изменила слишком многое.

– Да, она на грани... на грани, где только и встретишь величайшую красоту.

Шай отняла печать. Последние шесть часов словно выпали из памяти, так ее захватил творческий порыв.

– И все же... – произнес Гаотона.

– Она схватится. Если бы вы были стеной, что бы предпочли? Остаться серой и унылой или живой и яркой?

– Стены не могут думать!

– Это не мешает им быть равнодушными.

Гаотона покачал головой, бормоча что-то про суеверия.

– Сколько ушло времени?

– Чтобы сделать эту духопечать? Я вырезала ее урывками около месяца. Это последнее, что я хотела изменить в комнате.

– Художник был джиндойцем. Возможно, потому что вы соотечественники, стена... Но нет! Так думать – идти на поводу у твоих суеверий.

Гаотона покачал головой, пытаясь понять, почему эта фреска схватилась, хотя для Шай ответ был очевиден.

– Между прочим, мы с джиндойцами не соотечественники, – раздраженно проговорила она. – Может, у нас и общие корни, но мы совершенно разные.

Ох уж эти великие. Из-за схожести черт судят о родстве между народами.

Гаотона обвел взглядом комнату. Прекрасная мебель, отполированная и украшенная резьбой. Мраморный пол с серебряной инкрустацией, потрескивающий камин и небольшая люстра. На полу великолепный ковер, в прошлом рваное одеяло. Справа на стене сверкает витражное окно, свет льется из него на восхитительную фреску.

Первоначальный вид сохранила лишь дверь, массивная, но ничем не примечательная. Шай не могла ее подделать из-за печати кровопечатника.

– Ты понимаешь, что у тебя теперь лучшие покои во дворце?

– Это вряд ли, – хмыкнула Шай. – Наверняка лучшие покои у императора.

– Самые просторные, да. Но не лучшие. – Гаотона опустился на колени перед фреской, чтобы лучше рассмотреть печати внизу. – Ты добавила подробные разъяснения, как это рисовалось.

– Чтобы создать правдоподобную подделку, нужно в некоторой мере обладать соответствующими техническими навыками.

– Значит, ты могла расписать эту стену и сама.

– У меня нет красок.

– Их можно было попросить. Я бы принес. Вместо этого ты создала подделку.

– Такая уж я есть. – В Шай снова проснулось раздражение.

– Такой ты выбираешь быть. Если стена может пожелать стать фреской, Ван Шай-Лу, то и ты можешь захотеть стать великим живописцем.

Шай грохнула печатью о стол и пару раз глубоко вздохнула.

– А ты с характером, – добавил Гаотона. – Как и Ашраван. Собственно, теперь я точно знаю, каково это, поскольку ты несколько раз дала мне это ощутить на

собственной шкуре. Интересно, можно ли использовать такой... способ, чтобы научить людей лучше понимать друг друга. Записать свои эмоции на печать и дать другим почувствовать, каково это быть тобой...

– Звучит отлично. Вот только подделка душ – ужасное преступление против природы.

– Вот только.

– Раз вы смогли прочесть эти печати, то и правда далеко продвинулись. – Шай подчеркнуто сменила тему. – Я начинаю думать, что вы жульничали.

– Собственно...

Злость приутихла, и Шай встрепенулась, окончательно ее отогнав. Что это на нее нашло?

Гаотона смущенно полез в карман и достал деревянную шкатулку. Шкатулку, в которой Шай хранила свои сокровища – пять знаков сущности. В трудную минуту они могли превратить ее в ту, кем она могла бы стать.

Шай шагнула вперед, но Гаотона открыл шкатулку – печатей в ней не было.

– Мне жаль. Но отдать их тебе сейчас было бы... немного глупо с моей стороны. По всей видимости, любая из них вмиг тебя освободит.

– На самом деле только две, – кисло признала Шай, дернув пальцами. На эти духопечати ушло больше восьми лет жизни. Первую она начала сразу после окончания обучения.

– Хм, да.

В шкатулке лежали металлические пластины, на которых были выгравированы печати поменьше, – чертежи для изменения ее души.

– Эта, полагаю? – Гаотона взял одну из пластин. – Шайзан. В переводе... Кулак Шай? Эта печать сделает из тебя воина?

– Да.

Значит, Гаотона изучал ее знаки сущности. Вот откуда он так хорошо научился читать ее печати.

– Я понимаю в лучшем случае лишь десятую часть начертанного, – сказал Гаотона. – Но и это впечатляет. На их создание и правда должны были уйти годы.

– Они... очень дороги мне.

Шай заставляла себя сидеть за столом и не заикливаться на пластинах. Если получится сбежать с ними, она легко смастерит новую печать. Это все равно займет несколько недель, но большая часть многолетней работы не пропадет. Но если пластины уничтожат...

Гаотона сел на свое обычное место и принялся невозмутимо рассматривать пластины. Будь на его месте любой другой, Шай расценила бы это как угрозу: «Смотри, что у меня в руках, смотри, что я могу с тобой сделать». Однако к Гаотоне это не относилось. Ему было по-настоящему интересно.

Или нет? Как всегда, инстинкты брали свое. Шай хороша, но кто-то другой может оказаться лучше. О чем и предостерегал дядюшка Вон. Что, если Гаотона все это время ее дурачил? Шай не сомневалась, что стоит доверять своему мнению на его счет. Но если она ошиблась, это обернется катастрофой.

«Катастрофа возможна при любом раскладе, – подумала она. – Давно надо было сбежать».

– Я понимаю, когда превращаешь себя в воина. – Гаотона перебирал пластины. – И эту тоже – охотник и специалист по выживанию. Крайне практично. Впечатляюще. Эта – ученый. Но зачем? Ты и так ученый.

– Ни один человек не может знать всего, – ответила Шай. – На учебу времени не напасешься. С этим знаком сущности я заговорю на десятках языков, от фен до мулла'дил, даже на нескольких наречиях сайкла. Познаю десятки разных культур и как сойти в них за свою. Разберусь в естественных и точных науках, основных политических фракциях в мире.

– А, – только и сказал Гаотона.

«Просто отдай их мне», – подумала Шай.

– А что насчет этой? – поинтересовался Гаотона. – Нищенка? Зачем становиться замороженной и... это означает, что у тебя выпадет большая часть волос, а кожа покроется шрамами?

– Кардинально изменится внешность, – пояснила Шай. – Это полезно.

Она опустила, что еще будет знать улицы как свои пять пальцев и сможет выжить на городском дне. Она и так неплохо взламывала замки, но с этой печатью никто с ней не сравнится.

С этой печатью, пожалуй, удастся протиснуться через крошечное окно и спуститься с пятого этажа на свободу – она переписывала прошлое так, будто Шай обладала многолетним опытом акробатики.

– Мог и сам догадаться. – Гаотона взял последнюю пластину. – Остается только эта, самая непонятная из всех.

Шай не проронила ни слова.

– Готовка, работа на ферме, шитье. Полагаю, еще одна личина. Чтобы притвориться человеком попроще?

– Да.

Кивнув, Гаотона отложил пластину.

«Искренность. Он должен видеть, что я искренна. Ее не подделать».

– Нет, – вздохнула Шай.

Гаотона поднял на нее взгляд.

– Это... мой выход из профессии. Пользоваться я ей не собираюсь. Но если захочу, вот она печать.

– Выход из профессии?

– Если я когда-нибудь воспользуюсь этой печатью, она перепишет весь мой опыт поддельщицы. Вообще все. Я забуду, как делать простейшие печати. Забуду, что вообще училась подделыванию. Превращусь в обычного человека.

– А ты этого хочешь?

– Нет.

Пауза.

– Да. Может быть. Отчасти.

Искренность. С каким же трудом она дается. Но иногда это единственно возможный вариант.

Иногда Шай мечтала о простой жизни. Такие же нездоровые мысли возникают у человека на краю обрыва: может, взять и прыгнуть? Извечное искушение, пусть и нелепое.

Обычная жизнь. Не скрываться, не лгать. Шай любила то, чем занималась. Любила азарт, чувство успеха, ощущение чуда. Но иногда... сидя в камере или спасаясь бегством... иногда она мечтала о другом.

– Твои дядя и тетя? – спросил Гаотона. – Дядя Вон, тетя Сол, они тоже упомянуты. Я прочел об этом вот здесь.

– Они вымышленные, – прошептала Шай.

– Но ты все время вспоминаешь их наставления.

Она зажмурилась.

– Подозреваю, – продолжал Гаотона, – что жизнь, полная лжи, заставляет реальность смешиваться с вымыслом. Но если ты поставишь эту печать, то, безусловно, не забудешь все целиком. Как ты скроешь подлог от самой себя?

– О, это будет величайшая подделка. Она должна одурачить даже меня. В печать вписана уверенность в том, что я умру, если не буду ставить ее каждое утро. В ней есть история о болезни, о посещении... перепечатника, как вы их называете. Целитель, который работает с духопечатями, прописал фальшивой мне средство, которое нужно применять ежедневно. Тетушка Сол и дядюшка Вон будут присылать письма, помогая мне дурачить саму себя. Я их уже написала, сотни писем. Прежде чем воспользоваться знаком сущности, я хорошо заплачу службе доставки, чтобы они периодически присылали мне письмо.

– А если тебе захочется навестить родственников? – поинтересовался Гаотона.

– Скажем, разузнать побольше о своем детстве.

– На пластине все есть. Я буду бояться путешествовать. Это правда, в подростковом возрасте я действительно опасалась покинуть свою деревню. С этой печатью я буду держаться подальше от городов. Мне будет казаться, что ездить к родственникам слишком опасно. Но все это не важно, я никогда ею не воспользуюсь.

Эта печать покончит с ней. Шай забудет последние двадцать лет, вплоть до момента, когда ей было восемь и она впервые заинтересовалась тем, как стать поддельщицей.

Она превратится в совершенно другого человека. Остальные знаки сущности лишь переписывали часть ее прошлого, но не заставляли забыть, кто она на самом деле. С последней печатью все иначе. Она будет окончательной. Это ужасало.

– Ты проделала огромную работу ради того, чем никогда не воспользуешься, – заметил Гаотона.

– Иногда такова жизнь.

Гаотона покачал головой.

– Меня наняли, чтобы уничтожить картину, – выпалила Шай.

Она сама не до конца понимала, почему это сказала. С Гаотоной нужно быть искренней, иначе ее план не сработает, но о картине можно было и не упоминать. Так?

Гаотона поднял взгляд.

– Шу-Ксен нанял меня уничтожить картину Фравы. Вот почему я сожгла шедевр, вместо того чтобы вынести его из галереи.

– Шу-Ксен? Но... он же автор картины! Зачем ему нанимать тебя, чтобы уничтожить свою работу?

– Потому что он ненавидит империю. Он написал эту картину для любимой женщины. Ее дети преподнесли картину в дар империи. Шу-Ксен уже стар, слеп и

почти не может двигаться. Он не хотел уходить в могилу, зная, что одна из его работ служит во славу Империи Роз. Он умолял меня ее сжечь.

Гаотона остолбенел. Он смотрел на Шай так, будто пытался заглянуть к ней в душу. Мог бы этого и не делать, все равно их беседа почти вывернула ее душу наизнанку.

– Мастеров такого уровня подделать сложно, особенно не имея под рукой оригинала. Если вдуматься, вы поймете, что мне было не обойтись без его помощи. Он объяснил мне свои приемы и технику, рассказал, как ее рисовал. Обучил меня работе с кистью.

– Почему ты просто не вернула ему оригинал? – спросил Гаотона.

– Он умирает, – ответила Шай. – Для него нет смысла хранить картину у себя. Он написал ее для любимой. Ее больше нет, и он решил, что не должно быть и картины.

– Бесценное сокровище утрачено из-за глупой гордости.

– Это была его работа!

– Уже нет. Она принадлежала всем, кто ее видел. Зря ты согласилась. Уничтожение такого шедевра нельзя оправдать. – Гаотона помедлил. – И все же я могу понять. Ты поступила по-своему благородно. Твоей целью был Лунный скипетр. Было опасно подставляться ради уничтожения картины.

– В юности Шу-Ксен обучал меня живописи. Я не могла отказать ему в просьбе. Гаотона не согласился, но, похоже, понял. Ночи, какой же уязвимой она себя чувствовала.

«Это важно, – сказала себе Шай. – И, может быть...»

Но Гаотона так и не вернул ей пластины. Шай этого и не ожидала, пока их соглашение не исполнено. А до его исполнения она наверняка не доживет, если только не сбежит.

Они испытывали последнюю партию новых печатей. Как Шай и предполагала, каждая продержалась по крайней мере минуту. В целом она уже представляла, какой должна быть финальная печать. После шестой печати Гаотона приготовился к следующей.

– Всё, – сказала Шай.

– Всё на сегодня?

– Вообще всё. – Шай убрала последнюю печать.

– Ты закончила? – Гаотона выпрямился на стуле. – Почти на месяц раньше! Это...

– Я не закончила. Впереди самое трудное. Нужно вырезать несколько сотен печатей в миниатюре, объединить их и создать ключевую печать. Пока что я будто смешивала краски и определялась с манерой исполнения. Теперь нужно все сложить воедино. Последний раз у меня ушло на это почти пять месяцев.

– А у тебя всего двадцать четыре дня.

– А у меня всего двадцать четыре дня.

Шай ощутила укол вины. Ей придется сбежать. Скоро. Нельзя ждать окончания работы.

– Тогда не буду мешать.

Гаотона поднялся, опуская рукав.

День восемьдесят пятый

«Да», – подумала Шай, роясь в стопках бумаг, разложенных по всей кровати. На столе не хватало места, поэтому она поплотнее заправила постель и разложила на кровати все свои записи.

«Да, его первой любовью была героиня из сказки». Вот почему... рыжие волосы Куршины... но это уже подсознательно. Он этого не понимал. Глубоко засело.

Как она это пропустила? До завершения работы вовсе не так близко, как ей казалось. И времени совсем нет!

Она добавила новые сведения в печать, над которой работала. В этой печати содержались романтические побуждения и любовный опыт Ашравана. Шай включила все случаи: деликатные, постыдные, знаменательные. Все, что удалось выяснить, и еще немного выдумок, чтобы наполнить душу, но с разумным риском: флирт с женщиной, чье имя Ашраван не сможет вспомнить, праздные фантазии, несостоявшийся роман с женщиной, которой уже нет в живых.

Эту часть души воссоздать труднее всего, поскольку она самая личная. Не многие деяния императора оставались тайной, но Ашраван не всегда был императором.

Приходилось додумывать, чтобы не оставлять душу пустой, без чувств.

Очень личные моменты, очень мощные. Пока Шай добавляла эти детали, Ашраван казался как никогда близким. Не так, будто она за ним подглядывала, но будто стала его частью.

Теперь Шай вела две книги: одну с общим описанием процесса, без деталей, согласно которой она катастрофически не успевала, и вторую, настоящую, замаскированную под пачку бесполезных, бессистемных заметок.

Она и правда не успевала, но не так сильно, как можно было решить из официальной книги. Надо надеяться, эта уловка подарит ей несколько дней, прежде чем Фрава нанесет удар.

В поисках нужной заметки Шай наткнулась на один из списков к плану побега. Она помедлила.

«Во-первых, разобраться с печатью на двери, – говорилось в зашифрованной записи. – Во-вторых, обезвредить стражников. В-третьих, по возможности вернуть знаки сущности. В-четвертых, сбежать из дворца. В-пятых, сбежать из города».

Каждый пункт был расписан подробно. Она не передумала бежать, по крайней мере не окончательно. У нее был хороший план.

Однако почти все внимание поглощали отчаянные усилия доделать душу. «Еще неделя, – сказала себе Шай. – Если закончу через неделю, останется еще пять дней до срока. Тогда можно бежать».

День девяносто седьмой

– Эй, – произнес, наклоняясь, Хурли. – Что это?

Хурли – крепкий боец – прикидывался глупее, чем есть на самом деле. Это помогало ему выигрывать в карты. У него было двое детей – девочки, обе младше пяти лет, но он все равно ходил на сторону с одной из стражниц. В глубине души

Хурли мечтал стать плотником, как отец. И он пришел бы в ужас, если бы обнаружил, как много Шай о нем знает.

Хурли подобрал с пола листок бумаги. Кровопечатник только что ушел. Наступило утро девяносто седьмого дня заключения Шай, и она решила привести план в исполнение. Пора выбирать.

Она не успела закончить печать императора. Оставалось совсем немного: одна ночь работы, и все будет готово. В любом случае по плану нужно подождать еще одну ночь.

– Должно быть, дохляк обронил, – сказала, подходя, Йил – напарница Хурли в утренней смене.

– Что это? – спросила Шай из-за стола.

– Письмо, – буркнул Хурли.

Стражники молча читали. Все бойцы во дворце были грамотными. Это требовалось от любого имперского государственного служащего выше второго ранга.

Шай, вся в напряжении, тихонько попивала чай с лимоном, заставляя себя дышать ровно. Она старалась расслабиться, хотя расслабляться ей сейчас хотелось меньше всего. Шай знала содержание письма наизусть, ведь она сама его написала и тайком обронила за спиной кровопечатника, когда тот уходил.

«Брат, – гласило письмо. – Я почти завершил свою задачу и получил столько, что позавидует и Азалек после работы в южных провинциях. Пленница, за которой я присматриваю, вряд ли стоит усилий, но кто я такой, чтобы задавать вопросы, если мне платят такие деньги? Я скоро к тебе вернусь. С гордостью сообщаю, что другая моя задача увенчалась успехом. Я отобрал нескольких умелых воинов и получил надлежащие образцы: волосы, ногти и личные вещи, которых не хватает. Уверен, очень скоро у нас появятся собственные стражники».

Письмо продолжалось на обеих сторонах листка, чтобы не вызывать подозрений. Шай дополнила его дворцовыми сплетнями, включая те, что ей самой знать не полагалось, но о которых должен быть осведомлен кровопечатник.

Она беспокоилась, что письмо слишком откровенное. Не сочтут ли его стражники явной подделкой?

– Ну и ку-ну-кам, – прошептала Йил, используя слово на родном языке, которое приблизительно можно было перевести как «человек с анусом вместо рта».

– Имперский ку-ну-кам!

По всей видимости, стражники сочли письмо настоящим. Солдатам не просто распознать коварство.

– Можно взглянуть? – попросила Шай.

Хурли протянул листок.

– Это то, о чем я думаю? Он собирал наши... образцы?

– Не обязательно у бойцов, – ответила Шай, прочитав письмо. – Он не уточнил.

– Зачем ему волосы? – спросила Йил. – И ногти?

– Они могут из них такое понаделать. – Хурли снова выругался. – Ты же видела, что он каждый день творит с кровью Шай на двери.

– Вряд ли что у него толком выйдет с волосами и ногтями, – скептически заметила Шай. – Это просто хвастовство. Чтобы его печати сработали, кровь должна быть свежей, собранной не больше дня назад. Он просто красовался перед братом.

– Все равно так нельзя, – сказал Хурли.

– Я бы не стала беспокоиться, – произнесла Шай.

Стражники переглянулись. Через несколько минут их смена закончилась. Хурли и Йил ушли, перешептываясь. Письмо Хурли спрятал в карман. Вряд ли они сильно навредят кровопечатнику. Разве что припугнут.

Все знали, что кровопечатник каждый вечер посещает чайные дома. Шай едва его не пожалела. Она заключила, что когда он получает вести из дома, то приходит вовремя, иногда в хорошем настроении. Когда писем нет – напивается. Этим утром он выглядел грустным, значит, давно не получал письма.

Все, что приключится с кровопечатником вечером, не сделает его день счастливее. Да, Шай едва не пожалела его, но тут же вспомнила про печать на двери и повязку, которую пришлось наложить, чтобы остановить кровь.

Как только стража сменилась, Шай глубоко вздохнула и вновь погрузилась в работу.

Ночью. Сегодня ночью она закончит.

День девяносто восьмой

Шай стояла на коленях посреди разложенных на полу листков бумаги с неразборчивыми записями и рисунками печатей. Забрел рассвет, солнечный свет проник сквозь витражное окно, рассыпав по комнате алые, синие и фиолетовые пятна.

Перед Шай на металлической пластине клише вниз лежала духопечать, вырезанная из отполированного камня. Затвердевший духокамень походит на стеатит или любой другой мелкозернистый камень, но отличается красными вкраплениями, словно его запятнали каплями крови.

Шай устало поморгала. Она и правда собирается бежать? Сколько она спала?.. Часа четыре за последние три дня?

Безусловно, с побегом можно подождать. Безусловно, можно отдохнуть. Хотя бы денек.

«Отдохнуть, – оцепенело подумала она, – и не проснуться».

Шай застыла на коленях. Печать казалась ей самой прекрасной вещью в мире.

Ее предки поклонялись камням, что по ночам падают с неба. Их называли душами низвергнутых богов. Мастера-резчики обрабатывали их, придавали им форму. Раньше Шай считала это глупостью. Зачем поклоняться тому, что сам же и создал?

Стоя на коленях перед своим шедевром, она наконец поняла. Казалось, в эту печать она вложила всю себя до последней капли, сумев вместить два года работы в три месяца и завершить ее за одну отчаянную, неистовую ночь. Этой ночью она внесла изменения – кардинальные изменения – в свои записи и в саму душу. Неизвестно, то ли их породил финальный, потрясающий образ окончательного результата... то ли эти изменения лишь ошибочные идеи, вызванные утомлением и заблуждением.

Не узнать, пока печатью не воспользуются.

– Оно... готово? – спросил один из стражников.

Стражники сидели в дальней части комнаты у камина, освободив ей место на полу. Шай смутно помнила, как отодвигала мебель. Какое-то время она вытаскивала стопки листов из-под кровати, потом полезла под нее за остальными.

Готово ли?

Шай кивнула.

– И что же это? – спросил стражник.

«Ночи, – подумала Шай. – Ну да, они же ничего не знают».

Во время ее разговоров с Гаотоной рядовые стражники каждый раз выходили из комнаты.

Вероятно, бедняг отправят на какой-нибудь отдаленный форпост империи, и остаток жизни они будут охранять перевалы к далекому полуострову Теоиш или что-нибудь в этом роде. Спрячут концы в воду, чтобы стражники даже случайно не проговорились о том, что видели.

– Спросите у Гаотоны, если интересно, – тихо ответила Шай. – Мне запрещено рассказывать.

Она с трепетом уложила печать вместе с пластиной в заранее приготовленную шкатулку. Печать уютно расположилась на красном бархате, пластина в форме большого тонкого медальона – в углублении под крышечкой. Шай закрыла шкатулку и придвинула к себе вторую, чуть побольше. В ней лежали пять печатей, которые она вырезала и подготовила для предстоящего побега. Если, конечно, удастся сбежать. Две печати Шай уже использовала.

Поспать бы пару часов. Хоть пару...

«Нет. Лечь в кровать я все равно не могу».

Но было бы чудесно свернуться калачиком на полу...

Дверь начала открываться. Шай затопила паника. Кровапечатник? Он должен валяться в беспамятстве, упившись после стычки с бойцами!

На миг ее охватило странное чувство облегчения. Если явится кровапечатник, сбежать сегодня у нее ни единого шанса. Можно будет поспать. Неужели Хурли и Йил не устроили ему взбучку? Шай была уверена, что хорошо изучила, но... поняла, что из-за усталости делает поспешные выводы. Дверь открылась, но вошел не кровапечатник.

Это был капитан Зу.

– Вон, – рявкнул он на стражников.

Те подскочили.

– И вообще, на сегодня свободны, – добавил Зу. – Я послежу за ней до конца смены.

Отдав честь, стражники вышли. Шай почувствовала себя раненым лосем, отбившимся от стада. Дверь закрылась, и Зу медленно, многозначительно повернулся к ней.

– Печать еще не готова, – солгала Шай. – Так что можешь...

– Ну и пусть. – Зу растянул губы в широкой улыбке. – Помнится, три месяца назад я тебе кое-что пообещал, воровка. Должок не оплачен.

В комнате царил полумрак, лампа догорала, а рассвет только занимался. Шай попятилась, на ходу меняя план. Все должно быть не так. С Зу ей не справиться.

Ее губы продолжали шевелиться, отвлекая его и разыгрывая придуманную на ходу роль:

– Когда Фрава узнает, что ты приходил сюда, она будет в ярости.

Зу обнажил меч.

– Ночи! – Шай отступила к кровати. – Зу, не надо. Меня нельзя убивать, печать еще не готова!

– Твою работу закончит другой, – зловеще ухмыльнулся Зу. – У Фравы есть другой поддельщик. Считаешь себя самой умной? Наверняка придумала отличный план побега на завтра. Но в этот раз мы тебя опередили. Не ожидала, лгунья? Я с радостью тебя прикончу. С огромной радостью.

Он сделал выпад, и острое меча рассекло блузку на боку Шай. Она отскочила с криком о помощи. Она все еще играла роль, но в актерской игре не было нужды: сердце колотилось, паника нарастала. Шай забежала за кровать, чтобы та оказалась между ней и Зу.

Зу широко улыбнулся и запрыгнул на кровать.

Кровать под ним тут же сломалась. Когда ночью Шай доставала из-под нее записи, то подделала деревянную раму так, чтобы та стала ненадежной, изъеденной насекомыми. Кроме того, Шай располосовала снизу матрас.

Зу едва успел крикнуть, как кровать полностью развалилась и рухнула в дыру в полу. Подсказкой для Шай стал запах плесени, который она ощутила, когда впервые вошла в комнату. Согласно отчетам деревянные балки вверху могли прогнить, а потолок – обвалиться, если бы протечку быстро не обнаружили. Благодаря простой и очень правдоподобной подделке не выдержал пол.

Зу свалился в пустую кладовку этажом ниже. Тяжело дыша, Шай заглянула в дыру. Зу лежал среди обломков кровати, остатков матраса и подушек. Скорее всего, он останется жив: ловушка предназначалась для одного из обычных стражников, к которым она не испытывала неприязни.

«Не совсем, как я планировала, – подумала она, – но сойдет».

Шай бросилась к столу и принялась собирать вещи: шкатулка с печатями, душа императора, запас духокамня и чернила. И две книги, в которых подробно описывались созданные печати, – официальная и настоящая.

Официальную Шай швырнула в камин и, остановившись перед дверью, начала отсчитывать удары сердца.

Она с мукой смотрела на пульсирующую метку кровопечатника. Наконец, после нескольких томительных минут, печать на двери вспыхнула в последний раз и... исчезла. Кровопечатник не вернулся вовремя, чтобы ее обновить.

Свобода.

Шай выскочила из комнаты, теперь отделанной золотом и серебром. В ней она провела последние три месяца. Коридор, такой близкий, казался другой страной. Шай прижала одну из трех подготовленных печатей к своей блузке, подделывая ее под одежду дворцовой прислуги. Слева на груди появились официальные знаки различия.

Со следующим этапом нужно поспешить. Скоро или явится кровопечатник, или очнется Зу, или сменятся стражники. Шай хотелось бегом добраться по коридору до конюшни.

Но если человек бежит, значит, либо в чем-то виноват, либо спешит выполнить важное поручение. И то, и другое запомнится. Поэтому Шай двинулась

вперед быстрым шагом с таким видом, будто знает, что делает, и ей нельзя чинить препятствия.

Вскоре она очутилась в более людной части огромного дворца. Никто ее не остановил. На одном из устланных коврами перекрестков она остановилась сама.

Справа длинный коридор вел ко входу в покои императора. Печать словно хотела выпрыгнуть из шкатулки, которую она несла в правой руке. Почему Шай не оставила ее в комнате, чтобы ее нашел Гаотона? Заполучив печать, арбитры гонялись бы за ней с меньшим усердием.

Можно бросить ее прямо здесь, в коридоре, увешанном портретами древних правителей и заставленном поддельными старинными вазами.

Нет. Шай взяла печать с собой не просто так. Она подготовилась проникнуть в покои императора и с самого начала знала, что будет делать.

Уйти сейчас – значит, так и не узнать, получилась ли печать. Это как построить дом, но не побывать внутри. Как выковать меч, но ни разу им не взмахнуть. Как создать шедевр и убрать его подальше, чтобы больше никогда не видеть.

Шай повернула направо.

Как только в поле зрения никого не оказалось, она перевернула одну из ужасных ваз и сломала оттиск на донышке. Ваза тут же превратилась в невзрачную глиняную версию самой себя.

Времени у Шай было в избытке, и она выяснила, где и кто именно мастерил эти вазы. Четвертая из заготовленных печатей превратила вазу в копию золотого ночного горшка. С горшком под мышкой Шай подошла ко входу в императорские покои и кивнула стражникам.

– Я тебя не знаю, – сказал стражник.

Шай тоже не знала этого парня с прищуром и шрамом на лице, что было ожидаемо. Стражников, которые присматривали за ней, держали отдельно от остальных, чтобы они не трепались о своих обязанностях.

– О, прошу прощения, – пристыженно произнесла Шай. – Мне поручили эту обязанность только сегодня утром.

Покраснев, она достала из кармана квадратик плотной бумаги, помеченный печатью и подписью Гаотона. И то, и другое она подделала старым добрым способом. Очень удобно, ведь он сам позволил насоветовать ему, как обеспечить безопасность императорских покоев.

Шай беспрепятственно прошла дальше. Первые три комнаты обширных императорских покоев пустовали. За ними оказалась запертая дверь. Чтобы попасть внутрь, Шай пришлось воспользоваться той же печатью, что она прикладывала к кровати, и подделать дверь так, чтобы древесина стала изъеденной насекомыми. Печать продержалась недолго, но, чтобы открыть дверь, хватило и пары секунд.

Шай оказалась в спальне императора. Именно сюда ее привели в самый первый день, когда предложили сделку. Кроме лежавшего в постели императора в комнате никого не было. Император не спал и незряче пялился в потолок.

В комнате царила тишина, покой. И пахло... слишком чисто. Слишком стерильно. Как пустой холст.

Шай подошла к кровати. Ашраван не обратил на нее внимания. Его глаза не двигались. Она коснулась пальцами его плеча. Красивое лицо, хотя он старше ее лет на пятнадцать. По меркам великих это не так много, они живут дольше остальных.

Волевое лицо, несмотря на долгое пребывание в постели. Золотистые волосы, твердый подбородок, крупный нос. Черты лица, столь отличные от соплеменников Шай.

– Я знаю твою душу, – тихо сказала она. – Знаю ее лучше, чем ты сам.

Шай ждала, что в любой момент поднимут тревогу, но все равно опустила на колени возле кровати.

– Жаль, что мы не знакомы. Я знаю твою душу, но не тебя самого. Я читала о тебе; я заглянула в твое сердце. Я воссоздала твою душу, насколько смогла. Но знать человека не то же самое, что знать о человеке.

Что за крик снаружи, из дальней части дворца?

– Я не прошу многого, – тихо продолжила Шай. – Просто живи. Просто существуй. Я сделала, что смогла. Пусть этого будет достаточно.

Глубоко вздохнув, она открыла шкатулку и достала знак сущности. Смазала его чернилами, закатала рукав рубашки императора, обнажив плечо.

Помедлив, Шай прижала печать. Та коснулась плоти и, как это всегда бывает с печатями, на мгновение замерла. Через секунду кожа и мышцы уступили, печать вдавилась на долю дюйма.

Шай повернула печать, закрепляя, и отняла. Мягко засияла ярко-красная метка.

Ашраван моргнул.

Шай поднялась и отступила на шаг. Император сел и огляделся. Она отсчитывала про себя секунды.

– Мои покои, – пробормотал Ашраван. – Что произошло? На нас напали. Меня... меня ранили. О, мать света. Куршина! Ее убили.

Его лицо превратилось в маску скорби, но через секунду он взял себя в руки. Он император. Ашраван бывал вспыльчивым, но, за исключением приступов ярости, умел хорошо скрывать свои чувства. Он повернулся к Шай, и его живые глаза, которые вновь видели, обратились на нее.

– Кто ты?

Шай ожидала этого вопроса, но внутри у нее все сжалось.

– Что-то вроде лекаря. Вас тяжело ранили. Я вас исцелила. Однако способ, которым я воспользовалась, считается в вашей культуре... предосудительным.

– Ты перепечатница, – предположил Ашраван. – Поддельщица?..

– В своем роде, – ответила Шай. Он поверит в это, потому что хочет поверить. – Случай был сложным. Вам придется ставить печать каждое утро и всегда держать при себе металлическую пластину, она сделана в виде диска и лежит в этой шкатулке. Ашраван, без печати и пластины вы умрете.

– Дай ее мне. – Он протянул руку.

Шай колебалась, сама не зная почему.

– Дай ее мне, – повторил император настойчивее.

Шай вложила печать ему в руку.

– Никому не говорите, что здесь произошло, – сказала она. – Ни страже, ни прислуге. Только ваши арбитры знают, что я сделала.

Крики снаружи усилились. Ашраван повернулся к двери.

– Если никому нельзя знать, тебе пора. Уходи и не возвращайся. – Он перевел взгляд на печать. – Наверное, следовало тебя убить, раз ты знаешь мой секрет.

Вот и эгоизм, которому он научился за годы во дворце. Да, с этим она угадала.

– Но вы этого не сделаете, – сказала Шай.

– Нет.

А вот и милосердие из самых глубин его души.

– Уходи, пока я не передумал.

Шай сделала шаг к двери и достала карманные часы: прошло уже больше минуты. Печать схватилась, хотя бы на некоторое время. Шай обернулась к императору.

– Чего ты ждешь? – спросил он.

– Просто хотела взглянуть еще раз.

Ашраван нахмурился.

Крики становились все громче.

– Уходи, пожалуйста.

Похоже, он понимал, что это за крики, или, по крайней мере, догадывался.

– На этот раз постарайся быть лучше, – сказала Шай. – Пожалуйста.

И убежала.

Некоторое время она боролась с искушением вложить в Ашравана стремление ее защитить. Но для этого не было никаких оснований, по крайней мере, с его точки зрения, и вся подделка могла оказаться под угрозой. Кроме того, Шай не верила, что императору удастся ее спасти. До окончания траура ему нельзя покидать покои или говорить с кем-то, помимо арбитров. Все это время империей управляли арбитры.

На самом деле они и так ею управляли. Нет, если бы она опрометчиво внесла в душу Ашравана желание ее защитить, это бы не сработало. Перед последней дверью Шай подобрала поддельный ночной горшок, выбежала в коридор и громко ахнула.

– Это все из-за меня? – воскликнула она. – Ночи! Я же не хотела! Я знаю, что мне нельзя его видеть. Знаю, что он в уединении, но просто ошиблась дверью!

Стражники устали на нее, потом один смягчился:

– Ты ни при чем. Иди к себе и не высывайся.

Шай слегка поклонилась и поспешила прочь. Большинство стражников ее не знают, так что...

Бок пронзила резкая боль. Шай задохнулась. Боль походила на ту, что настигала ее каждое утро, когда кровопечатник ставил печать на дверь.

Шай в панике ощупала бок. Когда Зу полоснул ее мечом, то разрезал не только блузку, но и темную нижнюю сорочку! Посмотрев на пальцы, Шай увидела кровь. Просто царапина, ничего серьезного. В суматохе она даже не заметила, что ранена.

Но на мече Зу осталась ее кровь. Свежая кровь. Кровопечатник начал охоту. Боль означает, что он пытается ее обнаружить и натравить на нее своих питомцев.

Отшвырнув вазу, Шай бросилась бежать.

Прятаться больше нет смысла. Оставаться неприметной тоже. Если до нее доберутся скелеты кровопечатника, она умрет. Вот так. Нужно поскорее найти лошадь и держаться подальше от скелетов двадцать четыре часа, пока кровь не потеряет свежесть.

Шай неслась по коридорам. Слуги показывали на нее пальцами, некоторые поднимали крик. Она едва не сбила с ног южного посла в красных жреческих доспехах.

Выругавшись, Шай обогнула посла. Выходы из дворца уже перекрыты. Она знала это, так как изучала систему безопасности. Выбраться почти невозможно.

«Всегда имей запасной план», – любил повторять дядюшка Вон.

И он всегда у нее был.

Шай остановилась посреди коридора, осознав, что бежать к выходам бессмысленно. Следовало понять это раньше. Она едва не запаниковала, ведь по ее следу шел кровопечатник, но нужно мыслить ясно.

Запасной план. Он был безрассудным, но ничего другого не оставалось. Шай снова перешла на бег и свернула за угол, возвращаясь по собственным следам.

«Ночи, пусть я не ошиблась на его счет, – подумала она. – Если он еще больший обманщик, чем я, то мне конец. О, Неведомый Бог, пожалуйста. Пусть в этот раз я не ошиблась».

Сердце колотилось как бешеное. На миг забыв об усталости, Шай резко остановилась перед коридором, ведущим к покоям императора.

Шай ждала. Стражники хмуро смотрели на нее, но оставались на посту в конце коридора, как их учили. Они окликнули ее. Трудно было не сорваться с места. Кровопечатник и его ужасные питомцы подбирались все ближе...

– Что ты здесь делаешь? – раздался голос.

Шай повернулась. В коридоре показался Гаотона. Пока остальные искали Шай, он в первую очередь направился к императору, чтобы убедиться в его безопасности.

Шай взволнованно шагнула к нему.

«Пожалуй, это мой самый худший запасной план», – подумала она.

– Получилось, – тихо произнесла Шай.

– Ты приложила печать? – Гаотона схватил ее за руку и, бросив взгляд на стражников, отвел подальше от чужих ушей. – Из всех опрометчивых, безумных, дурацких...

– Получилось, Гаотона, – повторила Шай.

– Зачем ты пошла к нему? Почему не сбежала, пока была возможность?

– Мне нужно было знать. Нужно.

Он встретился с ней взглядом. Как всегда, заглянул прямо в душу. Ночи, из него вышел бы замечательный поддельщик.

– Кровопечатник взял твой след, – сказал Гаотона. – Он призвал этих... тварей, чтобы поймать тебя.

– Знаю.

Поколебавшись лишь миг, Гаотона выудил из своих бездонных карманов деревянную шкатулку. Сердце Шай дрогнуло.

Он протянул ей шкатулку, но когда она взяла, не отпустил.

– Ты знала, что я приду сюда, – произнес Гаотона. – Знала, что знаки сущности у меня с собой и что я отдам их тебе. Ты обвела меня вокруг пальца.

Шай промолчала.

– Как ты это сделала? – спросил он. – Я внимательно наблюдал за тобой. Я был уверен, что мной не манипулируют. И все же прибежал сюда, практически не

сомневаясь, что встречу тебя. И что тебе понадобятся печати. До этого момента я не осознавал, что ты все это спланировала.

– Я действительно вами манипулировала, Гаотона, – признала Шай. – Но мне пришлось делать это самым сложным способом.

– Каким?

– Быть искренней.

– Нельзя управлять людьми с помощью искренности.

– Неужели? Разве не так вы сделали карьеру? Говорили правду, тем самым давая понять, чего от вас ожидать, и рассчитывали на честность взамен?

– Это не то же самое.

– Да, но это лучшее, что я могла сделать. Все мои слова – правда, Гаотона. Уничтоженная картина, мои секреты и мечты... Искренность. Единственный способ заставить вас встать на мою сторону.

– Я не на твоей стороне. – Гаотона помолчал. – Но и смерти твоей тоже не хочу, девочка. Тем более, если тебя прикончат те твари. Забери печати. Дни! Забери их и убирайся, пока я не передумал!

– Спасибо, – прошептала Шай, прижав шкатулку к груди, и вытащила из кармана юбки маленькую толстую книгу. – Храните в надежном месте. Никому не показывайте.

Гаотона нерешительно принял книгу.

– Что это такое?

– Правда. – Шай поцеловала его в щеку. – Если я выберусь, то переделаю свой последний знак сущности. Тот, что никогда не собиралась использовать... Я добавлю в него и в свои воспоминания доброго дедушку, мудрого и отзывчивого, который спас мне жизнь и которого я очень уважала.

– Беги, глупышка, – вымолвил Гаотона.

У него на глазах наворачивались слезы. Если бы Шай не находилась на грани паники, то ощутила бы гордость. И устыдилась бы этой гордости. Такой уж она была.

– Ашраван вернулся к жизни, – сказала Шай. – Когда будете думать обо мне, помните об этом. У меня получилось. Ночи, у меня получилось!

И она убежала от него по коридору.

Гаотона слышал, как она убегает, но не обернулся вслед. Он смотрел на дверь в покои императора. Двое озадаченных стражников у входа в?..

В будущее Империи Роз.

«Нами будет править не совсем живой человек, – подумал Гаотона. – Плод наших нечестивых усилий».

Глубоко вздохнув, он прошел мимо стражников и распахнул дверь, дабы узреть то, что сотворил.

«Пожалуйста, только не монстр».

Шай шагала по коридорам дворца со шкатулкой в руках. Она избавилась от блузки – запихнула ее в карман, оставшись в черной хлопковой сорочке, юбке и

облегающих брюках. Эта одежда не сильно отличалась от того, в чем она обычно тренировалась.

Слуги перед ней расступались: по ее виду было понятно, что лучше убраться с ее пути. Шай вдруг почувствовала себя как никогда уверенно.

Она вернула свою душу, всю целиком.

Шай на ходу достала один из знаков сущности, хорошенько обмакнула его в чернила, а шкатулку спрятала обратно в карман юбки. Потом прижала печать к правому плечу и провернула, переписывая свое прошлое, воспоминания, жизненный опыт.

Долю секунды она помнила обе версии прошлого. Помнила, как провела два года взаперти, разрабатывая и создавая этот знак сущности. Помнила, как всю жизнь была поддельщицей.

В то же время она помнила, что последние пятнадцать лет провела среди народа теуллу. Они удочерили ее и обучили своим боевым искусствам.

Два места, два прошлых одновременно.

Потом прежняя жизнь померкла, и она превратилась в Шайзан. Так нарекли ее теуллу. Тело стало стройнее и крепче. Тело воина. Она сняла очки: они ей больше не требовались, ее глаза давно исцелили.

Обучиться боевым искусствам теуллу было сложно, они не любили чужаков. За год тренировок Шай с десятков раз едва не убили. Но она достигла успеха.

Она утратила все знания о том, как создавать печати, все свои склонности к науке. Она оставалась самой собой и помнила недавнее прошлое: как ее поймали и посадили в темницу. Логически она понимала, что сделала, поставив печать, и знала, что воспоминания о ее нынешней жизни – фальшивка.

Но чувства говорили иное. Как только на ее руке загорелась метка, она стала той версией себя, что могла появиться, если бы ее воспитали в культуре суровых воинов и она прожила бы среди них добрый десяток лет.

Она скинула обувь. Ее волосы укоротились, от носа по правой щеке протянулся шрам. Она двигалась как воин – крадучись.

Она добралась до той части дворца, где жили слуги, рядом с конюшнями. Слева располагалась императорская галерея.

Дверь перед ней распахнулась, и появился Зу, высокий и с улыбкой до ушей. Из-под повязки на лбу сочилась кровь, одежда после падения была вся изорвана.

В его глазах бушевала буря. При виде Шай он усмехнулся.

– Ты все-таки сбежала. Кровопечатник вывел нас прямо на тебя. С какой же радостью я...

Не успел он договорить, как Шайзан молниеносно шагнула вперед, ребром ладони сломала ему запястье и вышибла меч. Потом ткнула рукой ему в горло. После этого сложила пальцы в кулак и коротко, со всей силы ударила в грудь, сломав шесть ребер.

Зу отпрянул, хватая ртом воздух и от шока выпучив глаза. Меч с лязгом упал на пол. Шайзан сдернула с пояса Зу нож и перерезала застежку плаща.

Зу рухнул, оставив плащ в ее руке.

Шай не преминула бы что-нибудь сказать. У Шайзан не хватало терпения на остроты и колкости. Воин всегда в движении, как река. Не сбившись с шага, она завернулась в плащ и направилась в коридор, из которого появился Зу.

Зу ловил ртом воздух. Жить будет, но держать меч не сможет несколько месяцев.

В конце коридора возникло какое-то движение: существа с белыми конечностями, слишком тощие для живых. Шайзан встала в широкую стойку, слегка развернувшись боком, лицом к коридору, подсогнув колени. Неважно, сколько чудищ у кровопечатника. Неважно, победит она или проиграет.

Важен лишь вызов. И все.

Их было пятеро, они имели очертания людей с мечами. Скелеты устремились по коридору, гремя костями. Безглазые черепа бессмысленно пялились на нее, зубы скалились в вечной ухмылке. Место некоторых костей, потерянных в бою, занимали деревянные. У каждой твари на лбу сияла красная печать: для их оживления требовалась кровь.

Даже Шайзан никогда раньше не сражалась с такими монстрами. Меч против них бесполезен. Но эти деревянные... некоторые замещали ребра и другие кости, ненужные в битве. Если сломать или убрать кости, остановит ли это тварь?

Видимо, это ее лучший шанс. Больше она не раздумывала. Шайзан всегда вели инстинкты. Как только твари приблизились, она взмахнула плащом Зу и накинула его на голову первому скелету. Тот начал лупить по плащу, и Шайзан повернулась ко второму скелету.

Она отразила атаку ножом Зу. Потом шагнула к твари так близко, что ощутила вонь костей, сунула руку под ребра, схватила за позвоночник и резко дернула, вырывая сразу несколько позвонков. Грудина порезала ей предплечье. Похоже, все кости у скелетов специально заострили.

Тварь с грохотом упала. Шайзан оказалась права: если убрать главные кости, скелет расстается с «жизнью». Она отбросила позвонки в сторону.

Осталось четверо. Исходя из ее скудных знаний о скелетах, они никогда не уставали и отличались безжалостностью. Действовать нужно быстро, иначе ее одолеют.

Трое напали сзади. Шайзан нырнула в сторону. Она обогнула первого скелета, который наконец скинул плащ, и вцепилась в глазницы его черепа. Тварь резанула ее мечом по руке, на стену брызнула кровь. Шайзан оторвала череп, и скелет рухнул на пол грудой костей.

«Двигайся. Не останавливайся».

Если она остановится, то умрет.

Развернувшись к оставшимся трем, она отразила один удар черепом, другой – кинжалом. Попыталась обойти третьего, но он успел задеть мечом ее бок.

Шайзан не чувствовала боли. Она научилась не обращать на нее внимания в бою. И хорошо, потому что рана была болезненной.

Она врезала черепом по голове скелета. Оба черепа разлетелись на осколки, скелет упал. Шайзан поднырнула между оставшимися двумя скелетами, и их мечи, бывшие наотмашь, лягнули друг о друга. Она пнула ногой одного, тот попятился, и всем весом налетела на второго, впечатав его в стену. Кости смялись, Шайзан ухватила за позвоночник и вырвала несколько позвонков.

Скелет с грохотом упал. Выпрямляясь, Шайзан пошатнулась. Она потеряла слишком много крови. Это ее замедляло. Когда она выронила нож? Должно быть, он выскользнул из пальцев, когда она вмяла скелет в стену.

«Соберись. Остался один».

Скелет атаковал ее, держа в каждой руке по мечу. Шайзан рванулась вперед, сблизившись с ним прежде, чем тот успел размахнуться, и ухватила его за кости предплечий. Под таким углом их не вырвать. Кряхтя от натуги, она не подпускала к себе мечи. Это удавалось с трудом. Она слабела.

Скелет поднажал. Шайзан зарычала. Из руки и бока ручьем лилась кровь.

Она боднула тварь головой.

В жизни получилось гораздо хуже, чем в сказках. У Шайзан помутилось в глазах. Задыхаясь, она упала на колени. Скелет рухнул перед ней, треснувший от удара череп отвалился и покатился в сторону. По лицу Шайзан текла кровь. Она разбила лоб, а то и повредила собственный череп.

Шайзан завалилась набок, стараясь не потерять сознание.

Тьма медленно отступила.

Шайзан лежала среди разбросанных костей в пустом каменном коридоре. Единственной краской здесь была ее кровь.

Она победила. Преодолела еще одно испытание. Из горла вырвался боевой клич ее приемной семьи. Она нашла нож и разрешила блузку на полосы, чтобы перевязать раны. Она потеряла много крови. Несмотря на всю свою выучку, еще одного испытания сегодня она не выдержит. Нет сил.

Шайзан с трудом поднялась и отыскивала плащ Зу. Все еще обездвиженный болью, капитан потрясенно наблюдал за ней. Она собрала все пять черепов питомцев кровопечатника в плащ и завязала в узел.

После этого пошла дальше по коридору, пытаясь выглядеть сильной и не показывать, что на самом деле ее одолевают усталость, головокружение и боль.

«Он должен быть где-то здесь...»

В дальнем конце коридора она дернула дверцу кладовки и обнаружила на полу кровопечатника. В его глазах застыл ужас от того, как она одного за другим уничтожила его питомцев.

Шайзан схватила его за ворот рубашки и вздернула на ноги, от усилия едва не потеряв сознание. Аккуратнее.

Кровопечатник заскулил.

– Возвращайся в свои болота, – тихо прорычала Шайзан. – Женщине, которая тебя ждет, наплевать, сколько ты заработаешь в столице, даже если это все ради нее. Она хочет, чтобы ты вернулся домой. Это можно прочитать между строк в ее письмах.

Шайзан сказала это из-за Шай, чтобы та не чувствовала себя виноватой.

Кровопечатник воззрился на нее в недоумении.

– Как ты... ар-ргх!

Последнее восклицание вырвалось у него, когда Шайзан вонзила кинжал ему в ногу. Он рухнул на пол, как только она выпустила его рубашку.

– А это, – негромко произнесла Шайзан, наклоняясь, – чтобы запастись твоей кровью. Не надо на меня охотиться. Ты видел, что я сделала с твоими питомцами. С тобой поступлю еще хуже. Я забираю черепа, чтобы ты не отправил их за мной снова. Возвращайся домой.

Он слабо кивнул. Шайзан оставила его на полу, съездившегося и держащегося за окровавленную ногу. Когда появились скелеты, все разбежались, в том числе

стражники. Шайзан направилась было к конюшне, но остановилась, призадумавшись. Это ведь недалеко...

«Ты едва не погибла от ран, – напомнила она себе. – Не глупи».

Но она все равно решила поступить глупо.

Немного спустя Шайзан добралась до конюшни и обнаружила там лишь пару испуганных конюхов. Она выбрала самого видного скакуна. Вот так, облаченная в плащ Зу, на его же коне, Шайзан галопом вылетела за ворота дворца, и ни одна живая душа не пыталась ее остановить.

– Неужели она сказала правду? – спросил Ашраван, рассматривая себя в зеркале.

Гаотона поднял на него взгляд. «А в самом деле?» – подумал он. С Шай никогда не ясно.

Ашраван настоял на том, чтобы одеться самому, хотя явно ослаб после долгого пребывания в постели. Гаотона сидел рядом на табурете, пытаясь разобраться в захлестнувших его чувствах.

– Гаотона? – Ашраван повернулся к нему. – Меня ранили, как сказала та девушка? И чтобы исцелить меня, вы обратились к поддельщику, а не к нашим мастерам-перепечатникам?

– Да, ваше величество.

«Мимика, жестикуляция, – подумал Гаотона. – Как она все так точно угадала? Как он хмурится, прежде чем задать вопрос, как наклоняет голову вбок, если не получает немедленного ответа. Как стоит, как шевелит пальцами, когда говорит, как ему кажется, что-то особенно важное...»

– Поддельщица из народа май-пон. – Император накинул золотистую мантию. – Думаю, вряд ли это было необходимо.

– Наши перепечатники оказались бессильны перед вашими ранами.

– Мне казалось, это невозможно.

– Нам тоже.

Император посмотрел на красную печать на своей руке. Его лицо посуровело.

– Это цепи, Гаотона. Бремя.

– Вы вытерпите.

Ашраван повернулся к нему.

– Вижу, старик, близость повелителя к смерти не добавила тебе почтения.

– Я устал за последнее время, ваше величество.

– Ты меня осуждаешь. – Ашраван снова повернулся к зеркалу. – Как и всегда. Дни в огне! Однажды я от тебя избавлюсь. Ты ведь это понимаешь? Я держу тебя при себе только из-за твоих прежних заслуг.

Поразительно. Это Ашраван. Подделка оказалась настолько точной, настолько совершенной, что если бы Гаотона не знал истины, то никогда бы не догадался. Ему хотелось верить, что душа императора по-прежнему в его теле, а печать просто... извлекла ее наружу.

Удобная ложь. Возможно, в конце концов он в нее поверит. К сожалению, он видел, каким был взгляд императора, и знал... знал, что сделала Шай.

– Я схожу к остальным арбитрам, ваше величество, – сказал Гаотона, вставая.

– Они пожелают вас увидеть.

– Хорошо. Ты свободен.

Арбитр направился к двери.

– Гаотона.

Он обернулся.

– Я пролежал в постели три месяца. – Император разглядывал себя в зеркале.

– Ко мне никого не допускали. Перепечатники ничем не смогли помочь, а они способны излечить любую обычную рану. Значит, что-то случилось с моим разумом?

«Он не должен был догадаться, – пронеслось в голове Гаотона. – Шай обещала, что не добавит это в печать».

Но Ашраван был умным человеком. Несмотря ни на что, он всегда был умным. Шай восстановила его, а значит, он мыслил как прежде.

– Да, ваше величество, – ответил Гаотона.

Ашраван хмыкнул.

– Тебе повезло, что твой план удался. Ты мог лишиться меня способности думать, мог продать саму мою душу. Даже не знаю, наказать тебя или вознаградить за такой риск.

– Уверю вас, ваше величество, – сказал Гаотона, уходя, – за эти месяцы я себя уже достаточно и наказал, и вознаградил.

Он вышел, оставив императора смотреть на себя в зеркало и размышлять о последствиях случившегося.

Так или иначе, у них снова есть император.

Или, по крайней мере, его копия.

Эпилог. День сто первый

– И поэтому я надеюсь, – вещал Ашраван перед арбитрами всех восьмидесяти фракций, – что положил конец пагубным слухам. Очевидно, преувеличения о моей болезни были лишь попытками выдать желаемое за действительное. Нам еще предстоит выяснить, кто подослал убийц, – он оглядел арбитров, – но убийство императрицы им с рук не сойдет.

Сложив руки, Фрава наблюдала за копией императора с удовлетворением, но и с досадой. «Какие потайные лазейки ты оставила в его разуме, маленькая воровка? – думала Фрава. – Мы их отыщем».

Найен уже изучал копии печатей. Поддельщик уверял, что сможет дешифровать их, хотя на это нужно время. Возможно, годы. Рано или поздно Фрава узнает, как управлять императором.

Со стороны девчонки было очень умно уничтожить все записи. Догадалась ли она, что Фрава на самом деле их не копировала? Фрава покачала головой и подошла к Гаотоне, который сидел в их ложе Театра выступлений. Сев рядом, она очень тихо проговорила:

– Они верят.

Гаотона кивнул, не сводя глаз с фальшивого императора.

– Ни тени подозрения. То, что мы сделали... не просто дерзко, это считалось невозможным.

– Девчонка может приставить нам нож к горлу, – сказала Фрава. – Доказательство того, что мы сделали, выжжено на теле императора. В ближайшие годы нужно соблюдать осторожность.

Гаотона рассеянно кивнул. Дни в огне, как же Фраве хотелось избавиться от него. Среди арбитров только он осмеливался ей перечить. Перед самым покушением император был готов уступить ее наущениям и отправить Гаотону в отставку.

Беседы с императором проходили в приватной обстановке. Шай не могла ничего знать о них, а значит, и новый император тоже. Фраве придется все начинать заново, если только она не найдет способ управлять копией Ашравана. Оба варианта вызывали у нее досаду.

– В глубине души я никак не поверю, что нам удалось, – тихо сказал Гаотона, когда фальшивый император перешел к следующей части своей речи, призыву к единению.

Фрава фыркнула.

– Это был надежный план с самого начала.

– Шай сбежала.

– Найдем.

– Вряд ли. Нам повезло, что мы поймали ее в первый раз. К счастью, мне кажется, нам не грозят проблемы с ее стороны.

– Она попытается нас шантажировать, – настаивала Фрава. – Или попытается найти способ управлять императором.

– Нет, – возразил Гаотона. – Нет, она всем довольна.

– Довольна, что унесла ноги живой?

– Довольна, что на троне сидит ее творение. Раньше она хотела одурачить тысячи людей, но теперь получила шанс одурачить миллионы. Всю империю. По ее мнению, разоблачение разрушит все величие ее замысла.

Неужели старый дурак действительно в это верит? Его наивность часто играла на руку Фраве. По одной только этой причине она подумывала, не оставить ли его на должности.

Фальшивый император продолжал вещать. Ашравану нравилось слушать собственный голос. С этим Шай угадала.

– Он использует покушение как предлог для укрепления нашей фракции, – сказал Гаотона. – Слышите? Как следствие, мы должны сплотиться, вспомнить о нашем наследии и силе... А как пренебрежительно он отзывается о слухах насчет своего убийства и подрывает авторитет фракции «Слава», которая распространяла эти слухи. Они делали ставку на то, что он не вернется. Но вот он жив-здоров, а они остались в дураках.

– Верно, – согласилась Фрава. – Это вы его надоумили?

– Нет, – ответил Гаотона. – Он наотрез отказался от моей помощи при подготовке речи. Хотя мне кажется, что так мог поступить Ашраван из прошлого, лет десять назад.

– Значит, копия не идеальная, – отметила Фрава. – Не стоит этого забывать.

– Да.

В руках Гаотона держал маленькую толстую книжку, которую Фрава прежде не видела.

У входа в ложу слышался шорох. Вошла служанка со знаками различия Фравы и, миновав арбитров Стивиента и Ушнаку, склонилась перед госпожой.

Фрава недовольно посмотрела на девушку.

– Что может быть настолько важным, чтобы надоедать мне здесь?

– Простите, ваша милость, – прошептала служанка. – Но вы просили подготовить ваш кабинет для совещания после полудня.

– Ну и что? – спросила Фрава.

– Госпожа, заходили ли вы вчера в кабинет?

– Нет. Я была занята. Сначала этот негодяй кровопечатник, потом поручения императора и... – Фрава нахмурилась. – А что там?

Шай обернулась посмотреть на имперскую столицу, раскинувшуюся на семи больших холмах. На центральном холме высился дворец императора, его окружали холмы с домами шести главных фракций.

Лошадь у Шай в поводу мало походила на ту, что она позаимствовала во дворце. У лошади не хватало зубов, провисла спина, ребра выпирали от голода, как перекладыны на спинке стула. Она шла, низко опустив голову. Попону, казалось, не чистили годами.

Последние дни Шай отсиживалась на городском дне, воспользовавшись знаком сущности нищенки. Замаскировав таким образом себя и лошадь, она без особого труда покинула столицу, а выбравшись, сразу избавилась от печати. Образ мышления нищенки оказался весьма... неприятным.

Ослабив подпругу, Шай сунула руку под седло, подцепила ободок сияющей печати и, приложив небольшое усилие, сломала ее. Подделка развеялась. Лошадь мгновенно изменилась: выпрямилась спина, поднялась голова, исчезла худоба. Боевой конь Зу неуверенно загарцевал, дергая головой и натягивая поводья. Это был превосходный скакун, и стоил он побольше, чем домик в некоторых провинциях империи.

Среди вещей, притороченных к спине коня, Шай прятала картину, которую повторно выкрала из кабинета Фравы, – подделку. Шай еще не доводилось красть собственное творение. Это было довольно забавно. Вырезав полотно из большой рамы, в самом ее центре Шай нацарапала на стене руну Рео. Значение у нее не слишком приличное.

Шай похлопала коня по шее. Если подумать, не самая плохая добыча: отличный конь и картина, пусть и поддельная, но столь близкая к оригиналу, что даже владелица не заметила разницы.

«Как раз сейчас он произносит речь, – подумала Шай. – Было бы здорово послушать».

Ее шедевр, венец ее творения облачен в императорскую мантию. Это будоражило, но и толкало вперед. Шай так неистово работала не только для того, чтобы вернуть императора к жизни. Нет, в самом конце она так усердствовала, поскольку хотела добавить в его душу некоторые особые изменения. Наверное, на нее повлияли несколько месяцев искренности в общении с Гаотоной.

«Если снова и снова рисовать одно и то же на верхнем листке в стопке, – подумала Шай, – в конце концов изображение отпечатается и на нижних листках. Даже в самой глубине».

Повернувшись, Шай достала знак сущности, который превратит ее в специалиста по выживанию и охотника. Фрава будет ждать, что Шай воспользуется дорогами, поэтому лучше передвигаться по близлежащему Согдийскому лесу. В его чащобах можно отлично спрятаться. Через несколько месяцев она осторожно покинет провинцию и устремится к новой цели: выследить императорского шута, который ее предал.

Пока что Шай хотелось оказаться как можно дальше от стен, дворцов, лести и лицемерия. Она взгромоздилась в седло и мысленно попрощалась со столицей империи и человеком, который теперь ею правил.

«Живи как следует, Ашраван, – подумала она. – Не подведи меня».

Поздно вечером, после императорской речи Гаотона сидел у знакомого камина в своем личном кабинете и изучал книгу, что оставила ему Шай.

И изумлялся.

Книга представляла собой детальное описание духопечати императора. Все, что сделала Шай, лежало перед Гаотоной как на ладони.

Фрава не найдет лазейку в душу императора, потому что ее не существует. Душа Ашравана – цельная,вершенная и принадлежит лишь ему одному. Это не значит, что император точно такой же, каким был прежде.

«Как видно, я допустила некоторые вольности, – писала Шай в заметках. – Я хотела воссоздать его душу как можно точнее. В этом состояла задача, в этом заключался вызов. Я справилась. Но на этом не остановилась: усилила одни воспоминания и ослабила другие. Глубоко в душу Ашравана встроены триггеры, которые заставят его особым образом реагировать на покушение и излечение. Это не меняет его душу. Это не делает его другим человеком. Просто подталкивает в определенном направлении подобно тому, как уличный шулер подталкивает свою жертву выбрать определенную карту. Это все тот же Ашраван. Такой, каким он мог стать. Кто знает? Возможно, он и стал бы таким».

Разумеется, сам Гаотона никогда бы не понял, в чем дело. В этой области он не силен. Скорее всего, он бы не заметил правки Шай, даже будь он мастером. В своих записях она пояснила, что хотела сделать все как можно тоньше, чтобы никто ничего не разглядел. Заподозрить неладное мог только очень близкий к императору человек.

Но благодаря заметкам Шай Гаотона увидел разницу. Ашраван заглянул в глаза смерти, и это подтолкнуло его к самокопанию. Он отыщет свой дневник и будет снова и снова перечитывать записи юности. Увидит, каким был, и в конце концов постарается вернуться к прежним идеалам.

Шай отмечала, что изменения будут постепенными и займут годы. Ашраван станет человеком, которым ему было предназначено стать. Мельчайшие побуждения, глубоко упрятанные в печатях, будут подталкивать его к выдающимся достижениям, а не к потаканию прихотям. Он начнет думать о своем наследии, а не об очередном

пире. Будет помнить о народе, а не о званых ужинах. И наконец заставит фракции принять изменения, необходимость которых отмечал он сам и многие до него.

Проще говоря, он станет борцом. Он совершит этот единственный, но такой тяжелый шаг от мечтателя к вершителю. Все это Гаотона видел на страницах книги Шай.

Он обнаружил, что плачет.

Не о будущем и не об императоре. Это были слезы человека, узревшего шедевр. Истинное искусство, которое больше, чем просто красота, больше, чем мастерство. И это не просто подражание.

Это дерзость, контрастность, тонкость. В книге Шай Гаотона узрел редкостное творение, которое могло соперничать с работами величайших художников, скульпторов и поэтов всех времен.

Это было величайшее произведение искусства, которое он когда-либо видел.

Почти всю ночь Гаотона благоговейно изучал книгу. Это был плод лихорадочного, напряженного художественного вдохновения. Его творили по принуждению, но выпустили как до предела задержанный вздох. Грубый, но отточенный. Отчаянный, но выверенный.

Потрясающий, но невидимый.

Пусть таким и остается. Если узнают, что сделала Шай, императору конец. Пошатнутся основы империи. Ни одна живая душа не должна знать, что Ашраван решил наконец стать великим правителем из-за слов, вложенных в его душу богохульницей.

Когда забрезжил рассвет, Гаотона медленно, мучительно поднялся и подошел к камину, сжимая в руке книгу – непревзойденное произведение искусства.

И бросил ее в огонь.

Послесловие

На курсах по писательскому мастерству всегда твердили: «Пишите то, о чем знаете». Писатели часто слышат эту фразу, и она приводила меня в замешательство. Писать то, о чем знаю? Как мне это делать? Я пишу фэнтези. Откуда мне знать, каково это – применять магию? Если уж на то пошло, мне неоткуда знать, каково быть женщиной, но я хочу писать от лица разных персонажей.

Набравшись опыта, я начал понимать, что означает эта фраза. Хотя в жанре фэнтези мы пишем о вещах выдуманных, истории выходят лучше, когда основаны на нашем мире. Проще, когда магия соответствует научным принципам, когда мироустройство опирается на аналогии в нашем мире, когда персонажам свойственны человеческие эмоции и переживания.

Таким образом, для писателя умение наблюдать так же важно, как и воображение.

Я стараюсь вдохновляться новыми впечатлениями. В этом отношении мне повезло, у меня есть возможность много путешествовать. Приезжая в новую страну, я жду, что культура, люди и впечатления соединятся в историю.

Когда я был на Тайване, мне посчастливилось посетить Музей императорского дворца. Мой редактор Шерри Вонг и переводчик Люси Туан выступили в роли гидов. Невозможно постичь тысячелетнюю историю Китая за пару часов, но мы сделали все, что в наших силах. К счастью, я уже был немного знаком с историей и преданиями Азии. (Я два года прожил в Корее в качестве миссионера Церкви Иисуса Христа Святых последних дней, а потом изучал корейский в университете.)

В этой поездке родился замысел истории. Больше всего мне запомнились печати. На английском мы иногда используем слово «клеймо», но я всегда называл их по-корейски «тоджанг». На мандаринском наречии их называют «йинджиан». Подобные затейливо вырезанные каменные печати используются в качестве подписи во многих азиатских культурах.

В музее я заметил много знакомых красных печатей. Разумеется, некоторые принадлежали художникам, но были и другие. Одно из произведений каллиграфии покрывали оттиски. Люси и Шерри объяснили: древние китайские ученые и знать, если им понравилось произведение искусства, могли поставить на него и свою печать. Один император особенно любил так поступать и вырезал свою печать, а иногда и свои стихи на прекрасных скульптурах или нефрите многовековой давности.

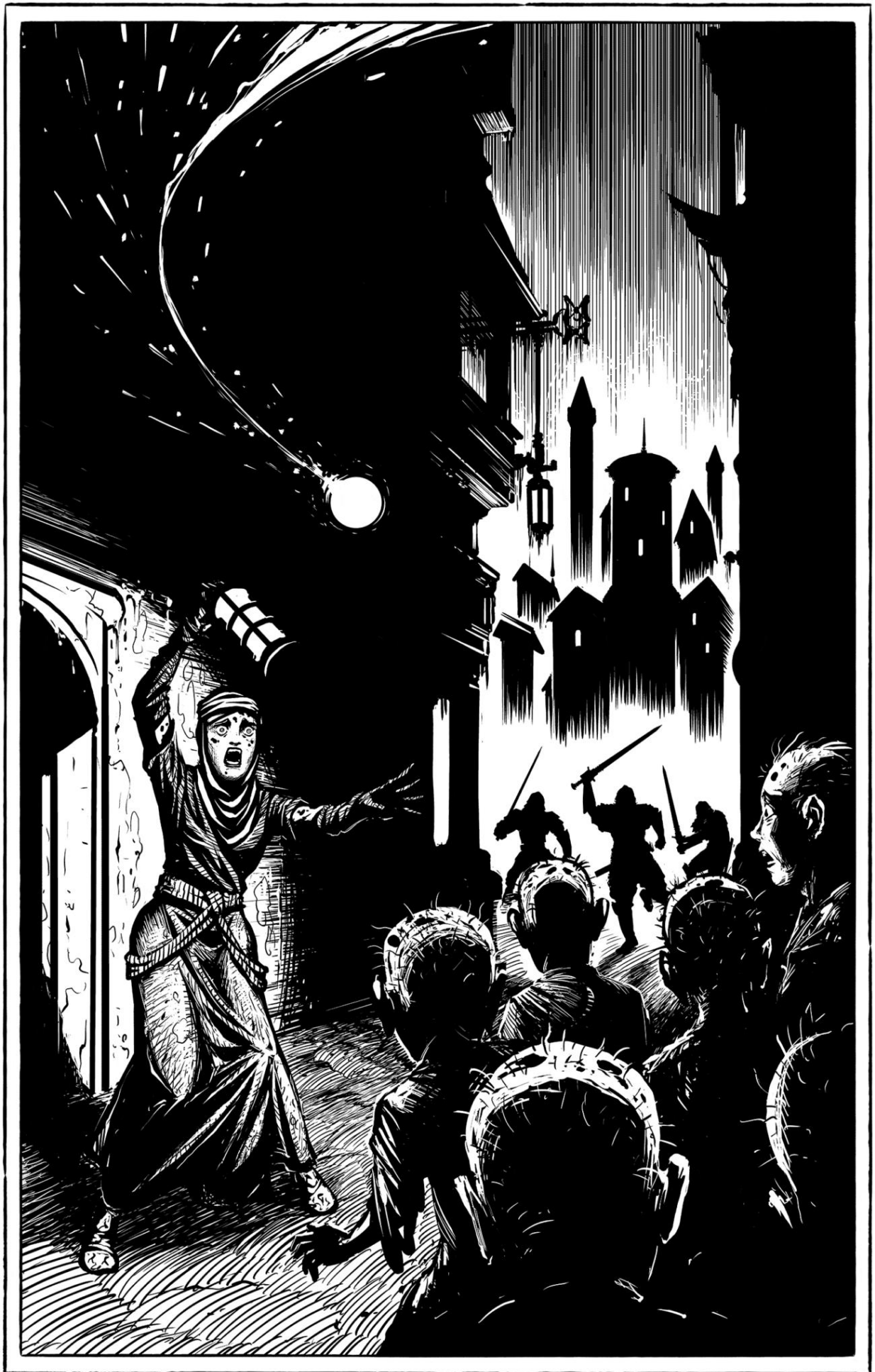
Какой занятный образ мыслей. Представьте, что вы король, вам особенно приглянулся Давид Микеланджело, и вы вырезаете у него поперек груди свою подпись. По сути это то же самое.

Концепция настолько яркая, что я начал крутить в голове магию печатей. Духопечати, способные переписывать природу объекта. Мне не хотелось приближаться к духозаклятию из мира бурсвета, поэтому посещение музея и история вдохновили меня на создание магии, которая позволяет переписывать прошлое объекта.

Из этого выросла вся история. Поскольку магическая система во многом согласуется с той, что я разрабатывал для Села – мира Элантриса, я поместил

историю на Сел. (Также там было несколько культур, схожих с нашими азиатскими, поэтому все превосходно вписалось.)

Вы не можете всегда писать о том, что знаете, по крайней мере, в точности. Но вы можете писать о том, что видите.

Надежда Элантриса

Эта история разворачивается после событий романа «Элантрис» и содержит спойлеры.

– Милорд. – Эйш вплыл в комнату через окно. – Леди Сарин приносит извинения. Она немного опоздает к ужину.

– Немного? – насмешливо переспросил Раоден из-за стола. – Ужин должен был начаться час назад.

Эйш слегка замерцал.

– Прошу прощения, милорд, но... Она взяла с меня обещание передать вам послание, если вы будете недовольны. «Растолкуй ему, – сказала она, – что я беременна, и это из-за него, а значит, он обязан во всем мне потакать».

Раоден рассмеялся.

Эйш снова замерцал. Вид у него был самый что ни на есть смущенный, насколько это вообще возможно для обычного шара из света.

Вздыхнув, Раоден сложил руки на столе. Стены его дворца в Элантрисе едва заметно сияли, так что не было нужды ни в факелах, ни в светильниках. Он всегда недоумевал, почему в Элантрисе так мало креплений для светильников. Однажды Галладон объяснил, что раньше использовались специальные плиты – нажмешь на такую, и она засияет, – однако оба позабыли, сколько света источали сами камни.

Он опустил взгляд на пустую тарелку.

«Когда-то нам приходилось изо всех сил бороться за каждую крошку, – подумалось ему. – Теперь же пищи столько, что можно целый час валять дурака перед тем, как поесть».

Да, теперь пищи было вдоволь. Да и сам он мог обращать мусор в отборное зерно. Больше никто в Арелоне не будет голодать. Подобные мысли возвращали Раодена в Новый Элантрис, к тем простым порядкам, что он там установил.

– Эйш, – позвал Раоден. Его посетила неожиданная мысль. – Давно хотел у тебя кое-что спросить.

– Конечно, ваше величество.

– Где ты был в последние часы перед возрождением Элантриса? Я не припомню, чтобы видел тебя большую часть ночи. По правде говоря, единственное, что я помню, – как ты явился доложить, что Сарин похитили и увезли в Теод.

– Все верно, ваше величество, – подтвердил Эйш.

– Так где же ты был?

– Это долгая история, ваше величество. – Сеон плавно опустился к стулу Раодена. – Все началось с того, что госпожа Сарин загодя послала меня в Новый Элантрис, чтобы предупредить Галладона и Карату о новой партии оружия. Это случилось прямо перед тем, как монахи атаковали Каи, и я отбыл в Новый Элантрис, совершенно не подозревая, что произойдет дальше...

Матисс заботилась о детях.

В этом заключались ее обязанности в Новом Элантрисе. У всех должна быть работа, так постановил Дух. Матисс не имела ничего против своей работы – откровенно говоря, та ей даже нравилась. Она занималась тем же самым задолго до появления Духа. С тех пор как Дэйш нашел ее и привел во дворец Караты, она присматривала за малышами. Распоряжения Духа лишь закрепили ее положение официально.

Да, ей нравились ее обязанности. Большую часть времени.

– Нам и правда пора в постель, Матисс? – спросил Теор, наградив ее своим самым наивным взглядом. – Можно нам не ложиться, хотя бы разок?

Матисс скрестила руки на груди и выгнула безволосую бровь.

– Вчера вы легли спать в это время, – ответила она. – И позавчера. И, если уж на то пошло, позавчера. Не пойму, с чего вы решили, что сегодня должно быть иначе.

– Что-то происходит, – поддержал друга Тиил, встав рядом. – Все взрослые рисуют эйоны.

Матисс бросила взгляд за окно. На ее попечении находилось с полсотни ребятишек. Они обитали в доме с огромными окнами, который окрестили Курятником, поскольку его стены были почти сплошь украшены замысловатой резьбой, изображающей птиц. Курятник располагался неподалеку от центра внутреннего города, рядом с жилищем Духа – часовней Корати, – где тот проводил большинство важных совещаний. Взрослые старались держать детей на виду.

К сожалению, это означало, что и взрослые находились на виду у детей. За окном искрились вспышки света от сотен пальцев, рисующих в воздухе эйоны. В такое позднее время детям давно пора спать, но сегодня уложить их в кровать было особенно трудно.

«Тиил прав, – подумала Матисс. – Что-то происходит».

Однако это вовсе не повод разрешать мальчишке не ложиться, ведь чем дольше он не уснет, тем дольше она не сможет выйти и выяснить, из-за чего весь сыр-бор.

– Ерунда, – отмахнулась Матисс, оглядев детей.

Некоторые уже начали укладываться в яркие разноцветные постели, но многие встрепенулись и наблюдали за тем, как она пытается уговорить двух возмутителей спокойствия.

– А по мне, на «ерунду» не похоже, – возразил Теор.

– Что ж, – вздохнула Матисс. – Они рисуют эйоны. Раз вам так нейдет, наверное, можно сделать исключение и разрешить вам не ложиться... если, конечно, вы тоже хотите поупражняться. Думаю, мы успеем провести еще один урок.

Теор и Тиил побледили. Рисованием эйонов занимались в школе – Дух заставил их снова посещать уроки. Матисс украдкой улыбнулась, когда оба мальчишки попятнулись.

– Ну что же вы, – подзадорила она. – Ну-ка марш за перьями и бумагой. Мы успеем нарисовать эйон Эйш раз сто, не меньше.

Мальчишки поняли намек и вернулись в постели. На другом конце комнаты еще несколько воспитателей прохаживались между кроватями и проверяли, спят ли дети. Матисс двинулась дальше.

– Матисс, – послышался чей-то голос. – Я не смогу заснуть.

Она повернулась к сидящей на постели девочке.

– Откуда тебе знать, Риика? – слабо улыбнулась Матисс. – Мы ведь только что тебя уложили, ты еще даже не пробовала.

– Я знаю, что не получится, – заупрямилась малышка. – Май всегда рассказывает мне сказку перед сном. Иначе мне не заснуть.

Матисс вздохнула. Обычно Риика спала плохо, особенно в те ночи, когда вспоминала про своего сеона. После того как девочку забрал шаод, сеон, конечно, потерял разум.

– Ложись, милая, – ласково проговорила Матисс. – Посмотрим, придет ли к тебе сон.

– Не придет, – ответила Риика, но все же легла.

Матисс обошла свою часть комнаты и остановилась у двери. Оглядела укрытые одеялами холмики – многие все еще ворочались – и поняла, что беспокойство детей передалось и ей. Этой ночью что-то было не так. Лорд Дух исчез, и хоть Галладон убеждал их, что волноваться не о чем, Матисс видела в этом дурное предзнаменование.

– Что они там делают? – тихонько прошептал Идотрис из-за спины.

Матисс выглянула наружу. Множество взрослых окружили Галладона и рисовали в ночи эйоны.

– Эйоны не работают, – напомнил Идотрис.

Подросток был старше Матисс самое большее на пару лет, но в Элантрисе, где кожа у всех покрыта серыми пятнами, а волосы редкие или вовсе выпали, подобные вещи мало что значили. Из-за шаода трудно определить возраст.

– Это не повод не упражняться с ними, – отозвалась Матисс. – В них сила. Видно же.

За эйонами и правда скрывалась сила. Матисс всегда ощущала, как та неистовствует за выведенными в воздухе росчерками света.

– Что толку, – фыркнул Идотрис, сложив руки на груди.

Матисс улыбнулась. Непонятно, всегда ли он был таким ворчуним или просто был таким во время работы в Курятнике. Похоже, Идотрису не слишком понравилось, когда ему как подростку не разрешили присоединиться к солдатам Дэйша и вместо этого направили заботиться о детях.

– Оставайся здесь, – велела она и направилась к открытой площадке, на которой собрались взрослые.

Что-то пробурчав в своей обычной манере, Идотрис уселся на пороге, чтобы никто из детей уж точно не выскользнул из спальни, и кивнул другим подросткам, закончившим обход.

Матисс шагала по широким улицам Нового Элантриса. Ночь выдалась морозной, но холод ее не донимал. В том, что ты элантриец, были свои преимущества.

Судя по всему, ее точку зрения разделяли немногие. Что бы ни говорил лорд Дух, остальные не видели «преимуществ» в том, чтобы быть элантрийцами. Однако

для Матисс его слова имели смысл, хотя, возможно, сыграли роль ее жизненные обстоятельства. За стенами Элантриса она была попрошайкой. Всю жизнь на нее не обращали внимания и заставляли чувствовать себя бесполезной. Зато внутри города в ней нуждались. Она кое-что значила. На нее равнялись дети, и не приходилось задумываться о том, как выклянчить или украсть еды.

Да, дела шли неважно, пока Дэйш не наткнулся на нее в том грязном переулке. И от ран никуда не деться. Вскоре после изгнания в Элантрис Матисс поранила щеку. Порез по-прежнему болел так же сильно, как и в тот момент, когда она его получила. И все же это ничтожная плата. Во дворце Караты Матисс впервые ощутила себя полезной. Это чувство принадлежности только укрепилось, когда она вместе с остальными из группы Караты перебралась в Новый Элантрис.

И конечно, когда ее выдворили в Элантрис, она приобрела кое-что еще – отца.

Дэйш обернулся и, увидев, как она приближается, улыбнулся в свете фонаря. Разумеется, он не ее настоящий отец. Она осталась сиротой еще до того, как ее забрал шаод. Как и Карата, Дэйш стал родителем для всех детей, которых они нашли и привели во дворец.

И все же к Матисс Дэйш относился по-особенному. Суровый воин чаще улыбался, когда она крутилась поблизости, и именно к ней обращался, когда требовалось сделать что-то важное. Однажды она просто начала звать его отцом. Он не возражал.

Она присоединилась к нему на краю площадки, и он положил ладонь ей на плечо. Перед ними около сотни людей почти синхронно двигали руками. Их пальцы оставляли в воздухе светящиеся линии – когда-то этот свет вызывал к жизни магию Эйон-Дор. Перед толпой стоял Галладон и выкрикивал указания с протяжным дюладельским акцентом.

– Не думал, что доживу до дня, когда этот дьюл будет учить людей эйонам, – тихо произнес Дэйш. Другая его ладонь покоилась на эфесе меча.

«Ему тоже не по себе», – подумала Матисс и подняла взгляд.

– Будь любезнее, отец. Галладон – хороший человек.

– Может, человек он хороший, но не ученый, – отозвался Дэйш. – Исковерканных линий у него больше, чем правильных.

Матисс решила не указывать Дэйшу на то, что тот и сам вовсе не блистал, когда дело доходило до рисования эйонов. Она оглядела его и отметила неодобрительно сжатые губы.

– Ты злишься, потому что Дух до сих пор не вернулся.

Дэйш кивнул.

– Ему следует быть здесь, со своими людьми, а не гоняться за той женщиной.

– Может, снаружи ему нужно выяснить что-то важное, – тихо проговорила Матисс. – Про другие страны и армии.

– То, что происходит снаружи, нас не касается, – отрезал Дэйш.

Иногда он бывал очень упрямым.

Собственно, большую часть времени.

– Итак, – говорил Галладон перед толпой, – это эйон Даа – эйон силы. Коло? Теперь поупражняемся добавлять линию Разлома, но не к эйону Даа. Мы же не хотим, чтобы на наших прекрасных тротуарах появились дыры? Вместо него мы воспользуемся эйоном Рао – от него большого вреда, скорее всего, не будет.

Матисс нахмурилась.

– О чем это он, отец?

Дэйш пожал плечами.

– Кажется, Дух по какой-то причине верит, что эйоны могут снова заработать. Мы все время рисовали их неправильно или что-то вроде того. Хотя я не понимаю, как ученые, которые их создали, умудрились прозевать целую линию для каждого эйона.

Матисс сильно сомневалась, что ученые вообще «создали» эйоны. Чувствовалось в них что-то такое... первобытное. Они были частью природы, и называть их «созданными» – все равно что признавать рукотворным ветер.

Так или иначе, она промолчала. Дэйш был добрым и решительным человеком, но не слишком способным к наукам. Матисс не имела ничего против. В конце концов, именно меч Дэйша помог спасти Новый Элантрис от разрушения, когда напали дикари. Во всем Новом Элантрисе не найдется лучшего воина, чем ее отец.

Однако она с любопытством наблюдала за тем, как Галладон рассказывает о новой линии. Необычная линия рисовалась поперек нижней части эйона.

«И... это заставит эйоны работать?» – подумала она. Казалось бы, какое простое решение. Неужели получится?

Позади кто-то откашлялся, и они обернулись. Дэйш едва не выхватил из ножен меч.

В воздухе парил сеон. Не из тех безумных, что бесцельно летали по Элантрису, а здравомыслящий, ярко светящийся.

– Эйш! – радостно воскликнула Матисс.

– Леди Матисс, – отозвался Эйш, слегка покачиваясь в воздухе.

– Никакая я не леди! – не согласилась она. – И ты это знаешь.

– Мне всегда казалось, что этот титул вам подходит, леди Матисс, – пояснил сеон и поприветствовал Дэйша: – Лорд Дэйш. Леди Карата поблизости?

– Она в библиотеке. – Дэйш убрал ладонь с меча.

«В библиотеке? – подумала Матисс. – Какой библиотеке?»

– Вот как, – произнес Эйш своим низким голосом. – Тогда могу я передать послание вам, поскольку лорд Галладон, по-видимому, занят?

– Как тебе угодно, – ответил Дэйш.

– Прибывает новая партия груза, милорд. Леди Сарин пожелала, чтобы вас известили об этом как можно скорее, так как груз... очень важен.

– Продукты? – спросила Матисс.

– Нет, миледи, – ответил Эйш. – Оружие.

Дэйш оживился.

– Правда?

– Да, лорд Дэйш, – подтвердил сеон.

– Зачем ей посылать оружие? – нахмурилась Матисс.

– Моя госпожа обеспокоена, – тихо пояснил Эйш. – Похоже, за стенами города нарастает напряжение. Она сказала, что... в общем, она хочет, чтобы в Новом Элантрисе были готовы, на всякий случай.

– Я сейчас же соберу людей и пойду за оружием, – решил Дэйш.

Эйш покачнулся, дав понять, что одобряет идею. Когда отец отошел, Матисс оглядела сеона, и ей в голову пришла мысль. Что, если...

- Эйш, можно украсть тебя на минутку? – спросила она.
- Конечно, леди Матисс. Что вам нужно?
- Да ничего особенного. Но вдруг это поможет...

Эйш закончил сказку, и Матисс улыбнулась, посмотрев на заснувшую Рииду. Впервые за многие недели малышка выглядела умиротворенной.

Появление Эйша в Курятнике сперва переполошило не успевших заснуть детишек, но как только он заговорил, Матисс поняла, что интуиция ее не подвела. Низкий, звучный голос сеона заставил детей притихнуть. Его ритмичная речь чудесно успокаивала. Сказка Эйша ублажала не только Рииду, но и остальных.

Размяв ноги, Матисс встала и кивнула на дверь. Эйш полетел следом. Угрюмый Идотрис все так же сидел на пороге и бросал камешки в слизняка, неведомым образом пробравшегося в Новый Элантрис.

– Прости, что отняла у тебя столько времени, Эйш, – тихо сказала Матисс, когда они отошли достаточно далеко, чтобы не разбудить детей.

– Чепуха, леди Матисс. Думаю, леди Сарин способна недолго обойтись и без меня. К тому же, приятно снова рассказывать сказки. Прошло столько времени с тех пор, как моя госпожа была ребенком.

– Тебя передали леди Сарин, когда она была совсем маленькой? – полюбопытствовала Матисс.

– В день, когда она родилась, – ответил Эйш.

Матисс мечтательно улыбнулась.

– Мне кажется, однажды вы встретите своего собственного сеона, леди Матисс.

Матисс вскинула голову:

– Почему ты так решил?

– Видите ли, когда-то почти у всех жителей Элантриса были сеоны. Мне начинает казаться, что лорду Духу удастся возродить этот город – он же возродил Эйон-Дор. Если у него получится, мы найдем вам сеон. Возможно, его будут звать Ати. Ведь это ваш эйон?

– Да, – ответила Матисс. – Он означает «надежда».

– На мой взгляд, он вам подходит, – заметил Эйш. – Что ж, если здесь я больше не нужен, мне, наверное, стоит...

– Матисс! – послышалось вдруг.

Вздрагнув, Матисс бросила взгляд на Курятник, полный спящих жильцов. В соседнем переулке дрожал луч света – оттуда и донесся крик.

– Матисс! – снова позвал настойчивый голос.

– Тише, Мареш! – прошипела Матисс и бесшумно пересекла улицу. – Дети спят!

– А-а. – Мареш замолчал.

Высокомерный элантриец был одет в обычные для горожан яркие штаны и рубашку, но к ним он присовокупил пару кушаков, что, по его мнению, делало наряд более «изысканным».

– Где твой отец?

– Обучает взрослых мастерству меча, – тихо ответила Матисс.

– Что? – удивился Мареш. – Да ведь ночь на дворе!

Матисс пожала плечами.

– А то ты не знаешь Дэйша. Если ему что-то втемяшится в голову...

– Сперва пропал Галладон, – проворчал Мареш, – теперь Дэйш размахивает мечом посреди ночи. Если бы только лорд Дух вернулся...

– Галладон пропал? – встрепенулась Матисс.

Мареш кивнул.

– Иногда он вот так исчезает. Карата тоже. Они никогда не рассказывают мне, куда уходят. Вечно такие скрытные! «Мареш, остаешься за главного», – говорят они и отправляются на свои секретные совещания без меня. Ну правда!

С этими словами парень побрел прочь, прихватив фонарь.

«Уходят в какое-то тайное место, – подумала Матисс. – В ту библиотеку, о которой упомянул Дэйш?»

Она посмотрела на Эйша. Тот по-прежнему парил рядом. Быть может, удастся его уговорить, и он расскажет...

Вдруг послышались крики.

Они раздались так внезапно, так неожиданно, что Матисс подскочила на месте. Она резко обернулась, пытаясь понять, откуда доносится звук. Казалось, кричали на подступах к Новому Элантрису.

– Эйш! – воскликнула она.

– Уже спешу, леди Матисс, – отозвался сеон и, взмыв в небо, превратился в яркое пятнышко в ночи.

Крики не смолкали. Далекие, отражавшиеся эхом крики. Матисс задрожала и бессознательно отступила назад, услышав кое-что еще – звон металла о металл.

Она повернула обратно. Тэйд, заведовавший Курятником взрослый, выскочил из дома в ночной рубашке. Даже в темноте Матисс заметила, какой у него встревоженный вид.

– Жди здесь, – велел он.

– Не оставляйте нас! – воскликнул, озираясь в испуге, Идотрис.

– Я скоро вернусь, – бросил Тэйд и поспешил прочь.

Матисс переглянулась с Идотрисом. Другие подростки, присматривавшие в ту ночь за детьми, уже разошлись по домам. Остались только они вдвоем.

– Пойду с ним. – Идотрис направился вслед за Тэйдом.

– Нет, не пойдешь. – Матисс схватила его за руку и потянула обратно. Издалека по-прежнему слышались крики.

Она бросила взгляд на Курятник.

– Иди разбуди детей.

– Что?! – возмутился Идотрис. – Мы их еле уложили!

– Быстро! – прикрикнула Матисс. – Подними их и проследи, чтобы все обулись.

Мгновение Идотрис противился, затем, что-то пробурчав, подчинился. Немного спустя она услышала, как он будит детей. Матисс бросилась в дом напротив – один из складов. Там нашлись два заправленных маслом фонаря и кремень с кресалом.

Она замерла на месте. «Что я делаю?»

«Просто готовлюсь на всякий случай», – ответила она себе, снова задрожав от несмолкающих криков. Казалось, они приближаются. Она поспешила обратно через улицу.

– Миледи! – раздался голос Эйша.

Матисс подняла глаза и увидела, что сеон вернулся. Его эйон был таким тусклым, что она едва его различала.

– Миледи, на Новый Элантрис напали солдаты! – доложил Эйш не мешкая.

– Что? – поразила ее.

– Они одеты в красное, судя по росту и темным волосам – фьерденцы, – добавил Эйш. – Их сотни, миледи. Некоторые ваши солдаты сражаются на подступах к городу, но их слишком мало. Новый Элантрис уже захвачен! Миледи, солдаты идут сюда и обыскивают здания!

Матисс как громом поразило.

«Нет. Нет, этого не может быть. Только не сюда. Здесь спокойно. Прекрасно. Я сбежала от внешнего мира. Нашла свое место. Им до меня не добраться».

– Миледи! – В голосе Эйша сквозил испуг. – Эти крики... Мне кажется... мне кажется, солдаты нападают на тех, кого находят!

«И они идут сюда».

Матисс вцепилась онемевшими пальцами в фонари. Стало быть, это конец... Да и что она могла сделать? Сама почти ребенок, попрошайка, девчонка без семьи и дома. Что она могла сделать?

«Я забочусь о детях. Это моя работа».

«Работа, которую доверил мне лорд Дух».

– Нужно вывести детей. – Матисс бросилась к Курятнику. – Они знают, где искать, потому что мы вычистили эту часть Элантриса. Город огромен. Детей можно спрятать, если вывести их в заброшенные районы.

– Да, миледи, – согласился Эйш.

– Разыщи моего отца! – крикнула Матисс. – Расскажи, что мы собираемся сделать.

С этими словами она исчезла в Курятнике, а Эйш растворился в темноте. Идотрис все сделал как велено, и детишки спросонья натягивали обувь.

– Детки, быстрее, – поторопила их Матисс.

– В чем дело? – требовательно спросил Тиил.

– Нужно уходить. Тиил, Теор, мне понадобится ваша помощь – ваша и всех старших ребят, хорошо? Вам придется позаботиться о малышах. Следите, чтобы они не отставали и не шумели. Хорошо?

– Зачем? – нахмурился Тиил. – В чем дело?

– Так надо, – сказала Матисс. – Это все, что вам нужно знать.

– Почему командуешь ты? – спросил Теор, встав рядом с другом и скрестив руки на груди.

– Вы знаете моего отца? – осведомилась Матисс.

Оба кивнули.

– Вы знаете, что он солдат?

И снова кивок.

– Ну, стало быть, и я солдат. Это передается по наследству. Он капитан, значит, я тоже капитан. Поэтому я говорю, кому что делать. Но если обещаете слушаться, могу сделать вас своими помощниками.

Мальчишки замерли, затем Тиил кивнул:

– Логично.

– Хорошо. А теперь вперед! – велела Матисс.

Мальчишки принялись помогать малышам. Матисс подгоняла всех к двери и выводила на улицу. В темноте многих детишек охватил ужас, они были слишком напуганы, чтобы идти.

– Матисс! – прошипел подоспевший Идотрис. – Что происходит?

– Эйш говорит, что на Новый Элантрис напали. – Она опустила на колени рядом с фонарями. – Солдаты убивают всех без разбора.

Идотрис умолк.

Матисс зажгла фонари и поднялась на ноги. Как она и ожидала, детей, даже самых маленьких, влекло к свету и тому чувству защищенности, что он дарил. Она вручила один фонарь Идотрису и в пятне света разглядела его испуганное лицо.

– Что будем делать? – спросил он дрожащим голосом.

– Уносить ноги. – Матисс бросилась вон из комнаты.

Дети потянулись следом. Чтобы не остаться в темноте, они бежали за светом. Тиил и Теор помогали малышам, Идотрис пытался успокоить тех, кто начинал плакать. Матисс беспокоилась из-за того, что пришлось зажечь фонари, но это был единственный выход. Им и так еле удавалось вести детей, и они подгоняли их как могли, оставляя позади Новый Элантрис, а значит, и крики, которые теперь раздавались ужасно близко.

Населенные районы Нового Элантриса тоже оставались позади. Матисс надеялась, что по дороге они встретят кого-нибудь, кто им поможет. К сожалению, те, кто не упражнялся с эйонами, тренировались с ее отцом. Единственными занятыми домами были те, что, по словам Эйша, подверглись нападению. А их обитатели...

«Не думай об этом», – сказала себе Матисс. Их растрепанная компания из пяти десятков детишек как раз добралась до окраин Нового Элантриса.

Почти на свободе. Можно...

Сзади раздался неожиданный окрик на грубом языке, которого Матисс не поняла. Обернувшись, она бросила взгляд поверх голов перепуганных детей. Центр Нового Элантриса слабо светился. Зарево пожара.

Город горел.

В окружении смертоносных всполохов появился отряд из трех человек в красной форме. В руках у них были мечи.

«Не станут же они убивать детей», – подумала Матисс, удерживая фонарь дрожащей рукой.

Потом она заметила, как блестят их глаза. Опасные, беспощадные взгляды. Солдаты приближались к их группе. Да, они могли убить детей. По крайней мере, элантрийских.

– Бегите, – вымолвила Матисс, хотя знала, что детям не тягаться с этими мужчинами в скорости. – Бегите! Быстрее...

Вдруг откуда ни возьмись с неба упал шар из света. Эйш, отвлекая, заметался вокруг голов. Рассвирепевшие солдаты вскинули головы к сеону и с проклятьями замахали мечами.

А потому совершенно упустили момент, когда на них бросился Дэйш.

Он выскочил из темной улочки и напал сбоку. Сверкнул меч, один из противников упал на землю, и Дэйш повернулся к двум другим, которые по-прежнему сквернословили, уклоняясь от сеона.

«Нужно уходить!»

– Быстрее! – снова заторопила Матисс Идотриса и остальных.

Дети кинулись прочь от схватки, в ночь, за фонарем Идотриса. Приотставшая Матисс в тревоге обернулась к отцу.

Дела у него шли неважно. Дэйш был превосходным воином, но к солдатам присоединились еще двое, а его тело ослабело от жизни в Элантрисе. Матисс стояла, сжимая дрожащими пальцами фонарь, и не знала, что делать. В темноте за ее спиной сопели дети, отступая мучительно медленно. Дэйш сменил старый ржавый меч на другой, должно быть, присланный Сарин, и храбро сражался, отбивая удар за ударом, но его постепенно окружали.

«Я должна что-то сделать!» – Матисс шагнула вперед.

В этот миг Дэйш обернулся, и она разглядела порезы на его лице и теле. Ужас, застывший в его глазах, заставил ее замереть от страха.

– Уходи, – прошептал он. Голоса не было слышно, но губы двигались. – Беги!

Один из солдат вогнал меч Дэйшу в грудь.

– Нет! – вырвалось у Матисс, но ее крик лишь привлек внимание. Дэйш рухнул на землю, корчась от невыносимой боли.

Солдаты двинулись в ее сторону. Дэйш сразил нескольких, но трое уцелели.

Матисс оцепенела.

– Миледи, пожалуйста! – Эйш подлетел ближе и настойчиво завис сбоку. – Вы должны бежать!

«Отец мертв. Нет, хуже – стал хоедом».

Матисс встряхнула головой, принуждая себя не терять бдительность. Будучи попрошайкой, она сталкивалась с несчастьем. Она выдержит. Придется выдержать.

Эти мужчины найдут детей. Те двигались слишком медленно. Если только... Она подняла голову и зацепилась взглядом за светящийся эйон в центре сеона. Эйон означал «свет».

– Эйш, – напористо проговорила Матисс, пока солдаты подходили все ближе. – Догони Идотриса. Скажи, пусть погасит фонарь, и отведи их всех в безопасное место!

– Безопасное место? – переспросил Эйш. – Не знаю, найдется ли такое.

– Библиотека, о которой ты говорил, – быстро сообразила Матисс. – Где она?

– Прямо к северу отсюда, миледи. В тайном зале под пустующим зданием. Оно отмечено эйоном Рао.

– Галладон и Карата там. Отведи к ним детей. Карата придумает, что делать дальше.

– Да. Да, это хорошая идея.

– Не забудь про фонарь, – напомнила Матисс вслед сеону.

Она повернулась к солдатам. Затем подняла руку и начала рисовать.

В воздухе за ее пальцем разливался свет. Несмотря на страх, Матисс заставила себя не шелохнуться и дорисовать эйон. Солдаты на мгновение замерли, наблюдая, потом один что-то произнес на гортанном языке, который она посчитала фьерделлом, и они снова двинулись к ней.

Матисс закончила эйон – эйон Эйш, тот же, что и внутри ее друга-сеона. Но, разумеется, от эйона не было толку. Он просто висел в пустоте, как и все остальные. Солдаты подходили, не обращая на него внимания.

«Только бы получилось», – подумала Матисс, сместив палец к точке, которую описывал Галладон, и провела завершающую линию.

Эйон – эйон Эйш – тут же ярко засиял прямо перед лицами солдат. Те вскрикнули от неожиданной вспышки и с проклятьями отпрянули. Матисс подхватила фонарь и кинулась наутек.

Разразившись воплями, солдаты погнались за ней. Так же, как и дети, они ориентировались на свет – на ее свет. Идотрис и остальные не успели уйти далеко, – она видела их тени, по-прежнему мелькавшие во мраке, – но солдаты были слишком ослеплены, чтобы замечать неясные движения, а Идотрис уже потушил свет. Солдаты могли нацелиться только на нее.

Сжав фонарь дрожащими пальцами, Матисс уводила солдат прочь, в темноту. Сзади долетали звуки погони. Она добралась до привычного Элантриса, вычищенные мостовые сменились грязью и слизью. Матисс пришлось умерить шаг, чтобы не поскользнуться и не упасть.

Она все равно спешила как могла, срезая углы, стараясь оторваться от преследователей. Накатила слабость. Для элантрийцев бег был серьезным испытанием. У нее не хватало сил бежать быстро.

Она уставала все больше. Погони вроде не слышно, возможно...

Матисс свернула за угол и столкнулась нос к носу с двумя поджидавшими во мраке солдатами. Замерла от неожиданности, присмотрелась к ним и узнала преследователей.

«Это обученные солдаты, – подумала она. – Конечно, они знают, как окружить врага и отрезать путь к бегству!»

Матисс развернулась и бросилась было прочь, но один из мужчин схватил ее за руку, со смехом бросив что-то на фьерделле.

Она вскрикнула и выронила фонарь. Солдат споткнулся, но хватки не ослабил.

«Думай! – приказала себе Матисс. – Времени мало».

Ее ступни заскользили по слизи. Помедлив мгновение, она бросила попытки устоять на ногах и упала, мимоходом пнув своего пленителя.

Рассчитывать приходилось только на одно: она жила в Элантрисе и знала, как двигаться по грязи. А чужаки не знали. Ее удар достиг цели, и солдат тут же поскользнулся, врезался в напарника и, выпустив Матисс, распластался на осклизлой мостовой.

Она вскочила на ноги. Ее красивую яркую одежду теперь пятнала элантрийская слизь. Нога вспыхнула от новой боли – подвернулась лодыжка. Матисс все время береглась от серьезных травм, но эта боль не шла ни в какое сравнение с тем, что она испытывала раньше, и причиняла гораздо больше страданий, чем порез на щеке. Боль была такая, что с трудом верилось, и она не утихала. Раны элантрийцев никогда не заживали.

Несмотря ни на что, Матисс заставила себя двигаться. Заковыляла прочь не думая, желая лишь оказаться подальше от солдат. Было слышно, как они, сквернословя, поднимаются на ноги. Она уходила все дальше, слегка прихрамывая, и поняла, что движется по кругу, только когда увидела зарево Нового Элантриса прямо перед собой. То же место, откуда началось ее бегство.

Матисс остановилась. А вот и Дэйш, лежит на мостовой. Она бросилась к нему, забыв о погоне. Из его груди по-прежнему торчал меч, и она услышала, как он шепчет:

– Беги, Матисс. Беги, спасайся... – Мантра хоеда.

Матисс рухнула на колени. Она спасла детей. Этого достаточно. Сзади послышался шум. Обернувшись, она увидела приближающегося солдата. Его напарник, должно быть, пошел в другую сторону. Этот был выпачкан в слизи, и она его узнала. Именно ему достался пинок.

«Как же болит нога!» – подумала Матисс.

Отвернувшись, она припала к неподвижному телу Дэйша, – слишком уставшая, слишком истерзанная болью, чтобы пошевелить хоть пальцем.

Солдат схватил ее за плечо, оторвал от тела отца и развернул к себе, отчего в ее руках вспыхнула новая боль.

– Говори, – произнес он с сильным акцентом. – Говори, куда пошли остальные дети.

Матисс вырывалась, но тщетно.

– Не знаю!

Но она знала. Эйш ей сказал.

«Зачем я спросила у него, где библиотека? – мысленно выругала она себя. – Не знала бы – не смогла бы их выдать!»

– Говори. – Одной рукой мужчина удерживал ее, а другой достал нож. – Говори, или будет больно. Очень больно.

Матисс безуспешно пыталась вырваться. Если бы из ее глаз элантрийки могли брызнуть слезы, она бы заплакала. В доказательство своих слов солдат занес нож. Ни разу в жизни Матисс не испытывала такого ужаса.

И тут земля затряслась.

Горизонта коснулось сияние близкого рассвета, но оно потерялось во внезапной вспышке вдоль границ города. Солдат остановился, подняв голову к небу.

Матисс вдруг стало тепло.

Она и не осознавала, насколько ей не хватало этого ощущения, насколько она свыклась с застоявшимся холодом в теле. Тепло хлынуло в нее, словно в вены впрыснули горячую жидкость. Это было так прекрасно и удивительно, что у нее перехватило дыхание.

Что-то в мире встало на место. Что-то чудесным образом исправилось.

Внезапно солдат повернулся к ней. Казалось, сама земля дрожит под ногами. Он склонил голову набок, протянул руку и провел грубым пальцем по ее щеке, там, куда ее когда-то ранили.

– Исцелилась? – озадаченно произнес он.

Матисс почувствовала нечто удивительное. Почувствовала... как бьется сердце! Сбитый с толку солдат снова занес нож.

– Ты исцелилась, но я могу ранить тебя еще раз.

Ее тело наливалось силой. Однако она была девчонкой, а он – обученным солдатом. Она боролась изо всех сил, разум только-только начал осмысливать, что кожа очистилась от темных пятен и переливается серебром. Свершилось! Как и предсказывал Эйш! Элантрис возродился!

Однако ее по-прежнему ждала смерть. Как нечестно! Матисс отчаянно закричала, пытаясь освободиться. Что за ужасная ирония: город исцеляется, но ничто не помешает этому ужасному человеку...

– Мне кажется, ты кое-что упустил, друг, – послышался вдруг голос.

Солдат замер на месте.

– Если свет исцелил ее, – продолжил голос, – то он исцелил и меня.

Солдат закричал от боли и, выпустив Матисс, растянулся на земле. Она отступила и, когда ужасный мужчина упал, наконец разглядела, кто стоит сзади: ее отец, сияющий внутренним светом, очистившийся от порчи. Серебристый и великолепный, он походил на бога.

Его одежда была порвана в тех местах, где его ранили, но кожа исцелилась. В руке он держал тот самый меч, что еще недавно торчал из груди.

Матисс подбежала к нему и, расплакавшись, – она снова могла плакать! – заключила в объятия.

– Где остальные дети, Матисс? – торопливо спросил Дэйш.

– Я позаботилась о них, отец, – прошептала она. – У каждого своя работа, и это моя. Я забочусь о детях.

– Интересно, а что все-таки случилось с детьми? – спросил Раоден.

– Я отвел их в библиотеку, – ответил Эйш. – Галладона и Карату мы не застали – должно быть, разминулись с ними, когда они возвращались в Новый Элантрис. Но я спрятал детей внутри и остался с ними, чтобы их успокаивать. Я очень волновался насчет того, что происходит в городе, но эти бедняжки...

– Я понимаю, – кивнул Раоден. – А Матисс... дочурка Дэйша... Я и не представлял, через что ей пришлось пройти.

Раоден улыбнулся. В благодарность за заслуги перед Новым Элантрисом он одарил Дэйша двумя сеонами. Их старые владельцы умерли, а когда Элантрис возродился и к сеонам вернулся разум, выяснилось, что служить больше некому. Одного Дэйш передал дочери.

– Какого сеона она получила? Ати?

– Вообще-то, нет, – ответил Эйш. – Полагаю, Айо.

– Ничуть не хуже, – одобрил Раоден.

Когда распахнулась дверь, он с улыбкой поднялся. Показался большой живот, и в комнату вошла его жена, королева Сарин.

– Согласен. – Эйш подплыл к Сарин.

Айо означал «храбрость».

Послесловие

У этой повести довольно интересная предыстория.

Если мы мысленно перенесемся в январь 2006 года, то обнаружим, что я уже около двух месяцев встречаюсь с Эмили (в итоге она станет моей женой). На одном из свиданий Эмили рассказала мне нечто удивительное: одна из ее восьмиклассниц, девочка по имени Матисс, подготовила доклад по «Элантрису». Матисс не знала, что ее учительница встречается со мной. Она даже не знала, что мы знакомы. Просто странное совпадение.

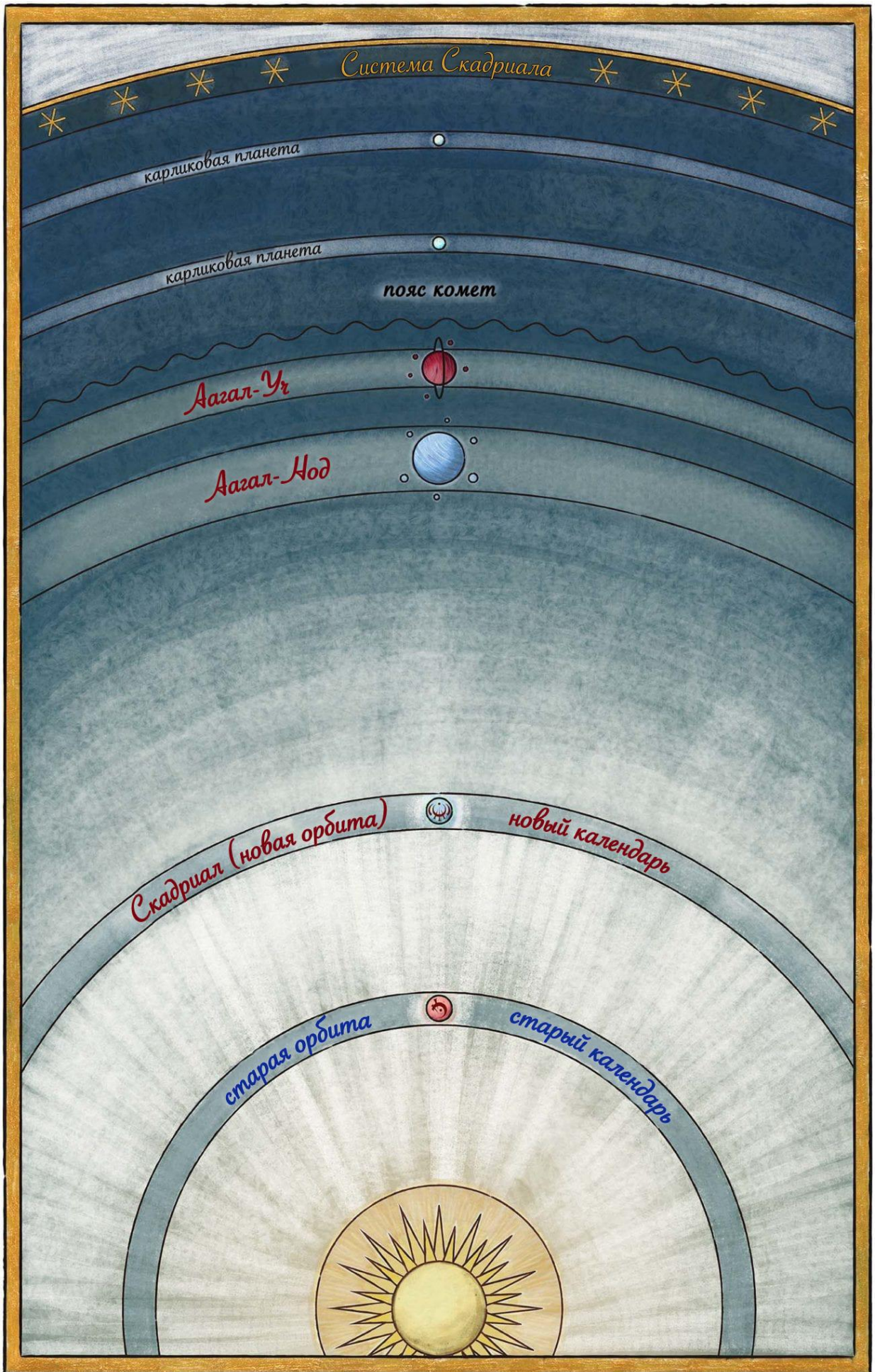
Доклад оказался невероятным. Вместо обычного текста Матисс создала атлас Села: рисунки и биографии персонажей, приколотые степлером образцы тканей Элантриса, маленькие кармашки с разными предметами из книги. Эмили показала мне доклад, и я был сражен. Тогда я еще не привык к тому, что мои книги печатают. Момент, когда я понял, сколько труда Матисс вложила в доклад, стал одним из самых поразительных в начале моей карьеры.

Я хотел как-то по-особенному отблагодарить Матисс. Она по-прежнему не знала, что ее учительница встречается с одним из ее любимых авторов. Я решил написать небольшую повесть к «Элантрису».

В любом романе есть события, которые опускаются, чтобы не сбивать ритм повествования. Я знал, что происходило в Элантрисе во время нападения дахорцев. Также я понимал, что Дэйш и сеон Эйш спасли и защитили детей. Мне не хотелось обходиться с ними как с остальными, ведь Карата приложила столько сил, чтобы их уберечь. Мой подарок заключался в том, что во время бойни в Новом Элантрисе дети не пострадали.

Я решил написать обо всем этом небольшую повесть. Вдохновила меня Матисс, поэтому я решил, что дам одному из персонажей ее имя. Матисс из повести ведет себя не так, как настоящая. Настоящую Матисс я тогда не знал. Теперь мы знакомы: она иногда приходит на мои автограф-сессии. Она даже подарила нам на свадьбу тот самый доклад по «Элантрису».

Спустя время мне кажется, что повесть вышла слегка сентиментальной. Надеюсь, она не воспринимается излишне эмоциональной (хотя так может показаться вне контекста «Элантриса»). Впрочем, самой историей я вполне доволен.

Система Скадриала

Во внутренней области системы только одна планета – Скадриал, что можно считать везением, учитывая, каким огромным изменениям подверглась система под влиянием своих осколков.

Отличительная особенность Скадриала в том, что человечество на нем процветает, несмотря на неоднократные катаклизмы. Конечно, другие планеты Космера подвергались бедствиям и похуже, но ни на одной вы не найдете такого преуспевающего и технологически продвинутого общества, как на Скадриале.

Более того, я убеждена, что если бы Вседержитель не угнетал технологическое развитие на планете на протяжении тысячи лет, то Скадриал затмил бы все другие планеты в области научного познания и прогресса самостоятельно, без взаимодействия между сообществами, как мы привыкли в Сребросвете.

Скадриал, еще одна двусколочная планета, обладает множеством уникальных особенностей. Это одно из двух мест Космера, где человечество появилось только после прибытия осколков – Охранения и Разрушения. Более того, в ходе своих исследований я убедилась, что сама планета появилась только после того, как осколки обосновались в системе. Они намеренно выбрали звездную систему без планет во внутренней области, чтобы можно было поместить в эту область все, что захочется.

Да, при создании жизни осколки, несомненно, взяли за образец людей с Йолена (более того, оба сосуда этих осколков до вознесения были людьми). Из-за этого флора и фауна Скадриала очень похожа на йоленскую, разумеется, кроме фейновых видов³. Скадриал очень схож с Йолоном по размерам и силе тяжести, обе планеты соответствуют космерскому стандарту.

Осколки создавали эту планету совместно, однако она быстро превратилась в символ – и трофей – в конфликте между ними. В мою компетенцию не входит обсуждение личностей сосудов, лучше обратиться не к арканисту, а к одному из моих коллег, который специализируется на биографии сосудов и истории до раскола. Тем не менее можно утверждать, что конфликт между осколками напрямую проявляется в том, как используют инвестиру на Скадриале.

Это мощная магия той разновидности, когда обычные люди часто получают доступ к огромным выбросам силы. Попробуйте назвать другую планету, за исключением разве что Рошара, где в руки простых смертных регулярно попадает подобное количество инвестиру. В истории Скадриала насчитывается несколько мужчин и женщин, которые обретали доступ к огромной силе, и это приводило к

³ Фейн – одна из трех форм жизни на Йолене; фейновые флора и фауна отличаются белым цветом и наличием красной жидкости внутри, у фейновых животных обычно шесть конечностей.

невероятным эффектам. Самое очевидное доказательство можно увидеть на звездных картах, любезно предоставленных Гуйном: у Скадриала указаны две орбиты. В определенные моменты отдельные личности буквально передвигали планету с места на место (к слову, это сильно усложнило попытки разобраться в летоисчислении).

Я много писала о магии этой планеты. Более того, моими мыслями по поводу алломантии, ферухимии и гемалургии можно заполнить еще много томов. Тем не менее я придерживаюсь мнения, что наибольшее влияние на Космер может оказать гемалургия. Она доступна любому, у кого есть нужные знания, и позволяет исказить души без привязки к планете и инвеституре, создавая ложные связи, не предусмотренные ни одним осколком.

В самой планетной системе нет ничего интересного, однако Скадриал сам по себе раз за разом интригует. И это вопреки тому, что человечество освоило относительно небольшую часть планеты. (Впрочем, ситуация начала меняться после того, как экстремальные условия времен Последней империи остались в прошлом.)

Скадриал моя любимая планета для научных изысканий, будь то адаптация человечества (как вынужденная, так и естественная) или обширные трансформации ландшафта в разные эпохи. Взаимодействие между магией и законами природы здесь велико, разнообразно и захватывающе.

Одиннадцатый металл

Это приквел к циклу «Рожденный туманом», его можно читать перед циклом «Рожденный туманом».

Кельсер держал двумя пальцами трепещущий клочок бумаги. Ветер рвал и трепал его, но Кельсер держал крепко. Рисунок опять не получился.

Раз двадцать он пытался изобразить его правильно, повторить рисунок, который она всегда носила с собой. Оригинал уничтожен, это несомненно. У него ничего не осталось на память о ней, поэтому он пытался воссоздать рисунок, которым она дорожила, – правда, безуспешно.

Цветок, вот как это называлось. Миф, выдумка. Мечта.

– Пора тебе завязывать с этим, – проворчал его спутник. – Не то я сам тебя отучу.

– Рискни, – негромко отозвался Кельсер.

Он зажал клочок бумаги меж двух пальцев и сунул в карман рубашки. Позже он попробует еще раз. Лепестки должны больше походить на слезы.

Кельсер одарил Джеммела спокойным взглядом и улыбнулся. Улыбка вышла натянутой. Как можно улыбаться в мире, где нет ее?

Однако он продолжал улыбаться до тех пор, пока улыбка не стала естественной. Пока оцепенение, скрученное узлом внутри, не отпустило и не вернулись чувства. Если такое вообще возможно.

Возможно. Пожалуйста, пусть будет возможно.

– Все эти рисунки заставляют тебя вспоминать прошлое, – бросил Джеммел.

У старика была клочковатая седая борода и настолько нечесанные волосы, что они выглядели ухоженнее, когда их трепал ветер.

– Так и есть, – ответил Кельсер. – Я ее не забуду.

– Она тебя предала. Живи дальше.

Джеммел не стал ждать ответа и пошел прочь. Он часто прерывал спор на середине.

Кельсер не зажмурился, не испустил непокорный вопль в угасающем свете дня, как ему хотелось. Он отбросил мысли о предательстве Мэйр. Не следовало даже заикаться Джеммелу о своих тревогах. Но он рассказал. Ничего не поделаешь.

Кельсер улыбнулся шире. Пришлось постараться.

Джеммел оглянулся.

– Ну и жутко ты выглядишь, когда так делаешь.

– Это потому, что ты ни разу в жизни по-настоящему не улыбался, старая куча пепла.

Кельсер подошел к Джеммелу. За парашютом крыши утопал в пепле Мантиз. Здесь, на дальнем севере Западного доминиона, улицы чистили не так хорошо, как в Лютадели.

Кельсер думал, что здесь будет меньше пепла: поблизости только один вулкан. Судя по всему, в этом краю пеплопады и правда случались реже. Но из-за того, что пепел никто не убирал, казалось, что его выпадает гораздо больше.

Кельсер провел рукой по краю кладки. Эта часть Западного доминиона ему никогда не нравилась. Здешние дома казались... оплавленными. Нет, не то слово.

Они выглядели чересчур плавными, без углов, и редко бывали симметричными: одна сторона здания всегда выше или более округлая, чем другая.

Впрочем, пепел был привычным. Он покрывал этот дом так же, как и везде, придавая окружающему миру равномерный черно-серый оттенок, лежал на улицах, облеплял коньки крыш, скапливался кучами в переулках. Вулканический пепел походил на сажу – гораздо темнее, чем от обычного костра.

– Которая?

Кельсер повел взглядом между четырьмя массивными крепостями, что выделялись в панораме города. По меркам этого доминиона, Мантиз был крупным городом, но, конечно, не шел ни в какое сравнение с Лютаделью. Других таких городов нет. И все же Мантиз внушал уважение.

– Крепость Шезлер. – Джеммел указал на высокое, изящное строение близ центра города.

Кельсер кивнул.

– Шезлер. Туда легко попасть. Понадобится добротная одежда, немного драгоценностей. Нужно найти, где сбить бусину атиума, и портного, который умеет держать рот на замке.

Джеммел фыркнул.

– У меня лютадельский акцент, – добавил Кельсер. – Судя по тому, что я слышал на улицах, лорд Шезлер без ума от лютадельской знати. Перед тем, кто поставит себя правильно, он будет вилять хвостом. Ему нужны связи с кругами, близкими к столичным. Я...

– Ты думаешь не как алломант, – сердито оборвал его Джеммел.

– Я воспользуюсь эмоциональной алломантией, – возразил Кельсер. – Склоню его к...

Джеммел вдруг взревел и невероятно быстро оказался рядом с Кельсером. Схватил его за грудки, сбил с ног, загремев черепицей, и навис над ним.

– Ты рожденный туманом, а не уличный льстец, работающий за гроши! Хочешь, чтобы тебя снова сцапали его прихвостни и вернули туда, где тебе самое место? Этого хочешь?

Кельсер сердито уставился на Джеммела. Туман вокруг них начал сгущаться. Иногда старик больше напоминал зверя, чем человека. Он забормотал себе под нос, словно беседуя с приятелем, которого Кельсер не мог ни видеть, ни слышать. Потом наклонился ближе, не прекращая бормотать. Дыхание его было едким и учащенным, глаза – расширенными и бешеными. Джеммел не совсем в своем уме. Нет, это еще мягко сказано. У него сохранилась лишь толика здравого рассудка, да и та постепенно угасала.

Однако это единственный рожденный туманом, которого знал Кельсер. И проклятье, он собирается у него поучиться. Или так, или брать уроки у какого-нибудь аристократа.

– А теперь послушай. – Джеммел почти умолял. – Хотя бы раз. Я учу тебя драться. А не языком болтать. Это ты уже умеешь. Мы сюда явились не для того, чтобы ты фланировал, изображая аристократа, как делал раньше. Я не дам тебе заговорить им зубы, не дам. Ты – рожденный туманом. Ты дерешься.

– Я буду применять все, что придется.

– Ты будешь драться! Хочешь снова стать слабым, чтобы тебя снова сцапали?

Кельсер промолчал.

– Ты хочешь отомстить? Хочешь?

– Да, – прорычал Кельсер.

В душе заворочался огромный темный зверь, разбуженный подначками Джеммела, и одолел даже его онемение.

– Хочешь убивать? За то, что они сделали с тобой и твоей женой? За то, что забрали ее у тебя? Ну, малой?

– Да! – рывкнул Кельсер, воспламенив металлы и оттолкнув Джеммела.

Воспоминания вели в темную дыру, окаймленную бритвенно острыми кристаллами. Ее предсмертные всхлипы. Его всхлипы, пока его ломали, сминали, разрывали на части.

Его крики, когда он собрал себя заново.

– Да. – Кельсер поднялся на ноги. Внутри горел пьютер. Он заставил себя улыбнуться. – Да, я отомщу, Джеммел. Но по-своему.

– И как же?

Кельсер застыл в нерешительности.

Чувство было незнакомым. Раньше у него всегда имелся план, множество планов. Теперь, без нее, без всего... Искра погасла – та искра, что всегда толкала его за пределы возможного, вела от плана к плану, от кражи к краже, от богатства к богатству.

Она исчезла, сменившись клубком онемения. Теперь он чувствовал только гнев, а гнев вести не мог.

Кельсер не знал, что делать, и ненавидел это ощущение. Раньше такого не бывало, но теперь...

Джеммел фыркнул.

– Когда я с тобой закончу, ты сможешь убить сотню человек одной монетой. Сможешь притянуть чужой меч из пальцев хозяина и зарубить его этим же мечом. Сможешь крушить врагов их же броней и резать воздух, как туман. Ты станешь богом. Вот когда я закончу, тогда и трать время на эмоциональную алломантию. Сейчас – убивай.

Джеммел отскочил обратно к стене и воззрился на крепость. Кельсер постепенно обуздал злость, потирая грудь в том месте, куда пришелся удар.

И... вдруг осознал нечто странное.

– Откуда ты знаешь, как я вел себя раньше, Джеммел? – прошептал Кельсер. – Кто ты?

В окнах горели лампы и известковые светильники, их сияние пробивалось сквозь клубы ночного тумана. Джеммел присел, снова бормоча себе под нос. Если он и слышал вопрос Кельсера, то решил его проигнорировать.

– Ты должен жечь металлы, – бросил Джеммел, когда Кельсер подошел ближе.

Кельсер проглотил ответ насчет того, что не хочет тратить их попусту. Он уже объяснял, что как ребенка-скаа его учили беречь ресурсы. Джеммел лишь рассмеялся. Тогда Кельсер отнес его смех на счет природной эксцентричности.

Но... возможно, он знал правду? Знал, что Кельсер не рос бедняком-скаа на улицах? Знал, что у них с братом была роскошная жизнь и от общества скрывалось, что они полукровки?

Да, он ненавидел аристократов – их балы и приемы, их самодовольство, их превосходство. Но перед собой он не мог отрицать, что принадлежит к их числу. По крайней мере, не меньше, чем к скаа на улицах.

– Ну? – поторопил Джеммел.

Кельсер поджег несколько металлов из восьми металлических резервов внутри. Он слышал, как алломанты иногда говорили об этих резервах, но не ожидал, что сам их ощутит. Они напоминали колодцы, из которых можно черпать энергию.

Внутри него горели металлы. Как странно это звучало – и как естественно при этом ощущалось. Столь же естественно, как дышать воздухом и извлекать из него силу. Каждый из восьми резервов усиливал его тем или иным образом.

– Все восемь, – велел Джеммел. – Все.

Он наверняка жег бронзу, чтобы ощутить, что жжет Кельсер.

У Кельсера горели только четыре физических металла. Неохотно он воспламенил остальные. Джеммел кивнул: когда у Кельсера загорелась медь, старик перестал ощущать его алломантию. Полезный металл медь: скрывает от других алломантов и защищает от эмоциональной алломантии.

Некоторые относятся к меди пренебрежительно: для боя она бесполезна, да и ничего с ней не изменишь. Но Кельсер всегда завидовал своему другу Капкану – медному туманщику. Очень полезно знать, что в твои эмоции не вмешивается другой человек.

Разумеется, пока горела медь, пришлось признать, что все его чувства – боль, гнев и даже онемение – принадлежат лишь ему.

– Пошли. – Джеммел прыгнул в ночь.

Туман окутал город почти целиком. Он приходил каждую ночь – иногда густой, иногда еле заметный. Сотни туманных завитков переплетались, кружились, извивались. Туман обретал плотность и казался более живым, чем обычный.

Кельсер всегда любил туман, хотя и не мог объяснить почему. Марш считал, дело в том, что тумана все боялись, а Кельсер слишком заносчив, чтобы поступать как все. Конечно, и сам Марш никогда не боялся тумана. Братья разделяли некое понимание, осознание. Некоторых людей туман признавал своими.

Кельсер спрыгнул с низкой крыши, воспламенив пьютер, чтобы без проблем приземлиться, и ринулся вслед за Джеммелом босиком по бульжной мостовой. В желудке горело олово, обостряя чувства: туман казался более влажным, кожу сильнее покалывало от холода. В отдаленных переулках копошились крысы, лаяли собаки, в соседнем доме храпел мужчина – до Кельсера доносились тысячи звуков, недоступных обычному человеку. Иногда, когда поджигашь олово, все сливается в какофонию. Его нельзя жечь слишком сильно, иначе шум отвлекает. Кельсер воспламенил его ровно настолько, чтобы лучше видеть. Благодаря олову туман казался менее плотным, хоть Кельсер и не понимал, почему так происходит.

Он последовал за призрачной фигурой Джеммела к крепости Шезлер. Оба прижались спиной к опоясывающей крепость стене. Сверху перекрикивались стражники.

Кивнув, Джеммел бросил монету и мгновение спустя взвился в воздух. На нем был туманный плащ – темно-серый, разрезанный ниже груди на множество лент. Кельсер просил себе такой же, но неряшливый, бородатый Джеммел лишь посмеялся над ним.

Кельсер шагнул к упавшей монете. Вокруг за клубился туман, будто насекомые слетелись на пламя, – так всегда происходило рядом с алломантами, жгущими металлы. Кельсер видел, как туман вился вокруг Марша.

Кельсер опустил на колени. Незримый для других голубой луч, почти паутинка, протянулся от его груди к монете. Собственно, сотни лучей выходили из его груди и соединялись с ближайшими источниками металлов. Эти лучи создавались железом и сталью – для отталкивания и притяжения. Джеммел велел ему поджечь все металлы, но он часто нес чепуху. Одновременно жечь железо и сталь бессмысленно – это противоположности.

Кельсер погасил железо, оставив лишь сталь. С помощью стали можно оттолкнуться от любого металла поблизости. Толчок был мысленным, но ощущался, будто действуешь обеими руками.

Наступив на монету, Кельсер оттолкнулся от нее, как учил Джеммел. Монета не могла сдвинуться вниз, поэтому Кельсера подбросило вверх. Он подскочил на добрых пятнадцать футов, неловко ухватился за парапет и, закричав, перевалился через край.

Из груди вырвались, утолщаясь, новые голубые лучи. К Кельсеру быстро приближались какие-то источники металла.

Выругавшись, он выбросил вперед руку и толкнул летящие к нему монеты. Взрезав туман, они отскочили обратно в темноту. Показался Джеммел. Несомненно, монеты – его рук дело. Иногда он нападал на Кельсера. В ночь их знакомства старик столкнул его с обрыва.

Кельсер так пока и не решил, то ли безумец его испытывает, то ли и впрямь пытается убить.

– Нет, – пробурчал Джеммел. – Нет, он мне нравится. Он почти никогда не жалуется. Трое других все время жаловались. Этот сильный. Нет. Недостаточно сильный. Нет. Еще нет. Он выучится.

Позади Джеммела виднелись два силуэта – мертвые стражники. По камням текли ручейки крови. В темноте кровь казалась черной. Туман словно боялся Джеммела – не обволакивал его, как других алломантов.

Ерунда. Просто игра воображения. Кельсер выпрямился и ничего не сказал о нападении. Нет смысла. Просто нужно оставаться начеку и учиться у старика всему, чему можно. Желательно при этом не погибнуть.

– Не нужно толкать рукой, – проворчал Джеммел. – Тратишь зря время. И привыкай все время жечь пьютер. Ты бы тогда так не пыхтел, перелезая через стену.

– Я...

– И не оправдывайся, что бережешь металлы. – Джеммел разглядывал крепость. – Знавал я уличных мальцов. Они ничего не берегут. Докопаешься до такого, и он пустит против тебя все, что есть, – всю силу до капли, все уловки до последней. Они знают, что ходят по грани. Молись, чтобы никогда с ними не столкнуться, красавчик. Тебя разорвут на куски и сожрут, а что останется – приберут про запас на черный день.

– Я хотел сказать, – спокойно произнес Кельсер, – что ты даже не сообщил мне, чем мы сегодня занимаемся.

– Проникаем в крепость, – прищурился Джеммел.

– Зачем?

– Это имеет значение?

– Проклятье, да.

– Там кое-что важное, – пояснил Джеммел. – И мы его отыщем.

– Что ж, теперь все ясно. Спасибо за откровенность. Может, тогда просветишь меня насчет смысла жизни, раз уж вдруг решил отвечать на вопросы?

– Я его не знаю, – ответил Джеммел. – Думаю, это чтобы мы могли умереть.

Подавив стон, Кельсер прислонился к стене.

«Я это сказал, – понял он, – ожидая услышать в ответ какое-нибудь едкое замечание. Вседержитель, как же я скучаю по Доксу и команде».

Джеммел не улавливал юмора, даже самых жалких потуг на него.

«Пора возвращаться, – подумал Кельсер. – К тем, кому не плевать на жизнь. К друзьям».

От этой мысли он содрогнулся. Прошло всего три месяца с... событий в Ямах Хатсина. Порезы на руках по большей части превратились в шрамы, но все равно чесались.

Кельсер понимал, что шуточки у него вымученные, а улыбки скорее мертвые, чем живые. Непонятно, почему ему так важно отложить возвращение в Лютадель. Раны не затянулись, в душе зияют дыры. Пока лучше держаться в стороне. Нельзя, чтобы видели, насколько он не уверен в себе, как сжимается во сне, переживая еще свежие в памяти ужасы. Человек без плана и цели.

Кроме того, надо усвоить все, чему учил Джеммел. Кельсер не мог вернуться в Лютадель, пока... не станет снова самим собой. Или хотя бы собой, покрытым шрамами, с затянувшимися ранами, с притихшей памятью.

– Ладно, давай двигаться, – сказал Кельсер.

Джеммел мрачно глянул на него. Старому безумцу не нравилось, когда Кельсер пытался взять дело в свои руки. Но... куда деваться. Кто-то же должен это делать.

Крепость Шезлер выстроили в необычном стиле, типичном для далекого от Лютадели Западного доминиона: вместо каменных блоков и острых шпилей – естественные плавные линии. Фасад крепости венчали четыре конических башенки. Кельсер решил, что дома здесь строили, скорее всего, накладывая затвердевающую грязь на каменный каркас, а потом придавали ей нужную форму – отсюда все эти изгибы и выступы. Крепость, как и остальные дома, казалась Кельсеру незаконченной.

– Куда? – спросил он.

– Вверх, – ответил Джеммел. – Потом вниз.

Он спрыгнул со стены, бросил монету и оттолкнулся от нее. Под его весом монета устремилась к земле. Когда она ударилась о землю, Джеммел взмыл вверх – к крепости.

Кельсер прыгнул и оттолкнулся от своей монеты. Он и Джеммел скакали в пространстве между лепной стеной и освещенной башней. За витражными окнами горели мощные известковые светильники. В Западном доминионе окна часто бывали самых причудливых форм, и невозможно было найти два одинаковых. Неужели местные ничего не смыслят в эстетике?

Ближе к башне Кельсер начал тянуть, а не отталкиваться – переключился со стали на железо, потом дернул голубую линию, ведущую к стальной оконной раме.

Его, как на привязи, потащило вверх. Это было непросто: его по-прежнему притягивало к земле и по инерции он двигался вперед, поэтому тянуть нужно было осторожно, чтобы ни во что не врезаться.

Когда притягиваешься, запас высоты больше, а без него не обойтись, поскольку крепость Шезлер не ниже крепостей в Лютадели. Оба алломанта добрались до фасада, хватаясь за каменную кладку и отталкиваясь от нее. Кельсер приземлился на выступ и взмахнул руками, потом ухватился за статую, покрытую разноцветной глазурью. Неизвестно, зачем ее тут поставили.

Справа, ловко и грациозно, пролетел Джеммел. Он швырнул монету в сторону, и она ударилась о выступ. Оттолкнувшись от нее, Джеммел подправил свою траекторию в нужном направлении. Потом крутнулся – мелькнули ленты туманного плаща – притянулся к другому витражному окну и повис на нем, как насекомое, вцепившись пальцами в каменные и металлические неровности.

Сквозь окно сиял мощный известковый свет, дробясь на разные цвета, и казалось, что Джеммел тоже покрыт кусочками глазури. Он с улыбкой глянул вверх. В этом свете, в развевающемся туманном плаще, посреди клубящегося тумана старик вдруг показался Кельсеру более величественным – вовсе не безумным оборванцем, а человеком гораздо более благородным.

Джеммел прыгнул в туман и подтянул себя вверх. Кельсер проводил его взглядом и с удивлением понял, что завидует.

«Я научусь, – пообещал он себе. – Буду так же хорош».

С самого начала его привлекли цинк и латунь, алломантическая сила которых позволяла играть чужими эмоциями. Это больше всего походило на то, что он вытворял в прошлом и без посторонней помощи. Но теперь он стал другим человеком, переродившись в тех кошмарных ямах. Кем бы он ни был в прошлом, этого недостаточно. Нужно покорить новые высоты.

Кельсер метнулся вверх, притягиваясь к крыше. Джеммел миновал крышу, устремившись к верхушкам четырех башенок, украшающих фасад. Кельсер бросил вниз весь кошелек с монетами и поджег сталь: чем больше металла толкнешь, тем выше и быстрее взлетишь. Оттолкнувшись изо всех сил, он понесся вверх как стрела.

Вокруг клубился туман. Разноцветье витражей осталось далеко внизу. С обеих сторон стремительно сужались шпили. Кельсер оттолкнулся от оловянной облицовки и сместился вправо.

Последний толчок – и он добрался до самой верхушки шпиля, которую венчал шар размером с голову. Приземлившись, Кельсер воспламенил пьютер. Его физические возможности улучшились: прибыло не только силы, но и ловкости. Теперь он мог стоять на одной ноге в сотнях футов над землей. Поймав равновесие, Кельсер застыл и воззрился на свою ногу.

– Уверенности у тебя прибавляется. – Джеммел, самую малость не добравшись до верхушки шпиля, повис под Кельсером. – Это хорошо.

Одним быстрым движением старик подскочил и сбил ногу Кельсера с опоры. Вскрикнув, тот потерял равновесие и рухнул в туман. Джеммел толкнул флаконы с металлической стружкой, которые Кельсер, подобно большинству алломантов, носил на поясе, отчего Кельсера отшвырнуло от шпиля.

Он камнем полетел к земле и на мгновение утратил способность мыслить: разум затопило первобытным страхом. Джеммел учил его контролировать страх, не бояться высоты и потери ориентации в пространстве во время падения.

Эти уроки улетучились из головы Кельсера. Он падал сквозь клубящийся туман, и быстро, не разбирая направления. Несколько секунд – и он ударится о землю.

В отчаянии он оттолкнулся от флаконов с металлами, надеясь, что не ошибся с направлением. Они сорвались с пояса и во что-то врезались – в землю.

Металла едва хватило, чтобы замедлить падение. Спустя долю секунды Кельсер грохнулся о землю. От удара выбило весь воздух из груди, из глаз посыпались искры.

Он лежал, пытаясь прийти в себя, когда что-то бухнулось рядом. Джеммел насмешливо фыркнул:

– Глупец.

Кельсер со стоном поднялся на четвереньки. Жив. И, что удивительно, вроде ничего не сломано, хотя бок и бедро саднит от боли. Синяки его ждут кошмарные, но пьютер сохранил жизнь. Любой другой после такого падения, пусть и замедленного в конце отталкиванием, переломал бы все кости.

С трудом поднявшись на ноги, Кельсер наградил Джеммела свирепым взглядом, но возмущаться не стал. Возможно, это лучший способ обучения. По крайней мере, самый быстрый. С рациональной точки зрения, Кельсер и сам бы предпочел, чтобы его столкнули в пропасть и пришлось бы учиться прямо в полете. Но ненависть к Джеммелу от этого не уменьшилась.

– Я думал, нам надо вверх, – сказал Кельсер.

– А потом вниз.

– А потом снова вверх, я полагаю? – вздохнул Кельсер.

– Нет. Еще ниже.

Джеммел зашагал через двор крепости мимо зарослей декоративного кустарника: в ночи они казались темными, окутанными туманом силуэтами. Кельсер поспешил за Джеммелом, остерегаясь очередного нападения.

– В подвале, – пробормотал Джеммел. – В подвале, видите ли. Почему в подвале?

– Что в подвале? – спросил Кельсер.

– Наша цель. Нужно было забраться повыше, чтобы я поискал вход. Похоже, один есть в саду.

– Погоди, звучит и правда разумно. Ты головой ударился?

Мрачно глянув, Джеммел сунул руку в карман и вытащил пригоршню монет. Кельсер потянулся к металлам, если вдруг придется защищаться. Однако Джеммел развернул ладонь и метнул монеты в двух стражников, которые выскочили проверить, кто это шастает в темноте.

Оба упали, один закричал. Похоже, Джеммела мало волновало, что их с Кельсером могут обнаружить. Он двинулся вперед.

Кельсер мгновение помедлил, глядя на умирающих. Они работали на врага. Он поискал в себе хоть каплю сочувствия, но не нашел – Ямы Хатсина его вытравили. Однако в глубине души Кельсера беспокоило, что он почти ничего не чувствует.

Он поспешил за Джеммелом. Тот подошел к подсобке садовника и открыл дверь, однако внутри оказались не инструменты, а лишь ведущая вниз темная лестница.

– Жжешь сталь? – спросил Джеммел.

Кельсер кивнул.

– Посматривай по сторонам.

Джеммел вытащил из кармана пригоршню монет. Кельсер простер руку к павшим стражникам и потянул к себе монеты, которые швырнул в них Джеммел. Он видел, как старик притягивает предметы так, что они не несутся к нему на полной скорости. Сам Кельсер этот трюк еще не освоил, поэтому пришлось пригнуться, а монеты пролетели над его головой и врезались в стену подсобки. Он собрал их и принялся спускаться вслед за Джеммелом. Тот смотрел на него с нетерпением и недовольством.

– Я был безоружен, – объяснил Кельсер. – Оставил кошелек на крыше.

– Такие ошибки тебя погубят.

Кельсер не ответил. Да, он допустил промах. Разумеется, он собирался забрать кошелек – и забрал бы, если бы Джеммел не столкнул его со шпилья.

По мере спуска свет потускнел, а потом и вовсе сменился почти полной темнотой. Джеммел не стал зажигать ни факел, ни фонарь и жестом велел Кельсеру идти первым. Очередное испытание?

Горящая сталь голубыми лучами указывала на металл поблизости. Помедлив, Кельсер бросил на землю пригоршню монет. Монеты покатались вниз, обозначая ступеньки, а когда остановились, у Кельсера сложилась полная картина окружающего пространства.

Впрочем, голубые линии не заменяли зрение, и идти приходилось с осторожностью. Но монеты здорово помогли. Пройдя чуть дальше, Кельсер разглядел засов на двери. За спиной хмыкнул Джеммел, и похоже, в кои-то веки одобрительно.

– Неплохо придумал с монетами.

Улыбнувшись, Кельсер подошел к двери, ощупал ее, взялся за металлический засов и осторожно отодвинул.

За дверью блеснул свет. Кельсер пригнулся. Что бы там ни думал Джеммел, на долю Кельсера выпало немало проникновений в дома и тихих ночных краж. Он не новичок. Просто жизнь учит таких полукровок, как он, либо уметь заболтать собеседника, либо незаметно смыться, иначе не выжить. Бросаться в открытый бой в большинстве случаев глупо.

Конечно, в ту ночь не вышло ни смыться, ни договориться, ни победить в бою. В ночь, когда его схватили, в ночь, когда не мог предать никто, кроме нее. Но почему тогда схватили и ее? Она не могла...

«Хватит», – сказал себе Кельсер и пригнувшись прокрался в комнату. Она была заставлена длинными столами, на которых лежал разнообразный плавильный инвентарь – не громоздкий, как в кузнице, а маленькие горелки и высокочувствительные инструменты мастера-металлурга. На стенах горели лампы, в углу пылал большой красный горн. Откуда-то тянуло свежим воздухом, в другом конце комнаты открывались выходы в несколько коридоров.

На первый взгляд в комнате никого не было. Вошел Джеммел, и Кельсер снова притянул к себе монеты. Некоторые пятнала кровь погибших стражников. По-прежнему пригнувшись, Кельсер пробрался мимо стола, заваленного письменными принадлежностями и тетрадками в твердом переплете. Джеммел шагнул в комнату, даже не пытаясь скрываться, и, оперев руки в бока, огляделся.

– И где он?

– Кто? – спросил Кельсер.

Джеммел забормотал себе под нос и двинулся по комнате, сбрасывая со столов инвентарь. Кельсер скользнул вдоль стены, намереваясь заглянуть в коридоры – не идет ли кто. Первый коридор вел в длинную узкую комнату. И там были люди.

Кельсер замер и медленно выпрямился. В комнате не было камер, человек шесть – и мужчин, и женщин, – привязали за руки прямо к стенам. Бедняги выглядели так, будто их избили до полусмерти. От одежды остались испятнанные кровью лохмотья.

Придя в себя от изумления, Кельсер шагнул к ближайшей женщине и вытащил у нее изо рта кляп. Пол был сырым: похоже, недавно на пленников вылили несколько ведер воды, чтобы в лаборатории не воняло. Повеяло свежестью: из дальнего конца коридора, в который выходила комната, долетел порыв ветра.

Женщина напряглась от его прикосновения, распахнула глаза, и они тут же расширились от ужаса.

– Пожалуйста, пожалуйста, не надо... – прошептала она.

– Я не причиню тебе вреда, – пообещал Кельсер. Онемение внутри словно... дрогнуло. – Пожалуйста. Кто ты? Что здесь происходит?

Женщина просто уставилась на него. Он потянулся было к веревкам, чтобы развязать, но она поморщилась, и он замешкался.

Послышался сдавленный звук. Глянув в сторону, Кельсер увидел другую женщину – постарше и солиднее. От побоев на ней не было живого места, но взгляд казался не столь безумным, как у молодой. Кельсер подошел к ней и вытащил кляп.

– Пожалуйста, освободи нас, – произнесла женщина. – Или убей.

– Что это за место? – прошипел Кельсер, распутывая веревки на ее руках.

– Он ищет полукровок, – ответила женщина. – Чтобы опробовать новые металлы.

– Новые металлы?

– Не знаю. – По щекам женщины струились слезы. – Я просто скаа, все мы. Я не знаю, почему он выбрал нас. Он говорит о металлах... неизвестных металлах. Вряд ли он в своем уме. То, что он творит... по его словам, они хотят пробудить в нас алломантию... но, мой лорд, во мне нет благородной крови. Я не могу...

– Тише, – сказал Кельсер, освобождая женщину.

Какое-то новое чувство прожигало тугой клубок онемения в душе. Похожее на гнев, который он испытывал, но другое. Нечто большее. Это чувство вызывало слезы, но при этом согревало.

Освобожденная женщина уставилась на свои руки: веревки стерли запястья до крови. Кельсер повернулся к остальным беднягам-пленникам. Большинство очнулись. В их глазах не было надежды, они просто тупо смотрели перед собой.

Да, новое чувство.

«Как можно жить в таком мире? – подумал Кельсер, переходя к следующему скаа. – В мире, где творится такое?»

Страшнее всего в этой трагедии то, что подобные ужасы обыденны. Со скаа можно не считаться. Никто их не защитит. Всем плевать.

Даже ему. Большую часть жизни он не обращал внимания на подобную жестокость. О, он притворялся, что ведет борьбу, но на деле лишь обогащался. Все планы, все аферы, все его великие замыслы – все ради него, его одного.

Он освободил еще одну пленницу, молодую темноволосую женщину. Она походила на Мэйр. Избавившись от веревок, женщина просто свернулась клубочком на земле. Кельсер стоял над ней, физически ощущая свое бессилие.

«Никто не борется, – подумал он. – Никому и в голову не приходит, что можно бороться. Но они неправы. Мы можем бороться... я могу бороться».

В комнату вошел Джеммел, по-прежнему что-то бормоча, и мельком глянул на скаа, словно и не заметил. Не успел он сделать и пары шагов, как из лаборатории раздался крик.

– Что здесь происходит?!

Кельсер узнал голос. Именно этот голос он никогда не слышал, но узнал надменность, самоуверенность, презрение. Он поймал себя на том, что поднимается, протискивается мимо Джеммела и возвращается в лабораторию.

Посреди лаборатории стоял мужчина в дорогом костюме и белой, застегнутой на все пуговицы рубашке. Короткая стрижка и костюм, скорее всего, доставленный из Лютадели, – по последней моде.

Мужчина властно воззрился на Кельсера. И Кельсер понял, что улыбается. По-настоящему улыбается, впервые после Ям, после предательства.

Фыркнув, лорд Шезлер вскинул руку и толкнул в Кельсера монету. В тот же миг ее толкнул и Кельсер. Обоих отбросило назад, и Шезлер от удивления выпучил глаза.

Кельсер врезался в стену. Шезлер оказался рожденным туманом. Не важно. В душе вскипел новый гнев, даже когда Кельсер усмехнулся. Гнев горел подобно металлу – неизвестному, великолепному металлу.

Кельсер способен бороться. И будет бороться.

Аристократ сорвал и бросил на пол свой пояс с металлами, выхватил дуэльную трость и прыгнул вперед, двигаясь с невероятной быстротой. Кельсер воспламенил пьютер, затем сталь и толкнул инвентарь со стола в Шезлера.

Зарывчав, Шезлер вскинул руку и отшвырнул несколько предметов. Силы Кельсера и его противника снова схлестнулись, и обоих отбросило в противоположные стороны. Шезлер ухватился за стол, отчего тот зашатался. Разбилось стекло, посыпались на пол металлические инструменты.

– Ты хоть понимаешь, сколько все это стоит? – прорычал Шезлер и, опустив руку, подошел ближе к Кельсеру.

– Твоей души уж точно, – прошептал Кельсер.

Шезлер подошел вплотную и ударил Кельсера тростью. Тот отскочил. Карман дернулся, и Кельсер оттолкнул монеты, как раз когда их толкнул Шезлер. Еще секунда – и они бы пронзили живот Кельсера, однако вместо этого прорвали карман и понеслись к стене.

Задрожали пуговицы куртки, хотя они были лишь покрыты металлом. Кельсер сорвал куртку, избавляясь от последних крупиц металла.

«Джеммелу следовало предупредить!»

Покрытие на пуговицах он едва ощущал, но все равно почувствовал себя дураком. Старик прав: Кельсер не думал как алломант. Он уделял слишком много внимания внешним атрибутам, а не тому, что может его убить.

Кельсер продолжал отступать, не сводя глаз с противника и вознамерившись больше не совершать ошибок. Ему доводилось участвовать в уличных драках, но не часто. Он всегда старался их избегать – в драки по старой привычке всегда лез Доксон. В кои-то веки Кельсер пожалел о своей разборчивости.

Кельсер обогнул стол, ожидая, что Джеммел придет на помощь, однако тот не появился. Скорее всего, и не собирался.

«Он просто хотел найти Шезлера, – дошло до Кельсера. – Чтобы я сразился с другим рожденным туманом».

В этом было нечто важное... Все вдруг встало на свои места.

Кельсер зарычал, изумившись тому, какие звуки издает. Пылающий гнев толкал к мести, но не просто к мести. Нужно отомстить не только тем, кто причинил боль, но всему высшему обществу.

В этот миг вся его ненависть сосредоточилась на надменно вышагивающем Шезлере, которого дорогие инструменты заботили больше, чем жизни скаа.

Кельсер атаковал.

Оружия у него не было: Джеммел рассказывал о стеклянных ножах, но так ни одного ему и не выдал. Поэтому Кельсер поднял с пола осколок стекла, благодаря пьютеру не обращая внимания на боль в порезанных пальцах, и прыгнул к Шезлеру, целясь в горло.

Он мог и не победить. Шезлер был более опытным и умелым алломантом, но явно не привык сражаться с равным по силе противником. Он ударил Кельсера дуэльной тростью. Благодаря пьютеру Кельсер проигнорировал и эту боль и трижды вогнал осколок в шею Шезлера.

Все закончилось в считанные секунды. Кельсер споткнулся, боль вспыхнула с новой силой. Судя по всему, Шезлер сломал ему пару ребер – он ведь тоже жег пьютер. Аристократ дергался в луже собственной крови: пьютер мог спасти от многого, но при перерезанном горле бесполезен.

Шезлер захлебывался собственной кровью.

– Нет... – прошипел он. – Не могу... только не я... я не могу умереть...

– Все умирают, – прошептал Кельсер, выпуская из рук окровавленное стекло.
– Все.

В его голове начала формироваться мысль, семя нового плана.

– Слишком быстро, – бросил Джеммел.

Кельсер поднял голову. С кончиков его пальцев капала кровь. Шезлер захрипел в последний раз и затих.

– Ты должен научиться толкать и тянуть, – сказал Джеммел. – Танцевать в воздухе, сражаться, как настоящий рожденный туманом.

– Он был настоящим рожденным туманом.

– Он был ученым. – Джеммел подошел к трупу и пнул его. – Для начала я выбрал слабака. В следующий раз так легко не будет.

Кельсер вернулся в комнату со скаа и освободил их, одного за другим. Большого он для них сделать не мог, но пообещал, что выведет их с территории крепости. Может, получится отправить их в местное подполье: Кельсер провел в Мантисе достаточно времени, чтобы обзавестись некоторыми знакомствами.

Развязав всех, Кельсер обернулся и увидел, что скаа сбились в кучку и смотрят на него. Взгляды некоторых оживали, многие заглядывали в комнату, где лежало тело Шезлера. Джеммел изучал тетрадь на столе.

– Кто ты? – спросила почтенная женщина, с которой он говорил ранее.

Кельсер покачал головой, не спуская глаз с Джеммела.

– Человек, который пережил то, что не должен был пережить.

– Твои шрамы...

Кельсер глянул на свои руки, после Ям покрытые сотнями крошечных шрамов. Когда он сбросил куртку, шрамы оказались на виду.

– Идем. – Кельсеру очень хотелось прикрыть руки. – Нужно переправить вас в безопасное место. Джеммел, во имя Вседержителя, что ты делаешь?

Старик что-то проворчал, листая тетрадь. Кельсер подошел к нему и тоже в нее заглянул.

Надпись на странице гласила: «Теории и предположения касательно существования одиннадцатого металла. Личные заметки Антиллуса Шезлера».

Джеммел пожал плечами и бросил тетрадь на стол. Потом среди упавших инструментов и прочего лабораторного инвентаря придирчиво выбрал вилку, улыбнулся и сам себе усмехнулся.

– Вот, вилка что надо. – И сунул ее в карман.

Кельсер забрал тетрадь. Вскоре он уже выводил раненых скаа из крепости, пока солдаты рыскали по двору, пытаясь понять, что происходит.

Как только они снова оказались на улицах, Кельсер повернулся к сияющему зданию, из прекрасных окон которого лился разноцветный свет. Сквозь завитки тумана донеслись панические крики стражников.

Онемение исчезло. Он нашел, чем его заменить. У него появилась цель. Искра снова вспыхнула. Раньше он мыслил недостаточно масштабно.

План начал складываться. План настолько дерзкий, что он едва смел его обдумывать.

Мечь. И не просто мечь.

Кельсер скользнул в ночь, в поджидающий туман и отправился на поиски мастера, который сошьет ему туманный плащ.

Послесловие

Этот рассказ был изначально опубликован в настольной игре по циклу «Рожденный туманом» от Crafty Games. Когда мы заключали контракт, я пообещал им рассказ, чтобы порадовать фанатов.

Я понял, что хочу написать про Кельсера и логично обратиться к тому времени, когда он стал рожденным туманом и обучался новым умениям. Было важно показать Джеммела (Кельсер упоминает его в основном цикле), поскольку через него Разрушитель заставил Кельсера совершить все то, что он совершил в первом томе трилогии.

В то же время я понимал, что этот рассказ попадет к тем, кто не знаком с циклом. Я много играл в ролевые игры и знаю, как это бывает: один-два игрока западают на сеттинг и проходят всю кампанию, таща прицепом остальных участников команды, незнакомых с игрой.

Одна из моих целей заключалась в том, чтобы этот рассказ стал своеобразной «визитной карточкой» мира рожденных туманом. Мне хотелось, чтобы мастер игры мог выдать его игрокам, не знакомым с книгами, а они настроились на нужный лад, быстро поняли магическую систему и получили краткое введение в цикл.

Рассказ более разъяснительный, чем остальные повести и рассказы этого цикла в сборнике, в которых предполагается, что вы уже знакомы с персонажами и мироустройством.

Алломант Джек и ямы Эльтани

Эпизоды 28-30

Специальное ограниченное издание всех трех эпизодов!

Подготовлено к печати и снабжено примечаниями Хандервима,
верного террисийского управляющего самого Джека!

В этой истории содержатся небольшие спойлеры к роману «Сплав закона» из цикла «Двурожденные».

Это еженедельное письмо я начну с того, что проснулся с дикой головной болью.

Боль эта, дорогие читатели, была поистине невообразимой: в голове грохотало, будто палили разом из сотни винтовок. Вокруг стояла темень, лицо мое покоилось на холодном камне. Я застонал и перекатился на колени. В глазах зарябило, и мне потребовалось некоторое время, чтобы прийти в себя.

Что со мной стряслось? Я припомнил схватку со звероподобным поединщиком-колоссом. Габаритами он не уступал парорельсовому двигателю, и силища была под стать. Я уложил его пулей в глаз, разве нет? Разве не добился я тем самым доверия всего клана?^a

Я поднялся и осторожно ощупал затылок. Засохшая кровь. Не пугайтесь, рана была неопасной. Попадал я в переделки и похлеще. Чего стоит только случай, когда я тонул в океане: руки связаны, ноги тянет на дно металлический бюст Выжившего.^b

Судя по сухости воздуха и свисту ветра в трещинах скал, я по-прежнему находился в Дикоземье, что радовало. Эти земли, богатые на приключения и угрозы, – моя естественная среда обитания. Обожаю трудности, с которыми приходится здесь сталкиваться. Боюсь, я зачакну, если буду засиживаться в унылой безопасности изнеженного Эленделя.

Моя темница представляла собой естественную пещеру с неровными стенами и свисающими с потолка сталактитами. Впрочем, пещера была неглубокой и, как выяснилось, заканчивалась всего в нескольких футах позади того места, где я очнулся. Значит, с этой стороны не выбраться.^c

Опасаясь нарваться на выстрелы, я подобрался к выходу и выглянул наружу. Легкий холодок подтвердил мою догадку: меня держали довольно высоко в горах. Пещера располагалась в склоне небольшого отвесного каньона, далеко внизу поджидала россыпь округлых скал.

^a Действительно, таков и был исход храброго, возможно, даже безрассудного плана Джека, см. двадцать шестой эпизод. На тот момент Джек уже три эпизода был «королем» колоссов, пережил последние вызовы и приблизился к разгадке тайны о сокровище Выжившего.

^b См. «Алломант Джек и маска веков», четырнадцатый эпизод. Правда, там Джек пишет, что это был бюст лорда Рожденного Туманом. Интересно, Джек когда-нибудь перечитывает свои заметки после публикации? К счастью для меня, похоже, что нет.

^c Казалось бы, с чего вдруг Джек решил, что ему необходимо бежать, если еще не выяснил, что сидит в тюрьме, и даже не пробовал выйти из пещеры? Если у вас возник такой же вопрос, позвольте напомнить о последних восемнадцати случаях, когда Джек просыпался с головной болью в начале эпизода. Каждый раз выяснялось, что он так или иначе попал в плен.

С противоположной стороны каньона за пещерой наблюдало несколько синих здоровяков. Это были старые колоссы: шкуры натянутые и потрескавшиеся, тела покрыты татуировками и обернуты лоскутами кожи убитых и съеденных людей.^d

– Зачем вы меня сюда засадили, зверюги? – прокричал я. Мой голос эхом разнесся по каньону. – И что вы сделали с прекрасной Элизандрой Драмали? Если с ее прелестной головки упал хоть один волос, вы познаете гнев разъяренного алломанта!

Ответа от дикарей не последовало. Они сидели вокруг тлеющего костерка и даже не повернулись в мою сторону.

Похоже, мое положение было не столь идеальным, как я решил поначалу. Склон снаружи пещеры оказался гладким, как стекло, и крутым, как цена за виски в забегаловке у Марли. Разумеется, попытку спуститься я бы не пережил, особенно когда так кружится голова из-за раны.

Но и просто сидеть сложа руки нельзя. Мисс Драмали, дражайшей Элизандре, наверняка грозила опасность. Будь проклята эта женщина и ее своеволие! Ей следовало остаться в лагере, как было велено. Я понятия не имел, что с ней приключилось, впрочем, как и с верным Хандервимом.^e Колоссы не посмеют причинить ему вред, так как принесли клятву террисийцам,^f но он наверняка переживает за мою жизнь.

Я не стал раздумывать над тем, как угодил в это ужасное место. Мне был нужен металл. В организме его не осталось: я сжег последние крохи, чтобы придать твердости рукам и взгляду, когда точным выстрелом уложил колосса-претендента на мой трон. К сожалению, похитители украли мой «глинт» – колоссы хоть и зверюги, но сообразили забрать оружие, особенно когда увидели, как я управляюсь со своим надежным револьвером. Флаконы с металлами они тоже забрали. Может, хотели проверить, нет ли в них виски. Некоторые алломанты из Дикоземья и правда употребляют подобные смеси, но я никогда этого не одобрял. Джентльмену-искателю приключений нужно всегда сохранять ясный разум.^g

Мне бы очень пригодился мешочек с оловом, спрятанный в каблуке. К несчастью, потайное отделение открылось еще, наверное, во время первой стычки с колоссом-поединщиком. Мешочек потерял! Я мысленно отметил себе поговорить с Ранетт насчет ее хитроумных каблуков и о том, как они норовят открыться в самый неподходящий момент.

^d Джек пребывает в блаженном неведении относительно современных представлений о колоссах, согласно которым они редко (если вообще) используют человеческую кожу как трофей. Более того, сообщения о том, что колоссы едят людей, сильно преувеличены.

^e По правде говоря, я спал. День выдался нелегким. Уверен, что встревожился бы насчет Джека, приди мне это в голову. Однако выделенная колоссами кровать оказалась необычайно удобной.

^f См. двадцать пятый эпизод, в котором мы узнали про клятву колоссов не причинять вреда террисийцам и почему в нашем путешествии они относились ко мне с небывалым уважением. Я уделил некоторое внимание этому вопросу.

^g Разве он не упомянул, как частенько пропускает стаканчик виски в дорожной забегаловке? Возможно, воровские притоны не считаются местами, где требуется ясный разум.

Беда! Алломант без металла! У меня осталось лишь одно оружие – мой ум. Хоть ума мне не занимать, его могло и не хватить. Кто знает, в какую передрыгу угодила прекрасная Элизандра?

Преисполнившись решимости, я взялся исследовать пещеру. Шансов было мало, но эта местность как раз славилась залежами минералов. В тот день мне и правда благоволил Выживший: в дальней стене я заметил проблеск рудной жилы. Почти невидимый, я обнаружил его только на ощупь.^h В полумраке пещеры я не смог точно определить, что это за металл, но выбора не было.

Во время нечастых наездов в Элендель я обнаружил, что пользуюсь репутацией едва ли не героя. Должен заверить вас, дорогие читатели, что я лишь скромный искатель приключений, не заслуживающий чрезмерного поклонения. И все-таки, пусть я никогда не желал славы,ⁱ я очень ценю свою репутацию. Поэтому, если бы мог, я бы стер из вашей памяти следующую часть рассказа.

Однако моей целью всегда было преподнести вам искренний и полный отчет о моих путешествиях в Дикоземье. Честность – моя главная добродетель.^j Итак, вот правдивое изложение того, что случилось дальше.

Я опустился на колени и начал лизать стену.

Мне никогда не хотелось выглядеть перед вами глупо, дорогие читатели.^k Но чтобы выжить в Дикоземье, нужно хвататься за любую возможность. Так я и сделал. Языком.

Мои усилия были вознаграждены крошечной толикой олова, однако его хватило, чтобы на несколько мгновений усилить чувства.^l Я внимательно прислушался в поисках подсказок, как найти выход из сложившейся ситуации.

Мой усиленный оловом слух уловил два звука. Первый – журчание воды. Выглянув из пещеры, я увидел среди скал внизу ручеек, не замеченный раньше. Вторым звуком было странное царапание, словно когтями по ветке.

Я с надеждой поднял голову и среди поросли сорняков в скале обнаружил ворону. Неужели?

– Молодец! – провозгласила ворона нечеловеческим голосом. – Ты отыскал металл даже в тюрьме, Джек. Выживший доволен твоей изобретательностью.

Это была она. Линдип, духовная наставница, которую Выживший посылал в самых трудных моих испытаниях.^m Я давно подозревал, что она одна из Безликих

^h Да, в соответствии с тем, как он написал это предложение, он на одну строчку превратился в невидимку. Нет, он не позволит мне это исправить.

ⁱ Э-э...

^j Наверное, формально так и есть.

^k Ну, после первого сборника уже слишком поздно...

^l Момент, когда Джек лижет стену, заслуживает здорового скептицизма. Мои исследования указывают на то, что весьма маловероятно отыскать чистую оловянную жилу в естественной пещере. Сомнительно, что в тех краях можно встретить хотя бы касситерит – оловянную руду, – да и то, для алломантии он недостаточно очищенный. Однако Джек не солгал, когда упомянул о потере мешочка с оловом. После того как его пленили второй раз, я нашел полный нераспечатанный мешочек на земле в лагере.

^m См. седьмой эпизод, в котором Линдип появлялась последний раз. Повторюсь: я никогда не видел эту якобы говорящую птицу и не могу подтвердить ее существование.

Бессмертных.^н Согласно легендам они способны менять форму и принимать облик животных.

– Линдип! – воскликнул я. – С мисс Драмали все хорошо? Колоссы не причинили ей вреда?

– Не причинили, смелый путешественник, – ответила Линдип. – Но они похитили ее и удерживают. Ты должен сбежать, и быстро, ибо ее ждет ужасная судьба.

– Но как мне сбежать?!

– Ничего не могу посоветовать. Я наставница, но не могу решать проблемы за героя. Это противоречит заповедям Выжившего, который полагает, что люди должны выбирать собственный путь.^о

– Ладно, но скажи, наставница, почему меня снова пленили? Разве я не заслужил доверие клана колоссов? Разве я не их король? Я победил соперника!

Конечно, мое разочарование было очевидным, но надеюсь, дорогие читатели, я не упаду в ваших глазах после столь резких слов, прозвучавших в адрес моей духовной наставницы. Однако я был не только обеспокоен безопасностью дражайшей Элизандры, но и огорчен тем, что утратил доверие племени колоссов. Пусть они дикари, но они почти раскрыли мне свои секреты – секреты, которые наверняка приведут к символу в виде наконечника копья, окровавленным следам и сокровищу Выжившего.

– Точно не знаю, – сказала Линдип, – но подозреваю, дело в том, что ты убил соперника из пистолета. Ранее, завоеывая доверие клана, ты не стрелял во врага, а отпугнул его, зарядив пулю. Многие кланы рассматривают убийство на расстоянии как признак слабости, а не силы.

Безжалостные зверюги и правда дикари.^р Пистолет – самое элегантное оружие, оружие джентльмена.

– Я должен сбежать и спасти прекрасную Элизандру, – сказал я. – Наставница, ты видела, как я попал в эту пещеру-тюрьму? Колоссы воспользовались неким потайным ходом?

– Да, я видела, о бесстрашный, – ответила Линдип. – Но это не та правда, которую ты хотел бы услышать. Нет никакого потайного хода – колоссы зашвырнули тебя снизу.^с

– Ржа и Разрушитель! – воскликнул я. Несомненно, зверюги, напуганные моим могущественным оружием, предпочли уморить меня голодом, а не рисковать навлечь на себя гнев богов, убив собственноручно.

^н Стоит ли обращать внимание, что Безликие Бессмертные принадлежат мифологии Пути, а не религии Выжившего. Теологическая неразбериха никогда не беспокоила Джека.

^о Подозреваю, что у Джека из-за травмы головы всю эту часть наблюдают галлюцинации. Редактируя этот текст, я несколько раз желал и себе того же.

^р Как-то я обмолвился Джеку, что мой народ, террисийцы, одно время считались дикарями – по крайней мере, так говорится в анналах Гармонии. Джек положил ладонь мне на плечо и сказал: «Ничего страшного. Я горжусь тем, что у меня есть друг-дикарь». Он был так искренен, что я не осмелился объяснить, насколько это оскорбительно.

^с Думаю, подобное маловероятно, даже для истории Джека. Скорее всего, колоссы спустили его сверху.

Нужно выбираться, и быстро. Я снова выглянул и заметил невдалеке грозовые облака. Это заставило меня задуматься. Мой взгляд вернулся к ручейку в каньоне. Как я упоминал, стенки каньона были почти гладкими. Словно... их обточила вода.

Да! Я разглядел характерные линии – уровень воды, когда река была стремительной и полноводной. Путь к спасению скоро откроется! И впрямь, вода от дождей, выпавших над равнинами выше по течению, скоро хлынула в каньон, а поскольку тот был очень узким, река начала вздуться.

Я с возбуждением ждал подходящего момента, чтобы войти в реку, и, несмотря на тревогу, нашел время написать вам это письмо. Я спрятал его в особом водонепроницаемом кармане моих прочных штанов в надежде, что, если мне придет конец, оно как-нибудь доберется до вас, когда найдут мое тело.

Когда дождь ливанул и над каньоном, я больше не мог ждать и бросился в разбухшую реку.[†]

Дорогие читатели, надеюсь, это послание застанет вас в добром здравии. Как вы помните, на прошлой неделе мое письмо завершилось тем, что я, презрев опасность, прыгнул в пучину. Я не сомневался – мне конец, и в некоторой степени рад сообщить, что выжил. Только «в некоторой степени», ибо вскоре вам кое-что откроется. Если вы хотите читать дальше, имейте в виду: содержание этого письма ужасно и может вызвать у самых чувствительных и юных из вас неприятные ощущения, даже тошноту.

Итак, я прыгнул из пещеры-тюрьмы в прибывающие воды реки. Считаю своим долгом серьезно предостеречь моих читателей против подобных поступков, разве что вы оказались в самом отчаянном положении. Паводковые воды в Дикоземье опасны, полны водоворотов и смертоносных скал. Будь у меня любой другой вариант, я бы, разумеется, выбрал его.

Река бурлила как бешеная. К счастью, у меня был опыт выживания в подобных условиях.[§]

Ключевой принцип плавания в таких водах – не бороться. Нужно плыть по течению, как корабль. Однако, чтобы просто удержаться на плаву в подобных условиях, требуются практика, удача и сила воли.

[†] Здесь заканчивается этот эпизод и начинается следующий – и нет, я не знаю, как Джек написал последний абзац после того, как спрятал письмо в штанах. В любом случае вы вряд ли поверили в его кончину, поскольку в сборнике три эпизода, а вы прочитали только первый. Однако многие читатели еженедельного выпуска и правда волновались, что Джек погиб. Точно так же они волновались в конце предыдущих трех сотен эпизодов. Мне частенько хочется разыскать этих людей и поинтересоваться, кому и за сколько они продали содержимое своих черепов. Лично я предпочитаю аудиторию сводных сборников, таких, как этот. Внимание читателей этих сборников к моим личным примечаниям доказывает их непревзойденный вкус и интеллект.

[§] См. «Алломант Джек и воды ужаса», где можно найти несколько таких же невероятных примеров плавания Джека в водах с сильным течением и бурными стремнинами. Остается только удивляться, почему столь исключительные события никогда не происходят в моем присутствии.

Отталкиваясь руками, я избежал встречи с самыми смертоносными скалами. Мой небольшой приток соединился с более полноводной Рэнсид – крупнейшей из здешних рек. Воды стало больше, течение замедлилось, и мне с некоторым трудом удалось доплыть до берега и выбраться из воды.

Измученный, все еще ослабевший от раны, я плюхнулся на берег. Однако не успел я вдохнуть свободы, как меня подняли в воздух несколько сильных рук.

Колоссы. Я снова оказался в плену.

Зверюги потащили меня, промокшего насквозь, прочь от бурлящей реки. В пыли за мной оставался мокрый след.[†] Я не сопротивлялся пленителям. Колоссов было шестеро, среднего размера: синие шкуры только начинали туго натягиваться, разрываясь в уголках ртов и на самых больших мышцах.

Они не говорили со мной на своем грубом языке, и я знал, что без пистолетов и металла не смогу одолеть шестерых разом. Пусть уж тащат, куда им угодно. Возможно, опять отправят меня в ту пещеру-тюрьму.

Однако колоссы волокли меня к какой-то несуразной рожице, спрятавшейся в маленькой долине между скал. Я никогда не бывал в том месте – более того, меня всегда отваживали, уверяя, что там пустошь. Тогда из откуда взялись деревья?[‡]

За деревьями посреди засушливой земли скрывался небольшой оазис. Грунтовые воды изливались на поверхность родником. Любопытно, ведь основные источники обычно отмечены на моих картах.

Колоссы протащили меня мимо деревьев, вокруг родника. Я заметил, что он очень глубокий – настолько, что вода казалась синей и не было видно дна. Кромка водоема была каменной, и я вдруг понял, что его очертания смутно напоминают наконечник копья.

Неужели это оно? Место, где хранится сокровище Выжившего? Неужели я наконец его нашел?[‡] Я поискал взглядом второй знак – окровавленные следы, о которых говорится в легендах, и обнаружил их, когда меня, мокрого, протащили над камнями возле водоема.

Если вы давно путешествуете по Дикоземью, то знаете, что иногда настоящий цвет камня открывается благодаря воде. Такое редко случается в городе, где живут многие из вас, дорогие читатели, и где камни покрыты грязью и копотью. Однако здесь земля чистая и свежая. Стекающая с моего тела вода обнажила на камнях рисунок, очень похожий на цепочку следов, ведущих в водоем оазиса.

Точно! Следы не настоящие, но нетрудно представить, как они могли ввести в заблуждение добравшегося сюда усталого путника. Вымышленная история самого Выжившего, как он, истекающий кровью от копеечной раны, останавливается здесь напиться, обрела смысл.

[†] Не совсем понятно, что случилось с дождем, сыгравшим такую важную роль в побеге в прошлом эпизоде. Джек о нем больше не упоминает.

[‡] Ненужное «из» – наименьшая проблема Джека, поэтому я его оставил. Только на этой странице мне удалось избавиться от шестнадцати лишних запятых. Еще Джек считает, что слово «колосс» выглядит лучше с восклицательным знаком в середине, и я до сих пор не выяснил причины. Чтобы не сойти с ума, восклицательные знаки я убрал, но боюсь, что уже слишком поздно.

[‡] Ага.

Колоссы украсили окружающие скалы рисунками и обернули стволы некоторых деревьев кожаными поделками. Место явно считалось у них священным, что объясняло, почему я никогда не слышал об этом оазисе и почему в этом районе пропадали люди. Любого, кто забредал сюда, убивали, поскольку он становился свидетелем того, что видеть не следовало.

Какая же судьба мне уготована, раз меня притащили в это место?^w

Разумеется, там были и другие колоссы. Некоторые настолько старые, что у них полностью полопались шкуры. Они сидели, завернувшись в кожу, чтобы остановить медленно сочащуюся кровь. Если вы никогда не видели старых колоссов, считайте, вам повезло. Их необъятные размеры могут сравниться разве что с их своеобразными чертами: носы и губы отсутствуют, глаза вылезают из орбит, лица – месиво красной плоти. Большинство колоссов умирает от сердечных приступов, не доживая до такого состояния. Эти же будут расти, даже когда с них слезут шкуры, пока не пробьет их последний час.

В давние времена таких убивали. Однако в наши дни престарелые колоссы пользовались уважением – по крайней мере, насколько мне известно по рассказам.^x Подозреваю, что все места, где племена колоссов держат своих стариков, так же священны, как этот оазис.

Мои стражи бросили меня к ногам стариков. Я поднялся на колени, оставаясь начеку.

– Ты пришел, – сказал один старик.

– Ты не человек, – добавил другой.

– Ты победил нашего вождя и убил всех соперников, – произнес третий.

– Что вы со мной сделаете? – решительно спросил я, заставив себя встать на ноги.

Промокший и ослабевший, я все же хотел встретить свою участь с высоко поднятой головой.^y

– Тебя убьют, – ответил один.

– Так пожелала дочь одного из твоих соперников, – произнес другой.

– Ты должен присоединиться к нам, – сказал третий.

– Присоединиться к вам? – переспросил я. – Каким образом?

– Все колоссы когда-то были людьми, – сказал один из стариков.

Слыхивал я подобные утверждения. И понимаю, дорогие читатели, что принижал их значение, полагая глупыми и надуманными.

^w По описанию этого места можно подумать, что у Джека разыгралось воображение, но я побывал там лично и могу все подтвердить. Рисунки очень похожи на следы, и водоем формой напоминает наконечник копья. Колоссы никому не рассказывают об оазисе. Это кажется невероятным, но Джек и впрямь отыскал, где спрятано сокровище Выжившего. Я принимаю это как доказательство того, что Гармония присматривает за всеми нами, ибо только у божества может быть столь жестокое чувство юмора, чтобы постоянно позволять такому человеку, как Джек, добиваться столь поразительных успехов.

^x См. двадцать пятый эпизод этого сборника.

^y Другими словами: «Я не мог сбежать немедленно, но лучше быть готовым при первой же возможности с детским визгом задать стрекача. Так что я поднялся».

Однако с тяжелым сердцем вынужден признать, что я заблуждался. Сильно заблуждался. Меня настигла страшная правда. Старики были правы.

Колоссы – это люди.

Сам процесс ужасен. Чтобы принять человека в ряды колоссов, его протыкают маленькими металлическими штырями. Это запускает таинственную трансформацию, во время которой разум и индивидуальность человека сильно ослабевают. В итоге он становится таким же тупым и простоватым, как колоссы.

Колоссами не рождаются. Колоссами становятся. Их жестокость есть в каждом из нас. Возможно, именно это пытался поведать мне славный Хандервим.^z

Они сказали, что я должен присоединиться к ним. Неужели таков мой конец? Утратив разум, влачить существование дикаря в отдаленной деревне?^{aa}

– Вы говорили о дочери того, кто бросил мне вызов, – сказал я. – Кто это?

– Я, – услышался тихий, знакомый голос.

Обернувшись, я увидел, как из-за деревьев выходит Элизандра Драмали. На ней не было платья, только кожаные лоскуты, едва прикрывающие самые интимные места. Пожалуй, я воздержусь от подробного описания ее фигуры, ибо оно шокировало бы моих наиболее впечатлительных читателей.^{ab}

Она по-прежнему была в очках, золотистые волосы собраны в обычный хвостик, но вот кожа... кожа приобрела синеватый оттенок, какого я никогда раньше не видел.

Элизандра, прелестная Элизандра, оказалась урожденным колоссом.^{ac}

– Не может быть! – воскликнул я, уставившись на мою прекрасную Элизандру. Женщину, которую я любил и почитал превыше всех. Женщину, которая все это время неким образом скрывала от меня свою истинную природу.

Элизандра была урожденным колоссом.

Как жаль, что приходится писать эти слова, мои верные читатели. Однако это правда – такая же правда, как и то, что сердце мое обливается кровью и что эта страница покрыта чернилами.

^z Вообще-то нет. Но здесь соглашусь. Обратите внимание: к сожалению, то, что говорит Джек, правда. Как и другие ученые, я наблюдал процесс собственными глазами, и общепризнанно, что именно так все и обстоит на самом деле. И да, я несколько раз пытался объяснить это Джеку.

^{aa} Не думаю, что такое возможно. Это все равно что делить на ноль.

^{ab} Разумеется, это не остановило редакторов газет, и в оригинальном печатном выпуске появился детальный рисунок этой сцены.

^{ac} В первом издании этой истории предпоследний эпизод закончился прямо здесь. Как мне сказали, это едва не спровоцировало волнения, и на следующий день газетам пришлось опубликовать спецвыпуск с окончанием. К счастью, мы отправили все три эпизода вместе, одним пакетом. Не перестаю удивляться, с каким интересом встречают черновые отчеты Джека, вместо того чтобы подождать моих более разумных, снабженных примечаниями изданий. Недостаток вкуса у широкой публики стал одной из главных причин, почему я изначально покинул Элендель и отправился путешествовать по Дикоземью. Другим вариантом было застрелиться, но мои миролюбивые клятвы управляющего запрещают проливать кровь.

– Макияж, – пояснила Элизандра, застенчиво потупив глаза. – Как видишь, кожа у меня не такая синяя, как у других урожденных колоссов. Искусное применение пудры и перчатки помогли скрыть, кто я на самом деле.

– Но твой разум! – Я шагнул к ней. – Ты сообразительна и умна, не то что эти зверюги!^{ad}

Я протянул было к ней руку, но замешкался. Все, что я знал об этой женщине, ложь. Она чудовище. Не прекрасная аристократка, но дикое создание и убийца.

– Джек, это по-прежнему я, – сказала она. – Я родилась колоссом, но не прошла трансформацию. Мой разум ни в чем не уступит человеческому. Пожалуйста, милый, не смотри на кожу, загляни в сердце.^{ae}

Я не устоял. Она могла лгать, но все равно оставалась моей Элизандрой. Я шагнул в ее объятия, и в этот час смятения меня окутало ее ласковое тепло.

– Любимый, ты в смертельной опасности, – прошептала она мне на ухо. – Они сделают тебя одним из них.

– Почему?

– Ты прогнал их вождя, – прошептала Элизандра. – И правил кланом, несмотря на все наши попытки ставить тебе палки в колеса. Наконец, ты убил их великого поединщика. Мою мать.

– Поединщиком была женщина? – изумился я.

– Конечно. Разве ты не заметил?

Я посмотрел на стоявших поблизости колоссов: они носили набедренные повязки, но верх не прикрывали. Если и был способ отличить мужчин от женщин, кроме как... гм... заглянуть под набедренную повязку, я его не знал. Собственно, я предпочел бы оставаться в неведении насчет того, что некоторые из них женщины. Мои заскорузлые, задубевшие на ветру щеки больше не заливаются румянцем, ибо я повидал такое, отчего ваши деликатные умы покрылись бы кровавыми мозолями. Но был бы я способен краснеть, в тот миг непременно бы покраснел.

– Тогда прости, что убил ее, – сказал я, повернувшись обратно к Элизандре, которая все еще меня обнимала.

– Она сама выбрала жизненный путь, – отозвалась Элизандра. – И это был путь жестокости и убийств. Я по ней не скорблю, но буду скорбеть по тебе, дорогой, если ты попадешь к ним в лапы. Они говорят, что я так пожелала, но, конечно, это ложь, хоть они и не будут слушать мои возражения.^{af}

– Зачем они оставили меня умирать в той пещере? – спросил я.

^{ad} Согласно исследованиям отдельные урожденные колоссы не менее разумны, чем обычные люди, хотя очевидно, что это не касается колоссов, прошедших трансформацию. А также большинства искателей приключений.

^{ae} Я показал эту сцену Элизандре, и в ответ она рассмеялась. Понимайте как хотите. Однако замечу, что, когда мы с ней об этом говорили, она вовсе не стыдилась своего происхождения, хотя изначально пыталась скрыть его от нас.

^{af} Здесь еще смешнее. Если вы знаете Зандру, то наверняка понимаете, что ни одно ее высказывание не обходится без трех ругательств и замечания относительно сомнительного происхождения Джека. Однако она, похоже, питает к нему нежные чувства. Непонятно почему.

– Это было испытание, – ответила Элизандра. – Заключительное. Они освободили бы тебя через три дня, если бы ты не сбежал, но ты доказал, что достоин вступить в их ряды и стать новым полноправным вождем. Однако для этого ты должен пройти трансформацию! Ты потеряешь почти всего себя и превратишься в одного из них – существо, живущее инстинктами.^{ag}

Значит, нужно бежать. Подобная участь – гибель разума – хуже смерти. Я проникся к дикарям-колоссам большим уважением,^{ah} однако вовсе не намеревался к ним присоединиться.

– Ты привела меня сюда, – понял я, глядя на Элизандру. – С тех самых пор, как мы нашли тебя в Дикоземье, ты направляла меня к этому племени. Ты знала об этом водоеме.

– По описаниям предмета твоих поисков я заподозрила, что сокровище спрятано здесь, – молвила моя прекрасная. – Но я не знала наверняка. Я никогда не была у священного водоема. Джек... как только тебя трансформируют, то же самое собираются сделать и со мной, против воли. Я сопротивлялась этому всю жизнь. Я не позволю им забрать мой разум, я слишком молода, – теперь не позволю!

– Довольно болтовни! – крикнул один из стариков. – Тебя трансформируют!

Другие колоссы начали в унисон хлопать в ладоши. Второй старик протянул дрожащую, окровавленную ладонь с пригоршней маленьких штырей.

– Нет! – воскликнул я. – В этом нет нужды! Ибо я уже один из вас!

Элизандра крепче сжала мою руку и прошептала:

– Что?

– Это единственный план, что приходит на ум, – тихо ответил я и провозгласил громче: – Я колосс!

– Невозможно, – возразил один из стариков.

– Ты не синий, – сказал другой.

– Ты не прошел трансформацию, – добавил третий.

– Я убил вашего поединщика! – объявил я. – Какое еще доказательство вам нужно! Хватило бы на это сил у обычного человека?

– Пистолет, – заметил один из стариков. – Чтобы стрелять из него, сила не нужна.

Ржа и Разрушитель!

– Тогда я докажу это в последнем испытании, – заявил я. – Ибо добуду вам сокровище Выжившего!

Колоссы замолчали и перестали хлопать.

^{ag} Для тех, кто запутался (как и Джек), – именно так становятся колоссами. У детей колоссов цвет кожи бывает от голубого до крапчато-серого, но не темно-синего цвета, как у настоящих колоссов. В целом эти дети – люди, пусть и щедро наделенные физической мощью. В двенадцать лет каждому ребенку предлагают пройти окончательную трансформацию. Отказавшиеся должны покинуть племя и жить среди людей. По моим оценкам, многие уходят, но, как и многие обычные люди, разочаровавшись в жизни в городах, возвращаются в племена колоссов и проходят трансформацию. После этого нет никаких различий между урожденными колоссами и теми, кто родился людьми.

^{ah} Но, разумеется, не настолько большим, чтобы перестать звать их дикарями.

– Невозможно, – сказал один из стариков. – Даже самые сильные колоссы потерпели неудачу.

– Значит, если я добьюсь успеха, вы поймете, что я сказал правду, – ответил я зверюгам.

Я подписался на верную смерть. Мне хотелось бы сказать вам, что моими губами в тот день управляла храбрость, но на самом деле это было лишь отчаяние. Я сказал то единственное, что пришло в голову, то единственное, что могло дать отсрочку.

Если легенды не врут, сокровище спрятано «напротив неба, поднятое самой жизнью». «Напротив неба» должно означать на дне водоема – таком глубоком, что и дна не разглядеть. Нужно нырнуть и достать сокровище.

– Невозможно, – произнес другой старик.

– Я докажу, что это возможно! – заявил я.

– Джек! – Элизандра держала меня за руку. – Ты дурак!

– Может, и дурак, но я не позволю им сделать из меня колосса.

Вдруг Элизандра притянула меня к себе и поцеловала. Мало что может меня потрясти, дорогие читатели, но в тот миг случилось невозможное. Временами она относилась ко мне с такой холодностью, что я был уверен: мои чувства навсегда останутся без ответа.

Но этот поцелуй... этот поцелуй! Глубокий, как водоем подле нас, истый, как учение Выжившего. Энергичный, как пуля в полете, и такой же невероятный, как попасть в яблочко с трехсот ярдов. Страсть согрела меня, отогнав холод промокшей одежды и страх трепещущего сердца.

Когда она отстранилась, внутри меня вспыхнул металл. Элизандра не была алломантом, но набрала в рот оловянной пыли и передала ее мне в поцелуе!

Восхищенный, я отодвинулся от нее и прошептал:

– Ты потрясающая!

– Проклятье, Джек! – прошептала она в ответ. – Наконец ты изрек хоть что-то умное.^{ai}

Колоссы снова начали хлопать. Я выбрал самый большой камень, который удалось поднять, и, сделав глубокий вдох, прыгнул в воду. Камень потянул меня на дно.

Глубоко. Необъяснимо глубоко.^{aj}

Меня быстро поглотила тьма. Дорогие читатели, вы должны представить эту кромешную тьму, потому что у меня не получится описать ее как должно. Когда тебя поглощает темнота, это само по себе непередаваемое ощущение, но когда ты в воде и свет исчезает... в этом есть что-то в высшей степени ужасающее. Пока я опускался, дали сбой даже мои железные нервы, и я задрожал.

Ужасная боль ударила по ушам, хотя, может статься, это случилось из-за раны. Казалось, я падал целую вечность, пока не начали гореть легкие, а разум цепенеть. Я едва не выронил камень.

^{ai} Я считаю, что это единственная точная цитата Элизандры во всей истории. Она сказала мне по секрету, что угрожала отстрелить ему... гм... мужское достоинство, если он не включит эту фразу в официальную историю.

^{aj} И под этим он имеет в виду 18,3 сажени. Я вернулся и измерил.

Я не мог думать. Боль от раны грозила захлестнуть меня, и я, хоть ничего и не видел, знал, что зрение затуманивается. Тело слабело, я проваливался в беспмятство. Я понимал, что умру в этих непроглядных глубинах.

В тот миг я представил, как Элизандра превращается в колосса и утрачивает свое очаровательное остроумие. Эта мысль придала мне сил, и я поджег олово.

Как я уже говорил, олово проясняет разум. Никогда еще я так этому не радовался. Туман в мыслях отступил.

Вода обожгла холодом, страшно болела голова, но я был жив.

Я опустился на дно. Не решаясь выпустить каменный груз, начал лихорадочно шарить вокруг одной рукой. Легкие горели, как подожженные металлы. Где же оно?

Есть! Вот оно. Нечто квадратное, искусственного происхождения – металлический ящик. Сейф?

Я попытался поднять его и сумел сдвинуть с места, но ящик весил не меньше моего камня. С ужасом я понял, что мне никогда не поднять его на поверхность. Мое тело слишком ослабело, мне не выплыть с такой тяжестью.

Значит, все зря? Если поднимусь без сокровища, меня или просто-напросто убьют, или превратят в колосса – в любом случае мне конец.

Я снова попробовал поднять ящик, но смог проплыть лишь несколько футов. Воздуха не хватало, сил не осталось. Бесполезно!

И тут я вспомнил стихотворение. «Напротив неба его найдешь, а поднимет его только сама жизнь».^{ak}

Сама жизнь. Какая тут внизу жизнь?

Воздух.

Я прошелся пальцами по стенкам ящика и наткнулся на защелку, которая высвобождала некий предмет – кожаный на ощупь, как бурдюк. Я выдохнул в него весь воздух из легких – воздух, который больше не питал меня, но все еще мог сослужить службу.^{al} Затем я оттолкнулся от дна. Металл весь догорел, воздух кончился.

Вечность.

Я выскочил на поверхность водоема, и мое зрение снова затуманилось. Лишь на миг промелькнул свет, и меня опять поглотила тьма, но, прежде чем я погрузился навстречу гибели, нежные руки подхватили и вытащили меня из воды. Я почувствовал запах духов Элизандры, пришел в себя и увидел ее встревоженное лицо. Моя голова покоилась у нее на коленях. Вид снизу на ее кожаное одеяние открывался не слишком пристойный, но был оценен по достоинству.

– Дурачок, – прошептала она. Я перевернулся и закашлялся, пытаюсь избавиться от воды в легких.

– Он не справился! – воскликнули колоссы-старики.

^{ak} Да, я знаю, что в этой истории он процитировал стихотворение шесть раз, и каждый раз немного по-другому. Нет, он не позволит мне внести правки и сделать везде одинаково.

^{al} Тем читателям, что знакомы с понятиями «подъемная сила» и «давление», вероятно, следует здесь остановиться, вместо того чтобы провести математические подсчеты и понять, на что в этих обстоятельствах годится один-единственный пузырь, наполненный воздухом из легких.

В тот самый миг на поверхности водоема показался надутый мочево́й пузырь, возможно, овечий. Я опустил руки в воду и схватил всплывший сейф.^{am}

Вокруг столпились колоссы. Я опустился на колени перед ящиком и принялся возиться с замком. Элизандра протянула ключ, который мы нашли в Вихревом руднике, и он подошел.^{an} Я повернул его со щелчком и открыл крышку.

Внутри оказались штыри.

Крики колоссов поначалу встревожили меня, но, как выяснилось, это были крики радости. Я растерянно посмотрел на Элизандру.

– Новые штыри, – сказала она. – И так много. Благодаря им племя увеличится. Они проигрывали войны соседям; мое племя всегда было самым маленьким в округе. Теперь их станет на несколько десятков больше. Для них это настоящее сокровище.

Я сел на пятки. Вынужден огорчить вас, дорогие читатели, в путешествиях мною движет не жажда наживы, а радость открытий и возможность поделиться с вами целым миром. И все же не такое сокровище я надеялся обнаружить. Горсть маленьких штырей? И это я искал долгие месяцы? И это легендарное богатство, оставленное самим Выжившим?

– Не унывай, дорогой. – Элизандра высыпала штыри, чтобы их забрали старики. Когда колоссы сгрудились вокруг сокровища, мы отошли в сторонку. Похоже, в суматохе о нас позабыли. – Кажется, мы снова можем распоряжаться нашими жизнями.

Колоссы и впрямь не остановили нас, когда мы пустились в бегство. Мы быстро покинули маленькую долину с оазисом и направились к реке в надежде отыскать там наши повозки.^{ao}

Меня не покидало разочарование. И тут я кое-что заметил. Ящик, который несла Элизандра, практически не потускнел, хотя, несомненно, должен был пролежать под водой больше трех столетий. Я жестом попросил передать его мне, потер крышку и удивленно моргнул.

– Что такое? – спросила Элизандра, останавливаясь.

Я усмехнулся:

– Чистый алюминий, моя дорогая. Этот ящик стоит тысячи. Мы все-таки нашли сокровище.

Она засмеялась и наградила меня поцелуем.

На этом, дорогие читатели, я завершаю мой отчет о путешествии в ямы Эльтании. Мы нашли сокровище, едва не погибли, но все же спаслись, – я выполнил предсмертное желание славного Микаффа.

Это было мое величайшее приключение, и думаю, что немного отдохну, прежде чем снова пуститься в путь. Я слышал о странных огоньках в южном небе, за которыми может скрываться только очередная загадка.

До новых приключений!^{ap}

^{am} Если для того, чтобы поднять сокровище, нужен всего лишь полупустой пузырь, то интересно, зачем ему самому, величайшему пустозвону, понадобился вышеупомянутый овечий мочево́й пузырь.

^{an} Н-да...

^{ao} Да, обо мне они забыли.

^{ap} Итак, вот и подошел к концу очередной, снабженный примечаниями сборник. Я уверен,

Послесловие

Это вторая история, которую я написал для Crafty Games. Ее выпустили в дополнении к игре по «Сплаву закона».

Для этой истории я выбрал другое направление. Поскольку первую – «Одиннадцатый металл» – я задумывал как «визитную карточку» для новеньких, то решил, что вторая должна утолить любопытство и заинтересовать знакомых с циклом читателей. Мне показалось занимательным раскрыть тайну колоссов: откуда они берутся и как существуют во второй эре Скадриала.

Много лет назад мой брат Джордан обратился ко мне с идеей записать подкаст-радиоспектакль. Джордан хотел, чтобы я написал сценарий, но тогда у меня просто не было времени. (Из этой идеи родился подкаст «Писательские отговорки», хотя, по-моему, Джордан в конце концов пошел к Дэну Уэллсу, чтобы сделать несколько эпизодов чего-то еще.) Он продвигал историю об исследователе/авантюристе из старых времен. Годами я размышлял, что можно было бы сделать, найдись у меня время.

Мой прямой ответ – алломант Джек, переходящий все рамки джентльмен-авантюрист из бульварных романов. Однако мне казалось, что этого недостаточно. Книги про Вакса и Уэйна эволюционировали из бульварных историй в более достоверные – менее драматичные, с лучше выписанными персонажами.

А значит, история про Джека должна была сыграть на контрасте между старым и новым. Она должна восприниматься с определенной долей недоверия, неважно, кто Джек на самом деле: хвастун, как подразумевает его «верный дворецкий», или романтик-авантюрист с безграничным оптимизмом. Джек выступает на контрасте с Ваксом в том смысле, как могли бы выступать новые инкарнации Бэтмена на контрасте со старым Бэтменом в исполнении Адама Уэста (заметьте, я люблю обоих).

К слову, примечания Хандервима стали одним из самых забавных эпизодов, какие мне довелось писать.

что проницательные читатели, не чуждые изяществу и приличиям, по достоинству оценят мои смиренные усилия сохранить истории Джека на плаву, особенно с учетом того, что, как мне кажется, эти примечания сами по себе позабавят вас длинными зимними вечерами. На этом я с вами прощаюсь. Джек обещает новые тайны и приключения, мои же обещания более скромные. Я постараюсь убедить его хоть раз в жизни расставить в своих письмах нужные знаки препинания. Безусловно, моя задача гораздо труднее.

Хандервим из Внутреннего Терриса
17 хэммондара 341 г.

Тайная история

В этой повести содержится множество спойлеров к циклу «Рожденный туманом» и роману «Браслеты скорби» из цикла «Двурожденные».

Часть 1. Империя

1

Кельсер поджег одиннадцатый металл.

Ничего не изменилось. Он все так же стоял на площади в Лютадели, лицом к лицу со Вседержителем. Притихшая толпа – и скаа, и знать – не сводила с них глаз. Лениво скрипнуло на ветру колесо перевернутой тюремной телеги. К днищу была прибита голова инквизитора – его же глазами штырями.

Ничего не изменилось, и в то же время изменилось все. Перед глазами Кельсера стояли двое мужчин.

Один – бессмертный император, властвующий тысячу лет: внушительная фигура, черные как смоль волосы, из груди торчат два копья, на которые он словно не обратил внимания. Рядом – человек с теми же чертами лица, но совершенно другими манерами: укутанный в густые меха, нос и щеки покраснелись, будто от мороза, спутанные волосы треплет ветер, на лице веселая улыбка.

Один и тот же человек.

«Можно это использовать?» – отчаянно соображал Кельсер.

Между ними мягко падал черный пепел. Вседержитель глянул на убитого инквизитора и властно произнес:

– Им очень трудно находить замену.

Его тон резко контрастировал со стоящим рядом человеком – бродягой, горцем с лицом Вседержителя.

«Вот ты какой настоящий», – догадался Кельсер. Но толку от этого было мало. Он лишь убедился, что одиннадцатый металл не то, на что он надеялся. Никакое это не чудесное средство покончить со Вседержителем. Придется положиться на запасной план.

И Кельсер улыбнулся.

– Я ведь однажды уже убил тебя, – сказал Вседержитель.

– Ты пытался, – поправил Кельсер с колотящимся сердцем. Запасной план, тайный план. – Но ты не можешь убить меня, тиран. Я то, что ты не сможешь убить, как бы ни пытался. Я надежда.

Вседержитель фыркнул и небрежно взмахнул рукой.

Кельсер ждал, скрепя сердце. Как сражаться с бессмертным?

Или по меньшей мере с неживым.

«Не теряй достоинства. Пусть люди запомнят».

Вседержитель ударил его наотмашь. Боль пронзила Кельсера, словно разряд молнии. В тот же миг он воспламенил одиннадцатый металл и уловил кое-что новое.

Вседержитель стоит посреди комнаты – нет, пещеры! – потом заходит в сияющий источник, и мир колеблется, каменные стены крошатся, пещера искажается, все вокруг меняется.

Видение погасло.

Кельсер умер.

Умирать оказалось намного больше, чем он ожидал. Вместо мягкого погружения в небытие Кельсер ощутил себя тряпкой, которую раздирают на части два озлобленных пса.

Он завопил, отчаянно сопротивляясь. Его воля ничего не значила. Его растерзали на клочки и низвергли в пучину бесконечного зыбкого тумана.

Кельсер упал на колени, судорожно хватая ртом воздух и задыхаясь от боли. Казалось, под ногами тоже туман. По земле, как по воде, расходились круги, и на ощупь она была мягкой.

Дождавшись, пока боль постепенно стихнет, Кельсер наконец разжал челюсти и застонал.

Жив. Вроде как.

Он нашел в себе силы оглядеться. Вокруг колыхалась та же сплошная серость. Небытие? Нет, в отдалении вырисовывались очертания, тени. Холмы? А высоко в небе свет, словно сквозь густые серые облака пробивается крошечное солнце.

Кельсер вдохнул-выдохнул и, зарывчав, тяжело поднялся на ноги.

– Что ж, это было абсолютно ужасно, – объявил он.

Похоже, загробная жизнь и правда существует. Приятное открытие. Значит... Мэйр где-то здесь? Кельсер всегда отделялся банальностями, мол, однажды они снова будут вместе, однако в глубине души никогда не верил, даже не помышлял...

Конец жизни – вовсе не конец. Он снова улыбнулся, на этот раз с искренним восторгом, и огляделся по сторонам. Туман словно отступал перед ним – нет, сам Кельсер обретал плотность, окончательно воплощаясь в этом странном месте. Не туман отступал, а прояснялось у него в голове.

Туман обретал форму. Тени, которые он ошибочно принял за холмы, соткались в зыбкие дома. Под ногами тоже стелился туман без конца и края. Кельсер будто стоял на поверхности океана, мягкой, как полотно, и даже немного пружинящей.

Неподалеку лежала перевернутая тюремная телега, но здесь она была соткана из тумана. Туман клубился, но телега сохраняла форму, словно под действием некой невидимой силы. Что еще удивительнее, прутья клетки сияли. Вокруг появились и другие ослепительно белые огоньки: дверные ручки, оконные защелки. Все в мире живых находило здесь свое отражение, и хотя большинство предметов состояло из расплывчатого тумана, металл проявлялся как яркий свет.

Некоторые огоньки двигались. Нахмурившись, Кельсер подошел к одному такому и только тогда понял, что многие огоньки – это люди. От каждого человеческого силуэта исходило яркое белое сияние.

«Металл и души – это одно и то же, – заметил он. – Кто бы мог подумать?»

Пообвыкшись, он понял, что происходит в мире живых. Тысячи огоньков уплывали прочь – толпа бежала с площади. Высокая фигура, источающая мощное сияние, шагала в противоположном направлении – Вседержитель.

Кельсер последовал было за ним, но споткнулся обо что-то. Пронзенный копьем туманный силуэт – его собственный труп.

Прикосновение к телу напомнило о хорошем: знакомые ароматы юности, голос матери, душевный момент, когда они с Мэйр беззаботно лежали на склоне холма, наблюдая за пеплопадом.

Воспоминания померкли и словно подернулись инеем. К нему бросился кто-то из убегающей толпы: все светились, и было трудно выделять отдельные огоньки. Сперва Кельсер подумал, что человек заметил его дух. Но нет, тот подбежал к труп и упал на колени.

Теперь Кельсер смог разобрать черты лица, сотканные из тумана и сияющие изнутри.

– Ах, дитя, мне жаль.

Он обхватил ладонями лицо рыдающей Вин и обнаружил, что способен ее осязать. Кожа девушки под его бесплотными пальцами была твердой. Похоже, она не чувствовала его прикосновение, но он уловил ее образ со слезами на щеках.

Их последние слова вышли жестокими. Может, и хорошо, что они с Мэйр не завели детей.

Из бегущей толпы отделилась еще одна сияющая фигура и, приблизившись, схватила Вин за руку. Хэм? Судя по очертаниям, он. Кельсер поднялся и проводил их взглядом. Им придется поучаствовать в запущенном им плане. Возможно, они его за это возненавидят.

– Ты позволил ему убить себя.

Повернувшись, Кельсер с удивлением обнаружил, что рядом с ним кто-то стоит – не силуэт из тумана, а странно одетый мужчина. Накидка из тонкой шерсти доходила ему почти до пят, под ней виднелись рубашка на шнуровке и что-то наподобие конической юбки, у пояса на петле висел нож с костяной рукояткой.

Невысокий, черноволосый и носатый, этот мужчина выглядел нормально, как и сам Кельсер, в отличие от других людей, сотканных из света. Если Кельсер мертв, выходит, незнакомец тоже призрак?

– Ты кто такой? – требовательно спросил Кельсер.

– О, думаю, ты и сам знаешь.

Кельсер встретился с мужчиной взглядом и увидел вечность – холодную, безмятежную вечность камней, перед которыми сменяют друг друга поколения, или вечность безучастных глубин, куда никогда не проникает свет и дни незаметно проходят один за другим.

– Проклятье. Так Бог и впрямь существует?

– Да.

Кельсер ему врезал.

Это был отличный прямой удар. Другую руку он вскинул, чтобы отразить контратаку. Докс бы гордился.

Бог не увернулся. Кулак Кельсера с приятным хрустом угодил ему прямо в лицо. Удар сбил Бога с ног, но, когда он поднял голову, в его взгляде читалось скорее удивление, чем боль.

Кельсер шагнул вперед.

– Да что с тобой? Ты существуешь и позволяешь твориться такому?

Он махнул рукой в сторону площади, где, к его ужасу, гасли огоньки. Инквизиторы набросились на толпу.

– Я делаю все, что в моих силах. – Поверженная фигура на мгновение исказилась, местами расплылась, словно туман стремился покинуть ее контуры. – Я делаю... делаю все, что в моих силах. Видишь ли, все идет своим чередом. Я...

Бог распался на части, а затем принял прежнюю форму. Кельсер, выпучив глаза, отшатнулся.

Вокруг совершали переход другие души. Тела переставали сиять, и души, будто вырванные из тел, спотыкаясь и падая, появлялись в этом мире тумана. Как только переход завершался, они обретали цвет. Возле каждой возникал Бог, и вскоре больше десятка его копий беседовали с умершими.

Та копия, что встретила Кельсера, поднялась на ноги, потирая челюсть.

– Раньше так никто не поступал.

– Что, правда?

– Да. Обычно души слишком сбиты с толку. Впрочем, некоторые пытаются убежать.

Бог посмотрел на Кельсера.

Кельсер сжал кулаки. Бог отступил и, как ни странно, потянулся к ножу на поясе.

Что ж, Кельсер не собирался снова на него нападать. Но в словах Бога сквозил вызов. Убежит ли Кельсер? Разумеется, нет. Куда ему бежать?

Неподалеку вывалилась в посмертие и почти сразу растаяла несчастная женщина-скаа. Ее фигура растянулась и превратилась в белый туман, который устремился к далекой темной точке. По крайней мере, так это выглядело, хотя эта точка находилась... словно за пределами окружающей реальности, и куда бы ни перемещался Кельсер, он не мог к ней приблизиться.

Женщина растянулась и растаяла. За ней последовали другие души с площади.

Кельсер повернулся к Богу.

– Что происходит?

– Ты же не думал, что это конец? – Бог махнул на зыбкий мир. – Это промежуточная остановка. Между смертью и...

– И чем?

– Запредельем. Другим местом, куда должны отправиться души. Куда должна отправиться и твоя душа.

– Я пока никуда не отправился.

– Алломантам требуется больше времени, но это все равно случится. Реки стремятся к океану, и это такой же естественный процесс. Я не управляю переходом, я здесь для того, чтобы вас подбодрить. Для меня это вроде... обязанности, сопутствующей моему положению.

Бог потер щеку и наградил Кельсера взглядом, выражающим все, что он думает об их встрече.

Неподалеку истаяла в вечности еще пара человек. Похоже, они смирились с происходящим, растягиваясь в небытие с облегчением и радостными улыбками. Кельсер проводил их взглядом.

– Мэйр, – прошептал он.

– Она ушла в Запределье. И ты уйдешь.

Кельсер посмотрел на точку, к которой тянуло всех умерших, и ощутил, что его тоже едва уловимо к ней тянет.

«Нет. Пока нет».

– Нам нужен план, – сказал Кельсер.

– План? – переспросил Бог.

– Чтобы выбраться отсюда. Мне может понадобиться твоя помощь.

– Отсюда не выбраться.

– Что за упаднический настрой. Так у нас ничего не выйдет.

Кельсер в замешательстве глянул на руку: та начала расплываться, как не успевшие высохнуть чернила, которые нечаянно смазали. Его куда-то потянуло.

Он принялся энергично расхаживать. Нельзя же просто стоять и ждать, пока его засосет в вечность.

– Неуверенность – это естественно, – изрек Бог, пристроившись рядом. – Многим тревожно. Успокойся. Оставшиеся в живых отыщут свой собственный путь, а ты...

– Да, отлично, – перебил Кельсер. – Но на нравоучения времени нет. Скажи-ка, хоть раз кого-нибудь не затащило в Запределье?

– Нет. – Фигура Бога вновь расплзлась и соединилась в одно целое. – Я ведь уже говорил тебе.

«Проклятье! – подумал Кельсер. – Похоже, он и сам вот-вот распадется».

Что ж, придется работать с тем, что есть.

– У тебя ведь наверняка есть на уме идея, которую я мог бы попробовать, Мутный.

– Как ты меня назвал?

– Мутный. Мне же надо тебя как-то называть.

– Мог бы попробовать «Господь мой», – оскорбился Мутный.

– Ужасное прозвище для члена команды.

– Команды...

– Мне нужна команда. – Кельсер по-прежнему вышагивал по туманной версии Лютадели. – И, как видишь, выбор невелик. Я бы предпочел Докса, но он должен разобраться с человеком, который возомнил себя тобой. Кроме того, посвящение в той моей команде совершенно убойное.

– Но...

Кельсер развернулся и схватил Мутного за плечи. Руки Кельсера расплывались все больше, их тянуло прочь, словно увлекало невидимым течением.

– Послушай, – тихо и настойчиво произнес он. – Ты сказал, что должен меня подбодрить. Так давай, подбадривай. Если ты прав, что бы я ни сделал, все бессмысленно. Давай позабудем. Пусть это будет мое последнее приключение.

Мутный вздохнул.

– Лучше бы ты смирился.

Кельсер поймал его взгляд. Время истекало, он чувствовал, как скользит к забвению, к далекой точке небытия, темной и неизведанной. И все равно не отводил глаза. Если в поведении этого существа, так похожего на человека, есть хоть что-то человеческое, то такой взгляд – уверенный и подкрепленный улыбкой – сработает. Мутный сдастся.

– Итак, – сказал Мутный. – Ты не только первый, кто меня ударил, но и первый, кто попытался меня завербовать. Ты исключительно странный человек.

– Просто ты не знаком с моими друзьями. По сравнению с ними я нормальный. Идеи, пожалуйста.

Кельсер зашагал по улице, лишь бы не стоять на месте. По обе стороны нависали дома из текучего тумана. Они казались призраками домов. Время от

времени по земле и домам прокатывалась волна мерцающего света, заставляя туман клубиться.

– Не знаю, чего ты от меня ждешь. – Мутный поспешил догнать Кельсера. – Приходящих сюда духов затягивает в Запределье.

– Кроме тебя.

– Я из богов.

«Не просто Бог, а из богов. Учтем».

– Ладно, и в чем причина, что ты как бог невосприимчив?

– Во всем.

– Сдается мне, в нашей команде ты отлыниваешь, Мутный. Ну-ка, включайся. Ты сказал, что алломанты держатся дольше. Ферухимики тоже?

– Да.

– Люди с силой, – заключил Кельсер, махнув в сторону далеких шпилей Кредикской Роши.

Этой дорогой Вседержитель поехал к своему дворцу. Его экипаж был уже далеко, но Кельсер все еще различал, как сияет его душа – гораздо ярче остальных.

– А как же он? Ты сказал, что все склоняются перед смертью, но ясно, что это неправда. Он бессмертный.

– Он – особый случай, – оживился Мутный. – Он добился того, чтобы не умирать.

– А если все-таки умрет? – надавил Кельсер. – То продержится еще дольше меня?

– Разумеется. Он вознесся, пусть и ненадолго. У него было достаточно силы, чтобы расширить душу.

«Вот оно что! Расширить душу».

– Я... – Фигура бога исказилась. – Я... – Он склонил голову набок. – О чем я говорил?

– О том, как Вседержитель расширил душу.

– Это было восхитительно. Захватывающее зрелище! И теперь он охранен. Я рад, что ты не нашел способа его уничтожить. Все умирают, но не он. Это чудесно.

– Чудесно? – Кельсер едва не сплюнул. – Он тиран.

– Он неизменен, – произнес бог, защищаясь. – Блистательный экземпляр, уникальный. Я не согласен с тем, что он делает, но ведь можно восхищаться львом, сопереживая ягненку.

– Почему ты его не остановишь? Если ты не согласен с тем, что он делает, разберись с ним!

– Ну-ну, это опрометчиво. Чего мы добьемся, убрав его? Просто появится другой лидер, продержится недолго, отчего воцарится хаос и погибнет еще больше людей, чем при Вседержителе. Уж лучше стабильность. Да, постоянный лидер.

Кельсер чувствовал, как его тянет все сильнее. Скоро его черед. Похоже, его новое тело не потеет, иначе лоб уже давно покрылся бы испариной.

– Как тебе идея полюбоваться на то, как другой человек сделает то же, что и Вседержитель, – расширит душу? – спросил Кельсер.

– Невозможно. Сила Источника Вознесения соберется не раньше, чем через год.

– Что? – переспросил Кельсер. – Источник Вознесения?

Он перебрал в памяти истории Сэйзедо о вере и религии. Их настоящее значение его ошеломило. Кельсер занимался бунтами и свержением власти, обращаясь к религии, только если она могла сыграть на руку его планам, и все это время она была основой всего, забытая и оставленная без внимания.

Он почувствовал себя несмышленным ребенком.

Мутный продолжал говорить, не замечая состояние Кельсера:

– Но нет, Источник тебе использовать не получится. Мне не удалось его заточить. Я так и знал – он сильнее. Его сущность просачивается в естественных формах: твердых, жидких, газообразных. Таким мы сотворили мир. У него есть планы. Но изощреннее ли они моих или я все-таки его переиграл?..

Мутный снова искажился. Кельсер мало что понял из его речи. Наверняка это важно, но пока просто не до того.

– Сила возвращается в Источник Вознесения.

Мутный замялся.

– Гм, да. Но он очень-очень далеко. Да, слишком далеко для тебя. Увы.

Оказывается, бог совсем не умел лгать.

Кельсер схватил его, и тот съезжился.

– Скажи мне, – произнес Кельсер. – Пожалуйста. Я чувствую, как меня растягивает, уносит. Пожалуйста.

Мутный вырвался из его хватки. Пальцы Кельсера... вернее, пальцы его души... больше не действовали как следует.

– Нет, – сказал Мутный. – Нет, это неправильно. Если ты к нему прикоснешься, то просто добавишь ему силы. Ты уйдешь, как все остальные.

«Что ж, значит, будем жульничать», – подумал Кельсер.

Он привалился спиной к призрачному дому и со вздохом съехал вниз по стене.

– Ладно.

– Ну вот! – обрадовался Мутный. – Лучше, гораздо лучше, правда?

– Правда, – согласился Кельсер.

Бог, казалось, расслабился. Кельсер с беспокойством отметил, что тот по-прежнему истекает туманом. Туман ускользал из его тела в нескольких точках-проколах. Это существо напоминало раненого зверя, который продолжает безмятежно вести повседневную жизнь, не обращая внимания на раны от укусов.

Сохранять неподвижность было трудно. Труднее, чем стоять лицом к лицу со Вседержителем. Хотелось бежать, кричать, сражаться. Ужасное ощущение, когда тебя куда-то затягивает.

Однако ему удалось притвориться расслабленным.

– Ты меня о чем-то спрашивал. – Кельсер сделал вид, что устал и еле выговаривает слова. – Когда только что появился.

– О, верно! Ты позволил ему убить себя. Такого я не ожидал.

– Ты же бог. Разве ты не видишь будущее?

– До известного предела, – оживился Мутный. – Но оно такое смутное. Слишком много вероятностей. Того, что случилось, я не видел, хотя, наверное, этот вариант тоже был среди множества других. Ты должен объяснить. Почему ты позволил ему убить себя? В конце ты просто стоял столбом.

– Мне было не уйти, – пояснил Кельсер. – Когда прибыл Вседержитель, бежать было поздно. Пришлось с ним столкнуться.

– Ты даже не сражался.

– Я использовал одиннадцатый металл.

– Что за безрассудство. – Бог принялся расхаживать взад-вперед. – Это Разрушитель так повлиял на тебя. Но в чем смысл? Не понимаю, почему он захотел, чтобы у тебя оказался этот бесполезный металл. – Вдруг он оживился. – А твой бой с инквизитором! Я много чего повидал, но это ни на что не похоже. Впечатляет, хотя жаль, что из-за тебя случилось столько смертей, Кельсер.

Он снова начал расхаживать, но уже бодрее. Кельсер не ожидал, что бог окажется таким... человеческим. Он так легко приходил в волнение, даже испытывал бурные эмоции.

– Когда меня убил Вседержитель, я кое-что увидел. Человека, которым он, возможно, был раньше. Это его прошлое? Одна из версий его прошлого? Он стоял у Источника Вознесения.

– Правда? Гм-м. Да, ты воспламенил металл во время перехода. Значит, мельком увидел духовную реальность, его связь и прошлое. К несчастью, ты использовал сущность Ати. Не стоит доверять ей, даже в разбавленной форме. Разве что...

Нахмурившись, Мутный склонил голову набок, словно пытался что-то вспомнить.

– Еще один бог, – прошептал Кельсер, закрыв глаза. – Ты говорил, что... заточил его?

– В конце концов он вырвется. Это неизбежно. Но тюрьма не последняя моя уловка. Далеко не последняя.

«Может, пусть все идет своим чередом», – подумал Кельсер. Мысли путались.

– Ну, полно. Прощай, Кельсер. Ему ты служил чаще, чем мне, но я уважаю твои намерения и твою поразительную способность к охранению себя.

– Я его видел, – прошептал Кельсер. – Пещера высоко в горах. Источник Вознесения...

– Да, – подтвердил Мутный. – Именно туда я его и поместил.

– Но... – добавил Кельсер, растягиваясь, – он его перенес...

– Естественно.

Что бы сделал Вседержитель с таким источником силы? Упрятал подальше?

Или держал поближе, прямо под рукой? Кельсер ведь видел меха, похожие на те, что носил Вседержитель в видении. Он видел их в комнате за инквизитором. Здание в здании, сокрытое в глубине дворца.

Кельсер распахнул глаза.

Мутный повернулся к нему.

– Что...

Кельсер с усилием поднялся и побежал. От него почти ничего не осталось, лишь смутный, расплывчатый образ. Ноги превратились в смазанные пятна, тело походило на растянутую, расплывшуюся тряпку. Он с трудом находил опору на туманной земле, а когда наткнулся на дом, то прошел сквозь него, будто стена была не плотнее воздуха.

– Ты все-таки из тех, кто пытается убежать, – сказал Мутный, появившись рядом. – Кельсер, дитя, ты ничего не добьешься. Наверное, не стоило ожидать от тебя ничего другого, ты будешь отчаянно бороться с судьбой до последнего.

Кельсер едва его слышал. Все его внимание сосредоточилось на беге, на сопротивлении силе, что тянула назад, в ничто. Он бежал от самой смерти, от ее смыкающихся холодных пальцев.

Бежать.

Концентрироваться.

Бороться за право существовать.

Ему вспомнилась другая борьба, когда он с окровавленными руками выбирался из ямы. Его так просто не взять!

Ориентиром служила пульсация, те волны, что время от времени прокатывались по туманному миру. Он искал ее источник: не обращая внимания ни на металл, ни на души людей, пробивался сквозь дома, пересекал оживленные улицы, пока не добрался до серого туманного силуэта Кредикской Рощи, Холма Тысячи Шпилей.

Здесь Мутный наконец уяснил, что происходит.

– Ах ты цинковаязыкий ворон. – Бог без усилий держался наравне с Кельсером, хотя тому приходилось бежать изо всех сил. – Тебе не добраться вовремя.

Кельсер снова мчался сквозь пустой туман. Стены, люди, дома растаяли. Ничего, кроме темного клубящегося тумана.

Но туман никогда не был его врагом.

Определяя направление по пульсации, Кельсер продирался через текучее небытие, пока не увидел впереди столп света. Здесь! Вот он, пылает сквозь туман. Кельсер почти добрался, почти...

Он упустил его. Упустил себя. Больше не мог двигаться.

Его кто-то схватил.

– Пожалуйста... – прошептал Кельсер, распадаясь, ускользя прочь.

«Это неправильно», – голос Мутного.

– Хочешь увидеть кое-что... поразительное? – прошептал Кельсер. – Помоги мне выжить. И я... поражу твое воображение.

Мутный дрогнул, и Кельсер почувствовал божественную нерешительность. За ней последовало ощущение целеустремленности, словно вспыхнул фонарь, и смех.

«Хорошо. Будь охранен, Кельсер, Выживший».

Кельсера толкнуло вперед, и он слился со светом.

Несколько мгновений спустя он очнулся и заморгал. Вокруг по-прежнему простирался мир тумана, но его тело, вернее, дух, стал целым. Кельсер лежал в бассейне света, похожего на жидкий металл, и чувствовал его живительное тепло.

За пределами бассейна виднелась туманная пещера. Казалось, она из настоящего камня, но точно не скажешь, поскольку на этой стороне все соткано из тумана.

Сквозь Кельсера прокатилась волна.

– Сила. – Мутный стоял за границами света. – Теперь ты ее часть, Кельсер.

– Ага. – Кельсер поднялся на ноги. С него стекал сияющий свет. – Я ее чувствую, она проходит сквозь меня.

– Ты в ловушке вместе с ним. – По сравнению с мощным светом, в котором стоял Кельсер, Мутный казался плоским и тусклым. – Я тебя предупреждал. Это тюрьма.

С каждым вдохом и выдохом Кельсер успокаивался.

- Я жив.
 - В очень узком смысле слова.
- Кельсер улыбнулся.
- Сойдет и так.

2

Бессмертие на поверку оказалось гораздо более унылым, чем ожидал Кельсер. Конечно, неизвестно, в самом ли деле он бессмертен. Сердце не билось, что лишь обескуражило его, когда он заметил; не нужно было дышать. Но как узнать, старится ли его душа в этом месте?

После того как удалось выжить, Кельсер потратил несколько часов на изучение своего нового дома. Бог прав, это тюрьма. Глубина бассейна увеличивалась ближе к центру. Жидкий свет казался отражением чего-то более... активного на другой стороне.

К счастью, Источник оказался не широким, и только в самом центре его глубина превышала рост Кельсера. Можно было держаться с краю, где свет достигал пояса. Свет казался менее плотным, чем вода, и двигаться сквозь него не составляло труда.

Еще можно было вылезти из бассейна на каменную кромку. В пещере все состояло из тумана, но вот кромка Источника... Камень проявлялся здесь лучше, полнее, немного в цвете, будто был призрачным лишь отчасти, как и сам Кельсер.

Он мог сидеть на краю Источника, свесив ноги в свет, однако если пытался отойти, туманные завитки все той же силы тянулись за ним и удерживали, будто цепи. Удалиться от бассейна получалось не больше чем на несколько футов. Кельсер тянул, давил, продвигался рывками, но ничего не помогало. Как только он отходил на несколько футов, его каждый раз резко притягивало обратно.

Потратив несколько часов на попытки вырваться, он уселся на краю Источника, чувствуя себя... изнуренным? Можно так сказать? У него не было тела, он не испытывал обычных признаков усталости – ни головной боли, ни напряжения в мышцах. Однако он утомился. Вымотался, как истрепанный дождем и ветром старый флаг.

Вынужденно расслабившись, Кельсер перебрал то немногое, что можно было различить вокруг. Мутный исчез – его что-то отвлекло вскоре после охранения Кельсера. Оставалась туманная пещера, сияющий бассейн и несколько колонн. На другом конце пещеры поблескивали зернышки металла, но Кельсер не мог разобрать, что это такое.

Вот и все его бытие. Неужели он заточил себя в этой крошечной тюрьме навечно? Какая жестокая ирония, если он обманул смерть лишь затем, чтобы обречь себя на еще худшую долю.

Что станет с его рассудком, если он проведет здесь несколько десятилетий? А если столетий?

Кельсер уселся на кромку Источника и попробовал отвлечься, переключившись на мысли о друзьях. В миг смерти он верил в свой план поднять мятеж, но теперь видел в нем множество недочетов. Что, если скаа не восстанут? Что, если подготовленных резервов окажется недостаточно?

Даже если все сработает, тяжелая ноша ляжет на плечи нескольких плохо подготовленных мужчин и одной замечательной девушки.

Внимание Кельсера привлекли огни, и он вскочил на ноги, радуясь любому развлечению. В комнату вошли несколько сияющих душ. Что-то с ними не так. Глаза...

Инквизиторы.

Кельсер не дрогнул, хотя инстинктивно испытывал ужас перед этими существами. Ему удалось одержать верх над одним из них, и он больше не боится. Он принялся мерить шагами границы своего пространства, пытаясь рассмотреть, что тащат трое инквизиторов. Что-то большое и тяжелое, но оно вообще не светилося.

Тело, понял Кельсер. Без головы.

Не тот ли это, которого он убил? Да, скорее всего. Еще один инквизитор с почтением нес штыри мертвого – целую охапку в большой банке с какой-то жидкостью. Прищурившись, Кельсер шагнул из тюрьмы, пытаясь определить, что это такое.

– Кровь. – Мутный возник словно из ниоткуда. – Штыри держат в крови, пока не используют. Это помогает сохранить их эффективность.

– Вот как. – Кельсер отошел в сторону, когда инквизиторы бросили в Источник сначала тело, а потом голову. И то, и другое испарилось. – И часто они так делают?

– Каждый раз, как умирает один из них. Вряд ли они понимают, что делают. Бросать мертвые тела в этот бассейн совершенно бессмысленно.

Инквизиторы ушли со штырями павшего. Судя по сгорбленным спинам, эти четверо были измотаны.

– Мой план. – Кельсер глянул на Мутного. – Как он там? Команда уже должна была обнаружить склад. Горожане... все сработало? Скаа разозлились?

– Гм-м-м? – протянул Мутный.

– Революция, мой план.

Кельсер шагнул к богу. Тот сдвинулся назад, за пределы досягаемости Кельсера, и взялся за нож на поясе. Наверно, не стоило его бить при знакомстве.

– Мутный, послушай. Тебе надо их подтолкнуть. Другого шанса свергнуть его у нас не будет.

– План... – проговорил Мутный и на мгновение распался. – Да, был план. Я... помню, что у меня был план. Когда я был умнее...

– План в том, чтобы поднять бунт среди скаа. Если мы закуем Вседержителя в цепи и заточим, будет уже неважно, насколько он могущественный, и неважно, что он бессмертный.

Бог рассеянно кивнул.

– Мутный?

Тот задрожал, глянув на Кельсера. От его головы медленно отделялись туманные струйки и исчезали в никуда, словно вылезали нитки из растрепанного коврика.

– Знаешь, он меня убивает. Хочет, чтобы меня не стало до начала нового цикла, хотя... возможно, я смогу продержаться. Слышишь, Разрушитель?! Я еще не умер. Все еще... все еще жив...

«Проклятье, – похолодел Кельсер. – Бог сходит с ума».

Мутный зашагал взад-вперед.

– Я знаю, ты слушаешь меня. Меняешь то, что я пишу и что написал раньше. Присваиваешь нашу религию себе. Они едва помнят истину. Как всегда, скользкий, как червь.

– Мутный, ты не мог бы просто пойти...

– Мне нужно было оставить знак, – прошептал Мутный, остановившись рядом с Кельсером. – Такой, чтобы он не мог его изменить. Знак насчет оружия, что я спрятал. Думаю, это точка кипения воды. Или точка замерзания? А если единицы измерения с годами изменятся? Я нуждался в чем-то таком, о чем будут помнить всегда. Нечто такое, что сразу узнают. – Он наклонился к Кельсеру. – Шестнадцать.

– Шестнадцать?.. – переспросил тот.

– Шестнадцать, – ухмыльнулся Мутный. – Хитро, как считаешь?

– Потому что это означает...

– Количество металлов. В алломантии.

– Их десять. Одиннадцать, если считать тот, что я нашел.

– Нет! Нет, нет, глупости. Шестнадцать. Это идеальное число. Они поймут. Должны понять.

Мутный снова принялся расхаживать, и его голова почти вернулась к прежней форме.

Кельсер уселся на краю своей тюрьмы. Бог вел себя еще более сумасбродно, чем раньше. Что-то изменилось или просто богу, подобно человеку с душевным расстройством, становилось то лучше, то хуже?

Мутный вдруг вскинул голову и, вздрогнув, глянул на потолок так, будто тот вот-вот обрушится. Открыв рот, подвигал челюстями, но не издал ни звука.

– Что... – наконец произнес он. – Что ты наделал?

Кельсер встал.

– Что ты наделал? – крикнул Мутный.

Кельсер улыбнулся и тихо произнес:

– Надежда. Я надеялся.

– Он был совершенным. Он был... единственным из вас... кто...

Резко развернувшись, Мутный уставился вглубь туманной пещеры за пределами тюрьмы Кельсера.

В другом конце пещеры кто-то стоял – высокая, внушительная фигура не из света. Знакомая одежда, контраст черного и белого.

Вседержитель. По крайней мере, его дух.

Кельсер шагнул к каменной кромке вокруг бассейна и подождал, пока Вседержитель приблизится к свету Источника. Заметив Кельсера, тот остановился как вкопанный.

– Я убил тебя. Дважды, – сказал Вседержитель. – А ты все равно жив.

– Да. Всем прекрасно известно, что ты вопиюще некомпетентен. Я рад, что ты начинаешь это осознавать. Это первый шаг к изменениям.

Фыркнув, Вседержитель оглядел пещеру с полупрозрачными стенами. Мазнул взглядом по Мутному, но не обратил на него особого внимания.

Кельсер возликовал. У нее получилось. У нее и правда получилось. Как? Какой секрет он прозевал?

– Эта ухмылка невыносима, – сказал Кельсеру Вседержитель. – Я же убил тебя.

- А я вернул должок.
- Не ты меня убил, Выживший.
- Я выковал поразивший тебя клинок.

Мутный прочистил горло.

- Мой долг – быть рядом во время твоего перехода. Не волнуйся, не...

– Замолчи. – Вседержитель изучал тюрьму Кельсера. – Ты понимаешь, что наделал, Выживший?

- Я выиграл.

– Ты привел в мир Разрушителя. Ты его пешка. Ты возгордился, как солдат на поле битвы, уверенный в том, что управляет своей судьбой, при этом игнорируя тысячи тысяч себе подобных. – Он покачал головой. – Оставался всего год. Я был так близок. Я бы снова заполучил эту недостойную планету.

– Это просто... – Мутный сглотнул. – Это промежуточная остановка. Между смертью и другим местом, куда должны отправиться души. Куда должен отправиться и ты, Рашек.

Рашек? Кельсер снова глянул на Вседержителя. Террисийца трудно определить по цвету кожи, многие совершали эту ошибку. Некоторые террисийцы темные, другие светлые. Но кто бы мог подумать...

Комната, устланная мехами. Этот человек на холоде...

Идиот. Вот что это значило.

– Все ложь, – сказал Кельсер. – Обман. Твое легендарное бессмертие? Твои исцеления? Ферухимия. Но как ты стал алломантом?

Вседержитель подошел вплотную к столпу света, который поднимался из тюрьмы Кельсера. Оба уставились друг на друга – так же, как на площади, когда были живы.

Затем Вседержитель сунул руку в свет.

Кельсер стиснул зубы, представив неожиданную и ужасную картину того, как он проводит вечность с человеком, убившим Мэйр. Однако Вседержитель выдернул руку, и свет потянулся за ней как патока. Он повернул ладонь, изучая угасающее свечение.

- И что теперь? – спросил Кельсер. – Останешься здесь?

– Здесь? – Вседержитель рассмеялся. – С бессильным мышонком и крысой-полукровкой? Не смей меня.

Он закрыл глаза, и его потянуло к точке, нарушающей законы геометрии. Потускнев, он исчез.

Кельсер разинул рот.

- Он ушел?

– В Запределье, – подтвердил Мутный, присаживаясь. – Не стоило мне так надеяться. Все проходит, ничто не вечно. Так всегда утверждал Ати...

- Ему не обязательно было уходить. Он мог остаться. Мог выжить!

- Я говорил тебе: к этому моменту разумные люди хотят двигаться дальше.

Мутный исчез.

Кельсер остался стоять у края тюрьмы. Освещенный бассейном, он отбрасывал на пол тень. Вглядываясь в туманную пещеру с колоннами, он ждал, сам не зная чего – подтверждения, чествования, каких-то изменений.

Ничего. Никто не пришел, даже инквизиторы. Как прошла революция? Правят ли теперь скаа? Он не отказался бы посмотреть на казнь аристократов. Пусть с ними обойдутся так же, как прежде они обходились со своими рабами.

Не было ни намека насчет того, что происходит наверху. Очевидно, они не знали об Источнике. Кельсеру оставалось лишь расположиться поудобнее.

И ждать.

Часть 2. Источник

1

Кельсер что угодно отдал бы за карандаш и бумагу.

Что угодно, на чем можно писать, чтобы как-то скоротать время. Зафиксировать мысли и придумать план бегства.

Текли дни. Он пытался царапать заметки на стенках Источника, но ничего не вышло. Пробовал выдергивать нитки из одежды и завязывать на них узелки, представляющие слова. К сожалению, нитки вскоре исчезали, а рубашка и штаны немедленно возвращались к прежнему виду. Во время одного из своих редких визитов Мутный объяснил, что одежда не настоящая, вернее, она всего лишь продолжение духа Кельсера.

По той же причине не получалось использовать для письма волосы и кровь. Строго говоря, ни того, ни другого у него тоже не было. Все это крайне раздражало, но примерно на втором месяце заточения Кельсер осознал правду: возможность писать не так уж и важна. В Ямах ее тоже не было, но он все равно строил планы. Да, планы, рожденные воспаленным разумом, неосуществимые мечты, но отсутствие бумаги никогда его не останавливало.

Все его попытки – способ занять себя, как-то убить время. Его хватило на пару недель. Когда он осознал правду, стремление писать угасло.

К счастью, к тому времени он открыл для себя в тюрьме нечто новое.

Шепоты.

О, слышать их он не мог. Но мог ли он вообще «слышать»? Ушей у него не было. Он – как там сказал Мутный? – когнитивная тень. Сила разума удерживала дух, не давая ему рассеяться. Сэйз пришел бы в восторг, ему нравились такие мистические темы.

И все же Кельсер кое-что ощущал. Источник продолжал пульсировать, посылая во внешний мир волны. Пульсация словно нарастала, превращаясь в постоянный гул: похожее ощущение возникает, когда поджигаешь бронзу и «слышишь» алломантов в действии.

Внутри каждой волны таилось... нечто. Кельсер называл это шепотами, хотя в них заключались не только слова. Шепоты были насыщены звуками, ароматами и образами.

Он увидел книгу с чернильными кляксами на страницах; группу людей, обменивающихся историями. Террисийцы в одеяниях? Сэйзед?

Волны нашептывали леденящие душу слова: Герой Веков, Вестник, мирносец. Он припомнил эти термины из древних террисийских пророчеств, упомянутых в дневнике Алэнди.

Кельсеру открылась неутешительная правда. Он встретил бога, и вера – не пустые слова. Значит, что-то есть и в том множестве религий, которые Сэйзед держал в кармане, как колоду карт?

«Ты привел в мир Разрушителя...»

Со временем Кельсер обнаружил, что если погрузиться в мощный свет Источника, в самый его центр, перед очередной волной, то можно ее ненадолго оседлать. Его сознанию удавалось вырваться из Источника и мельком увидеть место, куда стремилась волна.

Он различал библиотеки, тихие залы, в которых далекие террисийцы обменивались историями, запоминая их. Различал безумцев, что сбивались в группы на улицах и шептали принесенные волнами слова. Различал рожденного туманом, из знати, который прыгал между домами.

Кроме Кельсера на волнах несло что-то еще. Оно управляло невидимой деятельностью, интересовалось террисийскими преданиями. Кельсер непозволительно долго не понимал, что нужно попробовать другую тактику. Он погрузился в разреженный жидкий свет в центре бассейна и, когда пришла очередная волна, устремился в противоположном направлении – не вместе с ней, а к ее источнику.

Свет поредел, и Кельсер увидел новое место – темное пространство, которое не было ни миром мертвых, ни миром живых.

В этом месте он обнаружил разрушение, распад.

Не мрак, ибо мрак слишком цельный, чтобы представлять то, что Кельсер ощутил в Запределье. Это была безграничная сила, которая с радостью заглотила бы и разорвала на части нечто настолько простое, как мрак.

Сила простиралась в бесконечность. Это был ветер, что стачивает по крупинке; шторм, что сметает с пути; вечные волны, что медленно, медленно, медленно замирают, когда солнце и планета полностью остыли.

Это был итог и участь всего сущего. Сила гневалась.

Кельсер отпрянул и вынырнул из света, дрожа и тяжело дыша.

Он встретил бога. Но если один металл притягивает, то другой отталкивает. Что есть противоположность богу?

Увиденное встревожило его настолько, что он едва смог вернуться. Он почти убедил себя игнорировать ужасное существо во мраке, практически отгородился от шепотов и притворился, будто никогда не видел этого устрашающего, необъятного разрушителя.

Конечно, не удалось. Кельсер никогда не мог устоять перед тайной. Он все время играл в игру, правила которой выходили за пределы его понимания, и существо в Запределье доказывало это еще больше, чем встреча с Мутным.

Это и ужасало, и будоражило одновременно.

И Кельсер снова стал смотреть на существо. Снова и снова он силился понять, хотя чувствовал себя муравьем, пытающимся постичь симфонию.

Это продолжалось много недель, пока существо не обратило на него свой взор.

Прежде оно его не замечало, как человек не замечает паука, спрятавшегося в замочной скважине, но в этот раз насторожилось, резко всколыхнулось и устремилось к Кельсеру. Окружив место, из которого он наблюдал, оно закрутилось

медленным вихрем, подобно водовороту в океане. Кельсер не мог отделаться от ощущения, что на него вдруг уставился огромный, бесконечный глаз.

Он бросился обратно в свою тюрьму, расплескивая жидкий свет. От испуга ему почудилось, что в груди бьется сердце: его естество пыталось воспроизвести реакцию на потрясение. Когда он уселся на привычное место у стенки бассейна, сердцебиение стихло.

Кельсер сильно встревожился из-за того, что существо обратило на него внимание, и из-за того, каким крошечным он ощутил себя перед лицом этой громады. При всей своей уверенности и изобретательности он, по сути, ничего из себя не представлял и всю жизнь лишь упражнялся в напускной храбрости.

Прошли месяцы. Он больше не изучал существо из Запределья, а ждал, когда его в очередной раз проведает Мутный.

Когда тот наконец появился, то выглядел еще более растрепанным, чем в прошлый раз: туман утекал с плеч, сквозь дырочку в левой щеке виднелась внутренность рта, одежда казалась еще более изношенной.

– Мутный? – позвал Кельсер. – Я кое-что видел. Этого... Разрушителя, о котором ты говорил. Думаю, я могу за ним наблюдать.

Мутный просто расхаживал взад-вперед, даже не разговаривая.

– Мутный? Эй, ты слушаешь?

Нет ответа.

– Идиот, – попробовал Кельсер. – Эй, ты позоришь божественный статус. Слышишь?

Даже оскорбление не сработало. Мутный продолжал вышагивать.

«Бесполезно», – подумал Кельсер.

Из Источника покатила очередная волна силы, и Кельсер поймал взгляд Мутного.

Кельсеру словно напомнили, почему он вообще назвал это существо богом. В его глазах таилась бесконечность, дополняющая ту, что заперта в Источнике. Мутный был нотой, которую идеально держат, ни разу не дрогнув, или картиной, застывшей и неподвижной, в которой пойман кусочек жизни из ушедших времен. Он был силой многих-многих мгновений, неким образом сжатых в одно.

Мутный остановился перед ним. Его щеки полностью расползлись, открывая кости черепа, которые тоже расползались, а в глазах горела вечность. Это существо было божеством, но сломленным.

После этого Кельсер не видел Мутного много месяцев. Спокойствие и тишина тюрьмы казались такими же бесконечными, как существа, которых он встретил. Как-то раз он поймал себя на том, что планирует привлечь внимание разрушительной силы, чтобы вымолить у нее смерть.

Кельсер забеспокоился по-настоящему, когда начал разговаривать сам с собой.

– Что ты наделал?

– Я спас мир. Освободил человечество.

– И отомстил.

– Одно другому не мешает.

– Ты трус.

– Я изменил мир!

– А если ты просто марионетка этого существа из Запределья, как и утверждал Вседержитель? Кельсер, вдруг у тебя нет иной судьбы, кроме как делать то, что тебе говорят?

Он подавил вспышку безумия и пришел в себя, но хрупкость собственного рассудка хорошего настроения не добавляла. В Ямах он тоже был немного не в своем уме. Однажды, сидя в тишине и уставившись на текучий туман, из которого состояли стены пещеры, Кельсер осознал тайну, скрытую еще глубже.

Он был немного не в своем уме все время после Ям.

Отчасти поэтому он сначала не поверил, когда с ним кто-то заговорил.

– Такого я не ожидал.

Встряхнувшись, Кельсер с подозрением повернулся. Неужели галлюцинация? Если достаточно долго всматриваться в туман, можно увидеть все что угодно.

Однако перед ним оказалась не фигура из тумана, а парень с белоснежными волосами, угловатыми чертами лица и острым носом. Он показался Кельсеру смутно знакомым.

Парень сидел на полу, согнув ногу и уперев ладонь в колено. В руке – какая-то палка.

Стоп... нет, он сидел не на полу, а на предмете, который будто плавал в тумане. Белый, похожий на бревно предмет наполовину погрузился в туманный пол и покачивался, как корабль на воде. Палка в руке парня была коротким веслом, а вторая нога – та, что не задрана, – покоилась на бревне и смутно виднелась сквозь туман.

– Ты совсем не умеешь делать то, что от тебя ждут, – сказал парень.

– Ты кто такой? – Прищурившись, Кельсер шагнул к краю тюрьмы. Это не галлюцинация. Он отказывался верить, что его рассудок настолько плох. – Дух?

– Увы, смерть мне не идет. Портит цвет лица, знаешь ли.

Парень изучал Кельсера с понимающей улыбкой.

Кельсер сразу его возненавидел.

– Застрел тут? В тюрьме Ати... – Парень цокнул языком. – Подходящее возмездие за все, что ты натворил. Даже немного поэтично.

– И что же я натворил?

– Разрушил Ямы, мой покрытый шрамами друг, единственную перпендикулярность на планете, до которой можно было сравнительно легко добраться. А эта перпендикулярность очень опасная, с каждой минутой опасность возрастает, и ее трудно найти. По сути, ты покончил с перевозками через Скадриал. Обрушил целую торговую систему, хотя, признаться, вышло забавно.

– Кто ты? – спросил Кельсер.

– Я? Бродяга. Негодяй. Последнее дыхание пламени, сотворенное из тающего дыма.

– Какое-то... никчемное шутовство.

– В нем я тоже знаю толк. – Парень вскинул голову. – И даже очень, если честно.

– И ты утверждаешь, что не мертв?

– Будь я мертв, зачем мне это? – Бродяга пристукнул веслом по носу бревна-суденышка.

Оно покачнулось, и Кельсер наконец разобрал, что перед ним. Свесившиеся в туман руки, которые он не сразу заметил. Поникшая голова. Белый саван, скрывающий очертания.

– Труп, – прошептал он.

– О, Красавчик просто дух. В этом субстрале очень трудно передвигаться: любой в физической форме рискует провалиться в туман и падать, возможно, целую вечность. Так много мыслей сливаются в то, что ты видишь вокруг, и нужно что-нибудь понадежнее, чтобы тут путешествовать.

– Ужасно.

– Сказал мужик, который выстроил революцию на спинах мертвых. По крайней мере, я обошелся всего одним трупом.

Кельсер скрестил руки на груди. Парень оставался настороже: беззаботно разглагольствовал, но внимательно наблюдал за Кельсером и держался подальше, будто обдумывал нападение.

«Ему что-то нужно, – решил Кельсер. – Может, что-то от меня?» Нет, парень искренне удивился, когда обнаружил Кельсера. Он явился к Источнику. Хотел погрузиться в него, получить власть? Или просто взглянуть на существо в Запределье?

– Что ж, ты явно парень не промах, – сказал Кельсер. – Не поможешь ли мне выбраться из этой передраги?

– Увы, – ответил Бродяга. – Твое дело дрянь.

У Кельсера упало сердце.

– Да, ничего не поделаешь, – продолжил Бродяга. – От этой рожи тебе никуда не деться. На этой стороне у тебя проявились те же черты, а значит, даже твоя душа смирилась с тем, что ты выглядишь, как полный ур...

– Ублюдок, – перебил Кельсер. – На секунду я повелся.

– Вот уж явная ошибка. Полагаю, в этой комнате только один незаконнорожденный, и это не я. Разве что... – Бродяга постучал веслом по голове трупа. – Как насчет тебя, Красавчик?

Труп, как ни странно, что-то пробормотал.

– Родители в счастливом браке? Еще живы? Серьезно? Сочувствую их утрате. – Бродяга невинно улыбнулся Кельсеру. – У нас ублюдков нет. Что насчет тебя?

– Уж лучше быть ублюдком по рождению, чем по собственному выбору. Я признаю правду о себе, если ты сделаешь то же самое.

Бродяга усмехнулся, в глазах загорелся огонек.

– Недурно, недурно. Пока мы не ушли от темы, скажи-ка, кто ты: скаа благородных кровей или аристократ с интересами скаа? Какой половины в тебе больше, Выживший?

– В целом, – сухо ответил Кельсер, – мои знатные родственнички последние сорок лет пытались меня уничтожить, стало быть, больше склоняюсь к скаа.

– А-а-а. – Бродяга подался вперед. – Но я не спрашивал, кто тебе больше нравится. Я спросил, кто ты.

– Это важно?

– Это интересно. И этого мне достаточно.

Бродяга наклонился к труп и вытащил что-то у него из кармана – нечто сияющее. Кельсер не мог сказать, сияет оно само по себе или просто сделано из металла.

Сияние погасло, когда Бродяга приложил предмет к своему судну и, попытавшись за кашлем скрыть от Кельсера свои действия, украдкой приладил часть свечения к веслу. Когда он опустил весло в туман, судно приблизилось к Источнику.

– Есть ли способ вытащить меня из этой тюрьмы? – поинтересовался Кельсер.

– А если так: устроим состязание в оскорблениях, – предложил Бродяга. – Победитель получает право задать вопрос, а проигравший должен ответить чистую правду. Я начну. Что это: мокрое, уродливое и со шрамами на руках?

Кельсер вскинул бровь. Судя по тому, как Бродяга подгрел ближе к тюрьме, все его разглагольствования служили отвлекающим маневром. «Он собирается прыгнуть в Источник, – подумал Кельсер. – Хочет застать меня врасплох».

– Нет догадок? – спросил Бродяга. – Ответ – любой, кто проводит время с тобой, Кельсер, поскольку все кончится тем, что он вскрыет себе вены, врежет себе по морде и утопится, чтобы позабыть о встрече. Ха! Ладно, твоя очередь.

– Я тебя прикончу, – негромко пообещал Кельсер.

– Я... Постой, что?

– Если ступишь внутрь, – пояснил Кельсер, – я тебя прикончу. Перережу сухожилия на запястьях, и ты сможешь лишь беспомощно сучить руками, пока я придавлю твою глотку коленом и медленно выдавлю из тебя жизнь, при этом отрезая один палец за другим. Напоследок я позволю тебе сделать единственный отчаянный вздох, но прежде засуну твой средний палец тебе в рот, чтобы ты проглотил его вместе с воздухом. Ты умрешь с осознанием того, что подавился своей же гнилой плотью.

Бродяга изумленно разевал рот, но не издавал ни звука.

– Мне... – наконец выговорил он. – Мне кажется, ты не понимаешь, как играть в эту игру.

Кельсер пожал плечами.

– Seriously, дружище, тебе нужна помощь. Я знаю одного парня. Высокий, лысый, носит кучу серег. Поговори с ним в следующую...

Бродяга оборвал фразу на полуслове, прыгнул к тюрьме Кельсера, оттолкнувшись от плавучего трупа, и бросился к свету.

Кельсер был начеку. Как только Бродяга ступил в свет, он схватил его одной рукой и толкнул к стенке бассейна. Прием сработал, Бродяга врезался в стену, расплескав свет. Похоже, внутри Источника он мог прикасаться к стенкам и полу.

Пока Бродяга, спотыкаясь, вставал, Кельсер попытался ударить его по голове, однако тот оперся о стенку бассейна и пнул Кельсера, сбив с ног.

Подняв брызги света, Кельсер рефлекторно попытался поджечь металлы. Ничего не произошло, хотя в свете ему почудилось что-то знакомое...

Ему удалось подняться на ноги и перехватить Бродягу, когда тот бросился в самое глубокое место в центре. Кельсер схватил его за руку и отпихнул в сторону. Чего бы ни хотел этот парень, инстинкты вопили о том, что нужно ему помешать. Кроме того, у Кельсера не было в запасе ничего, кроме Источника. Если удастся удержать Бродягу, укротить его, то, возможно, он получит ответы.

Бродяга споткнулся и ринулся вперед, пытаясь схватить Кельсера.

В свою очередь, Кельсер развернулся и двинул соперника кулаком в живот. Драка его взбудоражила. Он столько просидел сложа руки, что теперь был рад любому действию.

Бродяга охнул и пробормотал:

– Ну ладно.

Убедившись, что крепко стоит на ногах, Кельсер сжал кулаки и провел серию быстрых ударов по лицу Бродяги, рассчитывая его ошеломить.

Отступив – не желая чересчур увлекаться и серьезно навредить противнику – Кельсер обнаружил, что Бродяга улыбается.

Плохой знак.

Каким-то образом Бродяга быстро пришел в себя после ударов. Прыгнув вперед, он уклонился от кулака Кельсера, поднырнул и двинул его по почкам.

Кельсера пронзила боль. Тела у него не было, но, судя по всему, боль дух мог чувствовать. Застонав, он прикрыл лицо руками и отступил в жидкий свет. Бродяга атаковал, безжалостно обрушив на Кельсера кулаки и не заботясь о том, что может причинить себе вред.

К земле, подсказали инстинкты. Кельсер опустил одну руку и попытался схватить Бродягу за плечо, чтобы вместе погрузиться в свет и бороться с ним там.

К несчастью, Бродяга отреагировал молниеносно. Он увернулся и снова сбил Кельсера с ног, потом схватил за горло и принялся колошматить о дно бассейна там, где помельче. Свет разреженнее воды, но и в нем можно было задохнуться.

Наконец Бродяга вытащил обмякшего Кельсера. Глаза у него сияли.

– Неприятно, но удовольствие я получил, – сказал он. – Видимо, если ты уже мертв, то я могу причинить тебе вред.

Кельсер попытался схватить Бродягу за руку, но тот еще раз макнул его в свет.

– Прости за грубое обращение, Выживший, – продолжал Бродяга. – Но тебя здесь быть не должно. Ты совершил, что мне нужно, но ты темная лошадка, и разбираться с тобой сейчас я не хочу. – Он помолчал. – Если тебя это утешит, можешь гордиться: на меня уже сотни лет никто не нападал.

Он отпустил Кельсера. Тот обмяк и привалился к стенке своей тюрьмы, наполовину погрузившись в свет. Потом, зарывав, попытался броситься на Бродягу.

Вздыхнув, Бродяга стал методично бить его по ноге. Заорав от боли, Кельсер схватился за ногу. От таких ударов кость уже должна была треснуть, и хотя этого не случилось, боль казалась невыносимой.

– Это урок, – сказал Бродяга, но Кельсер еле слышал его сквозь боль. – Но не о том, о чем ты, наверно, подумал. Тела у тебя нет, а вредить твоей душе я, в общем, желания не испытываю. Эта боль вызвана твоим разумом: он просчитывает, что должно произойти, и реагирует. – Он помедлил. – Я не стану заставлять тебя давиться собственной плотью.

Бродяга пошел к центру бассейна. Кельсер наблюдал сквозь боль, как тот развел руки в стороны, закрыл глаза и, шагнув в самую глубину, исчез в свете.

Миг спустя он выбрался из бассейна, но на этот раз его фигура была туманной, сияющей изнутри, словно... он находился в мире живых.

Этот бассейн позволил Бродяге перейти из мира мертвых в мир настоящий. Ахнув, Кельсер проследил за ним взглядом: тот миновал колонны и остановился на другом конце пещеры. Там все так же сияли два крошечных зернышка металла.

Бродяга подобрал один из них, подбросил и поймал. В этом движении чувствовался триумф.

Кельсер закрыл глаза и сосредоточился. Боли нет. Нога на самом деле не болит. Сосредоточиться.

Ему удалось немного приглушить боль. Он сел прямо, всколыхнув доходящий до груди свет. Сделал вдох и выдох, хотя и не нуждался в воздухе.

Проклятье. Первый же человек, которого он встретил за долгие месяцы, избил его, а потом что-то украл из пещеры по ту сторону тюрьмы. Кельсер не знал, что и зачем, или даже как Бродяге удалось проскользнуть из одного мира в другой.

Кельсер пополз к центру бассейна, на глубину. Нога еще ныла, но он встал и развел руки в стороны. Сосредоточился, пытаюсь...

Что? Осуществить переход? Но что с ним станет?

Не важно. Он расстроился, его унизили. Нужно доказать самому себе, что он еще на что-то годится.

Ничего не вышло. Ни сосредоточенность, ни визуализация, ни напряжение мышц не помогли ему осуществить то, что удалось Бродяге. Он вылез из бассейна, измотанный и пристыженный, и устроился на кромке.

– Чем ты тут занимался? – спросил Мутный. Кельсер заметил его, только когда тот заговорил.

Кельсер обернулся. В последние дни Мутный посещал его редко и всегда появлялся без предупреждения. Если он говорил, то часто нес какой-то бред.

– Здесь кое-кто побывал, – ответил Кельсер. – Парень с белыми волосами. Он использовал Источник, чтобы перейти из мира мертвых в мир живых.

– Понятно, – тихо сказал Мутный. – Так он осмелился? Опасно, когда Разрушитель рвется из своих пут. Но если кто и пойдет на такое безрассудство, так это Цефандриус.

– Кажется, он что-то украл с другого конца пещеры, – добавил Кельсер. – Зернышко металла.

– А-а-а... – протянул Мутный. – А я-то думал, он перестанет вмешиваться после того, как отверг всех нас. Пора уже усвоить, что нельзя верить в его непричастность. В половине случаев нельзя верить даже его прямым обещаниям...

– Кто он такой?

– Старый друг. И прежде чем ты спросишь – нет, у тебя не выйдет совершить переход между реальностями. Твои связи с физической реальностью разорваны. Ты как воздушный змей без веревки, что связывает его с землей. И не сможешь воспользоваться перпендикулярностью.

Кельсер вздохнул.

– Тогда почему он смог заявиться в мир мертвых?

– Это не мир мертвых. Это мир разума. Люди, да и вообще все сущее, подобны лучу света. Пол, куда падает этот свет, – это физическая реальность. Солнце, от которого он исходит, – это духовная реальность. Эта реальность – когнитивная – пространство между ними, через которое тянется этот луч.

Кельсер мало что понял в метафоре. «Всем им ведомо так много, а мне так мало», – подумал он.

Хорошо хоть Мутный сегодня лучше изъясняется. Кельсер улыбнулся богу и оцепенел, когда тот повернул голову.

У Мутного отсутствовала половина лица. Вся левая сторона исчезла. Ни раны, ни черепа. Из оставшейся половины вытекали струйки тумана. Он улыбнулся в ответ половиной губ, как будто все было в порядке.

– Он украл частицу моей сути – чистую, дистиллированную, – объяснил Мутный. – Это инвестиция, она сделает любого человека алломантом.

– Твое... лицо, Мутный...

– Ати хочет покончить со мной. На самом деле он давно вонзил нож мне в спину. Я уже мертв.

Мутный снова улыбнулся – лицо исказилось в ужасной гримасе – и исчез.

Выжатый до предела, Кельсер опустился на камни у бассейна. Они и правда казались настоящими, все остальное было из мягкого тумана.

Он терпеть не мог неведение. Словно все понимают шутку, а он посмешище. Кельсер уставился в потолок, купаясь в мерцающем свечении Источника. В конце концов он принял решение.

Он найдет ответы.

В Ямах Хатсина он пробудился ради цели и задумал уничтожить Вседержителя. И он пробудится вновь. Кельсер встал и, воодушевленный, шагнул в свет. Противостояние богов было важным, существо в Источнике – опасным. Все гораздо сложнее, чем он всегда думал, и поэтому у него есть повод жить.

И что, возможно, важнее, повод оставаться в здравом уме.

2

Кельсер больше не волновался, что может сойти с ума или заскучать. Каждый раз, когда накатывала усталость от тюрьмы, он напоминал себе о том унижении, что испытал от рук Бродяги. Да, он заперт в пространстве пяти футов в поперечнике, но ему есть чем заняться.

Для начала Кельсер вернулся к изучению существа в Запределье. Он заставлял себя нырять в свет, чтобы представлять перед его непостижимым взором, и делал это до тех пор, пока смог смотреть на него, не дрогнув, когда оно обращало на него свое внимание.

Разрушитель. Подходящее имя для этого бесконечного ощущения разложения, распада и уничтожения.

Он продолжал следовать пульсации Источника. Эти путешествия давали ему скрытые подсказки к мотивам и замыслам Разрушителя. В том, как и что тот менял, Кельсер ощутил знакомый подход: судя по всему, Разрушитель делал то же, что когда-то Кельсер – использовал религию в своих целях. Разрушитель манипулировал сердцами людей, внося изменения в предания и книги.

Это ужаснуло Кельсера. Пока он наблюдал за миром при помощи пульсации, его намерения изменились. Нужно было не просто понять это существо, но и побороть его. Эта чудовищная сила, если сможет, уничтожит все сущее.

И поэтому он отчаянно пытался понять увиденное. Зачем Разрушитель изменил древние террисийские пророчества? Что Бродяга, которого Кельсер

изредка видел в волнах, делал в Террисийском доминионе? Кто этот таинственный рожденный туманом, за которым так пристально наблюдает Разрушитель, и опасен ли он для Вин?

Путешествуя с волнами, Кельсер жадно высматривал тех, кого знал и любил. Разрушителя крайне интересовала Вин, и многие волны приводили либо к ней, либо к ее возлюбленному, Эленду Венчеру.

Накопившиеся подсказки тревожили Кельсера: армия вокруг Лютадели, город по-прежнему объят хаосом. И, как это ни неприятно, похоже, мальчишка Венчер стал королем. Осознав это, Кельсер так разозлился, что много дней держался от пульсации подальше.

Они взяли и поставили над собой аристократа.

Да, Кельсер спас этого человека от смерти. Вопреки здравому смыслу спас мужчину, которого любила Вин. Спас из любви к ней, возможно, из искаженного чувства отцовского долга. По сравнению с остальной знатью мальчишка Венчер не так уж плох. Но посадить его на трон? Похоже, даже Докс прислушивается к Венчеру. Бриз всегда держал нос по ветру, но Доксон?

Кельсер кипел от злости, но нельзя было долго просиживать на месте. Он жаждал видеть друзей хотя бы мельком. Это были мимолетные вспышки – моргнешь и нет их, – но он цеплялся за них, они напоминали, что за пределами тюрьмы жизнь продолжается.

Иногда он видел еще одного человека – своего брата Марша.

Марш выжил. Это открытие обрадовало Кельсера. К несчастью, открытие оказалось с гнильцой: Марш стал инквизитором.

Их отношения трудно было назвать семейными. Они выбрали разные пути в жизни, но причиной отчужденности стало не это – и даже не суровый нрав Марша, вступавший в противоречие с бойкостью Кельсера, и не его негласная зависть к тому, чего добился Кельсер.

Нет, все дело в том, что их вырастили с мыслью: в любой момент за ними могут явиться инквизиторы и убить за то, что они полукровки. Они по-разному приспособились к тому, что всю жизнь над ними, в сущности, висел смертный приговор: Марш был постоянно напряжен и осторожен, Кельсер прятал свои секреты за агрессивной самоуверенностью.

Оба знали неотвратимую правду: если одного брата поймают, в другом разоблачат полукровку и, скорее всего, тоже убьют. Других братьев и сестер подобное положение вещей, возможно, сплотило бы. К своему стыду, Кельсер признавал, что между ним и Маршем вбит клин. Каждое пожелание «Береги себя» или «Будь осторожен» скрывало в себе подтекст: «Не облажайся, или меня убьют». После смерти родителей оба испытали огромное облегчение, договорившись отказаться от притворства и уйти в подполье.

Временами Кельсер представлял, как все могло обернуться. Смогли бы они полностью влиться в высшее общество и стать его частью? Смог бы он пересилить свое отвращение к знати и их образу жизни?

Так или иначе, общение с Маршем никогда не приносило ему удовольствия. Слово «удовольствие» ассоциировалось с прогулками по парку и поеданием пирожных. Можно получать удовольствие от любимой книги. Нет, общение с Маршем не приносило Кельсеру удовольствия, но, как ни странно, он его до сих пор

любил. Сперва он обрадовался, что брат жив, но, наверное, лучше смерть, чем подобная судьба.

Спустя несколько недель Кельсер понял, почему Разрушитель так интересуется Маршем. Судя по проблескам и впечатлению, которое у него сложилось от слов в волнах, Разрушитель мог говорить с Маршем – с ним и другими инквизиторами.

Как? Почему инквизиторы? Кельсер не нашел ответа в видениях, хотя и стал свидетелем важного события.

Существо по имени Разрушитель набирало силу и преследовало Вин и Эленда. Кельсер отчетливо видел это, путешествуя с волнами: мальчишка Эленд Венчер спит в палатке; сила Разрушителя сгущается, формируется в фигуру, злую и опасную; ждет, пока зайдет Вин, и пытается заколоть Эленда.

Последнее, что он увидел перед тем, как упустил волну: Вин отбивает удар и спасает Эленда. Кельсер пришел в замешательство. Разрушитель намеренно ждал, пока Вин вернется в палатку.

На самом деле он не собирался причинять вред Эленду, просто хотел, чтобы Вин так решила.

Зачем?

3

– Это пробка, – сказал Кельсер.

Мутный – Охранитель, как он предложил себя называть, – сидел по ту сторону тюрьмы. У него по-прежнему отсутствовала половина лица, из остальных частей тела вытекало все больше тумана.

Последнее время бог чаще приходил к Источнику, за что Кельсер был благодарен – он упражнялся в вытягивании информации из этого существа.

– Гм-м-м? – вопросительно хмыкнул Охранитель.

– Этот Источник. – Кельсер обвел бассейн рукой. – Он как пробка. Ты создал тюрьму для Разрушителя, но даже в самой укрепленной норе есть вход. Это и есть тот самый вход, запечатанный твоей силой, чтобы сдержать его, так как вы – две противоположности.

– Это... – начал Охранитель и осекся.

– Это? – подтолкнул Кельсер.

– Это в корне неверно.

«Проклятье», – подумал Кельсер. На эту теорию он потратил несколько недель.

Ему казалось, что медлить больше нельзя. Пульсация Источника нарастала, становилась требовательнее, Разрушитель все яростнее стремился повлиять на мир. В последнее время свет Источника вел себя иначе, будто сгущаясь, уплотняясь. Что-то назревало.

– Мы боги, Кельсер. – Голос Охранителя то стихал, то становился громче, то снова стихал. – Нами пропитано все. Камни – это я. Люди – это я. Но и он тоже. Все продолжает существовать, но увядает. Разрушение... и охранение...

– Ты сказал, что это твоя сила. – Кельсер снова указал на Источник, возвращая разговор к нужной теме. – Что она собирается здесь.

– Да, как и везде. Но и здесь тоже. В этом месте моя сила собирается подобно росе. Это естественно, как в круговороте: облака, дождь, река, испарения. Нельзя вложить в систему столько своей сущности без того, чтобы она не сгущалась то здесь, то там.

Прекрасно. И бесполезно. Кельсер попытался развить тему, но Мутный погрузился в молчание, и пришлось действовать по-другому. Нужно было, чтобы Охранитель продолжал говорить и не впадал в очередной безмолвный ступор.

– Ты боишься? – спросил Кельсер. – Боишься, что Разрушитель убьет тебя, если освободится?

– Ха, – ответил Охранитель. – Я же тебе сказал, он убил меня давным-давно.

– Как-то с трудом верится.

– Отчего же?

– Потому что я сижу здесь и разговариваю с тобой.

– Я тоже разговариваю с тобой. И что, ты жив?

Хороший аргумент.

– Смерть такого, как я, не похожа на смерть таких, как ты. – Охранитель снова уставился в никуда. – Меня убили давно, когда я решил нарушить наш договор. Но сила, которая во мне... она сохраняется и помнит. Она хочет жить сама по себе. Я умер, но часть меня осталась. И этой части достаточно, чтобы знать, что... был план...

Выведывать этот план было бесполезно. Что бы там ни придумал Охранитель, он все позабыл.

– Значит, это не пробка, – сказал Кельсер. – Что тогда?

Охранитель не ответил. Казалось, он даже не услышал.

– Ты мне как-то сказал, что сила существует, чтобы ее использовали, – продолжал Кельсер, повысив голос. – Ей нужно, чтобы ее использовали. Почему?

И снова нет ответа. Нужно попробовать другую тактику.

– Я снова взглянул на него – твою противоположность.

Охранитель выпрямился, обратив на Кельсера свой неизбывный половинчатый взор. Упоминание о Разрушителе часто выводило его из ступора.

– Он опасен, – сказал Охранитель. – Держись от него подальше. Моя сила защищает тебя. Не дразни его.

– Почему? Он заперт.

– Ничто не вечно, даже само время. Я не столько запер его, сколько задержал.

– А сила?

– Да... – кивнул Охранитель.

– Что «да»?

– Да, он воспользуется ею. Я понял. – Охранитель будто осознал, а может, просто вспомнил нечто важное. – Моя сила создала его тюрьму. Моя сила может ее отпереть. Но как ему найти того, кто это сделает? Кто, обретя силы созидания, откажется от них...

– И... нам такого не надо, – закончил Кельсер.

– Не надо. Это его освободит!

– А как было в прошлый раз?

– В прошлый раз... – Охранитель моргнул, его разум словно прояснился. – Да, в прошлый раз – Вседержитель. В прошлый раз я справился. Я поставил ее в такое

положение, чтобы все получилось, но я слышу ее мысли... Он поработал над ней... Так ее запутал...

– Мутный? – с сомнением позвал Кельсер.

– Я должен ее остановить. Кто-нибудь... – Его взгляд расфокусировался.

– Что ты делаешь?

– Тихо. – В голосе Мутного вдруг прорезались властные нотки. – Я пытаюсь остановить это.

Кельсер огляделся по сторонам, но кроме них больше никого не было.

– Кого?

– Ты же не думаешь, что тот я, которого ты здесь видишь, это весь я? Я везде.

– Но...

– Тихо!

Кельсер закрыл рот, отчасти потому, что обрадовался такой силе в божестве после столь долгого бездействия. Однако спустя некоторое время тот спик.

– Бесполезно, – пробормотал Мутный. – Его инструменты сильнее.

– Так насчет прошлого раза... – Кельсер решил проверить, не заткнут ли его снова. – Рашек воспользовался силой, вместо того чтобы?.. Отказаться от нее?

Мутный кивнул.

– Аленди поступил бы правильно, как он это понимал. Откажись от силы – и это освободит Разрушителя. Отказаться от силы – все равно что вручить ее ему. Силы истолкуют это так, что я его освободил. Особенно моя сила, принимая его возвращение в мир.

– Отлично, – подытожил Кельсер. – Значит, нам нужна жертва. Кто-то должен вобрать в себя силы вечности и воспользоваться ими по собственному желанию вместо того, чтобы отказаться от них. Что ж, я идеальный кандидат. Как мне это сделать?

Охранитель оглядел его. От прежней мощи не осталось и следа. Он угасал, терял человеческие качества. Например, больше не моргал и не притворялся, что делает вдох перед тем, как что-то сказать. Мог совсем не двигаться, напоминая безжизненный железный прут.

– Ты, – наконец произнес Охранитель. – Воспользуешься моей силой. Ты.

– Против Вседержителя ты ничего не имел.

– Он пытался спасти мир.

– Как и я.

– Ты пытался спасти людей с горящего судна, решив его потопить, и заявлял, что они хотя бы не сгорят заживо. – Бог помедлил. – Снова хочешь меня ударить?

– Мне до тебя не дотянуться, Мутный. Сила. Как мне ей воспользоваться?

– Никак. Эта сила – часть тюрьмы. Ты слил свою душу с Источником, Кельсер. У тебя все равно не получится ее удержать. Твоя связь со мной недостаточно сильная.

Кельсер присел, чтобы обо всем поразмыслить, но не успел погрузиться в раздумья, как заметил нечто странное. Какие-то фигуры снаружи тюрьмы? Да, так и есть. Живые люди, судя по сиянию душ. Снова явились инквизиторы выбросить труп? Давненько он их не видел.

Два человека прокрались в коридор и направились к Источнику мимо рядов колонн, представавших для Кельсера иллюзорным туманом.

– А вот и они, – сказал Охранитель.

– Кто? – Кельсер прищурился: из-за сияния было трудно рассмотреть черты лиц. – Неужели это...

Вин.

– Что такое? – спросил Охранитель, заметив потрясение Кельсера. – Ты думал, я ждал здесь просто так? Это случится сегодня. Источник Вознесения наполнен. Время пришло.

Вин пришла вместе с мальчишкой, Элендом Венчером. К собственному удивлению, Кельсер даже не разозлился. Да, команде стоило поступить осмотрительнее и не ставить у власти аристократа, но Эленд тут ни при чем. Он всегда был слишком несведущим, чтобы представлять опасность.

К тому же, несмотря на свое сомнительное аристократическое происхождение, мальчишка остался с Вин.

Кельсер скрестил руки на груди, наблюдая, как Венчер опустился на колени у бассейна.

– Если он хоть пальцем до него дотронется, я ему врежу.

– Не дотронется, – сказал Охранитель. – Источник для нее. Он это знает. Я ее готовил. По крайней мере, пытался.

Вин повернулась. Казалось, она смотрит на бога. Да, она его видела. Можно это использовать?

– Пытался? – переспросил Кельсер. – Ты объяснил, что ей нужно сделать? Разрушитель наблюдал за ней, воздействовал на нее. Я видел, как он это делает. Он пытался убить Эленда.

– Нет, – обеспокоенно ответил Мутный. – Он изображал меня. Принял мой облик и попытался убить мальчика. Не потому, что хотел его смерти, а чтобы она мне не доверяла, думала, что я ее враг. Но неужели она не видит разницы? Между его ненавистью и разрушением и моим миролюбием. Я не умею убивать. И никогда не умел...

– Поговори с ней! – воскликнул Кельсер. – Объясни, что ей нужно сделать, Мутный!

– Я... – Охранитель потряс головой. – Я не могу до нее достучаться, не могу с ней поговорить. Я слышу ее мысли, Кельсер. Там его ложь. Она не верит мне, думает, что должна отказаться от силы. Я пытался это остановить. Оставил ей подсказки, потом попробовал остановить ее при помощи другого человека. Но... у меня... ничего не вышло.

«О, проклятье, – подумал Кельсер. – Нужен план. Немедленно».

Вин собиралась отказаться от силы. Освободить Разрушителя. Даже без разъяснений Охранителя понятно, как она поступит. Она всегда была лучше Кельсера и никогда не считала, что заслуживает полученных наград. Она вберет в себя силу и решит, что должна отказаться от нее во имя высшего блага.

Но как это изменить? Если Охранитель не может с ней говорить, что тогда?

Эленд поднялся и шагнул к Охранителю. Да, мальчишка тоже его видел.

– Ей нужна мотивация. – В голове Кельсера вспыхнула идея. Разрушитель пытался заколоть Эленда, напугать ее.

Идея была верной, просто он зашел недостаточно далеко.

– Заколи его, – сказал Кельсер.

– Что? – изумился Охранитель.

Натянув свои оковы до предела, Кельсер вырвался на несколько шагов из тюрьмы к стоящему снаружи Мутному.

– Заколи его, – повторил Кельсер. – У тебя на поясе нож. Они тебя видят, и ты можешь воздействовать на их мир. Заколи Эленда Венчера. Дай ей повод воспользоваться силой. Она захочет его спасти.

– Я – Охранитель. Нож... я не обнажал его тысячелетиями. Ты предлагаешь мне поступить так же, как он, когда притворился мной! Это ужасно!

– Ты должен! – воскликнул Кельсер.

– Я не могу... я... – Дрожащей рукой Мутный потянулся к поясу, вытащил нож. Глянул на блестящее лезвие, прошептал: – Старый друг...

Посмотрел на Эленда, тот кивнул. Охранитель занес нож.

И замер.

Уцелевшая половина его лица исказилась гримасой боли.

– Нет... – прошептал он. – Я Охранитель...

«Он не решится, – понял Кельсер, пока Эленд подбадривал Вин. – Не сможет».

Оставалось только одно.

– Прости, дитя, – сказал Кельсер.

Он схватил дрожащую руку Охранителя и направил ее в живот мальчишки Венчера.

Чувство было такое, будто он заколол сам себя, – не из-за Венчера, а потому что знал, как это отразится на Вин. У него упало сердце, когда она, разрыдавшись, бросилась к возлюбленному.

Что ж, однажды Кельсер спас ему жизнь, так что теперь они в расчете. К тому же она вытащит его из лап смерти. Она спасет Эленда. Она его любит.

Сделав шаг назад, Кельсер вернулся в свою тюрьму. Отшатнувшись от павшего, Охранитель потрясенно пялился на собственную руку.

– Рана в живот, – прошептал Кельсер. – Он умрет не сразу, Вин. Бери силу. Вот же она. Используй ее.

Вин баюкала Венчера. Кельсер с тревогой выжидал. Если она ступит в бассейн, увидит ли Кельсера? Она станет такой же богоподобной, как Охранитель. Или сначала ей нужно воспользоваться силой?

Освободится ли тогда Кельсер? У него не было ответов, только уверенность: ни в коем случае нельзя позволить существу из Запределья сбежать. Он повернулся.

И поразился, обнаружив его рядом. Чувствовалось, как бесконечная тьма давит на мир. Это была не малоубедительная имитация Охранителя, как раньше, а вся безграничная сила целиком. Она не сосредоточилась в определенном месте, но нависла над реальностью и наблюдала с неподдельным интересом.

К своему ужасу, Кельсер увидел, как существо, изменившись, выметнуло шипы, похожие на длинные паучьи лапы. На остриях, как марионетка, болталась человекоподобная фигура.

«Вин... – прошептало оно. – Вин...»

Убитая горем, Вин посмотрела на бассейн и оставила Венчера. Не увидев Кельсера, вошла в Источник, остановилась в самом глубоком месте, затем медленно погрузилась в свет. В последний миг она выдернула из уха нечто сияющее и отшвырнула прочь – кусочек металла. Ее сережка?

Полностью окунувшись, Вин не появилась на этой стороне. Вместо этого разразилась буря. Кельсера окружил столп света, он различал лишь чистую энергию – внезапный прилив, взрыв, стремительный рассвет. Энергия была повсюду, активная, возбужденная.

«Ты не должна этого делать, дитя», – сказал Разрушитель через свою марионетку.

Как он мог говорить таким успокаивающим тоном? Кельсер видел за марионеткой силу, разрушение, но лицо, которое выбрал Разрушитель, было таким добрым.

«Ты знаешь, что ты должна делать».

– Не слушай его, Вин! – заорал Кельсер, но его голос потонул в реве силы. Он кричал и ругался, пока Разрушитель обманывал Вин, говорил, что если она примет силу, то уничтожит мир. Кельсер продирался сквозь свет, пытаясь отыскать Вин, схватить ее и все объяснить.

Ничего не вышло. Совсем ничего. Не получилось ни докричаться до Вин, ни коснуться. Он не мог ничего поделать. Даже его импровизированный план заколоть Эленда был глупым, поскольку она высвободила силу. Рыдающая, убитая горем, она совершила самый бескорыстный поступок, какой он видел в жизни.

И тем самым обрекла их всех.

Освободившись, сила превратилась в оружие – копьё – и проделала брешь в реальности, открыв путь к тому месту, где поджидал Разрушитель.

И через эту брешь Разрушитель вырвался на свободу.

4

Кельсер сидел на краю пустого Источника Вознесения. Свет исчез, а вместе с ним и тюрьма. Можно уйти.

Его больше не затягивало, и он не таял. Видимо, временно побыв частью силы Охранителя, душа Кельсера расширилась, и он теперь мог задержаться на этой стороне. Хотя, если честно, в тот миг ему хотелось исчезнуть.

Вин – сияющая в глазах Кельсера – лежала рядом с Элендом Венчером, обнимая его и плача, пока слабела пульсация его души. Кельсер встал и отвернулся. При всей своей находчивости он умудрился умереть и разбить девичье сердце.

«Должно быть, я самый умный идиот в округе», – подумал Кельсер.

– Это должно было случиться, – сказал Охранитель. – Я думал... может...

Краем глаза Кельсер увидел, как Мутный подошел к Вин и посмотрел на умирающего Венчера.

– Я могу его охранить, – прошептал Охранитель.

Кельсер развернулся. Охранитель пытался привлечь внимание Вин. Она вскочила на ноги и сделала пару шагов за богом к чему-то, что обронил Эленд, – зернышко металла. Откуда оно взялось?

«Венчер прихватил его, когда вошел», – подумал Кельсер. Это было последнее зернышко металла с другого конца пещеры, близнец украденного Бродягой. Кельсер шагнул ближе, когда Вин подобрала его, такое крошечное, вернулась к Эленду и заставила его проглотить, дав запить из флакона.

Душа и металл слились воедино. Свет Эленда усилился, засиял ярче. Кельсер закрыл глаза, охваченный звенящим облегчением.

– Молодец, Мутный. – Кельсер открыл глаза и улыбнулся подошедшему Охранителю. В позе Вин читалась невероятная радость. – Я готов поверить, что ты великодушный бог.

– Ударить его ножом было опасно, мучительно, – отозвался Охранитель. – Я не могу смириться с таким безрассудством. Но, возможно, это правильный поступок, что бы я ни чувствовал.

– Разрушитель свободен. – Кельсер поднял голову кверху. – Это существо сбежало.

– Да. К счастью, перед тем как умереть, я привел план в действие. Не могу его вспомнить, но он наверняка блестящий.

– Знаешь, я частенько твердил себе то же самое после ночной попойки. – Кельсер почесал подбородок. – Я тоже свободен.

– Да.

– Самое время пошутить, что ты не уверен, кого было опаснее выпускать – меня или другого бога.

– Нет, я знаю, кто из вас опаснее.

– Шутник из тебя так себе.

– Хотя... – произнес Охранитель, – трудно сказать, кто из вас больше раздражает.

Он улыбнулся. Не самое приятное зрелище, когда нет половины лица и начинает истаивать шея. Это напоминало счастливый лай искалеченного щенка.

Кельсер хлопнул его по плечу.

– Мы еще сделаем из тебя надежного члена команды, Мутный. А пока я хочу убраться из этой пещеры.

Часть 3. Дух

1

Кельсеру очень хотелось выпить. Что делают, выйдя из тюрьмы? Наслаждаются свободой, сдаваясь на милость какому-нибудь пойлу и ужасной головной боли?

При жизни он старался избегать подобного легкомыслия. Ему нравилось управлять ситуацией, а не наоборот, однако глупо отрицать: отчаянно хотелось приложиться к выпивке, чтобы приглушить переживания от последних событий.

Какая ужасная несправедливость: тела нет, а жажда все равно осталась.

Миновав туманные туннели, Кельсер выбрался из пещер, окружающих Источник Вознесения. Как и прежде, прикасаясь к предмету, он понимал, как тот выглядит в реальном мире.

Кельсер твердо шагнул по изменчивой земле; она пружинила под ногами, как полотно, но выдерживала его вес, пока он не наступал с силой – тогда нога увязала, будто в густой грязи. При желании он даже мог проходить сквозь стены, но это давалось труднее, чем во время пробежки к Источнику, когда он умирал.

Выбравшись из пещер, Кельсер очутился в подвале Кредикской Роши, дворца Вседержителя. Ориентироваться здесь оказалось еще проще, чем обычно, поскольку все было соткано из тумана. Чтобы лучше представлять окружающее, Кельсер касался предметов, мимо которых проходил: ваза, ковер, дверь.

На улицы Лютадели Кельсер наконец вышел свободным человеком, пусть и мертвым. Некоторое время он просто бродил по городу. Накатило такое облегчение, что почти удалось заглушить страх от побега Разрушителя.

Так он и провел весь день: сидел на крышах, прогуливался мимо фонтанов, любовался городом, испещренным светящимся металлом. Словно огоньки в тумане ночи. В конце концов он оказался на городской стене, наблюдая за колоссами: они разбили лагерь за пределами города и, как ни странно, никого не убивали.

Нужно проверить, нельзя ли связаться с друзьями. К несчастью, без направляющей пульсации, которая прекратилась с побегом Разрушителя, Кельсер не знал, где их искать. Спеша покинуть пещеры, он потерял Вин и Эленда, но кое-что запомнил из путешествий с волнами и теперь наметил несколько мест для поиска.

На следующий день после катастрофы у Источника Вознесения он отыскивал свою команду в крепости Венчер. Друзья готовились к похоронам. Кельсер прошелся по двору среди душ, сияющих подобно прожекторам. Касаясь, они передавали ему представление о своей внешности. Многих он узнал: скаа, с которыми он общался, воодушевленные в последние месяцы его жизни. Другие были ему незнакомы. Тревожило количество солдат, ранее служивших Вседержителю.

Вин, сгорбившись, сидела на ступенях крепости Венчер. Эленда видно не было, но рядом, скрестив руки на груди, стоял Хэм. Во дворе кто-то, жестикулируя, выступал перед группой людей. Дему? Ведет похоронную службу? Во дворе явно лежали трупы, их души уже не сияли. Кельсер не слышал, что говорит Дему, но все было понятно без слов.

Кельсер уселся на ступеньках рядом с Вин, сцепив руки.

– Итак... вышло неплохо.

Вин, разумеется, не ответила.

– Я имею в виду, да, в итоге мы выпустили силу, несущую конец света, разрушение и хаос, но, по крайней мере, Вседержитель мертв. Задача выполнена. Плюс, твой аристократ-ухажер по-прежнему с тобой. Не переживай насчет шрама у него на брюхе. С ним он выглядит мужественнее. Туман свидетель, этому книжному червю не помешает слегка закалить характер.

Вин не шевелилась, сидела все так же сникнув. Кельсер обнял ее за плечи одной рукой и уловил ее образ в реальном мире – полная красок и жизни, но при этом... закаленная. Теперь она казалась намного старше, больше не тот ребенок, что дурил поручителей, когда ее нашел Кельсер.

Он наклонился к ней:

– Я с ним разберусь, Вин. Позабочусь обо всем.

– И как ты этого добьешься? – донесся со двора голос Охранителя.

Кельсер поднял голову. Он был готов к тому, что увидит, но все равно вздрогнул, когда понял, во что превратился Охранитель: тот едва сохранял человекоподобную форму и больше походил на тающий пучок дымных прядей со смутно очерченными головой, руками и ногами.

– Он на свободе, – сказал Охранитель. – Все. Время вышло. Соглашение истекло. Он возьмет то, что ему обещано.

– Мы его остановим.

– Остановим? Он сила энтропии, универсальная константа. Остановить его – все равно что остановить время.

Кельсер поднялся и, оставив Вин, спустился по ступенькам к Охранителю. Жаль, не слышно, что Дему говорит этой группе сияющих душ.

– Если его нельзя остановить, – сказал Кельсер, – тогда мы его замедлим. Ты ведь уже так делал? Твой великий план?

– Я... – проговорил Охранитель. – Да... был план...

– Я теперь на свободе и могу помочь тебе его осуществить.

– На свободе? – рассмеялся Охранитель. – Нет, просто теперь у тебя тюрьма побольше. Ты привязан к этой реальности и ничего не можешь сделать. И я не могу.

– Что...

– Знаешь, он за нами наблюдает. – Охранитель поднял голову к небу.

Кельсер неохотно проследил за его взглядом. Затянутое текучим туманом небо казалось очень далеким. Такое чувство, будто оно отшатнулось от планеты, как толпа шарахается от трупа. В этой необъятности Кельсер увидел нечто темное, вздувшееся, перекрученное. Более плотное, чем туман, похожее на океан змей, затмевающих крохотное солнце.

Он знал, что это за необъятность. Разрушитель и в самом деле наблюдал.

– Он считает тебя ничтожеством, – сказал Охранитель. – Думаю, даже находит тебя забавным. Душа Ати, которая все еще где-то здесь, посмеялась бы над этим.

– У него есть душа?

Охранитель не ответил. Кельсер шагнул к нему мимо лежащих на земле туманных трупов.

– Если он живой, – сказал Кельсер, – то его можно убить. Неважно, сколько у него могущества.

«Ты тому доказательство, Мутный. Он тебя убивает».

Охранитель разразился резким, лающим смехом.

– Ты все время забываешь, кто из нас бог, а кто просто мертвая тень-бедолага, которой скоро не станет. – Он взмахнул истаявшей рукой, пальцами из спиральных туманных прядей. – Послушай их. Тебя не смущает, как они говорят? Выживший? Ха! Я охранял их тысячелетиями. А что для них сделал ты?

Кельсер обернулся к Дему. Видимо, Охранитель забыл, что Кельсер не слышит его слова. Он направился к Дему, чтобы прикоснуться к нему и узнать, как тот сейчас выглядит, но по пути дотронулся до одного из трупов на земле.

Молодой парень. Солдат, судя по виду. Кельсер его не знал, но забеспокоился. Посмотрел туда, где стоял Хэм. Фигура рядом с ним – Бриз.

Что с остальными?

Похолодев, Кельсер зашарил по трупам в поисках знакомых. Его движения становились все более лихорадочными.

– Что ты ищешь? – спросил Охранитель.

– Сколько... – Кельсер сглотнул. – Сколько среди них моих друзей?

– Несколько.

– Члены моей команды?

– Нет, – ответил Охранитель, и Кельсер облегченно вздохнул. – Нет, они погибли во время первого штурма, много дней назад. Доксон. Колченог.

Кельсера будто пронзило ледяным копьём. Он оставил труп и попытался подняться, но споткнулся и выдавил:

– Нет. Нет, только не Докс.

Охранитель кивнул.

– К... когда это случилось? Как?

Охранитель рассмеялся – так звучало сумасшествие. Теперь он мало походил на того добродушного, неуверенного человека, который приветствовал Кельсера сразу после смерти.

– Обоих убили колоссы во время штурма. Кельсер, их тела сожгли много дней назад, пока ты сидел взаперти.

Кельсер задрожал, охваченный ощущением потери.

– Я... – начал он.

«Докс. Меня здесь не было. Я мог бы увидеться с ним, когда он совершил переход. Поговорить. Может, даже спасти его?»

– Умирая, он тебя проклял, Кельсер, – резко сказал Охранитель. – Он во всем винил тебя.

Кельсер опустил голову. Еще один друг потерян. И Колченог тоже... два хороших человека. Проклятье, он потерял в своей жизни слишком много друзей. Слишком много.

«Докс, Колченог, простите. Простите, что подвел вас».

Весь гнев, горечь и стыд Кельсер направил на достижение цели, которую обрел во время заточения. Теперь он ее не потеряет.

Он встал и повернулся к Охранителю. Как ни удивительно, бог съежился, будто в испуге. Кельсер схватил то, что от него осталось, и на краткий миг увидел его во всем величии. Свет Охранителя пронизывал все вокруг: мир, туман, металлы, человеческие души. Это существо умирало, но сила его вовсе не угасла.

Еще он ощутил боль Охранителя, похожую на ту, что испытал сам от потери Докса, только в тысячу крат сильнее. Охранитель чувствовал каждый угасший огонек, знал их всех и любил, как любят самых близких.

В мире все чаще умирали люди. Сыпалось слишком много пепла, и Охранитель ждал, что его станет еще больше. Армии колоссов свирепствовали. Смерть, разрушение, мир на последнем издыхании.

А... на юге... что это? Люди?

Кельсер не отпускал Охранителя, преисполненный благоговения перед его божественной агонией. Потом крепко обнял его и прошептал:

– Мне так жаль.

– О, Сенна... – пробормотал Охранитель. – Я теряю это место. Теряю их всех...

– Мы это остановим, – пообещал Кельсер, разжимая объятия.

– Это нельзя остановить. Договор...

– Договор можно разорвать.

– Не такого рода договор, Кельсер. Мне удалось обмануть Разрушителя, запретить его, одурачить нашим соглашением. Но я не разорвал договор, скорее воспользовался лазейкой в нем. На этот раз лазеек нет.

– Значит, упрямся рогом. Ты и я, мы – команда.

Охранитель словно сгустился, его форма обозначилась яснее, туманные пряди сплелись в одно целое.

– Команда. Да. Команда.

– Чтобы совершить невозможное.

– Бросить вызов реальности, – прошептал Охранитель. – Все постоянно твердили, что ты безумен.

– И я всегда признавал, что они правы. Дело в том, что хоть они и не ошиблись насчет моего безумия, им никогда не удавалось понять причины. Не о моем честолюбии им следовало беспокоиться.

– Тогда о чем?

Кельсер улыбнулся.

Охранитель, в свою очередь, рассмеялся – без прежней резкости, не грубо.

– Я не могу помочь тебе с... чем бы ты там ни занимался. Не напрямую. Я больше не могу... нормально сообщать. Но...

– Но?

Охранитель еще немного уплотнился.

– Но я знаю, где ты найдешь того, кто поможет.

2

Кельсер последовал через город за прядью Охранителя, похожей на сияющий туманный усик. Он не забывал время от времени поглядывать на небо: сила Разрушения бурлила среди тумана и тянулась во все стороны.

Кельсер не отступит. Не позволит этому существу снова его запугать. Одного бога он уже убил. Второе убийство всегда легче первого.

Прядь Охранителя вела его мимо зыбких домов, через трущобы. На этой стороне впечатление от них почему-то было еще более гнетущим: перенаселенные, с людскими душами, испуганно сбившимися в кучки. Команда Кельсера спасла город, но, видимо, многие из тех, мимо кого он проходил, об этом еще не знали.

Наконец прядь вывела его за сломанные ворота к северу от города, где потихоньку разбирали бульжники и трупы. Он миновал армии живых и грозную армию колоссов и после короткой прогулки вдоль реки оказался у... озера?

Лютадель возвели недалеко от одноименного озера, хотя большая часть горожан этот факт подчеркнуто игнорировала. В озере Лютадель не плавали и не занимались спортом, разве что кому-то нравилось плескаться в мутной жиже, в которой было больше пепла, чем воды. После нескольких столетий соседства с городом, полным полуголодных скаа, с рыбной ловлей тоже не задалось. Из-за близости к Пепельным горам поддержанием навигации в реке и озере занимался целый класс рабочих – канальщики. Они были странной разновидностью скаа, которая редко смешивалась с горожанами.

Как бы они ужаснулись, увидев, что на этой стороне озеро, да и река, вывернулись наизнанку. Туман Кельсер ощущал под ногами как жидкость, а озеро, напротив, оказалось сплошной насыпью всего нескольких дюймов высотой, но более твердой и в чем-то более материальной, чем земля, к которой он привык.

В общем, озеро напоминало плоский остров, вырастающий из моря тумана. На этой стороне твердое и жидкое будто менялись местами. Кельсер подошел к краю острова. Извиваясь ленточкой, суть Охранителя позвала его на остров, подобно легендарной нити, указывающей путь домой из великого лабиринта Исхатона.

Засунув руки в карманы штанов, Кельсер пнул землю острова ногой – это был какой-то темный дымчатый камень.

– В чем дело? – прошептал Охранитель.

Кельсер подскочил и посмотрел на прядь из света.

– Ты... там, Мутный?

– Я везде. – Голос Охранителя был тихим, угасающим. Казалось, он совсем обессилел. – Почему ты остановился?

– Это что-то другое.

– Верно, здесь оно застывает. Это имеет отношение к тому, как люди мыслят и какими путями чаще всего путешествуют. По крайней мере, это как-то связано.

– Но что это? – Кельсер шагнул на остров.

Охранитель больше ничего не сказал, так что Кельсер отправился к центру острова. Что бы там ни «застывало», оно поразительно походило на камень. И на нем много чего росло. Кельсер прошел мимо невысоких растений, торчащих прямо из твердой земли, – не туманных и неразвитых, а настоящих, полных красок, с широкими коричневыми листьями. Что любопытно, от них будто исходил туман. Ни одно из растений не поднималось выше колен, но он не ожидал увидеть здесь ничего даже отдаленно похожего.

Пока Кельсер пересекал поле, ему показалось, будто среди растений кто-то спит, шурша листвой.

«В мире мертвых есть растения и животные?» – подумал он.

Но Охранитель назвал это место иначе – когнитивная реальность. Как эти растения здесь выросли? Откуда брали воду?

Чем дальше он продвигался вглубь острова, тем темнее становилось вокруг. Разрушитель заслонял крошечное солнце, и Кельсер заскучал даже по тому слабому свечению, что пронизывало призрачный туман в городе. Вскоре словно сгустились сумерки.

В конце концов прядь Охранителя истончилась и исчезла. Кельсер остановился у ее кончика и прошептал:

– Мутный? Ты там?

Нет ответа. Тишина опровергала утверждение Охранителя о том, что он повсюду. Кельсер покачал головой. Возможно, Охранитель слушает, но в этой точке пространства его слишком мало, чтобы ответить. Кельсер пошел дальше. Его обступили заросли до пояса. С широких листьев, как пар от горячей еды, поднимался туман.

Наконец впереди замаячил свет. Кельсер замер на месте. Дальше он продвигался крадучись, ведомый инстинктами мошенника, которые обрел буквально с пеленок. Нужно раздобыть оружие. Он опустился на колени и пошарил по земле в поисках камня или палки, но растения были не настолько крепкими, чтобы из них получилась хорошая палка, а земля оказалась совершенно гладкой.

Охранитель обещал помочь, но Кельсер сомневался, можно ли верить его словам. Как ни странно, после того как он пережил собственную смерть, его вера в слово божье приугасла. Он снял ремень, чтобы использовать его как оружие, но тот улетучился из рук и снова появился на прежнем месте. Покачав головой, Кельсер подкрался ближе и разглядел костер, а рядом двух человек – живых, в этой реальности, не сияющих душ или туманных духов.

Мужчина, одетый как скаа – в рубашку с закатанными рукавами и штаны на подтяжках, – следил за небольшим костром. У него были короткие волосы и узкое,

почти заостренное лицо. Длинный нож на поясе вполне мог сойти за меч и очень пригодиться Кельсеру.

Его спутница сидела на складном стульчике. Вероятно, террисийка: некоторые представители этого народа имели почти такую же темную кожу, хотя Кельсеру доводилось встречать темнокожих людей родом из южных доминионов. Однако одежда женщины – плотное коричневое платье с широким кожаным поясом – совсем не походила на террисийскую, а волосы были заплетены в множество тонких косичек.

Двое. Он ведь справится с двумя? Даже без алломантии и оружия. Впрочем, лучше соблюдать осторожность. Он еще не забыл, как его унижил Бродяга. Все взвесив, Кельсер поднялся во весь рост, одернул рубашку и подошел к лагерю.

– Занятные выдались деньки, хочу вам сказать, – объявил он.

Мужчина, ахнув, отшатнулся и схватился за нож. Женщина осталась сидеть, но тоже потянулась к какому-то предмету на боку – трубочке с рукоятью – и направила ее на Кельсера, словно оружие.

– А что, – Кельсер глянул на небо, в котором корчилась сплошная масса тугих щупалец, – больше никого не волнует ненасытная сила разрушения над нашими головами?

– Тени! – воскликнул мужчина. – Это ты. Ты мертв!

– Смотря что называть мертвым. – Кельсер подошел к костру. Женщина не отводила от него свое странное оружие. – Что, туман побери, горит в этом костре? – Он окинул их взглядом. – В чем дело?

– Как? – пробормотал мужчина. – Что?.. Когда?..

– ...почему? – помог ему Кельсер.

– Вот именно, почему!

– Видишь ли, у меня очень хрупкое телосложение, – пояснил Кельсер. – А от смерти, скорее всего, начнется несварение желудка. Так что я решил в этой затее не участвовать.

– Нельзя так просто взять и стать тенью по собственному желанию! – воскликнул мужчина. Его легкий акцент был весьма странным, Кельсер никак не мог его распознать. – Это важный ритуал! С требованиями и традициями. Это... это... – Он всплеснул руками. – Это напрягает.

Кельсер улыбнулся, встретившись взглядом с женщиной. Одной рукой она потянулась к чашке с чем-то теплым рядом на земле, другой – убрала оружие, словно и не доставала. На вид ей было лет тридцать пять.

– Выживший в Хатсине, – задумчиво произнесла она.

– Похоже, вы поставили меня в неловкое положение, – сказал Кельсер. – Одна из проблем известности, к сожалению.

– Полагаю, для вора слава не слишком-то выгодна. Вор не горит желанием быть узанным, когда срезает кошельки.

– Учитывая, как к нему относятся в этом доминионе, – мужчина по-прежнему не спускал с Кельсера настороженного взгляда, – жертвы будут скорее польщены, когда узнают, кто их ограбил.

– Да, они едва ли не в очередь выстраиваются за такой честью, – сухо отозвался Кельсер. – Мне представиться еще раз?

Женщина поразмыслила.

– Меня зовут Крисс, с Талдейна. – Она кивнула на мужчину, и тот нехотя убрал нож. – Это Наж, работает на меня.

– Отлично. Есть идеи, почему Охранитель отправил меня поговорить с вами?

– Охранитель? – Наж шагнул ближе и схватил Кельсера за руку. Стало быть, как и Бродяга, эти двое могут к нему прикасаться. – Ты напрямую говорил с одним из осколков?

– Почему нет, – ответил Кельсер. – Мы с Мутным старые друзья.

Он высвободился из хватки Нажа и взял второй складной стульчик – две простые доски с куском ткани между ними – поставил его напротив Крисс и уселся.

– Крисс, не нравится мне это, – произнес Наж. – Он опасен.

– К счастью, мы тоже, – отозвалась она. – Охранение. Как выглядит этот осколок, Выживший?

– Хочешь проверить, действительно ли я с ним говорил, или искренне интересуешься его состоянием?

– И то, и другое.

– Он умирает. – Кельсер покрутил между пальцами нож Нажа, который только что стащил во время перебранки, и с любопытством отметил, что нож хоть и из металла, но не сияет. – Охранитель небольшого роста, черноволосый – по крайней мере, был таким раньше. Он... будто разваливается на части.

– Эй, – Наж прищурился, увидев нож, перевел взгляд на пустые ножны на поясе, – эй!

– Разваливается на части, – повторила Крисс. – Значит, медленная смерть. Ати не знает, как расщепить другой осколок? Или у него недостаточно сил? Гм-м...

– Ати? – переспросил Кельсер. – Охранитель тоже упоминал это имя.

Отпив из чашки, Крисс указала пальцем в небо:

– Это он. По крайней мере, во что он превратился.

– А... что такое осколок?

– Ты ученый, господин Выживший?

– Нет. Но парочку ученых убил.

– Мило. Так вот, ты влез в нечто намного более значительное, чем ты сам, ваше общество и ваша планетка.

– Настолько значительное, что тебе не справиться, Выживший. – Наж забрал нож, пока Кельсер балансировал им на пальце. – Тебе лучше откланяться.

– Наж дело говорит, – заметила Крисс. – Ты задаешь опасные вопросы. Как только ты заглянешь за кулисы и увидишь актеров такими, какие они есть, станет гораздо труднее делать вид, что пьеса и есть настоящая жизнь.

– Я... – Кельсер подался вперед, сцепив руки. Проклятье... от огня исходило тепло, но в нем ничего не горело. Он уставился в пламя и сглотнул. – Я пробудился от смерти, хотя был глубоко убежден, что загробной жизни нет. Обнаружил, что Бог существует, но умирает. Мне нужны ответы. Пожалуйста.

– Любопытно, – произнесла Крисс.

Кельсер посмотрел на нее исподлобья.

– Я слышала о тебе много историй, Выживший. В них часто восхвалялись твои замечательные качества. Искренность среди них не числилась.

– Могу еще что-нибудь стянуть у твоего слуги, – предложил Кельсер, – если тебе проще, когда я веду себя в соответствии с твоими ожиданиями.

– Только попробуй. – Наж разгуливал вокруг костра, скрестив руки на груди, и явно пытался выглядеть угрожающе.

– Осколки – это не Бог, но части Бога, – начала Крисс, привлекая внимание Кельсера. – Разрушение, Охранение, Автономия, Культивация, Преданность... Всего их шестнадцать.

– Шестнадцать, – выдохнул Кельсер. – Значит, тут у нас шастают еще четырнадцать таких же?

– Остальные на других планетах.

– Других... – Кельсер моргнул. – Других планетах.

– Ну вот, – сказал Наж. – Ты уже спекла ему мозги, Крисс.

– Других планетах, – мягко повторила она. – Да, их десятки. Многие населены такими же людьми, как ты и я. Есть планета-первоисточник, сокрытая где-то в Космере. Я ее пока не отыскала, только истории.

Так или иначе, жил-был Бог – Адональсиум. Не знаю, был ли он силой или существом, хотя склоняюсь к последнему. Шестнадцать человек, собравшись вместе, убили Адональсиума, разорвали его на части и поделили между собой его суть, став первыми, кто вознесся.

– Кем они были? – Кельсер пытался разобраться.

– Разношерстная группа, с очень разными мотивами. Одни стремились к власти, другие видели в убийстве Адональсиума единственный выход. Вместе они убили божество и сами обрели божественность. – Крисс ласково улыбнулась, словно подготавливая его к тому, что последует. – Двое из них создали эту планету, Выживший, в том числе и людей на ней.

– Значит... мой мир и все, кого я знаю, созданы парой... полубогов? – спросил Кельсер.

– Скорее, частицами Бога, – поправил Наж. – Причем без особых божественных навыков, разве что им хватило коварства прикончить парня, который выполнял эту работу до них.

– Вот проклятье... – выдохнул Кельсер. – Не удивительно, что все у нас наперекосяк.

– На самом деле такова человеческая природа, не важно, кто кого создал, – отметила Крисс. – Если тебя это утешит, первых людей сотворил Адональсиум, а ваши боги воспользовались его образцом.

– То есть мы копии ущербного оригинала, – резюмировал Кельсер. – Не слишком утешительно. – Он посмотрел вверх. – А это существо? Оно было человеком?

– Сила... искажает, – сказала Крисс. – Где-то внутри есть личность, которая ее направляет. Или на этом этапе скорее следует ей.

Кельсер вспомнил марионетку Разрушителя в форме человека – по сути, оболочку, наполненную ужасной силой.

– А что произойдет, если одно из этих существ... умрет?

– Мне и самой очень интересно посмотреть. Я никогда не наблюдала за этим лично, а прошлые смерти проходили иначе. Это были ошеломительные события, каждое единственное в своем роде, когда сила бога расщепляется и рассеивается. Смерть Охранителя больше напоминает удушение, смерти других осколков – обезглавливание. Она должна быть очень поучительной.

– Если только я это не остановлю.

Крисс улыбнулась.

– Давай без снисходительности, – огрызнулся Кельсер, вскочив и опрокинув стульчик. – Я это остановлю.

– Этот мир угасает, Выживший. Очень жаль, но я не знаю, как его спасти. Я надеялась, что смогу помочь, но у меня больше не получается даже попасть в физическую реальность.

– Кто-то разрушил врата, – вставил Наж. – Кто-то невероятно безрассудный, дерзкий, глупый. Не...

– Переигрываешь, – перебил Кельсер. – Бродяга объяснил мне, что я натворил.

– Кто?.. – спросила Крисс.

– Парень с белыми волосами. Долговязый, с острым носом и...

– Проклятье, – выругалась Крисс. – Он добрался до Источника Вознесения?

– Что-то стащил оттуда, – припомнил Кельсер. – Зернышко металла.

– Проклятье. – Крисс посмотрела на своего слугу. – Нам пора. Мне жаль, Выживший.

– Но...

– Мы уходим не из-за того, что ты рассказал. – Она встала и махнула Нажу, чтобы тот помог собрать вещи. – Нам в любом случае пора. Эта планета умирает. Как бы я ни желала лицезреть смерть осколка, я не рискну находиться так близко. Мы будем наблюдать издалека.

– Охранитель думал, что ты поможешь, – сказал Кельсер. – Наверняка ты можешь что-то сделать. Или что-то мне рассказать. Это еще не конец.

– Прости, Выживший, – мягко отозвалась Крисс. – Возможно, если бы я знала больше, если бы смогла убедить Айри ответить на мои вопросы... – Она покачала головой. – Это будет происходить медленно, Выживший, в течение нескольких месяцев. Но это неизбежно. Разрушение поглотит мир, а человек, некогда известный как Ати, не сумеет этому помешать. Даже если бы ему было не все равно.

– Всё, – прошептал Кельсер. – Всё, что я знал. Все люди на моей... моей планете?

Наж нагнулся и поднял костер, большое пламя просто сложилось в его ладони. Кельсеру показалось, что он заметил клуб тумана. Одним пальцем он поднял складной стульчик и, прежде чем отдать его Нажу, отвинтил снизу болт и спрятал в кулаке.

Наж вскинул на спину походный мешок, к которому были привязаны тубусы со свитками, и глянул на Крисс.

– Останься, – обратился к ней Кельсер. – Помоги мне.

– Помочь тебе? Да я себе помочь не могу, Выживший. Я в изгнании, но в любом случае у меня нет ресурсов помешать осколку. Наверно, мне вообще не следовало здесь появляться. – Крисс замялась. – И мне жаль, но я не могу пригласить тебя с нами. Твой бог будет следить за тобой, Кельсер. Он узнает, где ты, потому что в тебе его частицы. С тобой даже говорить опасно.

Наж передал ей сумку, и она повесила ее на плечо.

– Я это остановлю, – сказал Кельсер.

Крисс согнула пальцы в незнакомом жесте, видимо, прощаясь, и зашагала прочь с поляны в заросли. Наж последовал за ней.

Кельсер сник. Поскольку стульчики забрали, он уселся прямо на землю, повесив голову. «Ты получил по заслугам, Кельсер, – подумал он. – Хотел сплясать с богами и обворовать их. Нечего теперь удивляться, что это оказалось тебе не по зубам».

Шорох листьев заставил его вскочить на ноги. Из тени возник Наж и остановился у края брошенного лагеря. Тихо выругавшись, шагнул вперед, снял с пояса нож вместе с ножнами и протянул Кельсеру.

Помедлив, Кельсер принял оружие.

– Дела у тебя и твоего народа так себе, но это место мне нравится, – тихо проговорил Наж. – Проклятый туман и все такое прочее. – Он указал на запад. – Они обосновались там.

– Они?

– Айри. Они занимаются этим гораздо дольше нас, Выживший. Если кто и знает, как тебе помочь, это Айри. Ты найдешь их там, где земля снова становится твердой.

– Становится твердой... – повторил Кельсер. – Озеро Тириан?

– Дальше, гораздо дальше, Выживший.

– Океан? Это же сотни миль отсюда. Дальше Фармоста!

Похлопав его по плечу, Наж развернулся и отправился догонять Крисс.

– Есть ли надежда? – окликнул его Кельсер.

– Что, если я скажу «нет»? – бросил Наж через плечо. – Что, если я скажу, что все твои планы, так сказать, разрушены? Разве это изменит твои намерения?

– Нет.

Наж поднес пальцы ко лбу в подобии салюта.

– Прощай, Выживший. Позаботься о моем ноже, он мне по душе.

Он растворился во тьме. Кельсер проводил его взглядом и сделал то единственное, что казалось разумным, – проглотил болт, который выкрутил из складного стульчика.

3

Никакого эффекта. Кельсер надеялся, что алломантия заработает, но болт просто осел в желудке странным и неприятным грузом. Несмотря на все попытки, его не удавалось поджечь. Продолжив путь, Кельсер в итоге выкашлял болт и выбросил его.

В том месте, где остров переходил в туманную землю вокруг Лютадели, на Кельсера навалилось новое бремя. Обреченный мир, умирающие боги и целая вселенная, о которой он даже не догадывался. И его единственная надежда – путешествие к океану?..

Так далеко он не забирался ни разу, даже во время поездок с Джеммелом. Чтобы дойти туда пешком, уйдут месяцы. Есть ли у него эти месяцы?

Он шагнул с острова на мягкую землю туманного побережья. Неподалеку зыбкой стеной клубящегося тумана высилась Лютадель.

– Мутный? – позвал Кельсер. – Ты здесь?

– Я везде. – Охранитель появился рядом.

– Значит, ты слушал?

Тот рассеянно кивнул. Его очертания расплылись, лицо стало нечетким.

– Мне кажется... Конечно, я...

– Они упомянули каких-то Эйри.

– Да, Ай-ри, – произнес по слогам Охранитель. – Четыре буквы: А-Й-Р-И. Они что-то обозначают на языке этого народа из других краев. Тех, кто умер, но не мертв. Я видел, что они собирались на границе моего поля зрения, как духи в ночи.

– Мертвые, но живые, – сказал Кельсер. – Как я?

– Нет.

– А как тогда?

– Умершие, но не мертвые.

«Чудесно», – подумал Кельсер и повернулся к западу.

– Вроде они живут рядом с океаном.

– Айри построили город, – тихо сказал Охранитель. – В месте между мирами...

– Что ж. – Кельсер глубоко вздохнул. – Туда и отправлюсь.

– Туда и отправишься? – переспросил Охранитель. – Ты меня бросишь?

Отчаяние, прозвучавшее в его словах, поразило Кельсера.

– Если эти люди могут нам помочь, мне нужно с ними поговорить.

– Они не могут нам помочь, – возразил Охранитель. – Они... бессердечны.

Плетут интриги над моим телом, ждут последнего удара сердца, как насекомые-падальщики. Не уходи. Не бросай меня.

– Ты везде. Я не могу тебя бросить.

– Нет. Они за пределами моей досягаемости. Я... я не могу покинуть эту землю.

Я слишком сильно вложен в нее, в каждый камень и листик. – Охранитель подернулся рябью, его и без того нечеткие очертания расплылись еще больше. – Мы... легко привязываемся, и нужно очень сильно захотеть, чтобы уйти.

– А Разрушитель? – Кельсер развернулся к западу. – Если он все уничтожит, то сумеет вырваться?

– Да, – очень тихо ответил Охранитель. – Тогда он сможет уйти. Но, Кельсер, ты не можешь меня бросить. Мы... мы же команда?

Кельсер положил руку на плечо существа, такого уверенного раньше, а теперь – просто размытого пятна.

– Я вернусь как можно быстрее. Чтобы остановить Разрушителя, мне нужна помощь.

– Ты жалеешь меня.

– Я жалею всех, кроме себя, Мутный. Опасно быть таким человеком, как я. Но ты справишься. Не спускай глаз с Разрушителя и попытайся связаться с Вин и ее аристократом.

– Жалеешь, – повторил Охранитель. – Так вот... вот каким я стал, жалким? Да... да, это так.

Он поднял едва видную ладонь и ухватил руку Кельсера снизу. Тот, ахнув, попытался вырваться, но Охранитель другой рукой прижал его за загривок и заставил посмотреть в глаза. Взгляд Охранителя сфокусировался, размытость внезапно исчезла, Кельсера затопило и ослепило серебристо-белое сияние.

Все вокруг растворилось, ничто не могло устоять перед этим ужасным, чудесным светом. Кельсер утратил форму, мысли, саму свою суть. Он вышел за

пределы собственного «я» и оказался посреди текучего света. Из него вырвались сияющие ленты, и он попытался закричать, но голоса не было.

Это место находилось вне пространства и времени, здесь эти понятия утратили смысл. Важна была лишь связь – личности с личностью, человека с миром, Кельсера с богом.

И этот бог был всем сразу. Существо, которое жалел Кельсер, было самой землей, по которой он ходил, воздухом, металлами – его собственной душой. Охранитель – везде. По сравнению с ним Кельсер – ничто, пустое место.

Видение истаяло. Кельсер отшатнулся от Охранителя. Тот безмятежно замер размытым пятном, хотя представлял собой нечто гораздо большее. Кельсер дотронулся до груди и с необъяснимым удовольствием обнаружил, что сердце бьется. Его душа училась подражать телу, и почему-то сердцебиение успокаивало.

– Полагаю, я это заслужил, – сказал Кельсер. – Будь осторожнее с такими видениями, Мутный. Познать реальность – губительно для человеческого эго.

– А я бы сказал, что, напротив, полезно, – возразил Охранитель.

– Я увидел всё. Всё и всех, – пробормотал Кельсер. – Мою связь с ними и... и...

«И будущее, – подумал он, ухватив смысл. – Вероятности, столько вероятностей... как с атиумом».

– Да. – Голос Охранителя прозвучал устало. – Осознать свое истинное место в мире бывает мучительно. Мало кто может выдержать...

– Давай еще раз. – Кельсер подскочил к Охранителю и схватил его за руки.

– Что?

– Давай еще раз. Мне нужно снова это увидеть.

– Твой разум слишком хрупкий. Сломается.

– Я давным-давно сломал свой проклятый разум, Мутный. Давай. Пожалуйста.

Охранитель нерешительно ухватил его, и на этот раз понадобилось больше времени, чтобы глаза бога засияли и вспыхнули. Его очертания задрожали, и Кельсер на мгновение решил, что Охранитель рассеется полностью.

Потом хлынул свет и в один миг поглотил Кельсера. На этот раз он заставил себя отвернуться от Охранителя, хотя дело было не в том, куда он смотрит, а скорее насколько удачно пытается разобраться в гигантской массе обрушившихся на него ощущений и информации.

К несчастью, это означало, что его внимание обратилось к другому источнику, такому же притягательному. Здесь находился второй бог, черный и ужасный, существо с шипами и паучьими лапами, которые вырастали из темного тумана и тянулись ко всему живому на земле.

В том числе и к Кельсеру.

По сравнению с сотнями вцепившихся в него черных пальцев этого существа из Запределья, его узы с Охранителем казались несущественными. Кельсер чувствовал небывалое удовлетворение Разрушителя, а также одну его мысль. Не слова, просто неоспоримый факт: «Ты мой, Выживший».

Кельсер воспротивился, но в этом месте, залитом совершенным светом, ему пришлось признать истину.

Надрываясь, чувствуя, как крошится душа перед этой ужасной реальностью, Кельсер повернулся к простирающимся вдаль прядям света. Вероятности накладывались одна на другую – бесконечные, ошеломляющие. Будущее.

Кельсер выпал из видения и на этот раз, задыхаясь, рухнул на колени. Сияние угасло, и он снова оказался на побережье озера Лютадель. Усевшись рядом, Охранитель положил руку на спину Кельсера.

– Я не могу его остановить, – прошептал Кельсер.

– Знаю, – отозвался Охранитель.

– Я видел тысячи вероятностей. И ни в одной мне не удалось победить это существо.

– Обрывки будущего никогда не были особенно полезными. В прошлом я часто их перебирал. Слишком сложно понять, что и правда может произойти, а что просто хрупкое... хрупкое, отдаленное «возможно»...

– Я не могу его остановить. Слишком на него похож. Я служил ему каждым своим действием. – Кельсер с улыбкой посмотрел вверх.

– Он тебя сломил, – произнес Охранитель.

– Нет, Мутный. – Кельсер со смехом поднялся на ноги. – Нет. Я не могу его остановить. Что бы я ни делал, я не могу его остановить. – Он опустил взгляд на Охранителя. – Но она может.

– Он это знает. Ты был прав. Он готовил ее, вливал в нее свой яд.

– Она может его победить.

– Хрупкий шанс, – возразил Охранитель. – Пустое обещание.

– Нет, – тихо произнес Кельсер. – Надежда.

Он протянул руку. Охранитель с его помощью поднялся на ноги и кивнул:

– Надежда. Какой у нас план?

– Я иду дальше на запад. Среди вероятностей я увидел...

– Не доверяй увиденному, – заявил Охранитель гораздо тверже, чем раньше.

– Чтобы хотя бы начать отбирать информацию из этих обрывков будущего, нужен бесконечный разум. И даже тогда, скорее всего, ошибешься.

– Путь, который я видел, начинался с того, что я отправляюсь на запад, – сказал Кельсер. – Больше ничего в голову не приходит. Разве что ты предложишь что-нибудь получше.

Охранитель покачал головой.

– Тебе нужно остаться, бороться с ним, сопротивляться – и пытаться достучаться до Вин. Если не до нее, тогда до Сэйзеда.

– С ним... не все хорошо.

Кельсер склонил голову:

– Ранен в сражении?

– Хуже. Его пытается сломить Разрушитель.

Проклятье. Но что еще остается, кроме как придерживаться плана?

– Сделай все, что сможешь, – сказал Кельсер. – А я поищу тех людей на западе.

– Они не помогут.

– Я не собираюсь просить их о помощи. – Кельсер улыбнулся. – Я их обворую.

Часть 4. Путешествие

1

Кельсер бежал. Его гнала вперед потребность спешить, расходовать силу, двигаться. У бегущего человека всегда есть цель.

Он покинул окрестности Лютадели, двигаясь вдоль канала, чтобы придерживаться нужного направления. Как и озеро, канал на этой стороне оказался вывернут наизнанку и представлял собой длинную узкую насыпь, а не углубление в земле.

На ходу Кельсер попытался еще раз разобраться в противоречивых образах, впечатлениях и идеях, которые нахлынули на него в том месте, где он воспринимал все сразу. Вин может победить Разрушителя. В этом Кельсер был уверен так же точно, как и в том, что у него самого ничего не выйдет.

Однако дальше ясности в мыслях не было. Эти люди, Айри, работают над чем-то опасным. Это можно использовать против Разрушителя... скорее всего.

На этом все. Охранитель оказался прав: потоки в том месте вне времени и пространства были слишком запутанными, слишком эфемерными, от них оставалось лишь смутное впечатление. Но кое-что Кельсер сделать мог.

Поэтому он бежал. Пешком слишком долго, нет времени. Как жаль, что алломантия не действует: не помешала бы мощь и выносливость, которую даровал пьютер. Он владел этой силой лишь короткое время по сравнению со всей остальной жизнью, но она очень быстро стала его второй натурой.

На эти умения больше полагаться нельзя. К счастью, за неимением тела Кельсер, похоже, не уставал, пока не начинал думать, что пора устать. Эта проблема решилась быстро: если ему что и удавалось в совершенстве, так это лгать самому себе.

Оставалось надеяться, что Вин продержится достаточно долго, чтобы их всех спасти. Ужасно тяжелый груз для ее хрупких плеч, но он возьмет на себя сколько сможет.

2

«Я знаю это место», – подумал Кельсер, замедляя бег. Это был небольшой городок на берегу канала, где останавливались канальщики, чтобы пропустить стаканчик, помыться в горячей воде, переночевать и дать отдых скаа. Такие практически одинаковые городки были разбросаны по всем доминионам. Этот отличался от остальных двумя полуразрушенными башнями по другую сторону канала.

«Точно».

Кельсер остановился посреди улицы. Эти башни было легко узнать даже в смутном, туманном пейзаже этой реальности. Лонгсфоллоу. Так вот куда он уже добрался? Так далеко от Центрального доминиона. Сколько же он бежал?

После смерти время текло странно. Кельсер больше не нуждался в пище и не чувствовал усталости, если только ее не порождал разум. Разрушитель заслонил солнце, свет исходил лишь от туманной земли, и было очень трудно судить о том, сколько прошло дней.

Кельсер бежал... сколько-то. Долго ли?

Вдруг накатила усталость, разум оцепенел, как после затяжки пьютером. Со стоном он уселся прямо на насыпь канала, покрытую крохотными растениями. Похоже, они растут везде, где в реальном мире есть вода. Кельсер обнаружил, что они пробиваются из туманных лунок.

Между городами, где пружинистая земля была тверже, время от времени встречались другие, более необычные растения. Это были места без людей – обширные пепловые пустоши между островками цивилизации.

Стряхнув усталость, Кельсер с трудом поднялся на ноги. Все эти ощущения лишь в его голове, причем буквально. Бежать больше не хотелось, и он прошелся по Лонгсфоллоу. Городок или, скорее, поселок вырос вокруг пристани на канале. Аристократы, владеющие плантациями в стороне от канала, приезжали сюда торговать и отправлять товары кораблями в Лютадель. Поселок превратился в шумный центр торговли и общественной жизни.

Кельсер убил здесь семь человек.

Или восемь? Он принялся считать на ходу: лорд, оба сына, жена... еще двое охранников и кузен. Да, семеро. Все правильно. Он пощадил жену кузена, которая ждала ребенка.

Они с Мэйр снимали здесь комнату над хозяйственной лавкой, притворяясь торговцами из мелкой усадьбы. Кельсер поднялся по ступеням и остановился у двери. Коснулся пальцами, ощутил ее в физической реальности, знакомую даже спустя столько времени.

«У нас был план! – сказала Мэйр, когда они в спешке собирали вещи. – Как ты мог так поступить?»

– Они убили ребенка, Мэйр, – прошептал Кельсер. – Утопили ее в канале, привязав камни к ногам. За то, что она разлила чай. За то, что она разлила проклятый чай.

«О, Кел, – отозвалась Мэйр. – Они убивают каждый день. Это ужасно, но такова жизнь. Ты собираешься воздавать по заслугам каждому аристократу?»

– Да. – Кельсер ударил кулаком в дверь. – Я это сделал. Я заставил заплатить самого Вседержителя, Мэйр.

И эта бурлящая масса извивающихся змей в небе... вот чем все закончилось. В тот миг вне времени с Охранителем он узрел истину. Вседержитель смог бы отсрочить конец света еще на тысячу лет.

Убить одного человека. Свершить возмездие, но стать причиной множества смертей? Они с Мэйр сбежали из поселка. Позже он узнал, что сюда приходили инквизиторы, пытали их знакомых и многих убили в поисках ответов.

Убей – и они убьют в ответ. Сверши возмездие – и они воздадут десятикратно.

«Ты мой, Выживший».

Кельсер стиснул дверную ручку, но лишь уловил ее реальный образ. Ее не сдвинуть. К счастью, сквозь дверь можно просто пройти. Продравшись вперед, Кельсер пораженно замер: комната оказалась занята. Единственная сияющая душа – человек в реальном мире – лежала на койке в углу.

Они с Мэйр покидали это место в спешке, и им пришлось оставить кое-какие пожитки, спрятав их в нише за камнем в очаге. Теперь их там нет: Кельсер стащил их после смерти Мэйр, когда сбежал из Ям и начал учиться у странного старика-алломанта по имени Джеммел.

Держась подальше от человека, Кельсер подошел к маленькому очагу. Когда он вернулся за спрятанными монетами, его путь лежал в Лютадель, а мысли переполняли грандиозные планы и рискованные идеи. Он отыскал не только монеты, но и нечто большее. Рядом с мешочком монет ждал дневник Мэйр.

– Если бы я умер, – громко сказал Кельсер, – и дал утащить себя в это другое место... Я был бы сейчас с Мэйр?

Нет ответа.

– Охранитель! – крикнул Кельсер. – Ты знаешь, где она? Ты видел, как она ушла во мрак, о котором ты говорил, в то место, куда люди попадают после этого? Если бы я умер, я был бы сейчас с ней?

Охранитель снова не ответил. Его разум явно не присутствовал во всех местах сразу, даже если сущность находилась повсюду. Учитывая его эксцентричное поведение в последнее время, возможно, его разум не мог сосредоточиться даже в одном месте. Вздохнув, Кельсер огляделся.

И шагнул назад, обнаружив, что человек встал с койки и озирается.

– Чего тебе? – рявкнул Кельсер.

Человек подскочил. Услышал?

Кельсер подошел к нему и дотронулся, сняв образ старого нищего с всклокоченной бородой и диким взглядом. Старик бормотал себе под нос, и Кельсер, пока прикасался к нему, смог кое-что разобрать.

– В моей башке, – бормотал нищий. – Вали из моей башки.

– Ты слышишь меня, – сказал Кельсер.

Старик снова подскочил.

– Проклятый шепот. Вали из моей башки!

Кельсер опустил руку. Он видел это в волнах пульсации. Иногда безумцы шептали то, что слышали от Разрушителя. Похоже, они слышали и Кельсера.

Можно ли использовать этого человека? Похолодев, Кельсер вспомнил, что временами Джемел бормотал точно так же. «Я всегда считал его сумасшедшим».

Кельсер снова попробовал поговорить с нищим, но ничего не вышло. Тот все так же подскакивал и бормотал, но ничего не отвечал.

В конце концов Кельсер вышел из комнаты. Хорошо, что безумец отвлек его от воспоминаний. Он полез в карман, но вспомнил, что у него больше нет рисунка с цветком, который дала ему Мэйр. Он оставил его Вин.

Кельсер знал ответ на вопрос, который только что задал Охранителю. Отказавшись принять смерть, он потерял возможность воссоединиться с Мэйр. Разве что за гранью вообще ничего нет. Разве что та смерть настоящая и окончательная.

Разумеется, Мэйр не ждет, что он просто сдастся, позволит надвигающемуся мраку поглотить его? «Все, кого я видел, ушли по доброй воле, – подумал Кельсер. – Даже Вседержитель. Почему я настоял на том, чтобы остаться?»

Глупые вопросы. Бесполезные. Он не мог уйти, когда над миром нависла такая угроза. И он не позволит себе умереть даже ради того, чтобы быть с Мэйр.

Оставив поселок за спиной, Кельсер снова повернул на запад и перешел на бег.

3

Кельсер опустился на колени возле старого погасшего очага, который в этой реальности выглядел кучкой призрачных холодных поленьев. Как выяснилось, нужно останавливаться каждые пару недель, чтобы дать себе передышку. Бежал он уже... очень долго.

Сегодня он собирался наконец разгадать головоломку. Кельсер поднял туманные остатки костра и тут же уловил его образ в реальном мире, но, проникнув глубже, ощутил кое-что еще.

Не просто изображение, но ощущения. Почти эмоции. Холодное дерево неким образом помнило тепло. В реальном мире этот огонь был мертв, но желал снова разгореться.

Странное ощущение – понимать, что у поленьев есть желания. Очаг горел долгие годы и кормил семьи многих скаа. Бесчисленные поколения сидели перед ямой в полу и практически постоянно поддерживали огонь. Они смеялись, наслаждаясь короткими моментами счастья.

Огонь даровал им эти мгновения и жаждал делать это и дальше. К сожалению, люди ушли. Кельсер все чаще обнаруживал покинутые деревни. Пеплопады продолжались дольше обычного, и временами Кельсер ощущал, как даже в этой реальности дрожит земля. Землетрясения.

Он мог кое-что дать этому огню. «Гори снова, – сказал он. – Снова дари тепло».

В физической реальности это невозможно, но все предметы оттуда могли проявиться здесь. Огонь на самом деле не был живым, но люди, обитавшие здесь раньше, воспринимали его почти как живого – знакомого, теплого друга.

«Гори...»

Из пальцев Кельсера вырвался свет, в ладони вспыхнуло пламя. Он поспешно выронил его и, ухмыльнувшись, отступил. Потрескивающий огонь очень походил на тот, которым пользовались Наж и Крисс. Поленья с танцующими язычками пламени появились на этой стороне.

Костер. Он соорудил костер в мире мертвых. «Неплохо, Кел», – подумал Кельсер. Опустившись на колени, он глубоко вздохнул, сунул руку в огонь и схватился за его сердцевину, после чего сжал в кулаке клуб тумана, который был сутью костра. Костер сложился и исчез.

Кельсер ощущал туман в пригоршне так же, как и землю под ногами, – упругим, но достаточно реальным, если не сжимать слишком сильно. Он спрятал душу костра в карман, практически уверенный в том, что тот не вспыхнет, пока ему не прикажут.

Оставив лачугу скаа, он вышел во двор. Ему не доводилось бывать здесь прежде: они с Джеммелом никогда не заезжали так далеко на запад. Плантации в этих краях представляли собой множество мелких наделов – непривычных прямоугольных построек, низких и приземистых, окруженных большими дворами. Кельсер вышел со двора и оказался на улице, проложенной между десятком похожих лачуг.

В целом, скаа здесь жилось лучше, чем во внутренних доминионах. Но это все равно что сказать, будто утонуть в пиве лучше, чем в кислоте.

С неба сыпался пепел. В первые дни в этой реальности Кельсер его не видел, но со временем научился различать: пепел проявлялся как крошечные, почти невидимые завитки тумана. Кельсер перешел на бег, и пепел взвился вокруг. Некоторые хлопья проходили сквозь Кельсера, отчего казалось, что сам он пепел – выжженная, гонимая ветром оболочка, сгоревший до углей труп.

Пепла навалило слишком много. Он не должен выпадать здесь в таких количествах. Пепельные горы далеко, и из своих путешествий Кельсер помнил, что пеплопады в этих краях случаются лишь раз или два в месяц. По крайней мере, так обстояли дела до пробуждения Разрушителя. По пути попадались призрачные живые деревья, их души проявлялись крошечными завитками тумана, сияющими, как и души людей.

Кельсер догнал путников, бредущих на запад, к прибрежным городам. Похоже, знать уже сбежала в том же направлении, напуганная внезапным усилением пеплопадов и другими признаками разрушения. Пробегая мимо, Кельсер протянул руку, чтобы, коснувшись, получить представление о каждом человеке.

Молодая мать со сломанной ногой прижимает к груди новорожденного.

Старуха, сильная, потому что у старых скаа нет выбора: слабых часто бросают умирать.

Веснушчатый парень в нарядной рубашке, скорее всего, украденной из особняка лорда.

Кельсер искал признаки безумия или буйства. Он убедился, что такие люди часто могли его слышать, хотя дело не всегда было в явном безумии. Многим не удавалось разобрать отдельные слова, но они улавливали призрачный шепот, отголоски.

Кельсер поднабрал скорость, оставив горожан позади. Судя по свету тумана под ногами, это наезженная дорога. За долгие месяцы бега Кельсер понял когнитивную реальность и до определенной степени смирился с ней. В беспрепятственном прохождении сквозь стены и подглядывании за людьми есть определенная свобода.

Но он был так одинок.

Кельсер постарался не думать об этом и сосредоточился на беге и будущей задаче. Время здесь размывалось, и ощущения, что минуло много месяцев, не возникало. Уж лучше так, чем год сходить с ума запертым в Источнике.

Но Кельсер скучал по людям. Он не мог без людей, бесед, друзей. Без них он чувствовал себя опустошенным. Он что угодно отдал бы за то, чтобы Охранитель, пусть и не в себе, появился и поговорил с ним. После бесконечных туманных пустошей сошел бы даже тот беловолосый Бродяга.

Кельсер старался отыскать безумцев, чтобы хоть как-то пообщаться с другими живыми существами, пусть это и не имело смысла.

«По крайней мере, я кое-чем обзавелся», – подумал он. У него в кармане костер. Когда он выберется из этой передрыги, а он непременно выберется, точно будет что рассказать.

Кельсер, Выживший в Смерти, наконец взобрался на последний холм, и перед ним раскинулась невероятная картина.

Земля выростала из тумана, зловещая, темная и необъятная. Она казалась не такой живой, как текучий бело-серый туман, но это было поистине желанное зрелище.

Кельсер издал долгий вздох облегчения. Последние недели выдались особенно трудными. При мысли, что придется еще бежать, становилось тошно, от одиночества в текучем тумане мерещились призраки, в безжизненном ничто вокруг слышались голоса.

Он уже не тот человек, что покинул Лютадель. Кельсер воткнул в землю посох, который позаимствовал с тела мертвого беженца из реального мира. Он упросил посох вернуться к жизни, пообещав новый дом и нового хозяина. Так же он поступил с плащом, который теперь окутывал его плечи, потрепанный по краям, почти как плащ рожденного туманом.

Мешок он тоже сменил, взяв новый из заброшенной лавки. У этого мешка никогда не было хозяина, и он считал своим предназначением лежать на полке и служить предметом восхищения. Тем не менее попутчик из него вышел отличный.

Усевшись, Кельсер отставил в сторону посох, залез в мешок и пересчитал туго свернутые клубки тумана. На этот раз ни один не исчез – вот и хорошо. Если предмет находили или, того хуже, уничтожали в физической реальности, его идентичность менялась и дух возвращался в то место, где находилось тело.

Лучше всего были брошенные предметы. Ими долгое время пользовались, поэтому они имели сильную идентичность, но в физической реальности о них больше никто не заботился. Кельсер вынул из мешка клубок тумана, который был костром, развернул его и окунулся в тепло. Костер начал изнашиваться, в поленьях появились туманные дырки. Кельсер предполагал, что унес костер слишком далеко от изначального местоположения, и расстояние пагубно на нем сказывается.

Он достал и развернул еще один клубок тумана – кожаный бурдюк – и сделал большой глоток. Вода не приносила реальной пользы: она исчезала вскоре после того, как вытекала из бурдюка, да и Кельсер не нуждался в питье.

Но он все равно пил. Вода приятно освежала губы и горло. И Кельсер мог делать вид, что жив.

Кельсер сидел на склоне холма рядом с душой костра, потягивая призрачную воду и обозревая новый рубеж. Тот миг, что он пережил в реальности богов, тот момент вне времени превратился в далекое воспоминание... Впрочем, если честно, он стал казаться далеким, как только Кельсер из него выпал. Потрясающие связи и простирающиеся в вечность озарения тут же истаяли, как туман под утренним солнцем.

Ему нужно было добраться сюда. А что дальше... он понятия не имел. Где-то здесь есть люди, но как их найти? И что делать, когда он их обнаружит?

«Мне нужно то, что у них есть, – подумал Кельсер, снова глотнув из бурдюка. – Но они мне это не отдадут». Сомневаться не приходится. Но что это такое? Знания? Как обмануть тех, кто, скорее всего, даже не говорит на твоём языке?

– Мутный? – позвал Кельсер для проверки. – Охранитель, ты здесь?

Нет ответа. Вздохнув, Кельсер убрал бурдюк в мешок и посмотрел через плечо туда, откуда пришел.

И тут же вскочил на ноги, выдернул из ножен на боку нож и крутанулся так, чтобы оказаться по другую сторону костра от закутанной в мантию фигуры с огненно-рыжими волосами. Человек приветливо улыбался, но Кельсер заметил у него под кожей шипы. Тысячи паучьих лап пробивались сквозь кожу, отчего она беспорядочно морщилась.

Марионетка Разрушителя. Существо, которое тот создал и спустил на Вин.

– Привет, Кельсер, – сказал Разрушитель губами марионетки. – Мой собрат недоступен. Но, если хочешь, я передам ему твои просьбы.

– Не подходи. – Кельсер размахнулся ножом, инстинктивно потянувшись к металлам, которые больше не мог поджигать. Проклятье, как этого не доставало.

– О, Кельсер, – сказал Разрушитель. – Не подходить? Я вокруг тебя – воздух, которым ты якобы дышишь, земля под твоими ногами. Я в этом ноже и в самой твоей душе. Как же мне «не подходить»?

– Можешь говорить что угодно, но ты мной не владеешь. Я не твой.

– Почему ты так сопротивляешься? – спросил Разрушитель, вышагивая вокруг костра.

Кельсер двинулся в противоположном направлении, сохраняя дистанцию.

– О, даже не знаю. Возможно, потому, что ты злая сила разрушения и боли.

Разрушитель дернулся, будто оскорбившись.

– А вот это излишне! – Он развел руками. – Смерть – не зло, Кельсер. Смерть – необходимость. Завод любых часов должен истечь, любой день – закончиться. Без меня нет и никогда не могло быть жизни. Жизнь – это изменение, и я представляю это изменение.

– И теперь ты хочешь с ней покончить.

– Это был мой дар. – Разрушитель протянул к нему руку. – Жизнь. Чудесная, прекрасная жизнь. Радость новорожденного, гордость родителя, удовлетворение от проделанной работы. Все это от меня. Но с этим покончено, Кельсер. Эта планета – отживший свое старик, испускающий последние вздохи. Дать отдохновение, которое ему требуется, – не зло, а милосердие.

Кельсер посмотрел на руку Разрушителя: под кожей проступали острые кончики паучьих лап.

– Но кому я это говорю? – вздохнул Разрушитель, убирая руку. – Человеку, который не смирился с собственным концом, хотя этого жаждала его душа, а его жена хотела, чтобы он присоединился к ней в Запределье. Нет, Кельсер, я не жду, что ты поймешь, почему всему необходим конец. Если хочешь, продолжай считать меня злом.

– Что плохого в том, чтобы дать нам еще немного времени? – спросил Кельсер. Разрушитель рассмеялся.

– Все тот же вор, прикидывающий, что же сойдет ему с рук. Нет, отсрочка была дарована уже много раз. Как я понимаю, послания не будет?

– Будет. Передай Мутному, чтобы он взял что-нибудь длинное, жесткое и острое и вогнал тебе в задницу за меня.

– Как будто он может кому-то навредить, даже мне. Ты сознаешь, что, если бы контроль был у него, никто бы не старел, никто бы не мыслил и не жил? Если бы все

подчинялось его воле, вы все застыли бы во времени, неспособные действовать, чтобы нечаянно не причинить друг другу вред.

– Поэтому ты его убиваешь.

– Как я и сказал, – ухмыльнулся Разрушитель, – из милосердия. Старик давно не первой свежести. Но если в твоих планах лишь оскорблять меня, я, пожалуй, пойду. Жаль, что ты будешь на этом острове, когда наступит конец. Наверно, тебе хотелось бы поприветствовать остальных, когда они умрут.

– Не может быть, чтобы это случилось так скоро.

– К счастью, может. Но даже если бы ты мог чем-то помочь, здесь ты бесполезен. Какая жалость.

«Конечно, – подумал Кельсер. – И ты пришел сказать мне об этом, вместо того чтобы тихонько радоваться тому, что меня там нет».

Мало кому удавалось провести Кельсера. Разрушитель хотел, чтобы он поверил в то, что конец очень близок и что его путешествие не имеет смысла.

А значит, это не так.

«Охранитель сказал, что не может уйти вместе со мной, – подумал Кельсер. – Разрушитель скован таким же образом, по крайней мере, пока не уничтожен мир».

Возможно, впервые за много месяцев ему удастся избавиться от корчащегося неба и от глаз Разрушителя. Отсалютовав, Кельсер собрал костер и зашагал вниз по холму.

– Бежишь, Кельсер? – Разрушитель появился на склоне, сложив руки на груди. Кельсер прошел мимо. – От судьбы не сбежать. Ты привязан к этому миру и ко мне.

Кельсер не останавливался, и Разрушитель возник у подножия холма в той же позе.

– Те глупцы в крепости тебе не помогут. Думаю, когда наступит конец этого мира, я нанесу им визит. Они и так существуют гораздо дольше, чем следует.

Кельсер замер на границе суши из темного камня, такой же, как ставшее островом озеро, но еще больше. Океан превратился в континент.

– Я убью Вин в твое отсутствие, – прошептал Разрушитель. – Всех их убью. Подумай об этом по пути, Кельсер. Если к твоему возвращению что-то останется, возможно, ты мне понадобишься. Спасибо за все, что сделал в моих интересах.

Кельсер ступил на океан-континент, оставив Разрушителя на берегу. Он почти видел длинные пряди силы, которые оживляли марионетку и даровали ужасной силе голос.

Проклятье, его слова – ложь. Он знал это.

Но они все равно причиняли боль.

Часть 5. Айри

1

Кельсер надеялся, что после исчезновения с неба Разрушителя солнце вернется, но, пройдя приличное расстояние, он, похоже, оставил свой мир позади, а вместе с ним и солнце. Здесь в небе разлилась лишь черная пустота. В конце концов Кельсеру удалось привязать слабеющий костер к навершию посоха какими-то лозами, превратив его в импровизированный факел.

Было очень непривычно пробираться по темному ландшафту с посохом, увенчанным целым костром. Однако поленья не развалились, и костер оказался не таким уж тяжелым, да и не таким уж горячим, особенно если Кельсер не заставлял его проявляться в этой реальности полностью.

Кельсера окружали растения, казавшиеся реальными на вид и на ощупь, хоть и странных разновидностей: одни с коричневато-красными листьями-ветвями, другие с широкими листьями-лопастями. Много деревьев – целые джунгли экзотических растений.

Также встречались клочья тумана. Встав на колени и всмотревшись, Кельсер различал маленьких светящихся духов – рыб и морских растений. Здесь они проявлялись над землей, хотя на другой стороне, в океане, скорее всего, скрывались на глубине. Кельсер поднял душу какого-то массивного глубоководного создания, похожего на рыбу, только величиной с дом, и ощутил, насколько оно увесистое.

Окружающий мир казался абсурдным, но такова уж в последнее время вся его жизнь. Он выбросил душу рыбины и двинулся дальше через заросли по пояс, освещая путь посохом.

Чем дальше Кельсер отходил от побережья, тем сильнее тянуло его душу. Так проявлялись узы с оставшимся позади миром. Он и без всяких экспериментов знал, что в конечном счете эта тяга возрастет настолько, что не получится двигаться дальше.

Этим можно было воспользоваться – судить по тяге, удаляется он от своего мира или просто кружит в темноте. Без дорог и каналов других способов определять направление не осталось.

Судя по тому, как тянуло душу, Кельсер продвигался прямо вперед, все дальше от родины. Неизвестно, доберется ли он на этом пути до цели, но ничего лучше придумать не удалось.

Спустя несколько дней джунгли наконец поредели. Теперь растения встречались лишь на отдельных участках, их место заняли необычные скалистые образования, похожие на глянцевые зубчатые скульптуры высотой десять футов и выше. Кельсер не знал, что о них и думать. Ему больше не попадались души рыб, будто ни в одной реальности не осталось ничего живого.

Тяга возросла настолько, что приходилось прилагать усилия, чтобы идти вперед. Кельсер забеспокоился, что будет вынужден повернуть обратно, когда наконец заметил кое-что новое.

Свет на горизонте.

2

Когда у тебя, по сути, нет тела, подкрадываться гораздо легче.

Кельсер скользил в тишине, оставив плащ, мешок и посох. Вокруг встречались растения, но он мог двигаться через них, даже не тревожа листву.

Пульсирующий свет исходил от крепости из белого камня, больше похожей на город. Свет был необычным: он не казался обжигающим и не мерцал, как пламя. Негашеная известь? Кельсер подкрался ближе и остановился возле одного из странных скалистых образований, с которого, как ветви, свисали крючковатые шипы.

Стены самой крепости слегка светились. Туман? Нет, оттенок немного другой, слишком синий. Держась в тени скал, Кельсер обогнул крепость и направился к более яркому источнику света.

Оказалось, что это огромный канат толщиной с древесный ствол. Свет в нем медленно и ритмично пульсировал и имел тот же оттенок, что и стены, только ярче. Похоже, это некий энергетический проводник. Канат тянулся вдаль, его было хорошо видно в темноте за многие мили.

Другой его конец исчезал за большими воротами крепости. Подкравшись ближе, Кельсер обнаружил тонкие линии энергии, бегущие по каменным стенам. Они разветвлялись на все более тонкие, подобно светящейся сетке вен.

Крепость оказалась высокой и внушительной, без декоративных украшений. Отдельных укреплений вокруг нее не имелось, стены были отвесными. По крыше сновали стражники. Когда один из них прошел мимо, Кельсер вжался в землю. Он мог погрузиться в нее полностью, став практически незаметным, хотя для этого требовалось вцепиться и втягиваться в нее, пока не скроется из виду все тело до макушки.

Стражники его не заметили. Выбравшись из земли, Кельсер подошел вплотную к стене крепости, приложил руку к сияющему камню и снял образ каменной стены далеко отсюда, среди незнакомой местности с поразительными зелеными растениями. Ахнув, Кельсер отдернул руку.

Это были не камни, а духи камней – такие же, как дух костра. Их перенесли сюда и выстроили из них крепость. Кельсер вдруг понял, что нечего гордиться, если сумел раздобыть себе посох и мешок.

Он снова прикоснулся к камню и оглядел зеленый пейзаж. Как раз об этом рассказывала Мэйр – о крае под ясным голубым небом.

«Другая планета, – решил он. – Не разделившая нашей участи».

На миг отвлекшись от представшего образа, Кельсер запустил пальцы в дух камня. Как ни странно, чувствовалось сопротивление. Стиснув зубы, Кельсер надавил сильнее. Ему удалось погрузить пальцы дюйма на два, не больше.

«Дело в свете», – подумал он.

Свет его отталкивал. И чем-то походил на свет душ.

Что ж, сквозь стену не проникнуть. Что дальше? Кельсер вернулся в тень поразмыслить. Попытаться пробраться через ворота? Он обошел крепость, обдумывая эту мысль, и вдруг почувствовал себя глупцом. Поспешно вернувшись к стене, он прижал руку к камню и погрузил пальцы на несколько дюймов, потом, потянувшись вверх, проделал то же самое другой рукой.

И начал подниматься по стене.

Кельсер скучал по стальному отталкиванию, однако новый метод оказался довольно эффективным. За стену можно было схватиться где угодно, и в этой форме он почти ничего не весил. Пока он сохранял сосредоточенность, подниматься было легко. Очень отвлекали видения местности с зелеными растениями. Нигде ни частички пепла.

В глубине души он всегда считал цветок Мэйр сказкой. Место выглядело странно, но привлекало нездешней красотой, так и манило к себе. К сожалению, стена все так же выталкивала его пальцы, и все внимание уходило на то, чтобы

удержаться. Кельсер продвигался вверх. Насладиться роскошным видом зеленой травы и приятных холмов можно и в другой раз.

Хорошо, что на одном из верхних этажей оказалось окно, достаточно большое, чтобы в него залезть. На верху крепости от стражников так просто не скрыться. Кельсер скользнул внутрь и очутился в длинном каменном коридоре. Его освещала паутина силы, бегущая по стенам, полу и потолку.

«Видимо, энергия не дает камням испариться», – подумал Кельсер. Все души, которые он принес с собой, начали изнашиваться, однако эти камни оставались твердыми и целыми. Тонкие линии силы неким образом поддерживали духов камней и, возможно, как побочный эффект, препятствовали людям вроде Кельсера проникать сквозь стены.

Кельсер крадучись двинулся по коридору. Он не знал, что ищет, но, если сидеть снаружи и ждать, ничего не добьешься.

Из-за силы, пронизывающей это место, Кельсер по-прежнему видел образ другого мира. К своему неудовольствию, он также обнаружил, что энергия словно пропитывает его самого, смешиваясь с энергией его души, в свою очередь, уже тронутой силой Источника. На несколько коротких мгновений ему показалось, что место с зелеными растениями выглядит нормально.

По коридору разнеслось эхо голосов. Говорили на странном языке с произношением в нос. Готовый к подобному, Кельсер вылез из окна и повис снаружи.

Мимо по коридору торопливо прошли двое стражников. Выглянув, Кельсер увидел, что у них светлая кожа, на плечах длинные бело-голубые накидки и вооружены стражники пиками. Они вполне могли сойти за выходцев из какого-нибудь доминиона, если бы не их странный язык. Они говорили очень живо, и когда до Кельсера донеслись слова, ему показалось, что он может кое-что разобрать.

«Да, они говорят на языке бескрайних полей, зеленых растений – на языке земли, откуда привезли эти камни. И источник этой силы...»

– ...практически уверен, что что-то заметил, господин, – сказал один стражник.

Слова дошли до Кельсера несколько странно. С одной стороны, ему казалось, что он не должен ничего понимать. С другой стороны, он в тот же миг постигал смысл.

– Как сюда мог добраться тренодиец? – огрызнулся другой стражник. – Говорю тебе, это противоречит здравому смыслу.

Стражники скрылись за дверьми в другом конце коридора. Заинтригованный, Кельсер влез обратно. Значит, стражник увидел его снаружи? На общую тревогу не похоже, так что если его и заметили, то мельком.

Кельсер взвесил мысль о бегстве, но решил последовать за стражниками. Большинство воров-новичков во время проникновения старались их избегать, однако по опыту Кельсер знал, что лучше сесть им на хвост – стражники всегда держатся вблизи самых важных ценностей.

Неизвестно, могут ли они причинить ему вред, но лучше не проверять, поэтому Кельсер соблюдал дистанцию. Покружив по коридорам, стражники исчезли за какой-то дверью. Подкравшись, Кельсер приоткрыл ее и был вознагражден видом большого зала. Небольшая группа стражников возилась с необычным устройством. В центре, ярче стен, сиял желтый драгоценный камень с кулак Кельсера. Камень

окружала, удерживая на месте, решетка из золотого металла. Вся конструкция была размером с настольные часы.

Кельсер подался вперед. Этот камень... стоит целое состояние.

Дверь на противоположной стороне зала распахнулась, и несколько стражников подскочили от неожиданности, а затем отсалютовали. Вошедшее существо напоминало... ну, в целом человека. Иссохшая лысая женщина с морщинистыми губами и необычной темно-серебристой кожей слегка сияла тем же сине-белым светом, что и стены.

– В чем дело? – рявкнуло существо на языке земли зеленых растений.

Капитан стражников отсалютовал.

– Скорее всего, ложная тревога, древняя. Маод говорит, что заметил что-то снаружи.

– Выглядел как человек, древняя, – подал голос другой стражник. – Я своими глазами видел. Он ощупал стену, погрузил пальцы в камень, но получил отпор и отступил. В темноте я его потерял.

Все-таки его заметили. Проклятье. По крайней мере, им неизвестно, что он пробрался в крепость.

– Надо же, – промолвило древнее существо. – Теперь мой дар предвидения не кажется таким уж глупым, капитан? Силы Тренодии хотят присоединиться к основным событиям. Включите устройство.

У Кельсера тут же засосало под ложечкой. Чем бы ни было это устройство, для него это ничем хорошим не кончится. Развернувшись, он бросился по коридору к одному из окон. Мощный золотистый свет драгоценного камня за его спиной померк.

Кельсер ничего не почувствовал.

– Что ж, в дне пути отсюда нет никого из Тренодии, – эхом донесся голос капитана. – Все-таки тревога ложная.

Кельсер помедлил в пустом коридоре, потом осторожно подкрался обратно к двери и заглянул в зал. Стражники и иссохшее существо с недовольным видом стояли вокруг устройства.

– Я не сомневаюсь в вашем даре предвидения, древняя, – продолжал капитан, – но я полагаюсь на мои силы на границе Тренодии. Здесь нет теней.

– Возможно. – Существо прикоснулось пальцами к драгоценному камню. – А возможно, Маод ошибся насчет того, что это когнитивная тень. Пусть стражники не теряют бдительности, и на всякий случай оставь устройство включенным. Момент слишком подходящий для простого совпадения. Мне нужно поговорить с остальными Айри.

Кельсер уловил смысл слова «Айри» на языке земли зеленых растений. Оно означало возраст, и у Кельсера перед глазами вдруг возник необычный символ из четырех точек и нескольких волнистых, как речная рябь, линий.

Кельсер потряс головой, отгоняя видение. Существо направилось в его сторону. Он бросился прочь и едва успел добежать до окна и повиснуть снаружи, как существо открыло дверь и вышло в коридор.

«Новый план, – решил Кельсер. Он висел на стене, чувствуя себя абсолютно незащищенным. – Следую за непонятной дамочкой, которая тут распоряжается».

Отпустив ее немного вперед, Кельсер бесшумно отправился следом. Женщина свернула во внешний коридор крепости, упершийся в охраняемую дверь, и вошла внутрь, а Кельсер, недолго думая, вылез в очередное окно.

Нужно соблюдать осторожность. Стражники на крыше станут пристально стеречь стены, если этого уже не случилось. К несчастью, вряд ли получится миновать эту дверь так, чтобы к нему не сбежалась вся крепость. Кельсер перебрался по внешней стене к следующему окну, уже за охраняемой дверью. Оно оказалось меньше прежних и больше походило на бойницу, чем на нормальное окно, но, к счастью, вело в ту комнату, куда направилась странная женщина.

Кельсер прижался к окну и заглянул внутрь, опасно повиснув футах в пятидесяти над землей. В комнате обнаружилась целая группа иссохших существ. Они что-то обсуждали. У всех была такая же серебристая кожа, но у двоих на тон темнее, чем у остальных. Существа мало различались между собой: все они были очень старыми, мужчины – полностью лысыми, женщины – почти, все носили одинаковые отличительные одеяния белого цвета, с капюшонами и серебряной вышивкой на манжетах.

Интересно, что свет от стен в комнате казался слабее. Эффект особенно проявлялся вблизи существ, будто... они сами впитывали свет.

Кельсер наконец узнал женщину с морщинистыми губами и длинными пальцами, которую видел раньше. Ее одеяние было особенно пышно расшито серебром.

– Нужно ускорить график, – сказала она остальным. – Я не верю, что это происшествие – случайность.

– Вот еще, – возразил мужчина с чашей светящейся жидкости в руках. – Вечно ты от всего шарахаешься, Алоное. Не всякое совпадение – знак того, что кто-то зачерпнул Удачи.

– И ты не согласен с тем, что хорошо бы соблюдать осторожность? – требовательно спросила Алоное. – Мы зашли слишком далеко и потратили слишком много сил, чтобы упустить награду.

– Сосуд Охранения почти угас, – сказала другая женщина. – Приближается наше время ударить.

– Целый осколок, – отозвалась Алоное. – Наш.

– А если тот, кого заметили стражники, – посланец Разрушителя? – спросил мужчина. – Если наши планы раскрыты? Вдруг сосуд Разрушения прямо сейчас следит за нами?

Алоное, похоже, встревожилась и глянула вверх, будто ища в небе следящий взор осколка, но потом взяла себя в руки и твердо сказала:

– Я рискну.

– Мы в любом случае навлечем его гнев, – заметило еще одно существо. – Мы будем в безопасности, если один из нас вознесется к Охранению. Только тогда.

Существа замолчали, и Кельсер задумался над услышанным. Значит, осколок можно прибрать к рукам. Мутный почти мертв, но если кто-то захватит его силу, когда тот умрет...

Но Охранитель ведь сказал Кельсеру, что это невозможно? «У тебя все равно не получится ее удержать. Твоя связь со мной недостаточно сильная».

Он и сам это понял в том месте вне времени. Неужели связь между этими существами и Охранителем достаточная, чтобы забрать силу? Вряд ли. Тогда что они задумали?

– Начинаем. – Мужчина оглядел остальных. Один за другим они кивнули. – Да защитит нас Преданность. Начинаем.

– Преданность не понадобится, Эльрао, – сказала Алоное. – У вас буду я.

«Только через мой труп... – подумал Кельсер. – Вернее... что-то вроде того.

– Значит, ускоряем график. – Эльрао отпил светящейся жидкости из чаши и поднялся. – В хранилище?

Остальные кивнули, и все вместе они вышли из комнаты.

Кельсер подождал, пока они уйдут, и попытался просочиться в окно. Оно было слишком маленьким для человека, но он уже не совсем человек. Удалось на несколько дюймов погрузиться в камень и, приложив изрядное усилие, сжаться и протиснуться в щель.

Наконец он вывалился в комнату, вернув плечи на место. От всех этих ухищрений зверски разболелась голова. Кельсер уселся спиной к стене и подождал, пока боль утихнет, прежде чем тщательно обыскать комнату.

Нашлось немного: пара бутылок вина да горстка драгоценных камней в одном из ящичков. Все было настоящим, а не проявленными в этой реальности душами.

Еще одна дверь вела во внутреннюю часть крепости. Кельсер перешел в следующую комнату, предварительно убедившись, что за дверью никого нет. Эта комната оказалась спальней и выглядела более обещающей. Покопавшись в шкафах, Кельсер обнаружил несколько одеяний, какие носили иссохшие люди. И наконец на маленьком столике у камина его ждал главный куш – книга с набросками необычных символов наподобие того, что ему примерещился. Он смутно чувствовал, что может их понимать.

Да... Это была письменность, хотя большинство страниц заполняли термины, которые ему не постичь, даже если он однажды научится читать сами символы. Такие термины, как, например, «Адональсиум», «Связь», «реалматическая теория».

Впрочем, на последних страницах обнаружился результат всех заметок и набросков – некое загадочное устройство в форме сферы. Ее можно было разбить, поглотить энергию и таким образом на короткий миг обрести связь с Охранением подобно тем прядям, что Кельсер видел в месте вне времени.

Вот в чем заключался их план: отправиться к месту смерти Охранителя, зарядиться с помощью устройства и поглотить силу – вознестись и занять его место.

Смело. Именно такими планами всегда восхищался Кельсер. Он наконец понял, что именно у них украдет.

3

Воровство – самая искренняя разновидность лести.

Что приносит больше удовлетворения, чем осознание того, что вещи, которыми ты владеешь, настолько заманчивые, пленительные и ценные, что другой человек пойдет на риск ради того, чтобы их заполучить? Цель жизни Кельсера состояла как раз в том, чтобы напоминать людям о ценности любимых вещей – присваивая их себе.

Его больше не привлекало мелкое воровство. Да, он прикарманил драгоценные камни из комнаты наверху, но скорее из прагматизма. После Ям Хатсина его перестала интересовать кража обычных вещей.

Теперь он крал нечто гораздо более значительное – мечты.

Выбравшись из крепости, он притаился между двумя кручеными шипами из черного камня. Стало ясно, зачем строить такое укрепление вблизи владений Охранителя и Разрушителя. Крепость обеспечивала защиту хранилища, а внутри этого хранилища скрывалась невероятная возможность, благодаря которой при благоприятных обстоятельствах из человека можно сотворить бога.

Попасть внутрь практически невозможно. У Айри есть стражники, замки, ловушки и загадочные устройства, которых Кельсер не мог ни учесть, ни предугадать. Пробраться в хранилище и обчистить его – настоящее испытание мастерства, и, скорее всего, он потерпит неудачу.

Он решил даже не пытаться.

С большими, защищенными хранилищами дело всегда обстоит так, что нельзя держать в них ценности вечно. Рано или поздно эти ценности понадобятся, и тогда у людей вроде Кельсера появляется шанс. Поэтому он ждал, готовился и строил планы.

Миновала неделя или около того – Кельсер отсчитывал дни по смене стражи. Наконец из крепости выступила экспедиция – торжественная процессия из двадцати всадников с фонарями.

«Лошади, – подумал Кельсер, стараясь не отставать в темноте. – Неожиданно».

Впрочем, даже верхом они продвигались не особенно быстро. Кельсер без труда поддерживал нужный темп, тем более что больше не уставал.

Он насчитал пятерых иссушенных древних и пятнадцать солдат. Любопытно, что все древние были одеты практически одинаково, в похожие одеяния с капюшонами. Через плечо у них висели кожаные кошель, выполненные в том же стиле, что и седельные сумки.

«Обманный маневр, – решил Кельсер. – Если кто-нибудь нападет, они разделятся, и враг не поймет, за кем гнаться».

Этим можно воспользоваться, раз уж Кельсер догадывался, кто везет связующее устройство. Алоное, властная женщина, которая, видимо, у них главная, не из тех, кто позволит власти ускользнуть из ее хилых пальцев. Она собирается стать Охранителем и не рискнет доверить устройство кому-то из собратьев. Вдруг им взбредет в голову использовать устройство самим?

Нет, оружие при ней. Оставалась только одна проблема – как его у нее забрать.

Кельсер решил не спешить. Бежали дни, процессия преодолевала милю за милей по темному ландшафту, а Кельсер держался следом и строил планы.

Воры делятся на три основных типа. Первый приставляет нож к горлу и шепчет угрозы. Второй работает под покровом ночи. И третий – цинковязыкий... любимый тип Кельсера. Вместо ножа он пользуется суматохой, вместо того чтобы подкрадываться, действует открыто.

Лучшая разновидность воровства – когда жертва вообще не понимает, что случилось. Конечно, здорово скрыться с большим кушем, но какой в этом толк, если на следующий день в твою дверь постучит городская стража. Кельсер предпочитал удовольствоваться половиной добычи, но быть уверенным в том, что его обман не откроется еще много недель.

А верх мастерства – повернуть кражу так ловко, чтобы жертва никогда не обнаружила пропажи.

Каждую «ночь» экспедиция разбивала лагерь: скатки раскладывали тесной кучкой вокруг костра, очень похожего на тот, что лежал в мешке у Кельсера. Древние доставали банки со светом и пили из них, возвращая свечение коже. Они мало разговаривали. Казалось, эти люди не столько друзья, сколько группа аристократов, из необходимости считающих друг друга союзниками.

Каждый вечер вскоре после еды древние укладывались на скатки. Они выставляли охрану, но не спали в палатках, да и зачем им палатки? Здесь не нужно прятаться ни от дождя, ни от ветра. Вокруг лишь темнота, шелестящие растения и мертвец.

К сожалению, Кельсер не мог придумать, как добраться до оружия. Алоное спала с кошельем в руках, под наблюдением двух стражников. Каждое утро она проверяла, на месте ли оружие. Однажды утром Кельсеру удалось мельком увидеть сияющий свет внутри кошелька, и он убедился, что ее кошелек не обманка.

Что ж, всему свое время. Первый шаг – посеять суматоху. Дождавшись подходящей ночи, Кельсер погрузился под землю и протолкнулся сквозь камень. Это напоминало плавание в очень вязкой грязи.

Он подобрался к месту, где Алоное устроилась на ночь, и высунул из-под земли только губы. «У Докса случился бы припадок от смеха, если бы он это увидел», – подумал Кельсер. Что ж, ему хватало самонадеянности, чтобы не бояться уязвить собственную гордость.

– Итак, – прошептал он Алоное на ее языке, – ты мечтаешь овладеть силой Охранителя. Думаешь, у тебя лучше получится сопротивляться мне?

Кельсер спрятался обратно. Под землей было темно, как ночью, но до него донеслись топот и испуганные крики. Он отплыл подальше и выставил ухо наружу.

– Это был Разрушитель! – воскликнула Алоное. – Клянусь, это, наверно, его сосуд. Он говорил со мной.

– Значит, он и правда знает, – произнес другой древний. Кельсер решил, что это Эльрао, который спорил с Алоное в крепости.

– Твои защитные чары должны были ему помешать! – вскинулась Алоное. – Ты сказала, что они не дадут ему ощутить устройство!

– У него есть способы узнать о нас и без того, чтобы почувствовать шар, Алоное, – заметила другая женщина. – Мое мастерство требует больших усилий.

– Вопрос не в том, как он нас нашел, – сказал Эльрао. – Вопрос в том, почему он нас не уничтожил.

– Сосуд Охранения еще жив, – задумчиво произнесла другая женщина. – Возможно, поэтому Разрушитель не вмешивается напрямую.

– Не нравится мне это, – проговорил Эльрао. – Думаю, нужно повернуть обратно.

– Мы все решили, – возразила Алоное. – Мы идем вперед. Не обсуждается.

Переполох в лагере мало-помалу стих, и древние вернулись к скаткам, хотя и оставили дежурить больше стражников, чем обычно. Кельсер улыбнулся и снова подплыл к голове Алоное.

– Как бы ты хотела умереть, Алоное? – прошептал он и нырнул обратно под землю.

Той ночью больше никто не заснул. На следующий день по темному ландшафту двигалась заспанная процессия. Ночью Кельсер подергал их снова. И еще. Следующая неделя превратилась для них в ад. Он нашептывал разным участникам экспедиции страшные обещания и даже гордился тем, что придумал столько способов отвлечь, испугать и поиграть на нервах. Ему не представилось возможности стащить кошель Алоное – за ним стали присматривать еще внимательнее. Зато одним утром удалось стащить кошель другого древнего, пока остальные собирали лагерь. В нем оказался лишь поддельный стеклянный шар.

Кельсер продолжал сеять раздор. К тому времени, как экспедиция добралась до джунглей с необычными деревьями, терпение древних истощилось. Они отгрызались друг на друга и все меньше отдыхали утром и ночью. Половина группы не сомневалась, что нужно вернуться, но Алоное настаивала на том, что если «Разрушитель» лишь разговаривает с ними, то не в силах их остановить. Разногласия в группе нарастали, но Алоное заставила их двигаться дальше, вглубь джунглей.

Как раз этого хотел Кельсер. Он мог проходить через заросли так, будто их не было, и в густых джунглях легко держался впереди лошадей. Обогнав древних, он подготовил небольшой сюрприз и, вернувшись, обнаружил, что они снова спорят. Идеально.

Он протиснулся внутрь одного из деревьев, выставив наружу лишь руку с ножом-подарком Нажа. Когда лошади проходили мимо, Кельсер потянулся и полоснул одну по крупу.

Лошадь заржала от боли, и воцарился хаос. У древних, ехавших впереди, нервы были натянуты до предела после того, как Кельсер целую неделю пытал их своими нашептываниями. Они бросили поводья, и лошади понесли. Солдаты завопили, решив, что на них напали. Древние поскакали в разные стороны, некоторые вывалились из седел, вломившись в заросли.

Кельсер бросился через джунгли, догоняя скачущих впереди. Алоное удавалось сдерживать лошадь, но среди деревьев было еще темнее, чем на открытом месте, а фонари дико дергались из-за скачки. Кельсер проскочил мимо Алоное к тому месту, где между двумя деревьями натянул и привязал лианами свой плащ.

Когда показались первые всадники, измученные и поредевшие в числе, Кельсер взобрался на дерево и влез в плащ. Внутри плаща он прикрепил костер и пробудил его к жизни. Над головами и без того измученных древних вдруг возникла пылающая фигура.

Они завопили, решив, что до них добрался Разрушитель, и в суматохе бросились врассыпную.

Кельсер спрыгнул на землю и заскользил в темноте, держась параллельно с Алоное и стражником, который сумел не отстать от нее. Ее лошадь вскоре запуталась в зарослях. Идеально. Нырнув в сторону, Кельсер вернулся к тайнику с вещами и набросил на себя одно из найденных в крепости одеяний, а потом, цепляясь за кусты, подобрался ближе к Алоное.

Встав так, чтобы она его увидела, он позвал ее и помахал рукой. Алоное решила, что наткнулась на своих. Вместе с единственным оставшимся стражником они пустили лошадей рысью в сторону Кельсера, однако лишь больше удалились от

основной группы. Кельсер увел их еще дальше, а затем растаял в темноте. Алоное и ее стражник остались в одиночестве.

Кельсер бросился через темный подлесок к остальной группе. Его фантомное сердце колотилось как бешеное.

Как же он скучал по этому ощущению.

Афера. Восторг от того, что играешь людьми, как на флейте, крутишь ими, как хочешь, сворачиваешь им мозги в трубочку. Кельсер бежал через лес, прислушиваясь к испуганным крикам, окликам солдат, фырканию и ржанию лошадей. В этом участке густого леса воцарилась дичайшая какофония.

Неподалеку один из иссушенных древних собирал солдат и своих собратьев, призывая сохранять спокойствие. Он повел их обратно, возможно, чтобы объединиться с теми, кто первыми откололись от группы.

Кельсер в том же одеянии, с украденным кошельком через плечо, улегся на землю на пути группы и подождал, пока его заметят.

– Сюда! – крикнул стражник. – Это...

Кельсер погрузился под землю, освободившись от одеяния и кошелька. Стражник завопил, когда на его глазах растаяла одна из древних.

Чуть подальше Кельсер выбрался из-под земли. Группа толпилась вокруг его вещей.

– Она распалась, древняя! – воскликнул стражник. – Я видел это собственными глазами.

– Это же одеяние Алоное, – потрясенно прошептала древняя, схватившись за сердце.

Другой древний заглянул в кошель:

– Пусто. О чем мы только думали?

– Назад, – скомандовал Эльрао. – Назад! По коням! Мы уходим. Да будет проклята Алоное и ее замысел!

Через несколько мгновений их и след простыл. Кельсер подошел к брошенному одеянию и прислушался к тому, как основная часть экспедиции спешно продирается сквозь джунгли, пытаясь избежать встречи с ним.

Покачивая головой, он вернулся к Алоное и ее единственному стражнику. Они пытались следовать за основной группой по звуку. Учитывая обстоятельства, получалось у них неплохо.

Когда древняя отвернулась, Кельсер схватил стражника за шею и утащил во тьму. Стражник вырывался, но Кельсер применил удушающий прием и быстро вывел его из строя. Бесшумно оттащив тело, он вернулся и обнаружил, что древняя стоит с фонарем в руке возле лошади и отчаянно озирается по сторонам.

В джунглях воцарилась жуткая тишина.

– Эй? – окликнула она. – Эльрао? Риина?

Кельсер ждал в тени. Крики становились все более надрывными. Наконец женщина сорвала голос и, вымотавшись, тяжело опустилась на землю.

– Оставь его, – прошептал Кельсер.

Алоное подняла испуганные покрасневшие глаза. Древняя или нет, однако она до сих пор могла испытывать страх. Ее взгляд метался из стороны в сторону, но Кельсер хорошо спрятался.

– Оставь его, – повторил он.

Еще раз просить не пришлось. Дрожащая женщина кивнула, сняла кошель и вытащила из него большой стеклянный шар. Он сиял так ярко, что Кельсер немного отступил, чтобы не раскрыть себя. Да, в шаре была сила, великая сила. В нем плескалась светящаяся жидкость намного чище и ярче той, что пили древние.

Женщина пошла к лошади. В каждом ее движении сквозила усталость.

– Пешком, – скомандовал Кельсер.

Женщина обернулась, искала его взглядом в темноте, но не увидела.

– Я... – Она облизнула морщинистые губы. – Я могла бы служить тебе, сосуд. Я...

– Прочь, – приказал Кельсер.

Вздвогнув, она отстегнула седельные сумки и вялым движением закинула их на плечо. Он ей не препятствовал. Видимо, без этих банок с сияющей жидкостью древней не выжить, а он не желал ей смерти. Просто нужно, чтобы она отстала от спутников. Встретившись, они наверняка сравнят истории и поймут, что их обвели вокруг пальца.

А возможно, и нет. Алоное побрела в джунгли. Вот бы они решили, что их и правда перехитрил Разрушитель. Кельсер дождался, пока она скрылась из виду, вышел из тени и поднял большой стеклянный шар. Похоже, его никак не открыть, только разбить.

Кельсер потряс шар, глядя на невероятный, завораживающий, жидкий свет внутри.

Давно он так не веселился.

Часть 6. Герой

1

Кельсер бежал по разрушенному миру. Как только он шагнул с океана на туманную землю Последней империи, беда стала очевидной. Его встретили руины – обвалившиеся дома, разбитые улицы. Целый город словно соскользнул в океан. Кельсер понял, в чем дело, только когда поднялся на холм и заметил туманные остатки домов, торчащие из океана дальше по побережью.

Потом стало лишь хуже: пустые города, огромные кучи пепла. Они проявлялись на этой стороне как холмы, и Кельсер не сразу понял, что у него под ногами.

Спустя несколько дней он миновал маленькую деревню. В одном доме сбились в кучку несколько сияющих душ. На его глазах обрушилась крыша и погребла всех под пеплом. Три огонька сразу погасли, оборвав связи с физическим миром, и души покрытых пеплом скаа вывалились в когнитивную реальность.

Охранитель их не встретил.

Кельсер схватил за руку пожилую женщину. Она вздрогнула от его прикосновения и уставилась на него выпученными глазами.

– Вседержитель!

– Нет, – сказал Кельсер. – Но почти. Что происходит?

Женщину потянуло прочь. Ее спутники уже исчезли.

– Конец... – прошептала она. – Всеу конец...

И растаяла. В руке встревоженного Кельсера осталась лишь пустота.

Он побежал дальше. Его терзала вина за то, что он бросил лошадь в лесу, но там ей точно лучше, чем здесь.

Неужели он опоздал? И Охранитель уже умер?

Кельсер мчался со всех ног, стеклянный шар оттягивал мешок. Возможно, дело в спешке, но он ощущал еще большую целеустремленность, чем по дороге к океану. Ему не хотелось смотреть на погибающий мир, на смерть вокруг. Уж лучше загнать себя до изнеможения, что он и делал, отдавая последние силы.

День за днем, неделя за неделей. Не останавливаясь, не оглядываясь. До тех пор, пока...

«Кельсер».

Он резко замер посреди поля. Ветер разносил пепел. У него возникло отчетливое чувство: в физическом мире сгустился туман. Сияющий туман. Сила. Он не видел его на этой стороне, но ощущал повсюду вокруг себя.

– Мутный? – Кельсер поднес руку ко лбу. Неужели показалось?

«Не туда, Кельсер, – сказал голос, будто издалека. Да, это Охранитель. – Мы не... не... там...»

На Кельсера обрушилась невероятная усталость. Где же он находится? Он крутанулся на месте, выискивая ориентиры, но это было непросто. Пепел засыпал каналы. Кельсер вспомнил, как пару недель назад плывал в земле, чтобы их найти. Потом... он просто бежал...

– Куда? Мутный?

«Так... устал...»

– Я понимаю, – прошептал Кельсер. – Мутный, я понимаю.

«Фадрекс. Иди в Фадрекс. Ты близко...»

Фадрекс? Кельсер бывал там в юности. Это к югу от...

Он различил вдали едва видимую в когнитивной реальности зыбкую вершину горы Мораг. Значит, север там.

Повернувшись спиной к пепельной горе, Кельсер понесся изо всех сил и будто в мгновение ока добрался до города. Его ждало радостное, желанное зрелище – души.

Город жил. Стражники дежурили в башнях и на высоких стенах, окружающих город. Люди гуляли по улицам, спали в постелях, наполняли дома прекрасным ярким светом. Миновав городские ворота, Кельсер попал в чудесный город, где люди все еще боролись, и, окунувшись в теплое сияние, понял, что не опоздал.

К несчастью, это место привлекало не только его внимание. Во время бега Кельсер противился желанию глянуть вверх, но теперь ничего другого не оставалось, и он увидел бурлящую массу. Похожие на черных змей отростки переплетались, заполонив собой все небо до горизонта. Разрушитель следил. Он был здесь.

А где же Охранитель? Кельсер шагал по городу и восстанавливал силы после долгого бега, наслаждаясь присутствием других душ. Он притормозил на каком-то углу и заметил под ногами кое-что – тончайшую прядь света, как очень длинный волосок. Опустившись на колени, он подобрал ее и понял, что она тянется по всей улице, невообразимо тонкая, слабо сияющая и при этом такая прочная, что не разорвать.

– Мутный? – Кельсер последовал за прядью до того места, где она соединялась с еще одной прядью – похоже, сеть охватывала весь город.

«Да. Я... пытаюсь...»

– Молодчина.

«Я не могу говорить с ними... Я умираю, Кельсер...»

– Держись, я кое-что нашел. Оно у меня в мешке. Я забрал его у тех существ, о которых ты говорил, – Айри.

«Я ничего не ощущаю».

Кельсер призадумался. Не хотелось показывать шар Разрушителю. Он подобрал прядь Охранителя, сунул ее в мешок и прижал к шару.

– А теперь?

«А-а... да...»

– Может он тебе помочь?

«К сожалению, нет».

У Кельсера упало сердце.

«Сила... сила принадлежит ей... Но она под властью Разрушителя, Кельсер. Я не могу... не могу отдать ее...»

– Ей? – спросил Кельсер. – Вин? Она здесь?

Прядь завибрировала в пальцах Кельсера, как струна музыкального инструмента. Издалека по ней катилась пульсация.

Кельсер последовал к ее источнику, снова отметив, как Охранитель окутал город своей сутью. Возможно, он решил, что раз уж его силы на исходе, то нужно осесть на город защитным слоем.

Охранитель привел его на небольшую городскую площадь, заполненную сияющими душами и кусочками металла на стенах. Как же ярко они сияли, особенно после долгих месяцев в одиночестве. Возможно, одна из этих душ Вин?

Нет, это нищие. Кельсер прошелся между ними и, касаясь кончиками пальцев, снял их образы в другой реальности. Все в пепле, кашляют, дрожат. Опустившиеся на самое дно мужчины и женщины Последней империи, которых сторонились даже скаа. Несмотря на все свои великие планы, Кельсер так и не смог улучшить жизнь этих людей.

Он замер на месте.

Этот последний нищий, привалившийся к старой кирпичной стене... что-то с ним не так. Кельсер вернулся, снова дотронулся до его души. Руки и лицо мужчины были обмотаны повязками, из-под повязок на голове торчали белые волосы. Совершенно белые волосы, цвет которых не смог скрыть даже вьевшийся пепел.

Кельсера вдруг пронзило болью, от кончиков пальцев прямо в душу. Он отскочил, а нищий посмотрел в его сторону.

– Ты! – воскликнул Кельсер. – Бродяга!

Нищий зашевелился, но потом отвернулся и зашарил взглядом по площади.

– Что ты здесь делаешь? – поинтересовался Кельсер.

Сияющая фигура не ответила.

Кельсер потряс рукой, пытаясь унять боль. Пальцы онемели. Что это было? И как беловолосый Бродяга сумел воздействовать на него в этой реальности?

На соседнюю крышу приземлилась маленькая сияющая фигурка.

– Проклятье. – Кельсер перевел взгляд с Вин на Бродягу, тут же бросился к стене дома и принялся отчаянно карабкаться на крышу. – Вин! Вин, держись от этого человека подальше!

Разумеется, кричать было бесполезно. Она его не слышала.

Кельсер все равно схватил ее за плечи и увидел в физической реальности. Когда она успела стать такой уверенной, такой искушенной? Раньше она сутулилась, но теперь стояла как женщина, у которой все под контролем. Распахнутый от удивления взгляд сменился проницательным прищуром. Волосы отросли, и от ее хрупкой фигурки теперь веяло гораздо большей силой, чем во время их первой встречи.

– Вин, – сказал Кельсер. – Вин! Послушай, пожалуйста. От этого человека одни неприятности. Не приближайся к нему. Не...

Склонив голову, Вин спрыгнула с крыши, подальше от Бродяги.

– Проклятье, она и правда меня услышала?

Или это просто совпадение? Кельсер спрыгнул за Вин, не беспокоясь о высоте. Он больше не владел алломантией, но почти ничего не весил и мог падать безо всякого вреда для себя. Мягко приземлившись, он побежал за Вин по пружинистой земле. Он старался не отстать и мчался сквозь дома, не обращая внимания на стены. И все-таки она от него отрывалась.

«Кельсер...» – прошептал голос Охранителя.

Его прошила вибрация – знакомая дрожь силы, тепло внутри. Похоже на то, как горят металлы. Его наполнила суть самого Охранителя.

Кельсер мог бежать быстрее, прыгать дальше. Это была не настоящая алломантия, а нечто более грубое и изначальное. Оно прокатывалось через него волнами, согревая душу. С его помощью Кельсер настиг Вин, когда она остановилась перед большим домом. Она тут же понеслась дальше по улице, но на этот раз ему, пусть и еле-еле, удавалось держать темп.

И она знала, что он рядом. Кельсер чувствовал это по тому, как она прыгала, пытаясь оторваться от погони или хотя бы увидеть преследователя. Хороша, ничего не скажешь, но Кельсер играл в эту игру десятки лет до ее рождения.

Вин его чувствовала. Почему? Как?

Она ускорила, и он тоже, хотя и с трудом. Его движения были неловкими. Сила Охранителя толкала вперед, но без изящества истинной алломантии. Он не мог притягивать и отталкивать металлы, лишь, подсакивая, хвататься за зыбкие стены домов и неровными прыжками бросаться дальше.

И все же Кельсер широко ухмыльнулся. Он и не осознавал, как сильно скучал по тренировкам с Вин в тумане, когда состязался с другим рожденным туманом и наблюдал, как его подопечная понемногу приближается к совершенству. Теперь она была хороша, даже чудесна. Она с поразительной точностью оценивала силу каждого толчка и баланс собственного веса относительно якорей.

Столько энергии, столько восторга. Он почти позабыл обо всех проблемах. Погоня за Вин почти затмила все остальное. Если бы он мог танцевать с ней в ночном тумане, поиски способа вернуться к жизни в физической реальности отошли бы на второй план.

Они добрались до перекрестка и свернули к окраине города. Вин понеслась вперед на лучах стали. Кельсер, в котором пульсировала сила Охранителя, приземлился и приготовился к очередному прыжку.

На него опустился угольно-черный туман – чернота кромсающих шипов и царапающих воздух паучьих лап.

– Надо же. – Голос Разрушителя раздавался со всех сторон. – Ну и ну, Кельсер? И как я не заметил тебя раньше?

Сила душила Кельсера, придавливала к земле. Вдалеке за Вин увязалась фигурка из черного тумана, пульсирующая в знакомом ритме, – обманка.

«Как раньше, – подумал Кельсер. – Он уже изображал Мутного, чтобы обдурить Вин». Он тщетно попытался вырваться.

Охранитель в голове Кельсера по-детски всхлипнул и покинул его. Согревающая сила истаяла. Удивительно, но вместе с этим ослабла и способность Разрушителя удерживать Кельсера. Ему удалось подняться на ноги и, пробившись сквозь завесу колючего тумана, шагнуть на улицу.

– Где ты был? – спросил Разрушитель.

Сила позади Кельсера сгустилась и приняла форму уже знакомого парня с рыжими волосами. На этот раз шевеление паучьих лап под кожей было не так заметно.

– Везде понемногу. – Кельсер поглядел вслед Вин. Ее уже не догнать. – Решил ознакомиться с достопримечательностями. Выяснить, что может предложить смерть.

– Ах, как уклончиво. Ты навещал Айри? И, полагаю, вернулся ни с чем. Да, нетрудно догадаться. Я только хочу узнать, почему ты вернулся. Я был уверен, что ты сбежишь. Твоя роль подошла к концу, ты сделал все, что мне было от тебя нужно.

Кельсер опустил мешок на землю, надеясь, что удастся скрыть световой шар, и обошел вокруг проявления Разрушителя.

– Моя роль?

– Одиннадцатый металл. – Разрушитель забавлялся. – Думаешь, это совпадение? История, о которой больше никто не слышал, тайный способ убить бессмертного императора? И его преподнесли тебе прямо на блюдечке.

Кельсер воспринял эти откровения спокойно. Он уже понял, что Разрушитель коснулся Джеммела и что сам Кельсер был его марионеткой.

«Но почему меня слышит Вин?»

Что он упускает? Кельсер снова посмотрел ей вслед.

– А, дитя, – произнес Разрушитель. – Все еще думаешь, что она меня победит? Даже после того, как она меня освободила?

Кельсер развернулся к Разрушителю. Проклятье, как много известно этому существу? Разрушитель улыбнулся и шагнул к Кельсеру.

– Отстань от Вин, – прошипел Кельсер.

– Отстать? Она моя, Кельсер. Как и ты. Я знал это дитя со дня ее рождения, а готовил еще дольше.

Кельсер заскрежетал зубами.

– Так мило, – продолжал Разрушитель. – Ты и правда думал, что все это твоя идея? Падение Последней империи, конец Вседержителя... собственно, вербовка Вин?

– В идеях не бывает оригинальности, – заметил Кельсер. – Оригинальность есть лишь в одном.

– И в чем же?

– В стиле.

И он врезал Разрушителю по лицу.

Вернее, попытался. Как только к Разрушителю приблизился кулак Кельсера, он испарился, а через мгновение рядом с Кельсером появилась его копия.

– Ах, Кельсер. Разве это мудро?

– Нет, – согласился Кельсер. – Просто в тему. Отстань от нее, Разрушитель.

Разрушитель жалостливо улыбнулся, и тысяча черных шипов-игл выстрелила из его тела сквозь одежду. Они пронзили Кельсера как копья, раздирая душу, и накрыли ослепляющей волной боли.

Он с криком упал на колени. Его потянуло, как в самом начале, когда он сюда попал, только гораздо сильнее и требовательнее.

Рухнув на землю, он забился в конвульсиях. От души отлетали клубы тумана. Шипы исчезли, а вместе с ними и Разрушитель. Но, разумеется, на самом деле никуда он не делся, продолжая следить с неба, затянутого извивающимися отростками.

«Ничего нельзя уничтожить, Кельсер, – прошептал голос Разрушителя, вторгаясь прямо в разум. – Люди никак не могут это понять. Все лишь меняется, ломается, превращается в нечто иное... нечто совершенное. На самом деле мы с Охранителем две стороны одной монеты. Ибо когда я закончу, он наконец получит желанный покой, незыблемость. И не останется ни человека, ни души, чтобы этот покой потревожить».

Кельсер сделал несколько привычных вдохов и выдохов, как при жизни, чтобы успокоиться, и наконец с хрипом перекатился на колени.

– Ты это заслужил, – заметил Охранитель откуда-то издалека.

– Еще бы. – Кельсер поднялся на ноги. – Но попробовать все равно стоило.

2

Несколько следующих дней Кельсер пытался повторить свой успех и добиться, чтобы Вин его услышала. К несчастью, теперь за ним следил Разрушитель и каждый раз, когда Кельсер подбирался ближе, вмешивался и окружал его черным удушливым дымом, заставляя отступить.

Похоже, Разрушителя забавляло держать Кельсера за пределами лагеря Вин близ Фадрекса, но не прогонять окончательно. Однако каждый раз, когда Кельсер пытался обратиться к Вин напрямую, Разрушитель его наказывал, как родитель, который шлепает ребенка по руке, когда тот суется в огонь.

Это приводило в ярость, особенно из-за слов Разрушителя, засевших в голове. Все, что совершил Кельсер, – лишь часть замысла этого существа, чтобы освободиться. И он действительно неким образом воздействовал на Вин. Он мог ей являться – однажды увел ее из лагеря, и это случилось так внезапно, что озадачило Кельсера.

Он отправился вдогонку за сотворенным Разрушителем фантомом. Тот прыгал как рожденный туманом, и Вин поспешила за ним, явно решив, что обнаружила шпиона. Вскоре они покинули лагерь.

Кельсер остановился за пределами города и беспомощно проводил взглядом исчезнувшие вдали фигуры. Вин чувствовала Разрушителя, и тот затмевал Кельсера. Поговорить с ней не удастся.

Вскоре стало ясно, зачем Разрушитель увел Вин. На ее с Элендом армию колоссов напали. Кельсер понял это по суете в лагере и смог добраться до места

действия быстрее, чем люди в физической реальности. На горный хребет над лагерем колоссов выкатили катапульты.

На чудовищ обрушилась смерть. Кельсеру ничего не оставалось, кроме как следить за внезапной атакой, в которой погибли тысячи колоссов. Он не слишком их жалел, но сколько жизней потрачено впустую.

Неспособные достать противника, колоссы взбесились. Любопытно, что их души начали появляться в когнитивной реальности.

И это были человеческие души.

Совсем не колоссы, а люди, по-разному одетые. Много скаа, но попадались солдаты, купцы и даже знать. И мужчины, и женщины.

Кельсер разинул рот от изумления. Он понятия не имел, что представляли из себя колоссы, но такого не ожидал. Обычные люди, которых неким образом превратили в чудовищ? Он поспешил к тускнеющим душам умерших.

– Что с тобой произошло? – спросил он у одной женщины. – Как это с тобой произошло?

Она озадаченно посмотрела на него.

– Где... где я?

Через мгновение она исчезла. Видимо, ее слишком потряс переход. Остальные пребывали в похожем замешательстве и разглядывали свои руки, будто удивленные тем, что снова стали людьми, хотя многие, казалось, испытывали облегчение. Кельсер наблюдал за тем, как тысячи душ появлялись и исчезали. На другой стороне кипела бойня, отовсюду летели камни. Один прошел сквозь Кельсера и покатился, ломая тела.

Из этого можно извлечь пользу, но нужен кто-нибудь особенный. Не скаа и даже не коварный лорд. Нужен кто-то...

Там.

Кельсер помчался к одному только что появившемуся духу, пробегая исчезающие души насквозь и уворачиваясь от сияющих. Это был лысый человек с татуировками вокруг глаз – поручитель. Казалось, его не так сильно удивляло происходящее, в нем было больше смирения. Когда Кельсер до него добрался, долгоязого поручителя уже начало затягивать.

– Как? – Кельсер рассчитывал, что поручитель больше знает о колоссах. – Как это с тобой произошло?

– Я не знаю, – ответил мужчина.

Сердце у Кельсера оборвалось.

– Твари, – продолжил мужчина. – Это же надо додуматься выбрать поручителя! Я был их зрителем, и они так со мной поступили? Этому миру конец.

«Это же надо додуматься?» Поручителя затягивало в ничто, и Кельсер вцепился ему в плечо.

– Как? Пожалуйста, как это происходит? Как люди становятся колоссами?

Поручитель посмотрел на него и, исчезая, произнес всего одно слово:

– Штыри.

Кельсер вновь застыл в изумлении. Вокруг ярко вспыхивали и вываливались в когнитивную реальность души, после чего исчезали, будто догорали человеческие костры.

Штыри. Как у инквизиторов?

Он подошел к трупам, опустился на колени и изучил их. Да, так и есть. На этой стороне металл сиял, и в трупах виднелись штыри – небольшие, но яркие, как угольки.

В живых колоссах разглядеть их оказалось гораздо труднее из-за сияния душ. Кельсеру показалось, что штыри пронзают душу. Не в этом ли секрет? Он окликнул пару колоссов, и те повернулись в его сторону, после чего заозирались в замешательстве.

«Штыри меняют их так же, как инквизиторов, – подумал Кельсер. – Значит, так их контролируют? Пронзая душу?»

А безумцы? Их души надтреснуты, поэтому эффект схожий? Кельсер в раздумьях покинул поле и умирающих, хотя битва или скорее бойня, похоже, подходила к концу.

Кельсер пересек туманное поле перед Фадрексом и постоял в одиночестве, вдали от человеческих душ, пока не вернулась Вин. За ней следовала тень. В этот раз Вин ее не заметила и исчезла в лагере.

Кельсер присел около тонкого отростка Охранителя и прикоснулся к нему.

– Он всюду запускает свои щупальца, да, Мутный?

– Да, – еле слышно ответил Охранитель. – Смотри.

В уме Кельсера вспыхнула последовательность образов: инквизиторы, подняв головы, прислушиваются к голосу Разрушителя; Вин в его тени; незнакомец сидит на пылающем троне и с кривой улыбкой наблюдает за Лютаделью.

И юный Лестиборнес. На Призраке был обгоревший плащ, слишком большой для него, а Разрушитель вился рядом и нашептывал что-то на ухо голосом самого Кельсера.

Потом Кельсер увидел Марша под пеплопадом. Пронзенными штырями глазами тот незряче смотрел вдаль. Казалось, он не шевелится, плечи и голову засыпал пепел.

Марш... При виде брата Кельсеру стало тошно. По плану Марш должен был присоединиться к поручителям. Следовало догадаться, что произойдет дальше. Алломантию Марша заметили, как и его бурный образ жизни.

Пылкость и забота. Марш никогда не был таким способным, как Кельсер. Но как человек он всегда, всегда был лучше.

Охранитель показал десятки других людей. В основном это были те, кто стояли у власти и вели своих последователей к гибели, смеясь и танцуя, в то время как все вокруг засыпал пепел, а посевы чахли в тумане. Всех этих людей либо пронзили металлом, либо они находились под влиянием тех, кого пронзили металлом. Следовало догадаться еще в Источнике Вознесения, когда в волнах пульсации Кельсер видел, что Разрушитель может говорить с Маршем и другими инквизиторами.

Металл. Ключ ко всему.

– Столько разрушено, – прошептал Кельсер в ответ на видения. – Нам ведь это не пережить? Даже если остановить Разрушителя, мы обречены.

– Нет, – сказал Охранитель. – Не обречены. Помни... надежда, Кельсер. Ты сказал, я... я...

– Я – надежда, – прошептал Кельсер.

– Я не могу спасти тебя. Но мы должны верить.

– Во что?

– В человека, которым я был. В... в план... в знамение... и в Героя...

– Вин. Она в его власти, Мутный.

– Ему известно не так много, как он думает, – прошептал Охранитель. – Это его слабость. Слабость... всех умных людей...

– Кроме меня, конечно.

У Охранителя хватило сил усмехнуться, и настроение Кельсера немного улучшилось. Он встал и отряхнулся, пусть в этом и нет смысла – здесь нет пыли, не говоря уж об одежде.

– Да ладно, Мутный, когда это я ошибался?

– Ну, в прошлый...

– Не считается. Тогда я не совсем пришел в себя.

– А... когда ты... пришел в себя?

– Только сейчас.

– Эту отговорку... можно использовать... когда угодно...

– Вот теперь ты уловил суть, Мутный. – Кельсер подбоченился. – Займемся планом, который ты запустил, когда был в здравом уме. Итак, чем я могу помочь?

– Помочь? Я... я не...

– Нет, давай-ка порешительнее. Смелее! Хороший лидер всегда уверен в себе, даже если это не так. Особенно если это не так.

– В этом нет... смысла...

– Я мертв. Мне больше не нужен смысл. Есть идеи? Теперь ты главный.

– Я?..

– Еще бы. Твой план – ты главный. Вообще, ты же бог. Должно же это как-то учитываться.

– Спасибо, что... наконец... признал...

Поразмыслив, Кельсер положил мешок на землю.

– Уверен, что это не поможет? Шар создает связи между людьми и богами. Я думал, он может исцелить тебя или что-нибудь в таком духе.

– О Кельсер, – сказал Охранитель. – Я ведь говорил, что уже мертв. Ты не можешь... спасти меня. Лучше спаси... моего преемника.

– Тогда я отдам его Вин. Это поможет?

– Нет. Ты должен... сказать ей. Ты можешь дотянуться... через трещины в душах... а я не могу. Скажи ей, что нельзя доверять... тем, кого пронзили металлом. Ты должен освободить ее... чтобы она взяла... мою силу. Всю силу.

– Хорошо. – Кельсер спрятал стеклянный шар обратно в мешок. – Освободить Вин. Легко.

Осталось придумать, как обойти Разрушителя.

3

– Эй, Комар, – прошептал Кельсер дремлющему парню, – ты все понял?

– Задание... – пробормотал нечесаный солдат. – Выживший...

– Нельзя доверять никому, кого пронзили металлом, – произнес Кельсер. – Скажешь ей точь-в-точь. Это твое задание от Выжившего.

Всхрапнув, парень проснулся. Он стоял на часах и вскочил на ноги, когда подошел сменщик. Кельсер с беспокойством оглядел сияющие души. Пришлось

потратить несколько драгоценных дней, чтобы отыскать в армии человека, который не очень дружит с головой, с характерной душой безумца, и все это время Разрушитель не подпускал Кельсера к Вин.

Такие души не повреждены, как он однажды предположил. Скорее они просто... открыты. Этот парень, Комар, оказался идеальным вариантом. Он реагировал на слова Кельсера, но не настолько съехал с катушек, чтобы на него не обращали внимания.

Кельсер с нетерпением пошел за Комаром через лагерь. У одного из костров солдат принялся оживленно болтать с остальными.

«Скажи им, – подумал Кельсер, – распрости новость по лагерю. Пусть ее услышит Вин».

Комар не замолкал. Остальные стояли вокруг костра. И слушали! Кельсер прикоснулся к Комару, пытаясь услышать его слова, но не мог ничего разобрать, пока его не коснулась прядь Охранителя. После этого слова завибрировали в его душе и едва слышно зазвучали в ушах.

– Так и есть, – подтвердил Комар. – Он говорил со мной. Сказал, что я особенный. Сказал, что вам никому нельзя доверять. Просто я святой, а вы нет.

– Что? – рявкнул Кельсер. – Комар, вот же дурак.

Дальше все пошло прахом. Мужчины вокруг костра начали переругиваться и толкаться, потом – драться всерьез. Вздохнув, Кельсер отошел в сторонку, присел на туманную тень валуна и стал наблюдать, как несколько дней упорного труда пропадают насмарку.

На его плечо легла чья-то рука. Оглянувшись, Кельсер увидел Разрушителя.

– Осторожнее, – сказал Кельсер, – ты мне рубашку собой испачкаешь.

Разрушитель усмехнулся.

– Я волновался, что оставил тебя без присмотра, Кельсер. Но кажется, ты хорошо послужил мне в мое отсутствие. – Один из драчунов врезал Дему по лицу, и Разрушитель поморщился. – Неплохо.

– Нужно доводить удар, – пробормотал Кельсер. – Вкладываться как следует.

Разрушитель расплылся в широкой, самодовольной, невыносимой улыбке. «Проклятье, – подумал Кельсер, – надеюсь, я не так улыбаюсь».

– Ты уже должен был понять, Кельсер, – сказал Разрушитель. – На любое твоё действие у меня заготовлен контрудар. Сопrotивление служит лишь Разрушению.

В этот миг прибыл Эленд Венчер, отталкиваясь от стали на зависть Кельсеру. Выглядел он очень по-королевски. Кельсер не ожидал, что из мальчишки получится настоящий мужчина – не считая дурацкой бороды.

Кельсер нахмурился.

– Где Вин?

– Гм? О, она у меня, – сказал Разрушитель.

– Где?

– Далеко. Там, где я могу держать ее в узде. – Разрушитель наклонился к Кельсеру. – Молодец, столько времени потратил на безумца. – И исчез.

«Как же я его ненавижу», – подумал Кельсер.

Разрушитель... по сути, он впечатлял не больше, чем Охранитель.

«Проклятье, – пронеслось в голове Кельсера, – я лучше них справляюсь со всей этой божественностью».

По крайней мере, он вдохновлял людей.

К сожалению, в их число входили Комар и остальные драчуны. Кельсер поднялся с камня и наконец признал факт, который так долго пытался избежать: он ничего не сможет сделать, пока внимание Разрушителя сосредоточено на Вин и Эленде. Нужно добраться до кого-нибудь еще. Может, до Сэйзеда? Или Марша? Если достучаться до брата, пока Разрушитель занят другими...

Оставалось надеяться, что защитные чары шара скроют его от глаз темного бога, как и после прибытия в Фадрекс. Нужно покинуть это место, освободиться от внимания Разрушителя и попытаться выйти на связь с Маршем или Призраком. Они передадут сообщение Вин.

От мысли, что придется оставить ее в лапах Разрушителя, было больно, но больше ему ничего не оставалось.

В тот же час Кельсер покинул Фадрекс.

4

Когда бог наконец умер, Кельсер был неизвестно где.

Он не мог определить, где находится. Поблизости не было городов, по крайней мере, не засыпанных пеплом. Кельсер хотел добраться до Лютадели, но все ориентиры исчезли, солнце не показывалось, и он не знал, в правильном ли направлении движется.

Все вокруг затряслось, туманная земля всколыхнулась. Кельсер резко остановился и глянул в небо, решив сначала, что дрожь устроил Разрушитель.

Но потом он почувствовал, в чем дело. Может, из-за того, что после пребывания в Источнике Вознесения у него осталась небольшая связь с Охранителем. А может, из-за той частицы, что бог поместил в него, как и во всех людей, – света души.

Какой бы ни была причина, Кельсер почувствовал божественный конец как протяжный вздох, отчего по спине побежали мурашки. Он вскочил, чтобы найти прядь Охранителя. Раньше они попадались всюду на земле, но теперь не осталось ни одной.

– Мутный! – крикнул Кельсер. – Охранитель!

«Кельсер... – завибрировал голос у него внутри. – Прощай».

– Проклятье, Мутный. – Кельсер оглядел небо. – Прости! Я... – К горлу подкатил комок.

«Странно, – отозвался голос. – После стольких лет, когда я являлся другим после смерти, я даже не ожидал... что мой собственный уход выйдет таким холодным и одиноким...»

– Я здесь, с тобой.

«Нет, тебя не было. Кельсер, он расщепляет мою силу. Раскалывает ее на части. Она исчезнет... расщепится... Он ее уничтожит».

– Хрена с два. – Кельсер опустил мешок и вытащил сияющий, наполненный жидкостью шар.

«Он не для тебя, Кельсер, – напомнил Охранитель. – Сила не твоя. Она принадлежит другому человеку».

– Я отдам ей силу. – Глубоко вздохнув, Кельсер поднял шар и разбил его ножом Нажа, забрызгав руку и тело сияющей жидкостью.

Из Кельсера вырвались лучи силы, похожие на линии от поджигания стали или железа, только указывали они на все подряд.

«Кельсер! – Голос Охранителя окреп. – Веди себя достойнее, чем прежде! Они называли тебя своим богом, а ты ни во что не ставил их веру! Людские сердца – НЕ ИГРУШКИ».

– Я... – Кельсер облизнул губы. – Я понимаю, господь мой.

«Веди себя достойнее, Кельсер, – повторил, угасая, Охранитель. – Если наступит конец, уведи их под землю. Это может помочь. И помни... помни, что я сказал тебе давным-давно... Сделай то, чего не смог я... ВЫЖИВИ».

Слово завибрировало внутри, и Кельсер ахнул. Он узнал ощущение, вспомнил приказ. Он слышал этот голос в Ямах – голос, который пробудил его и толкал вперед. Голос, который его спас.

Кельсер склонил голову, почувствовав, что Охранитель окончательно угас и что его затянуло во тьму.

Наполненный заимствованным светом, Кельсер ухватил потоки силы и потянул. Сила сопротивлялась. Он не знал почему: у него имелось лишь поверхностное понимание того, что он делает. Почему с одними людьми сила сонастраивалась, а с другими нет?

Что ж, ему и раньше доводилось тянуть за неподатливые якоря. Он дернул что есть мочи. Сила, словно живая, боролась, отказываясь повиноваться... пока... не сдалась и хлынула в него потоком.

И Кельсер, Выживший в Смерти, вознесся.

С ликующим криком он ощутил, как сквозь него течет энергия – подобная алломантии, но во сто крат сильнее. Беспокойная, текучая, пылающая сила омывала душу. Рассмеявшись, Кельсер взмыл в воздух, расширяясь, становясь всем и всюду.

«Это еще что?» – спросил голос Разрушителя.

Кельсер обнаружил, что ему противостоит другой бог. Их сущности простирались в бесконечность. Один – ледяное спокойствие застывшей, неподвижной жизни, другой – хаотичная, дробящаяся, яростная тьма разложения. Кельсер ухмыльнулся, уловив глубочайшее потрясение Разрушителя.

– Что ты там говорил? На каждое мое действие у тебя заготовлен контрудар? Что теперь?

Разрушитель пришел в ярость, его сила вспыхнула гневным ураганом. Личность распалась на части, обнажив первозданную энергию, которая так долго плела интриги лишь для того, чтобы всем им пришел конец. Ухмыльнувшись еще шире, Кельсер с удовольствием представил, как разрывает на части это чудовище, убившее Охранителя, эту бесполезную, изжившую себя энергию. Как приятно будет его сокрушить. Кельсер повелел своей безграничной силе напасть.

И ничего не произошло.

Сила Охранения все еще сопротивлялась и отпрянула от его убийственного намерения. Как бы Кельсер ни давил, заставить ее причинить вред Разрушителю не получалось.

Враг завибрировал, затрясся, дрожь перешла в звук, похожий на смех. Бурлящий черный туман превратился в образ богоподобного человека, протянувшегося через все небо.

– О, Кельсер! – воскликнул Разрушитель. – Думаешь, мне не все равно, что ты сделал? Да я сам избрал тебя для этой силы! Идеально! В конце концов, ты лишь одно из моих проявлений.

Заскрежетав зубами, Кельсер вытянул перед собой пальцы, сотканые из бушующего ветра, словно хотел схватить и задушить Разрушителя.

Существо лишь громче рассмеялось.

– Ты едва ее контролируешь. Даже если бы она могла мне навредить, тебе не справиться с такой задачей. Посмотри на себя, Кельсер! У тебя нет ни облика, ни формы. Ты не живой, ты идея. Память человека, завладевшая силой, никогда не сравнится с реальным человеком, который связан узами со всеми тремя реальностями.

Разрушитель оттолкнул Кельсера – легонько, но раздался треск. Силы реагировали друг на друга, как пламя и вода. Это убедило Кельсера, что способ уничтожить Разрушителя с помощью силы Охранителя существует. Осталось выяснить, какой именно.

Разрушитель потерял к нему интерес, и Кельсер начал знакомиться со своей силой. К несчастью, все, что он пробовал, вызывало сопротивление как от энергии Разрушения, так и Охранения. Теперь он видел себя в духовной реальности – и черные линии, связывающие его с Разрушителем, никуда не делись.

Это очень не нравилось его силе. Она металась внутри, бурлила, пыталась вырваться на волю. Он мог ее сдерживать, но понимал, что если отпустит, то она ускользнет и еще раз подчинить ее не удастся.

Но как же здорово, когда ты не просто дух, а нечто большее. Кельсер снова видел, что происходит в физической реальности, хотя для его глаз металл продолжал ярко сиять. Какое же облегчение снова видеть что-то, кроме туманных теней и сияющих душ.

Жаль, что зрелище не слишком обнадеживающее: бесконечные моря пепла с редкими кратерами городов; вулканы извергают не только пепел, но и лаву с серой; земля, расколовшись, пошла трещинами.

Кельсер пытался думать не о том, что видит, а о людях. Он ощущал их так же, как земную кору и ядро планеты. Не составило труда найти тех, чьи души были открыты для него, и он с нетерпением обратился к ним. Наверняка среди них найдется тот, кто сможет передать сообщение Вин.

Впрочем, выяснилось, что они его не слышат, как бы он ни нашептывал. Это расстраивало и озадачивало. У него в руках силы вечности. Как он мог потерять способность, которой владел раньше, – умение общаться со своим народом?

Разрушитель вокруг него рассмеялся:

– Думаешь, твой предшественник не пытался? Твоя сила не способна просочиться сквозь эти трещины, Охранитель. Она отчаянно пытается оказать помощь, защитить. Трещины могу расширить только я.

Кельсер не знал, прав ли Разрушитель, однако раз за разом убеждался, что безумцы больше его не слышат.

Зато теперь он сам слышал людей.

Всех, не только сумасшедших. Он слышал их мысли как голоса – их надежды, заботы, страхи. Если он сосредотачивался на них слишком долго, направляя внимание на город, лавина мыслей грозила затопить с головой. Это походило на

постоянный гул, и Кельсер выяснил, что сложно вычленишь из неразберихи отдельных людей.

Над землей, городами, пеплом висел туман и заволакивал мир даже днем. Полностью запертый в когнитивной реальности, Кельсер не понимал, что туман заполнил все вокруг.

«Это сила, – подумал Кельсер, взглядываясь в туман. – Моя сила. Нужно уметь владеть ею, управлять».

Но он не умел, поэтому Разрушитель был гораздо сильнее. Почему Охранитель оставил туман как есть? Разумеется, это по-прежнему часть его, но... туман больше напоминал армию, которая рассеялась по всему королевству для разведки, а не собралась вместе для войны.

Разрушитель не имел таких ограничений. Кельсер видел его силу в действии, в проявлениях слишком грандиозных, чтобы распознать их до Вознесения. Разрушитель заставил разверзнуться вершины Пепельных гор, выпустив наружу губительную лаву и дым. По всей империи он подтолкнул колоссов к кровавому безумию. Когда они перебили всех людей, до кого могли добраться, он с радостью стравил их между собой.

Разрушитель манипулировал множеством людей в каждом уцелевшем городе. Его махинации поражали размахом и изощренностью. У Кельсера не получалось даже отследить все связи, но результат был очевидным – хаос.

Он не мог ничего поделать. В его распоряжении оказалась невообразимая мощь, а он по-прежнему был бессильным. Но важно, что Разрушителю приходилось ему противодействовать.

Это оказалось значительным открытием. И Кельсер, и Разрушитель находились повсюду, их души были основой планеты. Но их внимание пребывало по большей части в одном месте.

Кельсер всегда проигрывал, если пытался изменить то, на чем сосредотачивался Разрушитель. Когда он попробовал запечатать Пепельные горы, разверзающиеся длани Разрушителя оказались сильнее. Когда он попробовал воодушевить армии Вин, Разрушитель блокировал его и оттеснил подальше.

В отчаянной попытке пробиться к Вин Кельсер, не зная толком своих возможностей, решил попробовать оттолкнуть Разрушителя, надавить своей силой и выяснить, на что способен.

Приложив максимальные усилия, он налег на Разрушителя. Чем ближе он подбирался к Вин, запертой во дворце Фадрекса, тем большее напряжение возникало между двумя силами. От соприкосновения с энергией Разрушителя земля задрожала, началось землетрясение.

У него получилось подобраться ближе. Он ощутил разум Вин, услышал ее мысли. Она знала так же мало, как и он в самом начале, и понятия не имела об Охранителе.

Из-за столкновения с Разрушителем с Кельсера сорвало силу Охранения, обнажив сердцевину – будто оскалился череп, с которого содрали плоть. Между его испещренной тьмой душой и Вин существовала связь, их неким образом соединяли загадочные нити духовной реальности.

– Вин! – надрывно крикнул он.

Из-за борьбы между ним и Разрушителем землетрясение усилилось, и Разрушитель возликовал, отчего на краткий миг ослабил внимание.

– Вин! – Кельсер подобрался чуть ближе. – Другой бог, Вин! Есть другая сила!

Замешательство. Она не понимала. Что-то отделилось от Кельсера и потянулось к ней. Внимание Кельсера устремилось следом, и он с ужасом увидел нечто страшное, о чем и не подозревал – сияющее пятнышко металла в ухе Вин. Оно так походило по цвету на ее душу, что он заметил его, лишь оказавшись совсем близко.

У Вин штырь.

– Первое правило алломантии, Вин! – крикнул Кельсер. – Первое, чему я тебя научил!

Вин посмотрела вверх. Неужели услышала?

– Штыри, Вин! – начал Кельсер. – Нельзя доверять...

Разрушитель вернулся и прервал Кельсера свирепой вспышкой силы, оттолкнув прочь. Кельсер отступил, поскольку иначе Разрушитель полностью сорвал бы с него силу Охранения.

Разрушитель вытолкнул его из дворца, а потом и из города. Их стычка причинила Кельсеру невероятную боль, и он не мог избавиться от ощущения, что пусть он и божество, но покинул город побитым.

Разрушитель был слишком сосредоточен на этом месте, слишком силен. Почти все его внимание оставалось прикованным к Вин и этому городу. Он даже призвал в Фадрекс Марша.

А может...

Кельсер сфокусировал внимание на Марше. С братом его соединяли такие же нити, как и с Вин – между их душами имелась связь. Может, удастся пробиться и к Маршу.

К несчастью, Разрушитель слишком быстро это заметил, а Кельсер был слишком ослаблен, слишком измучен предыдущей стычкой. Разрушитель с легкостью дал ему отпор, однако Кельсер успел уловить мысль Марша: «Помни, кто ты. Борись, Марш, борись! Помни, кто ты такой».

Убегая от Разрушителя, Кельсер ощутил прилив гордости. В Марше выжило что-то от его прежнего брата. Однако пока Кельсер больше ничем не мог помочь. Что бы Разрушителю ни понадобилось в Фадрексе, придется это отдать. Спротивляться невозможно, ибо в открытом противостоянии он сильнее.

К счастью, Кельсер в совершенстве понимал, когда нужно избегать честной схватки. Когда идешь на дело и охранник начеку, лучший вариант – ненадолго затаиться.

Разрушитель наблюдал за Фадрексом столь пристально, что должны оставаться лазейки в других местах.

5

«Веди себя достойнее, Кельсер».

Он наблюдал и ждал. Он умел быть осторожным.

«Людские сердца – не игрушки».

Переместившись вниманием в туман, он плыл по небу и отмечал, как Разрушитель передвигает свои фигуры. Его основным инструментом были инквизиторы. Разрушитель размещал их весьма обдуманно.

«Слабость всех умных людей».

Возможность. Кельсеру была нужна возможность.

«Выживи».

Разрушитель считал, что контролирует всю Последнюю империю. Столько самоуверенности. Но лазейки имелись. Он уделял все меньше внимания разрушенному Урто с его пустыми каналами и голодными людьми. Одна из его нитей вилась вокруг парня в обгоревшем плаще и с повязкой на глазах.

Да, Разрушитель считал, что город у него в руках.

Но Кельсер... Кельсер знал этого мальчишку.

Он сфокусировал внимание на Призраке. На пределе душевных сил и уже на грани безумия тот поднялся на помост перед толпой. До такого состояния его довел Разрушитель в облике Кельсера. Разрушитель хотел превратить мальчишку в инквизитора и одновременно столкнуть город в пучину хаоса и беспорядков.

Однако его действия в этом городе лишь повторяли действия во многих других городах. Он чересчур сосредоточился на Фадрексе, и происходящее в Урто не было приоритетом. Все шло по плану: разрушить надежды людей, сжечь город дотла. Требовалось просто подтолкнуть запутавшегося мальчишку.

Призрак стоял на помосте, готовый совершить убийство перед толпой. Кельсер осторожно, потихоньку направил на него свое внимание, легкое, как клуб тумана. Он был скрипом досок под ногами Призрака, воздухом, которым тот дышал, светом и жаром пламени.

Разрушитель тоже находился здесь и ярился, требуя, чтобы Призрак убил. Это был не тщательно выверенный, улыбчивый образ, а более грубая, первозданная форма силы. Эта его часть не требовала особого внимания, и Разрушитель не явился во всей своей мощи.

Он не заметил Кельсера, когда тот, отделившись от силы, обнажил душу и подобрался к Призраку. Между ними были те же нити – нити близости, семьи и связи. Странно, но с Призраком эти нити казались крепче, чем с Маршем и Вин. С чего бы?

«Теперь ты должен ее убить», – сказал Разрушитель Призраку.

Пробившись сквозь гнев, Кельсер прошептал измученной душе Призрака: «Надежда».

«Тебе нужна власть, Призрак? Ты хочешь быть хорошим алломантом? Что ж, сила не берется из ниоткуда. Она не дается даром. Эта женщина – стрелок. Убей ее, и сила перейдет к тебе. Я наделю тебя этой силой».

«Надежда», – повторил Кельсер.

Призрака будто тянуло в разные стороны.

«Убивай. – Разрушитель посылал образы, слова. – Убивай, уничтожай. Разрушай».

«Надежда».

Призрак потянулся к стальной занозе в груди.

«Нет! – потрясенно вскричал Разрушитель. – Призрак, ты хочешь снова стать обыкновенным? Ты хочешь опять сделаться бесполезным? Ты потеряешь пьютер и будешь таким же слабым, каким был, когда оставил своего дядю умирать!»

Призрак глянул на Разрушителя, скривившись, а потом резанул себя кинжалом и вытащил металлический осколок.

«Надежда».

Разрушитель издал протестующий вопль. Паучьи лапы вспороли остатки расплывшейся фигуры и превратились в черный туман.

Призрак рухнул на колени и начал заваливаться лицом вниз. Кельсер подхватил его, снова слившись с силой Охранения.

– О, Призрак, – прошептал он. – Бедное дитя.

Кельсер чувствовал, что дух мальчишки распылен, разбит, надломлен до самой сердцевины. До него донеслись спутанные мысли Призрака о любимой девушке, о своих неудачах.

Этот мальчик последовал за Разрушителем, потому что в глубине души отчаянно мечтал, чтобы его направлял Кельсер, и очень старался быть на него похожим.

При виде такой веры внутри Кельсера все перевернулось. Вера в него – Кельсера, Выжившего.

Притворяющегося богом.

– Призрак. – Кельсер снова коснулся души мальчика своей. В горле встал ком, но он заставил себя выдать: – Призрак, ее город горит.

Призрак задрожал.

– В огне погибнут тысячи, – прошептал Кельсер, дотронувшись до щеки мальчика. – Призрак, дитя. Хочешь быть как я? В самом деле хочешь? Так поднимайся и дерись!

Кельсер глянул на разъяренного Разрушителя, принявшего форму бурлящей воронки. В это место направлялось все больше его внимания. Скоро он даст Кельсеру пинка под зад.

Эта победа над Разрушителем была незначительной, но кое-что доказывала. Ему можно противостоять. У Призрака получилось.

И получится снова.

Кельсер посмотрел на дитя в своих руках. Нет, уже не дитя. Открывшись Призраку, он произнес единственный, непреложный приказ:

– Ты должен выжить!

Призрак с воплем поджег олово, от шока к нему вернулась ясность мысли. Кельсер торжествующе поднялся на ноги. Призрак сумел встать на колени, его дух укреплялся.

– На любое твоё действие, – сказал Разрушитель Кельсеру, будто увидев его впервые, – у меня заготовлен контрудар.

Сила уничтожения набросилась на город отростками тьмы. Разрушитель не отеснил Кельсера прочь – то ли потому, что его внимание все еще было сосредоточено преимущественно в другом месте, то ли его просто не заботило, останется ли враг наблюдать за концом города.

Пожары. Смерть. В краткий миг озарения Кельсер познал план Разрушителя: сжечь город, стереть все следы неудачи, покончить с этими людьми.

Призрак уже действовал: общался с горожанами, раздавал приказы, будто сам Вседержитель. А это кто...

Сэйзед!

При виде спокойного террисийца, подошедшего к Призраку, потеплело на душе. У Сэйзеда всегда были ответы, однако теперь он выглядел изможденным и растерянным.

– О, друг мой, – прошептал Кельсер. – Что он с тобой сделал?

Несколько человек убежали исполнять приказы Призрака. Сам он отправился по улице следом. Кельсер видел в духовной реальности нити будущего: затянутый тьмой, уничтоженный город. На этом возможности заканчивались.

Но оставалось и несколько линий света. Да, шанс есть. Для начала этот мальчик должен спасти город.

– Призрак, – позвал Кельсер.

Он сотворил себе тело из силы. Никто не мог его видеть, но это не имело значения. Он зашагал рядом с Призраком, который с трудом переставлял ноги.

– Двигайся, – подбодрил Кельсер.

Он чувствовал боль, тоску и замешательство парня. Его вера ослабла. Однако благодаря связи Кельсер мог неким образом говорить с ним так, как не мог с остальными.

С каждым дрожащим, мучительным шагом Кельсер разделял с Призраком его изнеможение. Снова и снова он шептал одну и ту же мантру: «Двигайся».

Появилась девушка Призрака и поддержала его. Кельсер шел с другой стороны.

«Двигайся».

К счастью, Призрак преодолел весь путь до горящего инквизиторского дома. Сэйзед попытался подобраться к дому, но не сумел. Кельсер понял, что у них на душе, по ссутуленным спинам, по страху в глазах, в которых отражалось пламя. Он слышал их мысли, тихие и испуганные.

Город был обречен, и они это понимали.

Призрак не сопротивлялся, когда остальные оттащили его от пожара. В мальчишке всколыхнулись эмоции, воспоминания, идеи.

«Кельсеру было на меня плевать, – подумал Призрак. – Обо мне он не думал. Помнил про остальных, но не про меня. Давал им задания. Я для него ничего не значил...»

– Я дал тебе имя, Призрак, – прошептал Кельсер. – Ты был моим другом. Разве этого недостаточно?

Призрак замер в хватке чужих рук.

– Прости за то, что ты должен сделать, Выживший, – сказал с тоской Кельсер.

В небе с шипением и воплями ярился Разрушитель. Он наконец полностью перенесся вниманием в Урто, чтобы отбросить Кельсера. Призрак высвободился из удерживающих его рук и вошел в пламя.

И спас город.

Кельсер сидел на необычном изумрудном поле. Вокруг зеленела трава. Так странно. Так красиво.

Призрак подошел и сел рядом. Снял повязку с глаз, потряс головой, запустил пальцы в волосы.

– Что это?

– Наполовину сон. – Кельсер отщипнул и пожевал травинку.

– Наполовину сон? – переспросил Призрак.

– Ты почти мертв, малыш, – пояснил Кельсер. – Твой дух разбит, пошел трещинами. – Он улыбнулся. – И я смог попасть внутрь.

Это было не все. Парень оказался особенным – или, по крайней мере, отношения между ними. Призрак верил в него, как никто другой.

Кельсер поразмыслил над этим, отщипнув и пожевав еще одну травинку.

– Что ты делаешь? – спросил Призрак.

– Она так странно выглядит. В точности как описывала Мэйр.

– И поэтому ты ее ешь?

– В основном пожевываю. – Кельсер сплюнул в сторону. – Просто любопытно.

Призрак с шумом вздохнул.

– Не важно. Все это неважно. Ты не настоящий.

– Отчасти это правда, – согласился Кельсер. – Я не вполне настоящий.

Перестал быть таковым с тех пор, как умер. Но теперь я еще и бог... как мне кажется. Все сложно.

Призрак глянул на него, нахмурившись.

– Мне нужен был кто-нибудь, чтобы поболтать, – продолжал Кельсер. – Мне нужен был ты. Тебя сломали, но ты смог устоять против него.

– Против другого тебя.

Кельсер кивнул.

– Ты всегда был таким жестким, Кельсер. – Призрак уставился на холмистые зеленые поля. – Я видел, что в глубине души ты и правда ненавидел знать. Я думал, эта ненависть придавала тебе твердости.

– Твердость шрама, – прошептал Кельсер. – Практичный, но не гибкий. Лучше бы тебе такая твердость не понадобилась.

Призрак кивнул. Похоже, понял.

– Я горжусь тобой, малыш. – Кельсер дружески ткнул Призрака кулаком в плечо.

– Я чуть все не испортил. – Призрак опустил глаза.

– Если бы ты знал, сколько раз я чуть не уничтожил город, то постеснялся бы так говорить. Проклятье, да ты почти ничего не разрушил. Пожары погасили, большую часть горожан спасли. Ты герой.

Призрак, улыбнувшись, поднял голову.

– Тут такое дело, малыш. Вин все еще не знает.

– Не знает чего?

– Про штыри. Я не могу передать ей сообщение. А ей нужно узнать. И в ней... в ней тоже есть штырь.

– Вседержитель... – выругался Призрак. – В Вин?

Кельсер кивнул.

– Послушай, ты скоро очнешься. Нужно, чтобы ты запомнил эту часть разговора, даже если забудешь все остальное. Когда придет конец, уведи людей под землю. Доставь сообщение Вин. Нацарапай его на металле – надписям на любом другом материале доверять нельзя. Вин должна узнать про Разрушителя и его фальшивые обличья. Ей нужно узнать о штырях: если человека пронзили металлом, то Разрушитель может ему нашептывать. Запомни это, Призрак. Не доверяй тем, в ком есть металл! Даже маленькой частицы достаточно, чтобы испортить человека.

Призрак начал расплываться, приходя в сознание.

– Запомни, Призрак, – повторил Кельсер. – Вин слышит Разрушителя. Она не знает, кому доверять. Вот почему тебе необходимо передать это послание, Призрак. Части этой головоломки разбросаны повсюду и летают, словно листья на ветру. Ты обладаешь ключом, которого больше ни у кого нет. Преврати его в письмо, и пусть оно полетит. Я тебя об этом прошу.

Призрак кивнул и очнулся.

– Ты славный парень, Призрак, – прошептал Кельсер с улыбкой. – Ты справился. Я горжусь тобой.

7

Из Урто вышел человек и отправился в длинное путешествие к Лютадели, с трудом прокладывая дорожку через туман и пепел.

Кельсер не знал его лично. Однако его знала сила. Знала, что в юности Горадель присоединился к гвардии Вседержителя в поисках лучшей жизни для себя и своей семьи. Кельсер безжалостно убил бы его, представься такая возможность.

Теперь Горадель мог спасти мир. Кельсер парил позади него, ощущая, как туман наливается предвкушением. Горадель нес металлическую пластину с секретным посланием.

Разрушитель распростерся тенью над землей, накрыв Кельсера, и рассмеялся, увидев, как Горадель пробирается через пепел, которого намело, как снега в горах.

– О, Кельсер, ничего лучше не придумал? – спросил Разрушитель. – Вся затея с мальчишкой в Урто ради этого?

Кельсер хмыкнул. Отростки силы Разрушителя отыскивали и призвали исполнителя. В реальном мире прошли часы, но для богов время не было постоянной величиной и текло, как им вздумается.

– Ты когда-нибудь показывал карточные фокусы, Разрушитель? Раньше, когда был обычным человеком?

– Я никогда не был обычным человеком, – возразил Разрушитель. – Я был сосудом, ожидающим силу.

– Ну так как сосуд проводил время? Баловался карточными фокусами?

– Вряд ли. Я был гораздо выше этого.

Кельсер хмыкнул, когда наконец высоко в пеплопаде прибыл исполнитель Разрушителя – фигура со штырями в глазах и растянутыми в усмешке губами.

– В детстве у меня хорошо получались карточные фокусы. Мои первые аферы были с картами. Не какой-нибудь трюк с тремя картами, это слишком просто. Я предпочитал фокусы, где есть ты, колода карт и простофиля, следящий за каждым твоим движением.

Внизу Марш сразился с незадачливым Гораделем и в конце концов его убил. Кельсер поморщился: доведенный скверной Разрушителя до безумия, его брат упивался смертью. Как ни странно, Разрушитель приложил усилие, чтобы удержать контроль над Маршем, будто на мгновение его утратил.

Разрушитель следил, чтобы не подпускать Кельсера слишком близко. Не получалось даже услышать мысли брата. Когда Марш, весь в крови, наконец извлек отправленное Призраком письмо, Разрушитель рассмеялся:

– Думаешь, ты такой умный, Кельсер? Слова на металле. Я их прочесть не могу, но может мой слуга.

Марш ощупал пластину, на которой Призрак распорядился сделать гравировку, и вслух прочитал послание для Разрушителя. Кельсер создал для себя тело и, сломленный, опустился на колени в пепел.

Рядом появился Разрушитель.

– Все правильно, Кельсер. Таков порядок вещей. Для этого они и были созданы! Не скорби о приходящей смерти, славь прошедшую жизнь.

Он хлопнул Кельсера по плечу и испарился. Марш вскочил на ноги. Пепел прилипал к мокрым от крови одежде и лицу. Следуя зову хозяина, он прыгнул и тоже исчез из вида. Конец стремительно приближался.

Кельсер склонился над телом, которое медленно заносило пеплом. Вин его пощадила, а Кельсер все-таки убил. Он обратился к когнитивной реальности. Душа этого человека вывалилась в мир тумана и теней и теперь глядела в небо.

Кельсер приблизился и пожал ему руку.

– Спасибо. И мне жаль.

– Я подвел, – произнес Горадель, и его утянуло прочь.

Внутри Кельсера все сжалось, но он не посмел возразить. «Прости меня».

Теперь надо затаиться. Кельсер снова рассредоточился, распростерся. Он больше не пытался остановить Разрушителя. Когда он бездействовал, это самую малость шло миру на пользу. Ему удалось сдержать несколько землетрясений, замедлить поток лавы. Ничего существенного, но, по крайней мере, он хоть что-то сделал.

Теперь он пустил все на самотек и предоставил Разрушителю свободу действий. Конец приближался все быстрее, закручиваясь вокруг действий одной девушки, которая вернулась в Лютадель на крыльях бури.

Закрыв глаза, Кельсер ощутил, как мир притих, будто сама земля задержала дыхание. Вин сражалась, танцевала и загоняла себя до предела – и даже дальше. Она противостояла объединенной мощи инквизиторов и дралась с таким великолепием, что изумила Кельсера. Она превзошла в мастерстве инквизитора, которого он одолел, да и всех, кого он видел. Как, впрочем, и самого Кельсера.

К несчастью, против всех инквизиторов этого оказалось и близко недостаточно.

Кельсер заставил себя не вмешиваться. Проклятье, как же это трудно. Он позволил Разрушителю господствовать, позволил его инквизиторам одержать верх над Вин. Бой закончился слишком быстро, и Вин, сломленная и побежденная, сдалась на милость Марша.

Разрушитель подошел ближе и спросил шепотом: «Где атиум, Вин? Что тебе о нем известно?»

«Атиум?»

Кельсер подобрался ближе, а Марш опустился рядом с Вин на колени и приготовился нанести удар. Атиум. Почему...

И вдруг все стало на свои места. Разрушитель тоже не был цельным. Посреди разрушенной Лютадели, под проливным дождем, на забитых пеплом улицах, которые заполонили инквизиторы с лишенными выражения, пробитыми штырями глазами, Кельсер все понял.

План Охранителя мог сработать!

Марш схватил Вин за руку и ухмыльнулся.

Сейчас.

Кельсер обрушился на Разрушителя всей своей мощью. Ее было не так много, и он не умел с ней как следует управляться. Но удар оказался неожиданным, и Разрушитель отвлекся. Две силы столкнулись, и конфликт между ними – несовместимость – заставил их перемалывать друг друга.

Кельсера пронзила боль. По всему городу затряслась земля.

– Кельсер, Кельсер, – проговорил Разрушитель.

Внизу рассмеялся Марш.

– Знаешь, почему мне всегда удавались карточные фокусы? – спросил Кельсер.

– Брось, какая разница?

– Потому что, – Кельсер застонал от боли, напряжение нарастало, – я всегда мог... заставить... людей выбрать... нужную карту.

Разрушитель не ответил и посмотрел вниз. Письмо, доставленное Гораделем не Вин, а Маршу, сделало свое дело.

Марш вырвал серьгу из уха Вин.

Мир застыл. Разрушитель, необъятный и бессмертный, с бесконечным ужасом взирал на происходящее.

– Ты сделал инквизитором не того брата, Разрушитель, – прошипел Кельсер.

– Не стоило выбирать доброго. У него всегда была скверная привычка поступать правильно, а не по-умному.

Разрушитель обратил на Кельсера свое полное невероятное внимание.

Кельсер улыбнулся. Как оказалось, боги тоже попадают на классическую отвлекающую уловку.

Вин потянулась к туману, и Кельсер почувствовал, как внутри него нетерпеливо зашевелилась сила. Вот для чего нужен туман, вот в чем его предназначение. Кельсер ощутил тоску Вин, а потом ее вопрос. Где она уже прикоснулась к этой силе?

Он врезался в Разрушителя. Силы схлестнулись, обнажая темную, искалеченную душу Кельсера.

– У Источника Вознесения, разумеется, – сказал Кельсер Вин. – Это ведь, в конце концов, та же самая сила. В твердом виде – то, что ты дала Эленду. В жидком – то, что было в бассейне. И в виде пара – в воздухе, в ночи. Она прятала тебя. Она защищала тебя...

Кельсер глубоко вдохнул. С него срывало энергию Охранения. Ярость Разрушителя била по нему, раздирала, жадно желала уничтожить. На один последний миг он ощутил весь мир: самый далекий пеплопад, народ на юге,

стремительные ветра и жизнь, которая отчаянно боролась за существование на этой планете.

Потом Кельсер совершил самый трудный поступок в своей жизни.

– Отдаю тебе силу! – проревел он и отпустил сущность Охранения, чтобы ее вобрала Вин.

Вин втянула в себя туман.

И вся ярость Разрушителя обрушилась на Кельсера, придавив и разнеся в клочья душу.

8

Кельсера раздирали на части всепроникающая боль, будто выламывали из суставов кости. Он незряче и бездумно катался по земле, способный лишь кричать.

Он очутился посреди тумана. За подвижной пеленой ничего не было видно. Смерть, на этот раз по-настоящему? Нет... но он был на волосок от смерти. Кельсер ощутил, как его снова потянуло, повлекло, понесло к той далекой точке, куда уходили все остальные.

Он хотел уйти. Ему было очень больно. Он хотел, чтобы все это закончилось, исчезло. Вообще все. Просто хотел, чтобы все прекратилось.

Он уже чувствовал такое отчаяние в Ямах Хатсина. Теперь его не вел голос Охранителя, но, всхлипывая и дрожа, он погрузил руки в туманное пространство и сжал пальцы. Вцепился, не соглашаясь уходить, отказывая той силе, что звала его, обещая покой и конец.

Вскоре тянущее ощущение исчезло. Он некоторое время обладал силой божества. Окончательная смерть не могла забрать его, пока он сам не захочет. Или пока его полностью не уничтожат.

Кельсер вздрогнул, благодарный туману за мягкие объятия, но все еще не понимая, где находится и почему Разрушитель не довел дело до конца. Он собирался – Кельсер это ощутил. К счастью, перед лицом новой угрозы уничтожение Кельсера отошло на второй план.

Вин. У нее получилось! Она вознеслась!

Кельсер со стоном поднялся, обнаружив, что от удара Разрушителя его глубоко вдавило в упругую туманную землю когнитивной реальности. Он с трудом выбрался и рухнул на поверхность. Его душа была изломана, искалечена, будто в тело врезался валун. Из тысяч отверстий сочился черный дым.

Пока он лежал, душа постепенно восстановилась, а боль наконец утихла. Прошло время. Неизвестно сколько, но явно много часов. Кельсер был не в Лютадели. После того как он отдал силу и столкнулся с Разрушителем, его душа отлетела далеко за пределы города.

Кельсер моргнул фантомными глазами. В небе бушевали белые и черные отростки силы, будто облака атаковали друг друга. Вдалеке слышалось нечто такое, от чего сотрясалась когнитивная реальность. Он заставил себя встать и идти. С вершины холма открылось зрелище: внизу сошлись в битве фигуры из света. Война: люди против колоссов.

План Охранителя. В тот последний миг Кельсер все понял. Тело Разрушителя – атиум. План заключался в том, чтобы создать нечто новое и особенное – людей, которые сожгут тело Разрушителя в попытке избавиться от него.

Люди сражались за свои жизни. Кельсер видел, как они выходили за пределы физической реальности, потому что жгли тело бога. Над ними схлестнулись Разрушитель и Охранитель. Вин справлялась гораздо лучше Кельсера – распоряжалась силой тумана по полной, и получалось у нее это абсолютно естественно.

Кельсер отряхнулся, оправил одежду – те же рубашку и брюки, которые были на нем еще во время сражения с инквизитором. Куда делись мешок и нож, который подарил Наж? Потерялись где-то на бескрайних пепельных полях около Фадрекса.

Кельсер пересек поле битвы, уступая дорогу беснующимся колоссам и людям, заглянувшим в духовную реальность, пусть и очень ограниченно.

Добравшись до вершины следующего холма, он остановился и разглядел, как в отдалении, среди кучи трупов бьются Эленд Венчер и Марш. Над ними парила Вин – необъятная и невероятная фигура из сияющего света потрясающей мощи, на зависть солнцу и облакам.

Эленд Венчер вскинул руку и взорвался светом. Белые лучи брызнули из него во все стороны, устанавливая связь с Кельсером, с будущим и с прошлым.

«Он видит его целиком, то место вне времени», – подумал Кельсер.

Эленд воткнул меч в шею Марша и сквозь три реальности посмотрел прямо на Кельсера.

Марш вогнал топор в грудь Эленда.

– Нет! – вскричал Кельсер. – Нет!

Он помчался вниз с холма, перебираясь через трупы, на этой стороне темные силуэты, и начал карабкаться к месту, где умер Эленд.

Он не успел – Марш снес Эленду голову.

«О, Вин. Мне жаль».

Внимание Вин полностью сосредоточилось на погибшем. Кельсер в оцепенении остановился. Она разъярится. Она потеряет контроль. Она... восстанет во славе?

Кельсер с благоговением наблюдал, как стужается сила Вин. От нее исходила умиротворяющая пульсация, в которой не было ненависти. Наверху рассмеялся Разрушитель, снова уверенный в собственном всеведении. Смех оборвался, когда Вин восстала против него в виде великолепного сияющего копья силы – управляемой, наполненной любовью и сочувствием, но непреклонной.

Тогда Кельсер понял, почему было необходимо, чтобы это сделала она, а не он.

Вин обрушила свою силу на Разрушителя. С вершины холма Кельсер наблюдал за сражением, ощущая родство с ней. Это родство глубоко согревало душу, а Вин свершала настоящий подвиг.

Она уничтожала уничтожение.

Все окончилось вспышкой света. Ключья тумана – и темного, и белого – хлынули с неба. Кельсер улыбнулся: наконец все завершилось. Туман резко скрутился в два невообразимо высоких столпа. Силы высвободились и неопределенно подрагивали, будто собиралась буря.

Ими никто не владел...

Кельсер потянулся к ним, робко и с трепетом. Он мог...

Рядом в когнитивную реальность вывалился и со стоном рухнул на землю дух Эленда Венчера. Кельсер ему ухмыльнулся.

Эленд заморгал, а Кельсер подал руку, чтобы помочь ему подняться.

– Я всегда представлял, что после смерти встречу со всеми, кого любил при жизни, – сказал Эленд. – Никогда бы не подумал, что среди них окажешься ты.

– Нужно быть внимательнее, малыш. – Кельсер оглядел Эленда. – Симпатичная форма. Ты сам попросил, чтобы тебя превратили в дешевую пародию на Вседержителя, или это вышло случайно?

Эленд заморгал.

– О, я уже тебя ненавижу.

– Дай только срок. – Кельсер похлопал его по спине. – У большинства это чувство в конце концов переходит в легкое раздражение.

Он глянул на силы, по-прежнему беснующиеся рядом, и нахмурился: через поле к ним пробиралась сияющая фигура. Знакомые очертания. Человек подошел к телу Вин на земле.

– Сэйзед, – прошептал Кельсер и дотронулся до него.

Он не был готов к захлестнувшим его эмоциям, когда увидел друга в таком состоянии. Сэйзед был испуган, сломлен, утратил веру. Разрушитель мертв, но конец света по-прежнему близится. Сэйзед надеялся, что Вин их спасет. Если честно, так же думал и Кельсер.

Но похоже, оставалась еще одна тайна.

– Это он, – прошептал Кельсер. – Он Герой.

Эленд Венчер положил руку на плечо Кельсера.

– Нужно быть внимательнее. Малыш.

Он отвел Кельсера в сторону, а Сэйзед протянул руки к силам.

Кельсер с благоговением наблюдал, как силы сливаются. Он всегда воспринимал их как противоположности, но когда они закрутились вокруг Сэйзеда, понял, что они и правда составляют единое целое.

– Как? – прошептал Кельсер. – Как он обрел связь с обеими, настолько равно? Почему не только с Охранением?

– Он изменился за этот год, – ответил Эленд. – Разрушение больше, чем смерть и уничтожение. В нем есть и покой.

Трансформация продолжалась, но какой бы потрясающей она ни была, внимание Кельсера привлекло нечто другое – рядом на вершине холма сгущалась энергия. Она приняла очертания девушки и с легкостью скользнула в когнитивную реальность, даже не споткнувшись, – это было одновременно закономерно и ужасно несправедливо.

Вин взглянула на Кельсера и улыбнулась, тепло и доброжелательно, с радостью и принятием. Кельсера затопила гордость. Как жаль, что он не отыскал Вин раньше, когда была жива Мэйр, когда девочка нуждалась в родителях.

Сначала она подошла к Эленду и надолго заключила его в объятия. Кельсер посмотрел на Сэйзеда, который расширился до всего сущего. Что ж, ему это на пользу. Работа непростая, он с ней справится.

Эленд кивнул Кельсеру, и Вин шагнула к нему.

– О, Кельсер-Кельсер. Ты всегда устанавливал собственные правила.

Он не решился ее обнять, но протянул руку, полный странной почтительности. Вин приняла ее, коснувшись кончиками пальцев его ладони.

Неподалеку энергия сгустилась в еще одну фигуру. Кельсер ее проигнорировал и шагнул ближе к Вин.

– Я... – Что ей сказать? Проклятье, он не знал.

Впервые не знал.

Она обняла его, и он обнаружил, что плачет. Дочь, которой у него никогда не было, дитя улиц. По-прежнему маленькая, его она переросла. И все равно любила. Кельсер крепко прижал дочь к своей изломанной душе.

– Ты это сделала, – наконец прошептал он. – Больше никто на это не был способен. Ты пожертвовала собой.

– Видишь ли, – сказала она, – у меня был очень хороший пример.

Он обнял ее еще крепче. К сожалению, в конце концов пришлось ее отпустить.

Неподалеку, растерянно моргая, стоял Разрушитель. Или... уже не Разрушитель, а лишь сосуд, Ати – человек, который удерживал силу. Ати провел рукой по рыжим волосам и огляделся.

– Вэкс? – произнес он растерянно.

– Прошу прощения. – Кельсер отпустил Вин и поспешил к рыжеволосому.

И врезал ему по лицу, уложив наповал.

– Отлично. – Кельсер потряс рукой.

Человек у его ног глянул на него, потом закрыл глаза, вздохнул, и его затянуло в вечность.

Вернувшись к остальным, Кельсер заметил мужчину в террисийской одежде. Тот стоял сложив на груди руки, прикрытые длинными рукавами.

– Эй. – Кельсер поднял голову и посмотрел на сияющую в небе фигуру. – Разве ты не...

– Часть меня, – отозвался Сэйзед и протянул руки к Эленду и Вин. – Спасибо вам за это новое начало. Я исцелил ваши тела. Можете вернуться в них, если пожелаете.

Вин взглянула на Эленда. К ужасу Кельсера, того начало затягивать. Эленд повернулся к чему-то, невидимому для Кельсера, улыбнулся и шагнул к Запределью.

– Думаю, ничего не выйдет, Сэйз, – сказала Вин и поцеловала его в щеку. – Спасибо тебе.

Она взяла Эленда за руку, и ее тоже потянуло к невидимой далекой точке.

– Вин! – крикнул Кельсер, схватив ее за другую руку. – Нет, Вин. У тебя была сила. Тебе не обязательно уходить.

– Я знаю, – сказала она, оглянувшись через плечо.

– Пожалуйста, не уходи. Остайся. Со мной.

– О, Кельсер. Тебе еще так много нужно узнать о любви.

– Я знаю, что такое любовь, Вин. Все, чего я добился: крах империи, сила, от которой я отказался, – все это было из любви.

Она улыбнулась.

– Кельсер, ты великий человек и должен гордиться тем, чего добился. И ты способен любить. Я знаю. Но в тоже время ты вряд ли понимаешь, что такое любовь.

Она обратила взор к Эленду, который исчезал, видимой оставалась только его рука в ее руке.

– Спасибо, Кельсер, – прошептала Вин, обернувшись, – за все, что ты сделал. Твоя жертва поразительная. Но чтобы совершить то, что ты был должен, и защитить

мир, тебе пришлось измениться. И это меня беспокоит. Однажды ты преподавал мне важный урок о дружбе. Я хочу вернуть долг. Последний подарок. Тебе необходимо понять, необходимо спросить себя: что ты делал из любви, а что ради того, чтобы доказать что-то – что тебя не предали, не превзошли, не победили? Можешь ответить честно, Кельсер?

В ее глазах он увидел скрытый вопрос.

«Что из этого было ради нас? А что – ради самого себя?»

– Я не знаю, – признался он.

Вин сжала его руку и улыбнулась. Когда он только с ней познакомился, она не умела так улыбаться.

И это больше всего остального наполнило его сердце гордостью.

– Спасибо, – еще раз прошептала Вин.

Отпустив руку Кельсера, она последовала за Элендом в Запределье.

9

Стеная и дрожая, земля умерла, а потом возродилась.

Кельсер шагал по гибнущему миру, засунув руки в карманы. Энергия разлеталась во всех направлениях, позволяя видеть во всех трех реальностях.

Небесный огонь сжигал все вокруг. Скалы сталкивались и расходились. Океаны кипели, а их пар становился новым туманом.

Кельсер шагал, будто ноги могли перенести его из одного мира в другой, из одной жизни в следующую. Он чувствовал себя не брошенным, но одиноким, словно был единственным человеком, оставшимся в целом мире, и последним свидетелем ушедших эпох.

Пепел потонул в море расплавленного камня. Позади Кельсера в ритме его шагов вырастали горы. С возвышенностей хлынули реки, наполняя океаны. Расцвела жизнь, деревья устремились в небеса, и вокруг Кельсера вырос лес. Затем все это закончилось, и он очутился в стремительно высыхающей пустыне: в недрах сотворенной Сэйзедом земли забурлил песок.

В мгновение ока перед Кельсером промелькнул десяток разных ландшафтов. Земля формировалась на его пути, в его тени. Наконец Кельсер остановился на горном плато и окинул взглядом новый мир. Ветра трех реальностей трепали его одежду. Под ногами зазеленела трава, распустились цветы. Цветы Мэйр.

Он опустился на колени и, склонив голову, коснулся цветка.

Рядом появился Сэйзед. Видение реального мира постепенно поблекло, и Кельсер снова оказался заперт в когнитивной реальности. Все вокруг затянуло туманом.

Сэйзед присел возле него.

– Буду честен, Кельсер. Не о таком конце я думал, когда присоединился к твоей команде.

– Мятужный террисиец. – Кельсер находился в мире тумана, но все равно, пусть и нечетко, видел облака реального мира. Они проплывали под ногами, обволакивая подножие горы. – Даже тогда ты был живым противоречием, Сэйз. Я должен был догадаться.

– Я не могу их вернуть, – тихо произнес Сэйзед. – Пока что... возможно, никогда. Запределье мне недоступно.

– Ничего страшного. Сделай одолжение, посмотри, можно ли помочь Призраку? Его тело в ужасном состоянии. Он перенапрягся. Подлатаешь его немного? Заодно сделай его рожденным туманом. В новом мире понадобятся алломанты.

– Я подумаю над этим.

Так они и сидели – два друга на краю мира, в конце и начале времен. Наконец Сэйзед встал и поклонился Кельсеру – почтительный жест в отношении того, кто и сам был божеством.

– Что думаешь, Сэйз? – спросил Кельсер, глядя на мир. – Есть способ выбраться отсюда и вернуться к жизни в физической реальности?

Сэйзед помедлил.

– Нет. Вряд ли. – Он похлопал Кельсера по плечу и исчез.

«Ха, – подумал Кельсер. – У него двойная сила созидания. Бог среди богов. И все равно не умеет лгать».

Эпилог

Призраку было неловко от того, что он живет в особняке, когда остальные довольствуются малым. Но они настояли, и, кроме того, не такой уж это и особняк. Да, бревенчатый двухэтажный дом, хотя большинство живет в лачугах. И да, у Призрака есть своя собственная комната. Впрочем, она маленькая, и по ночам в ней душно. У них не было стекла, чтобы вставить в окна, а если открывать ставни, в комнату залетали насекомые.

К этому идеальному новому миру прилагалась неутешительная доля нормальности.

Закрывая дверь, Призрак зевнул. В комнате имелись койка и стол. Ни свечей, ни ламп – на такую роскошь ресурсов не хватало. Голова лопалась от указаний Бриза о том, как быть королем, а руки болели от тренировок с Хэмом. Скоро Бельдре позовет ужинать.

Внизу хлопнула дверь, и Призрак подскочил. Он по-прежнему ждал, что громкие звуки будут больно бить по ушам, и спустя столько недель еще не привык обходиться без повязки на глазах. Один из помощников оставил на столе дощечку для письма – бумаги тоже не было. На дощечке был нацарапан угольком список встреч на завтра с короткой припиской в конце: «Я наконец нашел кузнеца, который согласился выполнить ваш заказ, хоть и боялся работать со штырями инквизиторов. Не знаю, зачем вам это понадобилось, ваше величество, но вот то, о чем вы просили».

Около дощечки лежал крошечный штырь в форме серьги. Призрак нерешительно взял его и принялся рассматривать. Все-таки зачем ему это? Он припомнил шепот из снов: «Сделай штырь, серьгу. Подойдет старый штырь инквизитора. Его можно отыскать в пещерах под руинами Кредикской Роши...»

Сон? Поразмыслив, Призрак вопреки здравому смыслу воткнул эту штуковину себе в ухо.

В комнате появился Кельсер.

– Ух! – воскликнул Призрак, отшатнувшись. – Ты! Ты мертв. Тебя убила Вин. В книге Сэйза сказано...

– Все в порядке, малыш, – произнес Кельсер. – Я настоящий.

– Я... – запнулся Призрак. – Это... ух!

Кельсер подошел и приобнял Призрака за плечи.

– Видишь ли, я знал, что это сработает. У тебя теперь есть и то, и другое – поврежденный рассудок и гемалургический штырь. Ты можешь заглядывать в когнитивную реальность. А значит, мы с тобой можем работать вместе.

– Проклятье, – выдохнул Призрак.

– Ну хватит. Наша работа важна. Жизненно важна. Мы будем разгадывать тайны вселенной. Космер, как ее называют.

– Что... что ты имеешь в виду?

Кельсер улыбнулся.

– Мне сейчас станет плохо, – признался Призрак.

– Есть большое-пребольшое место, малыш, – объяснил Кельсер. – Больше, чем можно вообразить. Мы чуть не лишимся всего из-за невежества. Больше я такого не допущу. – Он щелкнул Призрака по уху. – После смерти мне выпала возможность: мой разум расширился, и я кое-что узнал. Я не придавал большого значения штырям, иначе я бы во всем разобрался. И все-таки я узнал достаточно, чтобы представлять опасность, а вдвоем мы разгадаем все остальное.

Призрак отстранился. Он теперь принадлежит себе! Необязательно слушаться Кельсера. Проклятье, неизвестно, правда ли это Кельсер. Однажды его уже одурачили.

– Зачем? – спросил Призрак. – Какая мне разница?

Кельсер пожал плечами.

– Понимаешь, Вседержитель был бессмертным. Объединив способности, он добился того, чтобы не стариться, то есть не умирать почти при любых обстоятельствах. Ты рожденный туманом, Призрак. Полдела сделано. Разве тебе не любопытно, что еще возможно? В смысле, у нас тут куча невостребованных инквизиторских штырей...

Бессмертие.

– А ты? – поинтересовался Призрак. – Что с этого получишь ты?

– Ничего особенного. Одну мелочь. Однажды мне объяснили, в чем моя проблема. Моя нить обрезана – та связь, что удерживала меня в физическом мире. – Улыбка Кельсера стала шире. – В общем, мы просто найдем мне новую.

Послесловие

Я начал планировать эту повесть, пока писал основную трилогию. К тому времени я продвигал своему редактору идею «трилогии трилогий» (в цикле «Рожденный туманом» должны сменяться эпохи и расти уровень технологического развития по мере развития Космера). Также я понимал, что Кельсер сыграет важную роль в будущих книгах цикла.

Я не против того, чтобы персонажи умирали. Кажется, во всех моих циклах есть заметные и необратимые потери среди главных героев. В то же время я прекрасно понимал, что история Кельсера не окончена. Человек, каким он был в конце первого тома, кое-чему научился, но не завершил свой путь.

Итак, я с самого начала думал, как вернуть его обратно. В «Герое веков» я оставил подсказки насчет того, чем Кельсер занимался за кулисами, и даже сумел вставить пару подсказок кое-где раньше. Когда меня спрашивали фанаты, я очень четко давал понять, что Кельсер никогда не делал того, что от него ожидали.

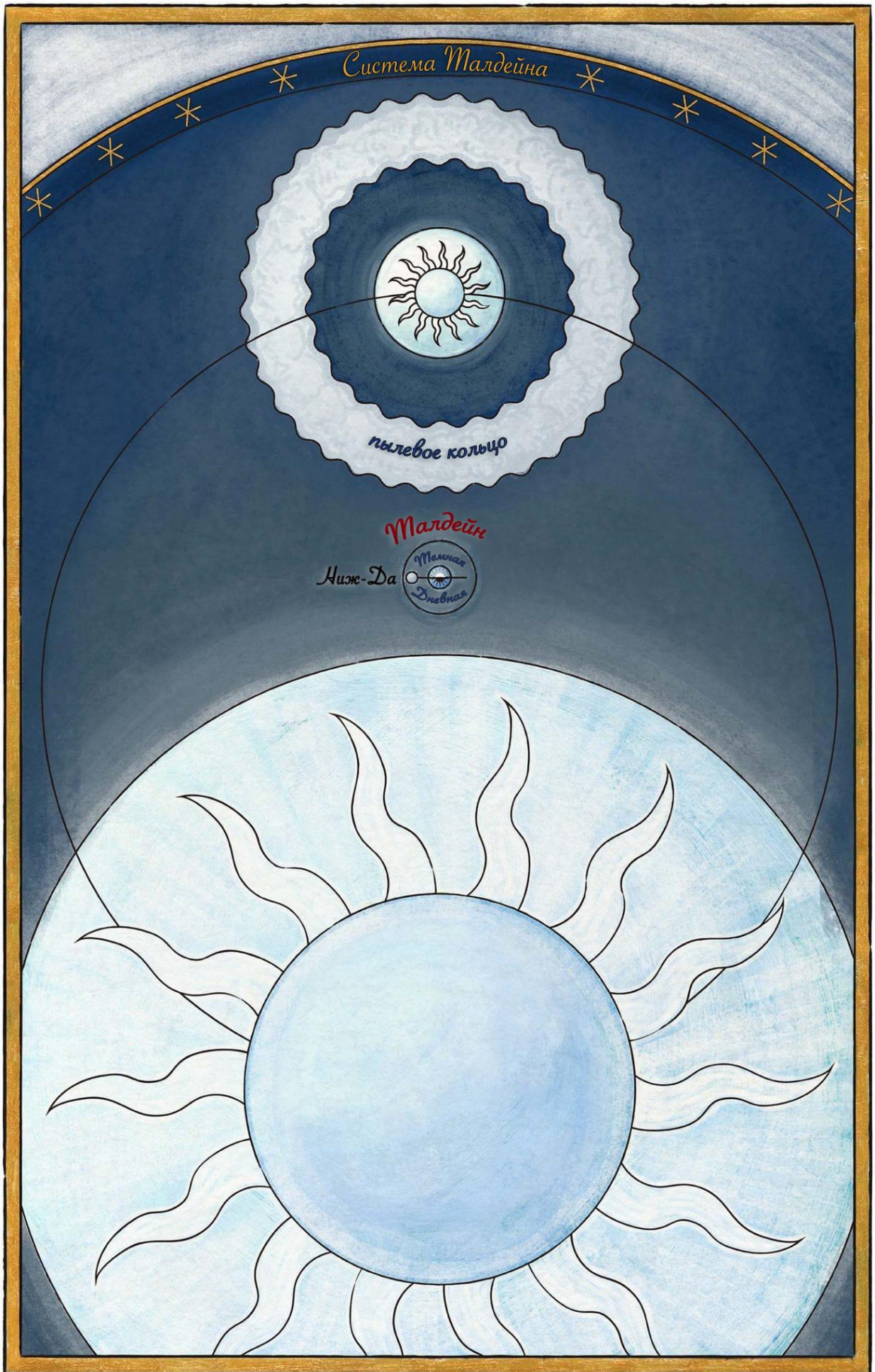
Я отлично понимаю всю опасность воскрешения персонажа и до сих пор разбираюсь, как тут не переборщить. Конкретно этот случай не кажется мне таким уж спорным, отчасти потому, что я оставил много намеков. Однако мне хочется, чтобы в моих историях смерть была совершенно реальной опасностью или исходом.

Тем не менее возвращение Кельсера планировалось с самого начала, хотя иногда я сомневался, писать ли эту повесть. Я боялся, что если напишу ее, то она покажется ни к селу ни к городу, ведь трилогия охватывает большой промежуток времени и в ней так много всего происходит. Прежде чем опубликовать повесть, я несколько лет доводил до ума сцены.

Когда я закончил «Браслеты скорби», стало ясно, что нужно все объяснить читателям, и чем раньше, тем лучше. Это сподвигло меня засесть за повесть более основательно. В итоге я очень рад тому, что вышло. Повесть и правда немного выбивается из общего цикла, как я и боялся. Зато появилась возможность наконец поговорить о некоторых закулисных историях Космера на радость фанатам и мне самому.

Предвосхищая вопросы: да, я знаю, чем планировали заняться Кельсер и Призрак сразу после событий повести. Еще я знаю, что делал Кельсер в эпоху Вакса и Уэйна (в цикле «Двурожденные» есть несколько подсказок, точно так же, как в первой трилогии есть подсказки к этой повести).

Не могу обещать, что напишу продолжение «Тайной истории». У меня и так планов по горло. Однако не исключаю подобную возможность.

Система Талдейна

Талдейн – одна из самых странных планет в Космере, и этот факт, в свою очередь, кажется странным уже для меня. Я выросла на Темной стороне Талдейна, и в глубине души, даже спустя столько лет, порядок вещей на планете кажется мне нормальным и естественным.

Талдейн – это планета, которая пребывает в приливном захвате между гравитационными силами двух звезд, составляющих двойную систему. Меньшая звезда – слабый белый карлик, окруженный пылевым кольцом и едва видимый на темной стороне планеты. Те из нас, кто родился на этой стороне Талдейна, считают постоянную темноту естественной (большинству кажется, что она больше похожа на сумерки).

Наша планета не мрачная, и обратные утверждения свидетельствуют лишь о невежестве. Ультрафиолет, проникающий сквозь пылевое кольцо, вызывает люминесцентное свечение у большинства представителей растительного и животного мира. Редкие гости планеты, которых я встречала, находят это явление поразительным, некоторые – слишком броским.

Дневная сторона планеты обращена к большей из звезд, бело-голубому сверхгиганту, вокруг которого вращается карлик. На Дневной стороне господствует солнце, большая ее часть представляет собой бескрайнюю песчаную пустыню, а почти все представители флоры и фауны обитают в толще песка.

Долгие годы считалось, что наш осколок Автономия влияет только на Дневную сторону посредством солнечного света. Теперь известно, что все не так просто, хотя проявление инвеституры проще всего объяснить, исходя из следующих допущений: инвеститура исходит с неба и поглощается микрофлорой, которая произрастает на поверхности песка, как лишайник, и придает ему сверкающую белизну (когда песок насыщен инвеститурой) или непроглядную черноту (когда инвеститура исчерпана).

Если эти крошечные растения полить водой, запускается цепная реакция взрывного роста, выделения энергии и реалматического перехода. Некоторые люди умеют контролировать эту реакцию с помощью воды из собственных тел, создавая краткую когнитивную связь. Они извлекают инвеституру (в очень маленьких количествах) напрямую из духовной реальности и используют ее, чтобы управлять песком.

Внешний эффект впечатляющий, однако силы используется очень мало. Эта магия характеризуется больше ловкостью, чем грубой силой.

На Дневной стороне выделяются две культуры, в то время как Темная сторона более гостеприимная и разнообразная. На обеих сторонах удивительная флора и фауна, хотя будущим гостям планеты, к сожалению, не удастся изучить их

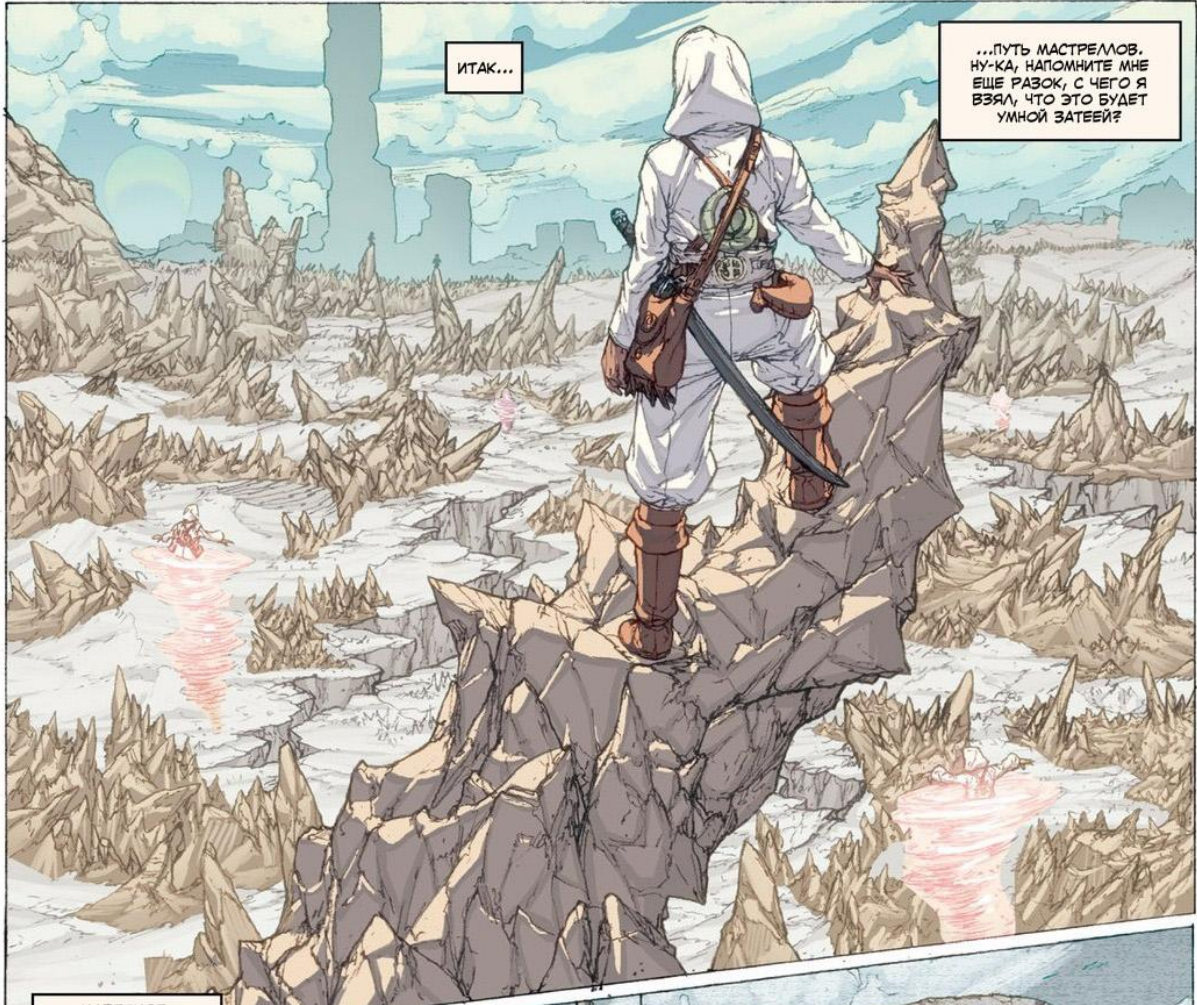
непосредственно. В последнее время Автономия придерживается политики изоляции (хотя, нужно добавить, вмешивается в дела других планет), и много-много лет невозможно ни попасть на Талдейн, ни выбраться с него.

В этом я неоднократно убедилась на собственном опыте.

Белый песок

Это отрывок из первой части графического романа 2016 года. Все три части переведены командой Booktran: <http://www.booktran.ru/?p=783>.

В 2022 году вышел обновленный омнибус, его перевод от издательства «Азбука» выйдет в 2023 году.

ИТАК...

...ПУТЬ МАСТРЕЛЛОВ. НУ-КА, НАПОМНИТЕ МНЕ ЕЩЕ РАЗОК, С ЧЕГО Я ВЗЯЛ, ЧТО ЭТО БУДЕТ УМНОЙ ЗАТЕЕЙ?

НАВЕРНОЕ, ПОТОМУ ЧТО Я ВСЕГДА ПЫТАЛСЯ ЧТО-ТО ДОКАЗАТЬ СВОЕМУ ОТЦУ, ГЛАВНОМУ МАСТРЕЛЛУ.

А ЧТО НАСЧЕТ ЭТОГО, СТАРШИЙ МАСТРЕЛ ТЕНДЕЛЬ? ПОДАЕТ НАДЕЖДЫ?

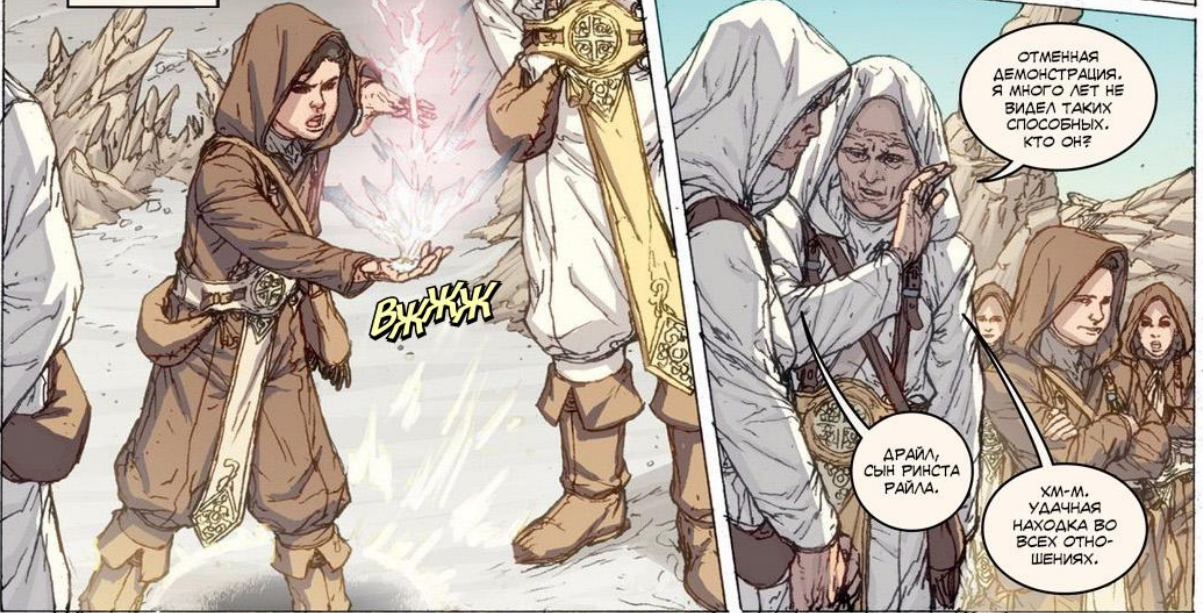
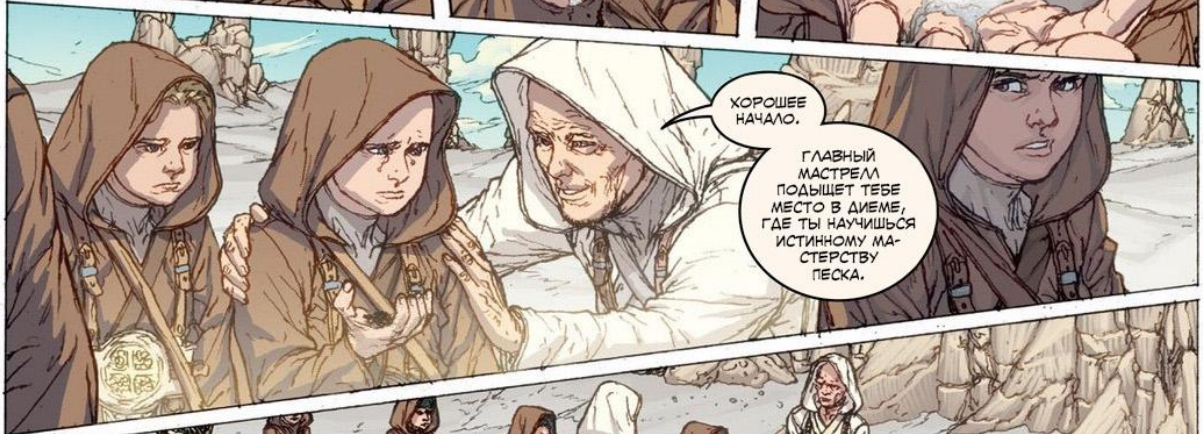
ДА, ГЛАВНЫЙ МАСТРЕЛ. ОН ОДИН ИЗ СИЛЬНЕЙШИХ В ГРУППЕ ЭТОГО ГОДА.

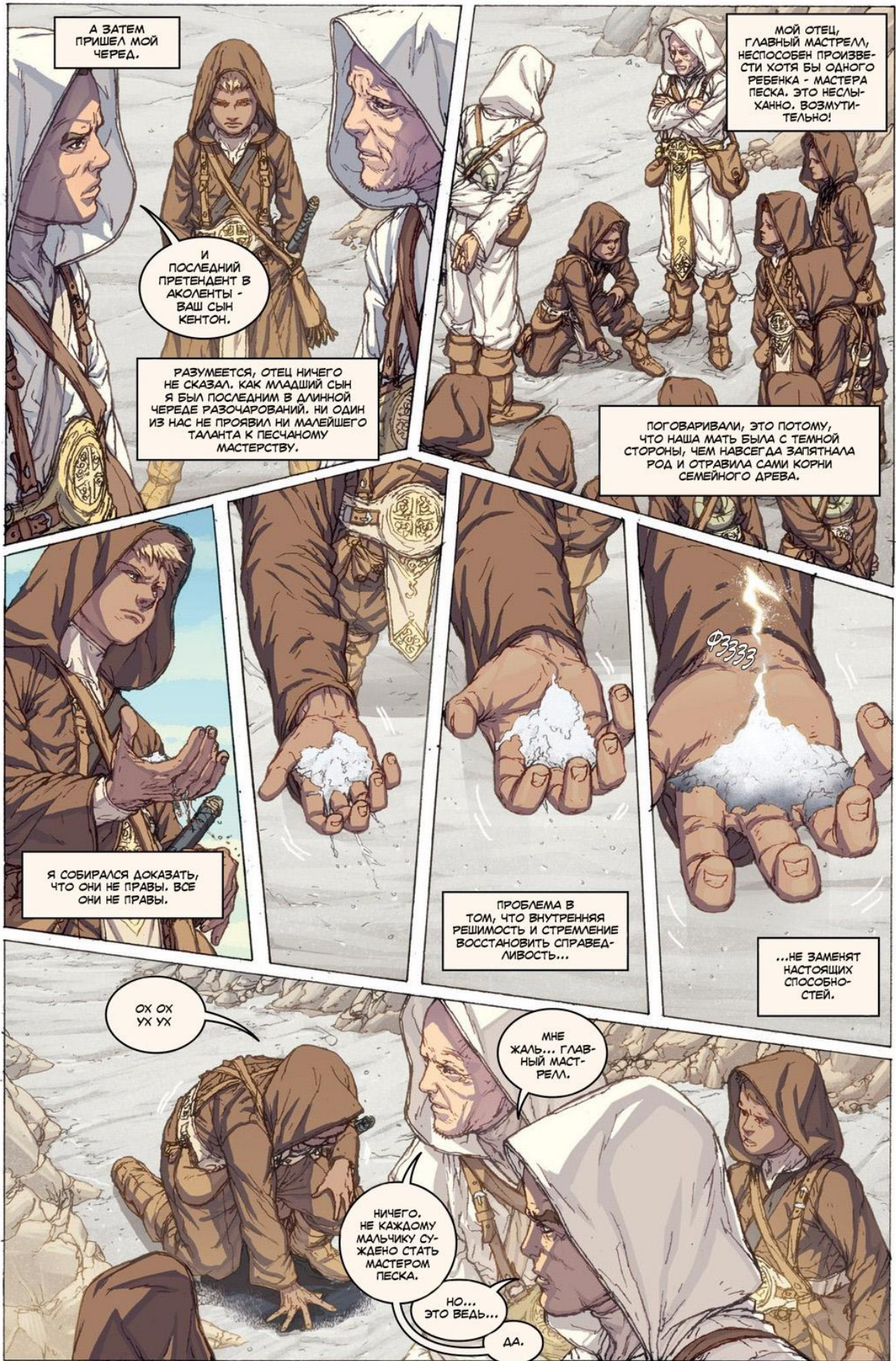

НУ ЖЕ, ДИТЯ, СКАЖИ ГЛАВНОМУ МАСТРЕЛЛУ, КАК ТЕБЯ ЗОВУТ.

ТРАЙБЕН, ГОСПОДИН.

А ТЕПЕРЬ ПОКАЖИ НАМ, НАСКОЛЬКО ТЫ ПРОДВИНУЛСЯ В СВОЕМ МАСТЕРСТВЕ.

А ЗАТЕМ ПРИШЕЛ МОЙ ЧЕРЕД.

И ПОСЛЕДНИЙ ПРЕТЕНДЕНТ В АКОЛЕНТЫ - ВАШ СЫН КЕНТОН.

РАЗУМЕЕТСЯ, ОТЕЦ НИЧЕГО НЕ СКАЗАЛ. КАК МЛАДШИЙ СЫН Я БЫЛ ПОСЛЕДНИМ В ДЛИННОЙ ЧЕРЕДЕ РАЗОЧАРОВАНИЙ. НИ ОДИН ИЗ НАС НЕ ПРОЯВИЛ НИ МАЛЕЙШЕГО ТАЛАНТА К ПЕСЧАНОМУ МАСТЕРСТВУ.

МОЙ ОТЕЦ, ГЛАВНЫЙ МАСТРЕЛЛ, НЕСПОСОБЕН ПРОИЗВЕСТИ ХОТЯ БЫ ОДНОГО РЕБЕНКА - МАСТЕРА ПЕСКА. ЭТО НЕСЛЫХАННО. ВОЗМУТИТЕЛЬНО!

ПОГОВАРИВАЛИ, ЭТО ПОТОМУ, ЧТО НАША МАТЬ БЫЛА С ТЕМНОЙ СТОРОНЫ, ЧЕМ НАВСЕГДА ЗАПЯТНАЛА РОД И ОТРАВИЛА САМИ КОРНИ СЕМЕЙНОГО ДРЕВА.

Я СОБИРАЛСЯ ДОКАЗАТЬ, ЧТО ОНИ НЕ ПРАВЫ. ВСЕ ОНИ НЕ ПРАВЫ.

ПРОБЛЕМА В ТОМ, ЧТО ВНУТРЕННЯЯ РЕШИМОСТЬ И СТРЕМЛЕНИЕ ВОССТАНОВИТЬ СПРАВЕДЛИВОСТЬ...

...НЕ ЗАМЕНЯТ НАСТОЯЩИХ СПОСОБНОСТЕЙ.

ОХ ОХ УХ УХ

МНЕ ЖАЛЬ... ГЛАВНЫЙ МАСТРЕЛЛ.

НИЧЕГО. НЕ КАЖДОМУ МАЛЬЧИКУ СУЖДЕНО СТАТЬ МАСТЕРОМ ПЕСКА.

НО... ЭТО ВЕДЬ...

ДА.

УБЕДИТЕ ИХ. ТЕ, У КОГО ЕСТЬ ХОТЬ КАКИЕ-ТО ЗАДАТКИ, МОГУТ ВОЙТИ В ДИЕМ. ОСТАЛЬНЫЕ ВЫБЕРУТ ДРУГУЮ ПРОФЕССИЮ.

Я СТАНУ МАСТЕРОМ ПЕСКА! ЭТО МОЕ ПРАВО!

У ТЕБЯ НЕТ ТАЛАНТА К ПЕСЧАНОМУ МАСТЕРСТВУ, МАЛЬЧИК! СТУПАЙ ДОМОЙ.

ВЫ ЖЕ ВИДЕЛИ.

В ЗАКОНЕ СКАЗАНО, ЧТО У МЕНЯ ЕГО ХВАТАЕТ!

ИЗУЧАЛ ЗАКОН, НЕ ТАК ЛИ, МАЛЬЧИК? ТОГДА ТЕБЕ ИЗВЕСТНО, ЧТО ТОЛЬКО Я, КАК ГЛАВНЫЙ МАСТЕР, МОГУ ПУЗВОЛИТЬ ВОЙТИ В ДИЕМ...

В ДИЕМЕ ТЕБЕ ПРИДЕТСЯ НЕСЛАДКО, МАЛЬЧИК.

ИМЕННО Я ДОЛЖЕН ОДОБРИТЬ ПОЛУЧЕНИЕ ЛЮБОГО ЗВАНИЯ МАСТЕРА ПЕСКА.

ЛЮБОГО, КРОМЕ ПЕРВОГО!

НО, ЕСЛИ ТАК ХОЧЕШЬ, МОЖЕШЬ ПРИСОЕДИНИТЬСЯ.

ПРИСОЕДИНИТЬСЯ И ПРОВАЛИТЬСЯ... ИМЕЛ ОН В ВИДУ.

ПРИСОЕДИНИТЬСЯ, ПРОВАЛИТЬСЯ И ВЫЛЕТЕТЬ ИЗ ДИЕМА. ВОТ ЧТО ОН НА САМОМ ДЕЛЕ ХОТЕЛ СКАЗАТЬ. И Я, НЕУДАЧНИК В ГЛАЗАХ ОТЦА, ВЫЛЕЧУ В САМОЙ САМОУБИЙСТВЕННОЙ МАНЕРЕ, КАКУЮ ТОЛЬКО МОЖНО ПРЕДСТАВИТЬ.

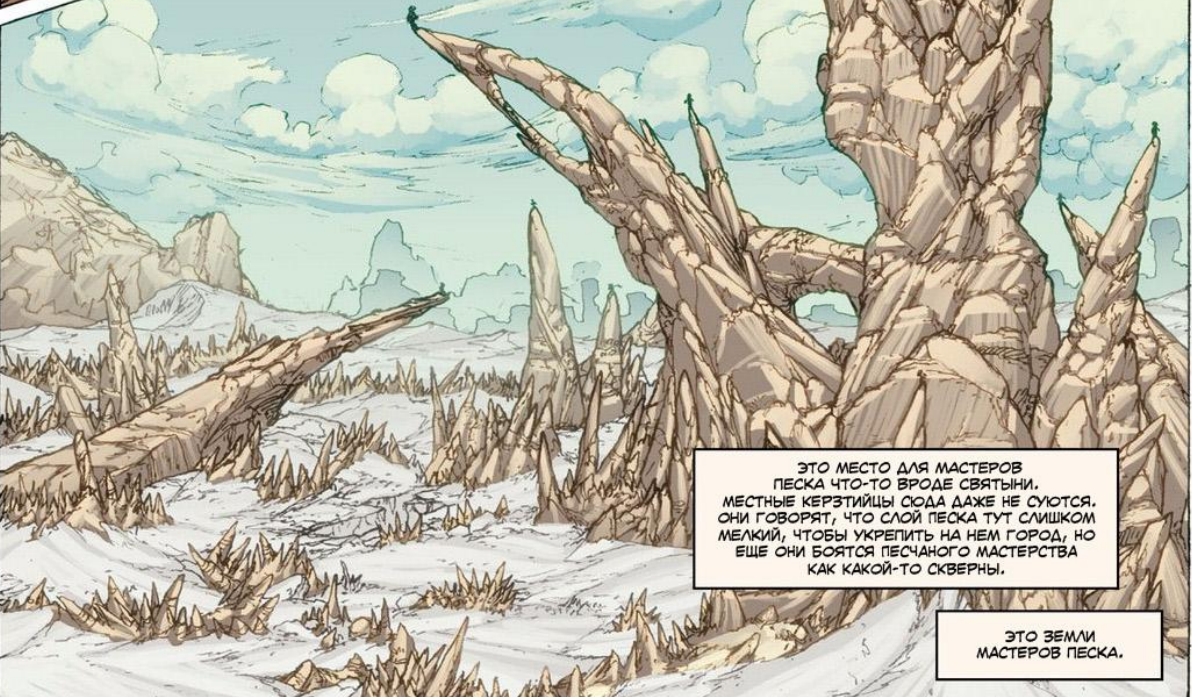

ЕСЛИ УЖ ПОЗОРИТЬСЯ, ТО ВЕРХОМ НА ТОНКЕ, А НЕ ПРЯЧАСЬ ЗА НИМ!

ПО КРАЙНЕЙ МЕРЕ Я НАШЕЛ ДВЕ СФЕРЫ. ХОРОШО, ЧТО НЕ ПОВЕРИЛ ТРАЙБЕНУ, КОГДА ТОТ СКАЗАЛ, ЧТО ЭТО СЛОЖНО!

НО ЕСЛИ Я СОБИРАЮСЬ ПРОЙТИ ВЕСЬ МАРШРУТ, МНЕ НАДО УСКОРИТЬСЯ. ВРЕМЕНИ ВОЗВРАЩАТЬСЯ НЕ БУДЕТ - ТАК ЧТО НАДЕЮСЬ, Я НИЧЕГО НЕ ПРОПУСТИЛ!

ЭТО МЕСТО ДЛЯ МАСТЕРОВ ПЕСКА ЧТО-ТО ВРОДЕ СВЯТЫНИ. МЕСТНЫЕ КЕРЭТИЦЫ СОДА ДАЖЕ НЕ СУЮТСЯ. ОНИ ГОВОРЯТ, ЧТО СЛОЙ ПЕСКА ТУТ СЛИШКОМ МЕЛКИЙ, ЧТОБЫ УКРЕПИТЬ НА НЕМ ГОРОД, НО ЕЩЕ ОНИ БОЯТСЯ ПЕСЧАНОГО МАСТЕРСТВА КАК КАКОЙ-ТО СКВЕРНЫ.

ЭТО ЗЕМЛИ МАСТЕРОВ ПЕСКА.

НОВЫЕ УЧЕНИКИ ПОЛУЧАЮТ
НАЗНАЧЕНИЕ В СООТВЕТСТВИИ
СО СПОСОБНОСТЯМИ.

ТАК, ПАДАТЬ ВЫСОКО,
ВЫШЕ, ЧЕМ Я ОЖИДАЛ,
НО НИЧЕГО, ЭТО ВЕРНЫЙ
ПУТЬ - ФЛАГ-УКАЗАТЕЛЬ
ТОМУ ПОДТВЕРЖДЕНИЕ.
ТЕПЕРЬ НАЧИНАЕТСЯ НА-
СТОЯЩАЯ ПРОВЕРКА.

ИЗ-ЗА МИЗЕР-
НЫХ СПОСОБНОСТЕЙ
МОЕ ПОЛОЖЕНИЕ В
ОБЩЕСТВЕ ВАДВОЕ
НИЖЕ ДНА ЭТОЙ
ПРОПАСТИ.

ДЛЯ МАСТЕРОВ ПЕСКА
СИЛА - ВСЕ. Я ЗАПОМНИЛ
ЭТО С РАНИХ ЛЕТ, СРАЗУ
ПО ПОСВЯЩЕНИИ В ДИЕМ.

НО Я СМОТРУ НА ЭТО ИНАЧЕ...

ЕСТЬ СПОСОБНОСТИ...

...И ЕСТЬ КОНТРОЛЬ.

КОНЕЧНО, МОИ МЕТОДЫ НЕ ТАК ЭФФЕКТНЫ...

...НО ОНИ ПОВЗВОЛЯЮТ СПРАВИТЬСЯ С ЗАДАЧЕЙ.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЙ ПЕСОК ТЕРЯЕТ БЕЛIZНУ И ЧЕРНЕЕТ. ЭТО ЗНАЧИТ, ЧТО ЕГО ЭНЕРГИЯ ИССЯКА.

И НАПОМИНАЕТ О ТОМ, ЧТО СЛЕДИТЬ НУЖНО НЕ ТОЛЬКО ЗА ЭНЕРГИЕЙ ПЕСКА, НО И ЗА СВОЕЙ.

ВО РТУ ПЕРЕСОХЛО. ПЕРВЫЙ ПРИЗНАК ОБЕЗВОЖИВАНИЯ. ПЕСЧАНОЕ МАСТЕРСТВО ЗАБИРАЕТ НЕ ТОЛЬКО ЭНЕРГИЮ. ЕМУ ТАКЖЕ ТРЕБУЕТСЯ ВОДА, И ОНО ВЫСАСЫВАЕТ ЭТУ ДРОГОЦЕННУЮ ЖИДКОСТЬ ИЗ ТЕЛА МАСТЕРА.

ПЕРВОЕ, ЧЕМУ УЧИТСЯ МАСТЕР ПЕСКА, - ПОСТОЯННО СЛЕДИТЬ ЗА ЗАПАСАМИ ЖИДКОСТИ В ОРГАНИЗМЕ.

БЫТЬ ВНИМАТЕЛЬНЫМ, ЧТОБЫ НЕ ДОВЕСТИ СЕБЯ ДО ТАКОЙ СТЕПЕНИ ОБЕЗВОЖИВАНИЯ, КОГДА ТЕЛУ БУДЕТ НАНЕСЕН СЕРЬЕЗНЫЙ УЩЕРБ.

ЧТО ОН ДЕЛАЕТ?!!

ТАК-ТО ЛУЧШЕ!

МАСТЕР ПЕСКА ДОЛЖЕН ИГРАЮЩИ ПАРИТЬ И ТАНЦЕВАТЬ В ОБЛАКАХ СЯЩЕГО ПЕСКА, А НЕ ПОЛЗТИ ПО СТЕНЕ, КАК СОННЫЙ ПЕСЧАНЕЦ.

Я НЕ МОГУ ПОДНЯТЬ СЕБЯ ОЧЕНЬ ВЫСОКО - ДЛЯ ЭТОГО ТРЕБУЕТСЯ НАМНОГО БОЛЬШЕЕ КОЛИЧЕСТВО ПЕСКА, ЧЕМ ТО, КОТОРЫМ Я МОГУ УПРАВЛЯТЬ.

ВПРОЧЕМ, У БОЛЕЕ ДОЛГОГО ПУТИ ЕСТЬ И СВОИ ПЛЮСЫ. НАЧИНАЕШЬ ЗАМЕЧАТЬ ДЕТАЛИ!

ТАКОВА
ЖИЗНЬ. ТРЕТЬЯ
СФЕРА ОКАЗАЛАСЬ ЛЕГКОЙ
ДОБЫЧЕЙ, А РАЗРЯЖЕННЫЙ
ПЕСОК ЛУЧШЕ ЛЮБОГО
УКАЗАТЕЛЯ ВЫДАЕТ,
ГДЕ СПРЯТАНА
ЧЕТВЕРТАЯ.

ЧТОБЫ СНОВА ЗАРЯДИТЬСЯ И СТАТЬ
БЕЛЫМ, ПЕСОК ПОСЛЕ МАНИПУЛЯЦИИ С НИМ
ДОЛЖЕН ПОЛЕЖАТЬ НА СОЛНЦЕ ЧЕТЫРЕ ЧАСА.
С ТЕХ ПОР, КАК КАКОЙ-ТО МАСТЕР ПЕСКА
СПРЯТАЛ ТУТ СФЕРУ, СТОЛЬКО ВРЕМЕНИ
ЕЩЕ НЕ ПРОШЛО.

НО ЧТОБЫ ДОБИРАТЬСЯ
ДО СФЕР, НУЖНО ВРЕМЯ.
ВРЕМЯ, КОТОРОЕ Я НЕ
МОГУ ПОЗВОЛИТЬ СЕБЕ
ПОТРАТИТЬ ВПУСТУЮ. НЕ
ВАЖНО, КАК СИЛЬНО Я СТА-
РАЮСЬ, ВРЕМЕНИ ПОЧТИ
НЕ ОСТАЛОСЬ, И МОЕ
ТЕЛО ОБЕЗВОЖЕНО.

ЕСЛИ БЫ Я ТОЛЬКО
УМЕЛ СЛАТРИЩИРО-
ВАТЬ...

ТАК ГЛУПО.
МОЙ ОТЕЦ СУРОВ,
КАК САМИ ПЕСКИ. ОН
НИКОГДА НЕ ПОЗВОЛИТ
МНЕ СТАТЬ МАСТРЕЛ-
ЛОМ, ДАЖЕ ЕСЛИ
Я НАЙДУ
ВСЕ...

...ПЯТЬ?..

НЕВЕРоятно.
ПОСЛЕДНЯЯ СФЕРА.
Я ЭТО СДЕЛАЛ!

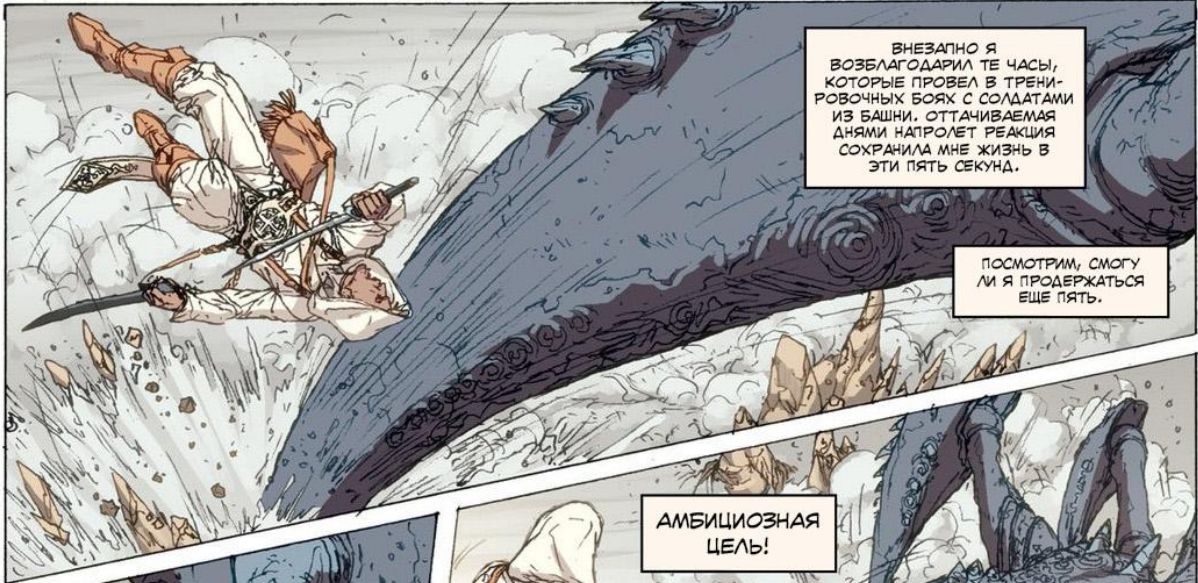

ТЕПЕРЬ Я
ВСПОМНИЛ, ПО-
ЧЕМУ КЕРЗТИЙЦЫ НЕ
ОСМЕЛИВАЮТСЯ ЗА-
ХОДИТЬ В ГЛУБО-
КИЕ ПЕСКИ!

ИЗ-ЗА ЭТИХ ВОТ... ПЕС-
ЧАНЦЕВ. ХИЩНИКОВ, КОТОРЫЕ
ЛЕГКО И БЕШУМНО СКОЛЬЗЯТ В
ПЕСКАХ. ОНИ БЫСТРЫЕ И ПРАКТИ-
ЧЕСКИ НЕСОКРУШИМЫЕ. ЖИВУТ В
ГЛУБОКИХ ПЕСКАХ И ВЫПОЛЗАЮТ
ТОЛЬКО ПООХОТИТЬСЯ.

У НИХ ПОЧТИ НЕ РАЗВИТЫ
ОРГАНЫ ЗРЕНИЯ, В ОТЛИЧИЕ ОТ
ЧУТЬЯ. КЕРЗТИЙЦЫ ВЕРЯТ, ЧТО
ЭТИ ТВАРИ ДАЖЕ ОБЩАЮТСЯ
С ПЕСКОМ.

ВНЕЗАПНО Я ВОЗБЛАГОДАРИЛ ТЕ ЧАСЫ, КОТОРЫЕ ПРОВЕЛ В ТРЕНИРОВОЧНЫХ БОЯХ С СОЛДАТАМИ ИЗ БАШНИ. ОТТАЧИВАЕМАЯ ДНЯМИ НАПРОЛЕТ РЕАКЦИЯ СОХРАНИЛА МНЕ ЖИЗНЬ В ЭТИ ПЯТЬ СЕКУНД.

ПОСМОТРИМ, СМОГУ ЛИ Я ПРОДЕРЖАТЬСЯ ЕЩЕ ПЯТЬ.

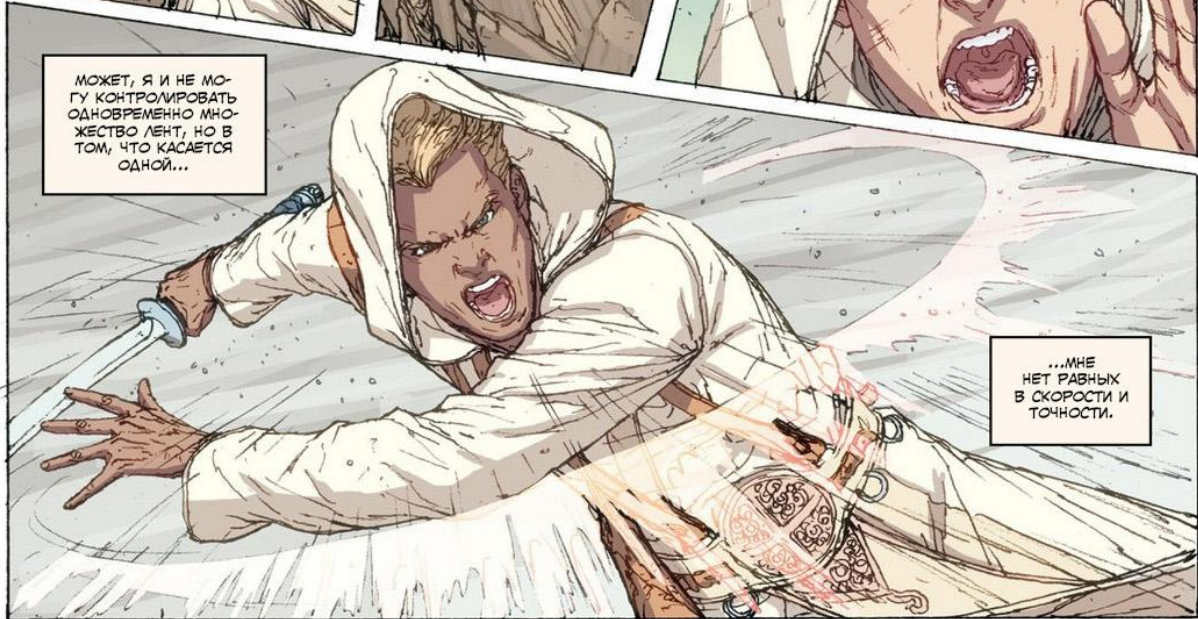

ДЗЫНЬ

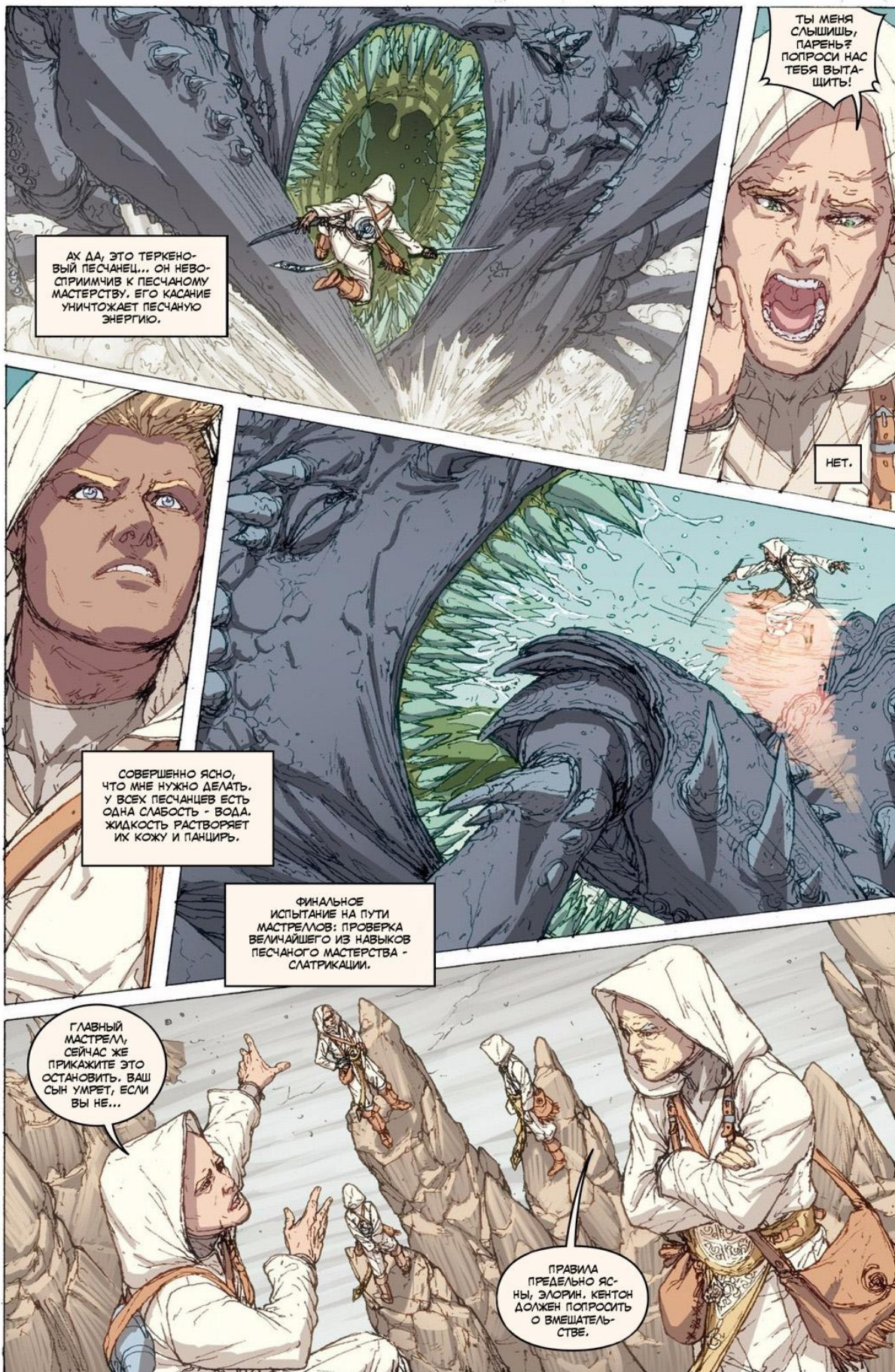
АМБИЦИОЗНАЯ ЦЕЛЬ!

КЕНТОН!
МЫ НЕ МОЖЕМ
ВМЕШАТЬСЯ,
ПОКА НЕ ПО-
ПРОСИШЬ!

МОЖЕТ, Я И НЕ МОГУ КОНТРОЛИРОВАТЬ ОДНОВРЕМЕННО МНОЖЕСТВО ЛЕНТ, НО В ТОМ, ЧТО КАСАЕТСЯ ОДНОЙ...

...МНЕ
НЕТ РАВНЫХ
В СКОРОСТИ И
ТОЧНОСТИ.

АХ ДА, ЭТО ТЕРКЕНОВЫЙ ПЕСЧАЕЦ... ОН НЕВОСПРИИМЧИВ К ПЕСЧАНОМУ МАСТЕРСТВУ, ЕГО КАСАНИЕ УНИЧТОЖАЕТ ПЕСЧАНУЮ ЭНЕРГИЮ.

ТЫ МЕНЯ СЛЫШИШЬ, ПАРЕНЬ? ПОПРОСИ НАС ТЕБЯ ВЫТАЩИТЬ!

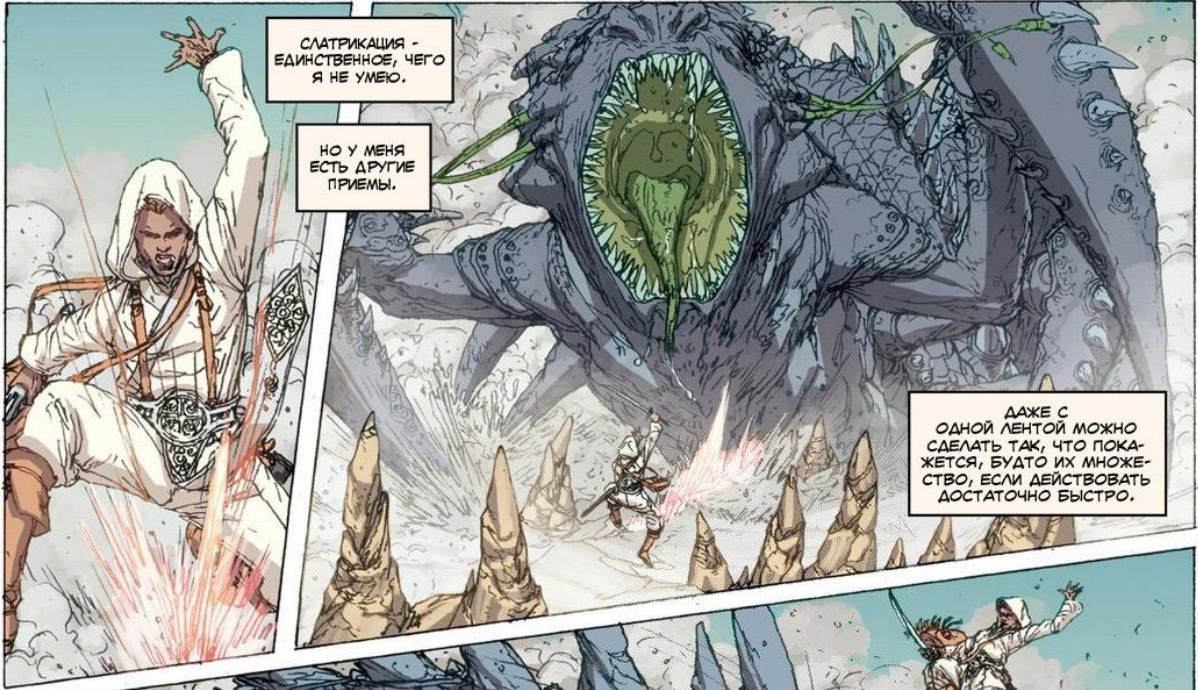
НЕТ.

СОВЕРШЕННО ЯСНО, ЧТО МНЕ НУЖНО ДЕЛАТЬ. У ВСЕХ ПЕСАЧЕВ ЕСТЬ ОДНА СЛАБОСТЬ - ВОДА. ЖИДКОСТЬ РАСТВОРЯЕТ ИХ КОЖУ И ПАНЦИРЬ.

ФИНАЛЬНОЕ ИСПЫТАНИЕ НА ПУТИ МАСТРЕЛЛОВ: ПРОВЕРКА ВЕЛИЧАЙШЕГО ИЗ НАВЫКОВ ПЕСЧАНОГО МАСТЕРСТВА - СЛАТРИКАЦИИ.

ГЛАВНЫЙ МАСТРЕЛ, СЕЙЧАС ЖЕ ПРИКАЖИТЕ ЭТО ОСТАНОВИТЬ, ВАШ СЫН УМРЕТ, ЕСЛИ ВЫ НЕ...

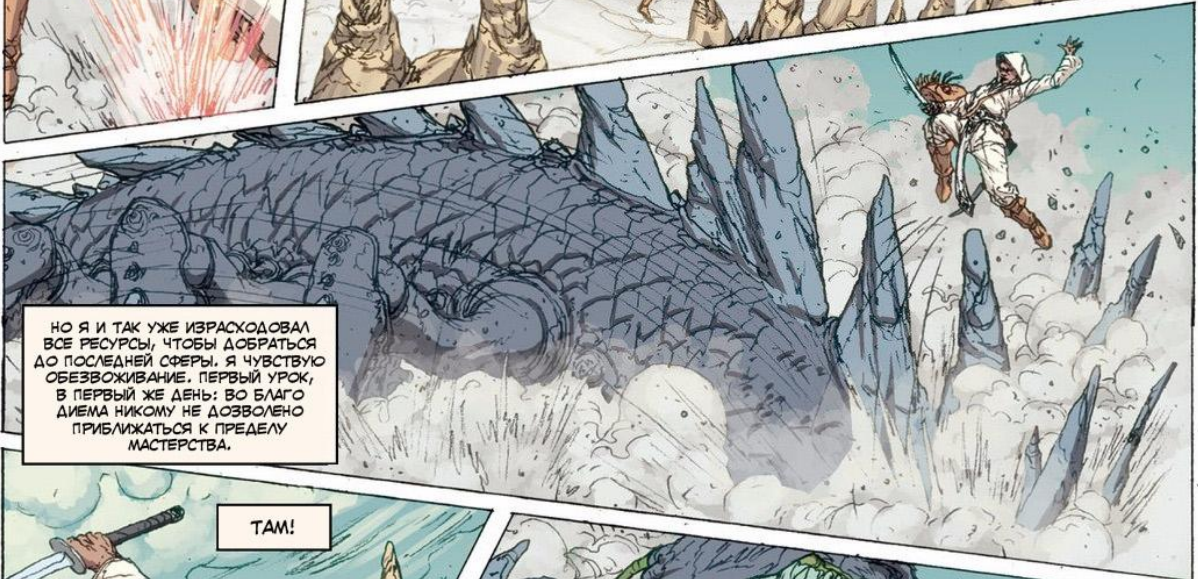
ПРАВИЛА ПРЕДЕЛЬНО ЯСНЫ, ЭЛОРИН. КЕНТОН ДОЛЖЕН ПОПРОСИТЬ О ВМЕШАТЕЛЬСТВЕ.

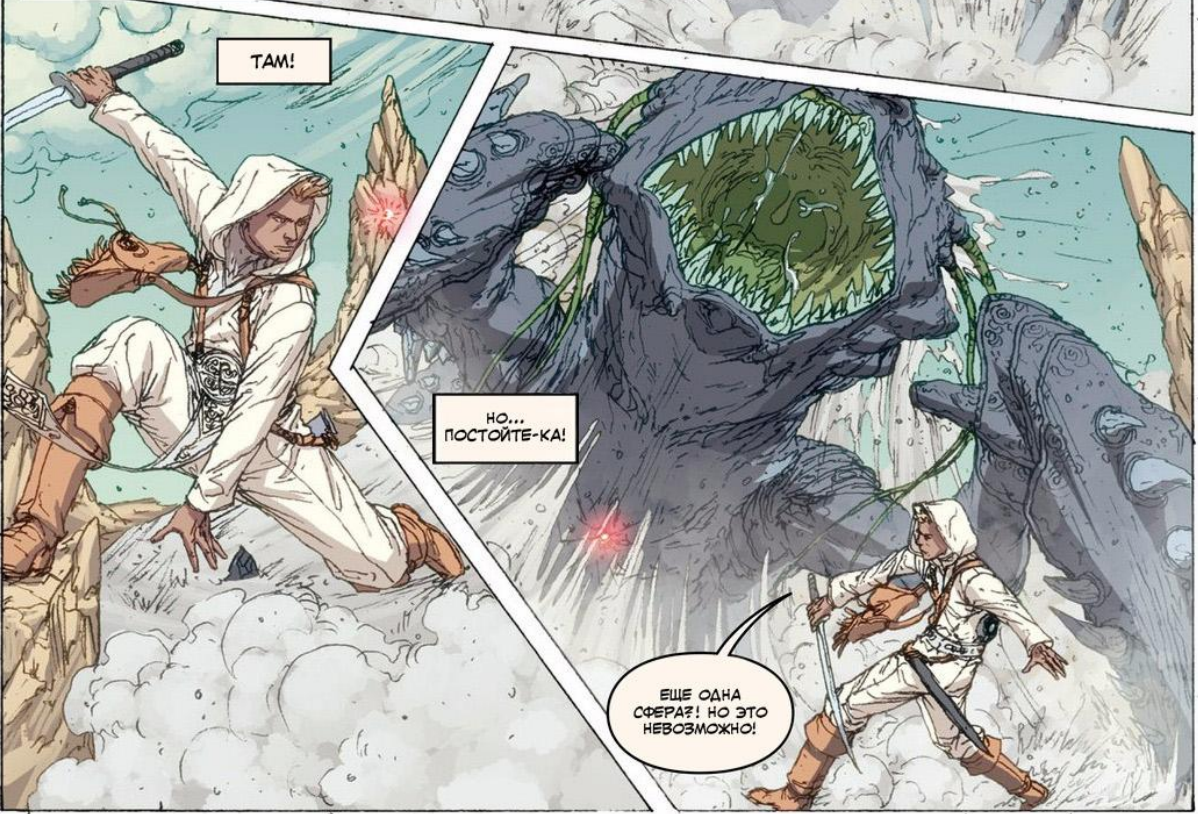
САТРИКАЦИЯ -
ЕДИНСТВЕННОЕ, ЧЕГО
Я НЕ УМЕЮ.

НО У МЕНЯ
ЕСТЬ ДРУГИЕ
ПРИЕМЫ.

ДАЖЕ С
ОДНОЙ ЛЕНТОЙ МОЖНО
СДЕЛАТЬ ТАК, ЧТО ПОКА-
ЖЕТСЯ, БУДО ИХ МНОЖЕ-
СТВО, ЕСЛИ ДЕЙСТВОВАТЬ
ДОСТАТОЧНО БЫСТРО.

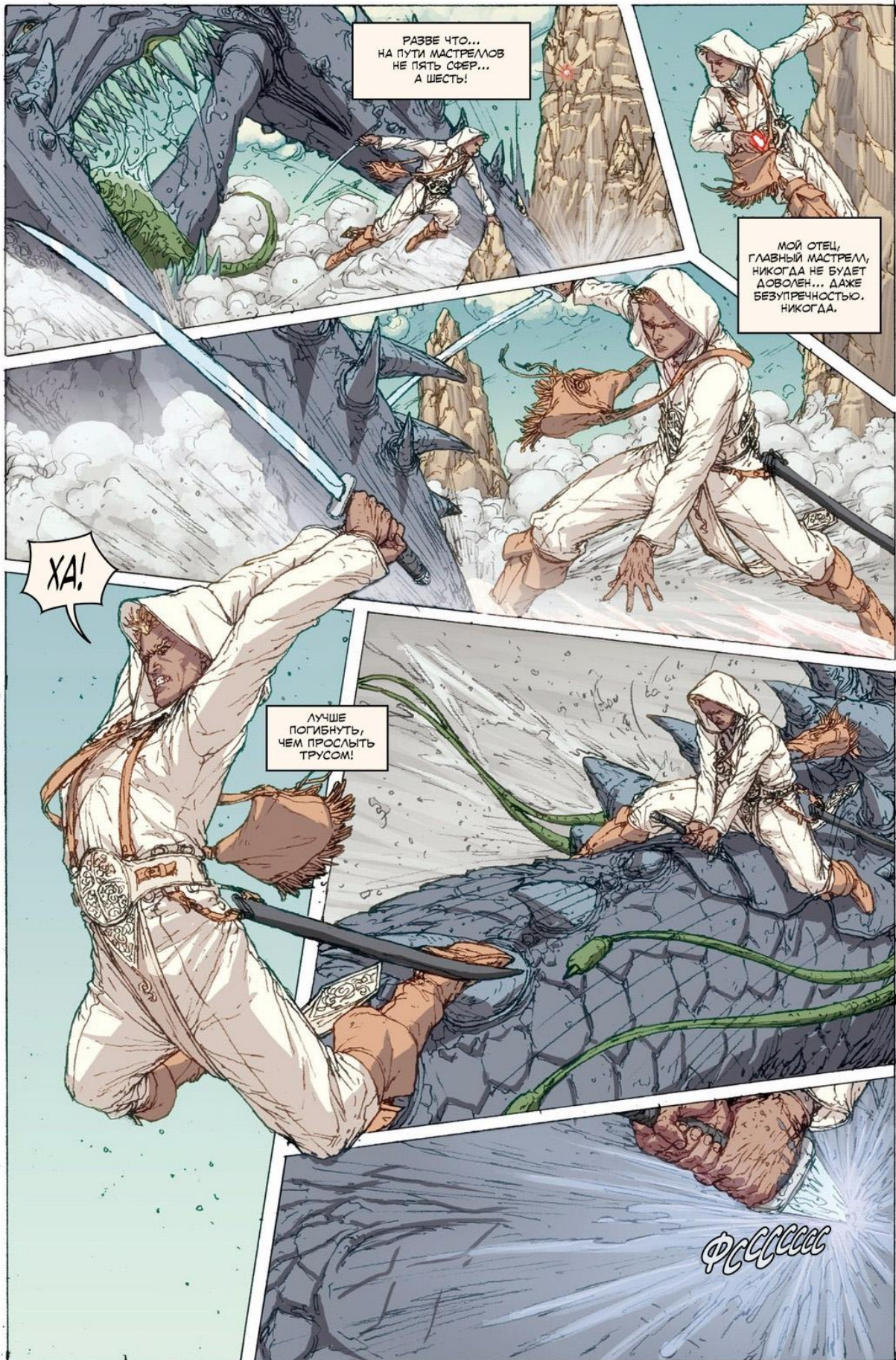
НО Я И ТАК УЖЕ ИЗРАСХОДОВАЛ
ВСЕ РЕСУРСЫ, ЧТОБЫ ДОБРАТЬСЯ
ДО ПОСЛЕДНЕЙ СФЕРЫ. Я ЧУВСТВУЮ
ОБЕЗВОЖИВАНИЕ. ПЕРВЫЙ УРОК,
В ПЕРВЫЙ ЖЕ ДЕНЬ: ВО БЛАГО
ДНЕМА НИКОМУ НЕ ДОЗВОЛЕНО
ПРИБЛИЖАТЬСЯ К ПРЕДЕЛУ
МАСТЕРСТВА.

ТАМ!

НО...
ПОСТОЙТЕ-КА!

ЕЩЕ ОДНА
СФЕРА?! НО ЭТО
НЕВОЗМОЖНО!

РАЗВЕ ЧТО...
НА ПУТИ МАСТРЕЛЛОВ
НЕ ПЯТЬ СФЕР...
А ШЕСТЬ!

МОЙ ОТЕЦ,
ГЛАВНЫЙ МАСТРЕЛЛ,
НИКОГДА НЕ БУДЕТ
ДОВОЛЕН... ДАЖЕ
БЕЗУПРЕЧНОСТЬЮ.
НИКОГДА.

ХА!

ЛУЧШЕ
ПОГИБНУТЬ,
ЧЕМ ПРОСЛАВИТЬ
ТРУСОМ!

Фсссссс

ухх!

ФСССССС

ПРИКАЗЫВАЮ СВОЕЙ
ЛЕНТЕ ПРОНИКНУТЬ
В РАЗРЕЗ ПАНЦИРЯ
ПЕСЧАЦА...

...ЧТОБЫ
ИЗРАНИТЬ ЭТО
ПРЕКРАСНОЕ, ГРОЗНОЕ
СОЗДАНИЕ, ПРАВЯЩЕЕ
В НЕДРАХ КЕРЛЫ.

МГНОВЕНИЕ,
ПОКАЗАВШЕЕСЯ
ВЕЧНОСТЬЮ, ОНО
ЕЩЕ КОРИЛОСЬ,
НО НАКОНЕЦ ЖИЗНЬ,
ДЛИВШАЯСЯ БЕССЧЕТ-
НОЕ КОЛИЧЕСТВО
ЛЕТ, УГАСЛА.

МОЕ ВРЕМЯ
ТОЖЕ НА ИСХОДЕ,
НО Я ДОЛЖЕН
ЗАКОНЧИТЬ.

ШЕСТЬ СФЕР!
НЕВОЗМОЖНО!

Я
СПРЯТАЛ
ПЯТЬ. ОТКУДА
ВЗЯЛАСЬ
ШЕСТАЯ?

ВОДЫ!
ПРИНЕСИТЕ
ПАРНЮ
ВОДЫ!

ОН
СОВЕРШЕННО
ИЗМОТАЛ СЕБЯ...
ХВАЛА ВЛАДЫКЕ ПЕСКА,
ОН ВЫЖИЛ. ВЫ ДОЛЖНЫ
ГОРДИТЬСЯ СВОИМ
СЫНОМ, ГЛАВНЫЙ
МАСТРЕЛЛ.

ДОЛЖЕН
ЛИ?

ЩРК

Белый песок

Это отрывок из черновика 1999 года, послужившего основой для графической интерпретации.

Пролог

Шелестящим прикосновением ветер ласкает неподвижные дюны: ловит крупинки песка и гонит их вперед, словно тысячи крошечных возниц. Песок, из которого сложены дюны, белый, как кость, – выгорел под безжалостным взором солнца. Этот взор никогда не тускнеет, ибо здесь, в царстве белого песка, солнце никогда не садится, а висит неподвижно, не поднимаясь и не опускаясь, и вечно наблюдает за дюнами, как ревностный монарх.

Гонимые ветром песчинки кололи щеку Пракстона. Он натянул капюшон, но это почти не помогло. Песчинки все равно жалили как бешеные насекомые. Мастерам песка следует поторопиться: ветер в считанные минуты превратит неподвижные пески Керлы в смерч.

Неподалеку стояли с десятков фигур в коричневом. Капюшоны защищали их лица от ветра, но по росту было видно, что это дети, едва ли старше десяти лет. Мальчики неловко переминались с ноги на ногу, ветер трепал их одежду. Они сознавали важность этого дня, хотя и не в той мере, как Пракстон. Им неизвестно, что они еще не раз мысленно вернутся к этому событию, а результаты испытания определяют их жизненный путь. Тем не менее они чувствовали важность происходящего.

По знаку мастрелла в белом мальчики достали из-под одежды маленькие полотняные мешочки. Пракстон руководил церемонией как главный мастрелл и лидер мастеров песка. С обычным для него суровым выражением лица он невозмутимо наблюдал, как мальчики извлекают из мешочков пригоршню белого песка. Песок приходилось держать крепко, чтобы усиливающийся ветер не сдул его и не разнес по всей Керле.

Пракстон нахмурился, будто одно его недовольство могло заставить ветер стихнуть. Испытание проходило вблизи горы Крэй-Да – одного из немногих мест в Керле, где из песка выступали скалы. Обычно гора и окружающие утесы защищали это место от ветра.

Первый мальчик начал испытание, и Пракстон, потрянув головой, отбросил мысли о ветре. Два мастрелла негромко поясняли, что делать, но ветер уносил голоса. Пракстон ничего не слышал, зато видел результат. Порыв ветра сдвинул капюшон мальчика, открыв сосредоточенное лицо. Мгновение он пристально смотрел на сложенную ковшиком руку. Песок в ней слабо засиял и почти сразу почернел, как зола в костре.

– Неплохое начало, – пробормотал сзади Тендель, один из старших мастреллов.

Пракстон молча кивнул. Тендель прав, это хороший знак. Пракстону показалось, что он узнал Трайбена, сына одного из рядовых мастеров песка. Трайбен заставил песок засиять так ярко, что было заметно с некоторого расстояния, а это говорит как минимум о средних способностях.

Испытание продолжалось. У некоторых мальчиков песок сиял, как у Трайбена, другим едва удавалось заставить его почернеть. Однако в целом группа оказалась необычайно сильной. Эти дети укрепят Диём.

Вдруг у одного мальчика песок ярко вспыхнул с таким треском, что перекрыл шум ветра. Пракстон удивленно заморгал, пытаясь прогнать из глаз послеобраз. Мастреллы, проводившие испытание, ошеломленно застыли перед малышом с дрожащей рукой.

Тендель присвистнул.

– Я много лет не видел таких способных. Кто он?

– Драйл, – неохотно ответил Пракстон. – Сын ринста Райла.

– Удачная находка во всех отношениях.

Проверяющие мастреллы пришли в себя от удивления и повернулись к следующему и последнему мальчику. Пока тот слушал инструкции, сердце Пракстона, несмотря на возраст, хладнокровие и суровость натуры, забилося чуть быстрее.

«Пожалуйста», – пробормотал он мольбу, почти не отдавая себе в этом отчета. Он не был религиозным человеком, но это последний шанс. Уже столько неудач...

Мальчик посмотрел на песок в руке. Ветер сорвал капюшон с его коротких светлых волос, и на круглом лице появилось выражение полнейшей сосредоточенности. Не в силах совладать с волнением, Пракстон затаил дыхание.

Стиснув зубы, мальчик уставился на песок. Ничего не происходило, и надежда Пракстона растаяла. Наконец песок замерцал – так слабо, что, возможно, лишь показалось, – и почернел.

Пракстон не сомневался, что ничем не выдал разочарования, но почувствовал, что мастреллы вокруг него напряглись в ожидании.

– Мне жаль, главный мастрелл, – произнес Тендель.

– Ничего. – Пракстон пренебрежительно отмахнулся. – Не каждому мальчику суждено стать мастером песка.

– Но... это ведь ваш младший сын, – произнес Тендель.

Совершенно ненужное замечание, по мнению Пракстона.

– Уведите их, – громко распорядился Пракстон.

«Таким будет мое наследие, – подумал он. – Главный мастрелл не способен произвести на свет ни одного ребенка-мастера песка. Меня запомнят как мужчину, который женился на женщине с Темной стороны и тем самым запятнал свой род».

Вздыхнув, он продолжил:

– У кого есть хоть какие-то задатки, могут войти в Диём. Остальные выберут другую профессию.

Мастера песка поспешили найти укрытие от яростной стихии, слегка утопая во вьющейся песчаной поземке. Однако одна фигура не последовала за мастреллами в белом. Невысокий и худощавый мальчик остался стоять посреди неистового ветра. Его одежда билась, извивалась, будто зверь в смертельных мучениях.

– Кентон, – выдохнул Пракстон.

– Я стану мастером песка! – Голос мальчишки с трудом перекрывал ветер. Мастреллы и дети остановились, несколько человек удивленно повернули головы.

– У тебя нет таланта к песчаному мастерству, мальчик! – бросил Пракстон и жестом велел группе идти дальше.

Они сделали вид, что подчинились. Мало кто осмеливался бросать вызов главному мастреллу, а уж мальчишки тем более. Это стоило того, чтобы увидеть своими глазами, невзирая на песчаную бурю.

– В законе сказано, что у меня его хватает! – возразил Кентон, почти сорвавшись на крик.

– Изучал закон, не так ли, мальчик? – нахмурился Пракстон.

– Да.

– Тогда тебе известно, что только я могу позволить войти в Диём. – Пракстон сердился все сильнее: его авторитету бросили вызов. Причем не кто-нибудь, а мальчишка, да еще и его собственный сын. – Именно главный мастрелл должен одобрить получение любого звания мастера песка.

– Любого, кроме первого! – прокричал Кентон.

Пракстон помедлил, чувствуя, как вскипает гнев. Все против него: невыносимый ветер, мальчишеская дерзость, любопытствующие взгляды других мастеров песка... Хуже всего, он знал, что мальчик прав. Формально присоединиться к Диёму позволено любому, кто может заставить песок сиять. Мастерами песка становились мальчишки с еще меньшими способностями, чем у Кентона. Разумеется, никто из них не был сыном главного мастрелла. Если Кентон присоединится к Диёму, его жалкие способности ослабят и авторитет Пракстона.

Мальчик все так же стоял с решительным видом. Порывы ветра намели у его ног груды песка. Он уже по колени утопал в подвижной дюне.

– В Диёме тебе придется несладко, мальчик, – прошипел Пракстон. – Во имя песков, образумься!

Кентон не шевелился.

Пракстон вздохнул и провозгласил:

– Ладно, можешь присоединиться.

Победно улыбувшись, Кентон высвободил ноги из дюны и бросился к группе учеников. Пракстон неподвижно наблюдал за ним.

Порывистый ветер трепал его одеяние, песчинки лезли в глаза и рот. Эти неудобства ничто по сравнению с той болью, что вскоре познает Кентон. Диём – суровое место, и мастеров песка чаще всего оценивают по грубой силе. Столь слабому мастеру придется несладко, тем более при таком влиятельном отце. Как бы Пракстон ни поступил, ученики посчитают, что с Кентоном нянчатся или что он ходит в любимчиках.

Не подозревая о будущих трудностях, мальчик добрался до пещер неподалеку. Похоже, младший сын Пракстона станет его самым большим позором.

Глава 1

Кентону казалось, что песок едва ли не дышит. Жар неподвижного солнца отражался от песчинок, искажая воздух. Будто дюны сложены из крошечных, раскаленных добела угольков. Вдалеке стонал ветер в скальных расщелинах. Во всей бесконечной, покрытой дюнами Керле скалы выступали из песка только у горы Крэй-Да, в святом для мастеров песка месте. В остальных частях Керлы песок был слишком глубоким.

Кентон, теперь взрослый, снова стоял перед группой мастреллов. Во многом он остался тем же мальчишкой, что побывал в этом месте восемь лет назад: те же

короткие светлые волосы, то же круглое решительное лицо и самое важное – та же мятежная убежденность во взгляде. Теперь он носил белое одеяние мастера песка, но в отличие от многих его товарищей кушак у него был не цветным, а белым. Белые кушаки носили ученики, которые пока не получили звания в Диеме. Еще одна необычная деталь – меч на поясе. Больше никто из мастеров песка не носил оружие.

– Только не говори, что собираешься совершить эту глупость! – возмутился стоящий перед Кентоном мужчина.

Пракстон, выглядевший старше самого песка, возглавлял группу из двадцати мастреллов Диема с золотыми кушаками. Ему едва минуло шестьдесят, но его кожа высохла и сморщилась, как фрукт на солнце. Как и большинство мастеров песка, бороды он не носил.

Кентон ответил непокорным взглядом: уж это он за последние восемь лет освоил прекрасно. Пракстон смотрел на сына со смесью отвращения и стыда. Затем, вздохнув, повел себя неожиданно – отошел от других мастреллов, молча застывших на скалистом плато. Кентон в замешательстве наблюдал, как Пракстон жестом подзывает его поговорить вдали от чужих ушей. На этот раз Кентон подчинился, решив послушать, что скажет главный мастрелл.

Оглянувшись на мастреллов, Пракстон повернулся к Кентону, мазнул взглядом по мечу у него на поясе и пристально посмотрел в глаза.

– Послушай, мальчишка, – начал Пракстон слегка дребезжащим голосом. – Я восемь лет сносил твое ребячество и дерзость. Только всемогущему Владыке Песка ведомо, как много от тебя проблем. Почему ты вечно мне перечишь?

Кентон пожал плечами:

– Потому что у меня это хорошо получается?

Пракстон нахмурился.

– Главный мастрелл, – добавил Кентон серьезнее, но все так же непокорно, – как только мастер песка принимает звание, оно закрепляется за ним навсегда.

– И что?

Кентон не ответил. Он уже четыре раза отказывался от звания, выставив себя дураком перед всем Диемом. Неспособных учеников порой оставляли в аколентах на пять лет, но восемь лет в учениках за всю историю песчаного мастерства не проводил никто.

Снова вздохнув, Пракстон глотнул воды из кидо.

– Ладно, парень. Несмотря на боль, несмотря на стыд, я признаю, что ты упорно трудился. Владыка Песка знает, что ни о каком таланте у тебя и речи не идет, но, по крайней мере, при твоих способностях ты умеешь хоть что-то. Откажись от глупой мечты пройти Путь мастрелла, и завтра же я предложу тебе звание фена.

Фен. Предпоследнее из девяти званий мастеров песка. Ниже только подфен – звание, которое предлагали Кентону четыре года подряд.

– Нет, – сказал Кентон. – Я все-таки хочу быть мастреллом.

– Айша! – выругался Пракстон.

– Прибереги проклятья, отец, – отозвался Кентон. – Подожди, пока я с успехом пройду Путь мастрелла. Что ты тогда будешь делать?

На словах Кентон испытывал гораздо больше оптимизма, чем в душе. Отец разгневался, но кое-какие вопросы не давали Кентону покоя.

«Пески, что я творю? Восемь лет назад никому бы и в голову не пришло, что я могу стать мастером песка, а теперь я отказываюсь от приличного звания в Диеме. Не этого я хочу, но...»

– Мальчишка, ты настолько бездарен, что сотня дурней на твоём фоне выглядят гениями. Путь мастрелла ничего не докажет. Он предназначен для мастреллов, а не для простых аколентов.

– Закон не запрещает ученикам его проходить, – возразил Кентон, хотя его по-прежнему не покидали мысли о несоразмерности своих претензий.

– Я не возведу тебя в мастреллы, – предупредил Пракстон. – Даже если отыщешь все пять сфер, я этого не сделаю. Путь – это не испытание и не проверка. Мастреллы проходят его, когда захотят, и только после получения звания. Твой успех не будет ничего значить. Тебе никогда не стать мастреллом, ты недостойн быть даже мастером песка!

После этих слов сомнения Кентона испарились, будто вода на солнце. Если кто и мог разжечь в нём непокорность, то только Пракстон.

– Тогда я останусь аколентом до конца своих дней, главный мастрелл. – Кентон сложил руки на груди.

– Ты не можешь быть мастреллом. Ты не владеешь силой.

– Я не верю в силу, отец. Я верю в сноровку. И могу все, что может мастрелл, просто у меня другие методы.

Это был старый довод, который он неустанно приводил все восемь лет.

– И можешь ли ты слатрицировать?

Кентон запнулся. Нет, это было единственное неподвластное ему умение. Слатрикация или способность преобразовывать песок в воду – вершина песчаного мастерства. Она разительно отличается от других способностей мастеров песка, и её не заменить ни изобретательностью, ни ловкостью.

– Были мастреллы, которые не могли слатрицировать, – неуверенно возразил он.

– Только двое. И обоим удавалось контролировать более двадцати песчаных лент одновременно. Сколько лент способен контролировать ты, юнец?

Кентон стиснул зубы. На прямой вопрос нельзя не ответить.

– Одну, – наконец признал он.

– Одну, – повторил Пракстон. – Одну ленту. Я никогда не слышал о мастрелле, который не мог бы контролировать по меньшей мере пятнадцать. Хочешь сказать, что с одной можешь сделать больше, чем другие с пятнадцатью? Ты вообще понимаешь, как абсурдно это звучит?

Кентон слегка улыбнулся. «Спасибо, что подбодрил, отец».

– Что ж, тогда я просто докажу вам это, главный мастрелл.

Насмешливо поклонившись, он отвернулся от отца.

– Путь предназначен для мастреллов, мальчишка, – дребезжащим голосом повторил за его спиной Пракстон. – Большинство из них так и не решились его пройти, он слишком опасен.

Кентон не стал отвечать старику и направился к другому мастеру песка. Его приземистая фигура не отбрасывала тени, ибо здесь, среди зазубренных скал к югу от горы Крэй-Да, солнце висело прямо над головой. Мастер песка был лысым,

полноватым и круглолицым. На поясе у него красовался желтый кушак младшего мастрелла. Когда Кентон приблизился, мужчина улыбнулся.

– Ты точно уверен, что хочешь это сделать, Кентон?

– Да, Элорин, уверен, – кивнул Кентон.

– Возражения твоего отца вполне обоснованы, – предостерег Элорин. – Путь мастрелла создали люди с раздутым самомнением, отчаянно желавшие доказать свое превосходство. Его разработали для тех, кто наделен огромной силой. На нем уже погибали мастреллы.

– Я понимаю, – сказал Кентон.

В глубине души ему было любопытно. Тем, кто прошел путь, не разрешалось выдавать его секреты. За все время обучения Кентон так и не узнал, что же такого опасного в простой пробежке по Керле. Нехватка воды? Отвесные скалы? Для хорошо обученного мастера песка все это не такие уж великие трудности.

– Тогда ладно, – продолжил Элорин. – Главный мастрелл попросил меня быть наблюдателем. Я с группой буду следить за твоими передвижениями, оценивать успехи и контролировать, чтобы ты не жульничал. Мы не можем помогать тебе, пока ты сам не попросишь, но если вмешаемся, то твой забег на этом закончится.

Порывшись в складках своего белого одеяния, Элорин вытащил маленькую красную сферу.

– На пути спрятано пять таких сфер, – объяснил он. – Твоя цель найти все пять. Начнешь, когда я скажу. Ты должен успеть, пока зашедшая за гору луна не появится с другой стороны. Испытание завершится либо когда истечет время, либо когда ты найдешь пятую сферу.

Кентон поднял голову. Луна делает оборот по небу за один день, все время находясь над горизонтом. Вскоре она скроется за горой Крэй-Да. Чтобы пройти путь, у него будет около часа – сто минут.

– Значит, мне не нужно возвращаться в отправную точку? – уточнил Кентон.

Элорин покачал головой:

– Как только луна выйдет из-за горы, твой забег закончится. Мы пересчитаем найденные сферы, это и будет твой результат.

Кентон кивнул.

– Кидо брать нельзя. – Элорин протянул руку, чтобы забрать у Кентона флягу с водой.

– Меч тоже, – заявил стоящий позади Пракстон, как обычно, неодобрительно скривив губы.

– Этого нет в правилах, – запротестовал Кентон, схватившись за рукоять.

– Истинный мастер песка не нуждается в таком грубом оружии, – возразил Пракстон.

– Этого нет в правилах, – повторил Кентон.

– Он прав, главный мастрелл, – согласился Элорин.

Мастер песка тоже хмурился: несмотря на свою доброту, даже он не соглашался с доводами Кентона в пользу меча. В глазах большинства мастеров песка оружие было грубым инструментом, предназначенным для низших профессий вроде солдат.

Пракстон раздраженно закатил глаза, но перестал спорить. Спустя несколько минут краешек луны скрылся за горой.

– Да защитит тебя Владыка Песка, юный Кентон, – напутствовал Элорин.

Путь начался довольно легко, и Кентон быстро нашел первые две сферы. Красные шарики из песчаника оказалось так легко заметить, что он забеспокоился, нет ли подвоха. К сожалению, нет времени возвращаться и проверять. Либо он отыщет все сферы с первой попытки, либо потерпит неудачу.

Полный решимости, Кентон взбежал на вершину каменного уступа. Вокруг вздымались причудливые зазубренные скалы. Некоторые возвышались на сотни футов, другие едва пробивались над поверхностью песка. Знакомый пейзаж: мастера песка каждый год приходят сюда, чтобы избрать новых членов Диема и вознаградить за заслуги старых. Это место что-то вроде святыни, хотя мастера песка не слишком религиозны. Местные керзтийцы сюда не суются: слой песка тут слишком тонкий, чтобы укрепить на нем город. На самом деле об этом месте мало кто знает. Это земли мастеров песка.

И четыре года подряд это место позора, по крайней мере для Кентона. Четыре года он стоял перед всем Диемом, желая получить звание, которое ему не давали. Большинство мастеров песка считали его дураком, причем заносчивым. Иногда Кентону казалось, что они правы. Почему он так упорно стремится к званию, которого не заслуживает? Почему бы не удовольствоваться тем, что готов дать ему Пракстон?

Кентону нелегко жилось в Диеме. Общество мастеров песка было древним и расслоенным: новые ученики сразу получали важные позиции и покровительство на основании своих способностей. Наделенным меньшей силой доставалась участь слуг и помощников более талантливых. Такая же ситуация наблюдалась во всей иерархии.

Для мастеров песка не было ничего важнее силы. Кентон видел, как легко дается песчаное мастерство другим аколентам в его группе. Им не приходилось напрягаться, не приходилось учиться контролировать песок. Столкнувшись с любой проблемой, они швыряли в нее десяток песчаных лент и надеялись, что она решится. Сегодня Кентон вознамерился доказать, что существует способ лучше.

Он резко остановился перед крутым обрывом. Противоположная сторона ущелья поднималась из песка только футах в пятидесяти. Кентон с трудом разглядел там флажок, отмечающий, в каком направлении двигаться.

«Вот теперь начинается настоящее испытание».

Кентон наклонился зачерпнуть пригоршню песка. Более сильный мастер перелетел бы через ущелье на песчаном потоке. У него такой возможности нет.

Поэтому Кентон спрыгнул с обрыва.

Его белое одеяние хлопало на ветру. Он падал, но не смотрел вниз, сосредоточившись на зажатом в кулаке песке.

Песок ожил и, вспыхнув, из белого, как кость, стал мерцающим перламутровым.

Падая, Кентон разжал кулак и приказал песку двигаться. Лента света протянулась из ладони к быстро приближающимся дюнам.

Когда лента коснулась земли, Кентон приказал ей набрать еще песка и вернуться. Спустя мгновение между ним и землей образовалась мерцающая полоса.

Кентон приказал песку поднажать, и тот закрутился в спираль. Чем ближе к земле, тем сильнее замедлялось падение. В футе над дюнами Кентон остановился и прыгнул с песчаной ленты. Как только он выпустил ленту из-под контроля, песок растерял всю белизну и почернел. Энергия иссякла.

Кентон побежал по дну ущелья, заставляя себя не сбавлять скорость, несмотря на усталость. Он начал жалеть о том, что взял с собой меч: тот с каждым шагом наливался тяжестью.

На спуск в ущелье ушло драгоценное время. Из отведенного часа прошло уже минут шестьдесят. Кентон облизнул все сильнее пересыхающие губы. Песчаное мастерство забирает не только силы, ему требуется вода, и оно вытягивает драгоценную жидкость из тела мастера песка. Нужно внимательно следить за тем, чтобы не довести себя до такой степени обезвоживания, что серьезно пострадает организм.

Кентон добрался до противоположной стороны ущелья и посмотрел вверх, собираясь с силами. Вдалеке виднелись фигуры в белом – мастреллы, оценивающие его успехи. Даже на расстоянии в их позах чувствовалась категоричность. Они посчитали, что он застрял: всем прекрасно известно, что с помощью песка он поднимается от земли едва ли на пару футов. Конечно, это само по себе удивительно, ведь никто из мастеров песка не умеет столь виртуозно использовать единственную ленту. Однако на утес высотой в сотню футов так не взобраться.

Мастреллы повернули головы, обсуждая что-то между собой. Они находились слишком далеко, чтобы можно было что-то расслышать. Не обращая на них внимания, Кентон снова зачерпнул горсть песка и пробудил его к жизни. Песок в руке зашевелился и замерцал. У Кентона песок сиял даже ярче, чем у мастрелла. Он мог управлять только одной лентой, но это была самая сильная лента из всех, что создавали мастера песка.

«Хоть бы сработало», – подумал Кентон.

Он выпустил песок, и тот ручейком потек на землю. Кентон зачерпнул еще песка и вдохнул в него как можно больше жизни. Этого хватило, чтобы создать тонкую нить футов двадцати длиной. На этот раз Кентон превратил песок не в ленту, а в ступень.

Да, высоко ему не подняться. Чем выше возносится мастер, тем больше нужно песка. Кентон не мог управлять большим количеством песка, но мог закрепиться на месте.

Переведя дыхание, он ступил на маленькую песчаную платформу и всем телом прижался к грубому каменному утесу. Потом, стараясь держаться крепче и не глядя вниз, начал потихоньку сдвигаться вбок: песок осыпался с одного края ступени и прибывал на другом. Кентон сосредоточился на том, чтобы песок цеплялся к утесу, заполняя все трещинки и неровности, а не на том, чтобы отталкивать его от земли. Наклоняя песчаную площадку то в одну сторону, то в другую, он медленно взбирался по диагональной траектории.

Вид у него был наверняка невероятно глупый. Мастер песка должен играючи парить и танцевать в облаках сияющего песка, а не ползти по стене, как сонный песчанец. Однако задумка сработала. Всего через несколько минут Кентон почти добрался до верха и кое-что заметил: на маленьком уступе футах в десяти ниже края обрыва примостилась маленькая красная сфера.

Победно улыбнувшись, Кентон неуклюже преодолел последние футы, превратил песчаную ступень в ленту и отправил ее за сферой. Послушная приказу песчаная лента обернулась вокруг сферы и принесла ее хозяину. Осталось найти всего две. К несчастью, на это есть чуть больше тридцати минут.

На глазах у ошеломленных мастреллов Кентон пробежал мимо флажка и отыскал взглядом следующий. Скальных выступов стало больше, появились пещеры и каменные стены. Кентон передвигался по песку, рыская взглядом в поисках красных проблесков. Следующая сфера где-то рядом: если он прав, Путь замкнут в круг, и старт уже близко. На мгновение вернулся страх: неужели он прозевал целых две сферы?

Его безмолвных спутников отмечали линии мерцающего песка. Как это принято у мастреллов, каждый демонстрировал силу, собрав вокруг себя столько лент песка, сколько ему подвластно. Песчаное мастерство не давало возможности летать по-настоящему, но сильные мастреллы умели преодолевать сотни футов с помощью длинных прыжков. За каждым прыгающим мастреллом оставался песчаный след: с помощью песка он отталкивался от земли.

Мастреллы остановились неподалеку на верхушке скалы-колонны. Перейдя на шаг, Кентон внимательно наблюдал за ними. Вряд ли они приземлились там случайно, а значит, сфера где-то рядом. Кентон огляделся, высматривая закутки, где можно спрятать крошечную сферу. К несчастью, таких мест было предостаточно.

Неподалеку вздымалась огромная скальная стена, изрытая отверстиями величиной с кулак, которые уводили во тьму. С упавшим сердцем Кентон понял, что перед ним очередное испытание.

«Сфера может быть в любом отверстии!» – мысленно застонал Кентон. Будь у него под контролем два десятка лент, поиск не занял бы много времени. Но с одной-единственной лентой в срок не уложиться.

Впрочем, похоже, выбора нет. Вздохнув, Кентон призвал к жизни горсть песка. Вдруг повезет. Однако он помедлил, прежде чем отправить ленту на поиски. Должен быть способ лучше.

Кентон обшарил взглядом каменную стену. Как ни смешно, но отсутствие способностей заставило его уяснить, что порой отгадка кроется не в песчаном мастерстве. Он чуть не проглядел ответ, прежде чем среагировал мозг. Маленькая кучка черного песка. Песок чернеет только от соприкосновения с водой или в результате песчаного мастерства.

Кентон с улыбкой подошел к обесцвеченному песку. Тот был не чисто черным, а скорее тускло-серым и, видимо, уже пару часов заряжался на солнце. Еще столько же, и его будет не отличить от белого песка вокруг. Кентон поднял взгляд. Прямо над головой на краю одного из отверстий остался след из черных песчинок.

Кентон сунул руку внутрь и вытащил красную сферу из песчаника. Когда он обернулся к мастреллам, на его губах играла улыбка, но на душе было беспокойно. Если бы мастер песка не проявил небрежность, если бы спрятал сферу руками, а не при помощи песчаного мастерства, Кентон никогда бы ее не нашел.

И все же, когда мастреллы взвились в воздух, по телу разлилось чувство удовлетворения. Осталась всего одна сфера. Если Кентон ее отыщет, то успешно справится с заданием, поставившим в тупик многих мастреллов.

Побежав дальше, Кентон заметил, что один из мастреллов остался на месте. Скала-колонна была далеко, но Кентон не сомневался, что сгорбленная фигура на вершине – его отец. Под завывания ветра в расщелинах Кентон пристально смотрел в лицо Пракстону.

Главный мастрелл был недоволен. Кентон попытался всем своим видом продемонстрировать непокорность. В конце концов Пракстон, воздев руки, призвал с земли десяток песчаных лент. Яркие и полупрозрачные, они закрутились вокруг него, как живые существа, меняя цвет. Пракстон прыгнул, ленты подбросили его в воздух, и Кентон остался один.

Еще одна сфера. Глубоко вздохнув, Кентон двинулся дальше. Время истекало: не только потому, что скоро появится луна, но и потому, что ощущались последствия песчаного мастерства. Во рту пересохло, в глазах пекло. Лоб, который в начале забега был мокрым от пота, теперь покрылся соленой коркой. Цена, которую платит мастер песка, топливо, которое поддерживает его искусство, – влага его собственного тела.

Пересохшие рот и глаза – первые признаки того, что ему грозит серьезный вред. Первое, чему учат мастеров песка, это следить за запасами воды в организме и не перенапрягаться. Учеников, которые приближались к грани, сурово наказывали.

«Если бы я только умел слатрицировать», – не в первый раз подумал Кентон. Способность превращать песок в воду – самое ценное умение мастера песка, и не без причины.

Отбросив подобные мысли, Кентон продолжал бежать. Вокруг него снова поднялись стены из скал. Местность начала казаться знакомой. Свернув за очередную скалу, он остановился. Вверху смутно виднелось скалистое плато, с которого он стартовал. На плато стояли мастреллы и наблюдали за его приближением.

Кентон со стоном прислонился к гладкой скале. Дышать становилось все труднее. Бег и песчаное мастерство отбирали силы, из-за пересохшего горла каждый вдох отзывался болью. Его кидо с водой у мастреллов. Он предвкушал, с какой жадностью сделает первый глоток, и почти не переживал, что потерпел поражение.

Да, он потерпел поражение: где-то на Пути прозевал одну сферу. Однако четыре сферы из пяти – достойный результат. Некоторые из знакомых мастреллов отыскали лишь три. К сожалению, Кентона устраивала только безупречность, на меньшее он согласиться не мог. Пракстон обратит внимание не на четыре сферы, которые он нашел, а на ту одну, что упустил.

Кентон на мгновение прислонился затылком к скале. Поразмыслил, стоит ли вернуться и попытаться отыскать сферу. Оставалось всего минут десять, этого времени едва хватит, чтобы добраться до места, где он нашел последнюю сферу. Кентон открыл глаза и выпрямился. Он и так сделал больше, чем от него ждали.

Пнув холмик песка, который намело у ног, Кентон шагнул в котловину между скалами. На самом деле понятно, что даже успех на Пути не заставит Пракстона изменить мнение. Главный мастрелл суров, как сами пески, его мало что может впечатлить.

Кентон набрал горсть песка: придется подняться по скальной стене к мастреллам с помощью песчаной ступени. Мгновение он помедлил, рассматривая странные скальные образования вокруг. Гладкие отвесные стенки образовывали

что-то вроде ямы с песчаным дном футов пятидесяти в поперечнике. Сколько лет понадобилось сухим ветрам Керлы, чтобы так обточить скалы в форме чаши?

Кентон так резко остановился, что взметнул ногой фонтанчик песка. Скользя взглядом по котловине, он заметил нечто столь удивительное, что едва не споткнулся. В центре круглой песчаной площадки поблескивало что-то красное. Как капля крови на белом фоне. Он прозевал ее из-за ряби на песке, но теперь ошибка исключена: это красная сфера.

Кентон в замешательстве глянул вверх на мастреллов. Они стояли вдоль кромки котловины, их белые одеяния в унисон развевались на ветру.

Что-то не так. А испытание? Это последняя сфера. Отыскать ее должно быть труднее всего.

Спустя миг Кентон ощутил, как под ногами зашевелился песок.

– Айша! – удивленно воскликнул он, отскочив назад. Это же не...

Песок рядом со сферой забурлил, как кипящая вода. В глубине что-то было, и это что-то поднималось к поверхности.

«Глубокие пески!» – потрясенно подумал Кентон. По всей видимости, заполненная песком яма глубже, чем ему казалось.

Из-под земли вырвалось черное чудовище, похоронив сферу под песчаной волной. Кентон изумленно охнул. Песок стекал с двадцатифутового панциря как вода. Округлые хитиновые сегменты перекрывали друг друга. Из каждой перетяжки, где сходились сегменты, росло по паре лап с толстыми зазубренными клешнями. Голова чудовища, если это можно назвать головой, была не больше сундука. Вместо глаз проступали глубоко посаженные черные точки, ничего похожего на рот. Хуже всего, что основная часть тела чудовища, скорее всего, все еще скрывалась в песке.

Кентон так засмотрелся, что чудовище, взмахнув клешней, едва его не раздавило. Он с воплем увернулся и бросился к скалам. Тело песчанца было огромным, футов десяти в поперечнике. Держаться подальше от такого непросто.

Адреналин и возбуждение сделали свое дело. Вялости как не бывало. Сердце забилось чаще, ум заработал еще быстрее. Кентон читал о глубинных песчанцах и даже видел их на рисунках, но никогда не бывал в глубоких песках. Мало кто, даже керзтийцы, отваживался туда заходить. Кентон перебрал в памяти известных ему глубинных песчанцев, но этот не подходил ни под одно описание. Песчанец потянулся к нему, и Кентон снова увернулся. Песчанец скользил по песку как по воде, передвигаясь с помощью тысяч крошечных волосков-щупалец вдоль панциря.

Когда перед Кентоном ударила клешня, стало не до наблюдений. Он упал и едва успел откатиться, как воздух над головой вспорола вторая клешня. Чудовище оказалось невероятно быстрым: глубоких песков боялись не без причины. Считалось, что существа, обитавшие на глубине, практически несокрушимы.

Кентон вскочил на ноги, возблагодарив долгие часы тренировочных боев с солдатами из Башни. Левой рукой он ловко выхватил меч, а правой набрал пригоршню песка.

– Мы не можем вмешаться, пока не попросишь! – крикнули сверху.

Не удостоив мастреллов и взглядом, Кентон сосредоточился на противнике. Глаза-точки располагались у чудовища по бокам: так просто его врасплох не застичь. Впрочем, считалось, что зрение у песчанцев развито плохо. Их главный орган чувств – сам песок. Они способны не просто улавливать движение, но

чувствовать местоположение даже полностью неподвижного тела. Керзтийцы говорят, что глубинные песчанцы общаются с песком, хотя в Лоссанде мало кто верит в подобную мистику.

– Ты меня слышишь? – крикнули снова. – Попроси нас тебя вытащить!

Это Элорин. Кентон его проигнорировал. Увернувшись от клешни, он призвал к жизни песок в руке и мечом отразил вторую атаку. Против столь сильного чудовища от меча почти не было толку, но можно было уворачиваться от атак и нападать самому.

Повернувшись, Кентон вскинул кулак и отправил песок вперед. Тот слетел с ладони и сияющим копьём со свистом понёсся прямо к голове песчанца. Пусть он не умеет управлять десятками лент одновременно, но с одной-единственной ему нет равных. Ни один мастер не может манипулировать песком и вполнину так быстро и точно.

Песок врезался в головной панцирь и тут же, утратив блеск, отскочил, как брызги воды от каменной стены. Кентон настолько остолбенел, что следующим броском чудовище сумело задеть его бок. Его отбросило к скале, на плече появился глубокий порез. Меч выскользнул из онемевших пальцев на песок.

Песчанец оказался теркеновым. Такие невосприимчивы к песчаному мастерству.

Кентон опять выругался. Из плеча текла кровь. Разумеется, он читал о теркеновых песчанцах, но считалось, что они встречаются чрезвычайно редко. Теркеновый панцирь есть только у самых древних и страшных глубинных песчанцев. По слухам, их защищает сам Владыка Песка. Каким образом один из них попал сюда, где слой песка неглубок и вокруг скалы?

Так или иначе, совершенно очевидно, что требуется от Кентона. У всех песчанцев, в том числе из глубоких песков, есть одна существенная слабость – вода. Жидкость растворяет их панцири и кожу, остается одна слизь.

В этом есть смысл. Финальное испытание на Пути мастрелла – проверка величайшего из навыков песчаного мастерства, способности превращать песок в воду. С помощью слатрикации мастер песка может растворить панцирь песчанца не задумываясь. К сожалению, Кентон не умел слатрицировать. Предложение Элорина сбежать вдруг показалось разумным.

Отбросив домыслы, Кентон сосредоточился на том, чтобы выжить. Он ослаб и двигался все медленнее. Стараясь не обращать внимания на боль в плече, он набрал на бегу еще горсть песка и, как только чудовище снова напало, взвился на песчаной ленте в воздух и перекувыркнулся над клешнями.

Тяжело приземлившись, Кентон бросился к месту, откуда вылез песчанец. Где-то там в песке сфера. Песчанца не обязательно убивать, нужно просто найти сферу и убраться подальше.

Черный и мертвый, песок осыпался из его ладони на землю. Кентон опустился на колени и приложил руку к земле там, где в последний раз видел сферу. Он призывал одну ленту за другой и приказывал им отскакивать прочь, после чего отпускал контроль. Кентон действовал так быстро, что казалось, будто он может управлять больше чем одной лентой одновременно.

К несчастью, песчанец не дал ему спокойно копаться в песке. Прыжок Кентона его озадачил, но он быстро сориентировался. Чудовище выдавал лишь шорох песка.

Кентон до последнего рылся в песке, потом отскочил и отчаянно бросился прочь. Кожа пересохла, веки, когда он моргал, словно липли к глазам. Легкие начали гореть, дышать было больно. Он практически исчерпал запасы воды: его, пожалуй, накажут за то, что он зашел так далеко. Правила гласили, что ради блага Диема нельзя доходить до предела. Пора сдаваться.

Однако, как только он решился сбежать, то увидел красный проблеск на другом краю котловины, более яркий, чем темные капли крови, падавшие с плеча на песок. Завопив, Кентон поднырнул под лапы песчанца и промчался так близко к его телу, что ощутил едкий запах серы, исходящий от панциря.

Песок под ногами заскользил от движений песчанца, и тут Кентон заметил кое-что невероятное – еще одну красную сферу, зажатую между двумя чашеобразными зазорами в панцире.

Озадаченный Кентон побежал дальше. Остановившись у скалы, он принялся рыться в песке, пока пальцы не наткнулись на что-то круглое и твердое. Хмуро глянув на сферу, он перевел взгляд на песчанца. С его позиции отчетливо виднелась еще одна красная сфера, точно такая же, как и те пять, что он уже отыскал. На Пути спрятано не пять сфер, а шесть.

Кентон опустил пятую сферу в мешочек на поясе и поднял голову. С края котловины на него смотрели двадцать мастреллов. Теперь можно сбежать, время, скорее всего, уже истекло. Он добился успеха – нашел все пять сфер. Так чего же он ждет?

Кентон зачем-то оглянулся на песчанца. Панцирь и кожа теркеновые, но под ними...

Кентон знал, что отец, как обычно, ни за что не удовлетворится безупречностью. Пракстону нужно больше. Что ж, Кентон даст ему больше.

Мастреллы удивленно вскрикнули, когда Кентон решительно помчался обратно к песчанцу.

– Глупый мальчишка! – раздался позади голос Пракстона.

Кентон призвал песок к жизни и с его помощью подхватил с земли оброненный меч. Клинок сверкнул в воздухе, сжатый песчаными пальцами. Увернувшись от новой атаки песчанца, Кентон поймал меч и набрал вторую горсть песка, на считанные дюймы разминувшись с грудью чудовища.

С решительным криком Кентон ударил мечом песчанцу в бок. Клинок соскользнул с сегмента панциря на незащищенную полоску кожи и с хрустом проник глубоко в мягкую плоть между пластинами. Кентон надавил изо всех оставшихся сил.

Вдруг меч дернулся, а затем вырвался из рук под действием неодолимой силы. Из пореза послышалось громкое шипение. Кентон пробил кожу. В лицо ударил едкий газ, который заменяет песчанцам кровь. В грудь Кентону врезалась лапа чудовища, и его подбросило в воздух.

В полете Кентон призвал к жизни песок в кулаке и отправил его вперед, вложив в приказ все свое умение. Одновременно с тем, как Кентон врезался в каменную стену, песок ударил чудовищу в грудь. Кентон рухнул на землю, но не отпустил контроль над лентой. Невзирая на боль, он приказал песку отыскать порез и, минуя теркеновый панцирь, найти дорожку внутрь песчанца. Пришлось

побороться с давлением воздуха и умудриться не потерять сознание, но песок он не отпустил.

Давление воздуха вдруг исчезло, и Кентон ощутил, как песок добрался до цели. Собрал последние силы, Кентон приказал песчаной ленте метаться что есть сил и кромсать внутренние органы чудовища. Песчанец забился в судорогах, а Кентон велел песку переместиться выше. Секундой позже лента пробралась в голову. Песчанец внезапно застыл, напоследок взметнув песок во все стороны. Так же бесшумно, как и при жизни, мертвое чудовище завалилось набок и, слегка погрузившись в песок, окончательно замерло.

Кентон еле нашел силы подняться на ноги и пересечь котловину. Как в тумане, подобрал меч и выковырял им шестую сферу из панциря песчанца.

Лишь один образ ясно запечатлелся в памяти: как он поднял голову и увидел строгое, сердитое лицо отца. За спиной главного мастрелла возвышалась огромная гора Крэй-Да. Из-за нее как раз показался серебряный краешек луны.

Послесловие

Я считал, что в этом сборнике дольше всех с момента возникновения идеи до публикации пришлось ждать повести «Тайная история», но потом вспомнил о «Белом песке».

Что рассказать о «Белом песке»? Я в восторге, что этот графический роман наконец опубликован (и очень благодарен издательству Dynamite за любезное разрешение включить отрывок в этот сборник). «Белый песок» родился очень давно из простого образа: находят тело, погребенное в песке. Это мой первый роман, и он же восьмой, поскольку я переделал его с нуля, когда лучше научился писать книги. Представленный отрывок из версии 1999 года, а не 1995 года.

У этой истории очень длинный путь. Мне по-прежнему безумно нравится этот мир, я считаю его важной частью Космера (на это указывает и то, что Крисс – значительная фигура, раскрывающая знания о Космере). Однако становилось все труднее втиснуть этот роман в свой график. Мне по-прежнему нужно закончить так много книг, что я понятия не имел, куда вставить эту трилогию. Потом к нам обратились Dynamite и предложили сделать графический роман. Я с самого начала был «за»: читатели смогли бы поставить на свои полки каноническую версию истории гораздо быстрее.

Что касается отрывка в этом сборнике, вы увидите, что с самой первой книги я как писатель фокусировался на магических системах. В то время я читал много книг наподобие «Колеса времени». В них мне нравились сильные персонажи, но хотелось придумать героя, который не слишком силен в магии. Кентон появился на свет, когда я пытался придумать магию, в которой искусность ценится не меньше грубой силы, именно из этой предпосылки и возникло песчаное мастерство.

Идеальным вариантом это продемонстрировать мне показалась идея испытания, которое герой должен пройти при помощи магии (многие считали, что он на это не способен). Все сработало великолепно, и как же здорово это выглядит на страницах графического романа. Из всех моих магических систем песчаное мастерство кажется самым подходящим для такого формата, ведь оно очень зрелищное.

Система Тренодии

Система Тренодии искажена древним конфликтом. Давным-давно, вскоре после раскола, Вражда сразился здесь с Амбицией и смертельно ее ранил. Позже Амбицию расщепили, но уже в другом месте.

Прямое столкновение двух осколков Адональсиума сильно повлияло на планеты в этой системе. Само сражение состоялось в обширном пространстве между планетами, причем по большей части не в физической реальности, однако волна разрушений и изменений прокатилась по всей системе. Исследования касательно того, как изменились другие планеты, не увенчались успехом, поскольку ни на одной нет перпендикулярностей, чтобы посетить их физически.

К счастью, я лично общаюсь с уроженцем Тренодии, третьей планеты системы. Исходя из записей Нажа, я пришла к выводу, что небольшое количество инвеституры существовало на этой планете еще до сражения осколков. Однако волна разрушений, принеся с собой вырванные фрагменты силы Амбиции, исказила и людей, и саму Тренодию.

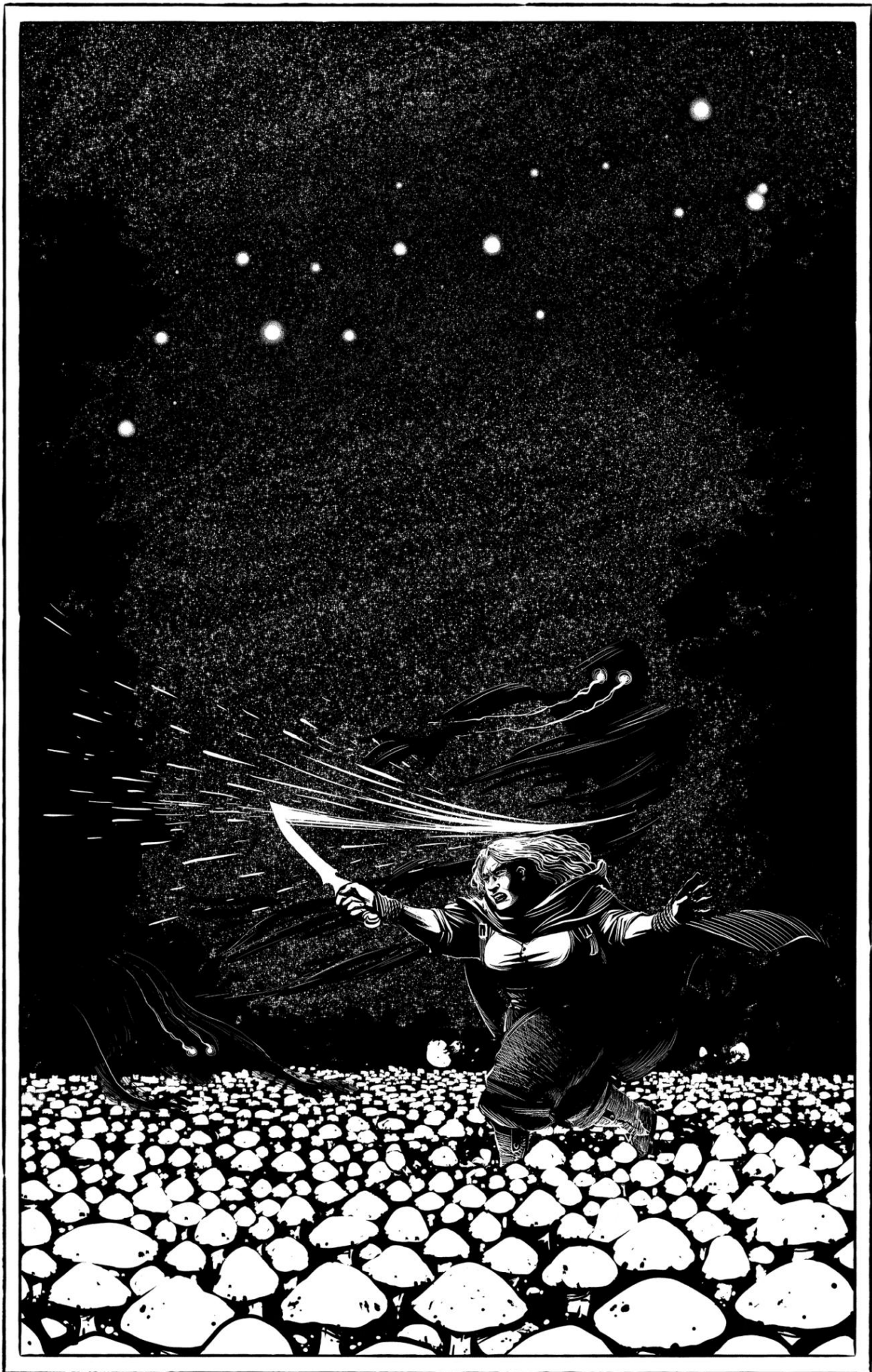
На планете есть два континента. Большой континент покинут из-за некой силы под названием «Зло», о которой даже Наж отзывается весьма туманно. Чудовищная сила, ползучая тьма поглотила весь континент, пируя душами людей. Не знаю, что из этого стоит воспринимать как метафору, а что буквально. Экспедиции, отправленные с меньшего континента, не вернулись. Это место опасно посещать даже в когнитивной реальности.

Меньший континент – дикий, почти неизведанный и безымянный, с несколькими оплотами цивилизации. Мне довелось посетить один из самых крупных, и даже он показался мне незавершенным. Беженцы из-за океана возвели его кое-как, не имея даже самого необходимого. Все свои усилия они направили на то, чтобы в первую очередь выстроить крепость и только потом – дом. В этом есть смысл, ведь они живут в постоянном страхе, не отыщет ли Зло способ пересечь океан.

А может, они боятся духов умерших. Обитатели Тренодии поражены особым недугом: после смерти они иногда превращаются в когнитивных теней. Я вынесу за скобки, действительно ли когнитивная тень – душа человека. Это вопрос для теолога или философа.

Тем не менее я могу объяснить, что происходит в магическом плане. Дух, насыщенный дополнительной инвеститурой, часто оставляет отпечаток в самой силе. Избыточная инвеститура получает возможность остаться разумной после того, как ее отделили от физической формы, как это происходит со спренами на Рошаре, которые со временем обретают сознание, поскольку люди воспринимают потоки как живые сущности.

Когнитивных теней на Тренодии принимают за призраков, хотя на самом деле это фрагменты осознанной инвеституры (в данном случае слабо осознанной). Эта тема заслуживает дополнительных исследований. К сожалению, посетить планету весьма трудно, так как на ней нет стабильной перпендикулярности, есть только нестабильные патологического происхождения, и их нелегко предугадать.

Тени за тишину в Адском лесу

– Кого тебе нужно опасаться, так это Белого Лиса, – вещал Даггон, потягивая пиво. – Говорят, он поручался с самим Злом, побывал в Грешном мире и вернулся с необычными способностями. Он может разжечь огонь даже в самую темную ночь, и ни одна тень не осмелится прийти по его душу. Да, таков Белый Лис. Самый гнусный ублюдок в здешних краях. Молись, чтобы не привлечь к себе его внимание, дружок. Иначе ты покойник.

У собутыльника Даггона была похожая на картофелину голова, сидевшая на тонкой, как бутылочное горлышко, шее. Говорил он с ластпортским акцентом, повизгивая так, что отзывалось эхо под потолком постоянного двора.

– А... а с чего ему обращать на меня внимание?

– Зависит от обстоятельств, дружок.

Даггон оглянулся на разодетых торговцев, вошедших на постоянный двор. На них были черные плащи с жабо и высокие широкополые шляпы, какие носили обитатели фортов. В Лесу они не протянут и пары недель.

– От обстоятельств?.. – повторил собутыльник Даггона. – От каких обстоятельств?

– От многих, дружок. Видишь ли, Белый Лис – охотник за головами. Какие преступления ты совершил? Что натворил?

– Ничего! – Визг парня напоминал скрип ржавого колеса.

– Ничего? В Лес не уходят из-за «ничего», дружок.

Его собеседник оглянулся по сторонам. Представился он Эрнестом⁴. Ну так Даггон назвался Эмити⁵. Имена в Лесах мало что значат. Или наоборот, много, если правильные.

Эрнест откинулся назад и втянул худосочную шею в плечи, будто пытаюсь спрятаться за кружкой пива. Он клюнет. Всем нравилось слушать о Белом Лисе, а Даггон считал себя мастаком. По крайней мере, мастаком травить байки, чтобы бедолаги вроде Эрнеста раскошелились ему на выпивку.

«Пусть немного потомится, – улыбнулся про себя Даггон. – Пускай забеспокоится». Еще чуть-чуть, и Эрнест будет умолять его рассказывать дальше.

Даггон в ожидании откинулся на спинку стула и оглядел зал. Торговцы всем досаждали: требовали еду и заявляли, что через час уже должны быть в пути. Вот глупцы. Путешествовать по Лесу ночью? Такое под силу разве что бывалым поселенцам. А эти... не пройдет и часа, как нарушат какое-нибудь Простое правило и навлекут на себя теней. Даггон выбросил этих идиотов из головы.

А вот парень в углу... одет во все коричневое и шляпу не снял, хотя сидит в помещении. Опасно выглядит.

«Интересно, не он ли это», – подумал Даггон.

Насколько известно, еще никто не выжил после встречи с Белым Лисом. Десять лет, больше сотни голов. Наверняка кто-то да знает его имя. В конце концов, выплачивают же ему власти фортов вознаграждения.

⁴ От англ. earnest – искренний.

⁵ От англ. amity – дружелюбие.

Хозяйка постоянного двора мадам Сайленс⁶ подошла к столу и без особых церемоний стукнула перед Даггоном миской с едой. С хмурым видом долила пива, плеснув ему на руку пеной, и прихрамывая отошла. Сильная женщина, жесткая. В Лесу все такие. По крайней мере, все, кто выжил.

Даггон уже знал, что хмурый взгляд Сайленс – это ее манера здороваться. Оленины не пожалела. Она часто так делала. Ему нравилось думать, что она к нему неровно дышит. Может, однажды...

«Не дури», – подумал он, принявшись за обильно сдобренное подливкой мясо. Лучше жениться на камне, чем на Сайленс Монтейн. Камень и то ласковей. Да и добавки дала, скорее всего, только потому, что знает цену постоянному клиенту. В последнее время путники в эти края заглядывали все реже. Слишком много теней. А еще этот Честертон, будь он неладен.

– Так он... охотник за головами, этот Лис? – Парень, который представился Эрнестом, аж взмок.

Даггон улыбнулся. Ключнул как миленький.

– Он не простой охотник за головами. Он лучший. Впрочем, Белый Лис не разменивается на мелочевку... Без обид, дружок, но на крупную рыбу ты не тянешь.

Дружок занервничал еще больше. Что же он натворил?

– Но он же не явится за мной – даже, допустим, у меня есть на душе грешок-другой... – пробормотал парень. – В общем, сюда же он не явится? Все знают, что постоянный двор мадам Сайленс защищен. Здесь обитает тень ее покойного мужа. Мой кузен сам ее видел.

– Белый Лис не боится теней. – Даггон подался вперед. – Конечно, вряд ли он рискнет здесь появиться, но вовсе не из-за какой-то тени. Все знают, что это нейтральная территория. Безопасные места должны быть даже в Лесу. Но...

Даггон улыбнулся Сайленс, когда та снова прошла мимо него в сторону кухни. На этот раз обошлось без хмурого взгляда. Определенно, она к нему равнодушна.

– Но? – взвизгнул Эрнест.

– Ну... – протянул Даггон. – Я мог бы рассказать пару историй о том, как охотится Белый Лис, но, как видишь, кружка моя почти пуста. Вот жалость. Думаю, тебе было бы интересно узнать, как Белый Лис поймал Мейкписа⁷ Хапшира. Отменная история.

Эрнест визгливо заказал еще пива, но Сайленс суежилась на кухне и не слышала. Даггон нахмурился, но Эрнест положил монету на край стола: так Сайленс или ее дочь поймут, что он хочет повторить. Сойдет. Даггон улыбнулся про себя и начал историю.

Закрыв дверь в общий зал, Сайленс Монтейн развернулась и прижалась к ней спиной. Сердце бешено колотилось, и она пыталась унять его, глубоко дыша. Не выдала ли она себя? Догадались ли они, что она их узнала?

Мимо прошла Уильям-Энн, вытирая руки тряпкой.

– Матушка? – позвала девушка, останавливаясь. – Матушка, ты...

⁶ От англ. silence – тишина.

⁷ От англ. makepeace – миротворец.

– Принеси папку. Быстрее, дитя!

Побледнев, Уильям-Энн поспешила в кладовку. Сайленс вцепилась в передник, чтобы успокоиться. Дочь вышла из кладовки с толстой кожаной папкой. Обложку и корешок покрывал слой муки.

Сайленс раскрыла папку на высокой кухонной стойке. Внутри обнаружилась пачка листов, большинство с портретами. Пока Сайленс перебирала листки, Уильям-Энн выглянула через глазок в общий зал.

Несколько мгновений тишину нарушали лишь бешеный стук сердца Сайленс да шуршание торопливо переворачиваемых страниц.

– Парень с длинной шеей? – спросила Уильям-Энн. – Я видела его лицо на какой-то листовке.

– Это всего лишь Ламентейшен⁸ Вайнбер, мелкий конокрад. Он и двух мер серебра не стоит.

– Кто тогда? Парень в углу, в шляпе?

Сайленс покачала головой. Отыскав нужные листки внизу пачки, она изучила рисунки.

«О Запредельный, – подумала она. – Даже не знаю, хочу ли, чтобы это оказались они».

По крайней мере, руки перестали трястись.

Уильям-Энн подскочила и вытянула шею из-за плеча Сайленс. В свои четырнадцать девочка уже обогнала ростом мать. Не самое большое несчастье, когда твой ребенок выше тебя. Уильям-Энн ворчала, что она неуклюжая и долговязая, но в ее стройности угадывалась будущая красота. В отца пошла.

– О Запредельный, – вымолвила Уильям-Энн, прикрыв рот рукой. – Так ты думаешь, это...

– Честертон Дивайд. – Форма подбородка, взгляд... все совпадало. – Явился прямо к нам в руки с четверьмя своими людьми.

За этих пятерых дадут столько, что хватит оплатить запасы на год. А может, и на два.

Сайленс опустила взгляд с рисунков на текст, напечатанный резким жирным шрифтом.

«Чрезвычайно опасен. Разыскивается за убийства, изнасилования, вымогательства». И, конечно, в самом низу: «...и заказные убийства».

Сайленс всегда занимало, правда ли Честертон со своими людьми умышленно убил губернатора самого могущественного города на континенте, или это случайность. Например, простое ограбление пошло не по плану.

Так или иначе, Честертон понимал, что натворил. До убийства губернатора он был обычным, пусть и опытным бандитом с большой дороги, теперь же считался известным и опасным преступником. Честертон знал: если его схватят, пощады не будет. В Ластпорте его объявили бунтовщиком, угрозой порядку и психопатом.

Терять ему нечего. Он больше и не скромничал.

«О Запредельный», – подумала Сайленс при виде списка преступлений, не поместившегося на одной странице.

Уильям-Энн что-то бормотала шепотом себе под нос.

⁸ От англ. lamentation – оплакивание.

– Он там? – спросила она. – Но где?

– Торговцы, – ответила Сайленс.

– Что?

Уильям-Энн помчалась обратно к глазку. Деревянная дверь, как и все на кухне, была выскоблена добела. Себруки снова наводила чистоту.

– Я не вижу сходства.

– Присмотрись.

Сайленс тоже узнала его не сразу, хотя вечерами сидела над папкой, запоминая лица.

Спустя мгновение Уильям-Энн ахнула, прижав руку ко рту.

– Как глупо. Почему он расхаживает у всех на виду? Пусть и переодетый.

– Все запомнят очередной отряд глупых торговцев из форта, которые решили, что могут бросить вызов Лесу. Очень умно. Через пару дней они исчезнут с дороги, и все подумают, если вообще про них вспомнят, что до них добрались тени. К тому же, так Честертон может путешествовать быстро и в открытую, останавливаясь на постоянных дворах и узнавать новости.

Может, так он и выбирал жертв для нападения? Может, бывал и на ее постоялом дворе? От этой мысли все внутри сжалось. Сайленс часто обслуживала преступников, некоторые были завсегдатаями. В Лесу почти каждый считался преступником хотя бы потому, что не платил налоги властям фортов.

Честертон и его люди из другого теста. И без списка преступлений ясно, на что они способны.

– Где Себруки? – спросила Сайленс.

Уильям-Энн встряхнулась, приходя в себя.

– Кормит свиней. Тени! Думаешь, они ее узнают?

– Нет. Боюсь, она узнает их.

Для своих восьми лет Себруки была удивительно, даже чересчур наблюдательной.

Сайленс закрыла папку, коснулась пальцами кожаной обложки.

– Мы их уьем? – спросила Уильям-Энн.

– Да.

– Сколько за них заплатят?

– Иногда, дитя, дело не в цене.

В ее словах сквозила легкая фальшь. Времена становились все тяжелее, серебро дорожало и в Бастион-Хилле, и в Ластпорте.

Иногда дело не в цене. Но не в этот раз.

– Принесу яд. – Уильям-Энн отошла от глазка.

– Что-нибудь слабенькое, дитя, – предостерегла Сайленс. – Это опасные люди.

Чуть что, сразу заметят.

– Я не дура, матушка, – сухо проговорила Уильям-Энн. – Возьму болотник. В пиве они его не почувствуют.

– Полдозы. Не хочу, чтобы они отключились прямо за столом.

Кивнув, Уильям-Энн скрылась в старой кладовке и, закрыв за собой дверь, начала поднимать половицы, под которыми хранились яды. От болотника поплывет сознание и закружится голова, но он не уьет.

Сайленс не рискнула использовать что-нибудь более сильнодействующее. Если постоянный двор хоть раз окажется под подозрением, ее делу, а скорее всего, и жизни конец. В памяти путников она должна остаться своенравной, но справедливой хозяйкой, не задающей лишних вопросов. Ее постоянный двор считается безопасным местом даже для самых отъявленных негодяев. Каждую ночь, когда она ложилась спать, сердце наполнилось страхом: вдруг кто-то поймет, что подозрительно много преступников останавливались на ее постоялом дворе за пару дней до того, как их ловил Белый Лис.

Она пошла в кладовку положить папку на место. Стены кладовки тоже были выскоблены начисто, на полках – ни пылинки. Что за девочка. Слыханное ли дело, чтобы ребенок предпочитал игре уборку? Разумеется, учитывая, через что пришлось пройти Себруки...

Не удержавшись, Сайленс дотянулась до верхней полки и нащупала арбалет. Болты с серебряными наконечниками. Она держала его для теней и еще ни разу не обращала против человека. Пролить кровь в Лесу слишком опасно. Но спокойнее, когда знаешь, что в случае настоящей угрозы есть оружие под рукой.

Убрав папку, она решила проверить Себруки. Девочка и правда кормила свиней. Сайленс всегда держала свиней, но, конечно, не для еды. Считалось, что свиньи отпугивают теней. Все средства хороши, чтобы постоянный двор казался безопаснее.

Себруки стояла на коленях в свинарнике: невысокая, с темной кожей и длинными черными волосами. Никто бы не принял ее за дочь Сайленс, даже если не слышал ее прискорбной истории. Напевая, девочка оттирала стенку загона.

– Дитя? – позвала Сайленс.

Себруки повернулась к ней и улыбнулась. Как же сильно она изменилась. Год назад Сайленс могла поклясться, что этот ребенок больше никогда не улыбнется. Первые три месяца на постоялом дворе Себруки просто паялилась в стену. Где бы ее ни оставили, девочка садилась у ближайшей стены и весь день сверлила ее взглядом. Не говоря ни слова. И глаза мертвые, как у тени...

– Тетя Сайленс? – позвала Себруки. – С тобой все в порядке?

– Со мной все хорошо, дитя. Просто досаждают воспоминания. Ты... все чистишь свинарник?

– Стенки нужно хорошенько отскрести. Свинкам нравится, когда чисто. По крайней мере, Джерому и Иезекиилю. Остальным, похоже, все равно.

– Не обязательно так их вычищать, дитя.

– Мне нравится. Так я могу сделать что-то полезное.

Лучше уж чистить стены, чем безучастно паялиться на них весь день. Сегодня Сайленс радовалась, что девочка чем-то занята. Лишь бы не заходила в общий зал.

– Думаю, свиньи будут довольны, – сказала Сайленс. – Давай ты тут приберешься еще немного?

Себруки посмотрела на нее:

– Что-то случилось?

Тени, какая же она наблюдательная.

– В общем зале не стесняются в выражениях. Не хочу, чтобы ты набралась скверных словечек.

– Я уже не ребенок.

– Конечно ребенок, – строго проговорила Сайленс. – И будешь слушаться. Иначе отшлепаю.

Себруки закатила глаза, но, начав напевать, вернулась к работе. Сайленс воспитывала ее бабушкиными методами: девочка хорошо реагировала на строгость, словно ждала ее. Возможно, так ей казалось, что кто-то управляет ситуацией.

Хотелось бы Сайленс и правда управлять ситуацией. Ведь она Форскаут⁹ – такую фамилию взяли ее дед с бабкой и другие, кто первыми покинули Родину и отправились исследовать этот континент. Да, она Форскаут, но будь она проклята, если позволит кому-нибудь узнать, насколько беспомощной чувствует себя большую часть времени.

Сайленс пересекла задний двор, заметив по дороге, как на кухне Уильям-Энн смешивает пасту, чтобы добавить в пиво. Сайленс прошла мимо и заглянула на конюшню. Неудивительно, что Честерстон решил уехать после ужина. Большинство путников предпочитали ночевать в относительной безопасности постоянных дворов, но Честерстон со своей бандой привык спать в Лесу. В собственном лагере, пусть и в окружении теней, им удобнее, чем в кроватях на постоялом дворе.

Старый конюх Доб только что закончил чистить лошадей. Воды он им не давал. Сайленс распорядилась не поить их до последнего.

– Молодец, Доб, – похвалила Сайленс. – Иди, отдохни.

– Спасибо, мэм, – пробормотал он, кивнув.

Как обычно, пойдет на крыльцо и достанет трубку. Умом Доб не блистал и не имел ни малейшего понятия, чем на самом деле занимается Сайленс. Однако он начал работать у нее, еще когда был жив Уильям, и более преданного человека она не встречала.

Закрыв за ним дверь, Сайленс принесла несколько мешочков из запертого шкафа в задней части конюшни, в тусклом свете проверила содержимое каждого и разложила их на столе. Потом водрузила седло на спину лошади.

Она почти закончила седлать лошадей, когда дверь приоткрылась. Сайленс замерла, сразу подумав о мешочках. Почему она не спрятала их в передник? Вот растяпа!

– Сайленс Форскаут, – раздался вкрадчивый голос с порога.

подавив стон, Сайленс повернулась к вошедшему.

– Теополис, невежливо шнырять по чужому дому. Вышвырнуть бы тебя отсюда.

– Да ладно тебе. Это как если бы лошадь лягнула того, кто ее кормит, м-м?

Долговязый Теополис прислонился к дверному косяку, сложив руки на груди. Он носил простую одежду без знаков различия. Зачем каждому встречному знать, что перед тобой сборщик налогов? Гладко выбритый, на губах извечная снисходительная улыбка, одежда слишком чистая и новая для жителя Леса. Впрочем, он не щеголь и не дурак. Теополис опасен, просто не так, как другие.

– Что ты здесь забыл, Теополис? – спросила Сайленс, укладывая последнее седло на спину фыркающего чалого мерина.

– А зачем я всегда прихожу, Сайленс? Уж не ради твоей веселой мордашки, м-м?

⁹ От англ. forescout – первопроходец.

– Я заплатила налоги.

– Это потому, что ты почти от всех освобождена. Но ты не заплатила мне за партию серебра за прошлый месяц.

– Дела в последнее время шли неважно. Я заплачу.

– А болты для твоего арбалета? – не унимался Теополис. – Уж не позабыла ли ты, сколько стоят серебряные наконечники, м-м? Я уж молчу о запасных секциях для защитных кругов.

Она поморщилась от его скулящего акцента, пока затягивала подпругу. Теополис. Тени, что за день!

– Ничего себе. – Теополис подошел к столу и взял мешочек. – Что тут у нас? Похоже на сок болотного лука. Слышал, он мерцает в темноте, если направить на него специальный свет. Один из секретов Белого Лиса?

Сайленс выхватила у него мешочек и прошипела:

– Не произноси это имя.

Теополис усмехнулся.

– Охотишься? Прелестно. Меня всегда занимало, как ты их выслеживаешь. Протыкаешь мешочек, цепляешь к седлу, пусть капает, и идешь по следу? М-м? Можно дать отойти им подальше, а только потом убить. Отводишь подозрения от своего постоянного дворика?

Да, Теополис опасен, но ей не обойтись без человека, который передает преступников властям. Теополис – крыса и, как все крысы, везде пролезет. У него связи в Ластпорте, и ему удастся забирать вознаграждения для Белого Лиса, не выдавая ее.

– Знаешь, в последнее время меня так и подмывает сдать тебя, – сказал Теополис. – Многие делают ставки на то, кто же такой этот знаменитый Лис. С моими-то сведениями я мог бы разбогатеть, м-м?

– Ты и без того богат, – огрызнулась Сайленс. – При всех твоих недостатках ты вовсе не дурак. Десять лет все шло нормально. Только не говори, что променяешь богатство на минуту славы.

Теополис улыбнулся, но возражать не стал. Ему доставалась половина вознаграждений. Сам он ничем не рисковал, и это его полностью устраивало. Он чиновник, а не охотник за головами. Сайленс лишь раз видела, как Теополис убил человека, да и то, жертва не могла дать отпор.

– Ты хорошо меня знаешь, Сайленс, – рассмеялся Теополис. – Слишком хорошо. Ну и ну, охотишься, значит. Интересно, на кого. Пойду посмотрю в общем зале.

– Даже не вздумай. Тени, не хватало, чтобы их спугнула рожа сборщика налогов! Не ходи, иначе все испортишь.

– Успокойся, Сайленс. – Он не переставал ухмыляться. – Я повинуюсь твоим правилам. Лишний раз здесь не показываюсь, чтобы не навлечь на тебя подозрения. Сегодня остаться все равно не получится, я просто заскочил сделать тебе предложение. Но, пожалуй, моя помощь тебе не интересна. Какая жалость! М-м, и это после всех неприятностей, что я пережил ради тебя!

Сайленс похолодела.

– Какую помощь ты можешь мне предложить?

Теополис достал из сумки листок бумаги и аккуратно развернул своими не в меру длинными пальцами, но не успел поднять, как Сайленс его выхватила.

– Что это?

– Возможность освободиться от долга, Сайленс! Возможность навсегда забыть обо всех заботах.

Это был приказ о конфискации, согласно которому кредиторы Сайленс, то есть Теополис, могли требовать ее имущество в счет оплаты долга. Власти фортов считали, что в их юрисдикцию входят дороги и прилегающая к ним земля, и даже иногда отправляли солдат их патрулировать.

– Беру свои слова обратно, Теополис, – бросила Сайленс. – Ты самый настоящий дурак. Готов отказаться от всего, чего мы добились, из-за жадности, чтобы урвать себе кусок земли?

– Конечно же нет, Сайленс. Я не собираюсь ни от чего отказываться! Но как досадно, когда ты все время у меня в долгу. Не лучше ли, если я займусь финансами постоянного двора? Ты останешься здесь работать и охотиться за головами, как и раньше. Только тебе больше не придется волноваться о долгах, м-м?

Она скомкала бумагу.

– Ты превратишь меня и мою семью в рабов, Теополис.

– О, не преувеличивай. В Ластпорте начали переживать, что такой важный постоянный двор держит никому не известный человек. Ты привлекаешь внимание, Сайленс. Думаю, тебе это совершенно ни к чему.

Сайленс сжала кулак, скомкав бумагу еще больше. В стойлах забеспокоились лошади. Теополис ухмыльнулся.

– Но возможно, в этом нет необходимости. Возможно, на этот раз тебя ждет крупное вознаграждение, м-м? Не намекнешь? А то мне весь день не будет покоя.

– Пошел вон, – прошипела она.

– Старая добрая Сайленс, – вздохнул Теополис. – Все Форскауты упрямы до последнего вздоха. Поговаривают, твои бабка с дедом были первыми из первых. Первыми, кто прибыл разведать этот континент, первыми, кто обосновался в Лесу... и первыми, кто застолбил себе место в аду.

– Не говори так о Лесе. Это мой дом.

– Однако это место считали адским еще до того, как явилось Зло. Тебе не любопытно? Ад, земля проклятых, где нашли пристанище тени умерших. Я все думаю: тень твоего покойного мужа и правда охраняет постоянный двор или это очередная сказочка, чтобы путники чувствовали себя в безопасности, м-м? Ты потратила целое состояние на серебро. Серебро защищает по-настоящему, а записи о твоём браке я так и не нашел. Но если брака не было, то милашка Уильям-Энн...

– Вон.

Теополис ухмыльнулся, но, приподняв шляпу, скрылся из виду. Сайленс слышала, как он запрыгнул в седло и уехал. Скоро наступит ночь, но глупо надеяться, что до Теополиса доберутся тени. Она давно подозревала, что где-то неподалеку у него есть укрытие – какая-нибудь пещера, обложенная серебром.

Она вдохнула и выдохнула, стараясь успокоиться. Теополис умеет вывести из себя, но не знает всего. Сайленс заставила себя переключиться на лошадей. Принесла ведро воды, высыпала в него содержимое мешочков и щедро плеснула лошадям. Те принялись жадно пить.

Если из мешочков капает сок, как предположил Теополис, это слишком заметно. Что будет, когда ночью преступники расседлают лошадей? Увидят мешочки и сразу поймут, что кто-то идет по их следу. Нет, нужно что-то менее явное.

– Тени, что же делать? – прошептала Сайленс, давая напиток лошади. – Обложили со всех сторон.

Убить Теополиса. Бабка, скорее всего, поступила бы именно так. Сайленс поразмыслила над этим вариантом.

«Нет, я не стану такой же. Не стану ею».

Теополис подонок, но законов не нарушал и, насколько она знала, никому не причинял большого вреда. Нужно соблюдать правила. Нельзя переходить черту. Возможно, в этом отношении она не так уж отличалась от жителей фортов.

Она найдет другой способ. У Теополиса есть только приказ о вызове в суд, и он был обязан показать его Сайленс. Значит, у нее в запасе день-другой, чтобы раздобыть деньги. Честь по чести. Городские считают себя цивилизованными. Благодаря их правилам у нее есть шанс.

Она вышла из конюшни и заглянула в окно общего зала. Уильям-Энн подавала выпивку «торговцам» Честертону. Сайленс остановилась понаблюдать.

За ее спиной дрожал от ветра Лес.

Сайленс прислушалась и повернулась к Лесу. Жителей фортов можно узнать по тому, как они отказываются поворачиваться к Лесу лицом, отводят глаза и никогда не смотрят вглубь. Мрачные деревья, затеняя листвой землю, покрывали почти каждый дюйм континента. Неподвижные. Тихие. В Лесу водились животные, но исследователи из фортов заявляли, что хищников среди них нет. До них давным-давно добрались тени, привлеченные пролитой кровью.

Если пристально вглядываться в Лес, то он... отступает. Тьма уходит, тишина сменяется шорохом грызунов в палой листве. Форскауты знали, что на Лес нужно смотреть в упор. Исследователи ошибались. В Лесу есть хищник. И это сам Лес.

Сайленс пошла обратно на кухню.

Ее главная задача – отстоять постоянный двор, поэтому нужно получить вознаграждение за голову Честертону. Если не заплатить Теополису, то вряд ли все останется как прежде. Он держит ее за горло, ведь она не может бросить постоянный двор. Гражданства фортов у нее нет, да и времена слишком тяжелые, чтобы ее приняли местные поселенцы. Нет, придется работать на постоялом дворе, и Теополис будет драть с нее три шкуры, забирая все больший процент с вознаграждений.

Она толкнула дверь в кухню.

За кухонным столом сидела Себруки с арбалетом на коленях.

– Запредельный! – ахнула Сайленс, закрыв дверь. – Дитя, что ты...

Себруки подняла голову. Снова этот затравленный взгляд. Ни жизни, ни эмоций, как у тени.

– У нас гости, тетя Сайленс, – холодно и монотонно произнесла Себруки. Рядом с ней лежал рычаг для взведения арбалета. Ей удалось самостоятельно зарядить арбалет. – Я обмазала наконечник болта черной кровью. Все верно? Так яд убьет его наверняка.

– Дитя... – Сайленс шагнула вперед.

Себруки приподняла арбалет, держа пальцы на спуске. Болт был направлен на Сайленс.

Себруки смотрела сквозь нее пустыми глазами.

– Ничего не выйдет, Себруки, – строго сказала Сайленс. – Даже если ты дотащишь эту штуку до общего зала, в него не попадешь. А если все-таки попадешь, его люди перебьют нас в отместку.

– Мне все равно, – тихо проговорила Себруки. – Лишь бы убить его. Лишь бы нажать на спуск.

– А на нас тебе плевать? – рявкнула Сайленс. – Я приютила тебя, дала тебе кров, и это твоя благодарность? Крадешь оружие и угрожаешь мне?

Себруки моргнула.

– Да что с тобой? Ты готова пролить кровь в убежище? Навлечь на нас теней? Они тут же набросятся на нашу защиту, и если прорвутся, то убьют всех под моей крышей! Всех, кому я обещала безопасность. Как ты смеешь!

Себруки вздрогнула, словно ее разбудили. Неживая маска слетела с лица, и девочка выронила арбалет. Раздался щелчок, болт пронесся в дюйме от щеки Сайленс и разбил окно.

Тени! Неужели ее зацепило? Неужели Себруки пролила кровь? Дрожащей рукой Сайленс коснулась лица. К счастью, крови не было. Болт прошел мимо.

Мгновение спустя Себруки разрыдалась в ее объятиях. Сайленс опустила на колени и прижала к себе девочку.

– Тише, малышка. Все хорошо. Все хорошо.

– Я все слышала, – прошептала Себруки. – Мама так и не крикнула – знала, что я прячусь. Она была сильной, тетя Сайленс. Вот почему и я была сильной, даже когда кровь пропитала мне волосы. Я слышала. Я все слышала.

Сайленс закрыла глаза, прижав девочку еще крепче. Никто кроме нее не отважился осмотреть сгоревшую ферму. Отец Себруки иногда заезжал на ее постоянный двор. Хороший человек. Насколько это возможно после того, как Зло захватило Родину.

На пепелище Сайленс обнаружила дюжину трупов. Честертон и его люди перебили всю семью, даже детей. Выжила только Себруки, самая младшая. Ее спрятали под половицами в спальне.

Там она и лежала, вся в крови матери, и продолжала молчать, даже когда ее нашла Сайленс. На девочку она наткнулась только потому, что Честертон, готовясь к убийству, защитил комнату от теней серебряной пылью. Сайленс попыталась собрать пыль, забившуюся между половицами, и поняла, что сквозь щели на нее кто-то смотрит.

За последний год Честертон сжег тринадцать ферм и убил больше полусотни человек. Спасти удалось лишь Себруки.

Девочка тряслась от рыданий.

– Почему... Почему?

– Нет причины. Мне очень жаль.

А что еще она могла сказать? Отделаться банальными утешениями о Запредельном? Это Лес. Банальности выжить не помогут.

Сайленс не отпускала Себруки, пока рыдания не утихли. Вошла Уильям-Энн с подносом пустых кружек и замерла у кухонного стола. Ее взгляд метнулся к упавшему арбалету, потом к разбитому окну.

– Ты убьешь его? – прошептала Себруки. – Свершишь правосудие?

– Правосудие погибло вместе с Родиной, – ответила Сайленс. – Но да, я его убью. Обещаю, дитя.

Уильям-Энн робко подняла арбалет и показала сломанную дугу. Сайленс вздохнула. Надо было спрятать арбалет так, чтобы Себруки не добралась.

– Уильям-Энн, займись посетителями, – сказала Сайленс. – Я отведу Себруки наверх.

Уильям-Энн кивнула, глянув на разбитое окно.

– Кровь не пролилась, – успокоила ее Сайленс. – С нами все будет в порядке. Но если найдется минутка, поищи болт. Все-таки наконечник серебряный...

По таким временам нельзя разбрасываться деньгами.

Уильям-Энн отнесла арбалет в кладовку. Сайленс бережно усадила Себруки на кухонный табурет. Девочка вцепилась в нее намертво, пришлось уступить и посидеть с ней, обнимая, еще немного.

Уильям-Энн сделала несколько глубоких вдохов, пытаясь успокоиться, после чего вышла в общий зал, чтобы разнести выпивку.

Наконец Себруки ненадолго отпустила Сайленс. Та смешала ей снадобье и отнесла девочку на чердак над общим залом, где они втроем ночевали. Доб спал в конюшне, а постояльцы – в более удобных комнатах на втором этаже.

– Ты хочешь, чтобы я уснула. – Себруки рассматривала чашку покрасневшими глазами.

– Утро вечера мудренее, – сказала Сайленс.

«И нельзя, чтобы ты увязалась за мной сегодня ночью».

Девочка неохотно выпила снадобье.

– Прости. За арбалет.

– Мы придумаем, как тебе отработать стоимость починки.

Себруки, похоже, успокоилась. Все-таки она из поселенцев, родилась в Лесу.

– Раньше ты пела мне перед сном. – Себруки закрыла глаза и улеглась на спину. – Когда принесла меня сюда. После... после... – Она сглотнула.

– Я думала, ты и не слышала.

Сайленс казалось, что в то время Себруки вообще мало что слышала.

– Нет, я слышала.

Сайленс присела на табурет рядом с кроватью. Петь не хотелось, поэтому она принялась мурлыкать колыбельную без слов, ту самую, что пела Уильям-Энн в трудные времена сразу после ее рождения.

Но вскоре полились и слова:

– Тише, милая, не бойся. Лучик солнца ночь прогонит. Засыпай, моя малышка, пусть исчезнут твои слезы. Тьма окружит нас, но все же мы когда-нибудь проснемся...

Сайленс держала Себруки за руку, пока та не заснула. Окно у кровати выходило во двор, и она увидела, как Доб выводит лошадей Честертона. Пятеро мужчин в дорогой одежде торговцев спустились с крыльца и сели в седла.

Вереницей они выехали на дорогу и исчезли в Лесу.

Спустя час после наступления темноты Сайленс при свете очага начала собирать походный мешок.

Огонь в очаге развела еще ее бабка, так он и горел до сих пор. Это едва не стоило ей жизни, но она не пожелала платить торговцам огнем. Сайленс покачала головой. Бабка всегда шла наперекор обычаям. Но разве она сама лучше?

«Не разжигай огня, не проливай чужой крови, не бегай ночью». Все это привлекает теней. Простые правила, по которым живут все поселенцы. Сайленс нарушила все три, причем не единожды. Удивительно, как она сама еще не превратилась в тень.

Огонь почти не грел, пока она готовилась к убийству. Сайленс бросила взгляд на старую молельню, а на самом деле просто чулан, который она держала запертым. Всполохи пламени напомнили о бабке. Порой ей казалось, что бабка и есть огонь: до самого конца она не покорилась ни теням, ни фортам. Сайленс избавилась от всех напоминаний о ней, кроме этой молельни Запредельному богу возле кладовки. У запертой двери когда-то висел бабкин серебряный кинжал, символ старой религии.

На кинжале были выгравированы божественные обережные символы. Сайленс носила его, но не из-за обережных свойств, а потому что он серебряный. В Лесу серебра много не бывает.

Она тщательно упаковала походный мешок: сначала положила лекарства, потом увесистый мешочек с серебряной пылью, чтобы лечить иссушение. За мешочком последовал десяток пустых мешков из толстой холстины, просмоленных изнутри, чтобы не протекли. В конце она добавила масляную лампу. Огню Сайленс не доверяла и пользоваться ею не хотела. Огонь привлекает теней. Но по опыту прошлых вылазок лампа могла пригодиться. Она зажжет ее, только если наткнется на человека, который уже развел огонь.

Закончив собираться, Сайленс помедлила и зашла в старую кладовку. Подняв половицы, вытащила маленький, плотно закупоренный бочонок, который лежал около ядов.

Порох.

– Матушка? – позвала Уильям-Энн.

Сайленс не слышала, как дочь вошла на кухню, и от испуга едва не выронила бочонок. Сердце чуть не остановилось. Проклиная себя за глупость, она сунула бочонок под мышку. Без огня он не взорвется. Уж это ей известно.

– Матушка! – воскликнула Уильям-Энн, уставившись на бочонок.

– Скорее всего, он мне не понадобится.

– Но...

– Знаю. Ш-ш-ш.

Сайленс запихнула бочонок в мешок. К боку бочонка было прицеплено переложное тканью бабкино огниво. Поджечь порох все равно что развести огонь, по крайней мере, для теней. И днем, и ночью они слетались на огонь едва ли не быстрее, чем на кровь. Первые беженцы с Родины выяснили это довольно быстро.

В каком-то смысле с кровью проще. На обычное кровотечение, например, из носа тени даже не обратят внимания, но явятся за тем, кто первым пролил чужую кровь. А потом, разъярившись, убьют всех вокруг без разбора.

Только упаковав порох, Сайленс заметила, что Уильям-Энн одета по-дорожному, в штаны и сапоги, а в руках у нее такой же дорожный мешок.

– И куда ты собралась, Уильям-Энн?

– Ты намерена в одиночку убить пятерых, матушка, причем они приняли только полдозы болотника?

– Раньше справлялась. Я привыкла действовать самостоятельно.

– Только потому, что некому было помочь. – Уильям-Энн закинула мешок на плечо. – Теперь все иначе.

– Ты слишком юная. Возвращайся в постель. Присмотри за постоялым двором, пока я не вернусь.

Уильям-Энн не шелохнулась.

– Дитя, я же сказала...

– Матушка, ты уже не молода! – Уильям-Энн крепко сжала ее руку. – Думаешь, я не вижу, как ты хромаешь все сильнее? Ты не можешь все делать сама! Проклятье, тебе пора научиться принимать мою помощь!

Сайленс смерила дочь оценивающим взглядом. Откуда эта упертость? Иногда с трудом верилось, что Уильям-Энн тоже из рода Форскаутов. У бабки она вызвала бы отвращение, и Сайленс этим гордилась. У Уильям-Энн было нормальное детство. Она не слабая, просто... обычная. Чтобы быть сильной женщиной, необязательно подавлять эмоции.

– Не смей так разговаривать с матерью, – наконец отозвалась Сайленс.

Уильям-Энн приподняла бровь.

– Хорошо, можешь пойти. – Сайленс высвободила руку из хватки дочери. – Но будешь слушаться.

Уильям-Энн облегченно выдохнула и нетерпеливо кивнула.

– Предупрежу Доба, что мы уходим.

В темноте Сайленс перешла на медленный, типичный для поселенцев шаг. Даже под защитой серебряных кругов постоянного двора она следовала Простым правилам. Забудешь о них в безопасности – забудешь и в Лесу.

Сайленс достала две миски и смешала два разных вида светопасты, потом разлила их по отдельным банкам и убрала в мешок.

И шагнула в ночь. Воздух был холодным, бодрящим. Лес умолк.

Разумеется, вокруг парили тени.

Несколько, мягко сияя, скользили над травой. То были старые тени, бесплотные и полупрозрачные. Их очертания уже мало походили на человеческие. Головы были подернуты рябью, лица расплывались, словно кольца дыма. За ними стелились белые шлейфы длиной с руку. Сайленс всегда представляла, что это лохмотья, оставшиеся от их одежды.

Любую женщину, даже из рода Форскаут, при виде теней пробирал озноб. Разумеется, тени плавали по Лесу и днем, просто их не было видно. Но разожги огонь, пролей кровь – и они тут же достигнут тебя даже при свете солнца. Ночью тени вели себя иначе: реагировали на быстрые движения, на которые днем не обращали внимания, и быстрее расправлялись с любым нарушителем правил.

Сайленс достала банку с пастой. По округе разлился бледно-зеленый свет, тусклый, но в отличие от света факела ровный и устойчивый. Факелы ненадежны: если потухнут, снова их не разжечь.

Уильям-Энн ждала впереди с шестами для фонарей.

– Нужно двигаться тихо. – Сайленс прикрепила банки к шестам. – Разговаривать можно, но шепотом. Еще раз: ты должна слушаться. Причем сразу же. Эти бандиты убьют тебя не задумываясь, а то и сотворят что похуже.

Уильям-Энн кивнула.

– Ты недостаточно боишься.

Сайленс обернула банку с более яркой пастой в черную ткань. Их окутала тьма, но сегодня высоко в небе сиял Звездный пояс. Часть света просочится сквозь листву, особенно если не уходить далеко от дороги.

– Я... – начала Уильям-Энн.

– Помнишь, как прошлой весной взбесилась гончая Гарольда? – перебила Сайленс. – Помнишь, как она никого не признавала, а в глазах горела жажда убийства? Эти люди такие же, Уильям-Энн. Зверье. От них нужно избавиться, как от той гончей. Для них ты не человек, а кусок мяса. Понимаешь?

Уильям-Энн кивнула. Видно, что она все равно скорее взволнована, чем напугана, но ничего не поделаешь. Сайленс вручила дочери шест с более тусклой пастой. Слабый синий свет почти не разгонял тьму. Сайленс закинула шест с вторым фонарем на одно плечо, мешок – на другое и кивнула в сторону дороги.

К границе постоянного двора плыла тень. Стоило ей коснуться тонкого серебряного барьера на земле, как раздался треск, посыпались искры. Тень резко отшвырнуло назад, и она поплыла в другую сторону.

Каждый такой случай стоил денег. От прикосновения тени серебро разрушалось. За это и платили клиенты: границы постоянного двора оставались неприступными уже больше сотни лет и, согласно старой традиции, внутри не удерживали незваных теней. Такое вот перемирие. От Леса лучшего не дожидаться.

Уильям-Энн переступила через границу, отмеченную большими серебряными ободами. Ободы были врыты внахлест и удерживались под землей цементом, поэтому так просто их было не вытянуть. Постоялый двор защищали три таких концентрических круга. Чтобы заменить секцию, требовалось ее выкопать и отцепить от остальных. Нелегкая работенка, которую Сайленс знала досконально. Не проходило и недели, как они проворачивали или заменяли какой-нибудь обод.

Тень, не заметив их, уплыла прочь. Сайленс не знала, то ли тени не видят обычных людей, пока те не нарушат правила, то ли просто не удостоивают их вниманием.

Вместе с Уильям-Энн они ступили на темную, довольно заросшую дорогу. За дорогами в Лесу почти не следили. Возможно, это изменится, если власти фортов хоть раз выполнят свои обещания. Тем не менее по Лесу путешествовали. Поселенцы ездили в форты торговать продуктами. Зерно с лесных пашен считалось питательнее и вкуснее, чем выращенное в горах. За кроликов и индеек, которых ловили силками или разводили в клетках, давали немало серебра.

Свиньи были исключением. Только житель форта мог додуматься зарезать свинью ради еды.

Благодаря торговле дороги были порядком исхожены, хотя деревья так и тянули вниз цепкие руки-ветви, пытаясь вернуть свою территорию. Лесу не нравилось, что его наводнили люди.

Мать и дочь шагали осторожно и неторопливо, не делая резких движений. Казалось, прошла целая вечность, прежде чем что-то показалось впереди на дороге.

– Вон там! – прошептала Уильям-Энн.

Сайленс перевела дух. В свете пасты виднелись голубые капли. Теополис почти угадал, как она выслеживает своих жертв, но не до конца. Да, в свете пасты, известной как Пламя Авраама, сок болотного лука и правда начинал мерцать. Совершенно случайно он еще и оказывал расслабляющее воздействие на мочевой пузырь лошади.

Сайленс изучила дорожку из мочи. Она опасалась, что Честертон со своими людьми свернет в Лес сразу, как покинет постоянный двор. Маловероятно, но все же.

Теперь не осталось сомнений: она напала на след. Теперь если Честертон и свернет в Лес, то только спустя пару часов после выезда, чтобы не раскрыть маскировку. Сомкнув веки, Сайленс поймала себя на том, что твердит благодарственную молитву. Она помедлила. С чего вдруг ей вспомнилась молитва? Столько времени прошло.

Покачав головой, Сайленс пошла дальше. Она подпоила зельем всех пятерых лошадей, и след был четким.

Этой ночью Лес казался... особенно темным. Словно свет Звездного пояса проникал сквозь ветви слабее обычного. И словно меж стволов блуждало больше слабо сияющих теней.

Уильям-Энн вцепилась в шест с фонарем. Разумеется, она и раньше выходила из дома по ночам. Ни один поселенец не любил это делать, но ни один и не уклонялся. Нельзя все время сидеть взаперти, оцепенев от страха перед тьмой. Иначе чем ты отличаешься от обитателей фортов? В Лесу жить тяжело, часто смертельно опасно, зато ты свободен.

– Матушка, – прошептала Уильям-Энн. – Почему ты больше не веришь в Бога?

– Разве сейчас подходящее время, дитя?

Уильям-Энн глянула вниз. Они прошли мимо очередной светящейся голубым дорожки мочи.

– Ты всегда так отвечаешь.

– Да, я всегда стараюсь уклониться от ответа, когда ты спрашиваешь. Но обычно я не хожу ночью по Лесу.

– Просто сейчас мне это важно. Ты ошибаешься: я очень боюсь. Еле дышу. Но я же понимаю, что постоянный двор в беде. Ты всегда сильно злишься после визитов мастера Теополиса. Серебряную ограду меняешь не так часто, как раньше. И через день ешь только хлеб.

– И, по-твоему, это связано с Богом?

Уильям-Энн продолжала смотреть под ноги.

«О тени, – подумала Сайленс. – Она думает, что нас покарали. Глупышка. Вся в отца».

По шатким доскам они перешли Старый мост. В светлое время суток на дне расселины можно было различить балки Нового моста. Они олицетворяли обещания и дары фортов: всегда красивые на вид, но быстро изнашивающиеся. В числе тех, кто восстанавливал Старый мост, был и отец Себруки.

– Я верю в Запредельного бога, – сказала Сайленс, когда они оказались на другой стороне.

– Но...

– Я не молюсь ему, – добавила Сайленс. – Но это не значит, что я в него не верю. В старых книгах эту землю называли домом проклятых. Какой смысл молиться Богу, если ты уже проклят. Вот и все.

Уильям-Энн не ответила.

Прошло еще часа два. Сайленс подумывала срезать через чащу, но риск сбиться со следа и сделать крюк был слишком велик. К тому же светящиеся голубые метки казались... чем-то реальным, путеводной нитью из света в окружающей тьме. Эта нить символизировала их с дочерью безопасностью.

Обе отсчитывали шаги между метками, поэтому не сильно пропустили поворот. Стоило меткам на несколько минут пропасть из виду, как мать с дочерью, не говоря ни слова, повернули обратно и принялись разглядывать обочины. Сайленс волновалась, что это будет самой трудной частью охоты, но они с легкостью нашли место, где банда свернула в Лес. Знаком послужил светящийся отпечаток копыта: одна из лошадей наступила в мочу другой и наследила в Лесу.

Сайленс опустила мешок на землю, достала гарроту и, приложив палец к губам, жестом приказала Уильям-Энн ждать возле дороги. Девушка кивнула. В темноте было не разобрать выражение лица, но ее дыхание участилось. Одно дело не бояться выходить из дома по ночам, другое – остаться в Лесу одной...

Сайленс накрыла платком банку с голубой светопастой, сняла обувь и чулки и крадучись растворилась в ночи. Каждый раз, как она так делала, ей казалось, что она снова ребенок, отправившийся с дедом в Лес. Перед каждым шагом она босой ногой проверяла, не зашуршат ли листья, не хрустнет ли ветка.

Она словно наяву слышала наставления деда насчет того, как пересечь шумный участок, определив направление ветра и подстроившись под шелест листьев. Дед любил Лес, пока однажды тот не забрал его.

«Никогда не называй эту землю адом, – говорил он. – Уважай ее, как опасного зверя, но не нужно ее ненавидеть».

Тени скользили меж деревьями, почти незаметные в темноте. Сайленс старалась держаться от них подальше, но какая-нибудь все равно то и дело проплывала мимо. Для человека столкновение с тенью может закончиться смертью, хотя это редкость. Если теней не злить, они отступают от подошедших людей, словно их отгоняет легким ветерком. Пока двигаешься медленно, а именно так и надо, с тобой ничего не случится.

Сайленс снимала платок с банки, только когда хотела проверить, нет ли рядом меток. Паста подсвечивала теней, и те, что сияли ярче, могли ее выдать.

Неподалеку послышался стон. Сайленс замерла, сердце едва не выпрыгивало из груди. Тени не издают ни звука, это человек. Она принялась бесшумно и настороженно осматриваться, пока не увидела мужчину. Он хорошо спрятался между корнями дерева, но пошевелился, массируя виски. Его настигла головная боль от яда Уильям-Энн.

Поразмыслив, Сайленс крадучись обошла дерево и присела на корточки. Прошло пять мучительных минут, прежде чем мужчина, шурша листьями, снова потянулся к вискам.

Сайленс ринулась вперед, набросила гарроту ему на шею и туго затянула. В Лесу удушение – не лучший способ убийства. Слишком медленный.

Дозорный забился, судорожно хватаясь за горло. Тени поблизости застыли.

Сайленс затаила гарроту туже. Ослабленный ядом дозорный попытался достать ее ногами. Она попятилась, не ослабляя хватку и не спуская глаз с теней. Те озирались, словно принюхивались животные. Некоторые начали тускнеть, их цвет менялся от белого к черному.

Плохой знак. Сердце в груди грохотало, как гром.

«Проклятье, да сдохни уже!»

Наконец бандит вздрогнул в последний раз и обмяк. Затаив дыхание, Сайленс прождала еще несколько мгновений. Казалось, прошла вечность. В конце концов тени побелели и уплыли в разные стороны.

Сайленс сняла гарроту и облегченно выдохнула. Потом сориентировалась и вернулась к Уильям-Энн.

Дочерью можно было гордиться: она спряталась так хорошо, что Сайленс заметила ее, только когда та прошептала:

– Матушка?

– Да, – отозвалась Сайленс.

– Слава Запредельному. – Уильям-Энн вылезла из-под дерева, где пряталась в листве, и, дрожа, взяла Сайленс за руку. – Ты нашла их?

– Убила дозорного, – кивнула Сайленс. – Остальные четверо, должно быть, спят. И теперь мне понадобится твоя помощь.

– Я готова.

– Идем.

Они отправились обратно. Уильям-Энн осмотрела труп дозорного, не выказывая жалости.

– Один из них, – прошептала она. – Я его помню.

– Конечно, один из них.

– Просто хотела убедиться. Раз уж мы... ну, ты понимаешь.

Недалеко от поста дозорного обнаружился лагерь. Четверо бандитов спали в скатках в окружении теней, как осмеливались только рожденные в Лесу. В центре лагеря, в яме виднелась маленькая банка с пастой: так свет был не слишком ярким и не выдавал их, но его хватало, чтобы разглядеть лошадей, привязанных в нескольких футах на другой стороне лагеря. Зеленый свет также подсвечивал лицо Уильям-Энн, и Сайленс поразились, увидев не страх, а сильный гнев. Уильям-Энн быстро превратилась для Себруки в старшую сестру и защитницу и, несмотря ни на что, была готова убивать.

Сайленс указала на крайнего справа бандита, и Уильям-Энн кивнула. Это была самая опасная часть плана. После полудозы любой из них мог проснуться от шума, пока убивают его товарищей.

Сайленс вытащила просмоленный мешок и вручила его Уильям-Энн, потом достала молоток. Не боевое оружие, о каком рассказывал дед, а обычный инструмент для забивания гвоздей. И не только.

Сайленс наклонилась к первому спящему бандиту и всмотрелась в его лицо. По спине побежали мурашки. Животные инстинкты кричали, что он вот-вот откроет глаза.

Она показала Уильям-Энн три пальца и по очереди их загнула. Когда опустился третий, Уильям-Энн накинула мешок бандиту на голову. Тот задергался, и

Сайленс сильно ударила его молотком по виску. Череп треснул, появилась вмятина. Бандит дернулся еще раз и обмяк.

Пока Уильям-Энн крепко затягивала мешок, Сайленс напряженно следила за другими бандитами. Тени поблизости замерли, но такое убийство привлекло их внимание гораздо меньше, чем удушение. Пока через просмоленный мешок не просачивается кровь, мать с дочерью в безопасности. Сайленс еще дважды ударила бандита по голове и проверила пульс. Пульса не было.

Они осторожно расправились со следующим мужчиной. Отвратительное занятие, словно забиваешь скот. Помогала лишь мысль о том, что эти бандиты страдают бешенством, как та собака, о которой она напонила Уильям-Энн. Но при мысли о том, что пришлось пережить Себруки, Сайленс начинала злиться, а такую роскошь позволять себе нельзя. Нужно действовать расчетливо, тихо и расторопно.

Чтобы прикончить второго, потребовалось больше ударов молотком, но и пробуждался он медленнее, чем его товарищ. Болотник дурманил головы. Превосходный яд для ее целей. Жертвы становятся сонными, немного дезориентированными. И...

Один из бандитов сел на своей скатке и промямлил:

– Что за?..

Сайленс подскочила к нему и, схватив за плечи, прижала к земле. Тени повернулись к ним, словно на громкий шум. Пока бандит пытался вырваться из ее хватки, а Уильям-Энн ахала, Сайленс вытащила гарроту.

Перекатившись, она обвила шею мужчины петлей и крепко затянула. Тот задергался в конвульсиях, распаяя теней. Сайленс почти прикончила его, когда последний бандит вскочил и в полубессознательном состоянии кинулся прочь.

Это же Честертон собственной персоной! Если до него доберутся тени...

Сайленс оставила третьего бандита судорожно глотать воздух и, отбросив осторожность, устремилась в погоню за Честертоном. Если его иссушат тени, ей ничего не достанется. Нет трупа – нет вознаграждения.

Сайленс настигла Честертон рядом с лошадьми, отчаянно схватила за ноги и повалила на землю. Тени начали чернеть.

– Сука, – промямлил он, пинаясь. – Ты хозяйка постоянного двора. Сука, ты меня отравила!

Тени полностью слились с темнотой. Открылось их земнозрение, из полыхнувших зеленым глаз заструился туманный свет.

Сайленс изо всех сил навалилась на сопротивляющегося Честертон.

– Я заплачу, – умолял он, цепляясь за нее. – Я тебе заплачу...

Сайленс ударила его молотком по руке, отчего Честертон взвыл, потом по лицу – раздался хруст. Пока Честертон стонал и дергался, она сорвала с себя кофту и кое-как обмотала ее вокруг его головы и молотка.

– Уильям-Энн! Мешок! Мешок, дитя! Принеси...

Уильям-Энн, упав рядом на колени, натянула мешок Честертону на голову. Кровь уже начала пропитывать кофту. Сайленс лихорадочно пошарила рукой, наткнулась на камень и врезала Честертону по голове. Кофта заглушала вопли, но и смягчала удары. Пришлось бить снова и снова.

Наконец он обмяк. Уильям-Энн, коротко и судорожно дыша, прижимала мешок к его шее, чтобы кровь не просочилась наружу.

– О Запредельный. О боже...

Сайленс осмелилась поднять голову. В Лесу, словно огоньки во тьме, сияли десятки зеленых глаз. Зажмурившись, Уильям-Энн шептала молитву, по щекам текли слезы.

Сайленс осторожно вытащила из-за пояса серебряный кинжал. Вспомнилась другая ночь, другое море сияющих зеленых глаз. Последняя ночь ее бабки. «Беги, дитя! БЕГИ!»

В ту ночь можно было сбежать. Они находились недалеко от безопасного места. Но даже это не спасло бабушку.

Та ночь приводила Сайленс в ужас: что натворила бабушка, что натворила она сама... Сегодня оставалась единственная надежда. Бежать бесполезно, до безопасного места слишком далеко.

К счастью, глаза медленно гасли. Сайленс опустила на землю, серебряный кинжал выскользнул из пальцев.

Уильям-Энн открыла глаза.

– О Запредельный! – воскликнула она, когда тени вернулись к своему обычному виду. – Чудо!

– Не чудо, – возразила Сайленс. – Просто повезло. Мы вовремя его убили. Еще секунда, и они бы рассвирепели.

Уильям-Энн обхватила себя руками:

– О тени. О тени. Я думала, мы умрем. О тени.

Сайленс вдруг кое о чем вспомнила. Третий бандит. Она не успела окончательно его придушить, когда Честертон пустился в бегство. Она вскочила на ноги и обернулась.

Мужчина лежал, не двигаясь.

– Я его прикончила, – сообщила Уильям-Энн. – Задушила своими руками. Собственными руками...

Сайленс оглянулась на нее.

– Молодец, дитя. Скорее всего, ты спасла нам жизнь. Если бы не ты, я бы никогда не убила Честертон, не разозлив теней.

Уильям-Энн по-прежнему пялилась в чащу, следя за успокоившимися тенями.

– Как же заставить тебя признать чудо, а не списать все на совпадение? – спросила она.

– Очевидно, нужно, чтобы случилось чудо, а не просто совпадение, – ответила Сайленс. – Давай-ка наденем по второму мешку на этих ребят.

Уильям-Энн принялась вяло помогать. На всякий случай они натянули по два мешка на каждого. Кровь опаснее всего. Бегущие люди привлекают теней, но медленно. Огонь приводит их в ярость моментально, но при этом ослепляет и сбивает с толку.

Но вот кровь... кровь, пролитая в гнев, на открытом воздухе... из-за одной-единственной капли тени убьют сначала тебя, а затем всех, кто попадет на глаза.

На всякий случай Сайленс проверила у каждого бандита пульс – ничего. Они оседлали лошадей, взвалили трупы в седла, включая дозорного, и привязали. Потом собрали скатки и все снаряжение. Хорошо бы у бандитов нашлось при себе хоть немного серебра. По закону Сайленс могла оставить себе все, что найдет, кроме того,

что заявлено как краденое. В случае Честертона форты просто хотели видеть его мертвым, впрочем, как и все остальные.

Сайленс затянула веревку и замерла.

– Матушка! – Уильям-Энн тоже уловила шорох листвы.

Они открыли банку с зеленой светопастой в дополнение к банке бандитов, и теперь маленький лагерь был хорошо освещен. На поляну верхом на лошадях выехал отряд из восьми мужчин и женщин.

Они явились из фортов: добротная одежда, не сводят взгляда с теней в Лесу... определенно городские. Сайленс шагнула навстречу. Жаль нет молотка, чтобы выглядеть хоть чуточку угрожающе. Он так и остался в мешке на голове Честертона, потому что перепачкался кровью. Его можно вытащить, только когда высохнет кровь или в очень-очень безопасном месте.

– Глянь-ка, – заговорил мужчина, ехавший впереди. – А я не верил Тобиасу, когда тот вернулся из разведки, но, похоже, это правда. Пара поселенцев из Леса перебила банду Честертона, всех пятерых.

– Кто вы? – спросила Сайленс.

– Ред Янг, – представился мужчина, дотронувшись до шляпы. – Я выслеживал их четыре месяца. Не знаю, как вас и благодарить.

Он махнул рукой, и пара его людей спешила.

– Матушка! – прошипела Уильям-Энн.

Сайленс изучала Реда. Вооружен дубинкой, а у женщины за его спиной один из этих новых арбалетов с тупыми болтами. Они быстро взводятся и бьют сильно, но не до крови.

– Отойди от лошадей, дитя, – сказала Сайленс.

– Но...

– Отойди.

Сайленс выпустила веревку, на которой вела лошадь. Трое людей Реда подобрали поводья, а один с ухмылкой воззрился на Уильям-Энн.

– А ты не дура. – Ред наклонился в седле, изучая Сайленс.

Мимо прошла женщина, ведя лошадь Честертона с перекинутым через седло трупом.

Сайленс шагнула вперед и положила руку на седло. Женщина остановилась и глянула на предводителя. Сайленс незаметно достала кинжал из ножен.

– Ты отдашь нам часть добычи, – сказала она Реду, пряча руку с кинжалом. – Мы все сделали за тебя. Четверть, и я не скажу ни слова.

– Само собой. – Он приподнял шляпу. На его лице застыла фальшивая ухмылка, как с картины. – Четверть так четверть.

Сайленс кивнула и прижала кинжал к одной из тонких веревок, что удерживали Честертона поперек седла. Когда женщина дернула лошадь за собой, кинжал надрезал веревку. Сайленс отступила и, положив руку на плечо Уильям-Энн, украдкой убрала кинжал в ножны.

Ред снова приподнял шляпу, прощаясь. В мгновение ока охотники за головами скрылись за деревьями.

– Четверть? – прошипела Уильям-Энн. – Думаешь, он заплатит?

– Вряд ли. – Сайленс подняла свой дорожный мешок. – Повезло, что он нас не убил. Пойдем.

Они углубились в чащу. Уильям-Энн шагала рядом, ступая осторожно, как подобает в Лесу.

– Тебе пора вернуться на постоянный двор, Уильям-Энн.

– А ты куда?

– Верну то, что нам причитается.

Проклятье, она ведь Форскаут. Ни один чванный городской не смеет красть у нее.

– Хочешь перехватить их у белой просеки? Но что будешь делать? Их слишком много, матушка.

– Что-нибудь придумаю.

Труп Честертонна означал свободу – жизнь – для ее дочерей. Она не позволит ему ускользнуть, как дыму сквозь пальцы. Вокруг них сомкнулась тьма. Тени, совсем недавно готовые их иссушить, теперь уступали дорогу, совершенно равнодушные к людям из плоти и крови.

«Думай, Сайленс. Здесь явно что-то не так». Как они обнаружили лагерь? По свету? По их с Уильям-Энн голосам? Они сказали, что гонялись за Честертонном не один месяц. Разве до нее не дошли бы слухи об этом? Эти городские выглядели слишком свежо для тех, кто уже несколько месяцев преследует убийц по Лесу.

Напрашивался нежеланный вывод. Лишь один человек знал, что сегодня она охотится, и видел, как она готовится. Лишь у одного человека есть причины украсть у нее вознаграждение.

«Теополис, надеюсь, я ошибаюсь, – подумала Сайленс. – Потому что если за этим стоишь ты...»

Вместе с Уильям-Энн она продиралась через самую чащу, где полог из ненасытной листвы поглощал весь свет и на земле ничего не росло. Тени патрулировали эти лесные коридоры, как слепые часовые. Ред и его люди – жители фортов и будут держаться дорог. В этом ее преимущество.

Лес поселенцу такой же друг, как знакомое ущелье, которое не становится менее опасным. Но Сайленс – опытный моряк в этих водах и умеет использовать их ветра себе на пользу лучше любого обитателя фортов. Возможно, пришло время устроить бурю.

Белой просекой поселенцы называли часть дороги, по обеим сторонам от которой раскинулись грибные поляны. Добираться туда пришлось около часа, и к концу пути Сайленс ощутила все последствия бессонной ночи. Не обращая внимания на усталость, она брела через грибную поляну. Свет зеленой пасты придавал деревьям и бороздам в земле болезненный оттенок.

Дорога делала крюк по лесу и возвращалась к этому месту. Если Ред направляется в Ластпорт или любой из соседних фортов, то проедет здесь.

– Иди дальше, – сказала Сайленс Уильям-Энн. – До постоянного двора всего час пути. Присмотри там.

– Я не оставлю тебя, матушка.

– Ты обещала слушаться. Хочешь нарушить свое слово?

– А ты обещала, что позволишь помочь. Нарушаешь свое?

– Ты мне больше не понадобишься, – ответила Сайленс. – И это опасно.

– Что ты задумала?

Сайленс опустилась на колени у дороги и вытащила из мешка бочонок с порохом. Уильям-Энн побелела, как грибы вокруг.

– Матушка!

Сайленс развернула бабкино огниво. Неизвестно, работает ли оно. Она никогда не решалась сжать два металлических рожка, похожих на клещи. Посыпятся искры, и пружина у основания разведет рожки в исходное положение.

Сайленс подняла голову и пугнула дочь огнивом. Уильям-Энн отступила на шаг и глянула по сторонам на тени.

– Неужели все так плохо? – прошептала девушка. – Я имею в виду для нас?

Сайленс кивнула.

– Ну и ладно.

Глупышка. Хорошо, Сайленс не станет ее прогонять. Честно говоря, помощь не помешает. Она собиралась забрать труп Честертона. Трупы тяжелые, а отрезать только голову точно не получится. Не в Лесу, когда вокруг столько теней.

Порывшись в мешке, Сайленс вытащила аптечку, привязанную к паре дощечек, которые можно было использовать в качестве накладной шины. Привязать дощечки по бокам огнива не составило труда. С помощью ручной лопатки она выкопала в мягком грунте дороги неглубокую ямку как раз под размер бочонка с порохом.

Сайленс откупорила бочонок и положила его в ямку. Потом пропитала носовой платок в ламповом масле, сунула один конец в бочонок, другой пристроила рядом с огнивом и дощечками. Когда она засыпала всю конструкцию листьями, получилась примитивная ловушка. Если кто-нибудь наступит на верхнюю дощечку, то прижмет ее к нижней и высечет искру, которая подожжет платок. По крайней мере, на это расчет.

Самой поджигать порох нельзя. Тени явятся в первую очередь за тем, кто развел огонь.

– А если они на нее не наступят? – спросила Уильям-Энн.

– Тогда мы переставим ее в другое место на дороге и попробуем еще раз, – ответила Сайленс.

– Ты же понимаешь, что может пролиться кровь.

Сайленс не ответила. Если ловушка сработает, тени не поймут, что виновата Сайленс. Сперва они нападут на того, кто высек искру. Но если прольется кровь, они придут в ярость. Тогда неважно, кто начал. Опасность будет угрожать всем.

– До рассвета еще несколько часов, – сказала Сайленс. – Прикрой пасту.

Кивнув, Уильям-Энн спешно накрыла банку. Сайленс еще раз осмотрела ловушку, потом потянула дочь за плечо в сторону от дороги. Подлесок здесь гуще, поскольку дорогу прокладывали под просветами в пологе листвы. В Лесу искали места, где видно небо.

Через некоторое время появился отряд Реда. Они ехали молча, освещая путь пастой, – по ночам жители фортов не разговорчивы. Ловушка находилась в самом узком месте дороги. Затаив дыхание, Сайленс следила за всадниками: шаг за шагом лошади ступали мимо бугорка, отмечающего дощечку. Уильям-Энн сидела на корточках, прикрыв уши.

Вот копыто ударило по ловушке, но ничего не произошло. Сайленс раздраженно выдохнула. Что делать, если огниво сломано? Найдет ли она другой способ...

Раздался взрыв, ее накрыло ударной волной. Моментально почернев, тени распахнули зеленые глаза. Лошади встали на дыбы и заржали, послышались крики.

Выйдя из оцепенения, Сайленс потянула Уильям-Энн из укрытия. Ловушка сработала даже лучше, чем она думала: пока горел платок, лошадь успела сделать несколько шагов, прежде чем случился взрыв. Никакой крови, лишь перепуганные лошади и сбитые с толку люди. Грохот невероятный, но от бочонка пороха вышло гораздо меньше ущерба, чем она ожидала: байки о порохе частенько оказывались такими же фантастическими, как сказки о Родине.

В ушах звенело. Сайленс пробиралась мимо растерянных городских. Труп Честертона лежал на земле, выброшенный из седла: когда лошадь встала на дыбы, лопнула надрезанная веревка. Сайленс схватила труп под руки, Уильям-Энн – за ноги, и они потащили его в Лес.

– Идиоты! – ревел Ред в толчее. – Остановите ее! Она...

Он осекся, когда к дороге слетелись тени. Реду удалось совладать с лошадью, но теперь приходилось уворачиваться от теней. Разъяренные, они налились непроглядной чернотой, хотя взрыв их явно ошеломил, и метались, как мотыльки вокруг пламени. Спасибо и на том, что глаза зеленые. Вот если они покраснеют...

Тени набросились на озирающегося по сторонам мужчину. Его спина выгнулась, вздулись черные жилы. Он упал на колени и закричал. Кожа на лице начала усыхать.

Сайленс отвернулась. Уильям-Энн продолжала в ужасе смотреть на упавшего.

– Потихоньку, дитя. – Сайленс надеялась, что ее голос звучит успокаивающе. Кто бы успокоил ее саму. – Осторожно. Мы можем от них ускользнуть. Уильям-Энн, посмотри на меня.

Девушка повернула к ней голову.

– Смотри мне в глаза. Не стой, вот так. Помни, сперва тени займутся тем, кто разжег огонь. Они сбиты с толку, ошеломлены. Огонь им не учуять, как кровь, и поэтому они будут бросаться на тех, кто совершает резкие движения. Потихоньку, спокойнее. Пусть они отвлекутся на суматошных городских.

Вдвоем они скрылись в Лесу, выверая каждый шаг. Казалось, они еле ползут на фоне окружающих хаоса и опасности. Ред организовал сопротивление. С обезумевшими от огня тенями можно бороться с помощью серебра. Их будет слетаться все больше, но если охотники смекалистые и удачливые, то можно уничтожить теней поблизости и медленно отступить от источника огня. Спрятаться, выжить. Хотя бы попытаться.

Если только кто-нибудь случайно не прольет кровь.

Сайленс и Уильям-Энн ступили на грибную поляну. Грибы светились, как крысиные черепа, и тихо хрустели под ногами. Удача улыбалась недолго: пара теней с краю оправилась от растерянности и бросилась к спасающимся женщинам.

Уильям-Энн ахнула. Сайленс не спеша отпустила плечи Честертона и вытащила кинжал.

– Иди дальше, – прошептала она. – Тащи его сама. Потихоньку, дитя. Потихоньку.

– Я тебя не брошу!

– Я догоню. Ты к этому не готова.

Сайленс не посмотрела, послушалась ли Уильям-Энн: к ней над белой бугристой поляной летели черные как смоль силуэты. Против теней сила ничего не значит. Они почти неосязаемые. Важно лишь, насколько быстро ты двигаешься и идешь ли на поводу у страха.

Тени опасны, но пока есть серебро, с ними можно бороться. Многие умирали из-за того, что не стояли на месте, а обращались в бегство, приманивая еще больше теней.

Сайленс взмахнула кинжалом, когда тени подобрались ближе.

«Хотите заполучить мою дочь, адские отродья? – злобно подумала она. – Валите к городским».

Она полоснула кинжалом первую тень, как учила бабка. «Никогда не отступай и не прячься от них. В тебе кровь Форскаутов. Ты хозяйка в Лесу. Ты такое же дитя Леса, как и любое другое. Как и я...»

Лезвие прошло сквозь тень с едва заметным сопротивлением, брызнул сноп белых искр. Тень отпрянула, черные шлейфы скрутились.

Сайленс повернулась ко второй тени. На фоне темного неба виднелись лишь жуткие зеленые глаза. Тень потянулась к ней. Сайленс сделала выпад кинжалом.

Призрачные ледяные пальцы вцепились ей в руку пониже локтя. Сайленс их ощущала, они были материальными. Тени могли схватить тебя, удерживать. Их отгоняло только серебро. Только с серебром можно сражаться.

Она вогнала кинжал глубже. Из спины тени посыпались искры, будто выплеснули ведро воды. Сайленс задохнулась от чудовищной леденящей боли. Кинжал выскользнул из онемевших пальцев. Пошатнувшись, она упала на колени. Вторая тень отскочила, потом начала бешено крутиться волчком. Первая дергалась на земле, словно умирающая рыба, пытаясь восстать, но каждый раз заваливалась.

Раненая рука окончательно заледенела. Сайленс уставилась на нее: плоть сохла, стягивалась вокруг костей.

Послышался плач.

«Стой на месте, Сайленс, – зазвучал голос бабки. Вспомнилось, как Сайленс впервые убила тень. – Делай, как я скажу. Не реви! Форскауты не плачут. Форскауты НЕ ПЛАЧУТ».

В тот день она научилась ненавидеть бабку. Та оставила ее, дрожащую и плачущую, с маленьким ножом в руках, один на один с парящей тенью внутри круга из серебряной пыли. Ей было десять.

Бабка бегала по периметру, приводя тень в ярость. Сайленс была заперта в ловушке со смертью. «Единственный способ научиться – сделать это самой, Сайленс. И ты научишься, так или иначе!»

– Матушка! – позвала Уильям-Энн.

Моргнув, Сайленс вернулась к действительности. Уильям-Энн, давясь слезами, высыпала ей на раненую руку целый мешочек серебряной пыли. Серебро остановило и обратило вспять иссушение. Кожа вновь порозовела, чернота улетучилась в белых искрах.

«Слишком много», – подумала Сайленс.

В спешке Уильям-Энн израсходовала все серебро, намного больше, чем требовалось для одной раны. Но трудно сердиться, когда смерть разжала свои ледяные пальцы и к руке вернулась чувствительность.

– Матушка? Я оставила тебя, как ты и сказала. Но он такой тяжелый, далеко с ним не уйти. Я вернулась за тобой. Прости. Я вернулась за тобой!

– Спасибо, – вздохнула Сайленс. – Ты молодчина.

Похлопав дочь по плечу, она пошарила в траве в поисках бабкиного кинжала. Лезвие местами почернело, но еще послужит.

Городские на дороге стали кругом и сдерживали тени копиями с серебряными наконечниками. Лошади либо разбежались, либо их сожрали. Сайленс собрала с земли горстку серебряной пыли. Остальное ушло на исцеление. Слишком много.

«На нет и суда нет», – подумала Сайленс, спрятав горстку пыли в карман, и с трудом поднялась на ноги..

– Идем. Жаль, я не научила тебя сражаться с ними.

– Научила. – Уильям-Энн вытерла слезы. – Ты мне все рассказала.

Рассказала. Но ни разу не показала.

«Тени, бабка. Знаю, ты разочарована во мне, но с ней я так не поступлю. Не могу. Но я хорошая мать. Я буду защищать своих дочерей».

Они снова подняли свой жуткий трофей и, миновав грибную поляну, углубились в Лес. К месту сражения плыли потемневшие тени. Их приманили все эти искры. Городским конец. Они привлекли слишком много внимания суматохой. Не пройдет и часа, как к ним слетится тысяча теней.

Сайленс и Уильям-Энн двигались медленно. Холод в руке почти не чувствовался, но что-то все равно осталось. Глубокая дрожь. Конечность, которой коснулась тень, восстановится лишь через несколько месяцев.

Но кончилось все сравнительно неплохо. Если бы не смекалка Уильям-Энн, Сайленс могла остаться калекой. Через некоторое, обычное небольшое время иссушение уже не обратить.

В лесу что-то зашуршало. Сайленс замерла, вынуждая Уильям-Энн остановиться и оглядеться вокруг.

– Матушка? – прошептала Уильям-Энн.

Сайленс нахмурилась. Ночь была темной, а им пришлось бросить фонари. «Там что-то есть, – думала она, всматриваясь во тьму. – Что ты такое?» Да защитит их Запредельный, если шум стычки привлечет Глубинных.

Звук больше не повторился. Скрепя сердце Сайленс двинулась дальше. Они шагали уже добрый час и в темноте не поняли, что вернулись к дороге, пока не вышли на нее.

С тяжелым вздохом Сайленс опустила их ношу на землю и принялась разминать уставшие руки. Слева, в пробившемся сквозь листву свете Звездного пояса виднелась гигантская челюсть. Старый мост. Они почти дома. Тени, абсолютно спокойные, лениво парили вокруг, словно мотыльки.

Руки едва ли не отваливались. С каждой секундой труп будто становился тяжелее. Многим невдомек, насколько тяжелые трупы. Сайленс опустила на землю. Они немного передохнут, прежде чем отправиться дальше.

– Уильям-Энн, у тебя осталась вода во фляжке?

Уильям-Энн всхлипнула.

Вздвогнув, Сайленс вскочила на ноги. Дочь стояла возле моста, а за ней виднелась темная фигура. Болезненный зеленый свет вдруг разогнал тьму: фигура достала пузырек со светопастой. Сайленс узнала Реда.

Он приставил кинжал к шее Уильям-Энн. Стычка с тенью далась ему тяжело: один глаз превратился в бельмо, пол-лица почернело, губы усохли, обнажив зубы. Тень прошлась ему по лицу. Повезло, что выжил.

– Я догадался, что вы вернетесь этим путем, – невнятно выговорил он, капая слюной с подбородка. – Серебро. Давай сюда ваше серебро.

Его нож был... из обычной стали.

– Живо! – взревел Ред, сильнее прижав лезвие к горлу Уильям-Энн.

Если он прольет хоть каплю крови, не успеешь и глазом моргнуть, как слетятся тени.

– У меня только кинжал, – солгала Сайленс, вытащив кинжал и бросив перед Редом на землю. – Слишком поздно, Ред, твое лицо не спасти. Иссущение уже не обратить.

– Плевать, – прошипел он. – Теперь труп. Отойди от него, женщина. Прочь!

Сайленс шагнула в сторону. Получится добраться до него, прежде чем он убьет Уильям-Энн? Ему придется поднять кинжал. Если она правильно выберет момент...

– Ты убила моих людей, – прорычал Ред. – Они все мертвы. Боже, если бы я не закатился в ту рытвину... Мне пришлось слушать. Слушать, как их убивают!

– Ты оказался умнее, чем они, – отозвалась Сайленс. – Ты бы не смог их спасти, Ред.

– Сука! Ты их убила.

– Они сами себя убили, – прошептала она. – Ты заявляешься в мой Лес, отбираешь то, что принадлежит мне? Жизнь твоих людей против жизни моих детей, Ред.

– Ну значит, ты не шелохнешься, если хочешь, чтобы твоя дочь осталась цела. Подбери кинжал, девчонка.

Всхлипывая, Уильям-Энн опустилась на колени. Ред присел следом, не спуская глаз с Сайленс и не отнимая ножа от горла девушки. Дрожащими руками Уильям-Энн подняла кинжал с земли.

Ред вырвал его и взял в свободную руку.

– Девчонка потащит труп, а ты подождешь здесь. Не смей приближаться.

– Конечно.

Сайленс прикидывала, как поступить. Прямо сейчас нападать нельзя. Он настороже. Она пойдет за ним по Лесу, вдоль дороги, и дождется подходящего случая. И тогда нападет.

Ред сплюнул.

Из тьмы прилетел арбалетный болт с тупым наконечником и ударил его в плечо. Нож у горла Уильям-Энн дрогнул, по шее сбежала струйка крови. Глаза девушки расширились от ужаса, хотя это была просто царапина. Царапина не представляла опасности.

А вот пролитая кровь...

Ред упал на землю, ловя ртом воздух и прижимая руку к плечу. На его ноже блестели капли крови. Тени вокруг почернели. Их глаза вспыхнули зеленым, потом покраснели.

Кровь. Красные глаза в ночи.

– Проклятье! – завопил Ред. – Проклятье!

Его окружил рой красных глаз. Тени тотчас набросились на того, кто пролил кровь.

Сайленс потянулась к дочери. Ред схватил Уильям-Энн и толкнул перед собой, пытаясь заслониться от тени, потом развернулся и рванул в другую сторону.

Уильям-Энн пролетела сквозь тень. Лицо тут же начало усыхать, натянулась кожа вокруг глаз и на подбородке. Девушка споткнулась и упала в руки матери.

Сайленс захлестнула паника.

– Нет! Дитя, нет. Нет, нет...

Из горла Уильям-Энн донеслось сдавленное бульканье. Губы стянуло, обнажились зубы. Веки сохлись, глаза полезли из орбит.

«Серебро. Нужно серебро. Ее еще можно спасти».

Сайленс вскинула голову, прижав к себе дочь. Ред мчался по дороге, размахивая серебряным кинжалом, лишь сверкали искры. Его окружили сотни теней, словно воронье слетелось на падаль.

Туда им не надо. Тени скоро его прикончат и начнут искать плоть – любую плоть. На шее Уильям-Энн еще оставалась кровь. Ею займутся следующей. Но и без этого иссушение делало свое дело.

С помощью кинжала Уильям-Энн не спасти. Нужна пыль, серебряная пыль, чтобы засыпать ей в горло. Сайленс пошарила в кармане и наскребла щепотку серебра.

Мало. Этого слишком мало. Благодаря урокам бабки ум успокоился, и все сразу проявилось.

Постоялый двор близко. Там у нее есть еще серебро.

– Ма... матушка...

Сайленс подхватила Уильям-Энн на руки. Какая легкая – плоть высыхает. Собрав остатки сил, Сайленс побежала через мост.

После того как они тащили труп, руки будто налились свинцом. Труп... нельзя его бросить!

Нет. Не о том она думает. Покончив с Редом, тени займутся трупом, плоть еще достаточно теплая. О вознаграждении можно забыть. Нужно сосредоточиться на Уильям-Энн.

По щекам Сайленс текли слезы, встречный ветер охлаждал лицо. Дочь у нее на руках сотрясали предсмертные судороги. Если она умрет так, то станет тенью.

– Не покидай меня! – крикнула Сайленс в ночь. – Пожалуйста. Не покидай...

Из-за спины донесся протяжный скорбный вопль. Тени настигли Реда, и вопль оборвался. Тени вокруг Сайленс замирали на месте, их глаза наливались красным.

Кровь. Красные глаза.

– Ненавижу тебя, – прошептала Сайленс на бегу. Каждый шаг был пыткой. Возраст давал о себе знать. – Ненавижу тебя! За все, что случилось со мной. Со всеми нами.

Она не знала, к кому обращалась: бабушке или Запредельному. Часто они сливались у нее в уме. Неужели она не осознавала это раньше?

Сайленс продиралась вперед, по бокам хлестали ветви. Неужели впереди свет? Постоялый двор?

Вокруг раскрылись сотни красных глаз. Выбившись из сил, Сайленс споткнулась. Уильям-Энн казалась тяжелой охапкой веток. Дочь трясло, ее глаза закатились.

Сайленс достала остатки серебряной пыли. Хотелось высыпать ее на Уильям-Энн, хотя бы немного облегчить боль, но она точно знала, что это бессмысленно. Сквозь слезы глянув вниз, она обвела их обеих маленьким кругом из серебра. Что еще ей оставалось?

Уильям-Энн, хрипя, билась в конвульсиях и цеплялась за руки матери. Тени, чуя кровь и плоть, слетались десятками.

Сайленс крепче прижала дочь. Нужно было все-таки забрать кинжал. Уильям-Энн он бы не исцелил, но, по крайней мере, она могла бы сражаться.

Без кинжала, да и вообще без всего ей не справиться. Бабушка была права с самого начала.

– Тише, милая... – прошептала Сайленс, зажмурившись. – Не бойся.

Тени бросались на ее хрупкий барьер, сыпя искрами. Сайленс открыла глаза. Одни отступали, другие налетали, ударяясь о серебро. Красные глаза подсвечивали корчащиеся черные силуэты.

– Лучик солнца, – шептала Сайленс, с трудом выдавливая из себя слова, – ночь прогонит.

Уильям-Энн выгнула спину и затихла.

– Засыпай... моя... малышка... Пусть исчезнут твои слезы. Тьма окружит нас, но все же... мы когда-нибудь проснемся...

Как же она устала.

«Нельзя было позволять ей идти со мной».

Но тогда Честертон ускользнул бы, а ее наверняка убили бы тени. А Уильям-Энн и Себруки попали бы в рабство к Теополису, а то и хуже.

Выбора не было, как и пути назад.

– Зачем ты отправил нас сюда? – крикнула она, подняв голову к небу. Ее окружали сотни сияющих красных глаз. – В чем смысл?

Ответа не последовало. Как и всегда.

Впереди, сквозь нижние ветви деревьев действительно виднелся свет. Сайленс не дошла до постоянного двора всего несколько ярдов. Она умрет, как и бабушка, в паре шагов от дома.

Серебряный барьер исчерпал себя. Сайленс моргнула, баюкая Уильям-Энн.

Эта... эта ветка прямо перед ней. Какая странная форма. Длинная, тонкая, без листьев. Совсем не как у ветки. Скорее это...

Арбалетный болт.

Когда Себруки выстрелила из арбалета, болт застрял в дереве. Сайленс вспомнила, как этот поблескивающий наконечник был направлен на нее.

Серебро.

Сайленс Монтейн с грохотом вломилась на постоянный двор через заднюю дверь, волоча за собой иссушенное тело дочери. Доковыляла до кухни, едва передвигая ноги, и выронила болт с серебряным наконечником из усыхающей руки.

Кожа стягивалась, тело увядало. Когда сражаешься с таким количеством теней, от иссушения никуда не деться. Арбалетный болт лишь помог расчистить путь, и она прорвалась в последнем отчаянном рывке.

Сайленс почти ничего не видела сквозь слезы. Все равно казалось, что глаза сухие, словно она добрый час простояла на ветру, не смыкая век. Моргать и шевелить губами удавалось с трудом.

У нее ведь была... пыль?

Мысль. Воспоминание. Что?

Она действовала не думая. Банка на подоконнике. На случай прорыва барьера. Одеревеневшими пальцами Сайленс открыла крышку, ужаснувшись, как они выглядят.

«Умираю. Я умираю».

Она макнула банку с серебряной пылью в бочку с водой и проковыляла к Уильям-Энн. Упав на колени, вылила на нее почти всю воду, остаток дрожащей рукой плеснула на лицо.

«Пожалуйста. Пожалуйста».

Тьма.

– Нас послали сюда, чтобы мы стали сильными.

Бабка стояла на краю утеса над морем. Ее седые волосы развевались на ветру, как шлейфы-лохмотья тени.

Она обернулась к Сайленс. На обветренном лице блестели капли от грохочущего прибора.

– Нас послал Запредельный бог. Это часть его замысла.

– Легко тебе говорить, – сплюнула Сайленс. – Ты что угодно можешь свести к этому неясному замыслу. Даже уничтожение мира.

– Не желаю слышать богохульств из твоих уст, дитя. – Голос бабки скрипел как гравий под сапогами. Она подошла к Сайленс. – Ты можешь восставать против Запредельного, но это ничего не изменит. Уильям был дураком. Тебе без него лучше. Мы – Форскауты. Мы выживаем. Однажды мы одержим победу над Злом.

Она прошла мимо.

Сайленс ни разу не видела улыбку на лице бабки после смерти ее мужа. Улыбка означала зря растраченную энергию. А любовь... любовь принадлежала тем, кто остался на Родине. Тем, кто погиб из-за Зла.

– Я жду ребенка, – сообщила Сайленс.

Бабка остановилась.

– От Уильяма?

– От кого же еще?

Бабка пошла дальше.

– Не станешь осуждать? – Сайленс сложила руки на груди.

– Сделанного не воротишь. Мы – Форскауты. Если так нам суждено продолжить род, быть по сему. Меня больше волнует, как быть с постоянным двором и выплатами этим проклятым фортам.

«У меня есть идея на этот счет. – Сайленс вспомнила разыскные листовки, которые начала собирать. – На такое даже ты не осмелишься, настолько это опасно и невообразимо».

Бабка хмуро глянула на Сайленс, потом натянула шляпу и исчезла за деревьями.

– Я не дам тебе вмешиваться, – крикнула Сайленс ей в спину. – Я выращу своего ребенка, как захочу!

Бабка растворилась в сумраке.

«Пожалуйста. Пожалуйста».

– Как захочу!

«Не покидай меня. Не покидай...»

Сайленс очнулась, судорожно хватая ртом воздух и царапая половицы.

Жива. Она жива!

Конюх Доб стоял перед ней на коленях с банкой серебряной пыли в руках. Сайленс закашлялась, схватившись за горло. Пальцы были округлыми, плоть восстановилась. Горло немного саднило от хлопьев серебра, которые в нее затолкали. Кожа была покрыта черными крупинками отработанного серебра.

– Уильям-Энн! – воскликнула она, обернувшись.

Дочь лежала на полу у двери. Левый бок, которым она врезалась в тень, почернел. Лицо выглядело лучше, но рука была как у скелета. Придется ее отрезать. С ногой тоже все плохо, но не осмотрев, трудно сказать насколько.

– О, дитя... – Сайленс опустилась рядом на колени.

Однако Уильям-Энн дышала. Уже немало, учитывая обстоятельства.

– Я попытался, – сказал Доб. – Но вы и так сделали все, что можно.

– Спасибо, – поблагодарила Сайленс, повернувшись к старику с высоким лбом и тусклым взглядом.

– Вы добрались до него? – спросил Доб.

– До кого?

– До «вознаграждения».

– Я... да, добралась. Но пришлось его бросить.

– Найдете другое, – монотонно пробубнил Доб, поднимаясь. – Лис всегда находит.

– Давно ты знаешь?

– Я не блещу умом, мэм, но и не дурак.

Он кивнул ей и отошел, как всегда ссутулившись.

Застонав, Сайленс подняла Уильям-Энн, перенесла в комнату наверху и осмотрела.

С ногой все оказалось не так плохо, как она опасалась. Уильям-Энн не досчитается пары пальцев, но сама ступня в порядке. Вся левая сторона тела почернела, словно обугленная. Со временем она поблекнет, посереет.

Всем с первого взгляда будет ясно, что произошло. Мало кто из мужчин захочет к ней прикоснуться, чураясь заразы. Ее ждет одинокая жизнь.

«Я кое-что знаю о такой жизни», – подумала Сайленс, макая тряпицу в ведро с водой, чтобы омыть лицо Уильям-Энн.

Дочь проспит весь день. Она оказалась на волосок от смерти, едва не стала тенью. Организм оправится не скоро.

Разумеется, и сама Сайленс едва не погибла. Но ей не впервой. Еще один из уроков бабки. Как же Сайленс ее ненавидела. Но эти уроки ее закалили, сделали той, кто она есть. Можно ли испытывать благодарность и ненавидеть одновременно?

Закончив омыться Уильям-Энн, Сайленс передела ее в мягкую ночную рубашку и уложила в постель. Себруки еще не проснулась после снадобья.

Сайленс спустилась на кухню поразмыслить. Вознаграждение она упустила. Тени доберутся до трупа Честертон: кожа усохнет, череп почернеет и раскрошится. Никак не доказать, что это был Честертон.

Сайленс села за кухонный стол и переплела пальцы. Хотелось глотнуть виски, заглушить ужас этой ночи.

Она размышляла несколько часов. Можно ли откупиться от Теополиса? Одолжить у кого-нибудь денег? У кого? Может, снова поохотиться за головами? Но в последнее время к ней почти никто не заезжает. Теополис уже предъявил свой документ. Выждет день-два и заявит свои права на постоянный двор.

Неужели она преодолела столько трудностей, чтобы все потерять?

На лицо упал солнечный луч, ветерок из разбитого окна пощекотал щеку, пробуждая от оцепенения. Сайленс моргнула и потянулась. Тело протестовало. Вздохнув, она переместилась за кухонную стойку.

Она так и не убралась после вчерашних приготовлений. Глиняные плошки с пастой все еще слабо светились. Арбалетный болт с серебряным наконечником валялся у задней двери. Нужно навести порядок и приготовить завтрак для немногочисленных постояльцев. А потом придумать, как...

Задняя дверь открылась, и кто-то вошел.

...разобраться с Теополисом. Она бесшумно выдохнула, глядя на его чистую одежду, на снисходительную улыбку. Он изрядно наследил грязными сапогами.

– Сайленс Монтейн. Чудесное утро, м-м?

«Тени, – подумала она. – У меня совсем нет на него сил».

Теополис подошел к окну закрыть ставни.

– Что ты делаешь? – спросила Сайленс.

– М-м? Не ты ли предупреждала меня, что не хочешь, чтобы нас видели вместе? Чтобы никому в голову не пришло, что я получаю за тебя вознаграждения? Я просто пытаюсь тебя защитить. Что-то случилось? Выглядишь ты ужасно. М-м?

– Я знаю, что ты сделал.

– Сделал? Но, видишь ли, я много чего делаю. Что именно ты имеешь в виду?

О, как же хотелось стереть эту ухмылку с его губ, вскрыть ему горло и выдавить этот противный ластпортский акцент. Но нельзя. Проклятье, он отличный актер. А у нее лишь подозрения, пусть и небеспочвенные. Но нет доказательств.

Бабка убила бы его не задумываясь. Неужели она так отчаянно хочет вывести его на чистую воду, что готова все потерять?

– Ты прятался в Лесу, – сказала Сайленс. – Когда Ред застал меня врасплох на мосту, я решила, что это он шуршал в темноте. Но нет, он сказал, что поджидал нас у моста. Тот шорох – это был ты. Это ты подстрелил его из арбалета, чтобы подтолкнуть, заставить пролить кровь. Зачем, Теополис?

– Кровь? – переспросил Теополис. – Ночью? И ты выжила? Ничего не скажешь, повезло. Невероятно. Что еще произошло?

Она промолчала.

– Я пришел за долгом, – продолжил Теополис. – А тебе, значит, некого сдать за вознаграждение, м-м? Похоже, все-таки придется воспользоваться моим документом. Как удачно, что я захватил копию. Чудесное решение для нас обоих. Ты не согласна?

– У тебя подошвы светятся.

Помедлив, Теополис глянул вниз. В свете остатков пасты грязь с его сапог мерцала голубым.

– Ты следил за мной, – сказала Сайленс. – Ты был там ночью.

Теополис медленно и невозмутимо поднял голову и шагнул вперед.

– И?

Попятившись, Сайленс уперлась пяткой в стену. Она вытащила ключ, открыла дверь позади себя. Теополис схватил ее за руку и дернул на себя. Она распахнула дверь.

– Собралась за припрятанным оружием? – глумливо усмехнулся он. – За арбалетом на полке в кладовой? Да, я о нем знаю. Я разочарован, Сайленс. Разве нельзя вести себя цивилизованно?

– Я никогда не подпишу твой документ, Теополис. – Сайленс сплюнула ему под ноги. – Я скорее умру. Скорее меня выгонят из дома. Можешь забрать постоянный двор силой, но я не стану тебе служить. Будь ты проклят, мне все равно, ублюдок. Ты...

Он отвесил ей пощечину, резко и хладнокровно.

– Заткнись.

Она отшатнулась.

– Ну и спектакль, Сайленс. Я что, единственный желаю, чтобы ты жила в соответствии со своим именем, м-м?

Щека горела от боли. Сайленс облизнула губу и коснулась лица: на кончике пальца блестела капелька крови.

– Думаешь, испугаюсь? – спросил Теополис. – Я знаю, что здесь мы в безопасности.

– Городской болван, – прошептала Сайленс и стряхнула каплю крови, попав ему в щеку. – Всегда следуй Простым правилам. Даже когда думаешь, что это необязательно. И я открыла не кладовку.

Нахмурившись, Теополис оглянулся на дверь. Та вела в маленькую молельню. Бабкину молельню Запредельному богу.

Снизу дверь была обита серебром.

В сумраке молельни вспыхнули красные глаза и проступил черный как смоль силуэт. Теополис в замешательстве обернулся.

Он не успел даже закричать: тень обхватила его голову руками и высосала из него жизнь. Тень была молодой и, несмотря на развевающие лохмотья, все еще хорошо сохраняла форму – высокая женщина с резкими чертами лица и кудрявыми волосами. Теополис разинул рот, его лицо усохло, глаза провалились вглубь черепа.

– Нужно было бежать, Теополис, – проговорила Сайленс.

Его череп начал крошиться. Тело осело на пол.

– Прячься от зеленых глаз, беги от красных. – Сайленс вытащила серебряный кинжал. – Твои правила, бабушка.

Тень повернулась к ней. Сайленс содрогнулась, заглянув в мертвые остекленевшие глаза праматери, которую любила и ненавидела.

– Ненавижу тебя. И благодарю, что привила мне эту ненависть.

Она подняла арбалетный болт с серебряным наконечником и выставила перед собой, но тень не нападала. Сайленс обогнула ее, заставляя отступить. Тень уплыла обратно в молельню, в которой Сайленс заточила ее много лет назад. Три стены молельни были обиты снизу серебром.

С колотящимся сердцем она закрыла дверь, замкнув барьер, и снова ее заперла. Несмотря на пролитую кровь, тень ее не тронула, словно помнила. Сайленс почти чувствовала себя виноватой за то, что столько лет держит эту душу взаперти.

После шести часов поисков Сайленс обнаружила тайную пещеру Теополиса практически там, где и думала, – в холмах неподалеку от Старого моста. Пещеру защищал серебряный барьер. За серебро можно выручить хорошие деньги.

Внутри Сайленс наткнулась на труп Честертона. Теополис притащил его в пещеру, пока тени убивали Реда и охотились за Сайленс. «В кои-то веки я рада, что ты был настолько жадным, Теополис».

Придется подыскать другого человека, который получал бы за нее вознаграждения. Это непросто, особенно в сжатые сроки. Сайленс выволокла труп наружу и перекинула через спину лошади Теополиса. Вернувшись на дорогу, она остановилась, потом прошла немного вперед и увидела иссохший труп Реда – кости да одежду.

Она выудила бабкин кинжал, поцарапанный и почерневший после схватки, и сунула в ножны на боку. Изнемогая от усталости, добрела обратно до постоянного двора и спрятала труп Честертона в холодном погребе за конюшней, бок о бок с останками Теополиса. Потом вернулась на кухню. Рядом с дверью в молельню, где раньше висел кинжал, она поместила серебряный арбалетный болт, благодаря которому Себруки, сама того не подозревая, спасла ей жизнь.

Что скажут власти форта, когда она станет объяснять смерть Теополиса? Может, стоит заявить, что в таком виде она его и нашла...

Сайленс замерла и улыбнулась.

– Похоже, повезло тебе, дружок. – Даггон потягивал пиво. – Белый Лис тебе больше не угроза.

Тощий парень, который по-прежнему настаивал, что его зовут Эрнест, сильнее вжался в стул.

– Как вышло, что ты до сих пор здесь? – спросил Даггон. – Я съездил аж в Ластпорт. Не ожидал застать тебя на обратном пути.

– Я нанялся на соседнюю ферму, – ответил парень с длинной шеей. – Работенка вовсе неплохая. Солидная.

– А что ж ты платишь за каждую ночь на постоялом дворе?

– Мне нравится, что тут спокойно. У поселенцев нет хорошей серебряной защиты. Они просто... позволяют теням шляться повсюду. Даже внутри. – Парня передернуло.

Пожав плечами, Даггон отсалютовал кружкой, когда мимо прохромала Сайленс Монтейн. Да, хороша. Надо и правда за ней приударить. Хмуро глянув на его улыбку, она шмякнула перед ним миску.

– Пожалуй, рано или поздно возьму ее измором, – решил Даггон сам для себя, когда она отошла.

– Придется постараться, – заметил Эрнест. – За последний месяц ее руки просили семь человек.

– Что?!

– Вознаграждение! – пояснил тощий парень. – За Честертон и его банду. Удачливая женщина, эта Сайленс Монтейн. Вот так обнаружить логово Белого Лиса.

Даггон уткнулся в миску. Ему не особенно нравилось, как все сложилось. Оказывается, все это время Белым Лисом был этот щеголь Теополис? Бедная Сайленс. Наверняка натерпелась страху, когда наткнулась на его пещеру и его самого внутри, всего иссушенного.

– Говорят, Теополис потратил последние силы, чтобы убить Честертон и затащить внутрь, – продолжил Эрнест. – И иссох, не успев добраться до своей серебряной пыли. Это очень в духе Белого Лиса – переть напролом к вознаграждению. Нескоро мы увидим такого же охотника.

– Нескоро, – согласился Даггон.

Конечно, лучше бы парень сохранил шкуру. О ком теперь травить байки? Не самому же платить за пиво.

Из-за соседнего стола поднялся какой-то парень в засаленной одежде и, пошатываясь, вышел на улицу. Всего полдень, а уже навеселе.

Что за люди. Даггон покачал головой и поднял кружку:

– За Белого Лиса.

Эрнест с ним чокнулся:

– За Белого Лиса, самого гнусного ублюдка, какого видел Лес.

– Пусть его душа обретет покой, – добавил Даггон. – Слава Запредельному, Лис решил, что мы не стоим его времени.

– Аминь, – согласился Эрнест.

– Впрочем, еще остается Кровавый Кент. Тот еще мерзавец. Молись, чтобы он тебя не раскусил, дружок. И нечего смотреть на меня такими невинными глазами. Это Лес. Здесь каждый что-нибудь да натворил, о чем другим знать не следует...

Послесловие

Эта история началась, когда мы с Джорджем Р.Р. Мартином подписывали книги для фанатов. Он спросил, пишу ли я малую форму.

Я ответил, что малая форма у меня в основном большая, и он пригласил меня поучаствовать в одной из его антологий, а это настоящая честь. Их с Гарднером Дозуа антологии – своего рода топ-лист для авторов фантастики. Сейчас Джорджа больше знают по его романам, но в нашей отрасли он всегда славился редакторскими навыками. (Кстати, Гарднер столь же знаменит, так что получить приглашение от них – своего рода привилегия.)

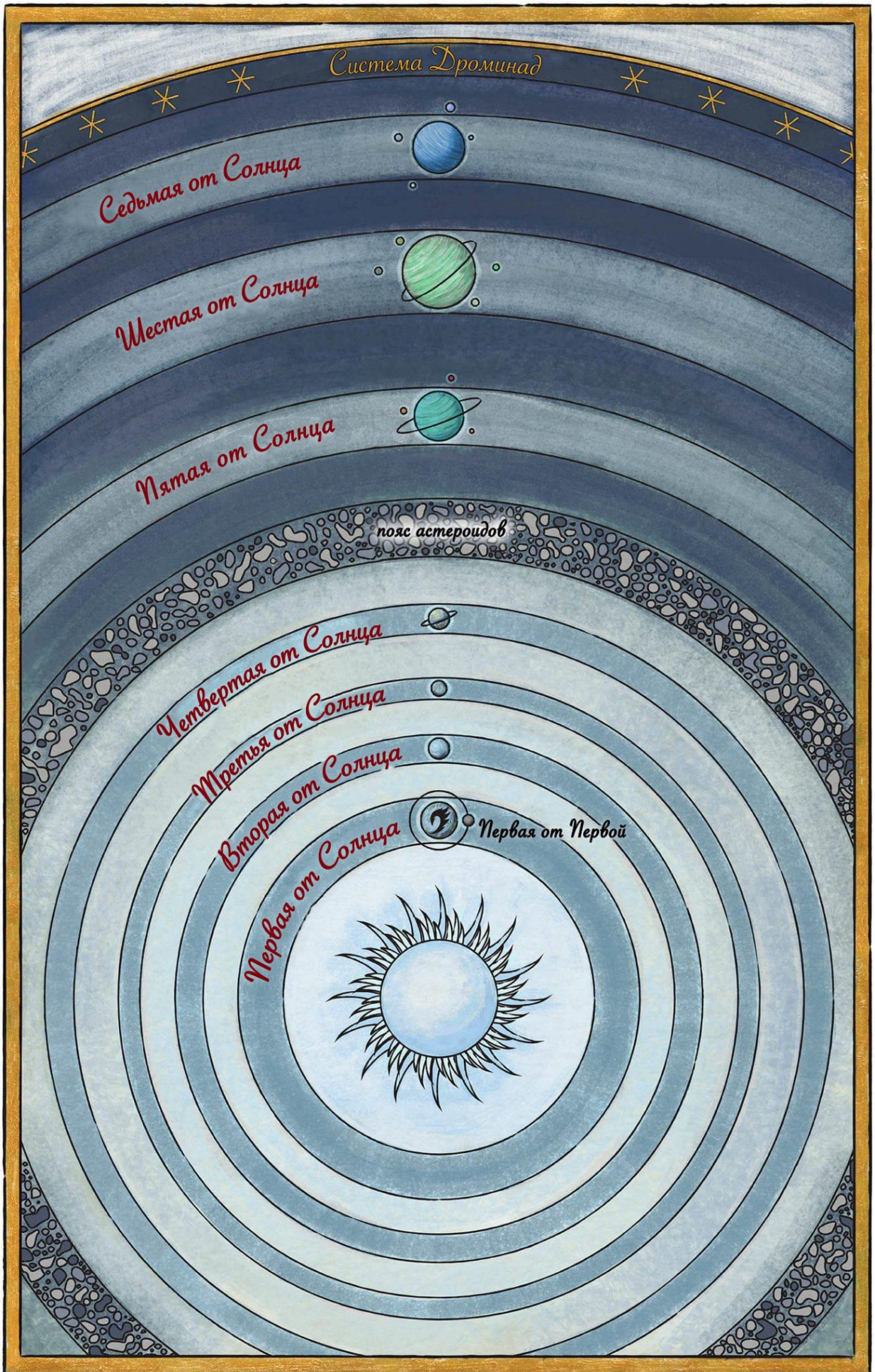
Я долго размышлял о характере антологии «Смертельно опасны». Я беспокоился, что все истории будут стереотипными, а женщины в них опасны на один лад (к счастью, это оказалось не так). Мне не хотелось писать очередное клише о роковой женщине или женщине-солдате, этаким мужике с грудью.

Как еще можно быть опасной? Я с самого начала решил, что главной героиней моей истории станет мать среднего возраста. Мир Тренодии был уже полностью выстроен, поскольку я знал, что он важен для Космера. Я поместил историю туда. Когда я изучал генеалогию для религиозных целей и наткнулся на женщину по имени Тишина, последний кусочек головоломки встал на место.

Кому придет в голову назвать дочь Сайленс? Такое по-пуритански красивое имя не подходит для большинства миров, но для Тренодии вписалось идеально. (Когда-нибудь кто-нибудь вытянет из нас, как по-настоящему зовут Нажа.) Из этого семечка выросла вся история.

Пара интересных заметок. Во-первых, правила поведения с призраками основаны (в общих чертах) на еврейских традициях касательно того, что можно и нельзя делать в шаббат. Айзек, наш неутомимый картограф, назвал планету Тренодия (он же дал имя Нажу). Сцену с мужчинами на постоялом дворе Сайленс два-три раза едва не вырезали: даже Гарднер был настроен скептически, когда начал читать повесть. В конце она себя оправдывает, поскольку переводит повествование к Сайленс и закольцовывает всю историю. Мне кажется, без этой сцены не обойтись, однако это означает, что повесть начинается далеко не с самого сильного эпизода.

В будущем вы, скорее всего, прочитаете другие истории по этому миру.

Система Дроминад

В Космере много обитаемых планет, до которых пока не добрались осколки. Жизни, чувства и убеждения людей, разумеется, важны независимо от планеты, но лишь немногие из таких планет имеют значение для Космера в целом.

Во многом это обусловлено тем, что возможность посетить планету (по крайней мере, в физической реальности) зависит от перпендикулярностей. Перпендикулярность позволяет перемещаться из Шейдсмара на саму планету. Если в мире нет перпендикулярности, его можно изучать из когнитивной сферы, но нельзя посетить.

Как правило, перпендикулярности возникают благодаря присутствию на планете осколка. Концентрация такого большого количества инвеститур в когнитивной и физической реальностях создает точки отклонения, в которых возникает что-то вроде туннелей. В этих точках физическая материя, когнитивная мысль и духовная суть сливаются воедино, и путешественник скользит между реальностями.

Наличие на планете перпендикулярности (в физической реальности она часто принимает вид бассейна концентрированной силы) – признак присутствия осколка. Вот почему Первая от Солнца так интересна.

В системе под названием Дроминад три замечательные обитаемые планеты с развитыми человеческими обществами (в обитаемой зоне есть и четвертая планета). Это уникально для Космера, с Дроминадом может соперничать только Рошарская система, но там одна из планет населена исключительно щепками.

На всех четырех планетах господствует вода. И на одной из них, первой планете, есть перпендикулярность.

Я так и не выяснила, откуда она взялась. Осколка в системе точно нет. Непонятно, что происходит, разве что это подсказка к событиям прошлого. Вероятно, где-то на планете есть и инвеститура, но у меня еще не было возможности исследовать Первую от Солнца лично. Территория вокруг перпендикулярности чрезвычайно опасна, и немногочисленные экспедиции, отправленные из Сребросвета, так и не вернулись.

Шестой на закате

В глубине вод охотилась смерть. Закат видел, как из темной синевы приближается гигантская тень шириной с полдюжины лодок. Сердце забилося сильнее, и он поискал взглядом Кокерлии, крепче сжав весло.

К счастью, пестрая птица сидела на своем обычном месте на носу лодки, подняв лапку и лениво покусывая коготки. Кокерлии опустил лапку и распушил перья, словно вовсе не замечая опасности в глубине.

Закат затаил дыхание. Он всегда так делал, когда не везло наткнуться на подобную тварь в открытом океане. Он не знал, как они выглядят под водой. И надеялся, что никогда не узнает.

Тень почти достигла лодки. Косяк тонковиков, проплывавший поблизости, выпрыгнул из воды серебристой волной. Спугнутые рыбешки дождем посыпались обратно. Тень продолжала плыть в том же направлении. Тонковики – чересчур мелкая добыча, чтобы привлечь такого хищника.

А вот те, кто в лодке...

Тень проплыла прямо под ними. Сак на плече у Заката тихонько защебетала: похоже, вторая птица почувствовала опасность. Во время охоты тени полагались не на обоняние и зрение, а на ментальное чутье. Закат снова посмотрел на Кокерлии – его единственную защиту от чудовища, способного проглотить суденышко целиком. Он не подрезал Кокерлии крылья, но в такие моменты отлично понимал, почему другие моряки предпочитали авиаров, которые не могут улететь.

Лодка мягко покачивалась. Перестали прыгать тонковики. О борта бились волны. Тень замерла? Медлит? Учужала их? Раньше всегда хватало защитной ауры Кокерлии, но...

Тень медленно растаяла. Уплыла на глубину, понял Закат. В считанные мгновения от нее не осталось и следа. Помедлив, он заставил себя достать новую маску. Это современное приспособление он купил лишь в позапрошлую поездку за припасами. Маска представляла собой стеклянную смотровую пластину с кожаными креплениями по бокам. Закат приложил ее к поверхности воды, наклонился и взгляделся в глубину. Вода стала настолько прозрачной, словно он находился в безмятежной лагуне.

Ничего. Только бесконечная глубина.

«Дурень! – Закат спрятал маску и взялся за весло. – Не ты ли только что думал, как хорошо бы никогда не видеть этих тварей?»

Однако, снова начав грести, он понял, что до конца плавания не сможет отделаться от ощущения, что где-то там, внизу, за ним следует тень. Такова природа океана – никогда не знаешь, что скрывается в глубине.

Закат направлял аутригер-каноэ, работая веслом и определяя местоположение по плеску волн. Волны служили ему не хуже компаса. Раньше подобным искусством владели все его соплеменники – ээлакины, – но теперь древние секреты знали только трапперы. Впрочем, в его мешке лежали новейший компас и новые навигационные карты. Высшие преподнесли их в качестве дара в свой прошлый визит в этом году. Считалось, что эти карты точнее, чем даже современные наблюдения ээлакинов, так что на всякий случай он приобрел себе комплект. Как говаривала мать, перемены не остановить, как не остановить прилив.

Он отсчитал не так уж много приливов, прежде чем показался первый остров. По сравнению с другими островами Пантеона Сори был маленьким и самым посещаемым. Его название означало «дитя». Закат отчетливо помнил уроки дяди на его берегах.

Давно он не сжигал приношение для Сори, несмотря на всю доброту острова к нему в юности. Наверное, небольшой дар будет уместным. Патжи не станет завидовать. Как можно завидовать Сори, самому незначительному из островов? Сори добр к каждому трапперу, а все другие острова Пантеона любят Сори.

В любом случае поживиться на Сори практически нечем. Закат продолжал грести, огибая оконечность архипелага, известного его народу как Пантеон. Издали тот мало отличался от родных островов ээлакинов, оставшихся в трех неделях пути.

Но это лишь издали. Вблизи различия были весьма ощутимы. Следующие пять часов кряду Закат греб мимо Сори и трех его кузенов. Его нога ни разу не ступала ни на один из них. Впрочем, он не высаживался и на многих других островах Пантеона, которых насчитывалось более сорока. В конце обучения траппер выбирал один остров на всю жизнь. Закат выбрал Патжи – лет десять назад, хотя казалось, что все случилось вчера.

В толще воды больше не было видно теней, но Закат оставался настороже. Не то чтобы он мог как-то себя защитить. Всю работу выполнял Кокерлии, безмятежно устроившийся на носу лодки, наполовину прикрыв глаза. Закат угостил его семечком. Кокерлии любил семена гораздо больше, чем сушеные фрукты.

Никто не знал, почему твари, подобные теням, обитали только здесь, в водах вблизи Пантеона. Почему не переплыть океан и не отправиться к Ээлакинским островам или к материку, где еды в изобилии, а авиары вроде Кокерлии встречаются гораздо реже? Раньше таких вопросов не задавали. Океан был таким, каким он был. Теперь же людям до всего есть дело. Они спрашивают «Почему?» и говорят «Нужно найти объяснение».

Закат покачал головой, макнув весло в воду. Этот звук – как дерево касается воды – сопровождал его большую часть жизни. Он понимал его куда лучше, чем болтовню людей.

Даже если иногда их вопросы застревали в голове и отказывались ее покидать.

Миновав три острова-кузена, большинство трапперов брали севернее или южнее, двигаясь по ответвлениям архипелага до нужного острова. Закат все так же держал курс к сердцу Пантеона, пока впереди не замаячили очертания самого крупного острова – Патжи. Он вздымался над морем словно гора. Неприветливые пики, крутые обрывы и непролазные джунгли.

«Здравствуй, старый душегуб. Здравствуй, Отец».

Закат втащил весло и положил его на дно лодки. Посидел немного, пожевал рыбы из вчерашнего ночного улова, скормил несколько кусочков Сак. Черноперая птица уплела их с важным видом. Кокерлии все так же сидел на носу, изредка щебеча. Ему не терпелось на сушу. Сак, похоже, никогда ничего не волновало.

Причалить к Патжи – задача не из легких даже для того, кто промышляет на его берегах. Лодка танцевала на волнах, а Закат раздумывал, как высадиться. В конце концов он отложил рыбу и снова взялся за весло. Несмотря на близость суши, здесь было глубоко. На некоторых островах Пантеона имелись защищенные бухты и

пологие отмели. Патжи не терпел подобных глупостей. Его берега были скалистыми и обрывистыми.

На Патжи нельзя расслабляться. Собственно, пляжи и были самой опасной частью острова: до тебя могли добраться не только сухопутные твари, ты оставался в пределах досягаемости глубоководных чудовищ. Дядя постоянно твердил об этом. Только безумец решится заснуть на пляже Патжи.

Начался прилив. Счастливо избежав встречи со скалами, способными разнести лодку в щепки, Закат причалил в относительно спокойном месте среди обломков камней и скальных выступов – типичном пляже Патжи. Кокерлии взмыл ввысь и полетел к деревьям, щебеча и вскрикивая.

Закат тут же посмотрел на воду. Теней не видно. Все равно он чувствовал себя голым, пока вытаскивал каноэ на камни. Теплая вода плескалась у ног. Сак не покидала плеча хозяина.

Неподалеку Закат заметил труп в волнах.

«Уже шлешь видения, дружочек?» – подумал он, взглянув на Сак.

Обычно она даровала свое благословение только после окончательной высадки на сушу.

Черноперая птица невозмутимо наблюдала за волнами.

Закат вернулся к каноэ. Труп в воде был его собственным. Предостережение держаться от того места подальше. Возможно, там притаился ядовитый анемон, готовый ужалить, или коварное подводное течение. Видения Сак не показывали подробностей, только предупреждали об опасности.

Закат вытащил каноэ на сушу, отсоединил балансир и привязал его понадежнее. Аккуратно потянул судно вглубь острова, следя за тем, чтобы не поцарапать корпус об острые камни. Нужно спрятать каноэ в джунглях. Если его найдет другой траппер, Закату придется провести на острове несколько недель, чтобы изготовить новое. Это было бы...

Он вдруг остановился, наступив пяткой на что-то мягкое. Опустил взгляд, ожидая увидеть под ногами комок водорослей, но обнаружил мокрый лоскут. Рубашка? Подняв его, Закат заметил другие, менее явные знаки: обломки досок, занесенные песком, обрывки бумаги, захваченные вихрем.

«Вот глупцы».

Он потащил каноэ дальше. На островах Пантеона нельзя спешить, но он ускорил шаг.

На границе джунглей ему на глаза снова попался труп, висящий на ближайшем дереве. В папоротникообразной кроне притаились лианы-резаки. Сак тихонько заклекотала на плече. Он поднял крупный булыжник и швырнул его в дерево. Тот отскочил от ствола, и действительно, сверху упала сеть усеянных шипами лиан.

Лианам понадобится несколько часов, чтобы втянуться обратно. Закат подтащил каноэ к дереву и спрятал в зарослях. Оставалось надеяться, что другие трапперы окажутся достаточно сообразительными, чтобы держаться подальше от лиан-резаков, а значит, не наткнутся на лодку.

Перед тем как окончательно замаскировать ее листвой, Закат поднял со дна заплечный мешок. За века сам промысел трапперов изменился не сильно, но современный мир мог предложить много полезного. Вместо набедренной повязки,

оставлявшей открытыми ноги и грудь, Закат надел штаны из плотной материи с накладными карманами и рубашку на пуговицах, которая защищала от острых веток и листьев. Вместо сандалий – прочные ботинки, вместо шипастой дубинки вооружился мачете из превосходной стали. В мешке лежали кое-какие роскошества: веревка со стальным крюком на конце, фонарь, а также кресало, высекающее искру при простом соприкосновении двух рычажков.

Закат мало походил на трапперов со старинных картин, что висели у него дома. Ему было все равно. Главное – остаться в живых.

Забросив мешок на плечо, он убрал мачете в ножны на боку. Сак перебралась на другое плечо. Прежде чем покинуть пляж, он задержался у своего призрачного трупа, который по-прежнему свисал с дерева на невидимых лианах.

Неужели он действительно мог так сглотить и угодить в лианы-резаки? Судя по всему, Сак предупреждала только о реальной опасности. Закату хотелось верить, что большинство смертей маловероятны – просто видения того, что могло произойти, если бы он проявил неосторожность или если бы дядя учил его недостаточно хорошо.

Раньше он обходил стороной все места, где видел свой труп. Теперь поступал наоборот, но причиной тому была отнюдь не храбрость. Просто... нужно смотреть опасности в лицо. Покидая пляж, он должен быть уверен, что способен справиться с лианами-резаками. Избегая опасности, быстро растеряешь всю сноровку. Нельзя полагаться исключительно на Сак.

Ибо Патжи попытается прикончить его при любом удобном случае.

Закат развернулся и побрел вдоль скалистого побережья. Наперекор инстинктам – обычно он старался побыстрее уйти вглубь острова. К сожалению, нельзя покидать пляж, пока он не выяснит, откуда взялся мусор. На этот счет у него имелись серьезные подозрения.

Он свистнул, и Кокерлии, спорхнув с ближайшего дерева, пролетел над его головой и закружился над пляжем. Чем он дальше, тем слабее защита, но островные твари, охотящиеся по волнам разума, не настолько большие и ментально сильные, как тени в океане. Закат и Сак останутся для них невидимыми.

Спустя полчаса он наткнулся на следы большого лагеря: разбитые ящики и обрывки веревок, притопленные в оставшихся после отлива лужах, клочья парусины, раздробленные в щепки доски – скорее всего, бывшие стены. Кокерлии приземлился на сломанную балку.

Закат нигде не видел свой труп. Видимо, это означало, что пока здесь безопасно. Однако вполне могло оказаться, что, кто бы его ни убил, проглотил труп целиком.

Он легко ступал по мокрым камням, обходя разрушенный лагерь. Хотя нет – не просто лагерь. Закат пробежался пальцами по обломку доски с надписью «Северная Объединенная Торговая Компания». Влиятельная торговая сила на его родине.

Он ведь говорил им. Твердил без устали не соваться на Патжи. Глупцы! Еще и лагерь разбили прямо на пляже! Неужели в компании все глухие? Закат остановился у выбоин в каменистом грунте – каждая шириной с предплечье и длиной с десяток шагов. Выбоины вели в океан.

«Тень, – подумал он. – Одна из этих подводных тварей».

Дядя рассказывал, как однажды повидал такую. Громадное... нечто вырвалось из океанских глубин, сцапало дюжину креллей, пасшихся на отмели, и скрылось с добычей.

Закат поежился, вообразив кишаций людьми лагерь на скалах: торговцы распаковывают ящики, готовятся возвести форт, о котором ему столько рассказывали. Куда же подевался корабль? Могучее железное судно на паровом ходу, которое, как они утверждали, выдержит атаку самых страшных глубоководных теней? Наверное, охраняет дно, став прибежищем тонковиков и осьминогов.

Насколько хватало взгляда, не было видно ни выживших, ни даже трупов. Скорее всего, тень проглотила их целиком. Закат отступил к кромке джунглей, где было чуть безопаснее, и осмотрел листву: торговцы могли попытаться спастись в зарослях и оставить следы. На них напали недавно, вчера или позавчера.

Он рассеянно угостил Сак семечком из кармана и заметил несколько сломанных пальмовых листьев, уводящих в джунгли. Значит, кто-то выжил. Может, даже человек шесть. Спасаясь, все второпях разбежались в разные стороны.

Нет лучшего способа умереть, чем нестись сломя голову через джунгли. Эти ребята из компании мнили себя суровыми и подготовленными. Как же они ошибались. Многих из так называемых «трапперов» Закат убеждал отказаться от задуманного плавания.

Ничего хорошего из этого не вышло. Ему хотелось обвинить Высших, чьи визиты провоцировали дурацкое стремление к прогрессу, но правда заключалась в том, что уже много лет компании вели разговоры насчет основания форпостов на Пантеоне. Закат вздохнул. Что ж, те, кто выжил, скорее всего, уже мертвы. Ничего не поделаешь, пусть следуют своей судьбе.

Хотя... Мысль о чужаках, блуждающих по Патжи, заставила содрогнуться от смеси беспокойства и раздражения. Они где-то здесь. Это неправильно. Эти острова священны, и трапперы – их служители.

Из ближайших кустов донесся шорох. Закат выхватил мачете и полез в карман за пращей, но это оказался не спасшийся чужак и даже не хищник. Нюхая воздух, наружу выползла стайка мелких, похожих на мышей существ. Сак пронзительно вскрикнула. Ей никогда не нравились микеры.

«Еда? – мысленно обратились микеры к Закату. – Еда?»

В его сознание устремились примитивные мысли. Отвлекаться не хотелось, но он не мог не угостить микеров сушеным мясом. Они сгрудились вокруг еды, посылая волны благодарности, и он разглядел у каждого острые зубки и одиночный клык на конце мордочки. По рассказам дяди когда-то микеры представляли для людей опасность. Один укус – и ты труп. Однако за века маленькие создания привыкли к трапперам. В отличие от других бестолковых животных микеры были разумными. Закат считал, что они почти такие же смышленные, как авиары.

«Вы помните? – мысленно обратился он к микерам. – Помните, зачем вы здесь?»

«Чужаки! – радостно откликнулись они. – Кусать чужаков!»

Трапперы не придавали значения микерам. Закат полагал, что если их немного натаскать, они могут стать сюрпризом для одного из конкурентов. Порывшись в кармане, он нащупал старое перо. Затем, не желая упускать возможность, вытащил из заплечного мешка несколько длинных ярко-зеленых и

красных перьев – из брачного наряда Кокерлии, сброшенных во время последней линьки.

В сопровождении взбудораженных микеров Закат направился в джунгли. Приблизившись к их логову, он раскидал перья по веткам, будто они упали здесь случайно. Проходящий мимо траппер заметит перья и сочтет, что где-то поблизости гнездо авиара и можно разорить кладку. На перья он непременно клюнет.

«Кусать чужаков!» – повторил Закат.

«Кусать чужаков!» – отозвались микеры.

Задумавшись, он помедлил. Может, они видели кого-нибудь из выживших и смогут указать направление?

«Вы видели чужаков? Недавно. В джунглях».

«Кусать чужаков!»

Микеры были разумными... но не слишком. Закат распрощался со зверьками и повернул в заросли. Мгновение поколебавшись, углубился в джунгли, пересек след одного из беглецов и пошел по нему. Он выбрал след, который, судя по всему, должен пройти в опасной близости от одного из его тайных убежищ в глубине острова.

Под пологом джунглей было жарко, несмотря на тень. Знойно, но в меру. Кокерлии догнал хозяина и уселся на ветку, где щебетали несколько авиаров помельче. Кокерлии возвышался над ними, но подпевал с энтузиазмом. Авиары, выращенные людьми, никогда не приспособлялись к жизни среди диких сородичей. То же самое можно сказать о людях, выросших среди авиаров.

Закат шел по следу беглеца, в любой момент ожидая наткнуться на его труп, однако ему время от времени попадалось только собственное мертвое тело. Оно валялось то полусъеденным в грязи, то под поваленным деревом, откуда торчали только ноги. С Сак на плече никогда не расслабишься. Неважно, правда или вымысел ее видения. Он нуждался в постоянных напоминаниях о том, как Патжи наказывает за беспечность.

Закат перешел на привычный, но довольно утомительный размашистый шаг. Так передвигался любой траппер Пантеона: внимательно, осторожно, не задевая листву, в которой скрывались жалящие насекомые. Не используя мачете без необходимости – чтобы не оставлять след, по которому его можно отыскать. Внимательно прислушиваясь, не выпуская авиара из виду – не обгоняя, но и не позволяя ему улететь далеко вперед.

Беглец не попался в обычные ловушки острова – он пересекал звериные тропы, а не шел по ним. Самый верный способ столкнуться с хищниками – вести себя, как добыча. Беглец не умел маскировать след, но не угодил в гнездо огнетрескучих ящериц, не задел кору смертосора, не наступил в лужу голодной грязи.

Может, это тоже траппер, молодой и не полностью обученный? Вполне в духе компании. Опытных трапперов нанять невозможно: ни один не согласится водить по островам отряд клерков и торговцев. Но вот юнец, еще не выбравший остров? Юнец, возможно, обиженный тем, что вынужден учиться только на Сори, пока его наставник не решит, что обучение закончено? Десять лет назад Закат сам испытывал сходные чувства.

Итак, компании все же удалось заполучить траппера. Теперь понятно, почему они набрались смелости наконец организовать экспедицию.

«Но Патжи? – подумал Закат, опускаясь на колени у небольшого ручья. Ручей не имел названия, но был ему знаком. – Почему они явились сюда?»

Ответ прост. Это торговцы. Для них чем больше, тем лучше. Зачем тратить время на более мелкие острова? Почему не отправиться напрямиком к Отцу?

Кокерлии уселся на ветку и принялся клевать фрукт. Беглец останавливался у этого ручья. Закат постепенно догонял мальчишку. По глубине следов в грязи он прикинул его вес и рост. Лет шестнадцать? Может, моложе. Трапперы начинали обучение в десять, но Закат не мог представить, чтобы компания наняла столь неопытного ученика.

«Прошел здесь часа два назад», – определил он, перевернув сломанный стебель и принявшись к соку.

Мальчишка по-прежнему держал путь к тайному убежищу Заката. Как? Он никогда никому о нем не рассказывал. Может, юнец учился у кого-то из трапперов, тоже промышлявших на Патжи. Один из них мог обнаружить убежище и рассказать ученику.

Закат нахмурился, размышляя. За десять лет на Патжи он встречал других трапперов лишь несколько раз. Когда это случалось, оба разворачивались и, не говоря ни слова, расходились в противоположных направлениях. Так принято. Они пытались убить друг друга, но не при личной встрече. Пусть лучше Патжи расправится с конкурентом, чем запятнать руки чужой кровью. Во всяком случае так наставлял дядя.

Порою Закат ловил себя на мысли, что подобное положение вещей его расстраивает. Рано или поздно Патжи доберется до каждого из них. Зачем помогать Отцу? Но так было принято, и он поспешил дальше. Так или иначе, беглец шел напрямиком к его убежищу. Может, юнец не понимает что к чему. Вдруг он ищет помощи, но боится вернуться в одно из убежищ наставника, опасаясь наказания. Или...

Нет, лучше не думать об этом. В голове и так крутилось слишком много сомнительных умозаключений. Что будет, то будет. Нужно сосредоточиться на джунглях и таящихся в них опасностях. Как только Закат отошел от ручья, перед ним неожиданно появился его труп.

Он прыгнул вперед и развернулся, услышав негромкое шипение. Из небольшой трещины в земле с характерным звуком вырвался воздух, следом хлынул поток крошечных желтых насекомых размером с булавочную головку. Новая колония смертоуравьев? Если бы он задержался там чуть дольше, тревожа их скрытое гнездо, они бы успели заползти в обувь. Один укус – и ты покойник.

Закат наблюдал за скоплением ползающих насекомых дольше, чем следовало. Они вернулись в гнездо, не найдя жертвы. Место их обитания часто выдавал бугорок на земле, но сегодня Закат ничего не заметил. Его спасло только видение Сак.

Такова жизнь на Патжи. Даже самый осторожный траппер может совершить ошибку, но смерть могла отыскать его и без этого. Патжи был деспотичным, мстительным родителем и жаждал крови каждого, кто ступал на его берега.

На плече защebetала Сак. Закат благодарно почесал ей шею. Она будто извинялась – предостережение едва не запоздало. Однако, если бы не птица, Патжи

добрался бы до него уже сегодня. Закат отогнал назойливые вопросы и продолжил путь.

Когда он наконец дошел до убежища, над островом стустились сумерки. Две из установленных растяжек оказались обезврежены. Ничего удивительного, они были намеренно плохо замаскированы. Закат прокрался мимо еще одного гнезда смертомуравьев – это было больше предыдущего, и старая трещина в земле позволяла насекомым в любой момент хлынуть на поверхность. Трещину заткнули тлеющей веткой. Грибницу ночеветрянок, которую он разводил много лет, залили водой, чтобы грибы не выбросили споры. Следующая пара растяжек, замаскированных уже более надежно, тоже была обрезана.

«Хорошая работа, малец!» – подумал Закат.

Юнец не только избежал ловушек, но и обезвредил их на случай, если придется убегать тем же путем. Но кто-то должен научить его не оставлять следов. Конечно, эти следы сами по себе могли оказаться ловушкой – попыткой заставить Зката потерять бдительность. Поэтому он лишь сильнее насторожился, продвигаясь вперед. Да, здесь юнец наследил еще больше: отпечатки обуви, сломанные стебельки, другие знаки...

Вверху, в кроне дерева что-то зашевелилось. Закат помедлил, прищурившись. С ветвей свисала женщина, пойманная в сеть из желетросных лиан – они вызывали онемение и лишали способности двигаться. Итак, одна из его ловушек все-таки сработала.

– Э-э-э... привет, – сказала женщина.

«Женщина. – Закат вдруг почувствовал себя глупцом. – Ступня меньше, шаг легче...»

– Сразу хочу пояснить, – произнесла незнакомка. – Я не собираюсь ни красть твоих птиц, ни нарушать границы твоей территории.

Закат подошел ближе, чтобы рассмотреть женщину в угасающем свете дня. Он узнал ее: одна из тех клерков, что присутствовали на встречах в компании.

– Ты обрезала мои растяжки. – Слова непривычно перекатывались на языке, и фраза вышла обрывистой, будто он проглотил пригоршню пыли, – следствие нескольких недель молчания.

– Э... да... Я думала, ты сможешь их заменить. – Она помедлила. – Прошу прощения.

Закат отступил на шаг назад. Женщина медленно вращалась вместе с сетью, в которую снаружи вцепился авиар. Как и его птицы, он был ростом с три кулака, но с бело-зеленым оперением. Стример – на Патжи эта порода не водилась. Закат почти ничего не знал о стримерах, кроме того, что, как и Кокерлии, они защищали разум от хищников.

Заходящее солнце удлиняло тени, небо темнело. Скоро придется затаиться на ночь, ибо с темнотой пробуждались самые опасные хищники острова.

– Клянусь, я не собираюсь ничего у тебя красть, – сказала женщина из своих пут. Как же ее звали? Наверняка ему говорили, но он не мог припомнить имя. Что-то нетрадиционное. – Ты ведь меня помнишь? Мы встречались в компании.

Он не ответил.

– Пожалуйста, – добавила она. – Я бы предпочла не висеть вниз головой на дереве и истекать кровью, привлекая хищников. Если ты не против.

– Ты не траппер.

– Ну, нет. Наверняка ты заметил, что я женщина.

– Бывали и женщины-трапперы.

– Лишь одна. Была только одна женщина-траппер, Ялани Отважная. Я сто раз слышала ее историю. Может, тебе будет любопытно узнать, что почти в каждом обществе есть миф о женщине, занимающейся мужской работой. Она отправляется на войну, переодетая мужчиной, или ведет в бой отцовское войско, или промышляет на острове. Я убеждена, что подобные истории существуют только для того, чтобы родители могли сказать дочерям: «Ты не Ялани».

Женщина оказалась болтливой. Даже слишком. Как и многие на Ээлакинских островах. У нее была такая же смуглая кожа, как у Заката, и говорила она на языке его народа, но этот ее легкий акцент... Закат все чаще слышал его на родных островах. Так разговаривали те, кто получил образование.

– Можно меня спустить? – Ее голос немного дрожал. – Я не чувствую рук. Мне... не по себе.

– Как тебя зовут? Я подзабыл.

Слишком много болтовни. Слова резали слух. Здесь должно быть тихо.

– Вати.

Точно. Неподобающее имя. Не указывает ни на очередность, ни на день рождения. Такие имена носили жители материка. Теперь они не редкость и среди его соплеменников.

Закат подошел и, потянув за веревку на соседнем дереве, опустил сеть. Авиар женщины спорхнул вниз с раздраженным криком, оберегая одно крыло – очевидно, раненый. Вати грохнулась на землю мешаниной темных кудряшек и складок зеленой льняной юбки. Вскочила на ноги, но снова упала. Онемение от лиан пройдет минут через пятнадцать.

Она села и помахала руками, разгоняя кровь.

– Значит... обойдемся без кровопусканий и подвешиваний вниз головой?

– Это байки для детей, – проговорил Закат. – На самом деле мы так не делаем.

– Вот как.

– Будь ты траппером, я прикончил бы тебя на месте, чтобы не дать возможности отомстить.

Закат подошел к ее авиару. Тот разинул клюв и зашипел, расправив крылья, чтобы казаться внушительнее. Сак подала голос с плеча хозяина, но птица женщины словно и не заметила.

Действительно, одно крыло в крови. Закат с удовлетворением отметил, что Вати знала достаточно, чтобы позаботиться об авиаре. Некоторых его соплеменников совершенно не волновали нужды птиц, к ним относились скорее как к инструментам, нежели к разумным существам.

Вати выщипала перья вокруг раны, в том числе и окровавленные, и перевязала рану бинтом. Крыло все равно выглядело скверно. Возможно, перелом. Закат перевязал бы оба крыла, чтобы авиар не мог взлететь.

– Ох, Миррис. – Вати наконец сумела подняться на ноги. – Я пыталась ей помочь. Но видишь, мы упали, когда чудовище...

– Возьми ее. – Закат оглядел небо. – И иди за мной. След в след.

Она кивнула, хотя онемение еще не прошло. Без единой жалобы подобрала с лиан небольшой заплечный мешок и расправила юбку. На ней был облегающий жилет, а из мешка торчала какая-то металлическая трубка. Футляр для карт? Вати подхватила авиара, и тот с радостью устроился на ее плече.

Закат прокладывал путь, а она ступала следом, не пытаясь напасть сзади. Уже хорошо. Темнота сгущалась все сильнее, но до убежища было рукой подать, и он знал дорогу чуть ли не наизусть. Пока они шли, Кокерлии спорхнул вниз, уселся на свободное плечо Вати и дружелюбно защебетал.

Закат остановился и обернулся. Авиар женщины, отодвинувшись подальше от Кокерлии, прицепился возле лифа и негромко шипел. Кокерлии, как всегда ни на что не обращающий внимание, продолжал выдавать счастливые трели. К счастью, эта порода так хорошо скрывала разум, что даже смертоуравьи посчитали бы его не съедобнее куска коры.

– Это... твой? – Вати взглянула на Заката. – Хотя конечно. Птица у тебя на плече не авиар.

Сак нахохлилась. Она и правда не авиар. Закат пошел дальше.

– Никогда не встречала траппера с птицей, которая не с островов, – слышалось из-за спины.

Это был не вопрос. Так что он не считал нужным ответить.

Убежище – всего на острове у него их было три – располагалось на вершине невысокого холма, к которому вела извилистая тропинка. В ветвях массивного дерева гурра ждала однокомнатная хижина. Деревья – одни из самых безопасных мест для ночлега на Патжи. Их кроны служили пристанищем для авиаров, а большинство крупных хищников передвигалось по земле.

Закат зажег фонарь и поднял повыше, залив хижину оранжевым светом.

– Наверх, – скомандовал он женщине.

Вати оглянулась на темные джунгли. В свете фонаря Закат отметил ее красные от недосыпания глаза, хоть она и одарила его беспечной улыбкой, прежде чем подняться по прибитым к стволу колышкам. Онемение уже должно было пройти.

– Как ты узнала? – спросил он.

Вати помедлила возле люка, ведущего в хижину.

– Узнала что?

– Где находится мое убежище. Кто тебе рассказал?

– Я шла по журчанию. – Она кивнула на ручеек, стекающий по склону холма. – Обнаружив ловушки, поняла, что иду в правильном направлении.

Закат нахмурился. Ручей невозможно услышать: через сотню ярдов он скрывался под землей и опять показывался на поверхность в совершенно неожиданном месте. Дойти сюда по журчанию... вряд ли возможно.

Так она лжет или ей просто повезло?

– Ты хотела найти меня, – сказал он.

– Я хотела найти хоть кого-нибудь. – Вати откинула люк. Изнутри хижины ее голос зазвучал глуше. – Я поняла, что траппер – моя единственная надежда на спасение.

Она подошла к одному из затянутых сеткой окошек. Кокерлии так и не покинул ее плеча.

– Здесь мило. Довольно просторно для хижины, которую построили на склоне холма посреди смертоносных джунглей на уединенном острове, да еще и в окружении чудовищ.

Закат вскарабкался следом с фонарем в зубах. В комнатке два на два шага с трудом можно было выпрямиться в полный рост.

– Вытряхни одеяла, – кивнул он на стопку в углу и повесил фонарь. – Потом переверни и проверь все чашки и миски на полке.

Женщина округлила глаза:

– Что там искать?

– Смертомуравьев, скорпионов, пауков, кровочесов... – Закат пожал плечами и пересадил Сак на жердочку у окна. – Хижина непроницаемая, но мы на Патжи. Отец любит преподносить сюрпризы.

Когда Вати нерешительно сняла заплечный мешок и принялась за дело, он поднялся по лесенке на крышу. Там были оборудованы два ряда птичьих домиков с гнездами внутри и отверстиями, чтобы авиары могли свободно сновать туда-обратно. Птицы никогда не улетали далеко, разве что в особых случаях, так как выросли здесь под его неусыпной заботой.

Кокерлии уселся на один из птичьих домиков, издавая трели, но негромко, поскольку уже стемнело. Из домиков донеслось ответное щебетание. Закат выбрался на крышу и проверил, не повредила ли какая из птиц лапку или крыло. Эти авиары были делом всей его жизни. Птенцы – главный товар для продажи. Конечно, он промышлял на острове – искал гнезда и диких птенцов, – но это никогда не было так же эффективно, как разведение.

– Тебя ведь зовут Шестой? – спросила Вати снизу, вытряхивая одеяло.

– Да.

– Большая семья, – отметила она.

Обычная семья. Или считалась таковой по старым меркам. Его отец родился двенадцатым, а мать – одиннадцатой.

– Шестой, а дальше? – не унималась Вати.

– На закате.

– Значит, ты родился вечером. Всегда считала традиционные имена очень... э-э... описательными.

«Что за бессмыслица, – подумал он. – Почему островитяне не могут помолчать, даже когда говорить не о чем?»

Он перешел к следующему гнезду, осмотрел пару сонных птиц, затем их помет. Птицы радовались ему. Авиар, выросший среди людей, а особенно еще птенцом приученный делиться даром с человеком, всегда воспринимал людей как членов стаи. Эти птицы не были его спутниками, как Сак и Кокерлии, но он все равно относился к ним по-особенному.

– В одеялах насекомых нет, – объявила Вати, высунувшись из люка со своим авиаром на плече.

– Чашки?

– Сейчас посмотрю. Значит, тут ты разводишь авиаров?

Это было очевидно, поэтому Закат не счел нужным ответить.

Вати наблюдала, как он проверяет птиц. Он чувствовал ее взгляд.

– Почему твоя компания не прислушалась к нашим советам? – наконец спросил он. – Отправиться сюда – чудовищная ошибка.

– Согласна.

Он повернулся к Вати.

– Согласна, – повторила она. – Наша экспедиция наверняка станет чудовищной ошибкой, но она лишь приблизит нас еще на шаг к заветной цели.

Следующей была Сизисру. Закат осматривал птицу в свете восходящей луны.

– Глупости.

Наполовину высунувшись из освещенного квадрата люка, Вати уперлась руками в крышу хижины.

– Думаешь, наши предки не ошибались, когда осваивали океанские маршруты? А что насчет первых трапперов? Вы передаете знания из поколения в поколение – знания, накопленные путем проб и ошибок. Если бы первые трапперы посчитали исследования «глупостями», что бы с вами стало?

– Первые трапперы были хорошо подготовленными одиночками, а не целым кораблем клерков и грузчиков.

– Мир меняется, Шестой на закате, – негромко произнесла Вати. – Людям с материка требуется больше авиаров. Вещи, доступные раньше только богачам, теперь по карману простым людям. Мы столько всего узнали, но авиары остаются загадкой. Почему птенцы, выросшие на обитаемых островах, лишены дара? Почему...

– Глупые доводы. – Закат посадил Сизисру обратно в гнездо. – Не хочу больше это слышать.

– А Высшие? – продолжала Вати. – Что насчет их технологий, их чудес?

Помедлив, Закат достал пару толстых перчаток и указал на бело-зеленого авиара. Вати успокаивающе поцокала и обхватила птицу обеими ладонями. Та пару раз раздраженно клюнула ее пальцы.

Закат бережно принял птицу руками в перчатках – его она стала бы клевать более решительно – и размотал наложенную Вати повязку. Очистил рану, вызвав бурю протеста со стороны авиара, и аккуратно перевязал заново. Затем прибинтовал крылья к телу, не слишком туго, чтобы птица могла дышать.

Ей его действия явно не понравились. Однако в полете она могла еще больше повредить сломанное крыло. В конце концов с помощью клюва она избавится от повязки, но, если повезет, крыло успеет зажить. Закончив, Закат усадил ее к своему авиару, и тот попытался успокоить взволнованную птицу негромким дружелюбным щебетанием.

Вати, похоже, была довольна тем, что ее авиар какое-то время пробудет здесь, и с интересом наблюдала за происходящим.

– Можешь переночевать в убежище. – Закат повернулся к ней.

– А потом? Отправишь меня в джунгли на верную смерть?

– Ты прекрасно справилась по пути сюда, – неохотно ответил он. Вати не траппер. Но и ученые не способны на то, что удалось ей. – Ты наверняка выживешь.

– Мне повезло! У меня никогда не получится пересечь весь остров.

Закат помедлил.

– Пересечь остров?

– Чтобы добраться до главного лагеря компании.

– На острове есть еще кто-то из ваших?

– Я... Конечно. Ты же не думал, что...

– Что вы затеяли?

«Ну и кто теперь недоумок? – подумал Закат. Нужно было все выяснить с самого начала.

Слова. Никогда они ему не давались.

Вати отшатнулась, округлив глаза. Он выглядел угрожающим? Возможно, он слишком грубо рывкнул последний вопрос. Не важно. Рот у нее не закрывается, а значит, он получит ответ.

– Мы разбили лагерь на дальнем берегу, – сказала она. – У нас два железных корабля с пушками для наблюдения за водой. Они справятся даже с глубинниками. Двести солдат, сотня ученых и клерков. Мы намерены выяснить раз и навсегда, почему наделены даром только те авиары, что родились на островах Пантеона. Моя команда отправилась разведать берег и найти подходящее место для второго форта. Компания твердо намерена удержать Патжи. Я считала, что посылать небольшой отряд – плохая затея, но у меня были причины попасть на эту сторону острова. Так что я присоединилась к ним. А потом глубинник... – Вати выглядела неважно.

Закат почти не слушал. Двести солдат? Они облепят остров, как муравьи – упавший фрукт. Невыносимо! Он представил, как тишину джунглей нарушат возбужденные голоса. Незваные гости будут кричать, бряцать металлом, истопчут все вокруг. Как в городе.

Из люка показался пучок темных перьев, а затем и их обладательница, Сак. Черноперая птица вскарабкалась на край люка рядом с Вати, а потом заковыляла по крыше к Закату, расправив крылья. С левой стороны виднелись шрамы. Ей было тяжело пролететь даже дюжину футов.

Закат нагнулся почесать ей шею. Итак, вторжение началось. Нужно найти способ его остановить. Так или иначе...

– Сожалею, Закат, – сказала Вати. – Я восхищаюсь трапперами. Я читала о ваших обычаях и уважаю их. Но рано или поздно это должно было случиться. Это неизбежно. Острова будут покорены. Авиары слишком ценные, чтобы оставлять их в руках пары сотен чудаковатых охотников.

– Совет...

– Все двадцать членов совета единодушно согласились с планом. Я была там. Если ээлакины не возьмут под свою защиту острова и авиаров, этим займется кто-нибудь другой.

Закат уставился в темноту.

– Спустись и проверь, нет ли насекомых под чашками.

– Но...

– Спустись, – повторил он, – и проверь, нет ли насекомых под чашками!

Женщина тихо вздохнула, но вернулась в комнату, оставив его с авиарами. Закат почесывал шею Сак, пытаясь успокоиться. Смел ли он надеяться на то, что тени окажутся смертельно опасными для компании и ее железных кораблей? Вати казалась очень уверенной.

«Она не рассказала, почему примкнула к разведывательному отряду».

Она видела тень, стала свидетельницей гибели команды, но не потеряла самообладания и отыскала его лагерь. Сильная женщина. Не стоит это забывать.

Кроме того, она была типичным представителем компании, настолько далеким от его образа жизни, насколько это вообще возможно. Закат мог понять солдат, ремесленников, даже членов совета, но учтивые клерки, которые потихоньку завоевывали мир мечом торговли, сбивали с толку.

– Отец, как быть? – прошептал он.

Патжи безмолвствовал, отзываясь лишь привычными ночными звуками: его обитатели рыскали в зарослях, преследовали добычу, шуршали. По ночам авиары спали, и у самых опасных хищников острова появлялся шанс. Вдалеке пронзительно вскрикнул ночеглот, его жуткий вопль эхом разнесся по джунглям.

Сак расправила крылья и, подавшись вперед, начала покачивать головой взад-вперед. Вопли ночеглота всегда вызывали у нее дрожь. Как и у Заката.

Закат со вздохом поднялся, устроив Сак на плече, а когда повернулся, то едва не споткнулся о собственный труп. Он сразу насторожился. Откуда ждать беду? Лианы в ветвях? Паук тихонько спускается сверху? В убежище не должно быть ничего опасного.

Сак вскрикнула, словно от боли.

Всполошились и другие авиары, на Заката обрушилась какофония клетота, крика и чириканья. И не только они! Со всех сторон, вблизи и вдали, отдавались эхом крики диких авиаров. Птицы шумели в листве, словно в кронах деревьев гулял сильный ветер.

Закат кружился на месте, заткнув уши и выпучив глаза: вокруг появлялись все новые трупы. Они громоздились кучей, один на другом: одни распухшие, другие окровавленные, третьи вообще скелеты. Они преследовали его. Десятки и сотни трупов.

Он с воплем рухнул на колени и столкнулся нос к носу с одним из трупов. Только этот... был не совсем мертв. Кровь капала с губ, судорожно пытавшихся что-то произнести, но Закат не понял ни слова.

Видение рассеялось.

Трупы исчезли все до единого. Закат исступленно крутанулся на месте, но не увидел тел. Крики авиаров стихли, птицы в гнездах успокоились. Он глубоко вдохнул и выдохнул, сердце бешено колотилось. Напряжение было такое, словно в любой момент из окружающего мрака могла вырваться тень и поглотить его. Он чувствовал ее приближение. Ему хотелось убежать сломя голову.

Что это было? За все годы, проведенные с Сак, он никогда не видел ничего подобного. Что могло всполошить всех авиаров сразу? Крик ночеглота?

«Не глупи, – подумал Закат. – Это нечто совсем другое, с таким ты никогда не сталкивался. Такое никогда не встречалось на Патжи».

Но что? Что изменилось?..

В отличие от остальных птиц Сак не успокоилась. Она устремила взгляд на север, где, по словам Вати, располагался главный лагерь захватчиков.

Закат спустился в комнату с Сак на плече.

– Что творят ваши люди?

Вати смотрела в окошко, выходящее на север. Она обернулась на его резкий тон.

– Я не...

Закат схватил ее за жилетку и притянул к себе, сверля взглядом:

– Чем вы там занимаетесь?

Ее глаза расширились. Он почувствовал, как она дрожит в его руках, хоть и стиснула зубы и удерживает взгляд. У клерков не бывает такой выдержки. Закат видел, как они марают бумагу в своих каморках без окон. Он крепче стиснул жилетку, так что ткань врезалась в ее кожу, и понял, что тихо рычит.

– Отпусти меня, – вымолвила Вати, – и мы поговорим.

– Вот еще! – Он разжал пальцы.

Она с глухим стуком коснулась пола. Закат даже не отдавал себе отчета, что оторвал ее на пару дюймов от земли.

Вати попятилась, стараясь отодвинуться от него, насколько позволяла хижина. Он подошел к окну и выглянул сквозь сетку в темноту. Его труп свалился с крыши и ударился о землю. Закат отпрыгнул назад, опасаясь, что снова началось то же самое.

Нет, ничего подобного. Однако, отвернувшись от окна, он увидел в углу очередной труп с приоткрытыми окровавленными губами и остекленевшим взглядом. В чем бы ни заключалась опасность, она не миновала.

Вати сидела на полу, держась за голову. Ее трясло. Неужели он так сильно ее напугал? Она выглядела измученной. Обняв себя за плечи, она посмотрела на него с новым выражением – словно на дикого зверя, сорвавшегося с цепи.

Действительно, похоже.

– Что ты знаешь о Высших? – спросила она.

– Они живут меж звезд, – ответил Закат.

– Представители компании встречались с ними. Нам их не постичь. Они похожи на нас внешне и временами говорят, как мы. Но у них есть... правила, законы, в которые нас не посвящают. Они отказываются продавать свои диковины, но и им будто запрещено принимать что-либо от нас, даже в обмен. Они обещают, что все изменится, когда мы станем более развитыми. Они считают нас неразумными детьми.

– Какое нам до них дело? Для нас же лучше, если они оставят нас в покое.

– Ты не видел, на что они способны. – В глазах Вати появилось отстраненное выражение. – Мы только-только научились строить корабли, которые могут плавать сами, против ветра. Но Высшие... плавают по небесам, путешествуют меж звезд. Они знают так много, но ничего не хотят нам рассказывать.

Покачав головой, она полезла в карман юбки.

– Им что-то нужно от нас, Закат... Что заинтересовало Высших? По их словам, есть много миров, подобных нашему, чьи обитатели не способны путешествовать меж звезд. Мы не уникальные, однако Высшие возвращаются снова и снова. Им что-то нужно. Это видно по их глазам...

– Что это? – Закат кивнул на вещицу, которую Вати достала из кармана и держала на ладони. Та походила на раковину моллюска, только с похожей на зеркало поверхностью.

– Это устройство, – ответила она. – Как часы, только заводить не нужно. Оно показывает... разные штуки.

– Какие штуки?

– Например, переводит с одного языка на другой. С нашего – на язык Высших. А еще... указывает местоположение авиаров.

– Что?

– Это вроде карты, – объяснила Вати. – Указывает направление к авиарам.

– Вот как ты нашла убежище. – Закат шагнул к ней.

– Да. – Женщина потерла устройство большим пальцем. – У нас не должно быть таких вещей. Эта принадлежала эмиссару, которого послали работать с нами. Пару месяцев назад он подавился за обедом и умер. Оказывается, они могут умереть даже по столь банальной причине. После этого мое отношение к Высшим... поменялось. Они спрашивали про его приборы, и скоро нам придется их вернуть. Судя по этой вещице, им нужны авиары. Высшие всегда ими восхищались. Мне кажется, они ищут способ выторговать птиц, не нарушая своих законов. Еще они дали понять, что нам может грозить опасность, – не все их сородичи чтят законы.

– Но почему авиары так отреагировали только сейчас? – Закат повернулся к окну. – Почему...

«Почему я видел то, что видел? И вижу до сих пор».

Куда бы он ни посмотрел, взгляд наткнулся на его собственный труп: придавленный деревом, валяющийся в углу хижины, свисающий с люка в крыше. Растяпа. Нужно было его закрыть.

Сак зарылась в его волосы, как делала всегда, когда поблизости рыскал хищник.

– Есть еще... и второй прибор, – призналась Вати.

– Где?

– На нашем корабле.

Именно в том направлении смотрели авиары.

– Второй прибор значительно больше, – добавила Вати. – У этого ограниченная дальность действия. Устройство на корабле может создать огромную карту размером с целый остров, а затем перерисовать ее на бумагу. Точками будет отмечено местоположение каждого авиара.

– И?

– Мы собирались запустить его сегодня вечером. Подготовка занимает несколько часов, как разогрев печи. По плану его должны были включить сразу после заката, чтобы воспользоваться им утром.

– Остальные запустят его без тебя? – настойчиво спросил Закат.

Вати скривилась:

– Легко. Капитан Юсто, наверное, приплясывал от радости, когда я не вернулась из разведки. Все переживал, что я захвачу руководство над экспедицией. Но устройство безвредное, оно просто засекает авиаров.

– Вы включали его раньше? – Закат махнул рукой во тьму. – Когда вы использовали его в последний раз, это привлекло внимание всех авиаров? Переполошило их?

– Вообще-то нет. Но все уже успокоились, верно? Волноваться не о чем.

Не о чем? Сак на его плече дрожала. Закат повсюду видел смерть. Когда они включили прибор, появились горы трупов. Если его запустят снова, случится нечто ужасное. Он был в этом уверен. Кожей чувствовал.

– Их нужно остановить.

– Что? – возмутилась Вати. – Сейчас?

– Именно. – Закат подошел к тайнику в стене. Открыв, начал перебирать содержимое: запасной фонарь, масло.

– Это безумие! Никто не шляется по островам ночью.

– Однажды я это уже делал. Вместе с дядей.

Его дядя как раз погиб в том походе.

– Закат, ты же не серьезно? Там ночеглоты. Я их слышала.

– Ночеглоты охотятся по волнам разума. – Он паковал снаряжение. – Они почти полностью глухие и слепые. Если будем двигаться быстро и срежем через центр острова, к утру доберемся до вашего лагеря. И сможем помешать снова запустить устройство.

– Но зачем?

Он закинул мешок на плечо.

– Если мы не вмешаемся, они уничтожат остров.

Вати нахмурилась, склонив голову набок.

– Откуда ты знаешь? С чего ты вообще это взял?

– Твоего авиара придется оставить здесь из-за раны. – Вопрос он проигнорировал. – Если с нами что-то случится, он не сможет улететь. – То же самое можно было сказать про Сак, но без нее он никуда не пойдет. – Верну его тебе, когда покончим с прибором. Пошли.

Он открыл люк в полу.

Вати встала, но тут же прижалась к стене:

– Я останусь здесь.

– Ваши мне не поверят, – сказал Закат. – Тебе придется уговорить их остановиться. Так что ты идешь.

Вати облизнула губы – похоже, она так делала, когда нервничала. Посмотрела по сторонам, ища пути к бегству, затем снова на него. Закат тут же увидел свой труп, висящий на прибитых внизу колышках, и подскочил на месте.

– Что это было? – требовательно спросила Вати.

– Ничего.

– Ты постоянно озираешься по сторонам. Что там тебе мерещится, Закат?

– Идем. Сейчас же.

– Ты слишком долго пробыл на острове в одиночестве. – Она явно пыталась его успокоить. – Наше прибытие выбило тебя из колеи. Ты не в состоянии мыслить ясно. Я понимаю.

Он глубоко вздохнул:

– Сак, покажи ей.

Птица сорвалась с его плеча и перелетела к Вати. Та повернулась к ней, нахмурившись.

Через мгновение она, охнув, упала на колени и скорчилась у стены. Глаза метались по сторонам, губы беззвучно шевелились. Немного помедлив, Закат вытянул руку. Сак взмахнула черными крыльями и, обронив перышко на пол, снова устроилась на плече хозяина. Даже такой короткий полет был для нее испытанием.

– Что это было? – спросила Вати.

– Пошли. – Закат подхватил заплечный мешок и начал спускаться.

Вати бросилась к крышке люка.

– Нет! Скажи, что это было?

– Ты видела свой труп.

– Они были везде, куда бы я ни взглянула.

– Таков дар Сак.

– Не бывает такого дара.

Закат посмотрел на нее снизу вверх, наполовину спустившись с дерева:

– Ты видела свою смерть. Вот что случится, если твои друзья запустят устройство. Смерть. Для всех. Для авиаров, для всех, кто здесь обитает. Не знаю почему, но знаю, что так и будет.

– Ты нашел новый вид авиаров, – произнесла Вати. – Как?.. Когда?..

– Дай фонарь.

Она в замешательстве повиновалась. Он взял фонарь в зубы и спустился на землю. Потом поднял его повыше, чтобы осветить склон холма.

Чернильные ночные джунгли. Как морская бездна.

Закат поежился, потом свистнул. Кокерлии спикировал сверху на свободное плечо. Он скроет мысли, так что у них есть шанс. Все равно будет непросто. Хищники охотились по волнам разума, но многие умели выслеживать добычу и по запаху, и с помощью других органов чувств.

Вати спустилась вслед за Закатом. Из ее заплечного мешка все так же торчала странная трубка.

– У тебя два авиара, – сказала она. – Ты используешь сразу обоих?

– У моего дяди их было три.

– Как это вообще возможно?

– Авиарам нравятся трапперы.

Так много вопросов. Неужели трудно хоть немного подумать, прежде чем что-то спрашивать?

– Мы и правда собираемся это сделать, – прошептала Вати себе под нос. – Ночью через джунгли. Надо было остаться. Надо было отказаться...

– Ты видела, что случилось бы с тобой тогда.

– Я видела лишь, как, по твоему утверждению, я умру. Новый вид авиара... Уже столетия не бывало ничего подобного.

В ее голосе еще звучало сомнение, но она пошла за Закатом, когда тот отправился вниз по склону холма, обходя ловушки и углубляясь все дальше в джунгли.

Под деревом сидел его труп. Закат немедленно осмотрелся в поисках угрозы, но, похоже, дар Сак не работал как обычно. Нависшая над островом гибель была настолько всепоглощающей, что сглаживала более мелкие опасности. Пока устройство не уничтожено, полагаться на видения Сак нельзя.

Над их головами сомкнулись густые тропические заросли. Было жарко, несмотря на ночное время. Океанский бриз не проникал так далеко вглубь острова. В застоявшемся воздухе витали запахи джунглей: плесени, гниющих листьев, ароматы цветов. Их сопровождали звуки оживающего острова. В кустах что-то постоянно шуршало, напоминая возню личинок в куче сухой листвы. Света фонаря не хватало, чтобы освещать путь как следует.

Вати держалась как можно ближе к Закату.

– Зачем ты это делал раньше? – прошептала она. – В прошлый раз?

Опять вопросы. К счастью, звуки не слишком опасные.

– Я был ранен. Нужно было добраться из одного убежища в другое, ради противоядия из запасов дяди.

А все потому, что у Заката дрожали руки, и он уронил склянку.

– И ты выжил? Ну конечно, выжил. Я имею в виду, это удивительно, вот и все. Казалось, она говорит только затем, чтобы наполнить звуками воздух.

– Что, если они следят за нами? – спросила она, вглядываясь во мрак. –

Ночеглоты.

– Не следят.

– Откуда тебе знать? В этой темноте может скрываться все, что угодно.

– Если бы ночеглоты нас заметили, мы уже были бы мертвы. Вот откуда я знаю.

Покачав головой, Закат вытащил мачете и срубил несколько веток перед собой. На них могли притаиться смертомуравьи. Их трудно заметить в темноте, поэтому прикасаться к листве было не самым разумным решением.

«Все равно от этого никуда не деться, – подумал он, спускаясь в овражек, дно которого покрывала грязь. Приходилось идти по камням, чтобы не увязнуть. Вати следовала за ним с удивительной ловкостью. – Нужно идти быстро. Я не могу срубить все ветки на пути».

Закат перепрыгнул с камня на другую сторону овражка, миновав свой тонуший в грязи труп. Неподалеку он заметил еще один, прозрачный и потому почти невидимый. Он поднял фонарь повыше. Неужели снова?

Другие трупы не появлялись. Только эти два. А тот, что прозрачный... точно, там провал в земле. Сак тихонько чирикнула, и Закат достал ей из кармана семечко. Она придумала, как помогать ему. Прозрачные видения означали непосредственную угрозу, необходимо следить именно за ними.

– Спасибо, – прошептал он авиару.

– Эта твоя птица... – Вати понизила голос во мраке ночи. – Есть ли другие такие?

Они выбрались из овражка и направились дальше, миновав в темноте след крелля. Закат сделал знак остановиться, когда они едва не наступили на смертомуравьев. Вати посмотрела на цепочку крошечных желтых насекомых,двигающихся по прямой.

– Закат? – позвала она, когда они обошли смертомуравьев. – Есть ли другие такие? Почему ты не продаешь птенцов на рынке?

– У меня нет птенцов.

– То есть ты нашел только одного?

Вопросы, вопросы. Как назойливые мухи.

«Не будь дураком, – сказал он себе, подавляя раздражение. – Ты бы тоже спросил, если бы увидел кого-то с новым авиаром».

Он старался держать существование Сак в тайне. Много лет даже не брал ее с собой, когда покидал остров. Но когда птица повредила крыло, Закат не захотел оставлять ее одну.

В глубине души он знал, что однажды тайна выплывет наружу.

– Таких, как она, много. Но дар только у нее.

Он продолжил орудовать мачете, а Вати замерла на месте. Обернувшись, он увидел, что она одиноко стоит посреди проложенной тропы. Закат вручил ей фонарь.

– Эта птица с материка. – Вати подняла фонарь выше. – Я сразу поняла, как только ее увидела, но решила, что она не авиар, ведь у материковых птиц не бывает дара.

Закат отвернулся и продолжил расчищать тропу.

– Ты привез птенца на Пантеон, – прошептала Вати за его спиной. – И он обрел дар.

Закат с размаху срубил ветку и пошел дальше. Опять же, она не задала вопроса, так что отвечать необязательно.

Вати с фонарем поспешила догнать его, и перед Закатом легла его собственная тень.

– Наверняка кто-то уже проделывал такое. Наверняка...

Он не знал.

– Хотя с какой стати? – продолжила она негромко, словно беседуя сама с собой. – Авиары уникальны. Все знают, у какой породы какой дар. Никому ведь не придет в голову, что рыба научится дышать воздухом, если вырастет на земле. Так же никому не придет в голову, что обычная птица станет авиаром, если вырастет на Патжи...

Они продолжали идти сквозь мрак. Закат избежал многих опасностей, но понял, что вынужден почти полностью полагаясь на помощь Сак. Не идти вдоль ручья – в воде колыхнется твой труп. Не прикасаться к дереву – кора сочится ядовитой гнилью. Свернуть с тропинки – там твой труп с укусом смертомуравья.

Сак не разговаривала с ним, но каждое послание было ясным. Когда он остановился, чтобы Вати попила из фляги, и взял Сак на руки, то обнаружил, что птица дрожит. Она даже не клюнула его, как обычно делала в таких случаях.

Они остановились на небольшой полянке, окруженные крошечной тьмой. Небо затянули облака. Вдалеке слышался шум дождя по листве. Здесь это не редкость.

Подали голос ночеглоты: сначала один, за ним другой. Они так вопили, только убив или пытаясь спугнуть добычу. Стада креллей часто ночевали рядом с авиарами. Переполоши птиц, и почувешь креллей.

Вати достала трубку: не футляр для карт и вовсе не научную штуковину, судя по тому, как она держала ее, засыпая что-то внутрь с одного конца. Закончив, она подняла трубку, словно оружие. У ее ног лежал искалеченный труп Заката.

Он не стал спрашивать об оружии, даже когда она вытащила что-то вроде короткого легкого копья и вставила его в трубку. Никакое оружие не пробьет толстую кожу ночеглота. Ты либо избежал с ним встречи, либо уже мертв.

На плечо Заката спланировал щебечущий Кокерлии. Похоже, темнота сбивала авиара с толку. Почему они в джунглях ночью, когда птицы обычно помалкивают?

– Нужно двигаться. – Он усадил Сак на другое плечо и вытащил мачете.

– Ты понимаешь, что твоя птица все меняет? – тихо произнесла Вати, следуя за ним с мешком на плече и трубкой в руке.

– Появится новый вид авиаров, – прошептал Закат, перешагивая через свой труп.

– Если бы только это. Закат, мы считали, что у птенцов, выросших вдали от островов, не развиваются способности, потому что рядом нет других птиц, которые бы их обучали. Мы считали, что их способности врожденные, как, например, наша

способность говорить. Она передается от родителей детям, но нам требуется помощь, чтобы развить ее.

– Может, так и есть, – ответил он. – Представителей других видов, вроде Сак, едва ли можно обучить разговаривать.

– А твоя птица? Ее обучали другие?

– Возможно.

Закат не стал говорить, что думает на самом деле. Это касалось только трапперов. Впереди на земле лежал труп.

Не его труп.

Он тут же вскинул руку, предупреждая очередной вопрос Вати. Что тут произошло? С большей части скелета содрана плоть, вокруг валяются клочья одежды, словно пировали животные. Возле трупа проросли маленькие, похожие на грибок растения, покрыв его крошечными красными усиками.

Закат поднял взгляд на могучее дерево, у подножия которого лежал труп. Цветы на дереве не распустились. У него вырвался вздох облегчения.

– Кто это сделал? – прошептала Вати. – Смертомуравьи?

– Нет. Перст Патжи.

Она нахмурилась.

– Это что... какое-то ругательство?

– Название. – Закат осторожно шагнул вперед, чтобы осмотреть труп.

Мачете. Сапоги. Видавшее виды снаряжение. Погиб один из его товарищей. Закат узнал его по одежде – пожилой траппер по имени Первый в полдень.

– Название чего? – Вати заглянула ему через плечо.

– Название дерева. – Он осторожно ощупывал одежду мертвеца – в нее могли забраться насекомые. – Посвети-ка.

– Никогда не слышала о таком дереве, – заявила Вати скептически.

– Они растут только на Патжи.

– Я много читала о флоре этих островов...

– Здесь ты просто ребенок. Посвети.

Вздыхнув, Вати подняла фонарь. Закат палкой проверил карманы изорванной одежды. Траппера загрызла стая клыкоходов – крупных хищников размером с человека, охотившихся в основном днем. Их передвижения были предсказуемыми, если только какой-нибудь клыкоход не натыкался на Перст Патжи в пору цветения.

Вот она. В кармане мужчины обнаружилась книжечка. Закат взял ее и отступил назад. Вати заглянула ему через плечо. Островитяне держались так близко друг к другу. Разве обязательно стоять прямо у локтя?

Закат просмотрел первые страницы и обнаружил список дат. Судя по последней записи, Полдень умер всего пару дней назад. Следующие страницы содержали сведения об убежищах и пояснения о ловушках. На последней странице было прощание: «Меня зовут Первый в полдень. Наконец Патжи забрал меня. Мой брат живет на Сулуко. Позаботься о них, конкурент».

Всего несколько слов. Хорошо. Закат носил с собою похожую книжечку, и на ее последней странице было написано еще меньше.

– Он просит позаботиться о его семье? – поинтересовалась Вати.

– Не глупи. – Закат спрятал книжечку. – О птицах.

– Как трогательно. А я столько слышала, что трапперы до последнего защищают свою территорию.

– Так и есть. – Он отметил про себя, как она произнесла последнюю фразу – словно считала трапперов животными. – Но наши птицы погибнут без ухода, они привыкают к людям. Лучше передать их конкуренту, чем обречь на верную смерть.

– Даже если этот конкурент тебя убил? Ваши ловушки, попытки вредить друг другу...

– У нас так принято.

– Ужасное оправдание, – сказала она, посмотрев на дерево.

Она была права.

Ветви массивного дерева клонились вниз. Каждая заканчивалась крупным нераспустившимся цветком размером в две ладони.

– Ты вроде бы спокоен, – заметила Вати. – Хотя, похоже, траппера убило это дерево.

– Они опасны, только когда цветут.

– Споры?

– Нет.

Закат подобрал мачете погибшего траппера, но другие вещи не тронул. Пусть их заберет Патжи. Отец так любил убивать своих детей. Он пошел дальше, уводя за собой Вати и не обращая внимания на собственный труп, привалившийся к стволу дерева.

– Закат? – Вати подхватила фонарь и поспешила следом. – Если дело не в спорах, то как убивает это дерево?

– Очень много вопросов.

– Смысл моей жизни в вопросах. И в ответах. Раз уж мои люди будут работать на этом острове...

Размахнувшись мачете, Закат срубил несколько веток.

– Этого не избежать, – произнесла Вати тише. – Я сожалею, Закат, но ты не можешь остановить прогресс. Возможно, моя экспедиция потерпит неудачу, но придут другие.

– Все из-за Высших, – огрызнулся он.

– Наверное, они нас подтолкнули. Да, когда мы убедим их в том, что стали достаточно развитыми, чтобы торговать с нами, мы будем путешествовать меж звезд, как они. Но перемены произойдут и без них. Мир меняется. Одному человеку не замедлить процесс, как бы он ни старался.

Закат остановился посреди тропы.

«Нельзя остановить прилив, Закат. Как бы ты ни старался».

Слова его матери. Одно из последних воспоминаний о ней.

Он продолжил путь. Вати шла следом. Она ему еще понадобится, хотя предательский голосок внутри нашептывал, как легко от нее избавиться. Вместе с ней исчезнут вопросы и, что важнее, ответы. Ответы, к которым она так близка.

«Ты не в силах помешать...»

Не в силах. Его всегда охватывала бессильная злоба. Он очень хотел защитить остров, как столетиями делали его предшественники. Он трудился в джунглях Патжи, любил его птиц, обожал его запахи и звуки – вопреки всему. Как же он мечтал доказать Отцу, что он и другие трапперы достойны ступить по его земле.

Возможно... Возможно, если...

Как бы не так. Смерть женщины не поможет уберечь остров. Кроме того, неужели он пал так низко, что готов хладнокровно расправиться с беспомощным клерком? Он не поступил бы так даже с другим траппером, разве что тот вторгся бы в его убежище и отказался уходить.

– Цветки того дерева могут думать, – неожиданно для себя произнес Закат, после того как они повернули прочь от холма, за которым рыскала стая клыкоходов. – Персты Патжи. Сами деревья не опасны, даже когда цветут, но они привлекают хищников. Имитируют мысли раненого зверя, полные боли и отчаяния.

У Вати перехватило дыхание.

– Растение, которое передает ментальные сигналы? Ты уверен?

– Да.

– Мне нужен один из тех цветков.

Свет фонаря задрожал, когда она повернула обратно.

Закат резко развернулся и схватил ее за руку.

– Нужно двигаться.

– Но...

– У тебя еще будет возможность. – Он глубоко вздохнул. – Скоро ваши люди расползутся по острову, как черви по падали. Ты найдешь другие деревья. А сейчас нужно идти. Скоро рассвет.

Он отпустил ее и продолжил прокладывать путь. Для жительницы островов она была умна. Может, послушает.

И она послушала – последовала за ним.

Персты Патжи. Первый в полдень, погибший траппер, не должен был умереть в том месте. Деревья и правда не такие опасные. Они жили тем, что распустившимися цветками приманивали хищников. Те убивали друг друга, а деревья питались трупами. Должно быть, Полдень набрел на дерево, когда оно только начинало расцветать, и столкнулся с хищниками.

Защиты авиара не хватило, чтобы оградить от множества распустившихся цветков. Мог ли он ожидать подобной смерти? Проведя много лет на острове, избежав гораздо более страшных опасностей, угодить в ловушку простых цветков? Со стороны Патжи это казалось чуть ли не насмешкой над беднягой.

Вскоре дорога пошла на подъем. Придется идти в гору, пока они не доберутся до противоположного склона и спустятся на другую сторону острова. К счастью, дорога лежала в обход главной вершины Патжи – скалистого пика, возвышавшегося над восточной частью острова. Убежище Заката располагалось на юге, а лагерь Вати – на северо-востоке, так что они могли обогнуть подножие горы и выйти на северное побережье.

Они набрали темп, и какое-то время Вати молчала. Наконец, преодолев особенно крутой подъем, Закат кивком объявил привал и присел на корточки, чтобы напиться из фляжки. На Патжи нельзя беспечно расслаживаться на пнях и бревнах.

Погрузившись в тревожные и даже досадные размышления, он слишком поздно увидел, чем занята Вати. Она заметила длинное разноцветное перо, застрявшее в ветвях. Брачное перо.

Закат вскочил на ноги.

Вати потянулась к нижним ветвям.

Как только она дернула ветку, с ближайшего дерева сорвалась связка шипов. Закат рванулся вперед, заслонив женщину. Длинный тонкий шип пронзил его руку и окровавленный вышел с тыльной стороны, остановившись в волоске от щеки Вати.

Она завизжала.

Большинство хищников на Патжи не могло похвастать хорошим слухом, но кричать все равно неразумно. Однако Закату было не до этого. Он выдернул шип, и, не обращая внимания на кровотечение, осмотрел другие шипы ловушки.

Яда нет. К счастью, шипы не отравлены.

– Твоя рука! – воскликнула Вати.

Он фыркнул. Рука не болела. Пока. Вати полезла в заплечный мешок за бинтом. Он принял помощь без жалоб и стонов, даже когда пришла боль.

– Мне так жаль! – выпалила Вати. – Я нашла брачное перо! Значит, рядом гнездо авиаров, и я хотела поискать на дереве. Мы наткнулись на убежище другого траппера?

Она тараторила без умолку, занимаясь его рукой. Логично. Когда он нервничал, становился еще молчаливее. А она наоборот.

Вати хорошо управилась с повязкой, снова удивив его. Шип не задел главных артерий. Рана оказалась неопасной, но пользоваться левой рукой будет непросто. Это раздражало. Когда Вати закончила, глядя робко и виновато, он поднял оброненное ею брачное перо.

– Это символ твоего невежества, – грубо прошептал Закат, держа перо прямо перед ее носом. – На островах Пантеона ничто не достается легко и просто. Перо оставил другой траппер, чтобы подловить того, кто не достоин находиться здесь, того, кто прельстится доступностью добычи. Не будь такой. Прежде чем сделать шаг, спроси себя: не слишком ли все легко?

Вати побледнела и взяла перо.

– Идем.

Закат пошел дальше и вдруг осознал, что только что произнес наставление для ученика. Наставление, которое дают после первой серьезной ошибки. Ритуал трапперов. Что заставило его так поступить?

Вати шагала следом, пристыженно опустив голову. Она не поняла, какую честь он ей оказал, пусть и невольно. Так они шли около часа.

Когда она заговорила, Закат по непонятной причине почти обрадовался ее голосу, нарушившему привычные звуки джунглей.

– Прости.

– Не извиняйся. Просто будь осторожна.

– Я понимаю. – Вати глубоко вздохнула. – И сожалею. Не только о твоей руке, но и об этом острове. О том, что грядет. Мне кажется, это неизбежно, но я бы не хотела, чтобы умерла такая великая традиция.

– Я...

Слова. Он терпеть не мог подбирать слова.

– Я... я родился не на закате, – наконец произнес он, затем срубил топь-лиану и задержал дыхание. Ядовитый газ топь-лианы был опасен лишь несколько мгновений.

– Что? – переспросила Вати, держась подальше от топь-лианы. – Ты родился...

– Мать назвала меня не по времени рождения. Она видела, что наступает закат нашего народа, и часто повторяла, мол, скоро солнце для нас зайдет.

Он оглянулся на Вати и пропустил ее вперед на небольшую полянку.

Как ни странно, она улыбнулась ему. И чего он разоткровенничался? Закат последовал за ней, укоряя себя. Он ведь даже дяде не говорил, только родители знали, откуда взялось его имя.

Он не понял, почему рассказал это ей, клерку из зловредной компании. Однако... выговорившись, Закат почувствовал облегчение.

За спиной Вати меж двух деревьев выскочил ночеглот.

Огромное чудовище, выпрямившись, достало бы до верхушки дерева. Ночеглот крался, наклонившись вперед. Основной вес туши приходился на мощные задние лапы, передние скребли когтями землю. Он вытянул длинную шею и разинул смертоносный, острый как бритва клюв. Зверюга походила на птицу в той же степени, что волк – на домашнюю собачонку.

Закат метнул мачете – инстинктивно, некогда было думать, некогда бояться. Щелкающий клюв размером с дверь настиг бы их за пару мгновений.

Мачете скользнуло по клюву и даже поранило голову. Отвлечшись, ночеглот промедлил. Закат прыгнул к Вати. Она отстранилась и уперла трубку одним концом в землю. Нужно оттащить ее, в...

Прогремел оглушительный взрыв.

Вати стояла в клубах дыма с широко раскрытыми глазами. Она уронила фонарь, и масло разлилось. Неожиданный грохот ошеломил Заката, и он чуть не врезался в женщину. Ночеглот пошатнулся и завалился набок, а земля содрогнулась от падения огромной туши.

Закат обнаружил, что тоже лежит на земле. Он вскочил и отпрянул от бьющегося в конвульсиях ночеглота в считанных дюймах от себя. В неровном свете фонаря он разглядел гладкую, в пупырышках, как у ошипанной птицы, шкуру чудовища.

Ночеглот мертв. Вати убила его.

Она что-то сказала.

Вати убила ночеглота.

– Закат! – Голос звучал будто издалика.

Он коснулся ладонью лба, запоздало покрывшегося испариной. В раненой руке пульсировала боль, но в остальном он не пострадал. Хотелось убежать. Он никогда не горел желанием оказаться столь близко от одной из этих тварей. Никогда.

Она и правда его убила.

Потрясенный, он повернулся к Вати. Та дрожала, но хорошо это скрывала.

– Сработало, – проговорила она. – Мы не были уверены, хотя изготовили их специально для ночеглотов.

– Как пушка, – сказал Закат. – Как корабельная пушка, только ручная.

– Верно.

Он снова повернулся к чудовищу, в котором еще теплилась жизнь. Ночеглот дернулся и испустил жалобный вопль, потрясший Заката, хотя после выстрела слух еще не вернулся полностью. Копье попало ночеглоту прямо в грудь.

Чудовище содрогнулось и дернуло ослабевшей лапой.

– Мы могли бы перебить их всех. – Закат подскочил к Вати и схватил ее здоровой рукой. – С такими пушками мы могли бы перебить их всех. Всех ночеглотов. А может, и теней!

– Ну, это обсуждалось. Однако они важная часть экосистемы островов. Если уничтожить хищников высшего порядка, возможны нежелательные последствия.

– Нежелательные последствия? – Закат провел левой рукой по волосам. – Они исчезнут. Все! Меня не волнует, если это приведет к другим проблемам. Лишь бы они сдохли.

Фыркнув, Вати подняла с земли фонарь и притоптала загоревшуюся траву.

– А я-то думала, трапперы радеют о природе.

– Так и есть. Поэтому я знаю, что без этих тварей всем будет только лучше.

– Ты разрушаешь мои романтические представления о трапперах, Закат. – Она обошла умирающее чудовище.

Подняв руку, Закат свистнул, и Кокерлии спорхнул с верхних веток. В суматохе он не заметил, как птица улетела. Сак по-прежнему мертвой хваткой цеплялась за плечо, когти впились в кожу сквозь ткань. Закат не обращал внимания. Кокерлии приземлился на руку и виновато защебетал.

– Ты ни при чем. Это ночные хищники. Даже не чувствуя наш разум, они могут нас унюхать.

Считалось, что у ночеглотов отменное обоняние. Этот, видимо, наткнулся на их след и пошел по нему.

Опасные твари. Дядя утверждал, что ночеглоты умнеют. Они понимали, что, выслеживая людей, нельзя полагаться только на волны разума.

«Нужно было пересечь больше ручьев», – подумал Закат.

Он успокаивающе погладил шею Сак. Просто нет времени...

Его труп попался на глаза, куда бы он ни повернулся: распластанный на камне, висящий в лианах, придавленный лапой умирающего ночеглота...

Зверь дернулся еще раз, затем, как ни удивительно, поднял страшную голову и испустил последний вопль. Не такой громкий, как обычные крики в ночи, но все равно внушающий ужас и пробирающий до костей. Закат невольно отступил, а Сак нервно заклекотала.

Вдалеке послышались пронзительные крики других ночеглотов. Заката учили, что подобные звуки – вестники смерти.

– Уходим. – Он потянул Вати прочь от умирающего чудовища, которое опустило голову и затихло.

– Закат?

Она не сопротивлялась.

Крик ночеглота вновь разрезал тишину ночи. На этот раз ближе?

«О Патжи, пожалуйста, – мысленно взмолился он. – Только не это».

Закат потащил Вати еще быстрее и потянулся к мачете на боку, но его там не было. Он метнул его в ночеглота. Тогда он вытащил оружие, подобранное у погибшего конкурента. Они покинули поляну и углубились в джунгли, больше не заботясь о том, что могут наткнуться на смертомуравьев.

Надвигалась более страшная опасность.

Снова раздались крики смерти.

– Они приближаются? – спросила Вати.

Закат промолчал. Это был вопрос, но он не знал ответа. По крайней мере, слух восстанавливался. Он отпустил руку Вати и ускорил шаг почти до бега – гораздо быстрее, чем следовало передвигаться по джунглям, неважно, днем или ночью.

– Закат! – прошипела Вати. – Они идут на зов умирающего? Какие у них повадки?

– Откуда мне знать? Я не слышал, чтобы раньше кому-нибудь удавалось убить ночеглота.

В свете фонаря его взгляд снова зацепился за трубку на ее плече.

Закат остановился, хотя инстинкты кричали, чтобы он продолжал двигаться. Он почувствовал себя дураком.

– Твое оружие, – сказал он. – Ты можешь использовать его еще раз?

– Да. Еще один раз.

– Один?

Сзади послышалось с полдюжины воплей.

– Да. У меня с собой только три копыя и пороха на три выстрела. Первый я истратила на тень, но без особого успеха.

Закат замолчал и потащил Вати дальше сквозь заросли, не обращая внимания на раненую руку – повязку требовалось сменить. Крики раздавались снова и снова, возбужденные, душераздирающие. Как спастись от ночеглотов? Авиары цеплялись за него, по одному на каждом плече. Когда они преодолевали узкий глубокий овраг, пришлось перепрыгнуть через собственный труп.

«Как спастись? – думал Закат, вспоминая наставления дяди. – Прежде всего – не привлекать их внимание!»

Ночеглоты были шустрыми. Кокерлии скроет его разум, но если твари взяли след возле убитого сородича...

Вода. Закат остановился, посмотрел направо, потом налево. Где найти ручей? Патжи – остров. Основной источник воды здесь – дождь. Крупнейшее и единственное озеро находилось выше, ближе к вершине. С восточной стороны несколько отвесных скал образовывали Око Патжи, в котором скапливалась дождевая вода. Река – его слезы.

Вести туда Вати было опасно. Они уже обошли склон горы, держа путь через центр острова к северному побережью. Почти добрались...

Пронзительные крики за спиной подстегнули его. Патжи придется простить ему то, что он собирался сделать. Закат схватил Вати за руку и повернул на восток. Она не жаловалась, только не переставая оглядывалась через плечо.

Вопли звучали все ближе.

Закат побежал. Он никогда не думал, что будет так бегать по Патжи: очертя голову, напролом. Он перепрыгивал через ямы и замшелые упавшие стволы. Продирался сквозь темный подлесок, распугивая микеров и тревожа сонных авиаров в кронах деревьев. Глупость. Безумие. Но не все ли равно? Он нутром чувствовал, что ничто ему не страшно. На него вели охоту владыки острова. Прочая мелюзга не посмеет перейти им дорогу.

Вати поспевала за ним с трудом. Ей здорово мешала длинная юбка, но она догоняла его каждый раз, когда приходилось останавливаться, чтобы прорубить путь через заросли. Упорная, отчаянная. Закат надеялся, что она справится, и она справлялась. Часть его сознания, не поддавшаяся панике, пребывала в восхищении.

Из этой женщины получился бы выдающийся траппер. Однако она, скорее всего, уничтожит всех трапперов.

Он застыл, когда крики за спиной раздались совсем близко. Вати ахнула, а Закат снова принялся за дело. Уже недалеко. Истекая потом, он прорубился сквозь густые заросли и побежал. В пляшущем свете фонаря джунгли представляли устрашающими тенями, танцующими на стволах, листве, папоротниках и скалах.

«Ты сам виноват, Патжи, – с неожиданной злобой подумал Закат. Казалось, что крики звучат прямо над головой. Не хруст ли веток слышен позади? – Мы твои служители, но ты ненавидишь нас! Ты всех ненавидишь».

Он выскочил из джунглей на берег реки. Небольшая по меркам материка, но сойдет. Закат повел Вати прямо в реку, расплескивая холодную воду.

Они направились вверх по течению. Что еще оставалось? Идя в обратном направлении, они бы лишь приблизились к тем крикам, вестникам смерти.

«Вестникам заката», – подумалось ему.

Едва доходящая до икр вода оказалась ледяной. Самая холодная вода на острове, хотя Закат не знал почему. Поскальзываясь и спотыкаясь, они из последних сил бежали вверх по реке. Миновав каньон с отвесными, покрытыми лишайником стенами в два человеческих роста, они очутились у озера.

Место, куда людям вход заказан. Место, в котором Закат побывал лишь однажды. Перед ними распростерлось уединенное изумрудное озеро.

Закат потащил Вати прочь от реки, в заросли. Может, она не заметит. Они притаились, и он поднес палец к губам, а затем пригасил фонарь. У ночеглотов не слишком хорошее зрение, так что, возможно, приглушенный свет сослужит хорошую службу, и не одну.

Так они и ждали на берегу маленького озера, надеясь, что вода унесет их запах и это собьет с толку ночеглотов. Котловину озера окружали отвесные скалы, и другого выхода, кроме реки, не было. Если ночеглоты пойдут вверх по течению, Закат и Вати окажутся в ловушке.

Послышались визги. Твари добрались до реки. Вокруг было почти совсем темно, и Закат зажмурился. Он молился Патжи, которого любил и ненавидел.

– Что за?.. – тихонько ахнула Вати.

Все-таки увидела. А как же иначе, ведь она искатель, исследователь. Та, кто задает вопросы.

Разве обязательно задавать столько вопросов?

– Закат! Там авиары, в кронах! Сотни авиаров.

В ее негромком голосе проскальзывали нотки страха. Но даже перед лицом смерти она все увидела и не могла смолчать.

– Ты их видел раньше? Что это за место? – Она помедлила. – Так много молодняка. Они едва научились летать...

– Они прилетают сюда, – прошептал он. – Каждая птица с каждого острова. Весь молодняк должен побывать здесь.

Он открыл глаза и взглянул наверх. Фонарь почти не горел, но его хватало, чтобы рассмотреть птиц в ветвях. Некоторые зашевелились из-за света и шума и заволновались еще больше, когда крики ночеглотов раздались совсем близко.

Сак на плече испуганно верещала. Кокерлии в кои-то веки молчал.

– Каждая птица с каждого острова... – повторила Вати, увязывая все воедино.
– Они все прилетают сюда, в это место. Ты уверен?

– Да.

Все трапперы это знали. Нельзя ловить птицу, пока она не побывает на Патжи. Иначе у нее не будет дара.

– Они прилетают сюда, – произнесла Вати. – Мы знали, что они мигрируют между островами... Но почему сюда?

Был ли смысл продолжать скрывать тайну? Она все равно поймет. Тем не менее Закат не отвечал. Пусть сама догадается.

– Здесь они обретают дар? Как? Они учатся? Так ты превратил обычную птицу в авиара? Привез сюда птенца и... – Вати нахмурилась и подняла фонарь выше. – Я узнаю деревья. Те самые, что ты назвал Перстами Патжи.

Здесь росло с дюжину Перстов Патжи – самое крупное скопление на острове. Землю вокруг усеивали плоды, обклеванные птицами всех мастей, – почти все полностью, некоторые только наполовину.

Проследив за его взглядом, Вати нахмурилась.

– Плоды?

– Черви, – прошептал Закат.

В ее глазах загорелось понимание.

– Дело не в птицах. Это паразит. Авиары – носители паразита, который и наделяет их даром! Вот почему выросшие за пределами архипелага птицы лишены способностей, а у той, что ты привез с материка, они появились.

– Да.

– Это все меняет, Закат. Все.

– Да.

Закат. Рожденный на закате или его виновник? Что же он натворил?

От реки доносились вопли приближающихся ночеглогов. Твари решили продолжить охоту выше по течению. Умные, гораздо умнее, чем думали о них обитатели материка. Ахнув, Вати повернулась к небольшому речному каньону.

– Разве это не опасно? – прошептала она. – Деревья цветут. И привлекают ночеглогов! Хотя нет. Авиаров так много! Они могут заглушить цветки, как делают это с разумом человека?

– Нет. В этом месте любой разум невидим – всегда, независимо от авиаров.

– Но... как? Почему? Черви?

Закат не знал, и до сих пор его это не интересовало.

«Я пытаюсь защитить тебя, Отец! – Он посмотрел на Персты Патжи. – Я должен остановить этих людей и их прибор. Я уверен! Но почему? Почему ты охотишься на меня?»

Возможно, потому что ему известно так много. Слишком много. Больше, чем любому другому человеку. Ибо он задавал вопросы.

Люди. И их вопросы.

– Они поднимаются по реке? – спросила Вати.

Ответ казался очевидным. Закат промолчал.

– Нет. – Она встала. – Я не собираюсь уносить это знание с собой в могилу, Закат. Ни за что. Должен быть выход.

– Выход есть, – ответил он, поднявшись и глубоко вздохнув.

«Вот и пришел час расплаты».

Закат бережно пересадил Сак к Вати и снял с плеча Кокерлии.

– Что ты делаешь? – спросила она.

– Я уйду как можно дальше. – Он протянул ей Кокерлии. Птица раздраженно клюнула его в руку, хоть и не до крови. – Тебе придется его удерживать. Он попытается увязаться за мной.

– Нет, подожди. Мы можем спрятаться в озере, они...

– Нас найдут! – перебил Закат. – Оно недостаточно глубокое, чтобы укрыть нас.

– Но ты не можешь...

– Они уже почти здесь, женщина! – воскликнул он, всучив ей Кокерлии. – Если я скажу людям из компании выключить устройство, они меня не послушают. Ты умная, ты сможешь их остановить. Сможешь добраться до них. С Кокерлии у тебя получится. Приготовься идти.

Вати ошарашенно смотрела на него, держа Кокерлии обеими руками, но, похоже, понимала, что другого выхода нет. Закат достал книжечку Первого в полдень, а потом и свою с указанием местонахождения авиаров и засунул обе в мешок Вати. Вернулся к реке. Снизу по течению слышалась возня. Нужно успеть выбраться из каньона до того, как подоспеют ночеглоты. Если удастся увести их в джунгли хоть немного к югу, Вати ускользнет.

Когда он зашел в воду, видения смерти наконец прекратились. Ни одного трупа ни в воде, ни на берегу. Сак поняла, что происходит.

Она прощепетала напоследок.

Он побежал.

Один из Перстов Патжи, растущий прямо у устья каньона, был в цвету.

– Подожди!

Не следовало останавливаться. Нужно бежать – время утекало. Но попавшийся на глаза цветок и крик Вати заставили его промешкать. «Цветок...»

Его осенило, как, наверное, и Вати. Она кинулась к своему мешку, отпустив Кокерлии. Авиар тут же полетел к хозяину, уселся на плечо и возмущенно заклекотал. Закат не слушал. Он сорвал цветок. Тот был величиной с голову, с большой выпуклостью в середине.

В котловине озера цветок невидим, как и все они.

– Цветок может думать, – выпалила Вати, отдуваясь и шаря в мешке. – Цветок может привлечь внимание хищников.

Пока она вытаскивала и готовила оружие, Закат достал веревку, а затем привязал цветок к острию торчащего из трубки копья.

Крики ночеглотов эхом катились по каньону. Закат видел их тени, слышал плеск по воде.

Он попятился от Вати. Та, присев, уперла оружие в землю и потянула рычажок у основания.

Взрыв снова едва не оглушил.

По всей озерной котловине с испуганными криками взвились в воздух авиары. Хлопки крыльев подняли ураган из перьев. Копье с прикрепленным цветком прошло самую его гущу, взмыло по дуге над каньоном и исчезло в темноте.

Закат схватил Вати за плечо и увлек вдоль реки обратно в озеро. Они забрались на мелководье, Кокерлии сидел на плече у Заката, Сак – у Вати. Разожженный фонарь заливал мягким светом внезапно опустевшую котловину.

Озеро было неглубоким – два-три фута. Они присели, но вода все равно не могла скрыть их полностью.

Ночеглоты в каньоне замерли. Свет фонаря выхватил тени пары хищников размером с хижину. Твари смотрели в небо. Они были разумными, но, как и микеры, не умнее людей.

«Патжи, – подумал Закат. – Патжи, пожалуйста...»

Ночеглоты повернули обратно, следуя за ментальными сигналами цветка. Закат увидел, как его труп, покачивающийся в воде неподалеку, становится все прозрачнее.

Затем он исчез полностью.

Закат сосчитал до ста и вылез из озера. Вати в отяжелевшей от воды юбке молча взяла фонарь. Оружие они бросили: зарядов больше не было.

Под удаляющиеся вопли ночеглотов Закат вывел Вати из каньона. Их путь лежал прямо на север, немного под уклон. Он все ждал, что крики снова начнут приближаться.

Этого не случилось.

Форт компании представлял собой невероятно впечатляющее зрелище: сооружение из бревен, ошестинившееся пушками, на самом берегу под охраной огромного железного корабля. Над фортом поднимался дымок от костров – готовили завтрак. Неподалеку гнила на солнце, судя по всему,дохлая тень. Ее громадная туша наполовину торчала из воды.

Закат нигде не видел свой труп, хотя на заключительном участке пути к форту мертвые тела попадались не раз, всегда в местах непосредственной опасности. Видения Сак вернулись к норме.

Он не пошел внутрь, предпочел остаться на знакомом скалистом берегу футах в двадцати от ворот. Раненая рука ныла. Многие выбежали встречать Вати. Разведчики на стенах внимательно следили за Закатом – трапперы не пользовались доверием.

Даже вдалеке от широких бревенчатых ворот форта Закат чувствовал, насколько тот не к месту. В воздухе витали человеческие запахи: пота, масла и другие ароматы, с которыми он познакомился во время последних посещений родных островов. Эти запахи заставляли его ощущать себя чужаком среди собственных соплеменников.

Торговцы носили добротную одежду: брюки вроде тех, что были на нем, но лучшего качества, рубашки и плотные куртки. Куртки? В здешней-то жаре? Вати кланялись, выказывая больше почтения, чем он ожидал. Начиная разговор, они скрещивали предплечья в знак уважения. Глупости. Любой может так сделать, это ничего не значит. Истинное уважение выражается не жестах.

Однако все явно относились к ней не как к обычному клерку. Вати занимала в компании более значительное положение, чем думал Закат. Как бы там ни было, это больше не его проблема.

Она взглянула на него, потом снова на своих людей.

– Скорее к устройству Высших, – сказала она им. – Его необходимо выключить.

Хорошо. Она сделает свое дело. Закат повернулся, чтобы уйти. Нужно ли произнести слова прощания? Никогда прежде он не испытывал такой потребности. Но сегодня... сегодня казалось правильным что-то сказать.

Он зашагал вперед. Слова. Слова никогда не были его сильной стороной.

– Выключить? – спросил кто-то за спиной. – Что вы имеете в виду, госпожа Вати?

– Не нужно изображать невинность, Виндс, – ответила она. – Я знаю, что вы включили его в мое отсутствие.

– Но мы не включали.

Закат замер. Что? Мужчина казался искренним. Однако Закат не слишком хорошо разбирался в людях. На родных островах он убедился в том, что притвориться не сложнее, чем изобразить неискренний жест уважения.

– В таком случае что же вы сделали?

– Мы... его вскрыли.

«О, нет...»

– Это еще зачем? – спросила Вати.

Закат повернулся к ним, но ему не было нужды слышать ответ. Ответ находился прямо перед ним, в видении мертвого острова, которое он неправильно истолковал.

– Мы подумали, вдруг получится разобраться в том, как оно работает. Там внутри... все настолько сложно, что трудно даже вообразить. Но есть с чего начать. Кое в чем мы можем...

– Нет! – крикнул Закат, ринувшись к ним.

Один из караульных пустил стрелу ему под ноги. Закат резко остановился, переведя безумный взгляд с Вати на стены. Неужели они не видят? Это как бугорок на земле, предупреждающий о гнезде смертомуравьев. Как след дичи. Как характерный завиток лиан-резаков. Разве не очевидно?

– Нас уничтожат, – проговорил Закат. – Не лезьте... Как же вы не видите?..

Мгновение они просто глазели на него. У него был шанс. Слова. Нужны слова.

– Устройство – это смертомуравьи! – воскликнул он. – Гнездо... Ар-р-ргх! – Как же объяснить?

Не получалось. Разволновавшись, Закат растерял все слова. Они разлетелись от него, как стая спугнутых в ночи авиаров.

Торговцы двинулись обратно, уводя Вати в безопасность предательского форта.

– Ты сказал, что трупы исчезли, – отметила она, задержавшись в воротах. – У нас получилось. Я прослежу, чтобы устройство не включали, пока мы здесь! Обещаю тебе, Закат!

– Но его и не надо было никогда включать! – крикнул он в ответ.

Огромные бревенчатые ворота форта со скрипом сомкнулись, Вати скрылась из виду. Он выругался. Почему он не смог объяснить?

Потому что не знает, как разговаривать. Впервые в жизни это умение показалось важным.

Взбешенный и расстроенный, Закат зашагал прочь от этого места и его ужасных запахов. На полпути к кромке джунглей остановился и развернулся. Сак слетела вниз, приземлилась на плечо и тихонько заворковала.

Вопросы. Вопросы упрямо норовили пролезть в его мысли.

Закат принялся кричать на караульных, требуя, чтобы позвали Вати. Он даже умолял.

Не помогло. Они не стали говорить с ним. В конце концов он почувствовал себя дураком и повернулся к джунглям. Может, его предположения неверны. Все-таки трупы исчезли. Наверное, все наладится.

Наладится... Как может что-то наладиться, если за спиной торчит этот форт? Закат покачал головой, углубившись в заросли. Повышенная влажность джунглей Патжи поможет успокоиться.

Однако теперь она только раздражала. Его разум витал настолько далеко, что по пути к одному из убежищ он вел себя словно юнец, впервые очутившийся на Сори, – едва не угодил в зияющее в земле гнездо смертомуравьев, не заметив посланное Сак видение. На этот раз ему просто повезло: он наткнулся на что-то носком, опустил глаза и только тогда одновременно увидел труп и желтых крох.

Закат зарычал, потом оскалился.

– Все еще пытаешься убить меня? – прокричал он, подняв голову к зеленому пологу джунглей. – Патжи!

Тишина.

– Ты больше всего стараешься убить тех, кто тебя защищает! Почему?

Слова растворились в воздухе. Их поглотили джунгли.

– Ты заслуживаешь этого, Патжи, – сказал он. – Того, что надвигается. Заслуживаешь, чтобы тебя уничтожили!

Он тяжело дышал, мокрый от пота, и чувствовал удовлетворение от того, что наконец высказал накопившееся. Может, в словах есть польза. Голосок у него в голове, такой же предательский, как Вати с ее компанией, радовался, что Патжи падет под натиском прогресса.

После чего, разумеется, падет и сама компания. К ногам Высших. Весь его народ. Весь его мир.

Пот ручьями стекал по лицу. Закат склонил голову, а затем упал на колени, не обращая внимания на гнездо смертомуравьев всего в трех шагах.

Сак зарылась в его волосы. Наверху, в ветвях неуверенно подал голос Кокерлии.

– Разве вы не видите? Это ловушка, – прошептал он. – Высших сдерживают их законы. Они не имеют права торговать с нами, пока мы не станем более развитыми, как порядочный взрослый человек не может торговать с ребенком, пока тот не повзрослеет. Поэтому они оставили свои приборы. Чтобы подтолкнуть, подстегнуть нас к открытиям. Смерть Высшего – хитрость. Приборы должны были попасть к Вати. Появятся подсказки, оставленные будто невзначай, чтобы мы изучали и учились. И вскоре мы сами построим машины, похожие на их собственные. Мы повзрослеем быстрее, чем положено, но останемся невежественными детьми. Однако по законам Высших с нами будет можно торговать. И тогда они придут за нашей землей.

Вот что он должен был сказать. Защитить Патжи невозможно. Защитить авиаров невозможно. Защитить весь мир невозможно. Почему он не смог это объяснить?

Может, потому что ничего бы не изменилось. Как сказала Вати, прогресс неизбежен. Если можно назвать прогрессом то, что их ожидает.

Закат добрался до убежища.

Сак спорхнула с его плеча и полетела прочь. Он посмотрел ей вслед и выругался. Птица не приземлилась где-нибудь неподалеку. Полет давался ей с трудом, однако она не останавливалась, пока наконец не скрылась из виду.

– Сак!

Закат поднялся и побрел за авиаром. Следуя за верещанием Сак, он возвращался туда, откуда пришел. Вскоре он выбрался из джунглей.

На камнях перед фортом стояла Вати.

Закат нерешительно остановился на границе джунглей. Вати была одна, даже караульных не видно. Ее изгнали? Нет. Ворота приоткрыты, и несколько человек наблюдало изнутри.

Сак опустилась на плечо Вати. Нахмурившись, Закат вытянул руку в сторону – на нее спорхнул Кокерлии – и спокойно зашагал к Вати, пробираясь меж камней.

Она сменила платье, но не успела привести в порядок волосы. От нее пахло цветами.

А в глазах застыл ужас.

Они вместе преодолели темноту. Справились с ночеглотами. Побывали на волосок от гибели. Но даже тогда она не выглядела настолько испуганной.

– В чем дело? – спросил Закат внезапно охрипшим голосом.

– Мы нашли в приборе инструкцию, – прошептала она. – Руководство по работе, оставленное якобы случайно тем, кто работал с ним раньше. Оно на их языке, но с помощью моего маленького устройства...

– Его можно перевести.

– В руководстве подробно описано, как прибор сконструирован, – продолжила она. – Это настолько сложно, что я едва могу уловить смысл, но, похоже, там объясняются концепции и идеи, а не просто принцип работы.

– Разве ты не счастлива? – спросил Закат. – Вати, скоро у вас будут летающие машины. Раньше, чем можно было представить.

Она молча вытянула руку. На ладони лежало брачное перо. Она сохранила его.

– Прежде чем сделать шаг, задайся вопросом: не слишком ли все легко? – прошептала она. – Ты сказал, что это ловушка, когда я уходила. Когда мы нашли инструкцию, я... Закат, они собираются сделать с нами то же самое, что... что мы делаем с Патжи?

Закат кивнул.

– Мы потеряем все. Мы не можем с ними бороться. Они найдут оправдание и захватят авиаров. Все очень логично. Авиары используют червей. Мы используем авиаров. Высшие используют нас. Это неизбежно?

«Да».

Закат открыл было рот, чтобы произнести ответ вслух, но зашептала Сак. Он нахмурился и повернулся к острову. Выступающий из океана, высокомерный. Душегуб.

Патжи. Отец.

И наконец, спустя столько времени, Закат понял.

– Нет, – прошептал он.

– Но...

Он расстегнул карман штанов, долго рылся в нем и наконец кое-что выудил – старое перо, от которого остался лишь голый стержень. Это брачное перо подарил ему дядя много лет назад, когда Закат впервые попался в ловушку на Сори. Он поднял перо перед собой, вспоминая слова, которые произнес тогда дядя. Слова, которые говорили каждому трапперу: «Это символ твоего невежества. Ничто не достается легко и просто».

Вати держала свое перо. Старое и новое перья.

– Нет, мы им не по зубам, – сказал Закат. – Мы разглядим все их ловушки, не купимся ни на одну их уловку. Ибо сам Отец готовил нас к этому дню.

Вати посмотрела на его перо, подняла глаза на него.

– Ты правда так думаешь? – спросила она. – Они очень хитрые.

– Может, они и хитрые, – ответил он. – Но они никогда не жили на Патжи. Мы соберем всех трапперов. Им нас не одолеть.

Она нерешительно кивнула, и страха в ее глазах стало будто чуть меньше. Вати повернулась и сделала жест своим людям открыть ворота. Как и в прошлый раз, Заката окатила волна человеческих запахов.

Вати обернулась к нему и протянула руку:

– Так ты сможешь?

У ее ног появился труп, и Сак предостерегающе зашебетала. Опасность. Да, предстоящее сулило множество опасностей.

Закат взял Вати за руку и вошел в форт.

Послесловие

В первоначальной версии этой истории Закат называл себя «Шестой», что очень сбивало читателей. Мне это имя нравилось из-за необычности, но в итоге я прислушался к отзывам, и это верное решение. «Закат» не только тематически важнее, чем «Шестой», но и гораздо лучше воспринимается в тексте.

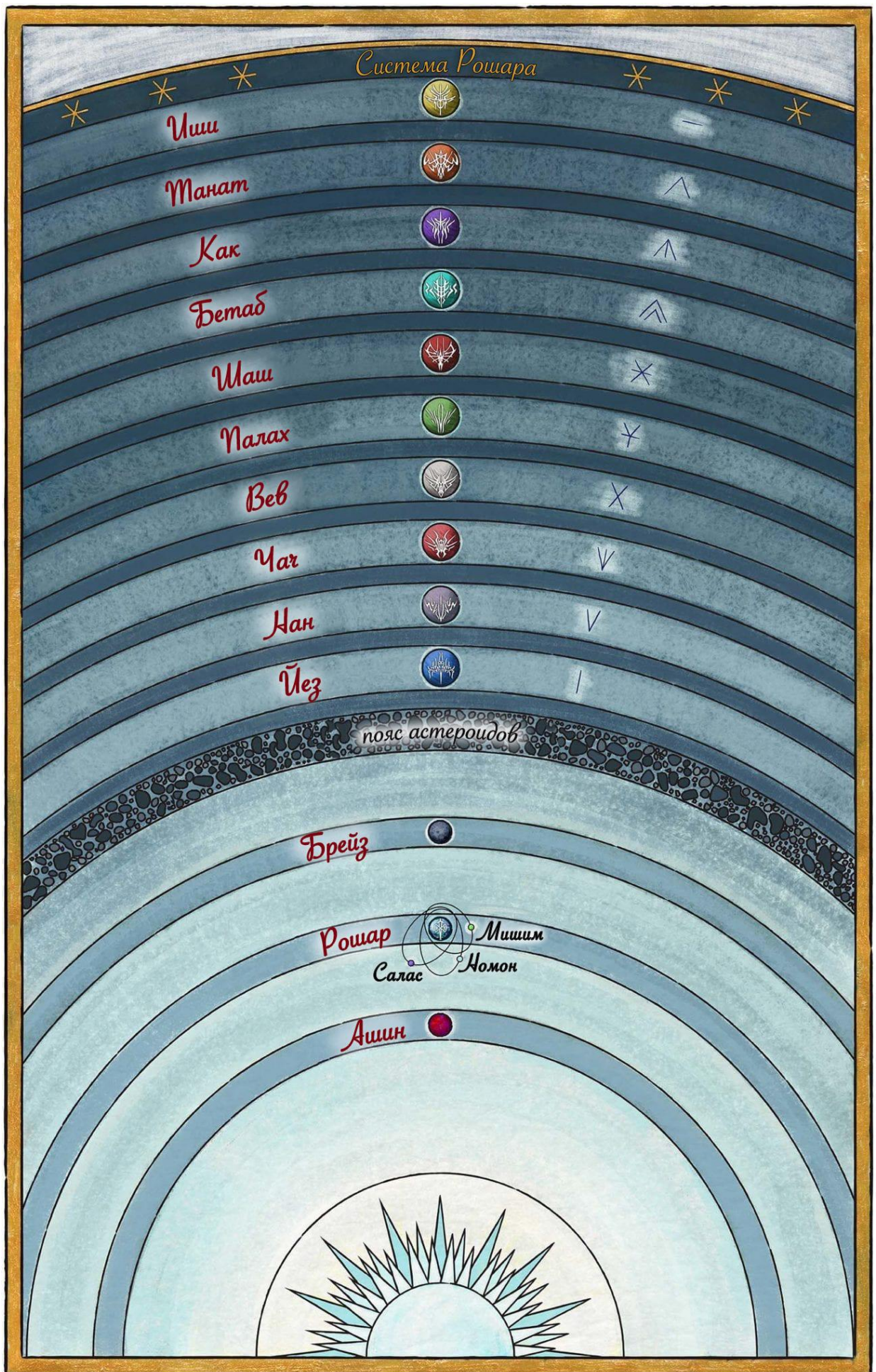
Для тех, кто не в курсе, эта повесть возникла в результате мозгового штурма в подкасте «Писательские отговорки». Четыре эпизода мы обсуждали идею, а потом один из нас написал по ней историю. Первый раз мне показалось, что ничего хорошего не выйдет, я был не в восторге от идеи. Мы попытались снова, и вот результат.

Это единственная история в сборнике, мир которой не был встроен в первоначальный план Космера. Однако я оставил в нем местечко для нескольких миров, с которыми еще не определился, поскольку знал, что появятся истории, для которых планеты с осколками не подходят. Во время мозгового штурма мы не делали упор на космерской истории, но когда я сел за сюжет, меня увлекла идея симбиоза как проявления инвеституры.

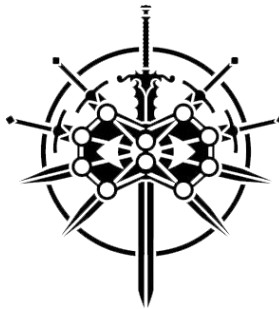
Я тут же влюбился в эту идею и получившуюся историю. Скорее всего, вы снова встретитесь с обитателями Первой от Солнца, хотя у меня нет планов писать другие повести и романы по этому миру. Как видно по циклу «Алькатрас» и рогоедам в «Архиве буресвета», я увлекаюсь полинезийской культурой. Мне долго не давала покоя концепция поиска пути по плеску волн и очень увлекла возможность написать персонажа, который оказался один на один с океаном, причем во многих смыслах. Еще, учитывая, сколько у меня в книгах разговорчивых персонажей, было приятно попробовать нечто новое в лице Заката.

Это история происходит позже всех остальных историй сборника. Когда Крисс составляла описание к системе, события этой повести еще не произошли.

Если хотите прочитать наш мозговой штурм в текстовой форме, а также первые наброски этой истории, то они вышли в антологии «Тени глубин» (вместе с тремя историями остальных ведущих подкаста: Мэри Робинетт Коваль, Дэна Уэллса и Говарда Тайлера).

Система Рошара

Рошар – оживленное местечко (согласно господствующим убеждениям его обитателей, это название планеты, системы и главного континента на планете). Насколько система Скадриала кажется пустой, настолько же система Рошара – переполненной. Во внешней части системы располагается ряд газовых гигантов. Их невозможно исследовать напрямую, так как они слабо проявляются в Шейдсмаре.

В обитаемой зоне аж три планеты, все в той или иной степени заселены. Ашин, пылающая планета, пережила в прошлом экологическую катастрофу. Люди обитают на крошечных участках, в том числе в знаменитых парящих городах. Брейз – третья планета – холодная и негостеприимная к людям, но на ней существует экосистема обладающих сознанием щепок (местное название – спрены). Мне кажется, некоторые из них на самом деле когнитивные тени, но здесь очень трудно и опасно проводить исследования, поэтому ограничусь предположениями.

И конечно, главная планета системы – Рошар, вторая от солнца. Благодаря гравитации 0,7 и размерам 0,9 по космерскому стандарту, а также высокому содержанию кислорода в атмосфере, на Рошаре развилась разнообразная и уникальная экосистема с яркими представителями мегафауны и удивительными симбиотическими связями между существами (людьми и не только) и щепками инвеституры.

Самые впечатляющие из этих связей возникают между людьми и обладающими сознанием спренами и лежат в основе магии связывания потоков. Эта магия опирается на законы природы, а спрены олицетворяют сами силы (местные жители называют их потоками): гравитацию, сцепление, поверхностное натяжение и другие. Все эти понятия оживают, так же как и более абстрактные концепции вроде трансформации и переноса.

Однако этот пример (узы между спреном и человеком) – лишь частный случай того, как все устроено на планете. Гигантские ракообразные вырастают до немыслимых размеров и не обрушиваются под собственной тяжестью не только из-за природных условий, но и благодаря симбиозу со спренами. По этой же причине некоторые животные получают возможность летать. Есть даже лошадиная раса, представители которой благодаря узам со спренами приспособились к жизни на планете и достигли настолько высокого уровня самосознания, что их почти можно называть разумными существами.

Я не буду здесь расписывать все взаимосвязи в необычной экосистеме Рошара, поскольку эта тема слишком обширна для такого простого обзора. Тем не менее посетителям планеты следует предупредить о бурях. Жизнь на Рошаре

тысячелетиями формировалась под влиянием сильнейших, насыщенных инвеститурой бурь, и их опасность трудно преувеличить.

Вероятнее всего, бури, как и многие спрены, существовали здесь еще до прибытия осколков – Чести и Культивации. Однако под влиянием осколков природа планеты трансформировалась, и трудно понять, что было до, а что после раскола. Безусловно, многие спрены, которых теперь можно встретить на планете, появились из-за разногласий между Честью, Культивацией и Враждой.

Вражда. Обратите внимание, эта система – текущее пристанище осколка Вражды в физической и когнитивной реальностях. Не приходится сомневаться, что этот осколок виновен в расщеплении Преданности, Господства, Чести и, возможно, других осколков в Космере.

Посетители Рошара должны иметь в виду, что огонь здесь горит сильнее из-за высокого содержания кислорода в воздухе. Я считаю, что отчасти по этой причине на раннем этапе развития человечества был придуман альтернативный источник освещения. Обратите внимание, что в обзорах и самих историях фигурируют местные меры длины и времени. Рошарский год продолжительнее космерского стандарта, рошарский фут – длиннее. Временами трудно не чувствовать себя ничтожной перед величием и неукротимой мощью этой планеты.

Гранетанцор

Действие повести разворачивается после событий романа «Слова сияния» (второго тома цикла «Архива буресвета») и содержит спойлеры.

1

Лифт приготовилась стать потрясной.

Она бежала через поле где-то на севере Ташикка, чуть больше чем в неделю пути от Азимира. Все вокруг заросло бурой травой высотой в пару футов. Изогнутые стволы редких высоких деревьев напоминали переплетенные между собой лозы, ветви тянулись скорее вверх, нежели в стороны.

У деревьев было какое-то мудреное название, но из-за упругих корней все звали их «мертвопадами». Во время бури они валялись плашмя и лежали, а потом подскакивали обратно, словно показывая неприличный жест пронесшимся ветрам.

Лифт спугнула стайку пасущихся неподалеку рубиланей. Поджарые создания прыгнули прочь на четырех лапах, прижав две передние клешни к туловищу. Неплохая еда, эти зверушки, – у них и панциря, считай, нет. Однако на этот раз Лифт была не в настроении для перекуса.

Она торопилась.

– Госпожа! – позвал Виндль, ее ручной пустиносец.

С огромной скоростью он выросал в виде вьющейся по земле лозы, подстраиваясь под шаг Лифт. Лица у него сейчас не было, но разговаривать он все равно мог. К сожалению.

– Госпожа, пожалуйста, может, вернемся? – умолял он.

Не-а.

Лифт стала потрясной. Зачерпнула что-то внутри себя – то, что заставляло ее светиться, – смазала этим ступни и, прыгнув, заскользила вперед.

Ощущение контакта с землей внезапно исчезло. Лифт двигалась по полю, будто рассекая лед. Трава вокруг шарахалась в стороны, сворачиваясь и прячась в каменные норки. Лифт словно катилась на гребне волны.

Ветер развеивал ее длинные черные волосы и трепал рубашку. Под рубашкой была надета более обтягивающая коричневая сорочка, заправленная в свободные штаны с отворотами.

Лифт скользила и ощущала себя свободной. Наедине с ветром. За ней увязался маленький, похожий на белую ленточку спрен ветра.

А потом она врезалась в валун.

Дурацкий валун держался крепко – ему не давали оторваться от земли небольшие клочки мха, цеплявшиеся за всевозможные камни в поисках укрытия от ветра. Вспышка боли в ноге – и Лифт, кувыркнувшись, шмякнулась лицом о каменистую поверхность.

Инстинктивно сделав лицо потрясным, она продолжала скользить на щеке, пока не врезалась в дерево. И наконец остановилась.

Дерево медленно завалилось и, с шумом ударившись о землю, притворилось мертвым.

Лифт села, потирая лицо. Она поранила ступню, но потрясность довольно быстро залечила порез. Лицо почти не пострадало. Если какая-то часть ее тела становилась потрясной, трение исчезало и она просто... скользила.

Еще она чувствовала себя глупо.

– Госпожа.

Виндль подобрался ближе. Похожими лозами важные чудачки прикрывали те места своих домов, что выглядели недостаточно богато, разве что из лозы Виндля по всей ее длине росли кристаллики. Они торчали в самых неожиданных местах, как ногти на лице.

При движении он не извивался угрем, а действительно рос, оставляя за собой длинный след. Тот вскоре кристаллизовывался и распадался в пыль. Странные они, эти пустоносцы.

Виндль свернулся в моток и вырастил из лозы маленькую башенку. На ее вершине появилось лицо из побегов, листьев и самосветов. Когда он говорил, рот искривлялся.

– О, госпожа, может, поиграли и хватит? Нам нужно обратно в Азимир!

– Обратно? – Лифт поднялась на ноги. – Мы же только что оттуда сбежали!

– Сбежали?! Из дворца? Госпожа, вы были почетной гостьей императора! У вас было все, что пожелаете. Столько еды, сколько...

– Сплошное вранье. – Лифт уперла руки в бока. – Чтобы я не просекла правду. Они собирались меня сожрать.

Виндль запнулся. Для пустоносца он был не таким уж страшным. Наверное, он из тех пустоносцев, что носят дурацкие шляпы, а остальные над ними смеются. Или из тех, что вечно всех поправляют, а когда пустоносцы садятся пожирать человеческие души, объясняют, какую взять вилку.

– Госпожа, люди не едят людей. Вы были гостьей!

– Ага, но с какой стати? Меня задарили всякой всячиной.

– Вы спасли жизнь императору!

– Этого хватило бы только на пару дней халявы, – возразила Лифт. – Как-то я вытащила одного парня из тюрьмы, так он разрешил мне бесплатно пожить в его логове целых пять дней и еще платочек красивый подарил. Вот это щедрость. Азирцы позволяют мне оставаться, сколько захочу? – Она покачала головой. – Им что-то нужно. Единственное объяснение. Голод побери, они собирались меня сожрать.

– Но...

Лифт снова припустила бегом. Каменистая поверхность, испещренная норками, приятно холодила ступни и пальцы ног. Никакой обуви. Что хорошего в обуви? Во дворце ей предлагали на выбор целую кучу. А еще хорошую одежду – большие удобные халаты и мантии. В такой одежде и потеряться недолго. Хотя было приятно разок примерить что-нибудь мягкое.

Потом к ней начали приставать с вопросами. Почему бы не взять пару уроков и не научиться читать? Все были очень благодарны за то, что она сделала для Гокса. Он стал Верховным Акастиксом – так чудно именовали правителя Азира. Говорили, что за заслуги ей полагаются наставники. Она сможет научиться правильно носить все эти одеяния, научиться писать.

Ее начали снедать сомнения. Если остаться, то как скоро она перестанет быть самой собой? Сколько продержится, прежде чем ее поглотят и на ее месте появится другая девочка? С тем же лицом, но совсем другой человек...

Она снова попыталась использовать потрясность. Во дворце ей говорили о возрождении древних сил – о Сияющих рыцарях, о связывании потоков – сил природы.

«Я буду помнить о тех, кого забыли».

Лифт покрыла себя силой и проскользнула несколько футов по земле, прежде чем полетела кубарем по траве.

Стукнула кулаком по камням. Дурацкая земля. Дурацкая потрясность. Как тут не упасть, когда ноги разъезжаются еще больше, чем если бы их намазали маслом? Лучше снова грести, сидя на коленях. Это намного легче: так можно держать равновесие и помогать себе руками. Будто маленький краб, снующий взад-вперед.

«Они блистали красотой и изяществом, – говорил Мрак. – Могли пробежать по самой тонкой веревке, танцевать на коньках крыш, перемещаться словно ленточки на ветру...»

Мрак, тенью следовавший за ней по пятам, упомянул во дворце о людях, которые давным-давно обладали теми же способностями, что и Лифт. Может, врал. Все-таки тогда он собирался ее убить.

Но какой смысл врать? Он относился к ней свысока, словно она лишь пустое место, ничтожество.

Стиснув зубы, Лифт поднялась на ноги. Виндль все никак не мог закрыть рот. Не обращая внимания на его болтовню, она что есть сил рванула по пустому полю, распугивая траву. Взбежала на вершину холма и, покрыв ступни силой, прыгнула.

И тут же заскользила. Ветер. Встречный ветер толкал ее назад. Лифт зашипела и покрыла себя силой целиком.

Она вспарывала воздух, скользя боком по склону холма. Ветер скатывался с нее, будто не мог найти. Казалось, даже солнечный свет струится по коже. Она была где-то между, здесь и не здесь одновременно. Ни воздуха, ни земли. Лишь чистое движение, настолько стремительное, что она успевала дотянуться до травы, прежде чем та пряталась. Трава обтекала Лифт, сила не давала к ней прикоснуться.

Кожа засияла, в воздух потянулись дымные завитки света. Лифт со смехом достигла подножия холма и перепрыгнула через несколько валунов.

И угодила лбом в еще одно дерево.

Пузырь силы вокруг нее лопнул. Дерево опрокинулось, и два соседних тоже решили упасть – за компанию. Может, подумали, будто что-то пропустили.

Когда появился Виндль, Лифт с глупой ухмылкой таращилась на солнце, раскинувшись на стволе дерева и переплетая руки с ветвями. Над головой кружил единственный спрен славы в форме золотистой сферы.

– Госпожа? О, госпожа, вы были счастливы во дворце. Я же видел!

Лифт не ответила.

– А император, – продолжал Виндль, – он будет скучать по вам! Вы ведь даже не попрощались!

– Я оставила ему послание.

– Послание? Вы научились писать?

– Бури, нет. Я съела его ужин. Прямо из-под крышки на подносе, который ему готовились подать. Гокс поймет, что к чему.

– Мне это кажется маловероятным, госпожа.

Она встала на ноги и, потянувшись, сдула с глаз растрепавшиеся волосы. Может, и на коньках крыш потанцевать получится, и по веревке пробежать, и... что там еще? Уделать ветер? Да, уж это ей точно под силу. Лифт спрыгнула с дерева и продолжила путь.

К сожалению, желудок начал намекать, что потрясность порядком израсходовалась. Лифт зависела от еды гораздо сильнее большинства людей. Можно было вытянуть немного потрясности из всего, что она съедала, но когда та заканчивалась, Лифт не могла сделать ничего невероятного, пока не подкрепится.

Желудок протестующе урчал. Ей нравилось думать, что он насылал на нее ужасные проклятия. Она пошарила по карманам. Целый мешок еды, что она прихватила с собой, опустел еще утром. Но ведь нашлась завалявшаяся на дне колбаска, прежде чем она его выбросила?

Ах, да. Она съела ее пару часов назад, пока наблюдала за спренами реки. На всякий случай Лифт все равно порылась в карманах, но выудила лишь платок, в который заворачивала большую стопку плоского хлеба перед тем, как положить ее в мешок. Засунув один конец платка в рот, Лифт принялась жевать.

– Госпожа? – позвал Виндль.

– На моем еффе квочки афталифь, – прозвучало сквозь платок.

– Не стоило так долго связывать потоки! – Виндль ветвился рядом по земле, оставляя след из лоз и кристаллов. – И стоило остаться во дворце. О, до чего я докатился? Мог бы сейчас садоводством заниматься. У меня были великолепные кресла.

– Хрефла?

– Да, кресла. – Свернувшись кольцом, Виндль изобразил лицо и повернул его к Лифт. – В Шейдсмаре я собрал великолепнейшую подборку душ кресел с вашей стороны! Я ухаживал за ними, вырастил из них превосходные кристаллы. У меня было несколько «Победоплектов», отличный «Скирдяк», неплохое собрание ложкоспинок, даже трон, и не один!

– Ты вываффивал хрефла?

– Ну конечно я выращивал кресла. – Ленточка лозы раскрутилась и поплелась следом за Лифт. – Что же еще мне выращивать?

– Вафтения.

– Растения? В Шейдсмаре они есть, но я не какой-нибудь заурядный садовник. Я художник! Между прочим, я планировал целую выставку диванов, когда Круг избрал меня для этого чудовищного задания.

– Мажатча вефьмо вафгну.

– Не могли бы вы извлечь это из рта? – огрызнулся Виндль.

Лифт выплюнула платок.

Виндль недовольно фыркнул. Каким образом маленькая лоза может фыркать, Лифт не понимала, но фыркал он постоянно.

– А теперь не могли бы вы повторить?

– Это была тарабарщина. Я хотела посмотреть, что ты ответишь. – Лифт сунула в рот другой конец платка и принялась посасывать.

Под вздохи Виндля, продолжавшего бормотать о садоводстве и своей жалкой жизни, они двинулись дальше. Определенно, очень странный пустоносец. Если подумать, она никогда не видела, чтобы его хоть немного интересовало пожирание чьей-либо души. Может, вегетарианец?

Они пересекали небольшой лесок, скорее даже островок деревьев, как бы странно это ни звучало, ведь вокруг ни капли воды. Это были не мертвопады – те старались расти недалеко друг от друга, но поодиночке. У этих деревьев густые ветви по мере роста переплетались, чтобы противостоять великим бурям.

Самый очевидный способ выстоять. Все сплетают ветви, связывают себя. Но Лифт как мертвопад. Не переплетается, ни за что не цепляется – идет своим путем.

Да, она именно такая. Разумеется, поэтому она и покинула дворец. Нельзя просыпаться и видеть одно и то же изо дня в день. Нельзя оставаться на одном месте, иначе люди начинают узнавать тебя, начинают чего-то ждать от тебя. А там один шаг до того, как тебя поглотят.

Лифт остановилась прямо посреди рощи, на тропе, которую кто-то проложил и не давал зарости. Обернулась, посмотрела на север, в сторону Азира.

– Это из-за того, что с вами случилось? – спросил Виндль. – Я плохо разбираюсь в людях, но, мне кажется, это вполне естественно, хоть и на первый взгляд сбивает с толку. Вас же никто не ранил.

Лифт прикрыла рукой глаза. Менялось не то, что нужно. Она должна была остаться прежней, а мир вокруг измениться. Разве не об этом она просила?

Ей соврали?

– Мы... поворачиваем обратно? – с надеждой спросил Виндль.

– Нет, всего лишь прощаемся. – Она сунула руки в карманы и, развернувшись, зашагала дальше по тропе.

2

Йеддо был одним из городов, которые Лифт всегда хотела посетить. Он располагался в Ташикке, странном местечке даже по сравнению с Азиром. Местные жители казались слишком любезными и сдержанными, а еще носили одежду, из-за которой было сложно понять, что у них на уме.

Однако все твердили, что Йеддо стоит повидать. Отсюда ближе всего до Сесемалекс-Дар, куда, учитывая, что там уже миллион лет идет война, она, наверное, никогда не попадет.

Уперев руки в бока, Лифт осматривала город с холма. Она решила, что слухи не врут. Зрелище было удивительное. Азирцам нравилось считать себя великими, но они просто покрывали дома бронзой, золотом или еще чем-нибудь и ходили довольные. И что тут хорошего? Просто в стенах отражалось ее лицо, а она и так видела его слишком часто, чтобы впечатлиться.

Однако это зрелище завораживало. Величественный город. Голод побери, его вырезали прямо в земле.

Во дворце из разговора каких-то важных писцов она услышала, что город этот новый и основан всего сотню лет, для чего в Азире нанимали имперских осколочников. Их посылали не воевать, а копать шахты, раскалывать валуны и все

такое. Очень практично. Все равно что взобраться на королевский трон как на табуретку, чтобы достать до верхней полки.

Кстати, не стоило на нее за это кричать.

В общем, они использовали осколочные клинки. Когда-то здесь была обширная каменная равнина. Теперь сотни глубоких расселин образовывали огромный лабиринт. Некоторые расселины были шире прочих и спиралью закручивались к центру. В центре возвышалось большое, похожее на холм строение – единственная часть города, выступающая над равниной.

На участках между расселинами были разбиты поля. Ни одной постройки, все скрывались внизу. Люди жили в расселинах, на глубине в два-три этажа. Интересно, как их не смывало во время великих бурь? Впрочем, горожане вырезали широкие каналы: в них, видимо, никто не жил, и вода свободно отводилась. Выглядело все это небезопасно, но довольно круто.

Отличное место, чтобы спрятаться. В конце концов, именно за этим она и явилась – спрятаться. Все. Других причин нет.

Стен у города не было, зато его окружало несколько сторожевых башен. Тропа вела вниз с холма и соединялась с широкой дорогой, которая упиралась в очередь. Множество людей ожидало разрешения спуститься в город.

– Как, во имя Рошара, им удалось вырезать такие огромные куски камня?! – Виндль свернулся в башенку из переплетающихся лоз, достающую Лифт до пояса, и повернулся лицом к городу.

– осколочными клинками, – пояснила она.

– А-а-а-а. Этими. – Он с неудовольствием пошевелился, с хрустом переплетая и скручивая лозы. – Этими, значит.

Лифт скрестила руки на груди.

– Надо и мне такой раздобыть, как думаешь?

Как ни странно, Виндль громко закричал.

– Я тут прикинула, – начала объяснять Лифт, – у Мрака ведь такой есть. Он им сражался, когда пытался убить меня и Гокса. Значит, и мне нужен.

– Конечно, так и сделайте! Давайте прошвырнемся по рынку и прикупим невероятное всемогущее оружие из легенд и преданий, которое стоит больше многих королевств! Я слышал, его здесь на развес продают, прямо как весеннюю погоду на востоке.

– Цыц, пустоносец! – Она посмотрела в переплетение лоз его лица. – Ты что-то знаешь об осколочных клинках, я права?

Лозы будто поникли.

– Точно. А ну выкладывай. Что тебе известно?

Он покачал головой.

– Рассказывай, – пригрозила Лифт.

– Это запрещено. Вы должны узнать самостоятельно.

– А я чем занимаюсь? Я как раз узнаю. От тебя. Рассказывай, иначе укушу.

– Что?

– Укушу. Отгрызу от тебя кусок, пустоносец. Ты же лоза? Я ем растения.

Иногда.

– Даже если вы не сломаете зубы о мои кристаллы, подкрепиться не выйдет, – сказал Виндль. – Откушенный кусок просто рассыпется в пыль.

– Дело не в том, чтобы подкрепиться. Я говорю о пытках.

Виндль с удивлением воззрился на нее своими кристаллическими глазами.

– Если честно, госпожа, вряд ли вы на такое способны.

Лифт зарычала, и он поник еще больше, но секрет не выдал. Бури, ладно! Он хоть не бесхребетный... или как там говорят о растениях? Не бескорный?

– Ты должен меня слушаться. – Лифт засунула руки в карманы и пошла по тропе к городу. – Ты не соблюдаешь правила.

– Я-то соблюдаю, – раздраженно фыркнул Виндль. – Просто вы их не знаете. И к вашему сведению, я садовник, а не солдат, так что не позволю разить мной людей.

Она остановилась.

– Зачем мне разить кого-то тобой?

Он поник так сильно, что чуть не сохся.

Лифт со вздохом двинулась дальше. Виндль не отставал. Выйдя на широкую дорогу, они повернули к башне, служившей воротами в город.

– Значит, сюда мы столько добирались? – заговорил Виндль, когда они проходили мимо запряженной чуллом повозки. – В город, вырезанный в земле?

Лифт кивнула.

– Следовало сказать раньше. Я беспокоился, что во время бури мы окажемся без защиты!

– С чего вдруг? Дождя нет.

Плач неожиданно закончился. Потом снова начался. И снова закончился. Он вел себя совершенно непонятно, скорее как обычная погода, нежели очень долгая, но слабая великая буря, каким обычно бывал.

– Не знаю, но что-то не так, госпожа, – сказал Виндль. – Что-то случилось в мире. Я чувствую. Вы слышали, о чем король алетии написал императору?

– Что надвигается новая буря? – спросила Лифт. – Не с той стороны?

– Именно.

– Олухи посчитали это глупостью.

– Олухи?

– Те, кто трутся возле Гокса, вечно нашептывают ему, как поступать. Они заставляли меня носить халат.

– Азирские визири. Главные чины империи и советники Верховного!

– Ага. Пустомели и нытики. Олухи. Так вот, они считают, что тот злобный типчик...

– ...великий князь Далинар Холин, де-факто король Алеткара, на сегодняшний день самый могущественный военачальник...

– ...все навывдумывал.

– Возможно. Но разве вы ничего не чувствуете? Где-то вдалеке? Что-то зарождается.

– Далекий гром, – прошептала Лифт, посмотрев на запад, мимо города, на горы вдали. – Или... или будто видишь, как роняют котелок, следишь за его падением и готовишься услышать лязг.

– Значит, чувствуете.

– Наверно.

Мимо прокатила очередная повозка, запряженная чуллом. На Лифт никто не обращал внимания, впрочем, как и всегда. И никто, кроме нее, не видел Виндля, потому что она особенная.

– А что говорят твои друзья-пустоносцы?

– Мы не... Лифт, мы спрены, хоть мой вид – спрены культивации – и не самый важный. У нас нет ни собственного королевства, ни даже городов. Нам пришлось связать себя узами с вами из-за того, что зашевелились криптики, спрены чести и все остальные. Мы прыгнули вперед ногами в стеклянное море, но едва понимаем, что творим! Все, кто имел хоть малейшее представление о том, как чего-то добиться, погибли много веков назад!

Они шли за повозкой, та дребезжала и раскачивалась, подпрыгивая на кочках.

– Все неправильно и лишено всякого смысла, – продолжал Виндль. – Считалось, что связать вас узами будет гораздо сложнее. Иногда память меня подводит, но я вспоминаю все больше. Со мной не произошло ужасного потрясения, которое все предрекали. Может, из-за вашей исключительности. Но, госпожа, прислушайтесь ко мне, когда я говорю, что грядет нечто значительное. Не следовало покидать Азир. Там мы были в безопасности. Нам понадобится защита.

– Некогда возвращаться.

– Да, скорее всего. Давайте найдем укрытие хотя бы здесь!

– Ага. Если Мрак не убьет нас раньше.

– Мрак? Неболом, пытавшийся вас казнить?

– Он самый, – проворчала Лифт. – Он в городе. Разве ты не слышал, как я жаловалась, что мне нужен осколочный клинок?

– В городе... то есть, в Йеддо, куда мы направляемся прямо сейчас?

– Ага. У олухов есть люди, которые его отслеживают. Как раз перед тем, как мы сбежали, пришло сообщение о том, что его видели в Йеддо.

– Пойдите-ка. – Виндль метнулся вперед, оставив за собой след из лоз и кристаллов, взобрался на задок повозки и изобразил лицо прямо перед Лифт. – Поэтому мы сорвались так внезапно? Поэтому мы здесь? Вы гонитесь за этим чудовищем?

– Конечно нет. Что за глупости.

– Глупости – это, разумеется, не про вас.

– Не-а.

– Тогда зачем мы здесь?

– У них тут есть блинчики со всякими начинками, – ответила Лифт. – Говорят, очень вкусные, и едят их во время Плача. Десять разновидностей. Пальчики оближешь, наверно. Хочу стащить каждого по одному.

– Вы проделали весь этот путь, бросив жизнь в роскоши, чтобы съесть пару блинчиков?

– По-настоящему потрясных блинчиков.

– Несмотря на то, что где-то здесь бродит богоподобный осколочник? Который приложил столько усилий, чтобы казнить вас?

– Он не хотел, чтобы я использовала свои способности, – сказала Лифт. – Его и в других местах видели. Олухи за ним присматривают. Они им очарованы. Все внимание приковано к лысому парню, который коллекционирует головы королей,

но этот типчик тоже оставляет трупы по всему Рошару. Людей незначительных, неприметных.

– И мы прибыли сюда, потому что?..

– Это место ничем не хуже любого другого, – пожала плечами Лифт.

Виндль плавно соскользнул с задка повозки.

– Совершенно очевидно, что это место не такое же, как любое другое. Здесь явно хуже...

– А ты точно уверен, что несъедобный? – перебила она. – Было бы очень удобно. У тебя куча лишних лоз. Может, я бы их обгрызла чуток?

– Уверяю, госпожа, я не придусь вам по вкусу.

Лифт что-то буркнула в ответ, ее желудок снова заурчал. Вокруг парили спрены голода – коричневые крупинки с крылышками. Ничего необычного. Их привлекали многие люди из очереди впереди.

– У меня две способности, – сказала Лифт. – Я могу скользить, используя потрясность, и могу заставить что-нибудь вырасти. Значит, и пару растений на еду получится?

– Чтобы их вырастить, почти наверняка понадобится гораздо больше буресвета, чем удастся из них добыть. Это предопределено законами вселенной. И прежде чем вы спросите, добавлю: даже вы не можете игнорировать эти законы. – На мгновение он задумался. – Скорее всего. С вами никогда не угадаешь.

– Я особенная. – Лифт пристроилась за ожидающими пропуска в город. – А еще голодная. Прямо сейчас больше голодная, чем особенная.

Она выглянула из очереди. В воротах стояли стражники на пару с писцами в странной ташиккской одежде – этаких длиннющих кусках ткани, которыми они обматывались с головы до ног. Кусок был цельный, и это действительно непросто – не только обвить по очереди каждую ногу и руку, но и обернуться им несколько раз вокруг пояса, чтобы получилось подобие юбки. Такую одежду носили все мужчины и женщины, кроме стражников.

Пропускать в город явно никого не торопились. Людей скопилось немало: все из народа макабаки, кареглазые и темнокожие, гораздо темнее смуглой Лифт. Среди ожидающих оказалось много семей в обычной азирской одежде: штаны, грязные юбки, некоторые с узорами. Вокруг гудел целый рой спренов истощения и голода.

Она ожидала увидеть по большей части торговцев, но никак не семьи. Кто все эти люди?

Желудок снова заурчал.

– Госпожа? – позвал Виндль.

– Цыц, – отозвалась Лифт. – Я слишком голодная, чтобы разговаривать.

– Так вы...

– Голодная? Да. Так что заткнись.

– Но...

– Спорим, у стражников есть еда. Их всегда хорошо кормят. Ведь с голодухи они и вломить толком никому не могут, это факт.

– Есть предложение получше: вы могли бы просто купить немного еды за сферы, которые вам любезно выделил император.

– Не взяла их с собой.

– Не... не взяли деньги?

– Избавилась от них, когда ты отвернулся. Нет денег – никто не ограбит. Носить с собой сферы – нарываться на неприятности. К тому же, – сузив глаза, она наблюдала за стражниками, – столько денег водится только у богатых чудиков. Мы, обычные люди, идем другим путем.

– Значит, теперь вы обычная.

– Ну естественно. Это все остальные ненормальные.

Прежде чем Виндль успел ответить, Лифт нырнула под повозку с чуллом и начала пробираться к голове очереди.

3

– Талью, говорите? – Хаука заглянула под брезент, прикрывающий подозрительную кучу зерна. – Из Азира?

– Именно. – Сидящий на передке повозки мужчина неловко заерзал. – Я всего лишь скромный фермер.

«Причем без мозолей, – подумала Хаука. – Скромный фермер, который может позволить себе лиафорские ботинки и шелковый пояс».

Хаука потыкала в зерно тупым концом копья: ни контрабанды, ни спрятавшихся в зерне беженцев. Что ж, это только начало.

– Нужно заверить ваши документы, – сказала она. – Отъедьте немного в сторону.

Мужчина заворчал, но подчинился – развернул повозку и заставил чулла двинуться к площадке у сторожевого поста. Постройка была одной из немногих башен, что возвышались над городом и располагались так, чтобы достать стрелой любого, кто попытается воспользоваться пандусами или закрепиться на позиции для осады.

Фермер направлял чулла очень, очень осторожно – они находились как раз рядом с уступом, нависающим над городом, – над кварталом переселенцев. Этим входом в город пользовались не богатеи, а только те, у кого не было нужных документов. Или те, кто надеялся избежать досмотра.

Хаука развернула бумаги фермера и прошла мимо караулки. Оттуда вкусно пахло: как раз накрыли обед, а следовательно, людям в очереди придется ждать еще дольше. Перед караулкой сидел старый писец – Ниссиккван любил погреться на солнышке.

Хаука поклонилась ему. Сегодня Ниссиккван исполнял обязанности заместителя писца по делам переселенцев. Старик с головы до пят был замотан в желтую шикву, хоть и опустил верхнюю часть, открыв морщинистое лицо с ямочкой на подбородке. Здесь, в родных краях, требование прятать себя от Нан-Рейлиси – врага их бога – было не столь категоричным. Якобы они под защитой Таши.

Сама Хаука носила нагрудник, шапочку, штаны и плащ с узором семьи и школы. Местные хорошо относились к подобным ей азирам – своими солдатами в Ташикке особо похвастаться не могли, а ее грамоты о достижениях на службе были заверены азимирским визирем. Ей не составило бы труда получить должность в страже в любом месте обширного региона Макабаки, хотя, согласно этим грамотам, она не имела права командовать на поле боя.

– Капитан? – Ниссиккван поправил очки, изучая документы фермера, которые она ему подала. – Он отказывается платить пошлину?

– Пошлина уплачена и уже в денежном ящике, – ответила Хаука. – Но этот человек кажется мне подозрительным. Он не фермер.

– Контрабанда беженцев?

– Проверила и в зерне, и под повозкой. – Хаука взглянула через плечо на мужчину. Тот улыбался во весь рот. – Зерно нового урожая. Немного перезревшее, но съедобное.

– Тогда город будет рад его получить.

Ниссиккван был прав. Война между Эмулом и Тукаром разгоралась с новой силой. Конечно, об этом болтали всегда, но за последние годы многое изменилось. Этот король-бог тукари... каких только диких слухов о нем не ходило.

– То-то и оно! – воскликнула Хаука. – Ваша милость, держу пари, этот человек побывал в Эмуре. Пока все боеспособные мужчины отражали вторжение, он обчищал их поля.

Согласно кивнув, Ниссиккван задумчиво потер подбородок. Потом порылся в своей папке с бумагами.

– Возьмите с него пошлину как с контрабандиста и скупщика краденого. Думаю... да, так будет справедливо. Тройной тариф. Начнется референдум 371-ша, и я направлю деньги с дополнительных пошлин на питание для беженцев.

– Благодарю.

Хаука расслабилась и взяла формуляры. О ташикки можно говорить что угодно, но они знали толк в государственных указах.

– У меня есть заряженные сферы, – добавил Ниссиккван. – Знаю, вы спрашивали.

– Правда?!

– Мой двоюродный брат оставил их в сферной клетке снаружи – совершенно случайно, забыл как раз перед той внезапной великой бурей.

– Замечательно, обменяемся чуть позже.

У Хауки были сведения, которыми Ниссиккван точно заинтересуется. В Ташикке информация служила деньгами так же, как и сферы.

Бури, парочка светящихся сфер очень пригодится. После Плача почти ни у кого их не осталось, а это шквально неудобно, когда открытый огонь в городе запрещен. Даже почитать ночью невозможно.

Перелистывая формуляры, Хаука подошла к контрабандисту.

– Вы должны уплатить по этому тарифу. – Она вручила ему первую форму. – И еще по этому.

– Разрешение на сбыт краденого!? – воскликнул мужчина. – И контрабанда? Да это грабеж!

– Да, так и есть. Или было.

– Вы ничего не докажете. – Он шлепнул рукой по стопке формуляров.

– Разумеется. Если бы я могла доказать, что вы незаконно пересекли границу Эмула, обчистили поля честных работяг, пока те защищали страну, а затем провезли награбленное обратно без соответствующих разрешений, я бы просто все конфисковала. – Она слегка наклонилась вперед. – Вы легко отделались. Мы оба это знаем.

Он встретился с ней взглядом, нервно отвел глаза и начал заполнять бумаги. Хорошо. Сегодня без проблем. Ей нравилось, когда никто не доставлял проблем. Когда...

Хаука замерла. Брезент на повозке пошевелился. Нахмурившись, она резко его сдернула и обнаружила маленькую девочку по шею в зерне: светло-коричневая кожа – видимо, реши или гердазийка, – на вид лет одиннадцать-двенадцать. Девочка одарила Хауку ухмылкой.

Ее же только что здесь не было.

– На вкус эта штука просто ужас, – проговорила она на азирском с полным ртом сырого зерна. – Наверно, поэтому мы сначала что-нибудь из него готовим. – Она проглотила зерно. – Есть чем запить?

Контрабандист привстал, брызжа слюной и тыча пальцем:

– Она портит мой товар! Она в нем барахтается! Стража, сделайте что-нибудь! В моем зерне грязная беженка!

Прекрасно. Теперь бумажная волокита превратится в настоящий кошмар.

– Дитя, вылезай-ка оттуда. У тебя есть родители?

– Естественно. – Девочка закатила глаза. – У всех есть родители. Мои, правда, померли. – Она вскинула голову. – Чем это пахнет? Неужели блинчики?..

– Верно, блинчики на День Солнца. – Хаука почувствовала возможность. – Получишь один, если...

– Спасибо!

Девочка выскочила из зерна, расшвыряв его во все стороны. Контрабандист взвыл. Хаука попыталась поймать ее, но девочка каким-то образом вывернулась из хватки и, перескочив через руки стражницы, подпрыгнула вверх.

И приземлилась прямо на плечи Хауки. От неожиданно обрушившегося веса та закричала, а девочка спрыгнула на камни сзади.

Потерявшую равновесие стражницу развернуло на месте.

– Таши, да она прошлась по вашим шквальным плечам! – воскликнул контрабандист.

– Спасибо, что подсказали. Стойте здесь. Не двигайтесь.

Хаука поправила шапочку и бросилась в погоню. Девочка пронеслась мимо Ниссикквана – тот аж выронил свои папки – и юркнула в караулку. Хорошо. Выход оттуда только один. Хаука задержалась в дверях: отставила копье в сторону и достала из-за пояса дубинку. Причинять вред маленькой беженке не хотелось, но слегка припугнуть не помешает.

Скользя по деревянному полу, как по маслу, девочка прошмыгнула прямо под стол, за которым обедали писцы и стражники. Затем резко поднялась и завалила его набок. Все отпрянули прочь, еда посыпалась на пол.

– Извините! – крикнула она. – Я нечаянно.

Ее голова показалась из-за перевернутого стола, изо рта торчал блинчик.

– А они ничего.

Люди Хауки повскакивали на ноги. Стражница ринулась мимо них вокруг стола. Ее пальцы коснулись руки девочки, но та снова вывернулась, оттолкнулась от пола и проскользнула прямо у Реза между ног.

Хаука снова бросилась вперед, загоня беженку в угол.

Та подтянулась и исчезла в единственном узеньком окошке, только ее и видели. У Хауки отвисла челюсть. В такое отверстие явно не мог пролезть человек, даже очень маленький, тем более с такой легкостью. Она прижалась к стене и выглянула наружу, но ничего не увидела. Затем сверху показалась голова девочки – каким-то образом ей удалось забраться на крышу.

Ветер развеивал ее темные волосы.

– Эй, не подскажите с какой начинкой был этот блинчик? Я хочу попробовать все десять.

– А ну-ка, иди сюда. – Хаука протянула руку в надежде достать беглянку. – Тебя не оформили как переселенца.

Голова девочки исчезла, на крыше послышались шаги. Хаука выругалась и в сопровождении двух стражников выбежала наружу. Они осмотрели крышу маленькой караулки, но никого не обнаружили.

– Она здесь! – раздался изнутри вопль одного из писцов.

Мгновение спустя девочка выскользнула на улицу: в каждой руке по блинчику, еще один во рту. Миновав стражников, она бросилась к повозке контрабандиста. Тот уже слез на землю и теперь распинался об испорченном зерне.

Хаука прыгнула и на этот раз схватила ребенка за ногу. К несчастью, оба стражника тоже кинулись за девочкой, но споткнулись и устроили кучу малу, упав прямо на Хауку.

И все же пальцы она не разжала. Натужно пыхтя под весом стражников, Хаука крепко держалась за ногу девочки. Едва сдерживая стон, она подняла взгляд.

Беженка сидела на камне, склонив голову набок. Она засунула один блинчик в рот и потянулась рукой за спину – к сцепке, с помощью которой упряжь чулла крепилась к повозке. Легкий удар по крючку снизу – и сцепка разжалась. Без малейшего сопротивления.

Бури, только не это!

– Слезьте с меня! – закричала Хаука, отпустив девочку и расталкивая мужчин. Тупица-контрабандист в растерянности попятился.

Повозка катилась к уступу, и вряд ли деревянная изгородь удержит ее от падения. Хаука что есть сил прыгнула и ухватилась за борт повозки. Стражницу потащило к обрыву, перед глазами пронеслось, как она падает на город, прямо на беженцев из квартала переселенцев.

Тем временем повозка медленно остановилась. Тяжело дыша, упираясь ногами в камни и вцепившись в борт, Хаука подняла взгляд. Отпустить повозку она не решалась.

Девочка снова стояла на куче зерна, доедая последний блинчик.

– И правда хороши, – отметила она.

– Так-блинчик, – подала голос измотанная Хаука. – Их едят для процветания в будущем году.

– Значит, их должны есть постоянно, разве нет?

– Наверное.

Кивнув, девочка сдвинулась вбок и ногой откинула задний борт. Зерно поспешило выскользнуть из повозки.

Ничего невероятнее Хаука в жизни не видела. Куча зерна будто превратилась в жидкость и выливалась из повозки, несмотря на совсем небольшой уклон. Вытекая, оно... мягко светилось и дождем падало на город.

Девочка улыбнулась Хауке.

И прыгнула вслед за зерном.

Разинув рот от изумления, стражница проводила девочку взглядом. Двое других стражников наконец очухались и поспешили на помощь, схватившись за повозку. Контрабандист вопил не переставая. На земле вокруг него, точно лужи крови, пузырились спрены гнева.

Зерно, долетая до квартала переселенцев, выбивало на земле облачка пыли. Было достаточно далеко, но Хаука не сомневалась, что слышит крики радости и молитвы осыпанных едой людей.

Убедившись, что повозка больше не двинется с места, Хаука подошла к обрыву. Девочки нигде не было видно. Бури, может, она какой-то спрен? Хаука еще раз поискала глазами, но ничего не заметила, только странную черную пыль у ног. Ветер уносил ее прочь.

– Капитан? – позвал Рез.

– Займись переселенцами, Рез. Мне нужно отдохнуть часок.

Бури, как ей изложить все это в отчете?

4

По идее, Лифт не могла коснуться Виндля. Пустоносец все время повторял, что, мол, «я в недостаточной степени присутствую в этой сфере, даже несмотря на узы между нами» или «должно быть, вы частично застряли в когнитивной сфере». В общем, всякую ерунду.

Потому что она все-таки могла его коснуться. Временами это было весьма полезно. Например, если прыгаешь с обрыва и нужно за что-то ухватиться. Виндль вскрикнул от удивления, когда Лифт сиганула вниз, и стрелой метнулся по скале – быстрее, чем она падала. Все-таки он учился быть начеку.

Лифт сжала его как веревку, вполсилы, чтобы лоза скользила между пальцев. Не лучший вариант, но это помогало замедлить падение. Для большинства людей такой удар о землю закончился бы печально, но к счастью, Лифт была потрясной.

Она погасила свечение потрясности и юркнула в узкий переулок. Позади собралась толпа, вознося молитвы Вестникам и богам за ниспосланный в виде зерна дар. Что ж, пусть называют это как хотят, но все они прекрасно понимали, что боги зерно не посылают, по крайней мере, лично, потому как расхватили его быстрее, чем смазливых шлюх в Бавии.

За считанные минуты от целой повозки зерна осталась лишь горстка шелухи, которую тут же унес ветер. Лифт уселась у входа в переулок, изучая обстановку. Словно из полудня свалилась прямо в сумерки: вокруг длинные тени, пахнет сыростью.

Дома здесь вырезали прямо в скале: дверные проемы, окна и все остальное. Стены окрашивали яркими красками, часто вертикальными полосами, условно отделяя один «дом» от другого. Горожане сновали туда-сюда, болтали, топтались на месте и покашливали.

Неплохо им жилось. Лифт нравилось быть в постоянном движении, но одиночества она не переносила. Одно дело уединение, и совсем другое – одиночество. Она поднялась и зашагала по улице, сунув руки в карманы и пытаясь смотреть во все стороны одновременно. Удивительное место.

– Это было весьма благородно с вашей стороны, госпожа, – заговорил вьющийся рядом Виндль. – Я имею в виду, вывалить зерно, услышав, что оно принадлежит вору.

– Еще чего! – отмахнулась Лифт. – Мне просто нужна была мягкая подстилка для приземления, если бы ты зазевался.

Мимо проходили люди в самых разнообразных одеяниях, в основном с азирскими узорами или в ташиккских шиквах. Попадались и наемники, наверное, тукари или эмули. Некоторые носили сельскую одежду светлых тонов – скорее всего, из Альма или Деша. Ей нравились те места. В Альме и Деше мало кто пытался ее убить.

К сожалению, стащить здесь было особо нечего, разве что ты любитель каши и странного мяса, которое здесь добавляли чуть ли не во все блюда. Это было мясо каких-то уродливых зверюг, покрытых грязной шерстью и живущих на склонах гор. Лифт они казались отвратительными на вкус, а она, между прочим, однажды попробовала на зуб черепицу с крыши.

Однако на этой улице попадалось гораздо больше чужестранцев, чем ташикки. Как там наверху называли это место? Квартал переселенцев? Ну, она хотя бы не будет выделяться из толпы. Лифт заметила даже нескольких решки, пусть они и жались по лачугам в переулке, а их одежда мало отличалась от обычного тряпья.

Н-да, странновато здесь – из-за лачуг. Она не видала их с тех пор, как покинула Зофикс, в котором так обустраивали заброшенные шахты. Почти везде, если выстроить дом из столь ненадежного материала, его снесет первая же великая буря, и жильцы останутся с голым задом посреди улицы.

Лачуги теснились рядами, и узкие проходы между ними словно спицами соединяли эту улицу с параллельной. Многие проходы оказались так забиты развешенными одеялами, людьми и импровизированными жилищами, что не было видно, что творится на противоположной стороне.

Как ни странно, все постройки стояли на сваях. Даже самые ветхие сооружения возвышались не меньше чем на четыре фута над землей. Лифт остановилась у входа в один из переулков, руки в карманах, и стала рассматривать улочку пошире. Как она уже заметила, в каждой городской стене располагались лавки и дома. Разноцветная окраска разграничивала владения соседей. Чтобы попасть в любое помещение, нужно было подняться на три-четыре ступеньки, вырезанные в камне.

– Прямо как на Чистозере, – отметила она. – Задрали все повыше, будто никто не хочет касаться земли. Якобы потом всяких напастей не оберешься.

– Мудро, – произнес Виндль. – Защита на случай бурь.

– Все равно тут смочет все начисто.

Разумеется, это было не так, иначе город бы давно исчез. Лифт пошла дальше, мимо рядов вырезанных в стене домов и распластавшихся между ними лачуг. Лачуги выглядели заманчиво – теплые, уютные, полные жизни. Она даже заметила мерцающие зеленые пылинки спренов жизни, хотя обычно их можно встретить

только там, где много растений. К сожалению, как она убедилась на собственном опыте, чаще всего, каким бы заманчивым ни выглядело место, чужестранке-беспризорнице там не рады.

– Итак, мы здесь, и вы, как ни странно, избежали заключения под стражу. – Виндль забрался на стену на уровне ее головы, оставляя за собой след из лоз. – Что дальше?

– Еда. – Желудок у Лифт урчал.

– Вы ведь только что поели!

– Ага. Голод побери, всю силу потратила, пока убегала от стражников. Теперь я голоднее, чем раньше!

– О Матерь Всемилостивая! – раздраженно воскликнул Виндль. – Почему нельзя было просто подождать в очереди?

– Тогда бы мне вообще никакой еды не досталось.

– Какая разница, если вы пережгли ее в бурсвет, а потом прыгнули с обрыва!

– Зато удалось попробовать блинчики!

Они обошли стайку женщин-ташилки с корзинами в руках, без умолку болтавших о лияфорских безделушках ручной работы. Когда Лифт проходила мимо, две женщины непроизвольно прикрыли корзины и крепче сжали ручки.

– Поверить не могу, – запричитал Виндль. – Поверить не могу, что влачу столь жалкое существование! Я был садовником. Уважаемым садовником! А сейчас, куда ни сунься, на нас смотрят как на карманных воришек.

– В карманах у них пусто. – Лифт оглянулась через плечо. – Если на шиквах вообще есть карманы. А вот в корзинах...

– Знаете, а мы ведь раздумывали, не связать ли узами того чудесного башмачника вместо вас. Очень добрый человек, заботился о детях. Я мог бы жить спокойной жизнью, помогать ему делать обувь. Давно бы уже открыл выставку башмаков!

– А как же насчет угрозы с запада? – спросила Лифт. – Может, там и правда война?

– Обувь важна для войны. – Виндль сплюнул на стену пучком побегов – она понятия не имела, что это значит. – Думаете, Сияющие будут сражаться босиком? Мы бы могли делать для них обувь, этот милый старый башмачник и я, прекрасную обувь.

– Скукотища.

Виндль закричал.

– Вы собираетесь разить мною людей, верно? Я стану оружием.

– Что за чушь ты несешь, пустиносец?

– Полагаю, я должен помочь вам произнести слова? В этом моя обязанность?

О, как же это печально.

Он часто говорил подобное. Наверное, у пустиносцев мозги набекрень, поэтому она не держала на него зла. Лифт пошарила в кармане, вытащила маленькую книжицу и принялась ее листать.

– Что это? – спросил Виндль.

– Стащила из караулки. Подумала, можно ее продать или еще чего придумать.

– Дайте-ка взглянуть.

Виндль сполз со стены, поднялся по ногам Лифт и, закручиваясь вокруг ее тела, наконец по руке добрался до книги. Довольно щекотно, когда его основная лоза выпускает тоненькие побеги, и те прилипают к коже, чтобы закрепиться.

На странице он выпустил лозы поменьше, полностью обрастив ими книгу и проникнув между страниц.

– Хм-м-м...

Пока он работал, Лифт ждала, прислонившись спиной к стене расселины. Совсем не чувствовалось, что находишься в городе, скорее в... тоннеле, ведущем в город. Да, над головой открытое ясное небо, но улица кажется довольно обособленной. Обычно в городе видны высокие силуэты зданий вдалеке, слышны крики с ближайших улиц.

Улица, забитая под завязку людьми, которых здесь более чем достаточно, все равно казалась обособленной. Рядом по стене полз странноватый маленький кремлец: меньше по размеру, чем большинство собратьев, черного цвета, с тонким панцирем и коричневой ворсистой полоской на спинке, похожей на губку. Кремлецы в Ташикке необычные, и чем дальше на запад, тем необычнее. Ближе к горам некоторые кремлецы даже могли летать.

– Хм-м, госпожа, – произнес Виндль. – Скорее всего, эта книга бесполезная. Просто журнал с записями о времени заступления стражи на дежурство. Например, капитан отмечает, что каждый день ровно в десять по настенным часам ее сменяет капитан ночной стражи. Раз в неделю она посещает Верховную Дирекцию для подробного доклада о происшествиях за неделю. Она дотошная, но сомневаюсь, что кого-то заинтересует покупка ее журнала.

– По-любому кого-нибудь заинтересует. Это же книга!

– Лифт, ценность книги обуславливается ее содержимым.

– Знаю, страницами.

– Я имею в виду, тем, что на страницах.

– Чернилами?

– Я имею в виду тем, о чем могут поведать чернила.

Она почесала затылок.

– Стоило бы вам все-таки слушать наставников по письму в Азире, – пожаловался Виндль.

– Значит... на еду это не обменять? – Ее желудок урчал, привлекая все больше спренов голода.

– Вряд ли.

Дурацкая книга. И люди дурацкие. Побурчав, она швырнула книгу через плечо.

Как назло, та угодила в женщину с корзиной пряжи в руках. Послышался визг.

– Эй, ты!

Лифт вздрогнула. Мужчина в форме стражника указывал на нее пальцем сквозь толпу.

– Ты только что напала на эту женщину? – прокричал стражник.

– Ну прям! – прокричала в ответ Лифт.

Стражник начал пробираться к ней.

– Бежим? – спросил Виндль.

– Бежим.

Лифт нырнула в переулочек, отчего стражник заорал еще сильнее и бросился в погоню.

5

Спустя примерно полчаса Лифт лежала на брезенте, натянутом поверх одной из лачуг, и отдувалась после продолжительного забега. Стражник оказался настойчивым.

По забитому лачугами переулочку гулял ветер, и под его порывами Лифт беззаботно покачивалась на своей лежанке. Внизу семья – мать, трое сыновей и отец – обсуждала, как на трущобы чудесным и неожиданным образом высыпалась целая повозка зерна.

«Я буду помнить о тех, кого забыли». Она произнесла эту клятву, когда спасла жизнь Гоксу. Правильные слова. Важные слова. Но что за ними стоит? А как же ее мать? Никто ведь ее не помнит.

Слишком много забытых людей. Слишком много для одной девочки.

– Лифт? – Виндль скрутился в маленькую башенку из лоз и трепещущих на ветру листьев. – Почему вы ни разу не побывали на Решийских островах? Ведь вы оттуда родом?

– Мать спросила о том же.

– Так почему бы не навестить туда? Вас послушать, вы обошли пол-Рошара, но ни разу не заглянули на свою предполагаемую родину.

Пожав плечами, она перевела взгляд на послеполуденное небо, подставила лицо ветру. По сравнению с душком в расселинах он казался свежим. Город нельзя было назвать зловонным, но запахи наполняли его, словно сбившиеся в загоне животные.

– Знаешь, почему нам пришлось покинуть Азир? – тихо спросила Лифт.

– Мы погнались за тем неболомом, которого вы зовете Мрак.

– Нет. Не в этом дело.

– Разумеется.

– Мы ушли, потому что меня стали узнавать. Если слишком долго жить в одном месте, тебя начинают узнавать. Лавочники запоминают твоё имя. Приветливо улыбаются, когда заходишь, и заранее знают, какой товар предложить, – помнят, что тебе нужно.

– Разве это плохо?

Она кивнула, по-прежнему глядя в небо.

– Еще хуже, когда тебя считают своим другом. Гокс, визири – они торопятся с выводами. Думают, что знают тебя, ожидают определенного поведения. И вот тебе приходится быть не тем, кто ты на самом деле, а тем, кого они себе выдумали.

– И кто же вы на самом деле, Лифт?

В этом и проблема. Когда-то она знала ответ. Или просто была слишком юна, чтобы беспокоиться по таким вопросам?

Откуда это узнавали остальные? Ветер качнул лежанку, и Лифт свернулась в клубочек, вспомнив объятия матери, её запах, тёплый голос.

Урчащий желудок напомнил о себе спазмами. Насущные потребности взяли верх над грезами о прошлом. Она глубоко вздохнула и встала.

– Ладно, давай-ка поищем каких-нибудь беспризорников.

6

– Жратвы отсыпает, – сказала маленькая чумазная девочка.

Ручонки она не мыла, вероятно, с тех пор, как стала достаточно взрослой, чтобы ковыряться в носу. Многих зубов у нее не хватало. Слишком многих для такого возраста.

– Жратва у этой бабы годная, – добавила она.

– Мелюзге отсыпает?

– Ага. – Девочка кивнула в знак согласия. – Но может и люлей отсыпать. Упертая, как каменюка, и глаза у нее, как колючки. Мелюзгу не любит, но жратву не жмет. Долбанутая.

– Может, для чужаков мутит? – спросила Лифт. – Чужаки дают светилки, если она жратву мелюзге отсыпает?

– Может, и так. А может, и просто долбанутая. Непонятно, чего ждать. Отвечаю, вообще мутная.

– Спасибо. Держи. – Лифт отдала девочке свой платок, как и обещала, в обмен на информацию.

Та обернула его вокруг головы и одарила Лифт щербатой ухмылкой. В Ташикке любили торговать информацией – тут без этого никуда.

Чумазная девочка выдержала паузу.

– Та светилка вверху, жратва с неба. Я слышала, как об этом трепались. Это ты что ли, чужачка?

– Ага.

Девочка повернулась, чтобы уйти, но передумала и взяла Лифт за руку.

– Так ты чужачка? – спросила она.

– Ага.

– Слушаешь?

– Слушаю.

– Люди никогда не слушают. – Она снова улыбнулась Лифт и наконец поспешила прочь.

Лифт устроилась на корточках в переулке напротив общественных печей: в стене была вырезана просторная пещера, а в ее своде – огромные дымоходы. Здесь жгли скорлупу камнепочек с ферм, и любой желающий мог приготовить пищу в центральных очагах. В собственных жилищах нельзя было разводить открытый огонь. Лифт слышала, что когда-то давно по трущобам прокатился пожар и погибло множество людей.

На улицах не было видно, как курится дымок, лишь случайные проблески светосфер. Продолжался Плач, а значит, большинство сфер потускнело. При свете будут сидеть только те счастливики, что во время непредвиденной великой бури пару дней назад оставили сферы снаружи.

– Госпожа, – подал голос Виндль, – это была самая странная беседа, которую я когда-либо слышал, а я однажды вырастил целый сад для одного спрена остроумия.

– По-моему, ничего необычного. Просто ребенок с улицы.

– Но выражения какие! – воскликнул Виндль.

– Какие?

– Все эти странные словечки. Откуда вы знали, что говорить?

– По наитию. Слова как слова. Не важно, главное, она сказала, что мы можем добыть еды в приюте «Свет Таши». О нем говорили и другие.

– Так почему мы не пошли туда? – спросил Виндль.

– Женщину, которая там всем заправляет, не любят. Ей не доверяют, говорят, она противная. А еду раздает, потому что хочет выглядеть добренькой перед чиновниками, которые присматривают за тем местом.

– Говоря вашими же словами, госпожа, еда есть еда.

– Да. Просто... какая радость от обеда, который сам приплыл тебе в руки?

– Уверен, вы переживете подобное унижение, госпожа.

К сожалению, он прав. Лифт была слишком голодной, чтобы сотворить хоть немного потрясности, и потому ничем не отличалась от обычного ребенка-попрошайки. Но она все равно не двигалась с места. Пока что.

«Люди никогда не слушают». А Лифт слушает? Обычно слушает, разве нет? И вообще, какое дело этой маленькой беспризорнице?

Сунув руки в карманы, Лифт начала пробираться по запруженной толпой улице, уворачиваясь от случайных рук, так и норовящих хлопнуть или стукнуть. Здесь странно поступали с деньгами – нанизывали сферы на длинные нитки, даже если держали их в кошелях. И во всех сферах, которые она видела, для этого были просверлены отверстия. А если нужно отсчитать точную сумму? Придется снимать всю связку, а потом нанизывать обратно?

По крайней мере, сферами пользовались. Дальше к западу пускали в ход обычные обломки самосветов, иногда заключенные в стекло. Голод побери, как же легко они терялись.

Когда она теряла сферы, все просто съезжали с катушек. Непонятное отношение к деньгам. Все слишком беспокоились о том, чего нельзя съесть, хотя, насколько понимала Лифт, именно в этом и заключался смысл использовать сферы, а не что-нибудь полезное, например, мешки с едой. Если обмениваться одной едой, все просто съедят свои деньги, и куда тогда скатится общество?

Приютом «Свет Таши» оказалось угловое здание на перекрестке. Фасад, выкрашенный в ярко-оранжевый цвет, выходил на оживленную улицу квартала переселенцев, другая сторона – к широкому переулку. В каменных стенах переулка располагались ряды сидений – полукругом, словно в театре, правда, с разрывом в центре, чтобы можно было пройти дальше. Переулок тянулся довольно далеко, но выглядел не столь запущенным, как многие другие. У некоторых лачуг даже имелись двери, а доносившиеся звуки отрыжки казались едва ли не изысканными.

Уличные мальчишки предупреждали, чтобы она не совалась через главный вход. Тот предназначался для чиновников и состоятельных горожан. Оборванцам полагалось заходить со стороны переулка, поэтому Лифт миновала каменные скамьи маленького амфитеатра – там сидело несколько стариков в шиквах – и постучала в дверь. В камне над входом виднелись буквы, выкрашенные в золотой и красный цвета, но прочитывать их она не могла.

Дверь открыл юноша с широким плоским лицом, какое бывает, по наблюдениям Лифт, у родившихся не такими, как все. Он окинул ее взглядом и указал на скамьи.

– Сядь там. Еда будет позже.

– Насколько позже? – спросила Лифт, уперев руки в бока.

– А что? Опаздываешь на деловую встречу? – Юноша улыбнулся. – Сядь там. Еда будет позже.

Она вздохнула, но уселась возле болтающих стариков. Такое впечатление, что жители еще более убогих трущоб пришли сюда, на открытое пространство у входа в переулок, чтобы спокойно посидеть и подышать свежим воздухом.

Солнце клонилось к закату, расселины все глубже погружались в тень. Неоткуда взять сферы, чтобы освещать дома ночью. Скорее всего, горожане лягут спать раньше обычного, как это часто бывало во время Плача. Лифт сжалась на скамье, Виндль свернулся рядом. Она уставилась на дурацкую дверь дурацкого приюта. Дурацкий желудок урчал.

– Что с юношей, который открыл дверь? – спросил Виндль.

– Откуда я знаю? – ответила Лифт. – Некоторые просто рождаются такими.

Она ждала на ступенях, прислушиваясь к болтовне и хихиканью ташикки из трущоб. Немногим позже в переулок прокралась какая-то фигура – похоже, женщина, вся закутанная в темную ткань. Настоящие шиквы так не оборачивали. Может, чужестранка пытается скрыть, кто она на самом деле.

Женщина громко всхлипывала, держа за руку крупного ребенка лет десяти-одиннадцати. Она подвела его ко входу в приют и крепко сжала в объятиях.

Мальчик слепо тараторил перед собой, пуская слюни. На его затылке виднелся шрам, почти заживший, но все еще красный и воспаленный.

Женщина опустила голову, ссутулилась и скользнула прочь, бросив мальчика. Он так и сидел, уставившись в пустоту. Не младенец в корзинке – это только в детских сказках бывает. По опыту Лифт, в приютах все по-другому: оставляют детей слишком больших, чтобы с ними нянчиться, не способных заботиться о себе и помогать семье.

– Неужели она... просто бросила мальчика? – ужаснулся Виндль.

– Наверняка у нее есть другие дети, которых трудно прокормить, – тихо ответила Лифт. – Она больше не может уделять все свое время одному вот такому. – У нее сжалось сердце. Она хотела отвернуться, но не получалось.

Лифт поднялась и направилась к мальчику. Богатеи наподобие азирских визирей представляли себе приюты очень странно – воображали их полными безгрешных малюток, отважных и добросердечных, так и ждущих возможности поработать и обрести семью.

Лифт знала, что в приютах обитали в основном такие, как этот мальчик. Дети, за которыми тяжело ухаживать. Дети, которые нуждались в постоянном присмотре. Или слабые на голову. Или те, кто мог выйти из-под контроля.

Она ненавидела эти романтические мечты богатеев про приюты – идеальные, полные милых улыбок и радостных песен, а не разочарования, боли и смятения.

Лифт присела рядом с мальчиком. Она была меньше него.

– Привет.

Он уставился на нее бессмысленным взглядом. Теперь можно было лучше рассмотреть его рану. Волосы там не росли.

– Все будет хорошо, – попыталась подбодрить его Лифт, взяв за руку.

Он не отозвался.

Немного погодя дверь в приют открылась, явив на пороге скрюченную женщину-корягу. Без шуток. Она выглядела как помесь метлы и решительно настроенного пучка мха. Кожа висела на костях, словно женщина подхватила в трущобах какую-то венерическую болячку. Лифт подумала, что ее длинные тонкие пальцы похожи на прутьики, приклеенные вместо отвалившихся настоящих.

Женщина уперла руки в бока – удивительно, что при этом она не сломала ни одной кости, – и посмотрела на детей.

– Идиоты и дармоеды.

– Эй! – Лифт вскочила на ноги. – Он не идиот. Просто ранен.

– Я говорила о тебе, дитя.

Женщина опустила на колени рядом с мальчиком, поцокала языком и пробормотала:

– Ни на что не годен. Я вижу тебя насквозь. Долго ты здесь не протянешь. Вот увидишь.

Она сделала знак, и вышел юноша, которого Лифт видела ранее. Он взял мальчика под руку и повел внутрь.

Лифт хотела последовать за ними, но путь перегородили руки-крюки.

– Можешь поесть здесь трижды, – сказала женщина. – В любое время, но только трижды. Считай, тебе повезло, что я раздобрилась ради такой, как ты.

– Это еще что значит? – потребовала ответа Лифт.

– Это значит, что, если не хочешь крыс на корабле, не стоит их подкармливать.

Женщина покачала головой и собралась захлопнуть дверь.

– Пойдите! – воскликнула Лифт. – Мне нужно где-то переночевать.

– Ты пришла по адресу.

– Правда?

– Да, с приходом темноты эти скамьи обычно пустеют.

– Каменные скамейки? Вы хотите, чтобы я спала на каменных скамейках?

– О, не ной. Даже дождя нет. – Дверь захлопнулась.

Лифт со вздохом посмотрела на Виндля. Спустя мгновение все тот же юноша вновь отворил дверь и швырнул Лифт большую булку – из клемы, плотную и зернистую, с пряной начинкой.

– Блинчиков у вас, наверно, нет? – спросила Лифт. – Я тут решила попробовать...

Дверь снова захлопнулась. Вздохнув, Лифт уселась на каменную скамью рядом со стариками и начала уплетать за обе щеки. Булка была не очень вкусной, но теплой и сытной.

– Шквальная ведьма, – пробурчала Лифт.

– Не суди ее слишком строго, дитя, – произнес один из стариков. Верхняя часть его черной шиквы, что обычно скрывала лицо, была откинута назад, выставляя на всеобщее обозрение седые усы, брови, темно-коричневую кожу и широкую улыбку. – Тяжело быть человеком, который решает чужие проблемы.

– Необязательно быть такой противной.

– Иначе местная детвора собиралась бы здесь и кланчила бесплатную еду.

– И? Разве не для этого создаются приюты? – Лифт откусила кусок булки. – Спать на каменных скамьях? Нужно пойти стащить у нее подушку.

– Думаю, она знает, как сладить с обидчивыми уличными воришками.

– Просто со мной еще дела не имела. Я потрясная.

Лифт посмотрела на остатки булки. Если применить потрясность, она снова останется голодной.

Старик рассмеялся.

– Ее называют Коряга, потому что у нее такой характер, что и буря стороной обходит. Вряд ли у тебя выйдет лучше, малышка. – Он наклонился ближе. – Но у меня есть информация на продажу, если интересно.

Ох уж эти ташишки со своими секретами. Лифт закатила глаза.

– Мне нечего предложить взамен.

– В таком случае предложи свое время. Я расскажу тебе, как задобрить Корягу. Может, удастся выторговать постель. Ты, в свою очередь, ответишь на один вопрос. По рукам?

Лифт вздернула бровь.

– Конечно. Выкладывай.

– Вот тебе секрет. У Коряги есть небольшое... увлечение. Скажем так, она приторговывает сферами. Найди того, кто согласится иметь с ней дело, и получишь приличную награду.

– Торговля сферами? – спросила Лифт. – Деньги на деньги? Какой в этом смысл?

Старик пожал плечами.

– Она из кожи вон лезет, чтобы никто ничего не пронюхал. Так что, наверное, это важно.

– Какой-то бестолковый секрет. – Лифт закинула остатки булки в рот. Булка из клемы легко разваливалась и вообще больше походила на кашу.

– Теперь ты ответишь на мой вопрос?

– Если только он не такой же бестолковый.

– Какой частью тела ты себя ощущаешь? – поинтересовался старик. – Ты рука, вечно занятая работой? Мозг, раздающий указания? Или, может, ты больше похожа на ногу? Тащишь на себе всех остальных, но едва достаиваешься внимания.

– Да уж. Бестолковее некуда.

– Нет, нет, это крайне важно. Каждый человек – часть чего-то большего, некое великого организма, которым является этот город. Видишь ли, это философское течение, над которым я работаю.

Лифт вперила в него взглядом. Ну замечательно. В приюте заправляет злобная метелка, а снаружи поджидает ненормальный старикан. Она отряхнула руки.

– Если уж выбирать, то я нос. Типа внутри у меня куча разных козявок, и никогда не знаешь, какая вывалится.

– О... интересно.

– Вряд ли это чем-то поможет.

– Да, но ответ честный, что является краеугольным камнем хорошей философии.

– Ага, как скажешь. – Лифт спрыгнула с каменной скамьи. – С тобой, конечно, весело болтать о всякой ерунде, но у меня есть дела поважнее.

– Дела? – переспросил Виндль, приподнявшись.

– В точку. У меня назначена деловая встреча.

Лифт боялась опоздать. Со временем у нее всегда были проблемы.

Нет, самое важное она, конечно, помнила: восход солнца, заход солнца, бла-бла-бла. Однако все остальные условности... ну, они никогда не казались ей особо важными, чего нельзя было сказать о других людях. Она прибавила шаг.

– Собираетесь найти сферы для женщины из приюта? – Виндль метался зигзагами между ног прохожих. – Хотите ее задобрить?

– Еще чего. – Лифт презрительно фыркнула. – Она мошенничает.

– Разве?

– Ну естественно. Скорее всего, отмывает сферы бандюганов – принимает их как «пожертвования», а потом отдает обратно. За отмывание сфер неплохо платят, особенно в таком месте, как это, где писаки, голод побери, заглядывают тебе через плечо на каждом шагу. Может, дело и не в этом. Может, она вынуждает людей делать жертвования заряженными сферами в обмен на ее тусклые. Ей сочувствуют, ведь она прикрывается бедными детишками. Потом можно толкнуть заряженные сферы у менял и немного навариться.

– Это ужасно бессовестно, госпожа!

Лифт пожала плечами.

– А что еще делать с приютами? Хоть для чего-то сгодились.

– Но наживаться на человеческих чувствах?

– Жалость – мощный инструмент. Заставил человека что-то почувствовать – считай, подмял под себя.

– Правда?..

– Надо позаботиться, чтобы со мной такого не случилось. Иначе стану слабой.

Лифт вернулась к тому месту, где попала в расселины, и побродила вокруг, пока не обнаружила пандус ко входу в город – длинный и пологий, чтобы при случае могла проехать повозка.

Она кралась вверх, пока в поле зрения не попала караулка. Очередь не только никуда не делась, но стала еще длиннее. Многие обустроивались на ночлег прямо на камнях. Несколько предприимчивых торговцев продавали еду, чистую воду и даже палатки.

«Удачи», – подумала Лифт.

Большинство ожидающих выглядели так, будто из пожитков имели только собственную шкуру да, может, пару экзотических болячек. Лифт спустилась обратно. У нее маловато потрясности для еще одного столкновения со стражниками. Она примостилась в небольшой трещине в скале у подножия пандуса. Мимо прошел торговец одеялами, ведя необычную лошадку – белую и косматую, с рогами на голове. Она походила на тех животных с запада, ужасных на вкус.

– Госпожа, – Виндль устроился на каменной стене напротив ее головы, – о людях я знаю немного, зато хорошо разбираюсь в растениях. Вы удивительно схожи. Вам нужен свет, вода и питание. У растений есть корни. Ну знаете, чтобы держаться во время бурь. Иначе унесет.

– Иногда приятно унести прочь.

– А если надвигается сильная буря?

Взгляд Лифт устремился на запад. На... что бы там ни назревало. Буря, которая несется не в ту сторону, как сказали визири. Это невозможно. Что за игры затеяли алетии?

Спустя пару минут по пандусу сошла капитан стражи. Женщина еле передвигала ноги и, как только сторожевой пост скрылся из виду, поникла плечами. Наверно, тяжелый день выдался. С чего бы вдруг?

Лифт сжалась, но женщина и бровью не повела в ее сторону. Когда она прошла мимо, Лифт выбралась из трещины и поспешила следом.

Слежка в городе затруднений не вызывала. Здесь было не так много укромных уголков и обходных путей. Как и предполагала Лифт, с приходом темноты улицы опустели. Может, все еще зашевелился, когда первая луна взойдет достаточно высоко, но пока слишком мало света.

– Госпожа, что мы делаем? – спросил Виндль.

– Просто хочу посмотреть, где живет эта женщина.

– Но зачем?

Как и следовало ожидать, капитан жила недалеко от сторожевого поста – всего в нескольких улицах, уже за пределами квартала переселенцев, но довольно близко от него, поэтому и жилье там стоило сравнительно недорого. Большой комплекс вырезанных в скале комнат, по одному окну на каждую, был скорее многоквартирным домом, нежели одиночным «зданием». Вид он имел весьма необычный: отвесная скала, испещренная множеством ставень.

Капитан вошла внутрь, но Лифт за ней не последовала, а задрала голову. В конце концов из одного окна, у самого верха, заструился свет, и капитан отворила ставни, чтобы впустить свежий воздух.

– Так. – Лифт прищурилась в темноте. – Давай-ка взберемся на эту стену, пустоносец.

– Госпожа, меня можно звать по имени.

– Я могла бы обозвать тебя любой фигней. Скажи спасибо, что у меня плохое воображение. Вперед.

Виндль тяжело вздохнул, но взвился по стене. Лифт карабкалась, используя лозы как опоры для рук и ног. Ее путь лежал мимо множества окон, но лишь в нескольких виднелся свет. Между парой окон была услужливо натянута бельевая веревка, с которой Лифт умыкнула шикву. Как мило с их стороны оставить ее снаружи, причем на такой высоте, что больше и дотянуться некому.

Лифт не остановилась у окна капитана, чем немало удивила Виндля, а забралась на самый верх, на поле треба. Местные фермеры высаживали этот злак в маленькие трещины в камне, шириной не больше фута. Лозы собирались в пучки и отращивали твердые стручки, которые как распорка удерживали растения во время бурь.

Фермеры закончили трудовой день, оставив груды сорняков на поживу следующей буре, когда бы та ни пришла. Лифт устроилась у обрыва, обозревая город. Темноту пронизывали огоньки светосфер. Немного, но больше, чем она ожидала. Свет поднимался из расселин, будто вырываясь из трещин в каком-то ядре с яркой сердцевиной. Интересно, как это выглядит, когда заряженных сфер больше? Она представила себе столпы света, бьющего из разломов.

Тем временем капитан затворила ставни и, должно быть, прикрыла сферы. Лифт зевнула.

– Тебе ведь не нужен сон, пустоносец?

– Нет, не нужен.

– Тогда следи за домом. Разбудишь, если кто-то войдет или капитан выйдет.

– Может, вы наконец объясните, зачем мы следим за капитаном городской стражи?

– А чем еще заняться?

– Чем-нибудь другим?

– Скучотища. – Лифт снова зевнула. – Разбудишь, ладно?

Виндль что-то ответил, скорее всего, пожаловался, но сознание уже уплывало вдаль.

Лифт показалось, что он растолкал ее спустя лишь мгновение.

– Госпожа? Госпожа, я пребываю в восторге от вашей сообразительности и глупости одновременно.

Лифт зевнула, кутаясь в краденую шикву словно в одеяло, и прогнала парочку мельтешащих спренов жизни. К счастью, обошлось без снов. Она ненавидела сны. В них показывалась жизнь, которой у нее не могло быть, или жизнь, от которой пробирал ужас. Никакого толку.

– Госпожа? – позвал Виндль.

Она встряхнулась, села. При выборе места она не подумала, что все здесь заросло лозами, и теперь они застряли у нее в одежде. Так зачем она сюда забралась? Лифт пробежалась рукой по спутанным, торчащим во все стороны волосам.

Над горизонтом показалось солнце, фермеры уже работали на полях. Как только она приподнялась над гнездом из лоз, несколько человек оглянулись и окинули ее озадаченными взглядами. Не часто встретишь маленькую девочку реши, спящую у отвесного обрыва на твоём поле. Она ухмыльнулась и помахала им рукой.

– Госпожа, вы просили предупредить, если кто-нибудь войдет в здание, – сказал Виндль.

Точно. Лифт вздрогнула и вспомнила, что задумала. Голова прояснилась.

– И? – нетерпеливо спросила она.

– Мрак собственной персоной, человек, который едва не убил вас в императорском дворце, только что вошел в дом прямо под нами.

Мрак собственной персоной. По спине пробежал холодок тревоги. Лифт ухватилась за край скалы, не осмеливаясь выглянуть. Она спрашивала себя, появится он или нет.

– Вы ведь пришли в город вслед за ним, – произнес Виндль.

– Чистой воды совпадение, – пробормотала Лифт.

– А вот и нет. Вы продемонстрировали свои способности капитану стражи, зная, что увиденное она опишет в отчете. И вы знали, что это привлечет внимание Мрака.

– Я не могу перерыть весь город в поисках одного человека. Нужен был способ заставить его явиться ко мне. Хотя я не думала, что он так быстро отыщет это место. Видимо, у него есть писец, который отслеживает отчеты.

– Но зачем? – Голос Виндля почти сорвался на писк. – Зачем вы его ищете? Он опасен.

– Конечно.

– О, госпожа. Это безумие. Он...

– Он убивает людей, – тихо проговорила Лифт. – Визири отследили его. Он убивает людей, на первый взгляд ничем не связанных. Визири в недоумении, но я нет. – Она глубоко вздохнула. – В этом городе он за кем-то охотится, Виндль. За кем-то с силой... За таким же, как я.

Виндль притих и издал понимающее «а-а-а».

– Давай спустимся к ее окну.

Не обращая внимания на фермеров, Лифт полезла вниз. Все еще погруженный в темноту, город медленно просыпался. Вряд ли она привлечет ненужное внимание, пока здесь не станет более оживленно.

Виндль услужливо петлял прямо перед ней, помогая зацепиться. Лифт не до конца понимала, что ею движет. Может, соблазн найти похожего на нее человека, который смог бы объяснить, кто она и почему в последнее время в ее жизни так мало смысла. А может, ей просто не нравилась мысль, что Мрак преследует невинных, таких же, как она, которые не сделали ничего плохого – по крайней мере, слишком плохого, – а просто владели силами, которыми, по его мнению, владеть не должны.

Лифт прижала ухо к ставне. Внутри был отчетливо слышен голос Мрака.

– Девочка, – произнес он. – Гердазийка или реши.

– Так точно, сэр, – отозвалась капитан. – Не возражаете, если я еще раз взгляну на ваши документы?

– Вы обнаружите, что они в полном порядке.

– Служащий специального назначения? Самого князя? Никогда не слышала о такой должности.

– Это древнее, редко употребляемое звание, – пояснил Мрак. – Опишите, что именно делал этот ребенок.

– Я...

– Опишите еще раз. Лично мне.

– Что ж, заставила она нас побегать, сэр. Проскользнула в караулку, перевернула все вверх дном, стащила немного еды. Серьезным преступлением было вывалить зерно на город. Уверена, она сделала это нарочно. Торговец уже подал иск против городской стражи за умышленное пренебрежение обязанностями.

– Шансов у него мало. Поскольку на тот момент разрешение на въезд в город он не получил, то и в сферу ваших полномочий не попадает. Он может разве что выдвинуть претензии против дорожной стражи и классифицировать случившееся как разбой.

– Я ему так и сказала!

– Вам не в чем себя упрекнуть, капитан. Вы повстречались с силой, которую не в состоянии понять и о которой я не вправе рассказать. Тем не менее мне нужны подробности, в качестве доказательств. Она сияла?

– Ну... как сказать...

– Капитан, она сияла?

– Да. Клянусь, я в здравом уме. Мне не просто померещилось, сэр. Она сияла. И зерно тоже сияло, едва заметно.

– И она была скользкой на ощупь?

– Маслом намазать, и то была бы не такая скользкая, сэр. Никогда не прикасалась ни к чему подобному.

– Следовало ожидать. Вот, подпишите здесь.

Послышалось шуршание. Лифт цеплялась за стену, приложив ухо к ставне, сердце бешено колотилось. У Мрака есть осколочный клинок. Если он заподозрит, что она снаружи, то может пронзить стену и разрезать ее на две половинки.

– Сэр? Не объясните, что происходит? – спросила капитан стражи. – Чувствую себя потерянной, как солдат на поле боя, который не может вспомнить, на чьей стороне воюет.

– Вам это знать не положено.

– Э-э... так точно, сэр.

– Найдите ребенка. То же передайте остальным и доложите начальству, если ее обнаружат. Я узнаю об этом.

– Так точно, сэр.

Судя по звуку шагов, Мрак направился к двери. Прежде чем уйти, он кое-что подметил:

– Заряженные сферы, капитан? Вам повезло, в последние-то дни.

– Я их выменяла, сэр.

– А в лампе на стене потускневшие.

– Они погасли много недель назад, сэр. Не успела заменить. Это... важно, сэр?

– Нет. Помните о своем задании, капитан. – Он попрощался.

Хлопнула дверь. Лифт снова вскарабкалась по стене в сопровождении ноющего Виндля и затаилась наверху, наблюдая, как Мрак вышел на улицу. Лучи утреннего солнца коснулись ее шеи, и Лифт не смогла сдержать дрожь.

Черная с серебром форма. Темная кожа, как у макабаки. Бледная отметина на щеке – родимое пятно в форме полумесяца.

Мертвые глаза. Глаза, которым все равно, кто перед ними, – человек, чулл или камень. Мрак спрятал документы в карман мундира и натянул длинные перчатки с отворотами.

– Итак, мы нашли его, – прошептал Виндль. – Что дальше?

– Дальше? – У Лифт пересохло во рту. – Дальше мы последуем за ним.

8

Слежка за Мраком сильно отличалась от слежки за капитаном. Во-первых, наступил день. Как бы ни было рано, света хватало, и Лифт опасалась, что ее заметят. К счастью, встреча с Мраком полностью развеяла туман сонливости.

Сначала она пыталась идти по верху стен, по садам над городом. Это оказалось непросто. Через расселины были перекинуты мосты, но попадались они не так часто, как хотелось. Каждый раз, когда Мрак подходил к перекрестку, Лифт пробирала дрожь: вдруг он свернет, а она не сможет перепрыгнуть слишком большое расстояние.

В конце концов она выбрала более опасный путь: спустилась по лестнице и пошла за Мраком понизу. Местные, похоже, привыкли к толкотне. В переулках оказалось не так уж тесно, на многих более крупных улицах было еще свободнее. Однако стены действительно усиливали ощущение клетки.

Лифт часто приходилось за кем-нибудь следить, поэтому она не привлекала внимания. Даже ни один карман не обчистила, несмотря на несколько прекрасных возможностей. Некоторые прохожие едва ли не выставляли кошель напоказ, словно настаивая, чтобы их забрали. Если бы не слежка за Мраком, можно было бы прихватить парочку, как в старые добрые времена.

Потрясность она не использовала, да та все равно подходила к концу. Лифт не ела с прошлого вечера, а сила со временем иссякала, даже если она ее не применяла. На это требовалось примерно полдня, но почему, Лифт не знала.

Она петляла между фермерами, шедшими на работу, женщинами, несущими воду, детьми, мчащимися вприпрыжку на уроки – там они сидели рядами и слушали учителя, одновременно занимаясь подсобной работой вроде шитья, чтобы оплатить обучение. Дурачьё.

Перед Мраком расступались, словно перед парнем, который, не в силах сдержаться, оповещает окружающих пердежом о том, что недавно съел. Улыбнувшись этой мысли, Лифт взобралась на какие-то ящики, где уже сидели другие уличные ребята. Однако Мрак не был обычным человеком. Сложно представить, как он ест и все такое.

Лавочник согнал их с ящиков, но Лифт успела хорошенько рассмотреть Мрака и поспешила следом. Виндль не отставал.

Мрак ни разу не остановился уточнить дорогу или отвлечься на безделушки уличных торговцев. Казалось, он двигается слишком быстро даже для собственных шагов, будто перетекая из тени в тень. Несколько раз Лифт едва не потеряла его из виду, что было крайне странно. Она всегда могла уследить за тем, кто где находится.

В конце концов Мрак подошел к лавке с множеством самых разнообразных фруктов. Выглядело это так, словно кто-то собирался затеять грандиозную драку едой, но решил пойти на попятную и теперь неохотно распродал боеприпасы. Пока лавочник неловко тараторил на Мрака, Лифт позаимствовала фиолетовый фрукт, названия которого не знала. На Мрака всегда так смотрели. Он...

– Эй! – выкрикнул лавочник. – А ну, стой!

Лифт повернулась, спрятала руку за спину и выронила фрукт, пнув его пяткой подальше в толпу. И расплылась в милейшей улыбке.

Однако лавочник смотрел не на нее, а на другую дармоедку – девицу на пару лет старше Лифт, которая стащила целую корзинку фруктов. В ту же секунду, как была замечена, девица подхватила корзинку и дала деру, ловко лавируя в толпе.

Лифт тихонько застонала.

Нет. Не туда. Только не к...

Мрак высмотрел воровку в толпе, будто перетек к ней и сцапал за плечо – словно сработала крысоловка. Девица отбивалась и брыкалась, но он сохранял невозмутимость и словно не замечал ее выпады. Он подобрал корзинку с фруктами и понес к лавке, волоча за собой и воровку.

– Благодарю! – Лавочник принял корзинку и оглядел форму Мрака. – Хм, офицер?

– Я служащий специального назначения с неограниченными полномочиями по всей стране, действующий с разрешения князя. – Мрак извлек из кармана мундира документ и протянул лавочнику.

Девушка схватила из корзинки фрукт и запустила им в Мрака. Фрукт отскочил от его груди с чавкающим звуком. Никакой реакции. Он не дернулся, даже когда воровка укусила его за руку – просто спрятал документ, который показывал лавочнику. И посмотрел на нее.

Лифт знала, каково это – заглянуть в его холодные безжизненные глаза. Девушка сжалась и, видимо, запаниковала – выдернула из-за пояса нож и принялась им размахивать. В отчаянии попыталась резануть Мрака по плечу, но тот свободной рукой легко выбил оружие.

Толпа почуяла неладное. Остальной рынок оживленно гудел, но вокруг все стихло. Лифт притаилась за небольшой сломанной телегой. Та была узкой, чтобы ее было легче катить по расселинам. Пара беспризорников спорила, сколько времени потребуется Тикке «на этот раз», чтобы сбежать.

Словно услышав их, Мрак призвал осколочный клинок и вогнал его в грудь вырывающейся воровки.

Длинное лезвие вошло по самую рукоять. Девушка ахнула, ее глаза широко распахнулись, а затем сохлись и выгорели, лишь два завитка дыма поползли к небу.

Лавочник вскрикнул, прижав руку к груди. Корзинка с фруктами покатила по земле.

Лифт зажмурилась и услышала, как упало бездыханное тело. Затем раздался преувеличенно спокойный голос Мрака:

– Отдайте этот бланк зрителю рынка. Он разберется с телом и примет ваше заявление. Давайте я засвидетельствую дату и время... вот...

Лифт заставила себя открыть глаза. Двое беспризорников рядом с ней застыли от ужаса, широко разинув рты. Не веря собственным глазам, один захныкал.

Мрак закончил заполнять бланк и подтолкнул лавочника, чтобы тот тоже письменно засвидетельствовал происшедшее. Потом кивнул и развернулся, чтобы уйти.

У ног лавочника по-прежнему валялись рассыпавшиеся фрукты, сбоку громоздились ящики и корзины. Он уставился на труп, вяло сжимая бланк. Вдруг вокруг него на земле вскипели спрены гнева, похожие на красные лужицы.

– Это было необходимо?! – с вызовом спросил он. – Таши... Таши всевышний!

– Таши не сильно заботит, чем вы тут занимаетесь, – произнес Мрак на ходу. – Более того, я бы помолился, чтобы он не нагрязнул в ваш город, так как последствия вам вряд ли понравятся. Что касается воровки, за кражу она бы отделалась тюремным заключением. Нападение с холодным оружием на офицера карается смертью.

– Но... но это варварство! Нельзя было просто... просто отрубить ей руку, например?

Мрак остановился и оглянулся на лавочника. Тот сразу поник.

– Я пробовал это там, где закон позволяет выбрать наказание на свое усмотрение. Отрубить руку – значит, повысить вероятность рецидива. Вор не способен честно трудиться, ему придется снова украсть. В этом случае я бы усугубил, а не искоренил злодеяние.

Склонив голову, он перевел взгляд с лавочника на мертвое тело, словно в недоумении, почему кто-то обеспокоен свершившимся. И без дальнейших объяснений отвернулся и продолжил путь.

Ошеломленная Лифт не могла отвести глаз. Наплевав на осторожность, она стряхнула оцепенение и подбежала к телу. Схватила девицу за плечи и вдохнула в нее потрясность – пылающий внутри свет.

На миг показалось, что все получилось. Она уловила нечто – свечение в форме силуэта. Подрагивая, оно задержалось вокруг тела, а потом улетучилось. Тело опало на землю, неподвижное, с выжженными глазами.

– Нет... – вырвалось у Лифт.

– На этот раз прошло слишком много времени, госпожа, – мягко произнес Виндль. – Мне жаль.

– Гокс пролежал дольше.

– Гокса убили не осколочным клинком. Мне... мне кажется, чаще всего люди не умирают мгновенно. Эх, память. Слишком много пробелов, госпожа. Но уверен, с осколочными клинками иначе. Возможно, если бы вы попытались сразу после убийства. Да, тогда бы получилось. Прошло слишком много времени, и в любом случае сил у вас было недостаточно.

Истощенная Лифт опустилась на колени прямо на камни. Даже крови нет.

– Она и правда бросилась на него с ножом, – произнес Виндль, понизив голос.

– Она испугалась! Посмотрела ему в глаза и запаниковала.

Стиснув зубы, Лифт зарычала, поднялась с колен и, перешагнув тело, подскочила к лавочнику. Тот отпрянул, а она схватила два фрукта и, глядя прямо ему в глаза, откусила от одного большой сочный кусок.

И побежала догонять Мрака.

– Госпожа... – вздохнул Виндль.

Лифт проигнорировала его. Она преследовала бессердечное чудовище, убийцу. Его снова удалось нагнать. После убийства воровки еще больше людей с тревогой смотрели ему вслед. Лифт заметила, как он вышел с рынка, поднялся по ступеням и скрылся в большом сводчатом проходе.

Лифт осторожно шла за ним, пока не оказалась в необычной части города. Здесь в камне вырезали большую коническую полость. Она уходила вглубь скалы и была заполнена водой.

Огромная цистерна размером в несколько домов предназначалась для сбора дождевой воды во время бурь.

– Ах, – восхитился Виндль. – Цистерна отгорожена барьером. Дождевые потоки стекают по улицам, но обходят ее стороной, поэтому вода в ней всегда чистая. Вообще похоже, что большинство улиц вырублены под уклоном именно для того, чтобы вода утекала. Но куда?

Какая разница. Лифт осмотрела большую цистерну и перекинутый над ней изящный мостик. Штуковина такая огромная, что понадобился мостик. С него ведрами на веревках черпали воду.

По мостику Мрак не пошел. Вдоль наружной стороны цистерны тянулся выступ, и людей на нем было гораздо меньше. Мраку явно не хотелось толкаться.

Лифт задержалась у входа, борясь с отчаянием и чувством беспомощности. Ненароком помешав кому-то пройти, она заработала в свой адрес пару проклятий.

«Ее звали Тикка, – подумала Лифт. – Я буду помнить о тебе, Тикка. Потому что больше почти и некому».

Поверхность воды внизу рябила от того, что в цистерну постоянно опускали ведра. Если последовать за Мраком по выступу, не за кем будет укрыться.

Конечно, оглядывался он не часто. Стоило рискнуть. Лифт сделала шаг.

– Нет! – остановил ее Виндль. – Госпожа, не высовывайтесь. У него есть глаза, которых вы не замечаете.

Прекрасно. Она влилась в поток,двигающийся вниз по ступеням. Этот путь был короче, но на мосту оказалось слишком многолюдно. В суматохе из-за невысокого роста она потеряла Мрака из виду.

Шея покрылась холодным потом. Ей мерещилось, что если она его не видит, значит, совершенно точно, пусть это и глупо, он наблюдает за ней. Перед глазами раз за разом всплывала картинка: он хватает воровку на рынке, двигаясь со сверхъестественной легкостью. Да, он многое знал о таких, как Лифт. И говорил о ее силах, словно знаком с ними не понаслышке.

Лифт зачерпнула потрясности. Не сделалась скользкой, но позволила свету заполнить себя, взбодрить. Иногда казалось, будто сила живая. Сущность стремления, спрен. Лифт тянуло вперед, только поспевай уворачиваться и протискиваться.

Она добралась до другого конца моста, но Мрака не было видно на выступе. Бури! Миновав сводчатый проход на другой стороне, Лифт снова очутилась в основной части города на большом перекрестке.

Мимо нее сновали закутанные в шиквы ташикки, иногда попадались азирыцы в одежде с разноцветными узорами. Определенно, эта часть города лучше. Свет восходящего солнца отражался от раскрашенных участков стен. Огромная фреска изображала, как Таши и Девятеро связывают мир. Некоторых прохожих сопровождали рабы-паршуны с мраморной черно-красной кожей. Здесь они встречались не так часто, как в Азире. Может, она просто не заходила в достаточно богатые районы?

Перед большинством зданий росли деревца или декоративные кусты. Эти сорта специально вывели ленивыми, чтобы листья не втягивались, несмотря на близкое столпотворение.

«Вглядись, – подумала Лифт. – Где людям не по себе?»

Доверившись интуиции, она пробиралась сквозь толпу. Нечто едва уловимое было в том, как все стояли, куда смотрели. Словно рябь на воде. Словно волны расходятся от плывущей рыбы, безмолвной, но не неподвижной.

Лифт свернула за угол и краем глаза заметила Мрака. Тот поднимался по ступеням у ряда небольших деревьев. Он вошел внутрь дома, дверь закрылась.

Лифт подкралась ближе. Листья на деревьях задевали ее лицо и втягивались. Они, конечно, медленные, но не настолько глупые, чтобы замирать, если их трогают.

– Что там у него за «глаза», которых я не замечаю? – спросила Лифт у свернувшегося рядом Виндля.

– У Мрака есть спрен, вроде меня. Наверняка невидимый для всех, кроме него. Впрочем, как и большинство на этой стороне. Всех правил не помню.

– Иногда ты такой глупый, пустоносец.

Виндль в ответ только вздохнул.

– Не переживай, я глуплю почти все время, – почесала затылок Лифт.

Ступеньки вели к двери. Хватит ли у нее смелости открыть ее и проскользнуть внутрь? Если она хочет разузнать о Мраке и его делах в городе, придется выяснить не только, где он живет.

– Госпожа, может, я и глуп, но знаю наверняка, что вы этому существу не ровня. Вы не произнесли еще многих слов.

– Ну естественно, я много каких слов не произносила. Ты вообще меня слушаешь? Я маленькая невинная девочка. И не собираюсь болтать о письках, жопах и прочей ерунде. Я же не грубиянка.

– Не таких слов, госпожа, – вздохнул Виндль. – Я...

– А ну, цыц. – Лифт притаилась под деревьями перед зданием. – Нам нужно попасть внутрь и посмотреть, чем он там занимается.

– Госпожа, пожалуйста, не дайте убить себя. Это будет ужасно. Чтобы восстановиться, мне потребуется не один месяц!

– Всяко быстрее, чем мне.

Она пораскинула мозгами. Зависнуть снаружи здания и подслушать Мрака, как вышло у дома капитана стражи, не получится. Только не в зажиточной части города и не среди бела дня.

Кроме того, сегодня перед ней более серьезные цели, нежели обычное подслушивание. Нужно по-настоящему вломиться внутрь и обстрипать все как полагается. Но как? Черного хода у таких домов не найдешь, их вырезали прямо в скале. Можно проскользнуть через окно, но это точно вызовет подозрения.

Лифт бросила взгляд на прохожих. Горожане точно обратят внимание на уличную оборванку, которая лезет в окно. Сразу ясно – что-то не так. В то же время они не замечают очевидных вещей прямо под носом.

Может... После того как она съела фрукт, еще оставалось немного потрясности. Лифт заметила закрытое окно в пяти-шести футах сверху. Первый этаж, но довольно высоко, как и все в этом городе.

Она присела и выпустила наружу немного потрясности. Маленькое деревце рядом потянулось и тихо затрещало. Почки с листьями набухли и раскрылись, словно зевнув спросонок. Ветви устремились в небо. Она выжидала, подпитывая крону, пока та не разрослась настолько, что заслонила окно. Вокруг ног Лифт, точно маленькие булочки в печи, вздувались принесенные бурями семена камнепочек. По лодыжкам вились тонкие побеги.

Никто из прохожих не обращал внимания. Оборванку закуют в кандалы за то, что она подозрительно почешет зад, но чудо под носом их не волнует. Выдохнув, Лифт улыбнулась. Если перемещаться осторожно, дерево прикроет ее, когда она полезет в окно. Она оставила потрясность сочиться наружу, успокаивая дерево, и то разленилось еще больше. Вокруг засновали спрены жизни – светящиеся зеленые пылинки.

Дождавшись, пока людской поток поредеет, Лифт подпрыгнула, ухватилась за ветку и залезла на дерево. Подпитываясь потрясностью, оно не втягивало листья. Среди ветвей, пряно благоухающих, как специи для супа, Лифт чувствовала себя в безопасности. По ветвям, выпуская многочисленные листья, вились лозы, совсем как у Виндля.

К сожалению, сила почти иссякла. От пары кусочков фрукта толку не много. Лифт приложила ухо к толстым буреставням, но из комнаты не доносилось ни звука.

Скрытая в кроне, она легонько подергала буреставни, чтобы определить, где защелка.

«Ну вот. Я умею слушать».

Правда, это не совсем то слушание.

С обратной стороны окно оказалось заперто каким-то длинным засовом, судя по всему, вдетым в пазы поперек ставен. К счастью, здесь буреставни закрывались не так плотно, как в других городах. Видимо, под защитой расселин в этом не было нужды. Лифт напирала лозы буресветом, и те, обвив ветви, обернулись вокруг ее рук и протиснулись в щели между ставен. Внутри побегов вытянулись, надавив на засов, и...

И вот она внутри. Остатки потрясности ушли на петли – ставни раскрылись, не издав ни звука. Лифт скользнула в комнату, напоминающую каменную коробку. Спрены жизни хлынули следом, танцую в воздухе, словно светящиеся семена шептомельницы.

– Госпожа! – Виндль взвился по стене. – О, госпожа, это было бесподобно! Почему бы нам не выкинуть из головы всю эту ерунду с неболомами и не заняться... почему бы... почему бы не заняться собственной фермой!? Точно, фермой! Чудной фермой. Вы будете каждый день ваять растения и есть, пока не лопнете! И... госпожа?

Лифт неслышно прошлась по комнате, отметив у стены стойку со смертоносными мечами в ножнах. Тренировочные краги на полу в углу. Пахло маслом и потом. В дверном проеме не было двери, и Лифт выглянула наружу, прислушиваясь.

Здесь пересекались три коридора. Вдоль боковых, справа и слева, тянулись комнаты, центральный вел вперед, во тьму. Как раз оттуда эхом доносились голоса.

Центральный коридор врезался глубоко в скалу, прочь от окон, а значит, и выходов. Лифт бросила взгляд направо, в сторону входа в дом. В кресле возле двери сидел старик в бело-черной форме, какую она видела только на Мраке и его людях. Не считая пары клочков волос, стражник был лысый, с глазами-бусинками и сморщенным лицом – будто сухофрукт пытался сойти за человека.

Он встал и, выглянув в маленькое дверное окошко, стал с подозрением наблюдать за прохожими. Лифт воспользовалась моментом и шмыгнула в коридор слева, а оттуда – в соседнюю комнату.

Эта выглядела поинтереснее. Несмотря на полумрак, комната напоминала рабочий кабинет или логово. Слегка приоткрыв ставни и впусив немного света, Лифт осмотрелась. На полках, заваленных картами, ничего необычного. На письменном столе, кроме нескольких книг и подставки с даль-перьями, тоже ничего. Сундук у стены заперт. Она уже начала терять надежду, когда вдруг что-то учуяла.

Лифт выглянула из дверного проема. Стражник отошел. Она слышала, как он насвистывает неподалеку, оттуда же доносилось журчание струи.

Лифт скользнула по коридору налево, подальше от входа. Следующей комнатой оказалась спальня, дверь была чуть приоткрыта. Прокравшись внутрь, она обнаружила мундир на вешалке, с пятном от фрукта спереди. Несомненно, мундир принадлежал Мраку.

На полу под мундиром стоял поднос, накрытый металлической крышкой, – под такими богачи прятали тарелки, чтобы даже не смотреть на еду, пока та не

остынет. Под крышкой, словно изумрудные сокровища Чертогов Спокойствия, дожидались три тарелки с блинчиками.

Завтрак Мрака. Задача выполнена.

С мстительным воодушевлением Лифт принялась набивать рот.

Рядом появилось лицо из лоз.

– Госпожа? – позвал Виндль. – Так все ради... ради того, чтобы стащить у него еду?

– М-гм. – Лифт проглотила кусок. – Ради чего же еще. – И откусила еще. Теперь ему мало не покажется.

– О, разумеется. – Виндль глубоко вздохнул. – Полагаю, это... это славно. Да. Никто не размахивает невинными спредами, не вонзает их в людей и все такое прочее. Просто... просто крадем еду.

– Еду Мрака.

Она краля во дворце и, голод побери, у самого императора Азира. Нужно было попробовать что-нибудь поинтереснее.

Приятно, когда желудок наконец наполнен под завязку. Один блинчик был соленый, с рублеными овощами. Другой сладкий. Третий оказался воздушным, почти совсем без начинки, правда, с соусом. Соус она выпила залпом – нет времени на макание.

Лифт подобрала все крошки и, улыбаясь, привалилась к стене.

– Значит, мы проделали весь этот путь и выследили самого опасного человека из всех, что встречали, лишь для того, чтобы стащить его завтрак, – подвел итог Виндль. – И больше... больше ничего?

– А ты хочешь проверить что-нибудь еще?

– Бури, нет! – Виндль повернул свое маленькое лицо из лоз к коридору. – Я имею в виду... здесь мы все время подвергаемся опасности.

– Ага.

– Нужно бежать. Завести ферму, как я уже говорил. И забыть про него, хотя он явно выслеживает кого-то в городе. Такого же, как мы, способного дать ему отпор. И кого он убьет прежде, чем тот осознает собственные способности...

Они сидели в комнате, рядом валялся пустой поднос. Лифт чувствовала, как внутри снова начинает бурлить потрясность.

– Тогда пошпионим за ним, что скажешь?

Виндль немного поныл, но, как ни странно, кивнул.

9

– Только постарайтесь умереть не слишком жестокой смертью, госпожа, – бурчал Виндль. Лифт подкрадывалась к голосам неподалеку. – Лучше хороший удар по голове, чем если вас выпотрошат.

Один голос совершенно точно принадлежал Мраку. Ее пробрал озноб. Гоняась за ней по азирскому дворцу, он казался бесстрастным и едва ли не извинялся за то, что собирался сделать.

– Слышал, удушение вполне ничего, – продолжал Виндль. – Но в этом случае, испуская дух, не смотрите на меня. Боюсь, я этого не вынесу.

«Вспомни девицу на рынке. Успокойся».

Бури, руки у нее дрожали.

– Уж не знаю, какая вам выпадет смерть, – добавил Виндль. – Скорее всего, жуткая, но зато вы не умрете в поножовщине.

Коридор заканчивался большой комнатой. От бриллиантов внутри исходил спокойный, мягкий свет. Не осколки и даже не сферы, большие самосветы без оправы. Лифт затаилась у приоткрытой двери, в тени.

Одетый в строгую белую рубашку, Мрак вышагивал перед двумя приспешниками в черно-белой форме, с мечами на поясах. Один был макабаки, с круглым простоватым лицом. Вторая – женщина с более светлой кожей, может, реши, о чем свидетельствовали длинные темные волосы, заплетенные в тугую косу. У нее была квадратная челюсть, мощные плечи и чересчур маленький нос, будто свой она продала, чтобы купить новую пару обуви, а замену откопала на свалке.

– Тем, кто вскоре присоединится к нашему ордену, оправдываться не подобает, – наставлял Мрак. – Если хотите заслужить доверие своих спренов и сделать шаг от посвященного к рыцарю осколков, вы должны полностью отдаться делу. Должны оправдать доверие. Утром я напал на след, который вы оба упустили, и обнаружил в городе второго нарушителя.

– Сэр! – отозвалась женщина реши. – Я предотвратила нападение в переулке! Мужчине угрожали бандиты!

– Это правильный поступок, – Мрак продолжал размеренно вышагивать взад-вперед, – но следует действовать осмотрительно, не отвлекаясь на мелких преступников. Я понимаю, что сложно оставаться в стороне, когда сталкиваешься с нарушением законов, объединяющих общество. Однако помните: наша первоочередная забота – более важные вещи и более важные преступления.

– Связыватели потоков, – произнесла женщина.

Связыватели потоков. Люди, похожие на Лифт, люди с потрясностью, способные на невозможное. Ей не было страшно пробраться во дворец, но сжавшись под дверью, глядя на человека, которого называла Мраком, она замерла от ужаса.

– Но... действительно ли... – заговорил мужчина-посвященный. – В смысле, не следует ли нам желать их возвращения, ведь тогда мы перестанем быть единственным орденом Сияющих рыцарей?

– К сожалению, нет. Когда-то я и сам так думал, но Ишар открыл мне истину. Если между спренами и людьми снова возникнут узы, люди неизбежно познают великую силу клятв. Без Чести, контролирующего все это, есть небольшой риск, что пустоносцы снова смогут совершить скачок между мирами. Это вызовет Опустошение, и даже малый риск того, что мир будет уничтожен, неприемлем. Для миссии, возложенной на нас Ишаром, – защиты Рошара именем высшего закона – требуется абсолютная преданность.

– Ты заблуждаешься, – послышался шепот из темноты. – Может, ты и бог... но все равно заблуждаешься.

Лифт чуть не выпрыгнула из собственной кожи. Бури! Рядом с местом, где она пряталась, прямо в дверном проеме, сидел парень. Она его не заметила – слишком сосредоточилась на Мраке.

Парень сидел на полу: в рваном белом одеянии, с коротким коричневым пушком на голове, словно до недавнего времени постоянно брил волосы. Кожа

бледная, бесцветная. Он обнимал длинный меч в серебристых ножнах, как любимую игрушку, уперев рукоять в плечо.

Он слегка шевельнулся и... бури, от него остался мягкий белый послеобраз, какой бывает, если слишком долго смотреть на яркий самосвет. Через мгновение послеобраз растаял.

– Они уже вернулись, – прошептал парень с едва уловимым шинским акцентом. – Пустоносы уже вернулись.

– Ты ошибаешься, – возразил Мрак. – Пустоносы не вернулись. То, что ты видел на Расколотых равнинах, – просто пережитки из прошлого тысячелетия. Это пустоносы, которые все время скрывались среди нас.

Парень в белом поднял взгляд, и Лифт отпрянула назад. От его движения остался еще один послеобраз, кратко засиявший, прежде чем погаснуть. Бури! Белое одеяние. Необычные силы. Лысый шинец. осколочный клинок.

Да это ведь, голод побери, Убийца в Белом!

– Я их видел, – прошептал убийца. – Новая буря, красные глаза. Ты заблуждаешься, Нин-сын-Бога. Ты заблуждаешься.

– Совпадение, – уверенно ответил Мрак. – Я связывался с Ишаром, и он заверил меня в этом. Ты видел лишь нескольких слушателей, оставшихся с древних времен. Они вольны использовать древние формы. Они призвали горстку спренов пустоты. Мы и раньше находили на Рошаре этих недобитков.

– А буря? Новая буря с красными молниями?

– Ничего не значит. – Похоже, Мраку было все равно, когда ему возражают. Похоже, ему всё все равно. Абсолютно монотонный голос. – Наверняка, аномалия.

– Как же сильно ты заблуждаешься...

– Пустоносы не вернулись, – твердо заявил Мрак. – Ишар уверял, что это так, а он не будет лгать. Мы должны исполнить наш долг. Ты задаешься вопросами, Сзет-сын-Нетуро. Это не хорошо, это слабость. Задаваться вопросами – значит, опуститься до бездействия. Избрать принципы и следовать им – вот единственный путь к здоровым мыслям и поступкам. Именно поэтому я и пришел за тобой.

Мрак развернулся, расхаживая перед собеседниками.

– Разум людей уязвим, чувства переменчивы и часто непредсказуемы. Единственный путь к Чести – придерживаться выбранных принципов. Так поступали Сияющие рыцари, и так поступают неболомы.

Мужчина и женщина отсалютовали. Убийца только склонил голову, закрыв глаза и крепче сжав странный осколочный клинок в серебристых ножнах.

– Вы сказали, в городе еще один связыватель потоков, – заговорила женщина. – Мы можем найти...

– Она моя, – спокойно сказал Мрак. – Продолжайте выполнять свое задание. Найдите того, кто скрывается с момента нашего прибытия. – Он сузил глаза. – Если не остановить одного, другие начнут объединяться. Они соберутся в группу. За последние пять лет я часто отмечал, что, если им не мешать, они налаживают общение между собой. Должно быть, их тянет друг к другу.

Он повернулся к двоим посвященным. Похоже, убийцу он игнорировал, пока тот молчал.

– Ваша добыча будет совершать ошибки – они нарушают закон. Другие ордены всегда считали себя выше закона. Только неболомы понимали важность

ограничений, важность выбора внешнего ориентира, которым и руководствовались. Нельзя доверять своим суждениям, даже моему – особенно моему. Я оказал вам достаточную помощь. Вы получили мое благословение и полномочия свободно действовать в городе. Вы найдете связывателей потоков, выясните их прегрешения и свершите правосудие. Во имя Рошара.

Оба снова отсалютовали, и в комнате внезапно потемнело. Женщина засияла призрачным светом и, покраснев, робко поглядела на Мрака.

– Я найду их, сэ! Мое расследование не стоит на месте.

– У меня тоже есть зацепка, – добавил мужчина. – Сегодня вечером у меня точно появится информация.

– Работайте сообща, – напутствовал Мрак. – Это не соревнование. Это испытание ваших способностей. Даю вам время до заката, больше ждать не могу. Теперь, когда начали появляться другие, риск слишком велик. После заката я займусь вопросом лично.

– Жопа, – прошептала Лифт. Она покачала головой и поспешила обратно по длинному коридору, прочь от этих людей.

– Погодите-ка. – Виндль следовал за ней. – Жопа? Вы вроде бы зарекались не произносить таких слов, как...

– Жопы есть у всех, – пробурчала Лифт. – Так что это не грубость, а наблюдение.

Добежав до пересечения коридоров, она выглянула в левый. Старикан на страже задремал. Лифт скользнула в комнату, через которую забралась внутрь, перелезла на дерево и закрыла за собой ставни.

В считанные секунды она забежала за угол и с бешено колотящимся сердцем сползла по каменной стене на землю. Дальше по переулку виднелась довольно симпатичная лачуга, внутри семья ела блинчики. У лачуги было целых две стены.

– Госпожа? – позвал Виндль.

– Я проголодалась, – пожаловалась Лифт.

– Вы только что поели!

– Не ожидала, что придется так напрягаться, чтобы забраться в этот дом, голод его побери. – Она зажмурилась, пытаясь подавить тревогу.

Голос Мрака был ледяным.

«Но они такие же, как я. Светятся, как я. Они... потрясные, как я? Преисподняя, что здесь творится?»

И Убийца в Белом. Не собирается ли он убить Гокса?

– Госпожа? – Виндль обвился вокруг ее ноги. – О, госпожа, слышали, как его называют? Нин! Так звали Налана, Вестника! Не может быть, они ведь ушли. Даже у нас ходят об этом легенды. Если это создание и правда один из них... О, Лифт, что же нам делать?

– Не знаю, – прошептала она. – Не знаю. Бури... почему я вообще здесь?

– Видите ли, я спрашивал о том же еще...

– Заткнись, пустоносец.

Она перекатилась и села на колени. В глубине переулочка отец семейства потянулся за дубинкой, а жена закрыла пологом переднюю часть лачуги.

Лифт вздохнула и побрела обратно к кварталу переселенцев.

Добравшись до приюта, Лифт наконец поняла, почему тот располагался рядом с открытым пространством у входа в переулок. Смотрительница приюта – Коряга, как ее называли, – отворила двери и выпустила детей. Они играли на самой скучной в мире детской площадке – на ступеньках амфитеатра и небольшом ровном участке перед ним.

Однако детям вроде нравилось. Одни, весело смеясь, носились вверх-вниз по ступенькам, другие сидели кружком на земле и играли раскрашенными камешками. В воздухе резвились спрены смеха, похожие на маленьких серебристых рыбок, – голод побери, целый косяк сновал туда-сюда футах в десяти над землей.

Детей было много, и в основном они оказались младше, чем ожидала Лифт. У большинства, как она поняла, проблемы с головой, у некоторых недоставало руки или ноги, все в таком духе.

Лифт слонялась у входа в переулок, где играли две слепые девочки. Одна роняла камешки разных размеров и форм, а другая угадывала, где какой, по звуку, с которым те падали на землю. Старики и старухи в шиквах, те же, что и вчера, снова собрались на задних скамейках амфитеатра и, переговариваясь, наблюдали за играющими детьми.

– Я думал, вы считаете, что в сиротских приютах сплошная безнадежность, – произнес Виндль, пристроившись рядом на стене.

– Когда их выпускают погулять, все ненадолго становятся чуть счастливее, – сказала Лифт, глядя на Каргу.

Иссохшая пожилая женщина с хмурым видом выкатила к амфитеатру тележку. Опять булки из клемы. Бесподобно. Они были лишь немногим вкуснее каши-размазни, а та – лишь немногим вкуснее вареных носков.

Однако Лифт все равно пристроилась за остальными. Когда до нее дошла очередь, Коряга, не проронив ни слова, указала на место возле тележки. Лифт, не в силах спорить, шагнула в сторону.

Убедившись, что все дети получили еду, Коряга пристально посмотрела на Лифт и протянула ей одну из двух оставшихся булок.

– Это твой второй раз из трех.

– Второй?! – возмутилась Лифт. – Я же не...

– Первый был вчера вечером.

– Я тогда не просила!

– Но съела.

Карга покатила тележку, откусив от последней булки.

– Шквальная ведьма! – пробормотала Лифт.

Найдя местечко на каменных скамейках, она уселась подальше от приютских, не желая с ними разговаривать.

– Госпожа. – Виндль взобрался к ней по ступенькам. – Я не верю, когда вы говорите, будто покинули Азир потому, что там вас одевали в красивую одежду и учили грамоте.

– С чего бы вдруг? – ответила она, жуя булку.

– Начнем с того, что вам нравилось наряжаться. А когда дело доходило до уроков, вы, судя по всему, с удовольствием играли с учителями в прятки. Вас ни к

чему не принуждали, просто предоставили возможности. Жизнь во дворце вовсе не была удавкой на шее, как вы уверяете.

– Для меня, может, и нет, – признала она.

Чего не скажешь о Гоксе. От нового императора ожидали слишком многого: уроки, жизнь напоказ. Люди приходили смотреть, как он ест. И наблюдали, как он спит. В Азире император принадлежал народу, словно был дружелюбной бездомной рублигончей, которую подкармливают в семи домах, и каждый дом считает ее своей.

– Может, я просто не хотела обманывать их ожидания. Когда знаком с людьми слишком долго, они начинают на тебя рассчитывать.

– Ах, так вы не выносите груза ответственности?

– Конечно не выношу. Голод побери, я обычная девчонка с улицы.

– Девчонка, которая гналась за человеком, оказавшимся ни много ни мало одним из Вестников. Который обезумел и якшается с убийцей, прикончившим кучу монархов. Все верно, должно быть, вы избегаете ответственности.

– Ты на меня бочку катишь, пустоносец?

– Качу бочку? Признаться, я не понимаю смысла этого выражения, но судя по вашему тону, качу. И вероятно, вы этого заслуживаете.

Лифт что-то проворчала с набитым ртом. На вкус булка была отвратительной, будто пролежала всю ночь.

– Мамочка всегда советовала мне путешествовать. По всяким местам. Пока я молодая.

– То есть поэтому вы покинули дворец?

– Без понятия. Наверно.

– Полная чушь. Госпожа, в чем же все-таки дело? Лифт, чего вы хотите?

Она опустила взгляд на недоеденную булку и тихо проговорила:

– Все меняется. Но это не страшно, все и должно меняться, кроме меня. Я попросила об этом. По идее, она должна давать то, что просишь.

– Ночехранительница? – уточнил Виндль.

Лифт кивнула, чувствуя себя подавленной и озябшей. Вокруг играли и смеялись дети, но почему-то при виде их становилось только хуже. Она прекрасно понимала, хоть и долго пыталась это игнорировать, что стала выше, чем три года назад, когда разыскала Старую магию.

Она устремила взгляд мимо детей на улицу впереди. Промелькнула группа женщин, несущих корзины с пряжей. В противоположном направлении прошествовал важный мужчина алетти, по крайней мере на фут выше любого прохожего, с прямыми черными волосами и властными манерами. Уборщики подбирали мусор.

У входа в переулок Коряга, оставив тележку, отчитывала малыша, который затеял драку. На задних скамейках амфитеатра пересучивались старики со старухами. Одна старуха разливала по чашкам чай и передавала остальным.

Казалось... все просто знают, что делать. Кремлецы знали, как удирать, растения – как расти. Все знали свое место.

– Я всегда знала, только как добывать еду, – прошептала Лифт.

– Вы о чем, госпожа?

Поначалу прокормиться было трудно. Со временем она научилась разным уловкам. Поднаторела в них.

А чем заняться, когда не нужно думать о еде? Как вообще понять?

Кто-то ткнул ее в руку, и Лифт обернулась. К ней подскочил мальчишка – тощий, с обритой головой, – показал на недоеденную булку и заворчал.

Лифт со вздохом отдала булку, и мальчишка с жадностью набросился на еду.

– Я тебя знаю, – сказала она, склонив голову набок. – Тебя прошлым вечером бросила мать.

– Мать, – повторил он и посмотрел на нее. – Мать... вернется когда?

– Ха, так ты умеешь говорить. Я думала, не умеешь. Прoshлым вечером ты тупо пялился в одну точку.

– Я... – Мальчик моргнул и снова посмотрел на нее. Слюни больше не текли. Должно быть, у него удачный день. Великое достижение. – Мать... вернется?

– Наверно, нет, – ответила Лифт. – Извини, парень. Они не возвращаются. Как тебя зовут?

– Мик. – Он озадаченно уставился на нее, будто пытаюсь, причем безуспешно, вспомнить, кто она такая. – Мы... друзья?

– Не-а. Ты не захочешь быть моим другом. Мои друзья становятся императорами. – Она поежилась и наклонилась к мальчику. – За него даже в носу ковыряют.

Мик непонимающе смотрел на нее.

– Ага, я серьезно. Ковыряют в носу. Короче, у него есть женщина, типа прически делать, и вот заглядываю я однажды и вижу, как она вытаскивает что-то у него из носа, маленькими такими щипчиками – подцепила козьявку. – Лифт поежилась. – Чудная жизнь у императоров.

Коряга оттащила одного из драчунов и грубо усадила на каменную мостовую. Затем, как ни странно, сунула ему какие-то наушники, будто на улице холодно. Он надел их и закрыл глаза.

Коряга перевела дух и глянула на Лифт с Миком.

– Строите план, как меня ограбить?

– Что? – удивилась Лифт. – Нет!

– Еще один раз. – Женщина подняла палец кверху, потом ткнула им в Мика. – А когда будешь уходить, забереешь его с собой. Я знаю, что он притворяется.

– Притворяется? – Лифт повернулась к Мику, который ошеломленно моргал, будто пытаюсь уследить за разговором. – Вы же не серьезно?

– Я прекрасно вижу, когда беспризорники прикидываются больными, чтобы получить еду, – фыркнула Коряга. – Этот не идиот, а притворщик. – Она потопала прочь.

Мик поник, опустил взгляд.

– Я скучаю по матери.

– Да уж. И то неплохо.

Мик нахмурился.

– Мы своих матерей хотя бы помним, – пояснила Лифт, вставая. – Большинство таких, как мы, даже этим похвастать не могут. – Она похлопала его по плечу.

Вскоре Коряга объявила, что время игр истекло. Детей увели в приют для дневного сна, хотя многие были для этого уже слишком взрослыми. Мика она одарила недовольным взглядом, но разрешила войти.

Лифт осталась сидеть на каменной скамье. Она попыталась прихлопнуть кремлеца, ползущего по ближайшей ступеньке. Тот, голод его побери, увернулся и щелкнул хитиновыми лапками, будто смеясь. Тут даже кремлецы странные, не такие, к каким она привыкла. Можно забыть о том, что ты в другой стране, пока не увидишь местных кремлецов.

– Госпожа, – подал голос Виндль. – Вы решили, что нам делать?

Решать. Почему она должна решать? Обычно она просто действовала. Решала проблемы по мере поступления и перебиралась на новые места только потому, что никогда там не бывала.

Старики, наблюдавшие за детьми, медленно поднимались, словно древние деревья, расправляющие ветви после бури, и постепенно расходились. Остался лишь один: в черной шикве, лицо с седыми усами открыто.

– Эй, старик, – позвала Лифт. – Ты все такой же ненормальный?

– Уж какой есть, – ответил тот.

Хмыкнув, Лифт поднялась и подошла к нему. Кто-то из детей забыл потертые раскрашенные камешки – жалкое детское подражание стеклянным шарикам. Лифт пнула их.

– Откуда ты знаешь, что делать? – спросила она, сунув руки в карманы.

– Насчет чего, малышка?

– Насчет всего. Кто тебе говорит, как распоряжаться собственным временем? Тебя родители научили? В чем секрет?

– Секрет чего?

– Как быть человеком, – тихо сказала Лифт.

– А, это, – усмехнулся старик. – Вряд ли я знаю. По крайней мере, не лучше тебя.

Лифт посмотрела в небо, на стены-расселины, с которых соскребли растения, но взамен, словно в подражание, выкрасили в темно-зеленый цвет.

– Удивительно, – проговорил старик. – Людям отведено совсем мало времени. Многие, кого я знал, считали так же: как только начинаешь понимать, что к чему, день уже заканчивается, опускается ночь и гаснет свет.

Лифт посмотрела на него. Ага, все такой же ненормальный.

– Наверно, когда ты старый и все такое, начинаешь подумывать о смерти. Типа как парень, когда хочет писать, начинает подумывать, где бы найти закоулок потише.

Старик усмехнулся.

– Твоя жизнь пройдет, но организм, то есть город, продолжит жить, носик.

– Я не нос, – возразила Лифт. – Я тебе зубы заговаривала.

– Нос, зубы. И то, и другое на лице.

Лифт закатила глаза.

– Я не это имела в виду.

– Тогда что же? Может, ухо?

– Не знаю. Может.

– Нет. Еще нет. Но почти.

– Ла-а-адно, а ты тогда что? – спросила Лифт.

– Я изменяюсь с каждым мгновением. В один миг я – глаза, что видят множество людей в городе. В другой – рот, чтобы произносить философские речи.

Они распространяются как зараза – и временами я зараза. Почти все заразы живые. Ты это знала?

– Ты же... не всерьез говоришь о том, о чем сейчас говоришь?

– Полагаю, всерьез.

– Отлично.

Нашла кого спросить, как стать взрослым ответственным человеком, – да у него овощная похлебка вместо мозгов. Лифт повернулась, чтобы уйти.

– Чем ты станешь этому городу, дитя? – спросил старик. – Это часть моего вопроса. Ты сделаешь выбор или будешь плыть по течению? Как часть города, ты район великолепных дворцов? Или трущоба?

Лифт вернулась к старику.

– Если бы ты мог видеть меня насквозь, то не говорил бы такое.

– Почему?

– Потому что. Трущобы хотя бы знают, зачем их построили.

Она отвернулась и влилась в людской поток на улице.

11

– Мне кажется, вы не понимаете основных принципов. – Виндль извивался по стене рядом с Лифт. – Госпожа... похоже, вас не интересует, как развивать нашу связь.

Она пожала плечами.

– Есть слова, – продолжал он. – По крайней мере, так мы их называем. Скорее это идеи. Живые идеи, обладающие силой. Вы должны впустить их в свою душу, впустить меня в свою душу. Вы же слышали тех неболомов? Они собираются совершить очередной шаг в подготовке. Это когда... ну... они обретают осколочные клинки.

Он улыбнулся: улыбка складывалась из лоз, догонявших Лифт по стене. Каждый узор слегка отличался от предыдущего, вырастая один за другим, словно галерея рисунков. Они создавали улыбку, но по отдельности улыбками не были, только все вместе. Или, может, улыбка существовала в промежутках между узорами.

– Я знаю, как сделать только одно, – сказала Лифт. – Как стащить закуску Мрака. За этим я типа и пришла.

– Э-э, а разве мы это уже не сделали?

– Не его еду, а закуску. – Лифт сощурилась.

– А... Человека, которого он собирается казнить. Мы перехватим у него добычу.

Гуляя по переулку, Лифт дошла до сада. Это было чашеобразное углубление в камне с четырьмя выходами по разным сторонам. Подветренную стену покрывали лозы, но их постепенно сменяли бриттели, имеющие форму плоских тарелок для защиты от стихии, со стеблями, которые расползались навстречу солнечному свету.

Виндль фыркнул, спустившись на землю рядом с Лифт:

– Культивации почти никакой. Право, никакой это не сад. Тому, кто поддерживает здесь порядок, следует сделать выговор.

– А мне нравится. – Лифт протянула руку к спренам жизни, и те засновали над кончиками пальцев.

В саду было людно. Одни появлялись и исчезали, другие слонялись без дела, третьи просили подавания. В городе ей не часто попадались попрошайки; похоже, существовали некие правила насчет того, когда и как можно попрошайничать.

Лифт остановилась, оперев руки в бока.

– В Азире и Ташикке любят все записывать.

– О, безусловно. – Виндль крутился около лоз. – М-м-м. Да, госпожа, эти лозы хотя бы плодовые. Не все так плохо, не все тут наобум.

– И они любят информацию, – продолжала Лифт. – Любят торговать ею друг с другом, так?

– Безусловно. Это самобытная черта их культуры, как говорили ваши наставники во дворце. Вас там не было, я слушал вместо вас.

– Писанина бывает важной, по крайней мере, для тех, кто ее пишет. Но что они потом с ней делают? Выбрасывают? Сжигают?

– Выбрасывают? Лозы Матери! Нет, нет, нет. Ничего нельзя просто так выбрасывать! Это еще может пригодиться. Я бы нашел для записей безопасное место и хранил их в неприкосновенности на случай, если они понадобятся.

Лифт кивнула, сложив руки на груди. Здесь так же ко всему относятся. Этот город, где все только и делают, что всё записывают, а потом постоянно предлагают купить идеи... что ж, в некотором смысле это место похоже на целый город Виндлей.

Мрак приказал своим охотникам найти того, кто совершает странные дела, потрясные дела. А в этом городе записывают, что дети ели на завтрак. Если кто-нибудь заметит нечто странное, то непременно запишет.

Лифт пробежалась по саду, касаясь лоз босыми ногами. Лозы убирались прочь. Она вскочила на скамейку рядом с намеченной целью – пожилой женщиной. Верхняя часть ее коричневой шиквы была обернута так, что виднелось накрашенное лицо и аккуратная прическа.

Женщина тут же сморщила нос. Ну уж нет, Лифт купалась с неделю назад в Азире, с мылом и всем, что полагается.

– Кыш! У меня нет для тебя денег, – брезгливо помахала женщина пальцами. – Кыш! Пошла прочь.

– Мне не нужны деньги, – заверила Лифт. – Я хочу заключить сделку. За информацию.

– Мне ничего от тебя не нужно.

– А мне и дать нечего. У меня это хорошо получается. Я уйду и ничего вам не дам. Просто ответьте на вопрос.

Лифт неподвижно ссутулилась на скамье, потом почесала зад. Женщина завозилась, словно собралась уходить, и Лифт наклонилась к ней.

– Ты не соблюдаешь предписания для попрошаек, – возмутилась женщина.

– Я не прошу. Я торгуюсь.

– Хорошо. И что ты хочешь знать?

– Есть ли в городе место, куда складывают всю писанину для сохранности?

Нахмурившись, женщина указала вдаль, на похожее на холм сооружение в центре города. Оно было таким большим, что возвышалось надо всем вокруг и даже выглядывало за стены-расселины.

– Что-то наподобие Верховной Дирекции? – спросила женщина.

Моргнув, Лифт склонила голову набок.

Женщина не упустила возможности перебраться в другую часть сада.

– Это все время было там? – поинтересовалась Лифт.

– Э, да, – ответил Виндль. – Конечно.

– Правда? – Она почесала затылок. – Хм.

12

Лозы Виндля взвились по стене переулка, и Лифт полезла наверх, не беспокоясь, что привлекает лишнее внимание. Перебравшись через край стены, она оказалась на поле. Фермеры посматривали в небо и ворчали. Времена года сошли с ума. Дождь должен был лить не переставая – скверное время для посадки растений, так как вода вымывает семенную пасту, однако вот уже много дней сухо: ни бурь, ни дождя.

Лифт шла мимо фермеров, размазывающих пасту. Из нее прорастут крошечные полипы, которые в конце концов достигнут размеров большого булыжника и до отказа заполнятся зерном. Если это зерно раздавить, не важно, руками или во время бури, получится новая паста. Лифт постоянно задавалась вопросом, почему съеденные полипы не выросли внутри желудка, но никто так и не дал ей толковый ответ.

Озадаченные фермеры работали, подтянув шиквы повыше. Лифт, проходя мимо, пыталась прислушиваться. Пыталась услышать.

Обычно в это время года им не нужно работать. Разумеется, они все равно сажали в трещинах треб, который мог пережить наводнение, но никак не лавис, талью или клему – гораздо более трудоемкие, но и более урожайные культуры.

И все же они сеяли. А если завтра пойдет дождь и смоеет все их усилия? А если дождя вообще больше никогда не будет? Городских цистерн, до краев наполненных водой после недели Плача, не хватит навечно. Люди так беспокоились, что Лифт заметила нескольких спренов страха – шариков фиолетовой слизи, собравшихся вокруг холмиков, в которые сажали растения.

Будто им наперекор, от растущих полипов отделились спрены жизни. Кружась и переливаясь зеленым, пылинки увязались следом за Лифт. Впереди, словно лысая голова над спинкой кресла, возвышалась Верховная Дирекция – огромная округлая глыба камня.

Вся жизнь в городе так или иначе вращалась вокруг этой точки. Даже улицы, закручиваясь, вели к ней. Подойдя ближе, Лифт увидела, что вокруг Дирекции вырезан в камне громадный участок. Смотреть там было особо не на что, но круглый каменный холм казался надежно защищенным от бурь.

– И правда, отсюда земля расходится под уклоном, – отметил Виндль. – В любом случае это самая высокая точка города. Думаю, потому этот бугор и превратили в крепость.

Крепость для книг. Иногда люди такие странные. К строению вели многочисленные спиральные подъемы, и толпа впереди, в основном ташилки, текла наружу и внутрь.

Лифт уселась на краю стены, свесив ноги.

– С виду похоже на кончик причиндалов какого-нибудь парня. Типа у него такой короткий «меч», что все его пожалели и сказали: «Эй, а поставим-ка в его

честь огромный монумент! И пусть он крошечный, в таком виде будет выглядеть сногшибательно!»

Виндль вздохнул.

– Это не грубость, – подчеркнула Лифт. – Должно было выйти поэтично. Старина Седовласый утверждал, что нельзя считаться грубияном, пока говоришь об искусстве. В этом случае ты – утонченная натура. Вот почему развешивать во дворце картины с голыми леди – это нормально.

– Госпожа, не тот ли это человек, что сам прыгнул марабетийскому большепанцирнику в глотку?

– Ага. Такой же безумный, как ящик пьяных норок. Я по нему скучаю.

Лифт нравилось думать, будто на самом деле его не съели. Он подмигнул ей, когда, поразив зевак, сиганул в разинутую пасть большепанцирника.

Виндль свернулся кольцом, изобразив лицо: глаза из кристаллов, губы из крошечной сеточки побегов.

– Госпожа, какой у нас план?

– План?

Он снова вздохнул.

– Нам нужно попасть в это здание. Вы собираетесь сделать первое, что в голову взбредет?

– Естественно.

– Могу я внести предложение?

– Только если не потребуется высасывать чью-то душу, пустоносец.

– Я не... В общем, госпожа, это здание – архив. Насколько я знаю эту страну, комнаты завалены законопроектами, отчетами и докладами. Тысячи и тысячи документов.

– Ага. – Лифт сжала кулак. – Среди всего этого наверняка найдутся записи о чем-нибудь странном!

– И как именно мы отыщем интересующую нас информацию?

– Легко. Ты их прочтешь.

– Прочту?..

– Ага. Мы заберемся внутрь, ты прочтешь книги и все остальное, и мы определим, какие события были странными. Это приведет нас к закуске Мрака.

– Прочту все, значит.

– Ну да.

– Вы хоть примерно представляете, сколько информации там содержится? Сотни тысяч отчетов и журналов. И чтобы прояснить все до конца, да, это число больше десяти, так что сосчитать вы не сможете.

– Я же не дура, – огрызнулась Лифт. – У меня еще и на ногах пальцы есть.

– Все равно это гораздо больше, чем я могу прочитать. Нельзя просеять столько информации. Это невозможно. Ни за что.

Лифт вперилась в него взглядом.

– Ну ладно. Может, добудем тебе одну душу. Например, сборщика налогов... правда, их и людьми назвать сложно. Думаешь, сработает? Или таких нужно штуки три, чтобы получилась одна нормальная человеческая душа?

– Госпожа! Я не пытаюсь торговаться!

– Да ладно. Всем известно, что пустиносцы любят выгодные сделки. Может, нужна важная персона? Или подойдет любой тупой паренек, которого никто не любит?

– Я не питаюсь душами! – воскликнул Виндль. – Я с вами не торгуюсь! Я лишь констатирую факты. Я не могу прочитать все документы в архиве! Как вы не понимаете, что...

– Ой, усики попроще сделай. – Лифт болтала ногами, постукивая пятками по стене. – Я тебя слышу. Как тут не услышать, когда ты так ноешь.

Позади фермеры интересовались, чья это дочь и почему не бегают им за водой, как все остальные дети. Наморщив лоб, Лифт размышляла вслух:

– Нельзя дожидаться ночи, чтобы пробраться внутрь. Мрак хочет убить беднягу еще засветло. И спорим, эти писцы работают по ночам, лишь бы чернила исписать. Зачем спать, когда можно состряпать новый закон о том, сколькими пальцами разрешается держать ложку?

Хотя, дело свое они знали – продавали писанину повсюду. Визиря постоянно отправляли им запросы, в основном про новости в мире.

Лифт ухмыльнулась и встала.

– Ты прав. Мы пойдем другим путем.

– Еще бы.

– Нужно действовать умнее. Коварнее. Думать, как пустиносец.

– Я не говорил...

– Перестань ныть. Я собираюсь стащить какую-нибудь важную на вид одежду.

13

Лифт нравились мягкие ткани. Азирские накидки и мантии были одежным подобием нежного пудинга. Приятно вспомнить, что в жизни попадают не одни только колючки. Иногда в ней появляются мягкие подушки и воздушные пирожные, добрые слова, мать.

Мир никогда не будет совсем уж ничемным, пока в нем есть мягкая одежда. Наряд был ей велик, но ничего страшного. Так даже лучше, когда свободнее. Завернувшись в накидку, Лифт уютно устроилась в кресле, скрестив руки на коленях, с шапочкой на голове. По всему наряду разбежались яркие узоры, означавшие очень важные вещи. В этом она не сомневалась, потому что о своих узорах все азирцы болтали без умолку.

Письмоводительница оказалась жирной. Наверное, чтобы одеться, ей понадобилось три шиквы. Или шиква, сшитая на лошадь. Лифт никогда бы не подумала, что писцов так хорошо кормят. Зачем им столько сил? Перья ведь легкие.

Женщина носила очки и скрывала лицо, пусть и находилась в землях под защитой Таши. Она постучала пером по столу.

– Вы из дворца в Азире.

– Ага, подруга императора, – ответила Лифт. – Я зову его Гоксом, но ему сменили имя. Ничего страшного, Гокс – имя глуповатое, а ведь никто не хочет, чтобы имя императора звучало глупо. – Она склонила голову набок. – Правда, когда он открывает рот, с его словами ничего не поделаешь.

Рядом на полу тихонько застонал Виндль.

– А вы знали, – Лифт заговорщически наклонилась ближе, – что специальный человек ковыряет за него в носу?

– Юная леди, уверена, вы зря тратите мое время.

– Это довольно обидно. – Лифт выпрямилась. – Учитывая, что никто здесь почти ничего не делает.

Это было сущей правдой. Целое здание писцов, которые сновали взад-вперед и переключивали груды бумаг с полки на полку. Здесь даже появлялся спрен, которого Лифт видела всего пару раз в жизни: он походил на рябь в воздухе, как от дождевых капель на поверхности пруда, только без дождя и без пруда. Виндль называл таких спренами сосредоточенности.

В любом случае здесь так много бумаг, что, голод побери, нельзя было обойтись без паршунов с тележками! Один как раз прошел по коридору – женского пола, с большой коробкой бумаг. Бумаги предназначались одному из несметного числа писцов, что сидели за столами, окруженные мерцанием даль-перьев. Виндль сказал, что они отвечали на запросы со всего мира, передавая информацию.

Собеседница Лифт была чуть выше рангом. Лифт попала в комнату, поступив так, как предложил Виндль, – не говоря ни слова. Визирь тоже так делали – просто молча кивали.

На входе она предъявила карточку, куда перерисовала слова, которые Виндль изобразил побегам. Писцы ступевались и без лишних вопросов провели ее по коридорам в эту комнату – больше остальных, но все же без единого окна. Впрочем, на белой стене виднелось желтовато-коричневое пятно, и можно было вообразить, будто это солнечный свет.

На другой стене висела полка с очень длинной подставкой для даль-перьев. Позади – несколько азирских гобеленов. Письмоводительница оказалась кем-то вроде ответственной за общение с правительством Азира.

Попав в комнату, Лифт была вынуждена заговорить: больше нельзя этого избегать, нужно просто выглядеть убедительной.

– Какого несчастного вы ограбили, чтобы заполучить эту одежду? – спросила толстуха.

– Еще скажите, сняла прямо на ходу. – Лифт закатила глаза. – Слушайте, просто возьмите одно из этих светящихся перьев и напишите во дворец. Тогда мы сможем перейти к важным делам. Мой пустиносец говорит, у вас тут куча бумаг, которые нам нужно просмотреть.

Письмоводительница поднялась. Лифт показалось, что кресло едва не издало вздох облегчения. Женщина пренебрежительно указала на дверь, но в этот миг вошел младший писец, высокий и худой, в желтой шикве и странной желто-коричневой шапочке. Он что-то прошептал женщине на ухо.

На ее лице отразилось недовольство. Вошедший неловко пожал плечами и поспешил удалиться. Толстуха повернулась к Лифт.

– Назовите имена визирей, которых вы знаете во дворце.

– Ну, есть Балаболка – у нее смешной нос, похожий на краник. И Большой А, не могу выговорить его настоящее имя. Звучит, словно кто-то подавился. И Папаша Вислозад, он не совсем визирь, его называют отпрыском. Тоже важный, но по-другому. А! И Пухлогубка! Она у них главная. На самом деле губы у нее не пухлые, просто она терпеть не может, когда я ее так зову.

Женщина уставилась на Лифт. Затем развернулась и направилась к двери.

– Ждите здесь. – И вышла.

– Ну как я? – спросила Лифт, наклонившись к полу.

– Ужасно, – ответил Виндль.

– Ага, заметно.

– Согласитесь, умение вести разговор вежливо, как вам настойчиво советовали визири, сейчас бы весьма пригодилось.

– Чепуха! – Лифт подошла к двери и прислушалась.

Снаружи едва слышно переговаривались писцы.

– ...соответствует описанию, полученному от капитана службы по переселенцам, вместе с приказом обыскать город... – говорил один. – Она заявила прямо сюда! Мы послали за капитаном – она, по счастливой случайности, здесь с докладом.

– Проклятье, – прошептала Лифт, отшатнувшись. – Нас раскусили, пустоносец.

– Не надо было помогать вам в этой безумной затее!

Лифт подошла к подставке с даль-перьями. На всех были пометки.

– Иди сюда и скажи, какое нам нужно.

Виндль взвился по стене и ощупал побегами плашки.

– Ну и ну, это важные даль-перья. Посмотрим... третье отсюда связано с писцами в императорском дворце.

– Отлично.

Лифт схватила даль-перо и взобралась на стол. Поместив его в нужное место на дощечке, – она сто раз такое видела – повернула рубин на кончике пера. Ответ пришел сразу же: дворцовые писцы редко отлучались от своих перьев. Они скорее позволят отрубить себе пальцы.

Лифт приложила даль-перо к бумаге.

– Э-э...

– Пресвятая Культивация! – воскликнул Виндль. – Вы меня совсем не слушали?

– Не-а.

– Скажите, что хотите сообщить.

Она проговорила, и Виндль снова изобразил побегами на столе нужные очертания букв. Зажав перо в кулаке, Лифт скопировала слова, по одной дурацкой букве за другой. На это ушла целая вечность. Ну и нелепица вся эта писанина. Почему нельзя просто поговорить? Зачем изобретать способ, при котором, чтобы сказать кому-то, что делать, нельзя его увидеть?

«Это Лифт, – написала она. – Передайте Пухлогубке, что она мне нужна. Я в беде. И кто-нибудь, позовите Гокса, если у него не ковыряют в носу прямо...»

Дверь открылась. Лифт, взвизгнув, повернула рубин и соскочила со стола.

За дверью оказалось целое сборище: пять писцов, в том числе толстуха, и трое стражников, причем одним из них была женщина, командовавшая сторожевым постом в городе.

«Бури! – пронеслось в голове у Лифт. – Быстро они!».

Она бросилась прямо на них.

– Осторожно! – закричала стражница. – Она изворотливая!

Лифт призвала потрясность, но стражница поспешила впихнуть писцов в комнату. Лифт с легкостью проскользнула у них между ног, но врезалась в успевшую захлопнуться дверь.

Стражница попыталась ее схватить. Лифт завопила, полностью покрывая себя потрясностью, и потому, когда ее сцапали, азирская накидка со свободными рукавами слетела. Лифт осталась в юбке-балахоне поверх брюк и простой сорочке.

Она носилась по всей комнате, но та была небольшой. Попыталась пробраться вдоль стены, но капитан оставалась настороже.

– Госпожа! – запричитал Виндль. – О, госпожа, не позволяйте себя заколоть! Слышите? Постарайтесь, чтобы вас не ударили ничем острым! И тупым тоже!

Лифт зарычала, глядя, как в комнату, быстро прикрыв за собой дверь, протиснулись остальные стражники. Один, крадучись, попытался зайти сбоку.

Она дернулась в одну сторону, в другую, врезалась в полку с даль-перьями. Несколько штук упали, и письмоводительница завопила.

Лифт юркнула к двери. Капитан стражи перехватила ее, остальные навалились сверху.

Сделав себя потрясней, Лифт начала извиваться, стараясь выскользнуть из чужих пальцев. Нужно только...

– Таши, Бог Богов и Связыватель мира! – прошептала письмоводительница. Над ее головой кольцом синего дыма вспыхнул спрен благоговения.

Лифт вырвалась из хватки стражников, вскочив одному на спину. Отсюда был виден стол. Даль-перо выводило текст.

– Долго же они собирались. – Она спрыгнула со стражника и уселась в кресло.

Выругавшись, стражница нависла над ней сзади.

– Капитан, остановитесь! – воскликнула толстуха. Она взглянула на тощего писца в желтом. – Сходи за еще одним даль-пером для связи с азирским дворцом. Нет, неси два! Нам нужно подтверждение.

– Для чего? – спросил писец, подходя к столу. К ним присоединилась капитан стражи, читая то, что выводило перо.

Все трое медленно подняли головы и вытаращились на Лифт.

– «Для всех, кого это касается, – прочитал Виндль, раскинув побег на листком бумаги на столе, – я, Верховный Акасики Янагон Первый, император всех макабаки, постановляю, чтобы молодой девушке, известной под именем Лифт, оказывались всяческие почести и уважение. Вы будете подчиняться ей, как подчинялись бы мне, и заносить на императорский счет любые траты, которые понесете в связи с ее... набегом на ваш город. Ниже приводятся описание девушки и два вопроса для подтверждения личности, на которые может ответить только она. Учтите, если ей причинят вред или воспрепятствуют любым способом, вы познаете императорский гнев».

– Спасибо, Гокс. – Лифт глянула на писцов и стражников. – Это значит, вы должны делать все, что я скажу!

– И... чего же вы хотите? – спросила толстуха.

– Зависит от того, что у вас сегодня на обед.

Три часа спустя, напялив шапочку тощего писца, Лифт сидела в центре стола толстухи-письмоводительницы и руками ела блинчики.

На полу перед ней рой младших писцов просматривал отчеты. Книги были разбросаны повсюду, словно расколотые панцири крабов после знатной пирушки. Даль-перо выводило концовку послания от Гокса, а толстуха-письмоводительница стояла рядом и зачитывала его. Женщина наконец опустила лицевую часть шиквы. Выяснилось, что она симпатичная и гораздо моложе, чем думала Лифт.

– «Лифт, я обеспокоен, – читала толстуха. – Мы все обеспокоены. С запада постоянно приходят донесения. В Стине и Альме видели новую бурю. Она в точности такая, как ее описывал военачальник алети, – с красными молниями, несется с другой стороны».

Женщина подняла взгляд:

– Насчет этого он прав, э-э...

– Говорите-говорите, – потребовала Лифт.

– Ваше блиночество.

– Прямо с языка слетает, правда?

– Его императорское превосходительство прав насчет приближения необычной бури. Есть независимые подтверждения из Ири и Шиноvara. Огромная буря с красными молниями надвигается с запада.

– А чудовища? – спросила Лифт. – Твари с красными глазами в темноте?

– Повсюду царит хаос, – ответила письмоводительница – ее звали Генна. – Мы не получаем прямых ответов. Были кое-какие намеки в докладах с восточного побережья – буря ударила там прежде, чем достигла океана. Большинство сошлись во мнении, что отчеты преувеличивают, и буря сойдет на нет сама собой. Однако теперь она обогнула планету и ударила с запада... По имеющимся данным князь готовит диктат о чрезвычайном положении для всей страны.

Лифт посмотрела на Виндля, свернувшегося рядом на столе.

– Пустоносцы, – едва слышно произнес он. – Это случилось. Святая добродетель... Опустошения вернулись...

Генна продолжила читать сообщение от Гокса:

– «Грядет катастрофа, Лифт. Никто не готов к буре, которая приходит с другой стороны. Однако с этими алети не знаешь, что и хуже. Откуда им так много известно о ней? Может, этот их военачальник и призвал ее?»

Генна опустила листок.

Лифт жевала блинчик. Этот был плотный, с пастой-пюре внутри, слишком липкой и соленой. Еще тут был блинчик, посыпанный маленькими хрустящими семенами. Ни тот, ни другой не могли сравниться с двумя другими разновидностями, которые она попробовала за последние часы.

– Когда она ударит?

– Буря? Сложно сказать, но, судя по большинству докладов, она медленнее великих бурь. Возможно, часа через три-четыре достигнет Азира и Ташикка.

– Напишите Гоксу вот что, – сказала Лифт между укусами. – «Здесь вкусная еда. Куча разных блинчиков. Одни начиняют сахаром».

Письмоводительница помедлила.

– Пишите, иначе заставлю вас называть меня еще более глупыми титулами.
Генна вздохнула, но подчинилась.

– «Лифт, сейчас не время для пустой болтовни о еде», – прочитала она, когда даль-перо вывело очередную строку от Гокса.

Несомненно, вокруг него собралось не меньше пятнадцати визирей и отпрысков, и все они наперебой советовали, что сказать, и записывали, когда он соглашался.

– Самое время, – ответила Лифт. – Не стоит забывать: может, буря и надвигается, но людям по-прежнему нужно есть. Завтра настанет конец света, а на следующий день они спросят, что на завтрак. Это твоя работа.

– «А как же рассказы о том, что хуже бури? – пришел ответ. – Алети предупреждают о паршунах, и я делаю, что могу, в столь сжатые сроки. Но как насчет пустоносцев в буре?»

Лифт оглядела комнату, полную писцов.

– Я над этим работаю.

Пока Генна записывала ее последние слова, Лифт поднялась и вытерла руки о свою роскошную накидку.

– Эй, умники. Чего нарыли?

Писцы подняли головы.

– Госпожа, мы даже не представляем, что ищем, – произнес один.

– Всякие странности!

– «Странности» какого рода? – спросил писец в желтом. Тощий и высокий, без шапочки он выглядел лысеющим и глуповатым. – В городе каждый день происходит что-то необычное! Вам нужен отчет о человеке, который заявляет, что у него дома родился поросенок с двумя головами? Или о человеке, который уверяет, что узрел лик Яэзира в лишайнике на стене? О женщине, которая предчувствовала, что ее сестра упадет, и та упала?

– Не-а, – отмахнулась Лифт, – это нормальные странности.

– Что же тогда ненормальные странности? – с раздражением спросил он.

Лифт засветилась. Она призвала потрясность – так много, голод побери, что ее кожа начала излучать сияние, словно сфера.

Рядом из семян на нетронutom блинчике проросли длинные вьющиеся побеги. Переплетаясь между собой, они выпустили листочки.

– Что-то типа этого, – сказала Лифт и бросила взгляд в сторону. Ну вот, испортила блинчик.

Писцы уставились на нее с благоговением, пришлось громко хлопнуть в ладоши, чтобы они вернулись к работе. Виндль вздохнул, и она догадывалась, о чем он подумал. Три часа, и до сих пор ничего дельного. Да уж, он был прав – в этом городе записывали все происшествия. В этом вся проблема – записывали все подряд.

– Еще одно сообщение от императора, – сказала Генна. – Э-э, ваше блиноч... Бури, как глупо звучит.

Лифт ухмыльнулась и посмотрела на бумагу. Слова выводились текучим, изящным почерком. Скорее всего, Пухлогубка.

– «Лифт, ты вернешься? – прочитала Генна. – Мы по тебе скучаем».

– Даже Пухлогубка? – спросила Лифт.

– «Визирь Нура тоже по тебе соскучилась. Лифт, теперь это твой дом. Тебе больше не нужно жить на улицах».

– И что я буду делать, если и правда вернусь?

– «Все, что захочешь, – написал Гокс. – Обещаю».

В этом и была проблема.

– Я еще не решила, как поступлю, – ответила она, чувствуя себя необъяснимо одинокой, несмотря на полную народу комнату. – Посмотрим.

При этих словах Генна бросила на нее взгляд. Она явно считала, что император Азира должен получать все, что захочет, и маленькие девочки реше не должны иметь привычку ему перечить.

Дверь приоткрылась, внутрь заглянула капитан городской стражи. Лифт соскочила со стола, подбежала и подпрыгнула посмотреть, что у нее в руках. Доклад. Бесподобно, еще больше писанины.

– Что вы обнаружили? – с нетерпением выпалила Лифт.

– Вы правы, один из моих коллег из квартальной стражи наблюдал за приютом «Свет Таши». Женщина, которая там всем заправляет...

– Коряга, – перебила Лифт. – Та еще жмотяра. Ест детские косточки на полдник. А в гляделки может переиграть даже нарисованный портрет.

– ...под подозрением. Она запустила какую-то схему по отмыванию денег, но ничего не ясно. Заметили, что она обменивает сферы себе в ущерб. Без другого источника доходов это привело бы к банкротству. Из доклада следует, что она принимает деньги от преступных организаций в качестве пожертвований и тайно передает их другим группам, взяв свой процент, помогая таким образом замести следы происхождения сфер. И это далеко не все. Так или иначе, дети служат ей прикрытием.

– Я же говорила. – Лифт выхватила доклад. – Ее надо арестовать, а все деньги потратить на суп. Отдадите мне половину за наводку, и я ничего никому не скажу.

Брови стражницы поползли вверх.

– Можем все записать, если хотите, – добавила Лифт. – Оформим официально.

– Я буду игнорировать предложения подкупа, принуждения, вымогательства и хищения государственной собственности, – отозвалась капитан. – Что касается приюта, он вне сферы моих полномочий, но уверяю, мои коллеги очень скоро займутся этой... Корягой.

– И то хорошо. – Лифт забралась обратно на стол и обратилась к своей армии писцов. – Так что вы обнаружили? Кто-нибудь светится, словно сама святая добродетель или что-нибудь наподобие?

– На нас без предупреждения свалили слишком тяжелую задачу! – пожаловалась толстуха-письмоводительница. – Госпожа, такого рода исследования требуют месяцы работы. Дайте три недели, и мы подготовим детальный отчет!

– У нас нет трех недель. У нас меньше трех часов.

Хотя разницы никакой. Лифт пыталась задабривать, угрожать, танцевать, предлагала взятку и в качестве крайней, безумной меры даже сохраняла полную тишину, позволяя им читать. Время ускользало, а они не нашли ничего и вместе с тем нашли все что угодно. В отчетах стражи была масса непонятных странностей: история о человеке, выжившем при падении с невероятной высоты, жалоба на странный шум за окнами одной женщины, спрены снаружи дома другой женщины,

каждое утро ведущие себя странно, пока та не выставит миску сладкой воды. Тем не менее в каждом из случаев был всего один свидетель, и стража списывала все на досужие домыслы.

Каждый раз, как обнаруживали очередную странность, Лифт тянуло броситься к двери или протиснуться через окно и побежать искать нужного человека. Каждый раз Виндль убеждал набраться терпения. Если все донесения правдивы, то любого в городе можно считать связывателем потоков. Что, если она погонится за одним из сотни случаев, выдуманных из простого суеверия, потратит часы, но ничего не найдет?

Впрочем, именно так пока все и обстояло. Она сгорала от раздражения и нетерпения, да еще и блинчики кончились.

– Мне очень жаль, госпожа, – сказал Виндль, когда они отвергли отчет о веденке, заявившей, что ее ребенка «сам Таши благословил родиться с кожей светлее, чем у отца, чтобы проще ладить с чужестранцами». – Не думаю, что найдется более очевидный признак, чем все предыдущие. Чувствую, придется просто выбрать один и понадеяться на удачу.

В последнее время Лифт ненавидела удачу. Было все сложнее убеждать себя в том, что она еще не достигла несчастливого возраста. На удачу Лифт больше не полагалась, даже обменяла свою счастливую сферу на кусок свиного сыра.

Чем больше она размышляла об этом, тем больше ей казалось, что потрясность и удача – противоположные вещи. К одной ты прилагаешь усилия, другая от твоих действий не зависит.

Конечно, это не значит, что удачи не существует. Веришь либо в нее, либо в то, о чем твердят воринские жрецы, – что беднякам предназначено быть бедными, поскольку они слишком глупые, чтобы попросить Всемогущего помочь им родиться с кучей сфер.

– Так что нам делать? – спросила Лифт.

– Выбрать один из отчетов, полагаю, – предложил Виндль. – Любой. Кроме, пожалуй, того про ребенка. Мне кажется, мать не совсем честна.

– Да ладно!

Лифт окинула взглядом разбросанные документы – документы, которые она не могла прочитать. В каждом содержался подробный отчет о непонятной странности. Бури, выбери правильный – и спасешь жизнь, может, даже найдешь такого же, как ты сама. Выбери не тот, и Мрак с прислужниками казнят невиновного. По-тихому, без свидетелей, никто потом и не вспомнит.

Мрак. Она вдруг его возненавидела, причем с такой лютой яростью, что сама ужаснулась. Лифт не помнила, чтобы раньше вообще хоть кого-то ненавидела. Но вот его... Казалось, эти ледяные глаза лишены всех эмоций. Она ненавидела его не столько за убийства, сколько за то, что совершал он их без малейшего чувства вины.

– Госпожа, который выбрали? – спросил Виндль.

– Не могу выбрать, – прошептала она. – Не знаю как.

– Просто возьмите один отчет.

– Не могу. Я не выбираю, Виндль.

– Вздор! Вы делаете это каждый день.

– Нет. Я только... – Она следовала за ветрами. Принимая решение, берешь на себя обязательства. Все равно что говоришь, мол, это правильно.

Дверь в комнату распахнулась. Внутри ворвался вспотевший, запыхавшийся стражник, которого Лифт не узнала.

– Диктат пятого уровня срочности от князя, подлежит немедленному обнаружению. В городе объявлено чрезвычайное положение. Ожидается, что буря с неправильной стороны ударит в течение двух часов. Всем предписывается покинуть улицы и перейти в убежища. Паршунов заключить под стражу или выгнать в бурю. Князь объявляет эвакуацию с улиц Йеддо и других городов в расселинах и приказывает государственным служащим докладывать о положении дел в закрепленных за ними убежищах, вести учет горожан, следить за порядком и улаживать разногласия. Копии диктата распространить и развесить в каждом пункте сбора.

Писцы в комнате оторвались от работы и немедленно начали упаковывать книги и своды отчетов.

– Стойте! – крикнула Лифт, когда гонец ушел. – Что вы делаете?

– Ваш приказ только что отменили, дитя, – сказала Генна. – Ваше исследование придется отложить.

– Надолго?

– Пока князь не решит отменить чрезвычайное положение. – Она быстро собирала даль-перья с полки и упаковывала их в стеганый чехол.

– А как же император?! – Лифт схватила послание от Гокса и затрясла им. – Он приказал помогать мне!

– Мы с радостью поможем вам добраться до убежища, – ответила капитан стражи.

– Мне нужна помощь с моим делом! Он приказал вам слушаться!

– Разумеется, мы слушаем императора, – сказала Генна. – И впредь будем внимательно слушать.

Но не обязательно подчиняться. Визирь объясняли, что Азир может провозгласить себя империей, и большинство других стран в регионе ему подыграют. Так можно подыграть ребенку, который во время игры в кольца объявляет себя капитаном команды. Однако, как только его требования становятся непомерными, он рискует остаться в одиночестве посреди переулка.

Писцы действовали весьма подготовленно. Прошло не так уж много времени, прежде чем они вывели Лифт в коридор, нагроулили кипой отчетов и разбежались выполнять различные обязанности. Ее оставили с одной из младших письмоводительниц, не намного старше самой Лифт, которая должна была проводить ее до убежища.

Лифт смылась от девочки на первой же развилке, юркнув в боковой коридор, пока юная письмоводительница рассказывала о чрезвычайном положении старому осоловевшему ученому в коричневой шикве. Лифт сбросила прекрасную азирскую накидку, запахнула ее в угол, оставшись в штанах, сорочке и рубашке нараспашку, и направилась в менее людную часть здания. В просторных коридорах кричали друг на друга писцы. Она не ожидала столько шума от кучки сморщенных стариков и старух с чернилами вместо крови.

Здесь было темно, и Лифт пожалела, что обменяла свою счастливую сферу. Коридоры различались между собой азирскими узорами на ковровых дорожках, но и только. По стенам тянулись ряды сферных ламп, но заряженная сфера светилась

только в каждой пятой. И каждая давно изголодалась по буресвету. Лифт потратила целую минуту на одну из ламп, расшатывая задвижку, но та была заперта на совесть.

Лифт пошла дальше по коридору, заглядывая в забитые бумагами комнаты. Книжных полок оказалось меньше, чем она ожидала. В отличие от библиотеки здесь у стен стояли выдвижные ящики, в которых и хранились стопки документов.

Чем глубже в здание она забиралась, тем тише становилось, пока не начало казаться, будто идешь по мавзолею, только для деревьев. Отчеты она скомкала и запахнула в карман. Их было так много, что засунуть в карман еще и руку уже не получалось.

– Госпожа, – позвал Виндль с пола. – У нас мало времени.

– Я думаю, – ответила она.

Это было ложью. Она старалась избегать размышлений.

– Жаль, что план не сработал, – добавил Виндль.

Лифт пожала плечами.

– Все равно тебе здесь не нравится. Тебе нравится садоводство.

– Да, у меня в планах была милейшая выставка обуви, но... полагаю, мы не вправе разводить сады, когда мир на пороге конца света. И если бы меня приставили к тому доброму сапожнику, меня бы здесь не оказалось. И Сияющий, которого вы пытаетесь спасти, был бы, считай, покойником.

– Скорее всего, он и так, считай, покойник.

– И все же... все же стоит попытаться, правда?

Дурацкий пустоносец со своими подбадриваниями. Она взглянула на него и вытряхнула из кармана комки бумаги.

– От них никакого толку. Нам нужен новый план.

– И времени в запасе гораздо меньше. Закат приближается вместе с бурей. Что будем делать?

Лифт выбросила бумажки.

– Кто-то должен знать, куда идти. Женщина, которая разговаривала с Мраком, его ученица, сказала, что ее расследование не стоит на месте. Говорила она уверенно.

– Ха, вы же не думаете, что к ее расследованию привлечена кучка писцов, разгребающих отчеты?

Лифт склонила голову набок.

– Это было бы умно, – произнес Виндль. – В смысле, даже мы до такого додумались.

Ухмыльнувшись, Лифт побежала обратно, туда, откуда пришла.

15

– Да, – подтвердила толстуха-письмоводительница, растерявшись после просмотра учетной книги. – Это отдел Бидлела, комната двести тридцать два. Описанная вами женщина наняла их две недели назад для неизвестного проекта. Мы очень серьезно относимся к неразглашению информации о наших клиентах. – Вздохнув, она закрыла книгу. – Императорские полномочия – исключение.

– Спасибо. – Лифт крепко обняла женщину. – Спасибо-спасибо-спасибо-спасибо.

– Хотела бы я знать, что все это значит. Бури... думаешь, что именно тебе рассказывают все подряд, но меня не покидает чувство, что даже короли пасуют, если против них ополчился мир. – Она покачала головой и посмотрела на Лифт, которая до сих пор ее обнимала. – Я направляюсь в закрепленный за мной пункт сбора. Вам стоит поискать укрытие.

– Конечно-всенепременно-пока. – Лифт отпустила ее и понеслась в комнату с отчетами в противоположном от буреубежища направлении.

Генна выглянула в коридор.

– Бидлел уже эвакуировался! Дверь будет заперта! – Помедлив, добавила: – Поаккуратнее там!

– Пустоносец, можешь найти номер, который она сказала? – бросила Лифт на бегу.

– Могу.

– Отлично. Ведь столько пальцев у меня нет.

Они неслись по похожей на пещеру, уже опустевшей Дирекции. Спустя всего полчаса после издания диктата – Виндль отслеживал время – все были на пути к выходу. Перед бурей горожане запирали двери или направлялись в безопасные места. У кого нормальные дома, пересидят в них, беднякам оставалось идти в убежища.

Несчастные паршуны. Здесь их не так много, как в Азимире, но по приказу князя всех собрали и выгнали на поживу буре. По мнению Лифт, это было ужасно несправедливо.

Впрочем, никто не слушал ее жалобы по этому поводу. И Виндль полагал, что паршуны могут превратиться в пустоносцев. А ему виднее.

И все равно несправедливо. Она бы не оставила Виндля снаружи. Пусть он и заявляет, будто это не причинит им вреда.

Виндль провел Лифт на два этажа вверх, затем начал отсчитывать комнаты. Крашенный пол на этом этаже был деревянным, и Лифт чувствовала себя немного странно. Деревянный пол. А вдруг он проломится и они провалятся вниз? Деревянные постройки всегда казались ей непрочными, поэтому на всякий случай она ступала осторожно. Пол...

Лифт нахмурилась и, присев, посмотрела по сторонам. Что за звуки?

– Двести двадцать один... – бормотал Виндль. – Двести двадцать два...

– Пустоносец, заткнись! – прошипела она.

Изогнувшись, он вполз на стену. Лифт прижалась к ней спиной, нырнула за угол в боковой коридор и снова прижалась к стене.

По ковру затопали сапоги.

– Поверить не могу, что ты называешь это зацепкой, – раздался женский голос. Лифт узнала по нему ученицу Мрака. – Ты точно служил стражником?

– В Йезире все по-другому, – огрызнулся мужчина. Это был второй ученик. – Здесь люди слишком уклончивые. Никогда не говорят прямо.

– Ты ждешь кристальной ясности от ташиккского осведомителя?

– Конечно. Это же его работа.

К счастью, оба прошли мимо и не посмотрели в боковой коридор, где притаилась Лифт. Бури, эта форма производила впечатление: высокие сапоги,

строгие мундиры на восточный манер, длинные перчатки с отворотами. Словно генералы на поле боя.

Лифт так и хотелось проследить за ними, но она заставила себя выждать.

И не зря, спустя пару мгновений по коридору бесшумно прошел человек – убийца в рваном одеянии, с опущенной головой и огромным мечом на плече, должно быть, осколочным клинком.

– Не знаю, меч-ними, – тихо говорил он. – Я больше не доверяю собственному разуму.

Он остановился, будто прислушиваясь.

– Что не обнадеживает, меч-ними. Нет, совсем не...

Убийца медленно последовал за подельниками, оставляя в воздухе бледный светящийся послеобраз, едва заметный и гораздо менее резкий, чем в логове Мрака.

– О, госпожа, – Виндль придвинулся ближе, – я от страха чуть дух не испустил! Когда он остановился, я был уверен, что он меня видит!

По крайней мере, в коридорах темно – сферы в лампах почти разрядились. Нервничая, Лифт скользнула в главный коридор и пошла за учениками Мрака. Они остановились у нужной двери, один достал ключ. Лифт ожидала, что они перевернут все вверх дном, но, разумеется, в этом не было нужды – полномочия у них законные.

Впрочем, у нее тоже. Даже не верится.

Ученики Мрака вошли в комнату. Убийца в Белом остался снаружи – уселся на пол напротив входа, положив на колени необычный осколочный клинок. Парень почти не двигался, а если шевелился, то оставлял после себя тающий послеобраз.

Лифт снова спряталась в боковом коридоре, прижавшись спиной к стене. Где-то в дальней части Верховной Директорности разносились крики, призывающие людей к порядку.

– Мне нужно как-то попасть в эту комнату, – прошептала Лифт.

Свернувшись клубком, Виндль устроился на полу.

Лифт покачала головой.

– Это значит пробраться мимо убийцы. Бури!

– Я сделаю это, – прошептал Виндль.

– Может, удастся его отвлечь, – не обращая внимания, рассуждала Лифт. – Заставить погнаться за кем-нибудь? Но тогда переполошатся те двое в комнате.

– Я сделаю это, – повторил Виндль.

Лифт вскинула голову, услышав наконец, о чем он говорит.

– В смысле отвлечешь?

– Нет. – Лозы Виндля скручивались, затягиваясь в узлы. – Я сделаю это, госпожа. Попроюсь в комнату. Я... я сомневаюсь, что их спрены могут меня увидеть.

– Но наверняка ты не знаешь?

– Нет.

– Звучит рискованно.

Его лозы переплетались, похрустывая.

– Думаете?

– Ну еще бы. – Лифт выглянула из-за угла. – Что-то не так с этим парнем в белом. Тебя можно убить, пустоносец?

– Уничтожить, да. У людей все по-другому, но... я видел спрена, который... – Он тихо всхлипнул. – Возможно, для меня это слишком опасно.

– Возможно.

Виндль сник, свернувшись на полу.

– Я все равно пойду, – прошептал он.

Лифт кивнула.

– Просто слушай и запоминай, о чем говорят те двое, и быстро возвращайся обратно. Если что, кричи изо всех сил.

– Ясно. Слушать и кричать. Это я умею. В этом я хорош.

Он издал звук, будто вдохнул поглубже, хотя, насколько она знала, дышать ему было не нужно. Затем метнулся в коридор: усеянная кристалликами лоза обогнула угол на стыке пола и стены, маленькие зеленые побеги выстреливали по бокам и стлались по ковру.

Убийца не поднял головы. Виндль добрался до входа в комнату. Изнутри не было слышно ни слова.

Бури, как же она ненавидела ждать. Лифт жила по принципу все и сразу. Делала, что хотела и когда хотела. Так лучше всего. Каждый должен иметь возможность заниматься, чем пожелает.

Правда, кто тогда станет выращивать еду? Если мир населить такими, как Лифт, то они сбегут ловить лургов в разгар посевной. Некому будет охранять улицы и заседать на собраниях, некому вести записи и править королевствами. Каждый только и будет думать, как съесть чужую еду, пока та не иссякнет и все они не попадают за мертво.

«Ты знала, – произнес внутренний голос. Он словно стоял в вызывающей позе, уперев руки в бока. – Ты знала, какой мир на самом деле, еще до того, как пошла и попросила не взростеть».

Остаться маленькой – отговорка, благовидный предлог.

Она ждала как на иголках, не в силах ни на что повлиять. О чем они там говорят? Заметили ли Виндля? Может, его уже пытаются? Угрожают... вырубить его сады или еще чем?

«Слушай», – прошептал внутренний голос.

Но конечно, она ничего не слышала.

Голод побери, хотелось просто ворваться туда, скорчить рожу и увлечь их в погоню по всему зданию. Все лучше, чем сидеть теряясь в догадках, переживать и накручивать себя.

Когда постоянно занята, не нужно ни о чем думать. Например, о том, что большинство людей не сбегает просто из прихоти. Или о том, какой ласковой, доброй и заботливой была мать. Невероятно, что в Рошаре вообще нашелся такой хороший человек.

Она не должна была умереть. По крайней мере, заботиться о ней, пока она угасала, должен был кто-то хотя бы в половину такой же замечательный, как она сама.

Кто-то другой, а не Лифт, себялюбивая и глупая.

И нелюдимая.

Она подобралась и приготовилась выскочить за угол. Однако Виндль наконец показался в коридоре. Оставляя за собой пылевой след от распадающихся лоз, он извивался по полу в бешеном темпе, пока не добрался до нее.

Спустя мгновение из комнаты вышли двое учеников Мрака. Лифт с Виндлем спрятались обратно в боковой коридор. Она припала к полу, чтобы скрыться в тени и не выделяться на фоне тусклого света далеких ламп. Женщина и мужчина в форме прошагали мимо, даже не взглянув в ее сторону. Лифт расслабилась, поглаживая кончиками пальцев лозы Виндля.

Следом прошел убийца. Он остановился и посмотрел в ее сторону. Его рука покоилась на рукояти меча.

Лифт затаила дыхание. «Не становись потрясной. Не становись потрясной!» Если она задействует силу в тени, то начнет светиться, и он наверняка ее заметит.

Ей оставалось только замереть под пристальным взглядом. Убийца сощурил глаза – странной формы, будто они были слишком большими, – сунул руку в кошель на поясе и бросил в коридор что-то маленькое и светящееся – сферу.

Лифт растерялась: то ли удирать со всех ног, то ли призывать потрясность, то ли не двигаться. Вокруг нее в свете прикатившейся сферы запузырились спрены страха. Лифт встретилась глазами с убийцей и поняла, что тот ее видит.

Он вытащил меч из ножен на долю дюйма. С лезвия заструился черный дым, перетекая на пол и собираясь у ног. Лифт вдруг ужасно затошнило.

Убийца оглядел ее и убрал меч обратно в ножны. Как ни удивительно, он ушел за двумя другими. Он не произнес ни слова, а по ковру ступал почти бесшумно – легкий ветерок по сравнению с топотом, еще слышным дальше по коридору.

В считанные секунды все трое скрылись из виду.

– Бури! – Лифт перекатилась на спину. – Матерь мира и Отец бурь, чтоб их! Я чуть не померла со страху.

– Да уж! – согласился Виндль. – Я даже не пискнул, слышали?

– Нет.

– Я так испугался, что не мог проронить ни звука!

Лифт села, вытерла пот со лба.

– Так, ладно... это нечто, конечно. О чем они говорили?

– О! – воскликнул Виндль, словно напрочь забыв о своем задании. – Госпожа, они закончили расследование, многонедельные изыскания странностей в городе!

– Отлично! Что обнаружили?

– Понятия не имею.

Лифт шлепнулась обратно на ковер.

– Они обсуждали кучу всего непонятного. Но, госпожа, они вычислили нужного человека! И направляются туда прямо сейчас – свершить казнь. – Он потыкал в нее лозой. – Ну... может, стоит проследить?

– Ага, ладно, – ответила Лифт. – Думаю, это мы сумеем. Не так уж и сложно, правда?

16

Но все оказалось гораздо сложнее.

Коридоры были до жути пустыми, не говоря уж о куче развилок с маленькими боковыми ходами и комнатами на каждом шагу. Лифт не могла подобраться

слишком близко. Прибавить сюда почти полное отсутствие сфер на стенах, и выходило, что не отстать от троицы было сродни чуду.

Однако у нее получалось. Лифт проследовала за ними через все, голод его побери, здание, пока впереди не показались наружные двери. Проскользнув в окошко у выхода, она вывалилась в кусты рядом со ступеньками и затаилась. Троица вышла на лестничную площадку, с которой открывался вид на город.

Бури, как же приятно снова вдохнуть свежего воздуха, пусть тучи и заслонили заходящее солнце. В городе посвежело. И потемнело.

Улицы опустели.

Немногим ранее горожане сновали вверх-вниз по ступеням и пандусам, ведущим в Верховную Диванную. Теперь же лишь несколько припозднившихся торопились в убежища, исчезая в дверных проемах.

Убийца повернулся к западу.

– Надвигается буря.

– Тем более нужно поторапливаться. – Женщина-ученица достала из кармана сферу, подняла перед собой, втянула свет и засияла потрясностью.

А затем взлетела.

Голод побери, взяла и взлетела!

«Они умеют летать? – подумала Лифт. – Преисподняя, а я почему не умею?»

Мужчина поднялся в воздух вслед за напарницей.

– Идешь, убийца? – Женщина посмотрела вниз на парня в белом.

– Однажды я уже станцевал в этой буре, – прошептал он. – В день, когда умер.

Нет.

– Такими темпами ты никогда не справишься.

Убийца не ответил. Двое в воздухе переглянулись, мужчина пожал плечами. Оба поднялись выше, а потом рванули над городом – так гораздо удобнее, чем передвигаться по расселинам.

Они могут летать, чтоб их.

– Ты и есть та, кого он выслеживает? – тихо спросил убийца.

Лифт вздрогнула. Выпрямившись, перелезла через ограждение площадки, на которой стоял убийца. Он повернулся и посмотрел на нее.

– Я никто, – сказала Лифт.

– Как раз таких он убивает.

– А ты нет?

– Я убиваю королей.

– Что гораздо лучше.

Он посмотрел на нее прищурившись и присел на корточки, закинув меч в ножнах за плечи.

– Нет, не лучше. В тенях я слышу их крики, их мольбы. Они преследуют меня, лезут в голову, сводят с ума. Боюсь, они уже одержали верх, и человек, с которым ты сейчас говоришь, больше не может различить среди них глас разума.

– Та-а-а-ак, – протянула Лифт. – Но на меня ты нападать не стал.

– Нет. Ты нравишься мечу.

– Отлично. Меч мне тоже нравится. – Она посмотрела в небо. – Э-э... ты не знаешь, куда они отправились?

– В отчете описывался мужчина, который, со слов нескольких человек, становился невидимым. Когда он заворачивал в переулок, и кто-нибудь шел следом, там оказывалось пусто. Утверждали, что его лицо, искажаясь, превращалось в лицо другого человека. Мои спутники уверены, что он из тех, кого называют светоплетами, и поэтому его нужно остановить.

– А это законно?

– Нин раздобыл у князя запрет на любое связывание потоков в стране, если на то нет специального разрешения. – Убийца изучающе оглядел Лифт. – Мне кажется, как раз из-за твоей истории Вестник теперь сразу идет к правителю, а не раскланивается с местными властями.

Лифт проследила за направлением полета двух других. Небо темнело все сильнее – зловещий знак.

– Он ведь и правда заблуждается? – спросила она. – Тот, кого ты называешь Вестником. Он говорит, что пустоносцы не вернулись, но это не так.

– Новая буря покажет. Хотя... кто я, чтобы судить? Я безумен. Впрочем, Вестник, по-моему, тоже. Это лишний раз убеждает меня, что разуму человека доверять нельзя. Мы должны руководствоваться чем-то большим. Но не моим клятвенным камнем... Что хорошего в исполнении высшего закона, если этот закон подчиняется прихоти человека глупого либо жестокого?

– Та-а-а-ак, – произнесла Лифт. – Ну, можешь сходить с ума как пожелаешь. Ничего страшного. Мне нравятся чокнутые. Смешно же, когда они лижут стены или едят камни и прочую ерунду. Но перед тем, как ты начнешь плясать, не расскажешь ли, куда именно отправились те двое?

– Тебе их не догнать.

– Значит, ничего страшного, если расскажешь.

Убийца улыбнулся, хотя его глаза оставались холодными.

– Человек, который умеет становиться невидимым, предполагаемый светоплет – это старый философ. Его хорошо знают в квартале переселенцев. Почти каждый день он сидит в маленьком амфитеатре и беседует со всеми, кто готов слушать. Это возле...

– ...приюта «Свет Таши». Бури, как я не догадалась. Он почти такой же странный, как ты.

– Ты сразишься с ними, Сияющая малышка? – спросил убийца. – В одиночку против двух неболомов-подмастерьев? С Вестником на подхвате?

Лифт взглянула на Виндля.

– Не знаю. Но все равно придется пойти.

17

Пришел черед потрясности. Лифт глубоко окунулась в силу, призывая мощь, скорость и скользкость. Похоже, людей Мрака совершенно не заботило, если их заметят во время полета, и потому Лифт решила, что и ей не стоит переживать.

Сделав подошвы скользкими, она отпрыгнула от убийцы и приземлилась на дорожку возле лестницы, которая вилась вокруг наружной стены здания. Лифт вознамерилась спуститься в город, скользя сбоку от ступеней.

Разумеется, она продержалась всего с секунду, прежде чем ноги разъехались в разные стороны и она шлепнулась животом на камни. Не успев толком поморщиться от боли, она полетела кувырком с края высоких ступеней и спустя пару мгновений неуклюже шмякнулась о землю.

Потрясность защитила от серьезных повреждений, поэтому Лифт пропустила мимо ушей беспокойные вопли Виндля – тот спустился следом по стене. Извернувшись, она поднялась на колени и, оттолкнувшись руками, заскользила к ведущей к приюту расселине.

Нельзя сплеховать! Обычный бег – слишком медленно. Ее враги в прямом смысле умели летать.

В воображении она видела, как все должно быть. Город расходился под уклоном вниз от Верховной Дисварении. Можно, скользя, мчаться под откос по самой безлюдной улице, отталкиваясь руками от стен, скальных пластов, зданий, набирая скорость с каждым толчком.

Она бы полетела, как стрела – острая, нацеленная, неудержимая.

Представить легко, а вот сделать... Лифт снова бросилась вперед, но снова земля ушла из-под ног. В этот раз ноги поехали назад, и она приложилась лицом о камень. Перед глазами все вспыхнуло. Когда она подняла голову, пустая улица расплывалась, но потрясность скоро это исправила.

Улица впереди была самой оживленной в городе, но теперь казалась заброшенной и пустынной. Торговцы свернули навесы и попрятали телеги, остался один мусор. На Лифт давили стены. Всем известно, что во время бури нужно держаться подальше от ущелий, иначе смочет наводнением, а здесь, голод побери, взяли и построили целый город, грубо нарушив неписанные законы.

Позади, далеко в небе прогремел гром. Прежде чем налетит буря, бедного чокнутого старика навестят двое самоуверенных убийц. Она должна им помешать. Обязана, сама не зная почему.

«Так, Лифт, успокойся. Ты потрясная. Ты всегда была потрясной, а теперь ты суперпотрясная. Вперед. Ты сможешь».

Зарычав, она прыгнула и заскользила боком. Она может и будет...

На этот раз она задела угол стены на перекрестке и распласталась на земле вверх тормашками. От отчаяния она стукнула головой о камни.

– Госпожа? – Виндль свернулся рядом. – Ох, не нравится мне этот гром...

Она встала – пристыженная и какая угодно, только не потрясная, – и остаток пути решила просто пробежать. Ее способности позволяли бежать быстро и не уставать, но казалось, что этого недостаточно.

Прошла целая вечность, прежде чем она добралась до приюта. Над головой кружили спрены изнеможения. В самом конце пути потрясность иссякла, и теперь желудок урчал в знак протеста. Разумеется, амфитеатр был пуст. Вырезанный в скале приют находился по левую сторону, а ступеньки амфитеатра прямо перед Лифт. Дальше обзор закрывали деревянные лачуги и дома в темном переулке.

Небо потемнело: то ли стужались сумерки, то ли надвигалась буря.

Из глубины переулка послышался дикий крик боли. Лифт пробрал озноб.

Виндль был прав. Убийца был прав. На что она рассчитывала? Ей не под силу одолеть двух обученных потрясных солдат. Измученная Лифт опустилась на землю прямо в центре амфитеатра.

– Мы пойдем? – спросил Виндль.

– Силы больше нет, – прошептала она. – Всю израсходовала, пока бежала сюда.

Разве этот переулок всегда выглядел таким... глубоким? Тени от лачуг, развешенное тряпье, торчащие доски – все это напоминало вытянутую баррикаду с узеньким проходом. Словно это совершенно иной мир, отделенный от остальной части города, темное потайное королевство, способное существовать только в тени.

Лифт поднялась на негнущихся ногах и сделала шаг к переулку.

– Куда собралась? – раздался крик сзади.

Обернувшись, она увидела в дверях приюта Корягу.

– Ты должна укрыться в убежище! – крикнула женщина. – Безмозглый ребенок. – Она подошла, схватила Лифт за руку и потащила в приют. – Не думай, что, раз уж пришла, то я о тебе позабочусь. Таким, как ты, здесь нет места, и не смей притворяться больной или уставшей. Все всегда притворяются, лишь бы дорваться до нашего добра.

Несмотря на собственные слова, она завела Лифт внутрь, захлопнула большую деревянную дверь и опустила засов.

– Радуйся, что я выглянула посмотреть, кто там орет. – Она изучающе оглядела Лифт и громко вздохнула. – Наверное, есть хочешь.

– Вы обещали покормить меня еще раз, – сказала Лифт.

– Я уже подумываю отдать этот раз другому ребенку. Ну серьезно, после такой-то выходки – стояла снаружи и орала? Тебе надо было укрыться в убежище. Если ты думала, что твое жалкое актерство меня разжалобит, я тебя сильно огорчу.

Ворча под нос, Коряга ушла. Помещение за дверью оказалось просторным. По всему полу на циновках сидели дети. Свет давала одна-единственная рубиновая сфера. Дети выглядели перепуганными, некоторые жались друг к другу. Какой-то мальчик закрыл уши и скулил каждый раз, как снаружи ударял гром.

Лифт опустилась на свободную циновку. Происходящее казалось нереальным. Она прибежала, светясь силой, готовая сразиться с летающими чудовищами, а здесь... здесь она лишь еще одна сирота-оборванка.

Она закрыла глаза и прислушалась.

– Я боюсь. Когда буря закончится?

– А почему всем нужно сидеть внутри?

– Я скучаю по мамочке.

– А что со стариками в переулке? С ними все будет в порядке?

Их неуверенность отозвалась в Лифт. Она пережила то же самое. После смерти матери. И потом еще десятки раз, во всех городах мира. В местах для брошенных детей.

Она поклялась не забывать таких, как они. Она не собиралась клясться, но так уж вышло. В ее жизни все выходило по воле случая.

– Я хочу управлять, – прошептала она.

– Госпожа? – не понял Виндль.

– Сегодня утром ты сказал, что не веришь ни в одну из причин, по которым я сюда пришла. Ты спрашивал, чего я хочу.

– Я помню.

– Я хочу управлять. – Лифт открыла глаза. – Не как короли и все такое. Просто хочу уметь хотя бы чуточку управлять своей жизнью. Не хочу, чтобы меня кидало из стороны в сторону – люди, или судьба, или что угодно еще. Я просто... просто хочу сама делать выбор.

– Я плохо понимаю, как устроен ваш мир, госпожа. – Свернувшись кольцом на стене, Виндль изобразил лицо и свесил его рядом с Лифт. – Но ваше желание кажется весьма разумным.

– Только послушай этих детей. Слышишь?

– Они напуганы бурей.

– И неожиданным приказом прятаться. И одиночеством. Столько неуверенности...

Из другой комнаты доносился голос Коряги. Она беседовала с одним из взрослых помощников:

– Не знаю. Сегодня великой бури быть не должно. На всякий случай я вынесу сферы наружу. Хорошо бы, кто-нибудь объяснил нам, что происходит.

– Не понимаю, госпожа, – произнес Виндль, – какой вывод я должен сделать из этого наблюдения?

– Цыц, пустоносец.

Лифт слушала. Пыталась услышать. Вдруг, замерев, открыла глаза. Нахмурившись, встала и пересекла комнату.

Мальчик со шрамом на голове разговаривал с другим ребенком. Он поднял взгляд на Лифт.

– Эй, я тебя знаю. Ты ведь видела мою маму? Не знаешь, когда она вернется?

Как там его звали?

– Мик?

– Ага, – подтвердил мальчик. – Слушай, я ведь не отсюда? Плохо помню пару последних недель, но... То есть, я ведь не сирота. У меня есть мама.

Это был тот самый мальчик, которого бросили вчера вечером.

«Тогда ты пускал слюни, – подумала Лифт. – И даже во время обеда разговаривал, как идиот. Бури, что я с тобой сделала?»

Она не умела лечить больных на голову, по крайней мере, так думала. Почему с ним вышло иначе? Может, потому что он родился нормальным, просто получил по голове?

Она не помнила, как исцелила его. Бури... ей хотелось управлять, но она даже не понимала, как пользоваться тем, что имеет. Забег сюда это доказал.

В комнату вошла Коряга с огромной тарелкой блинчиков и начала раздавать их детям. Лифт она вручила два.

– Это последний раз, – помахав пальцем, сказала она.

– Спасибо, – промямлила Лифт в спину женщине.

Блинчики были холодными, и, к сожалению, такие она уже пробовала – со сладкой начинкой. Ее любимые. Может, Коряга не такая уж и плохая.

«Она воровка и злодейка, – напомнила себе Лифт, восстанавливая потрясность. – Она отмывает сферы, используя приют как прикрытие. Но наверно, даже воровка и злодейка иногда делает добрые дела».

– Я в полном недоумении, – проговорил Виндль. – Госпожа, о чем вы думаете?

Она посмотрела на толстую наружную дверь. Наверняка старик уже мертв. Никому нет дела, вряд ли кто-то вообще заметит. Всего лишь старик, которого нашли мертвым в переулке после бури.

Но Лифт... Лифт будет его помнить.

– Идем, – сказала она.

Пока Коряга отвернулась отчитать кого-то из детей, Лифт подошла к двери, отодвинула засов и выскользнула наружу.

18

Над головой урчало голодное небо, темное и злое. Лифт его понимала. Когда слишком долго не ешь, рад любой крошке и не постоишь за ценой.

Буря только подступала, но судя по отдаленным молниям, буревой стены перед ней не было. Ее приход станет не внезапным, грандиозным событием, а скорее тягомотным наступлением. Буря маячила, словно бандит с ножом в подворотне в ожидании случайной жертвы.

Лифт подошла ко входу в переулок и крадучись двинулась вперед, мимо лачуг. Выглядели они слишком непрочными, чтобы выдерживать великие бури. Город строили так, чтобы негде было разгуляться ветрам, но все же здесь полно рухляди. Чихнуть посильнее – и половина жителей переулка останутся бездомными.

Они тоже это понимали, поэтому почти все укрылись в убежищах. Лифт заметила лицо: кто-то с сомнением выглядывал меж тряпья, которым были завешены окна. С земли рядом с окном поднимались спрены ожидания, похожие на красные вымпелы. Такие люди были слишком упрямыми, а может, и вовсе безумными – их не волновало происходящее вокруг. Она их ни капельки не винила. Правительство раздает внезапные беспорядочные приказы и ожидает, что все бросятся их выполнять? Лифт на это обычно не обращала внимания.

Но ведь наверняка они видели, что творится в небе, слышали гром. Вспышка красной молнии осветила все вокруг. Сегодня этим людям стоило послушаться.

Она медленно и осторожно кралась вглубь переулка, скрытого в неясных тенях. Над головой тучи, сфер нет – люди унесли их с собой, – темень хоть глаз выколи. Стояла полная тишина, только грохотало в небе. Бури, неужели старик и правда здесь? Может, он все-таки укрылся в убежище, а тот пронзительный крик не имеет к нему никакого отношения?

«Нет, ничего подобного», – подумала Лифт. Ее снова пробрал озноб. Ладно, если старик и правда здесь, где искать тело?

– Госпожа, – прошептал Виндль. – Ох, не нравится мне это место, госпожа. Что-то не так.

Все не так! С тех самых пор, как ее выследил Мрак. Лифт прошла мимо теней, которые, скорее всего, были бельем, развешанным на веревках между лачугами. Во тьме они казались скрюченными, изломанными телами. Очередная вспышка молнии не сильно помогла: в алых сполохах стены и лачуги словно залило кровью.

Когда уже этот переулок закончится? Лифт вздохнула с облегчением, наконец споткнувшись обо что-то. Пошарив вниз, нащупала руку под тканью. Тело.

«Я буду помнить о тебе». Наклонившись и сощурившись, Лифт попыталась различить очертания фигуры старика.

– Госпожа... – занял Виндль. Он обернулся вокруг ее ноги и прильнул, как ребенок к матери.

«Что это?» Тишина уступила место щелчкам и скрежету. Звуки доносились со всех сторон. И только теперь до Лифт дошло, что она нащупала не шикву. Ткань была слишком плотной и толстой.

«Мать! – в ужасе подумала она. – Что происходит?»

Сверкнувшая молния на мгновение осветила труп. На земле лежала женщина, устремив в небо невидящий взгляд. Черно-белая форма, вспыхнувшая багрянцем, была покрыта чем-то шелковистым.

Ахнув от испуга, Лифт отскочила и врезалась во что-то позади – еще одно тело. Она крутанулась на месте, и ритмичные щелчки зазвучали громче. Следующая вспышка молнии выхватила из тьмы прислоненное к стене переулка тело. Мужчину привязали к лачуге, его голова безвольно свесилась набок. Она узнала его, как и женщину на земле.

«Приспешники Мрака, – подумала Лифт. – Оба мертвы».

– Однажды, путешествуя по стране, в которой ты никогда не побываешь, я услышал интересную мысль.

Лифт застыла. Это был голос того старика.

– Там есть племя, которое верит, что каждый день, засыпая, человек умирает. Они верят, что сознание не сохраняется: если его прервать, с пробуждением в теле рождается новая душа.

«Бури, бури, БУРИ!» – подумала Лифт, кружась на месте.

Казалось, стены двигаются, шевелятся, скользят, словно вымазанные маслом. Она хотела было отойти подальше от трупов... но перестала понимать, где они. С какой стороны она пришла? В ту сторону – это вглубь кошмарного переулка?

– В этой философии не все гладко, – продолжал голос, – по крайней мере, для внешнего наблюдателя. Что насчет памяти и преемственности культуры, семьи, общества? Омнити учат, что все это ты наследуешь утром от предыдущей души, обитавшей в теле. В определенные участки мозга записываются воспоминания, чтобы помочь тебе прожить единственный день своей жизни по полной.

– Что ты такое? – прошептала Лифт, лихорадочно озираясь, пытаясь сориентироваться во тьме.

– Для меня самое интересное в этих людях то, как они вообще продолжают существовать. Ведь если каждый искренне поверит, что жить осталось всего один день, наступит хаос. Я часто задаюсь вопросом, что же о вас думать, раз уж эти люди, имея столь исключительные верования, проживают свои жизни почти так же, как и все вы.

«Вот он», – подумала Лифт, разобрав среди теней человеческий силуэт.

Впрочем, в свете молнии стало ясно, что он не совсем целый: в плоти не хватало кусков, правое плечо заканчивалось культей. Бури, он был голым, а в животе и бедрах зияли странные дыры. Еще и глаза не хватало. Однако крови не было. В быстрой чередой вспышек Лифт заметила, как что-то карабкается по его ногам – кремлецы.

Вот откуда щелчки. Бесчисленное множество кремлецов, каждый размером с палец, покрывало стены. Мелкие хитиновые твари щелкали лапками, вызывая отвратительный шум.

– Примечательно, как сложно эту философию опровергнуть. Как понять, что ты тот же, что и вчера? Как узнать, что в твоём теле новая душа, если воспоминания у неё те же? Но тогда... если она ведёт себя так же и думает, что является тобой, какая разница? Что значит быть собой, Сияющая малышка?

Во вспышках молний – они били все чаще – Лифт увидела, как по лицу старика ползёт кремлец и с его спинки свисает некая округлая выпуклость. Тварь залезла прямо в глазницу, и Лифт поняла, что выпуклость – это глаз. Другие кремлецы карабкались по туловищу и заполняли дыры, формировали отсутствующую руку. Каждый нес на спинке нечто похожее на кусочек кожи. Эти кусочки кремлецы выставляли наружу, а внутри сцеплялись между собой лапками.

– Для меня все это не более чем бесполезная теория, поскольку в отличие от тебя я не сплю, – продолжил он. – По крайней мере, не весь сразу.

– Что ты такое? – спросила Лифт.

– Всего лишь ещё один беженец.

Лифт попятилась. Её больше не заботило, как вернуться ко входу в переулок, – главное, убраться подальше от этого создания.

– Не стоит меня бояться, – сказал старик. – Твоя война – моя война, и так было тысячелетиями. Прежде чем все пошло наперекосяк, древние Сияющие называли меня своим другом и союзником. Какое чудесное было время до Последнего Опустошения. Время... чести. Но эти дни прошли, давно прошли.

– Ты убил этих двоих! – прошипела Лифт.

– Я защищался. – Он усмехнулся. – Впрочем, это ложь. Убить меня им было не под силу, так что ссылаться на самозащиту я не вправе, как, например, и солдат, убивший ребенка. Но они потребовали состязания, хоть и не совсем напрямую, – и я им его устроил.

Он шагнул ближе. Вспышка молнии высветила, как он сгибает пальцы новой руки и кремлец с маленькими тонкими лапками на брюшке, сцепившись с собратьями, занимает место большого пальца.

– Но ты ведь пришла сюда не состязаться? – спросило существо. – Мы наблюдаем за остальными: за убийцей, за лекарем, за притворщицей, за великим князем. Но не за тобой. На тебя никто не обращает внимания... что, осмелюсь утверждать, большая ошибка.

Он достал сферу – переулок окутало призрачное свечение – и улыбнулся. В местах сцепления кремлецов его кожу вдоль и поперек пересекали линии, практически незаметные среди морщин старческого тела.

Впрочем, это лишь подобие старика, подделка. Под кожей не было ни мышц, ни крови, только сотни сцепившихся кремлецов, все вместе изображающих человека.

Ещё больше кремлецов, освещенных сферой, по-прежнему ползало по стенам. Лифт даже не заметила, когда успела обойти тело павшего солдата, и теперь пятилась в тупик между лачугами. Она огляделась. При свете сферы будет не так уж трудно забраться наверх.

– Если сбежишь, он убьёт того, кого ты хотела спасти, – заметило существо.

– Уверена, с тобой все будет в порядке.

Чудовище усмехнулось.

– Эти дураки ошиблись. Я не тот, кого преследует Нейл. Он знает, что от меня и мне подобных следует держаться подальше. Нет, есть кое-кто ещё. Сегодня ночью

он его выследит и завершит задачу. Нейл, безумец, Вестник справедливости не из тех, кто бросает начатое.

Лифт медлила, держась за свес крыши, готовая подтянуться и забраться наверх. Кремлецы на стенах – столько за раз она еще не видела – расплзались в стороны, создавая для нее проход.

Он понимал, что, если она захочет сбежать, лучше не мешать. Сообразительное чудовище.

Купаясь в холодном свете, ярком, словно костер по сравнению с теменью, по которой она пробиралась сюда, существо развернуло черную шикву и, начав с правой руки, начало в нее оборачиваться.

– Мне здесь нравится, – пояснило оно. – Где еще найдется повод полностью покрывать тело? Тысячелетиями я разводил ордлецов, но до сих пор не удается заставить их сцепляться как надо. Рискну предположить, что теперь я могу сойти за человека почти не хуже сия-аймианцев, но стоит получше присмотреться, и любому видны изъяны. Это порядком раздражает.

– Что ты знаешь о Мраке и его планах? – требовательно спросила Лифт. – И о Сияющих, и о пустоносцах, и обо всем остальном?

– Исчерпывающий список. И я, признаться, не тот, кого стоит спрашивать. Вами, Сияющими, больше интересуются мои собратья. Если когда-нибудь встретишь другого Неспящего, передавай привет от Аркло. Уверен, этим ты расположишь его к себе.

– Это не ответ. Вернее, я рассчитывала на другой.

– Человек, я здесь не для того, чтобы отвечать на твои вопросы. Я здесь из любопытства, и ты – его причина. Как любил повторять старый Аксис, познавшие бессмертие должны найти цель в жизни помимо борьбы за существование.

– Похоже, ты нашел свою цель в болтовне без остановки. А она никому не помогает. – Лифт вскарабкалась на крышу лачуги, но выше не полезла. Виндль вился следом по стене, распугивая кремлецов. Видимо, они его чуяли.

– Я помогаю в проблеме гораздо большей, нежели твои личные затруднения. Я создаю философское течение, столь значительное, что оно будет существовать веками. Видишь ли, дитя, я могу вырастить все, что понадобится. Переполнилась память? Я выведу новый вид ордлецов для накопления воспоминаний. Нужно узнать новости в городе? Помогут ордлецы с дополнительными глазами, вкусовыми и слуховыми усиками. Дай время, и я сотворю для своего тела едва ли не что угодно. А вот вы... вы ограничены одним-единственным телом. Как же все работает? Я начал подозревать, что каждый человек в городе – часть одного большого, невидимого для него организма подобно ордлецам, образующим мой вид.

– Все это замечательно, – отозвалась Лифт. – Но ты сказал, что Мрак охотится за кем-то другим. Думаешь, он еще не успел убить свою жертву?

– О, уверен, что нет. Он охотится прямо сейчас. Скоро узнает, что его приспешники потерпели неудачу.

В небе уже совсем близко раздался гром. Лифт захотелось убежать и спрятаться. Но...

– Скажи, кто это? – спросила она.

Существо улыбнулось.

– Секрет. А мы вроде в Ташикке? Поторгуемся? Ты честно ответишь на мои вопросы, а я дам подсказку.

– Почему я? Почему бы тебе не докучать своими вопросами кому-нибудь еще? Может, в другой раз?

– О, но ты такая занимательная.

Он обернул шикву вокруг пояса, затем по очереди обмотал ноги. Вокруг суетились кремлецы. Несколько взобралось ему на лицо, глаза выползли, их место заняли другие: темноглазый превратился в светлоглазого.

Он говорил, продолжая одеваться:

– Ты, Лифт, отличаешься от остальных. Если каждый город – существо, то ты – самый особенный орган. Орган, который кочует с места на место и приносит перемены. Вы, Сияющие рыцари... Мне нужно знать, какими вы себя видите. Это станет важной частью моей философии.

«Я особенная, – подумала Лифт. – Я потрясная. Тогда почему я не знаю, что делать?»

Неведомая тревога нарастала. Существо продолжало свою непонятную болтовню: о городах, о людях и их жизнях. Он восхвалял Лифт, но она морщилась от каждой ненавязчивой фразы о том, какая она особенная. Буря подобралась вплотную. Где-то под покровом ночи Мрак собирался совершить убийство. А ей оставалось лишь съежиться перед двумя трупами и чудовищем, собранным из маленьких копошащихся частей.

«Слушай, Лифт. Ты слушаешь? Люди никогда не слушают».

– Хорошо, но как твой родной город узнал, что нужно создать именно тебя? – спросило существо. – Я могу вывести отдельные части с необходимыми свойствами. А что произвело тебя? И как этому городу удалось призвать тебя сюда именно сейчас?

Опять этот вопрос. «Зачем ты здесь?»

– Что, если я не особенная? – прошептала Лифт. – Тоже ничего страшного?

Существо замолкло и посмотрело на нее. Виндль на стене застонал.

– Что, если я все время обманывала? Что, если я не такая уж и потрясная? И не знаю, что делать?

– Уверен, интуиция тебя не подведет.

«Чувствую себя потерянной, как солдат на поле боя, который не может вспомнить, на чьей стороне воюет», – вспомнился голос капитана стражи.

Слушать. Она слушала, разве нет?

«Меня не покидает чувство, что даже короли пасуют, если против них ополчился мир», – голос письмоводительницы Генны.

Никто больше не слушает.

«Хорошо бы, кто-нибудь объяснил нам, что происходит», – голос Коряги.

– Что, если ты все же ошибаешься? – прошептала Лифт. – Что, если «интуиция» подведет? Что, если все напуганы и ни у кого нет ответов?

Выводы, думать о которых всегда было слишком страшно. Выводы, которые пугали.

Но стоило ли бояться? Она посмотрела на стену, на Виндля – на него щелкали лапками кремлецы. Ее собственный ручной пустоносец.

«Слушай».

Помедлив, Лифт легонько его похлопала. Просто... просто нужно принять это.

Почти сразу страх сменился облегчением. Да, она во тьме, но как-нибудь справится.

Она выпрямилась.

– Я сбежала из Азира, потому что испугалась. И пришла в Ташикк, потому что ноги сами привели сюда. Но сегодня... сегодня я решила, что мое место здесь.

– Что за ерунда? – спросил Аркло. – Какая от этого польза моей философии?

Внезапное озарение обрушилось на нее словно волна силы. Лифт вздернула голову. «Ха, кто бы мог подумать?»

– Мальчика излечила... не я, – прошептала она.

– Что?

– Наверно, Коряга торгует сферами себе в убыток, потому что обменивает тусклые на заряженные. Она отмывает деньги, потому что ей нужен буресвет. Скорее всего, подпитывается им, не понимая, что делает. – Лифт посмотрела на Аркло и ухмыльнулась. – Не понимаешь? Она заботится о детях с врожденными заболеваниями, позволяет им оставаться в приюте. А все потому, что ее способности не знают, как их лечить. Но остальным становится лучше. Это происходит так подозрительно часто, что она начала думать, будто они притворяются ради еды. Коряга... Сияющая!

Неспящий встретился с ней взглядом и вздохнул:

– Поговорим в другой раз. Как и Нейл, я не из тех, кто бросает начатое.

Он швырнул сферу, и та, позвякивая о камни, покатила к приюту. Лифт спрыгнула с крыши лачуги и побежала на свет.

19

Гром следовал по пятам. В расселинах завывал ветер. Мимо, словно чувствуя приближение необычной бури, проносились спрены ветра. Резкий порыв ударил в спину, разметав вокруг обрывки бумаги и мусора. Лифт дошла до небольшого амфитеатра у входа в переулок и отважилась оглянуться.

И в ошеломлении остановилась как вкопанная.

По небу катилась буря. Черный грозовой вал, величественный и ужасный, в сопровождении красных молний. Он раскинулся на все небо, злобно вспыхивая изнутри.

Упали первые капли дождя, и несмотря на то, что буревой стены впереди не было, ветер разбушевался не на шутку.

Виндль завертелся вокруг Лифт.

– Госпожа? Ох, плохо дело, госпожа.

Она отступила, зачарованная кипящей черно-красной массой. Над расселинами сверкнула молния, и гром ударил с такой силой, что Лифт едва не отбросило назад.

– Госпожа!

– Внутрь! – воскликнула Лифт, бросившись к двери приюта.

В такой тьме она с трудом различала стену. Подойдя ближе, Лифт почуяла неладное: дверь была открыта.

Разве ее не закрыли, когда она ушла? Она скользнула внутрь. В зале царила кромешная тьма, но ощупав дверь, Лифт поняла, что засов просто перерезали.

Скорее всего, снаружи, и оружием, для которого дерево что бумага. осколочным клинком.

Дрожа, Лифт нащупала на полу обрубок засова и, закрыв дверь, пристроила его на место. Повернулась, прислушалась: дети всхлипывали и приглушенно рыдали.

– Госпожа, – прошептал Виндль, – вам его не одолеть.

«Знаю».

– Вам необходимо произнести слова.

«Не поможет».

Сегодня вечером одними словами не отделаешься.

Как же трудно не заразиться от детей страхом. Поняв, что дрожит, Лифт остановилась посреди зала. Если она хочет остановить Мрака, не годится красться, спотыкаясь о малышню.

Наверху послышались глухие удары – кто-то в сапогах решительно расхаживал по деревянному полу второго этажа.

Лифт зачерпнула потрясности и засияла. Свет поднимался от ее рук, словно пар от горячей сковороды. Не слишком яркий, но в темной комнате его хватало – Лифт увидела детей. Они притихли, воззрились на нее с благоговением.

– Мрак! – выкрикнула Лифт. – Тот, кого зовут Нин или Нейл! Накку, Судья! Я здесь.

Шаги наверху смолкли. Лифт пересекла зал, вышла в коридор и подняла взгляд на лестницу.

– Это я! – прокричала она. – Ты попытался и не смог убить меня в Азире.

Под порывами ветра входная дверь дребезжала, будто кто-то пытался ворваться внутрь. Шаги послышались снова, и Мрак с аметистовой сферой в одной руке и сверкающим осколочным клинком в другой показался на верху лестницы. Лиловый свет очерчивал снизу его подбородок и щеки, но глаза скрывались в тени. Глазницы казались пустыми, как у существа, которого Лифт встретила снаружи.

– Не ожидал, что ты решишься принять правосудие, – сказал Мрак. – Думал, предпочтешь остаться в обманчивой безопасности.

– Ага, – крикнула Лифт. – Слышал о дне, когда Всемогущий раздавал всем мозги? Я тогда уходила за плоскохлебом.

– Ты заявила сюда во время великой бури. Ты заперта со мной, и я знаю о твоих преступлениях в этом городе.

– Зато я успела вовремя, когда Всемогущий одарял приятной внешностью. Ты-то где задержался?

Похоже, оскорбление не возымело эффекта, хотя было одним из ее любимых. Мрак двинулся вниз по лестнице, перетекая, точно дым: шаги сделались мягче, от невидимого ветра по форме шла рябь. Бури, как же церемонно он выглядел в этом своем строгом мундире и перчатках с длинными отворотами – словно воплощение самого закона.

Лифт рванула вправо, подальше от детей, вглубь первого этажа приюта. Оттуда пахло пряностями, и нос привел ее в темную кухню.

– Наверх, – скомандовала она Виндлю, который извивался у дверного проема.

Сцапав с кухонной стойки клубень, она ухватилась за Виндля и полезла на стену. У потолка, вцепившись в тонкие лозы, погасила потрясность. Помещение погрузилось в темноту.

Прямо под ней появился Мрак. Он поглядел направо, потом налево, но не поднял головы. Когда он шагнул вперед, Лифт спрыгнула у него за спиной.

Мрак мгновенно развернулся, рубанув осколочным клинком, который держал одной рукой. Лезвие рассекло дверной косяк и пронеслось в волоске от Лифт.

Она успела отшатнуться и ударилась о пол. Вспыхнула потрясность, и Лифт заскользила на спине прочь от Мрака. У подножия лестницы путь преградила стена, но Лифт, быстро перекатившись на четвереньки, полезла вверх по ступеням.

– Ты живое оскорбление того порядка, который могла бы утвердить, – произнес Мрак, тяжело ступая следом.

– Ну да, почему нет, – отозвалась Лифт. – Бури, я и для себя-то сплошное оскорбление.

– Еще бы. – Мрак добрался до ступеней. – В твоих словах никакого смысла.

Она показала ему язык. Совершенно разумный и правильный способ сражаться с полубогом. Кажется, ему все равно, но так и должно быть – вместо сердца у него комок ушной серы. Ну просто трагедия.

На втором этаже приюта, слева от Лифт, тянулись маленькие комнаты. Справа еще один лестничный пролет уходил выше. Она рванула влево, с трудом глотая куски сырого длиннокорня и высматривая Корягу. Добрался ли до нее Мрак? В некоторых комнатах стояли детские койки. Значит, Коряга не заставляла их спать в большом зале. Наверное, они собрались там из-за бури.

– Госпожа! – воскликнул Виндль. – Есть ли у вас план?!

– Я могу создавать буресвет. – Отдуваясь, Лифт зачерпнула немного потрясности и заглянула в комнату напротив.

– Да. Уму непостижимо, но факт.

– А он не может. Сфер почти нет, никто ведь не ожидал бурю посреди Плача, так что...

– А... то есть, мы его измотаем!

– Его не одолеть. Похоже, у нас единственный вариант. Думаю, стоит прошмыгнуть вниз и набрать побольше еды.

Куда делась Коряга? В комнатах вроде не прячется, но ее мертвого тела тоже не видно.

Лифт нырнула обратно в коридор. На другом его конце, возле ступенек, показался Мрак. Он неторопливо шел к ней, зажав осколочный клинок странной обратной хваткой – острием себе за спину.

Лифт приглушила потрясность и перестала сиять. Нужно заставить его растратить буресвет. Может, притвориться, что ее буресвет на исходе, чтобы он не берег свой?

– Жаль, что я должен это сделать, – сказал Мрак. – Раньше я бы приветствовал тебя как сестру.

– Нет, на самом деле тебе не жаль, – ответила Лифт. – Ты вообще знаешь, что такое сожаление?

Он остановился, по-прежнему сжимая перед собой сферу. Похоже, он и правда задумался над вопросом.

Ну, пора двигать. Иногда, чтобы тебя не загнали в угол, нужно броситься на парня, который размахивает осколочным клинком. Когда она рванула вперед, он принял боевую стойку и сделал шаг для замаха.

Лифт покрыла себя потрясностью и, увернувшись от клинка, проскользила слева от Мрака. Но не слишком ли легко? Мрак проводил ее пронизательным взглядом. Совершенно ясно, пропустил он ее нарочно.

Резко развернувшись, он снова быстро зашагал к ней, перегородив путь к лестнице на нижний этаж. Она оказалась у ступеней наверх. Похоже, он хотел, чтобы она пошла именно туда, поэтому Лифт повернула обратно в коридор. К несчастью, здесь была только одна комната, прямо над кухней. Пинком распахнув дверь, Лифт заглянула внутрь: спальня Коряги, с комодом и постелью на полу. Самой Коряги не видно.

Мрак продолжал наступать.

– Ты права. Видимо, я избавился от последних остатков вины, которую чувствовал когда-то, следуя долгу. Я преисполнен чести, я изменился. Понадобилось немало времени.

– Отлично. То есть теперь ты, типа... как бесчувственный спрен.

– Эй, – встрял Виндль. – Это оскорбительно.

– Нет, – произнес Мрак, неспособный услышать Виндля. – Я всего лишь человек. Усовершенствованный. – Он помахал сферой. – Людям нужен свет, дитя. Сами по себе мы во тьме, действуем наугад, идя на поводу у субъективного, изменчивого разума. Но свет безупречен и не меняется от ежедневных капризов. Вина за то, что точно следуешь кодексу, – бесполезное чувство.

– Значит, по-твоему, другие чувства полезны?

– Есть много полезных чувств.

– Которые ты вполне себе испытываешь, причем постоянно?

– Естественно... – Он замолк, будто снова задумался над ее словами, склонил голову набок.

Сделавшись скользкой, Лифт прыгнула вперед. Путь вниз Мрак перекрыл, но ей было необходимо любым способом проскочить мимо и вернуться на первый этаж. Набрать там какой-нибудь еды, заставить его гоняться за собой по приюту, пока его сила не иссякнет. Лифт выждала, когда он взмахнет мечом, и бросилась в сторону, покрыв потрясностью все тело, кроме одной ладони, чтобы управлять скольжением.

Мрак выронил сферу и, вспыхнув бурсеветом, ринулся вперед с неожиданной, невероятной скоростью. Он отбросил осколочный клинок, который тут же испарился, и выхватил из-за пояса нож. Когда Лифт пронеслась мимо, он ударил им, зацепив ее одежду.

Бури! Обычный порез потрясность бы исцелила. Если бы он попытался ее схватить, она была слишком скользкой и выкрутилась бы. Но его нож вонзился в деревянный пол, пригвоздив край сорочки, и заставил ее резко остановиться. Будучи скользкой, Лифт слегка подскочила и отъехала назад ко Мраку.

Пока она отчаянно пыталась освободиться, он отвел руку в сторону, вновь призывая клинок. Нож воткнулся глубоко, и Мрак держал его крепко. Бури, какой же он сильный! Лифт укусила его за руку, но безрезультатно. Покрыв тело потрясностью, она изо всех сил старалась вывернуться из сорочки.

Появился осколочный клинок, и Мрак занес его для удара. Лифт барахталась, ничего толком не видя из-за сорочки, которая наполовину сползла и запуталась вокруг головы. Однако она чувствовала, как опускается лезвие...

Раздался глухой удар, и Мрак охнул.

Лифт выглянула и увидела Корягу. Та стояла на ступеньках и сжимала длинный деревянный брус. Мрак помотал головой, пытаясь прийти в себя, но Коряга ударила его снова.

– Оставь моих детей в покое, чудовище, – проворчала она.

С ее одежды капало. Коряга выносила на крышу сферы, чтобы зарядить. Ну конечно, вот где она была. Она же об этом упоминала.

Коряга подняла деревянный брус над головой. Вздохнув, Мрак взмахнул клинком и разрезал ее оружие пополам. Вытащил нож из пола, освободив Лифт. Да!

А потом пнул ее, и из-за потрясности она совершенно неуправляемо заскользила по коридору.

– Нет! – Лифт перестала быть скользкой и, перекатившись, остановилась.

Перед глазами все плыло, но она увидела, как Мрак повернулся к Коряге, схватил ее за горло, а потом стянул со ступенек и швырнул на пол. Послышался хруст, и пожилая женщина обмякла, застыв без движения.

После этого он ее пронзил – не клинком, а ножом. Почему? Почему не прикончил?

Мрак повернулся к Лифт. В тених от брошенной сферы он выглядел еще бóльшим чудовищем, чем Неспящий, которого Лифт встретила в переулке.

– Еще жива, – сообщил он Лифт. – Но истекает кровью и без сознания. – Он пнул сферу. – Она слишком неопытная – не умеет подпитываться буресветом в таком состоянии. Тебя придется заколоть и подождать, пока ты не умрешь наверняка. Эта, скорее всего, умрет от потери крови. Уже умирает.

«Я могу ее исцелить», – в отчаянии подумала Лифт.

Он знал. И пытался поймать ее на приманку.

Некогда заставляя его тратить буресвет. Наставив осколочный клинок на Лифт, он действительно напоминал лишь темный силуэт. Мрак. Самый настоящий Мрак.

– Я не знаю, что делать, – проговорила Лифт.

– Произнесите слова, – отозвался Виндль сбоку.

– Я уже произнесла их в сердце.

Но какой от них толк?

Слишком немногие слушают кого-то, кроме себя. Какой будет толк, если она прислушается сейчас? Ей было слышно, только как гремит гром и дрожат от ударов молний камни.

Гром.

Новая буря.

«Я не могу его одолеть. Я должна его изменить».

Слушай.

Призвав всю оставшуюся потрясность, Лифт храбро пошла на Мрака. Тот шагнул вперед с ножом в одной руке и осколочным клинком в другой. Она оказалась совсем рядом с ним, и он снова помешал ей добраться до лестницы вниз. Он явно

ждал, что она либо выберет этот путь, либо остановится у неподвижного тела Коряги и попытается ее исцелить.

Лифт не оправдала его ожиданий. Проскользнув мимо тела женщины, она резко свернула и припустила вверх по лестнице, откуда немногим ранее спустилась Коряга.

Выругавшись, Мрак взмахнул клинком, но не попал и погнался следом. Лифт уже добралась до третьего этажа.

– Ты бросаешь ее умирать, – предостерег он на бегу.

Лифт заметила еще несколько ступеней наверх – на крышу, как она надеялась. Нужно, чтобы он пошел за ней...

Путь преградил люк в потолке, но она распахнула его и вынырнула будто посреди самой Преисподней.

Страшные порывы ветра перемежались ужасающими красными молниями. Беспощадное буйство жалящего дождя. «Крышей» оказалась обычная равнина над городом. Клетку со сферами Коряги Лифт не увидела. Дождь ослеплял, ветер сбивал с ног. Едва она вылезла из люка, пришлось припасть к земле и цепляться за камни. Виндль, поскуливая, вцепился в Лифт и вырастил ей опоры для рук.

Из отверстия в скале появился Мрак. Увидел Лифт и шагнул вперед, воздев осколочный клинок словно топор.

Замах.

Лифт закричала и, отпустив лозы, выставила руки над головой.

С протяжным тихим вздохом Виндль растаял в воздухе, превратившись в серебристую полоску металла.

Разящий меч Мрака встретился с ее собственным оружием. Не мечом – Лифт ни крема не знала о мечах. Ее оружие представляло из себя обыкновенный серебристый прут. Засияв в темноте, он отразил удар, но руки у Лифт задрожали.

«Ой», – раздался в голове голос Виндля.

Барабанил дождь. За спиной Мрака били алые молнии, оставляя в глазах Лифт стойкие послеобразы.

– Думаешь, можешь со мной тягаться, дитя? – прорычал Мрак, надавливая своим клинком на ее прут. – С тем, кто прожил бессмертную жизнь? С тем, кто убивал полубогов и пережил Опустошения? Я Вестник справедливости.

– Я буду слушать тех, кого не замечали! – выкрикнула Лифт.

– Что?

– Я слышала тебя, Мрак! Ты пытался предотвратить Опустошение. Оглянись! Давай, продолжай отрицать очевидное!

Воздух расколола молния, и в городе поднялся вой. Рубиновая вспышка над полями высветила сбившихся в кучу существ. Жалкая, печальная группа – изгнанные бедняги-паршунуны.

Красная молния будто на мгновение задержалась.

Их глаза светились.

– Нет, – произнес Нейл. От его слов буря на краткий миг словно попятилась. – Это... единичный случай. Паршунуны, которые... которые выжили со своими формами...

– Ты не справился. Оно уже здесь, – прокричала Лифт.

Нейл поднял голову. Грозовые тучи гневно рокотали, внутри непрерывно перекачивались красные всполохи.

В этот миг удивительным образом в нем будто что-то изменилось. Глупо было думать, что в такой круговерти – дождь, ветер, красные молнии – можно рассмотреть перемену в его глазах, но Лифт могла поклясться, что у нее получилось.

Он очнулся, словно избавившись от оцепенения. Меч выпал из пальцев и растаял туманом.

Нейл упал на колени.

– Бури! Йезриен... Ишар... Это правда. Я не справился. – Он склонил голову.

И разрыдался.

Тяжело дыша, продрогшая от жалящего дождя, Лифт опустила прут.

– Я проиграл много недель назад, – всхлипывал Нейл. – Я понял это еще тогда. О боже. Всемогущий, оно вернулось!

– Мне жаль, – проговорила Лифт.

Он посмотрел на нее. Его лицо заливал красный свет от непрерывных вспышек, слезы смешивались с дождем.

– Тебе и правда жаль. – Он прикрыл ладонями лицо. – Я не всегда был таким. Я становлюсь хуже, верно? Это правда.

– Не знаю, – ответила Лифт.

А потом интуитивно сделала то, во что никогда бы не поверила, – обняла Мрака.

Он прильнул к ней, это чудовище, это бесчувственное существо, бывшее некогда Вестником. Он прильнул к ней посреди бури и снова разрыдался. Затем с раскатом грома отпрянул и встал. Из-за резкого порыва ветра поскользнулся на камне. Засиял и, метнувшись в небо, растворился в темноте. Лифт заставила себя подняться и бросилась лечить раны Коряги.

20

– Короче, мечом тебе быть не обязательно, – рассуждала Лифт, сидя на комодке Коряги, потому что нормального стола у той не нашлось.

– Меч – традиционный выбор, – возразил Виндль.

– Но тебе не обязательно быть мечом.

– Конечно нет. – В его голосе послышалась обида. – Я должен быть из металла. Есть... связь между нашими способностями, когда мы в уплотненном состоянии, и металлом. С другой стороны, я слышал рассказы о спренах, которые превращались в луки. Понятия не имею, как им удавалось создать тетиву. Возможно, Сияющие носили ее с собой.

Лифт кивнула, хотя на самом деле почти не слушала. Кому вообще есть дело до луков, мечей и прочей ерунды? Здесь таились гораздо более интересные возможности.

– Интересно, какой бы из меня вышел меч... – проговорил Виндль.

– Вчера ты весь день напролет ныл, что я кого-нибудь тобой ударю!

– Естественно, я не хочу быть мечом, которым размахивают по любому поводу. Однако в осколочном клинке есть некое величие, которое хочется продемонстрировать. Надо полагать, из меня вышел бы отличный меч. Меч, исполненный достоинства.

Внизу постучали в дверь, и Лифт наострила уши: Коряга с кем-то разговаривала. К сожалению, на письмоводительницу не похоже, слишком мягкий голос. Дверь закрылась, и Коряга, поднявшись по ступенькам, внесла в комнату большую тарелку с блинчиками.

У Лифт заурчало в животе, и она поднялась на комоде.

– Так, эти блинчики для тебя?

Коряга, как всегда сморщенная, подбоченилась.

– Есть какая-то разница?

– Разница огромная. Ведь это не для детей, ты собиралась съесть их сама?

– Десяток блинчиков?

– Именно.

– Ну конечно. – Коряга закатила глаза. – Сделаем вид, будто я собиралась все съесть сама.

Она поставила блинчики рядом с Лифт, и та тут же начала уплетать их за обе щеки.

Скрестив костлявые руки на груди, Коряга бросила взгляд через плечо.

– Кто там приходил? – спросила Лифт.

– Мать. Сгорая от стыда, требовала вернуть ей ребенка.

– Кроме шуток? – спросила Лифт между укусами. – За Миком и правда вернулась мама?

– Она явно знала, что сын притворяется больным. Это было частью обмана, чтобы... – Коряга замолкла.

«Ха», – подумала Лифт. Мать не могла знать, что Мик исцелился – это случилось только вчера, а в городе после бури царил бардак. К счастью, все не так плохо, как могло быть. Откуда бы ни дула буря, в Йеддо это не важно.

Впрочем, ей страсть как хотелось узнать, что творится в остальной части империи. Похоже, все снова катилось неведомо куда, только на этот раз в другую сторону.

И все же приятно услышать добрую новость.

«Мама Мика и правда вернулась. Значит, иногда случается и такое».

Коряга теребила свою шикву с разрезом от ножа Мрака. Даже после стирки на ткани оставались следы крови.

– Ты точно уверена, что я исцеляла детей?

– Ага, – ответила Лифт с набитым ртом. – Вокруг тебя должна ошиваться странноватая мелкая ерундовина. Не я. Нечто еще более странное. Вроде лозы.

– Спрен, – кивнула Карга. – Но не в виде лозы. Похож на пятно света, отраженное зеркалом на стену...

Лифт взглянула на Виндля, свернувшегося рядом на стене. Тот кивнул лицом из лоз.

– Пожалуй, то что нужно. Поздравляю, Коряга. Голод побери, теперь ты Сияющий рыцарь. Ты подпитывалась сферами и лечила детей. Наверно, это слегка уравнивает твоё отношение к ним, как к грязному белью.

Коряга окинула взглядом Лифт. Та продолжала жевать блинчики.

– Я думала, Сияющие Рыцари более величественные.

Лифт скорчила гримасу, отвела руку в сторону и призвала Виндля в форме большой сверкающей серебряной вилки. осколочной вилки, если угодно.

Воткнула вилку в блинчики, и та, прошив их насквозь вместе с тарелкой, продырявила комод. Поддеть блинчик все же удалось.

Лифт откусила большой кусок.

– Величественные, как яички самого Опустошения, – объявила она и ткнула Виндлем в Корягу. – Это я изысканно выражаюсь, чтобы моя вилка не жаловалась, что я грубиянка.

Похоже, на это у Коряги не нашлось слов. Она лишь уставилась на Лифт, отвесив челюсть. Из ступора ее вывел стук в дверь этажом ниже. Открыл один из помощников, но, услышав кто пришел, женщина поспешила спуститься.

Лифт отпустила Виндля. Руками есть гораздо легче, чем вилкой, пусть и очень славной. Виндль снова принял форму лозы и устроился на стене.

Немногим позже вошла Генна – толстуха-письмоводительница из Верховной Дизразличии. Судя по тому, как Коряга едва не стукалась лбом о пол, раскланиваясь перед женщиной, Лифт решила, что Генна гораздо важнее, чем она думала. Хотя волшебной вилки у нее наверняка нет.

– Как правило, я не часто посещаю подобные... места, – отметила письмоводительница. – Обычно люди приходят ко мне сами.

– Заметно, – ответила Лифт. – Ходите вы явно не много.

Письмоводительница лишь фыркнула, опустив сумку на кровать.

– Его императорское величество слегка рассердился на нас за то, что связь прервалась. Но отнесся к этому с пониманием, что не удивительно, учитывая недавние события.

– Как дела в империи? – спросила Лифт, жуя блинчик.

– Империя борется за выживание, но везде хаос. Больше всего досталось маленьким деревням. Однако, несмотря на то, что новая буря длилась дольше великой бури, ее ветра не столь суровы. Основной ущерб нанесли молнии, поразившие многих, кому не повезло оказаться в дороге.

Она распаковала свои принадлежности: доску, бумагу и даль-перо.

– Его императорское величество весьма доволен, что вы связались со мной. Он уже прислал сообщение, в котором интересуется вашим здоровьем.

– Передайте, что я еще и близко не наелась блинчиками, – сказала Лифт. – И еще у меня на пальце ноги выскочила непонятная бородавка – ее отрезаешь, а она снова отрастает. Наверно, потому что я лечусь потрясностью, а это ужасно неудобно.

Посмотрев на нее, письмоводительница вздохнула и прочитала присланное Гоксом сообщение. В нем говорилось, что империя выживет, но потребуются длительное восстановление, особенно если буря не раз вернется. Другой проблемой, возможно, еще более опасной были паршуны. Делиться государственными секретами посредством даль-пера он не хотел, в основном интересовался, все ли у нее в порядке.

В целом Лифт не жаловалась. Женщина записала то, что она продиктовала, – этого должно хватить, чтобы Гокс понял, что у нее все хорошо.

– А еще, – добавила Лифт, – я нашла другого Сияющего, правда, она совсем старая и похожа на недокормленного краба без панциря.

Она посмотрела на Корягу и, как бы извиняясь, пожала плечами. Очевидно же, или у нее нет зеркала?

– Но на самом деле она по-своему добрая и заботится о детях. Надо ее завербовать или типа того. Если придется сражаться с пустоносами, она может злобно пялиться на них. Они не выдержат и расскажут правду, как съели все печенки и обвинили в этом Хьюси, девочку, которая и говорить толком не умеет.

В любом случае Хьюси храпит. Так что заслужила.

Письмоводительница закатила глаза, но все записала. Кивнув, Лифт разделалась с последним блинчиком – плотным и рассыпчатым.

– Ну ладно, – объявила она, вставая. – Это девятый. Где последний? Я готова.

– Последний? – переспросила Карга.

– Десять разновидностей блинчиков. За этим я и явилась в этот забытый голодом город. Девять я уже попробовала. Где последний?

– Десятый посвящается Таши, – рассеянно произнесла письменоводительница, не отрываясь от пера. – Он скорее вымышленный, нежели настоящий. Мы выпекаем девять, а один оставляем в память о Нем.

– Погодите, так их всего девять? – удивилась Лифт.

– Ну да.

– Так вы все ввали?

– Я бы не стала так...

– Преисподняя! Виндль, куда делся тот неболом? Он должен это услышать. – Она ткнула пальцем в письменоводительницу, потом в Корягу. – Он отпустил тебя, несмотря на всю историю с отмыванием денег, только по моей просьбе. Но когда узнает, что ты соврала насчет блинчиков, не факт, что моих силенок хватит его сдерживать.

Обе уставились на нее с таким видом, будто были ни в чем не виноваты. Лифт покачала головой и спрыгнула со столика.

– Прошу прощения. Мне нужно отлучиться в Сияющую уборную. Проще говоря, я хочу...

– Вниз по лестнице и налево, – перебила Коряга. – Она все там же, где была с утра.

Лифт вприпрыжку спустилась по ступеням. Заглянув в большой зал, подмигнула одной из сироток и направилась к входной двери. Виндль не отставал. На улице Лифт полной грудью вдохнула воздух, все еще влажный после Бури бурь. На земле повсюду валялся мусор, сломанные вывески, ветки и обрывки тряпок.

Однако город выжил, и люди уже занялись уборкой. Всю жизнь они прожили в тени великих бурь. Они приспособились и смогут приспособиться снова.

Улыбнувшись, Лифт зашагала по улице.

– Значит, мы уходим? – спросил Виндль.

– Ага.

– Вот так, не прощаясь?

– Ага.

– Так всегда будет? Появляемся в городе и покидаем его, прежде чем пустить корни?

– Конечно. Хотя в этот раз, думаю, можно вернуться в Азимир, во дворец.

Виндль так поразился, что замер на месте. Потом метнулся за ней, довольный, как щенок рублигончей.

– Правда? О, госпожа! Правда?

– По-моему, никто не знает, чем занимается в жизни. Так что я нужна Гоксу и занудным визирям. – Она постучала пальцем по виску. – Я сама это поняла.

– И что же вы из этого понимания вынесли?

– Абсолютно ничего, – с полной уверенностью объявила Лифт.

«Но я буду слушать тех, кого не замечают, – подумала она. – Даже таких людей, как Мрак, о котором я бы лучше вообще никогда не слышала. Возможно, это поможет».

Попетляв по городу, они взошли по пандусу и миновали капитана стражи. Та была на дежурстве – разбиралась с еще большим наплывом беженцев. Многие лишились домов из-за бури и теперь стекались в город. Заметив Лифт, капитан от удивления чуть не выпрыгнула из собственных сапог.

Лифт улыбнулась и выудила из кармана блинчик. Из-за нее к этой женщине приходил Мрак. После такого чувствуешь себя должником. Поэтому она бросила женщине блинчик – уже более подходящий на мячик – и с помощью накопленного буресвета принялась залечивать раны беженцев.

Капитан стражи с блинчиком в руке молча наблюдала, как Лифт, двигаясь вдоль очереди, выдыхает на каждого буресвет, словно пытается доказать, что у нее не воняет изо рта.

Голод побери, тяжелая работенка. Но для этого и нужны блинчики – чтобы детям стало лучше. Закончив и потратив весь буресвет, Лифт устало махнула рукой и поплелась на равнину за городом.

– Очень великодушно с вашей стороны, – отметил Виндль.

Лифт пожала плечами. Особой разницы не видно – всего несколько человек. Но эти люди были из тех, кого почти все забыли и не замечали.

– Рыцарь получше остался бы и вылечил всех, – сказала Лифт.

– Сложная задача. Возможно, невыполнимая.

– И в то же время слишком легкая.

Лифт, сунув руки в карманы, некоторое время просто шагала по дороге. Она не могла толком объяснить, но точно знала, что надвигается нечто более значительное. И что ей нужно попасть в Азир.

Виндль прочистил горло. Лифт уже приготовилась услышать очередную жалобу, например, насчет того, как глупо было переться сюда из Азимира, чтобы спустя всего два дня отправиться обратно.

– ...вилка из меня вышла весьма достойная, что скажете? – спросил он.

Лифт взглянула на него, усмехнулась и склонила голову набок.

– Знаешь, Виндль, удивительно, но... я начинаю думать, что, может, ты вовсе и не пустоносец.

Послесловие

Лифт – один из моих самых любимых персонажей «Архива буресвета», хотя до сих пор она нечасто появлялась на страницах цикла. Я приберегаю ее для более значимой роли в будущих книгах, но это ставит передо мной некоторые сложности. К тому времени, как Лифт станет одним из главных персонажей, она уже произнесет несколько клятв, и неправильно, если читатель не узнает, как это произошло.

Во время работы над третьей книгой «Архива» я заметил небольшое несоответствие. Когда мы снова встречаем Вестника Нейла, он уже признал, что его многовековая работа (наблюдать за Сияющими и препятствовать их возвращению) больше не имеет смысла. Это значительная перемена в его самосознании и личных целях, поэтому мне казалось неправильным оставить эту перемену за кадром.

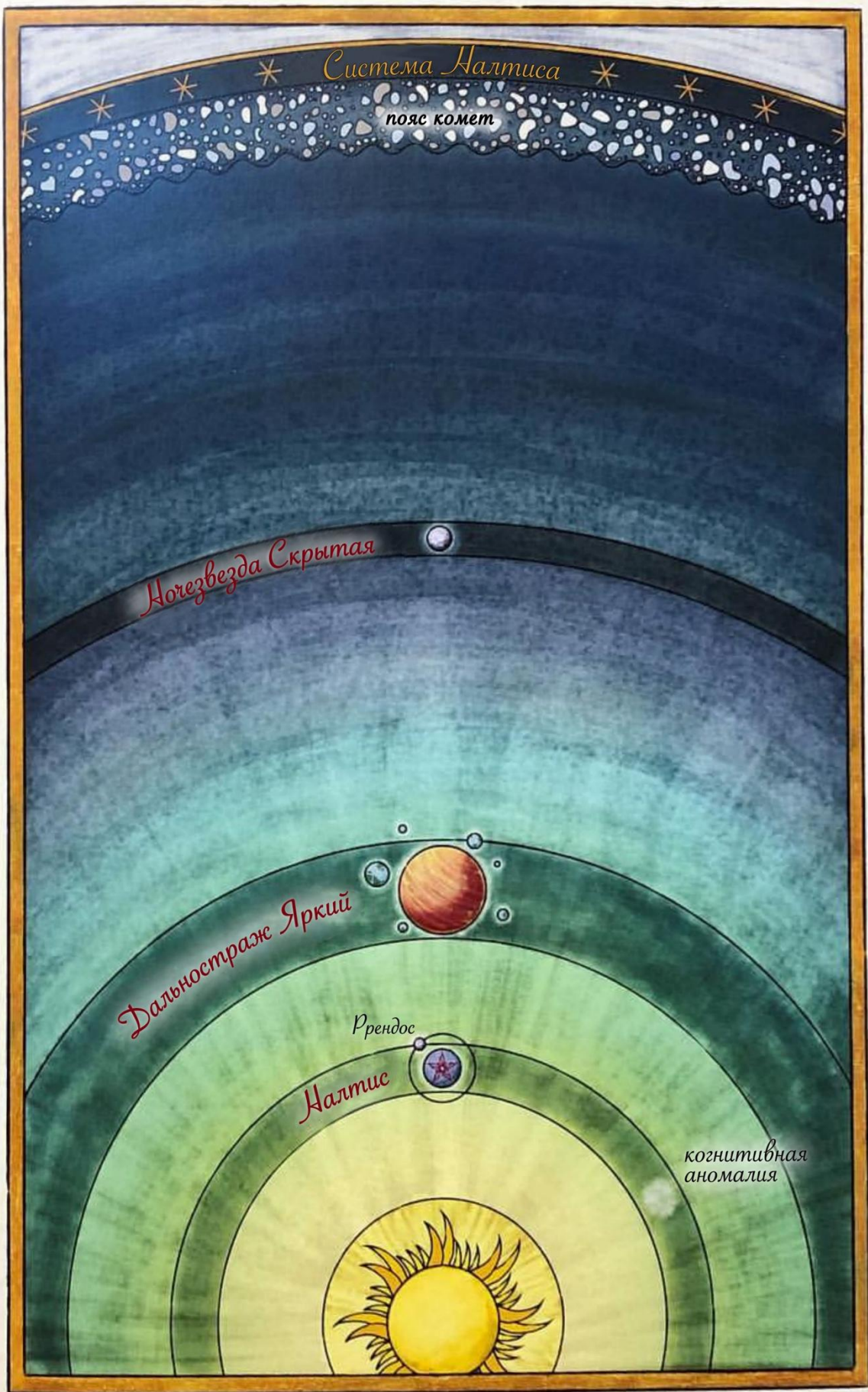
Повесть «Гранетанцор» позволила исправить сразу обе проблемы, а заодно дала покрасоваться Лифту.

Я люблю писать о Лифте отчасти потому, что ее взросление и важные моменты в развитии персонажа приходится выражать странными или глупыми фразами. Например, в интерлюдии в «Словах сияния» она утверждает (в шутку), что ей десять лет уже три года подряд. Это вызывает улыбку, пока не становится ясно, что она и правда думает, будто перестала взрослеть, когда ей исполнилось десять (и она имеет на то серьезные основания).

К большинству персонажей применять такие приемы я не могу.

Я также использовал эту историю как возможность показать ташишки, которые (не имея в своих рядах ни одного значимого персонажа), скорее всего, будут появляться в цикле нечасто.

Изначально эта повесть планировалась на восемнадцать тысяч слов, а в итоге составила примерно сорок тысяч. Ну, бывает (особенно, если вы Брендон Сандерсон).

Система Налтиса (бонус)

Иллюстрации и очерка по Налтису нет в оригинальном сборнике, но команда переводчиков решила добавить их в перевод, чтобы вы могли познакомиться со всеми звездными системами Космера (иллюстрацией делился Айзек Стюарт в своих соцсетях, информация о звездной системе взята из официальной сандерсонопедии).

Система Налтиса – место обитания осколка Дарование. Неизвестно, когда сюда прибыли люди, но они принесли с собой мифы о драконах.

На планете Налтис есть перпендикулярность, неподалеку от нее растут цветы Слезы Эдгли. Эдгли – имя сосуда Дарования.

Под влиянием Дарования каждый человек на Налтисе рождается с одним дыханием – источником силы для пробуждения и возвращения. Это инвестиция в газообразной форме, которую можно передавать другим.

Чем больше дыханий у человека, тем большие возможности перед ним открываются, в частности, способность к пробуждению предметов.

Некоторых умерших Дарование возвращает к жизни, награждая божественным дыханием, но чтобы оставаться в живых, возвращенным нужно поглощать одно обычное дыхание в неделю. Считается, что у каждого возвращенного есть некая божественная цель.

Дарование общается с возвращенными, показывая им видения будущего.

Технология пробуждения с Налтиса распространилась по всему Космеру.

Благодарности

Если бы я начал благодарить всех и каждого, кто помог с историями сборника, этот раздел получился бы как целая повесть! Так что лучше я сосредоточусь на тех, кто помог свести сборник воедино, а заодно и на команде, которая работала над «Гранетанцором», поскольку эта повесть публикуется впервые¹⁰.

Однако я все-таки не могу не выразить сердечную благодарность тем, кто на протяжении всех этих лет работал со мной над произведениями малой формы. На ранних этапах карьеры я бы никогда не посмел назвать себя писателем малой формы, но десять лет опыта берут свое. Результатом стали повести и рассказы этого сборника. (Впрочем, заметьте, я достаточно вольно использую понятие «малая». Большинство историй в сборнике длинноваты для малой формы.)

Все эти годы мне помогало множество замечательных людей. Большинство их имен вы встречали перед началом моих романов. За время своей карьеры я получил от них столько поощрений, отзывов и поддержки, что могу считаться исключительным везунчиком.

Говоря о «Тайнах Космера», стоит поблагодарить Айзека Стюарта (моего давнего напарника-художника) за прекрасные форзацы, звездные карты и большинство символов, которые вы найдете внутри книги. Бен Максуйни выполнил несколько иллюстраций, Дэйв Палумбо нарисовал обложку, Грег Коллинз поработал дизайнером.

Моше Федер, редактор всех моих эпических романов, поработал и над этим проектом. Хотя он и не был официальным редактором многих произведений малой формы, когда те публиковались впервые, у него есть обыкновение брать и бесплатно править все подобные работы, выходящие из-под моего пера. (Более того, он страшно злится, если я не посылаю их ему, и отказывается предъявлять счет, если я пытаюсь за них заплатить.) В общем, за долгие годы он выполнил уйму безвозмездной работы, помогая мне стать писателем малой прозы. За это он заслужил отдельной похвалы.

И как всегда, моими «домашними» усилиями по редактуре руководил Питер Смутьян Альстром. (Домашними в прямом смысле. Он работает у меня дома.) Питер отвечал за сбор всех комментариев от бета-ридеров, оставил свой собственный подробный отзыв и редакторские замечания, а затем подшлифовал все то, что я записал.

Корректором был Терри Мак-Гэрри. Мои благодарности сотрудникам Tor: Тому Догерти, Марко Пальмиери, Пэтти Гарсиа, Карлу Голду, Рафалу Гибеку и Роберту Дэвису.

Джошуа Билмес был литературным агентом в США, Джон Берлин – в Великобритании. Благодарю всех, кто был задействован в соответствующих агентствах.

Альфа- и гамма-ридеры повести «Гранетанцор»: Элис Арнесон, Бен Олдсен, Боб Клаттц, Брендон Коул, Брайан Т. Хилл, Дарси Коул, Дэвид Бехренс, Эрик Джеймс Стоун, Эрик Лэйк, Гэри Сингер, Йен Мак-Натт, Карен Альстром, Келлин

¹⁰ На английском повесть «Гранетанцор» впервые увидела свет именно в этом сборнике.

Ньюман, Кристина Куглер, Линдси Лютер, Марк Линдберг, Мэтт Винс, Меган Канн, Никки Рэмзи, Пейдж Вест, Росс Ньюберри и Трэй Купер.

Традиционно заканчиваю сердечной благодарностью своей семье: Джоэль, Дэллин, Оливер и Эмили, вы просто потрясающие!